СТИВЕН

КИНГ

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ
И ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ВИДЕНИЯ

СТИВЕН

КИНГ

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ И ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
NIGHTMARES AND DREAMSCAPES

Перевод с английского

Художник *В.И. Лебедева*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Ночные кошмары и фантастические видения : [сборник ; перевод с английского] / Стивен Кинг. — Москва Издательство АСТ, 2018. — 832 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-104472-5

Неверный поворот на дороге приводит супружескую пару в городок под названием Рок-н-ролльные Небеса — и внезапно поездка оборачивается сущим адом...

Бывший заключенный по кусочкам собирает карту местонахождения зарытого клада — но за сокровища ему придется заплатить слишком высокую цену...

Писатель меняется местами со своим персонажем — и оказывается заточен в прошлом...

Стивен Кинг возьмет вас в путешествие в свой мир — мир, где ночные кошмары становятся реальностью и так легко утратить спокойный сон...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King, 1993

ISBN 978-5-17-104472-5 **© Издание на русском языке AST Publishers, 2018**

Посвящается Томасу Уильямсу (1926–1991) — поэту, романисту и великому американскому рассказчику

ПРЕДИСЛОВИЕ
Мифы, убеждения, вера и «Хотите — верьте, хотите — нет!»

Ребенком я верил всему, что мне говорили, всему, что я читал, и всему, чем делилось со мной мое сверхбогатое воображение. В результате я часто не спал по ночам, зато мой мир полнился цветами и фактурой, которые я бы не променял на целую жизнь безмятежных ночей. Видите ли, даже тогда я знал, что в мире есть люди — и немало, — чье воображение или притупилось, или полностью омертвело, люди, страдающие душевным дальтонизмом. Я всегда их жалел и даже представить себе не мог (во всяком случае, тогда), что многие из этих лишенных воображения людей или жалели меня, или презирали, и не только из-за моих иррациональных страхов: главная причина состояла в том, что я полностью и бесповоротно верил практически всему. «Это мальчик, — думали некоторые из них (про свою мать знаю точно), — который купит Бруклинский мост, и не единожды, а будет покупать снова и снова, всю жизнь».

Полагаю, тогда в этом была толика правды, а если быть честным, есть и сейчас. Моя жена до сих пор любит рассказывать, как ее муж в нежном возрасте двадцати одного года, впервые получив право участвовать в президентских выборах, отдал свой голос за Ричарда Никсона. «Никсон сказал, что планирует вывести войска Вьетнама, — говорит она обычно с веселым блеском в глазах, — и *Стив ему поверил!*»

Совершенно верно, Стив ему поверил. И это далеко не все, во что поверил Стив за свою жизнь, иной раз прини-

© Перевод. Вебер В. А., 2015.

мавшую необычный оборот. Я точно последним в своем районе пришел к выводу, что все эти Санты на уличных перекрестках свидетельствуют о том, что *настоящего* Санты не существует (я по-прежнему не вижу логики в этой идее — с тем же успехом можно утверждать, что наличие миллиона учеников доказывает отсутствие учителя). Я никогда не ставил под сомнение слова дяди Орена, что тень можно оторвать от человека стальным колышком для палатки (если вбить его точно в полдень, минута в минуту), или убежденность его жены в том, что всякий раз, когда тебя пробирает дрожь, гусь проходит по твоей будущей могиле. В *моем* случае сие должно означать, что меня похоронят за амбаром тети Роуди в Гуз-Уэллоу, штат Вайоминг.

Я также верил во все, что мне говорили на школьном дворе, проглатывал и невинные шутки размером с мелкую рыбешку, и чудовищную ложь величиной с кита. Один парень сказал мне с абсолютной уверенностью, что поезд неминуемо потерпит крушение, если положить на рельс десятицентовик. Другой заверил, что положенный на рельс десятицентовик идеально расплющится (так и сказал — *идеально расплющится*) колесами прошедшего поезда, и ты получишь гибкую, почти прозрачную монету диаметром с серебряный доллар. Лично я верил, что обе версии соответствуют действительности: десятицентовики, оставленные на рельсах, идеально расплющиваются, отправляя под откос расплющившие их поезда.

Другие захватывающие факты, которые я почерпнул за годы, проведенные в Центральной школе Стратфорда, штат Коннектикут, и Начальной школе Дарема, штат Мэн, касались мячей для гольфа (с отравляющим и разъедающим веществом внутри), выкидышей (иногда при этом на свет появлялись живые дети, деформированные монстры, и их приходилось убивать сотрудникам больниц, зловеще именуемым *медсестрами особого назначения*), черных кошек (если одна пересекала тебе дорогу, следовало как можно быстрее плюнуть через левое плечо, или до конца дня тебя ждала практически неминуемая смерть) и трещин на тротуаре. Вероятно, мне нет нужды объяснять потенциально

опасную связь между этими трещинами и позвоночниками ни в чем не повинных матерей.

В те дни моим главным источником удивительных и захватывающих фактов служили книжки в обложке «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!»* издательства «Покет букс». Именно из «Рипли» я узнал, что можно изготовить мощное взрывное устройство, если соскрести целлулоид с рубашек игральных карт, а потом набить им кусок трубы; что можно просверлить круглую дыру в черепе и вставить в нее свечу, превратив себя в живой фонарь (только много лет спустя я задался вопросом, а с какой стати у кого-то возникло такое желание); что существуют настоящие гиганты (рост одного мужчины превышал восемь футов), настоящие эльфы (одной женщины — не достигал и одиннадцати дюймов) и настоящие МОНСТРЫ, СЛИШКОМ УЖАСНЫЕ, ЧТОБЫ ИХ ОПИСАТЬ... хотя «Рипли» описывал, во всех подробностях и обычно с картинкой (даже если доживу до ста лет, не забуду парня со свечой, торчащей из выбритого черепа).

Эти книги открывали (по крайней мере, мне) самые удивительные миры, которые я мог носить в заднем кармане джинсов и которыми наслаждался в дождливые выходные, когда не показывали бейсбол, а играть в «Монополию» надоедало. Были ли все знаменитые диковинки и человеческие монстры из «Рипли» настоящими? В таком контексте вопрос кажется неуместным. Для *меня* они были настоящими, и вполне возможно, что в промежуток между шестью и одиннадцатью, в критические годы, когда формируется воображение человека, они были для меня супернастоящими. Я верил этим книжкам так же, как верил, что можно отправить поезд под откос, положив на рельс десятицентовик, или что несколько капель жидкости из мяча для гольфа «сожрут»

* «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!» — целая индустрия ознакомления общественности с удивительными, зачастую вымышленными фактами, придуманная американским карикатуристом и шоуменом Лероем Робертом Рипли (1890–1949) и включавшая газетные сериалы, радио- и телепередачи, выставки, книги, журналы, комиксы и т.д. — *Здесь и далее примеч. пер.*

кисть в мгновение ока, если проявишь неосторожность. Именно благодаря книжкам «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!» я впервые увидел, как тонка грань между потрясающим и обыденным, начал понимать, что их близость не только разъясняет привычные аспекты жизни, но и проливает свет на случайные невероятные отклонения. Не забывайте, сейчас говорим о *вере*, а вера — колыбель мифа. А как же реальность, спросите Вы? Что ж, если говорить обо мне, то реальность может катиться куда подальше на вращающемся пончике. Я никогда не держался обеими руками за реальность. Во всяком случае, в моих произведениях. Слишком часто для воображения реальность — тот же ясеневый кол для вампира.

Я думаю, миф и воображение — взаимозаменяемые понятия, и вера — источник их обоих. Вера во что? По правде говоря, вряд ли это имеет особое значение. В одного бога или во многих. А может, в десятицентовик, способный отправить под откос товарный поезд.

Мои убеждения не имеют ничего общего с религиозной верой. Давайте сразу проясним ситуацию. Я был воспитан методистом и в достаточной степени придерживаюсь фундаменталистских представлений, которым меня учили в детстве, а потому назвал бы подобное заявление нелепостью, если не богохульством. Я верил во все странное, потому что в меня заложена вера во все странное. Другие люди участвуют в забегах, потому что в них заложено умение быстро бегать, или играют в баскетбол, потому что Бог даровал им рост в шесть футов и десять дюймов, или решают длинные уравнения на доске, потому что интуитивно знают, куда что подставить.

Однако вера в Бога как-то укладывается во все это, и я думаю, что она связана с необходимостью вновь и вновь возвращаться к одному и тому же, пусть даже в глубине души ты веришь, что никогда не сможешь сделать это лучше, чем уже сделал, а если будешь упорствовать, то просто покатишься вниз. Тебе нечего терять, когда ты первый раз бьешь по пиньяте. Но нанести второй (и третий... и четвертый... и тридцать шестой) удар — это риск неудачи, падения

и, в случае автора рассказов, работающего в достаточно узком жанре, самопародии. И тем не менее, мы продолжаем бить, по крайней мере, большинство из нас, и нам становится трудно. Я не поверил бы в это двадцать лет тому назад, даже десять, но теперь так оно есть. Становится трудно. Бывают дни, когда я думаю, что мой старый компьютер «Уонг» лет пять как перестал работать на электричестве, сразу после написания «Темной половины», и теперь его приводит в действие исключительно вера. Но это нормально. Главное, чтобы слова бежали по экрану, правда?

Идея каждого из рассказов этого сборника приходила ко мне в момент озарения, и писались они на волне веры, счастья и оптимизма. Эти позитивные чувства имеют свои темные аналоги, и страх неудачи — далеко не самый худший из них. Самый худший — во всяком случае, для меня — не дающая покоя мысль, что я, возможно, сказал уже все, что мог, и теперь слушаю нудное бормотание собственного голоса, потому что тишина будет слишком пугающей.

Прыжок веры, необходимый для того, чтобы сделать реальностью короткий рассказ, в последние несколько лет дается мне все труднее. Складывается ощущение, что все мои произведения хотят стать романами, а каждый роман — растянуться на четыре тысячи страниц. Достаточно много критиков упомянули об этом, обычно без особой радости. В рецензиях на каждый длинный роман, написанный мною, от «Противостояния» до «Нужных вещей», меня обвиняли в многословии. В некоторых случаях критика была обоснованной, в других — напоминала злобное тявканье мужчин и женщин, воспринявших литературную анорексию последних тридцати лет с непонятным (во всяком случае, мне) спокойствием. Эти самозваные священники Церкви последнего дня американской литературы относятся к словесной щедрости с подозрением, к богатой фактуре — с неприязнью, а к широким литературным мазкам — с откровенной ненавистью. В результате «Голос» Николсона Бейкера становится предметом восхищенных дискуссий и анализа, тогда как поистине грандиозный американский роман Грега Мэттьюза «Сердце страны» проходит незамеченным.

Однако все это как бы между прочим, не просто отклонение от темы, но еще и толика нытья: в конце концов, есть ли писатель, который считает, что к нему или к ней критики относятся с должным уважением? Вот о чем я начал говорить, прежде чем так грубо перебил себя: усилие веры, что превращает момент откровения в реальный предмет — то есть рассказ, который люди действительно захотят прочитать, — в последние несколько лет дается мне чуть труднее.

«Что ж, не пиши их, — скажет кто-нибудь (обычно это голос в моей голове, как у Джесси Берлингейм из «Игры Джералда»). — В конце концов, сейчас тебе не нужны деньги, в отличие от прошлых времен».

И это справедливо. Дни, когда чек, полученный за чудо из четырех тысяч слов, позволял купить пенициллин для лечения ушной инфекции кого-то из детей или оплатить аренду квартиры, давно в прошлом. Но такая логика не просто фальшива — она опасна. Видите ли, если на то пошло, мне не нужны и деньги, которые приносят романы. Если бы речь шла только о деньгах, я мог бы повесить форму на крючок и отправиться в душ... или проводить остаток дней на каком-нибудь карибском острове, нежась в солнечных лучах и проверяя, насколько длинными отрастут ногти.

Но дело как раз не в деньгах, что бы ни говорили глянцевые таблоиды, и не в огромных тиражах, во что, похоже, действительно верят самые заносчивые критики. Фундаментальные основы не меняются, и моя цель осталась прежней: добраться до *Вас*, постоянный читатель, задеть за живое и, если удастся, испугать так сильно, что Вы не сможете спать с выключенным светом. Моя цель в том, чтобы увидеть невозможное... и рассказать об этом. Заставить Вас поверить во все, во что верю я, хотя бы на короткое время.

Я редко об этом говорю, потому что смущаюсь, и это звучит напыщенно, но я считаю, что истории очень важны. Они не только обогащают жизнь, но иногда и спасают ее. В прямом смысле. Хорошо написанное произведение — хорошая *история* — это боек воображения, а предназначение воображения, как я считаю, — предлагать нам утешение и защиту в жизненных ситуациях, которые в противном

случае оказываются невыносимыми. Я, разумеется, могу говорить только о собственном жизненном опыте, но воображение, в детстве так часто не дававшее мне заснуть и пугавшее меня, в зрелом возрасте помогло одержать победу в столкновениях с жуткой реальностью. Если истории, созданные этим воображением, в той же степени помогли людям, которые их прочитали, тогда я абсолютно счастлив и всем доволен — а насколько мне известно, сделки по продаже прав на экранизацию или многомиллионные книжные контракты не приносят таких чувств.

Но все же рассказ — сложная, смелая литературная форма, и вот почему я так рад — и так удивлен, — обнаружив, что у меня их достаточно для третьего сборника. И собрались они вместе в подходящее время, потому что ребенком я, среди прочего, свято верил (несомненно, я почерпнул этот факт в одной из книг «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!»), что за семь лет человек обновляется полностью: на каждом участке кожи, в каждом органе, каждой мышце все клетки заменяются новыми. Я подготовил сборник «Ночные кошмары и фантастические видения» летом 1992 года, через семь лет после публикации «Ночной смены», моего последнего сборника рассказов, а «Команда скелетов», мой первый сборник рассказов, увидел свет за семь лет до «Ночной смены». И это прекрасно — осознавать, что такое по-прежнему возможно, пусть все труднее совершать прыжки веры и воплощать идеи в реальность (прыгательные мышцы тоже стареют с каждым днем, знаете ли). И не менее прекрасно знать, что кто-то хочет прочитать эти рассказы, и это Вы, постоянный читатель, уточняю на всякий случай.

Самый старый из этих рассказов (моих версий смертельно опасной жидкости в мячах для гольфа и абортивных монстров, если хотите) — «Центр притяжения», впервые опубликованный в «Болотных корнях», литературном журнале Университета Мэна, хотя я существенно переработал его для этой книги, чтобы он смотрелся лучше, чем ему, похоже, того хотелось: последний взгляд на обреченный городок Касл-Рок. Самый свежий — «Перекурщики», написан за три лихорадочных дня летом 1992 года.

В сборнике есть настоящие диковинки: первый вариант моей единственной оригинальной, а не переделанной из рассказа или повести телепьесы; шерлокхолмская история, в которой доктор Ватсон берет расследование преступления на себя; история из мифов Ктулху, место действия которой — пригород Лондона, где жил Питер Страуб, когда я с ним познакомился; крутая криминальная история в стиле Ричарда Бахмана; чуть измененная версия рассказа «Мой милый пони», который впервые был выпущен ограниченным тиражом Музеем американского искусства Уитни с иллюстрациями Барбары Крюгер.

После долгих раздумий я также решил включить в сборник достаточно объемное нехудожественное произведение «Голову ниже!», о детях и бейсболе. Впервые оно появилось в «Нью-Йоркере», и мне, возможно, пришлось попотеть над ним сильнее, чем над любым другим, написанным за последние пятнадцать лет. Это не значит, что оно лучше всех, но я точно знаю, что работа над ним и публикация принесли мне огромное удовлетворение, и именно по этой причине оно в сборнике. Разумеется, среди историй о неведомом и сверхъестественном оно может показаться неуместным... но, с другой стороны, ему здесь самое место. У него та же фактура. Посмотрим, может, Вы со мной и согласитесь.

К чему я стремился сильнее всего, так это держаться подальше от историй «с бородой», историй, попахивающих нафталином, историй, давно пылящихся на полке. Где-то с 1980 года некоторые критики утверждают, что я могу опубликовать список сданного в прачечную белья и продать миллион экземпляров, но пусть это утверждение останется на совести тех, кто думает, что именно этим я и занимаюсь. Люди, которые читают мои произведения ради удовольствия, очевидно, думают иначе, и я подготовил этот сборник с мыслями о таких читателях, а не о критиках. В результате получилось некое подобие пещеры Аладдина, книга, которая завершает трилогию, куда уже вошли «Ночная смена» и «Команда скелетов». Все хорошие истории теперь объединены в сборники, все плохие сметены как можно глубже под ковер, где и останутся. Если суждено появиться еще одному

сборнику, он будет состоять из историй, не только еще не написанных, но пока даже не задуманных (в которые, если хотите, я еще *не поверил*), и появится он, подозреваю, уже в году, который начнется с цифры 2*.

А пока предлагаю Вам двадцать с небольшим рассказов (среди них, должен предупредить, есть очень и очень странные). И в каждом есть то, во что я какое-то время верил, и я знаю, некоторые вещи — палец, торчащий из раковины, жабы-людоеды, голодные зубы — могут напугать, но я думаю, все закончится хорошо, если мы пойдем вместе. Главное, повторяйте за мной, как катехизис:

Я верю, что десятицентовик может пустить под откос товарный поезд.

Я верю, что в канализационных тоннелях Нью-Йорка живут крокодилы, не говоря уже о крысах, больших, как шетлендские пони.

Я верю, что можно оторвать от человека тень, прибив ее стальным колышком для палатки.

Я верю, что существует настоящий Санта-Клаус, а все эти парни в красных шубах на Рождество — действительно его помощники.

Я верю, что нас окружает невидимый мир.

Я верю, что теннисные мячи наполнены ядовитым газом, и можно умереть, если вскрыть мяч и вдохнуть вышедший воздух.

И самое главное: я *верю* в привидения, я *верю* в привидения, я *верю* в привидения.

Повторили? Готовы? Вот моя рука. Мы отправляемся. Дорогу я знаю. Все, что от Вас требуется, — держаться крепко... и верить.

Бангор, штат Мэн
6 ноября 1992 г.

---

* Следующий сборник рассказов «Все предельно» опубликован в 2002 г.

ПРОСНУЛИСЬ? СПИТЕ?
ПО КАКУЮ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ
НА САМОМ ДЕЛЕ НАХОДЯТСЯ СНЫ?

«КАДИЛЛАК» ДОЛАНА

Месть лучше вкушать холодной.

Испанская пословица

Семь лет я ждал и следил за ним. Я наблюдал за ним, за Доланом. Я видел, как он расхаживает по шикарным ресторанам, одетый в пижонский смокинг, каждый раз — под руку с новой девицей и под бдительным присмотром пары громил-охранников. Я видел, как из пепельно-серых его волосы стали модными «серебристыми». Мои же только редели, пока и вовсе не сошли на нет. Я видел, как он покидает Лас-Вегас в своих регулярных паломничествах на Западное побережье. Я видел, как он возвращается в город. Пару раз я наблюдал с боковой дороги, как его седан «девиль» — тоже серебристый, под цвет его модных волос — со свистом пролетает по шоссе номер 71 в сторону Лос-Анджелеса. Я видел, как он выезжает из дома на Голливуд-Хиллс на том же сером «кадиллаке», возвращаясь в Лас-Вегас, — но такое случалось нечасто. Сам я школьный учитель. В плане свободы передвижений школьные учителя никогда не сравнятся с крутыми бандитами — таков непреложный закон экономики.

Он не знал, что за ним следят — я не давал ему ни малейшего повода заподозрить хоть что-нибудь. Я держался на расстоянии. Я был осторожен.

© Перевод. Покидаева Т. Ю., Аракелов А. В., 2000.

Он убил мою жену — или приказал, чтобы ее убили; итог один, как ни крути. Хотите подробности? От меня вы их не дождетесь точно. Если хотите, можете порыться в подшивках газет. Ее звали Элизабет. Она тоже была учительницей. Мы с ней работали в одной школе. В той самой школе, где я работаю до сих пор. Она учила первоклашек. Они ее обожали. И я, наверное, не ошибусь, если скажу, что многие из них помнят ее до сих пор, хотя теперь они уже подростки. Я любил ее и люблю до сих пор. Она была далеко не красавицей — но она была очень милой. Хотя и тихоня, она умела и любила смеяться. Она часто мне снится. Ее огромные карие глаза. Для меня никогда не было других женщин, кроме нее. Не было и не будет.

Он прокололся, Долан. Вот все, что вам надо знать. А Элизабет оказалась поблизости — не в том месте не в то время. Она все видела. Пошла в полицию, полиция отправила ее в ФБР, ее допросили, она сказала: «Да, я буду давать показания». Они обещали ее охранять, но то ли сглупили, то ли недооценили Долана. Может, и то, и другое вместе. Как бы там ни было, однажды вечером она села в машину, и заряд динамита, подключенный к замку зажигания, сделал меня вдовцом. *Он* сделал меня вдовцом — Долан.

Нет свидетелей — нет обвинения. Его отпустили.

Он вернулся в свой мир, а я — в свой. Апартаменты в пентхаузе в Вегасе — для него, типовой дом в районе массовой застройки — для меня. Вереница роскошных красоток в мехах и открытых вечерних платьях — для него, тишина и молчание — для меня. Для него — серые «кадиллаки» (за эти годы он успел поменять четыре машины). Для меня — неизменный «бьюик-ривьера», разваливающийся на ходу. Его волосы поседели, мои поредели и выпали.

Но я следил.

Я был осторожен — еще как осторожен! Предельно. Я знал, кто он и на что он способен. Я знал, что стоит ему заподозрить, что я могу представлять для него угрозу, он раздавит меня как козявку. Так что я был осторожен.

Три года назад, во время летнего отпуска, я последовал за ним (на приличном расстоянии) в Лос-Анджелес, куда он

ездил достаточно часто. Долан остановился в своем шикарном доме и, как обычно, закатывал вечеринку за вечеринкой (я наблюдал за его гостями из безопасной тени в конце квартала, стараясь не привлекать внимания полицейских патрулей). Сам я остановился в дешевом отеле, где слишком громко играло радио за стеной, а в окнах отражался неоновый свет из стрип-бара напротив. Почти каждую ночь в ту поездку мне снились огромные глаза Элизабет, мне снилось, что она жива и ничего этого не было... и когда я просыпался, мое лицо было мокрым от слез.

Я уже начал терять надежду.

Его хорошо охраняли. Весьма и весьма хорошо. Он вообще не выходил на улицу без двух вооруженных до зубов горилл, а его «кадиллак» был бронирован. На нем даже стояли такие большие радиальные шины, наполненные герметизирующим составом — наподобие тех, которые очень любят диктаторы в маленьких странах с большими проблемами.

Но потом, на обратном пути, я придумал, как все можно устроить. То есть решение мне подсказало одно событие, которое сильно меня напугало.

Я ехал за ним в Лас-Вегас, стараясь держаться как минимум в миле — а то и в двух-трех — позади него. Пока мы пересекали пустыню, двигаясь на восток, его серебристый кадиллак» далеко впереди виделся мне просто как солнечный блик на горизонте, и я вспоминал, как солнце играло волосах Элизабет.

Итак, я был далеко позади. Я не хотел рисковать. Середина недели — движение на шоссе очень редкое. А когда на трассе мало машин, следить за кем-то — занятие опасное. Это знают даже учителя начальных классов. Я проехал мимо оранжевого щита с надписью «ОБЪЕЗД ЧЕРЕЗ 5 МИЛЬ» и сбавил скорость. При объездах в пустыне скорость машин падает до черепашьего шага, и мне не хотелось упереться в бампер серого «кадиллака», когда водитель будет бережно катить его по какой-нибудь ухабистой грунтовке.

Следующий знак гласил: «ОБЪЕЗД ЧЕРЕЗ 3 МИЛИ», а ниже шла надпись: «ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ ВЗРЫВНЫЕ

РАБОТЫ. ПОЖАЛУЙСТА, ОТКЛЮЧИТЕ РАЦИИ И РАДИОТЕЛЕФОНЫ».

Я задумался о фильме, который видел давным-давно. В нем банда вооруженных грабителей заманила в пустыню инкассаторский броневик, выставив на дороге фальшивые знаки объезда. Как только водитель сворачивал на очередную пыльную дорогу (а в пустыне их тысячи — грунтовые проселки, утоптанные дорожки для перегона скота, старые правительственные трассы, ведущие в никуда), злоумышленники убирали знаки, обеспечивая изоляцию, а потом, когда броневик зарулил глубоко в пустыню, они осадили машину и держали осаду, пока охранники не сдались и не вышли наружу.

Они убили охранников.

Я точно помню.

Они убили охранников.

Я доехал до объезда и свернул в указанном направлении. Качество дороги подтвердило мои самые худшие опасения: ссохшаяся утрамбованная грязь в две полосы, испещренная выбоинами и колдобинами, так что мой «бьюик» трясло и швыряло из стороны в сторону. Мне давно надо было поставить новые амортизаторы, но такие расходы не всегда по карману простому школьному учителю, даже если он бездетный вдовец и у него нет никаких дорогостоящих увлечений, кроме одного — мечтать о мести.

Пока мой «бьюик» скакал по дороге, у меня возникла идея. Вместо того чтобы красться за долановским «кадиллаком», когда он в очередной раз направится в Лос-Анджелес из Вегаса или наоборот, я поеду вперед. Устрою фальшивый объезд, как в фильме — объезд, ведущий в пустыню к западу от Лас-Вегаса, окруженную горами. Потом сниму знаки, как грабители в кино...

Тут я вернулся к реальности. Передо мной был «кадиллак» Долана, *прямо у меня перед носом*, остановившийся на обочине пыльной дороги. При всех его самозатягивающихся шинах, одну из покрышек спустило. Нет, не просто спустило. Ее разорвало — полколеса снесло напрочь. Причиной скорее всего был острый клиновидный камень, торчавший

в застывшем грунте, как маленький противотанковый «еж». Один из охранников возился с домкратом, второй — настоящий громила со свинячьим рылом, залитым потом, — прикрывал Долана. Даже в пустыне они были настороже.

Сам Долан — худой, в расстегнутой на груди рубашке и темных брюках — стоял чуть в стороне. Его серебристые волосы развевались под легким сухим ветерком. Он просто стоял, наблюдал за своими гориллами и невозмутимо курил сигарету, как будто все это происходило не посреди пустыни, а где-нибудь в ресторане, танцзале или чьей-то гостиной.

Он равнодушно взглянул на мою машину — на миг наши взгляды встретились через мое лобовое стекло — и отвернулся. Он меня не узнал, хотя мы встречались раньше, семь лет назад (когда у меня еще были волосы на голове). Я сидел рядом с женой на предварительном слушании его дела.

Мой ужас возможного разоблачения вдруг сменился предельной яростью.

Я хотел высунуться в правое окно и крикнуть ему в лицо: *Как ты посмел меня не запомнить?! Как ты посмел сбросить меня со счетов?!* Но это было бы глупо. И *хорошо*, что он меня забыл, и *отлично*, что он обо мне не помнит. Лучше быть незаметной мышью и потихонечку грызть провода за обшивкой. Лучше быть пауком и плести паутину в сумраке под карнизом.

Парень, корпевший над колесом, махнул мне рукой, но Долан — не единственный, кто умеет не замечать. Я безразлично посмотрел на вспотевшего громилу, искренне желая ему сердечного приступа, или удара, или того и другого вместе. Я спокойно проехал мимо — но голова у меня еще долго кружилась. Горы на горизонте еще какое-то время двоились и даже троились у меня в глазах.

Ну почему у меня нет пистолета?! — в отчаянии думал я. *Будь у меня пистолет, я мог бы прикончить мерзавца прямо сейчас.*

Лишь через несколько миль мне удалось взять себя в руки и немного успокоиться. Даже будь у меня пистолет, моих талантов хватило бы только на то, чтобы быть убитым. Будь у меня пистолет, я бы остановился, когда громила с дом-

кратом махнул мне рукой, вышел бы из машины и начал рассыпать пули веером по пустому пространству. Может быть, я бы кого-нибудь и зацепил. Но потом меня грохнули бы с полпинка и похоронили в неглубокой могиле, а Долан продолжал бы разъезжать между Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом на своем сером «кадиллаке» и водить роскошных красоток в дорогие ночные клубы, пока шакалы разрывают мою могилу и дерутся за мои обглоданные кости под холодной луной пустыни. И никто бы уже не отомстил за Элизабет. Никто и никогда.

Люди, охраняющие Долана, обучены убивать. Я обучен учить третьеклассников.

Это не кино, напомнил я себе, выруливая обратно на шоссе мимо оранжевого щита: «КОНЕЦ РЕМОНТНЫХ РАБОТ. ШТАТ НЕВАДА БЛАГОДАРИТ ВАС И ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА». И если я когда-нибудь заиграюсь, и перепутаю реальность с кино, и решу, что лысеющий и страдающий миопией учитель третьего класса может стать Грязным Гарри — по-настоящему, а не только в собственных фантазиях, — в этом случае Элизабет тоже останется неотомщенной.

А *возможно* вообще такое, чтобы месть совершилась?

Да или нет?

Идея с фальшивым объездом была, безусловно, такой же бредовой и романтичной, как и мысль выпрыгнуть из «бьюика» и изрешетить эту троицу из пистолета. Это мне-то, человеку, который и из двустволки с шестнадцати лет не стрелял, не говоря уже о каком-то другом оружии!

Такое дело вообще невозможно провернуть без помощников — даже в том кино, каким бы глупеньким и романтичным оно ни было, действовал не один человек, а группа. Даже две группы. Грабителей в фильме было человек восемь-девять. Они разбились на две группы и связывались между собой по рации. Там даже был один парень, который летал над шоссе на небольшом самолете, чтобы убедиться, что броневик свернул туда, куда надо.

Дурацкий сюжет, согласен. Наверняка этот сценарий состряпал какой-нибудь расплодневший графоман-сценарист,

сидевший у своего бассейна с фужером «Пина-Колады» в руке и с набором заточенных карандашей и маленьким «колесом сюжетов»* Эдгара Уоллеса под рукой. Но даже такому парню для воплощения этой идеи понадобилась небольшая армия. А я был один.

Ничего не получится. Это была просто очередная бредовая мысль, проблеск призрачной надежды на месть, которых было немало за эти годы: напустить ядовитого газа в систему кондиционирования долановской машины, или заложить бомбу в его лос-анджелесском доме, или раздобыть по-настоящему убойное оружие — скажем, базуку, — и превратить этот проклятый серебристый «кадиллак», пролетающий по шоссе номер 71, в огненный шар.

Ладно, проехали.

Но мысль продолжала вертеться в голове.

Отсеки его, шептал внутренний голос. Голос Элизабет. *Отсеки его, как опытная овчарка по команде хозяина отсекает овцу от стада. Загони его в объезд, в пустоту и там убей. Убей их всех.*

Не пойдет. При всей моей ненависти к этому человеку, надо отдать ему должное. Если такой человек, как Долан, сумел протянуть достаточно долго, у него должен быть сильный инстинкт выживания. У него должен быть нюх на опасность, быть может, граничащий с паранойей. Он тут же раскусит уловку с объездом.

Но сегодня они же свернули в нормальный объезд, отозвался голос Элизабет. *Свернули без тени сомнения. Как ягненочек Мэри.*

Но я знал — не знаю откуда, но знал! — что когда речь идет об опасности, у людей этого типа, больше похожих на волков, развивается что-то вроде шестого чувства. Я мог бы украсть настоящие дорожные знаки с какого-нибудь склада; я мог бы даже расставить на дороге флуоресцентные оранжевые конусы и светящиеся указатели. При желании я мог

* «Колесо сюжетов» — должно быть, имеется в виду такая игрушка в виде коробочки, где можно поворачивать колесики с разными надписями и таким образом составлять рассказы по методу случайного выбора.

бы обставить все как положено... и все равно Долан почует на декорациях нервный пот с моих ладоней. Почует даже через свои бронированные окна. Закроет глаза и услышит имя Элизабет, которое всплывет из глубины змеиной норы, заменяющей ему мозг.

Голос, говоривший за Элизабет, умолк, и я решил, что сегодня он больше не будет меня беспокоить. Но потом, когда впереди уже показался Вегас — окутанный синеватой туманной дымкой, он как будто подрагивал в жарком мареве на краю пустыни, — он заговорил снова.

Если его не обманешь фальшивым объездом, прошептал он, *тогда обмани настоящим*.

Я резко направил «бьюик» к обочине и вдарил по тормозам обеими ногами. Потом я долго сидел и смотрел на свое отражение в зеркале заднего вида широко открытыми, перепуганными глазами.

А голос, говоривший за Элизабет, вдруг рассмеялся. Это был дикий, безумный смех, но через пару секунд я тоже расхохотался.

Другие учителя смеялись надо мной, когда я вступил в Клуб здоровья у нас на Девятой улице. Один из них даже спросил, что это на меня нашло — уж не надрал ли мне кто-нибудь задницу. Я смеялся вместе с ними. Пока ты смеешься вместе со всеми, тебя никто ни в чем не заподозрит. Да и почему бы мне было не посмеяться? Моя жена умерла уже почти семь лет назад. От нее давно ничего не осталось — лишь клок волос, пара костей и горстка праха в гробу. Так почему бы мне было и не посмеяться? Вот если бы я не смеялся, тогда бы люди задумались, все ли со мной в порядке.

Итак, я смеялся вместе со всеми — смеялся всю осень и зиму, даже когда мои мышцы ныли от непривычной нагрузки. Я смеялся, хотя изводил себя голодом: никаких вторых порций в плане добавки, никаких перекусов на ночь, никакого пива и предобеденного джина с тоником. Зато вдоволь мяса с кровью и зелень, зелень, зелень.

На Рождество я купил себе тренажер.

Нет, даже не так. *Элизабет* купила мне тренажер.

Я стал реже видеть Долана. Был слишком занят: тренировался, подтягивал пузо, прокачивал руки, ноги и грудь. Иногда мне казалось, что я больше не вынесу, что у меня все равно никогда не получится набрать необходимую форму, что я просто не выживу без добавок, кофейных пирожных и лишней ложечки сливок в кофе. В такие дни я садился в машину, ехал к одному из его любимых ресторанов или клубов, парковался неподалеку от входа и ждал его появления. Сейчас он появится: выйдет из своего туманно-серого «кадиллака» под руку с высокомерной холодной блондинкой или рыжей хохотушкой — а то и с двумя сразу. Сейчас он появится, человек, убивший мою Элизабет, весь из себя ухоженный и элегантный, в блейзере от Биджана, сверкающий золотым «Ролексом» в отблесках уличных фонарей. Когда я уставал или падал духом, я шел к Долану. Наверное, так человек, мучимый страшной жаждой, ищет оазис в пустыне. Я жадно пил его отравленную воду и оживал.

В феврале я начал бегать. Каждый день. И теперь другие учителя подтрунивали над моей лысиной, которая краснела и облезала, и снова краснела и облезала на утреннем солнце, независимо от того, сколько я на нее изводил солнцезащитного крема. Они смеялись, и я смеялся вместе с ними, хотя дважды чуть не терял сознание и провел немало кошмарных минут — обычно, в самом конце пробежек, — пытаясь унять боль в сведенных судорогой ногах.

В начале лета я подал заявление на работу в Департамент дорожного строительства штата Невада. В конторе по трудоустройству мне выдали какую-то бумагу, поставили штамп об испытательном найме и послали к начальнику участка Харви Блокеру. Это был крепкий высокий мужчина, дочерна опаленный невадским солнцем, в потертых джинсах, пыльных грубых ботинках и синей футболке с отрезанными рукавами и выразительной надписью «ЖИЗНЬ — ДЕРЬМО» на груди. Под его загорелой кожей перекатывались внушительные бугры мышц. Он посмотрел на мое направление, потом — на меня и заржал. В его кулаке бумажка с направлением казалась просто микроскопической.

— Ты, дружок, дурака, что ли, валяешь? Или просто больной? У нас тут пустыня. Жара и солнце. Это дерьмо не для бледной поганки с портфельчиком. Ты себя в зеркале видел? Кто ты по жизни вообще? Бухгалтер?

— Учитель, — ответил я. — Третьего класса.

— Ой, *милашка*, — опять заржал он. — Шел бы ты, парень, куда подальше, а?

У меня были карманные часы — еще от прадеда остались, того, который укладывал последние звенья трансконтинентальной железной дороги. Семейная легенда гласит, что он присутствовал при забивке последнего золотого костыля. Я извлек часы из кармана и покачал ими перед носом у Блокера.

— Видишь штучку? Шестьсот долларов стоит, если не все семьсот.

— Это что, взятка? — Блокер снова расхохотался. Любил он поржать от души. — Мужик, я слышал о людях, которые с дьяволом заключают, там, всякие сделки, но впервые встречаю придурка, который пытается всучить взятку, чтобы попасть в ад. — Теперь он смотрел на меня с искренним сочувствием. — Тебе кажется, будто ты *знаешь*, куда лезешь, но я тебе говорю: ни хрена ты не знаешь! Я сам лично видел, как в июне в районе Индиан-Спрингс термометр зашкаливал за сто семьдесят градусов*. Мужики и покруче тебя рыдали. А ты, брат, совсем не крут. Мне даже не надо к тебе под рубашку заглядывать, чтобы представить твою якобы мускулатуру, подкачанную в физкультурном зале. Ты не долго протянешь в Большой Пустоши.

— Дай мне хотя бы попробовать. Если ты скажешь, что я не тяну, я тут же уйду. А часы все равно возьми. Просто так, — сказал я.

— Все ты врешь, хрен конторский.

Я смотрел на него. Он тоже смотрел на меня.

Долго смотрел, внимательно.

— Нет, ты не врешь, — удивленно вырвалось у дорожника.

— Нет.

---

* По Фаренгейту. 76,7°С.

— Отдашь часы на хранение Тинкеру. — Он ткнул пальцем в направлении толстенного негра в рубашке, завязанной узлом на пузе. Он сидел неподалеку в кабине бульдозера и прислушивался к разговору, поглощая фруктовый пирог из «Макдоналдса».

— А ему можно доверять?

— Издеваешься?

— Тогда пусть часы будут пока у него. Пока ты меня не вышвырнешь, или я не вернусь в сентябре к себе в школу.

— А моя ставка?

Я указал на направление, смятое у него в кулаке.

— Подпиши эту бумажку.

— Нет, ты точно больной. — Я промолчал, думая о Долане и Элизабет. — Начнешь с самой дерьмовой работы, — предупредил Блокер. — Будешь идти пешочком за грузовиком и засыпать горячим асфальтом дыры и трещины в покрытии. Не потому, что мне так понравились твои часы... хотя часики ничего себе, да... просто так все начинают.

— Согласен.

— Пока до тебя не дойдет, приятель.

— До меня уже дошло.

Блокер скривился.

— Нет. Ты пока ни во что не въезжаешь. Но скоро ты все поймешь.

Он был прав.

Первые две недели растянулись в сплошной кошмар. Я почти ничего не помню: только взмахи лопатой и жар горячего асфальта, который я закидывал в ямки, тщательно утрамбовывал и топал дальше за грузовиком — до следующей выбоины. Пару раз мы работали на Стрип, и я слышал доносившийся из казино звон автоматов, извещавших о выпадавшем джекпоте. Я уверен, что частенько эти пронзительные колокольчики звенели только в моей несчастной голове. Я поднимал взгляд и видел Харви Блокера, который смотрел на меня с тем же странным сочувствием. Его лицо дрожало и искажалось в зыбком мареве, поднимавшемся от раскаленной дороги. Иногда я натыкался взглядом на Тин-

кера, который сидел под холщовым навесом, покрывавшим кабину его бульдозера, и тогда он вынимал из кармана прадедушкины часы и крутил их на цепочке, рассыпая веера солнечных зайчиков.

Почти все мои силы уходили на то, чтобы не хлопнуться в обморок. Держаться, несмотря ни на что. Я продержался весь июнь и первую половину июля, пока однажды — в обеденный перерыв — ко мне не подсел Блокер. Я как раз пытался есть сандвич, с трудом удерживая его в трясущейся руке. Иногда эта дрожь не унималась аж до десяти вечера. Все из-за жуткой жары. Либо дрожь, либо обморок. Но я думал о Долане и умудрялся держаться. Как — сам не знаю. Но у меня получалось.

— Ты все равно еще слабоват, парень, — начал Блокер.

— Да. Но как говорил мой старинный приятель, видел бы ты, с чего я начинал.

— Я все жду, когда ты лишишься чувств посреди дороги, и никак не дождусь. Но когда-нибудь ты сломаешься.

— Нет. Не дождетесь.

— Да, да и еще раз да! Если ты так и будешь ходить с лопатой за самосвалом, то точно сломаешься.

— Нет.

— Самое горячее время еще впереди, приятель. «Работенка на противне», так это у нас называется. Тинк придумал.

— Я буду в порядке.

Он что-то достал из кармана. Часы моего прадеда. Вложил мне в ладонь.

— Убери эту хрень. Мне они не нужны.

— А как же наш договор?

— Я его разрываю.

— Если ты меня уволишь, я подам в арбитражный суд. — Меня несло. — Ты подписал мое направление. Ты...

— Я тебя не увольняю, — сказал он, глядя в сторону. — Я перевожу тебя к Тинку. Будешь учиться работать на фронтальном погрузчике.

Я долго смотрел на него, не зная, что сказать. Сейчас мой школьный класс, уютный и прохладный, казался куском

из какой-то совсем другой жизни... Но я все равно не въезжал, о чем думает Блокер и что он имел в виду, когда сказал то, что сказал. Я так понял, что он оценил мою настойчивость и упорство и даже зауважал меня, но в его уважении был и оттенок презрения, и я понятия не имел, какие были тому причины. *А тебе что до этого?* — заговорил у меня в голове голос Элизабет. *Самое главное — это Долан. Помни про Долана.*

— А зачем тебе это? — выдавил я наконец.

Он повернулся ко мне, смущенный и взбешенный одновременно. Хотя бешенства было значительно больше.

— Да что с тобой, парень? За кого ты меня принимаешь?

— Я не...

— Думаешь, я собираюсь тебя ухайдакать ради каких-то гребаных часов?! Ты и вправду так думаешь?

— Извини.

— Да уж. «Извини». Вежливый ты сукин сын. Усраться можно, какой ты вежливый. — Я убрал часы в карман. — Тебе *никогда* не стать сильным, приятель. Есть деревья и люди, которые запросто переносят жару. Но есть, которые сохнут и умирают. *Ты* умираешь. И сам это знаешь, но в тень не уходишь. Почему? Зачем ты себя гробишь?

— Есть причины.

— Есть, верю. И спаси Господи всякого, кто попытается встать у тебя на пути.

Он встал и ушел.

Зато подошел, ухмыляясь, Тинкер.

— Как думаешь, с погрузчиком справишься?

— Думаю, справлюсь.

— Я тоже так думаю, — усмехнулся он. — Старине Блоку ты нравишься, он просто не знает, как это выразить.

— Да, я заметил.

Тинк рассмеялся.

— А ты крутой маленький живчик, а?

— Надеюсь.

Остаток лета я провел за рулем погрузчика, а когда вернулся осенью в школу — черный, почти как сам Тинк, — надо

мной перестали смеяться. Иногда на меня как-то странно поглядывали украдкой, но никто не смеялся.

Есть причины. Так я сказал Блокеру. И причины действительно были. Я угробил весь отпуск в аду не просто так. Нужно было набраться сил. Для дела. Чтобы вырыть могилу для человека, столь радикальные меры, наверное, излишни, но я имел в виду не человека.

Я собирался похоронить этот проклятый «кадиллак».

С апреля следующего года я подписался на почтовую рассылку Дорожной комиссии штата. Каждый месяц мне приходил бюллетень под названием «Дорожные знаки Невады». Большую часть информации я пропускал — планы по улучшению состояния трасс, данные о проданном или закупленном оборудовании, наблюдения за передвижением дюн и описания новых технологий предотвращения эрозии. То, что мне было нужно, помещалось обычно на двух последних страницах. Этот раздел — с незамысловатым названием «Календарь» — содержал расписание дорожных работ на ближайший месяц. Особенно меня интересовали даты и участки, обозначенные аббревиатурой РДП. Ремонт дорожного покрытия. По опыту в бригаде у Харви Блокера я знал, что при этих работах как раз и устраивают объезды. Часто, но не всегда. Далеко не всегда. Дорожная комиссия никогда не закроет участок трассы, если есть другой выход. Но рано или поздно эти три буквы станут эпитафией для Долана. Три буквы. Самые что ни есть обыкновенные буквы, но они часто мне снились: РДП.

Конечно, исполнить задуманное будет совсем не легко. И я даже не знаю, когда это будет. Не исключено, что ждать мне придется долго. Может быть, не один год. А за это время всякое может случиться. Например, кто-то другой разберется с Доланом раньше. Он был из породы злодеев, а у злодеев опасная жизнь. Для того чтобы все получилось, должны сойтись целых четыре вектора, слабо связанных между собой. Сочетание редкое, наподобие парада планет: очередная поездка Долана, мой отпуск, национальный праздник и три выходных подряд.

Может быть, через несколько лет. Может, вообще никогда. Но у меня было предчувствие — даже уверенность, — что когда-нибудь это *произойдет* и что, когда придет время, я буду готов. И в конце концов все сложилось одно к одному. Не тем летом, не осенью и даже не следующей весной. Но в июне этого года я открыл «Дорожные знаки Невады» и прочитал в «Календаре»:

1 июля — 22 июля (предварит.)
шоссе номер 71 км 440–472 (зап. напр.) РДП

Трясущимися руками я пролистал свой ежедневник и выяснил, что Четвертое июля в этом году приходится на понедельник.

Вот и сошлись три из четырех обязательных векторов, потому что при таких масштабных работах обязательно где-то поставят объезд.

Но Долан... Как быть с Доланом? С четвертым вектором?

На моей памяти он трижды ездил в Лос-Анджелес на Четвертое июля — в Лас-Вегасе в это время делать нечего. Три раза он ездил куда-то еще — в Нью-Йорк, в Майами, а один раз даже в Лондон. А еще один раз он просто остался в Вегасе.

Если он поедет...

Но как это выяснить?

Я долго искал ответ на этот вопрос, но в голове у меня постоянно вертелись две картины. Я представлял долановский «кадиллак», мчащийся на закате по шоссе номер 71 и тянущий за собой длинную тень. Вот он пролетает щиты с надписью «ОБЪЕЗД», последний из этих щитов уведомляет о необходимости отключить рации и радиотелефоны. Потом он едет мимо дорожных машин: бульдозеров, грейдеров, погрузчиков и катков, — брошенных на обочине. Брошенных не потому, что закончился рабочий день, а потому, что сейчас выходные. Целых *три дня* выходных.

Вторая картина была такой же, только без знаков объезда. Их не было, потому что я их убрал.

Ответ — как это нередко бывает — пришел внезапно. Как сейчас помню: в самый последний день учебного года. Я сидел на уроке и чуть ли не дремал, мысли витали далеко от школы и Долана, как вдруг одна мысль пронзила меня, как заноза, и заставила резко выпрямиться на стуле. Я даже разбил вазу, стоявшую на столе (в ней были красивые полевые цветы, которые собрали для меня ученики — подарок к окончанию учебного года). Кое-кто из моих третьеклашек, тоже уже засыпавших, выпрямился и уставился на меня. У меня было такое лицо, что один из мальчишек, Тимоти Урих, испугался и разревелся, так что пришлось его успокаивать.

Простыни, думал я, утешая Тимми. *Простыни и наволочки, мебель и столовое серебро, ковры и газоны — все должно быть в порядке. Он это любит.*

Естественно. Все должно быть в порядке. В этом — весь Долан. Любовь к порядку — такая же неотъемлемая часть его личности, как и пристрастие к серым «кадиллакам».

Я заулыбался, и Тимми — тоже. Но я улыбался не Тимми. Я улыбался Элизабет.

Последний семестр закончился 10 июня. Через двенадцать дней я улетел в Лос-Анджелес. Взял напрокат машину и поселился в том же дешевом мотеле, где останавливался и раньше. Три дня подряд я ездил в Голливуд-Хиллс следить за домом Долана. О круглосуточной слежке не могло быть и речи — меня бы заметили. Богачи нанимают специальных людей, чтобы те вычисляли слишком уж любопытных. Эти «праздные зеваки» частенько бывают опасны.

Как я, например.

Сначала все было тихо. Ставни на окнах не заперты на замки, двери не заколочены, трава на лужайке не переросла допустимый стандарт — Боже упаси! — вода в бассейне, вне всяких сомнений, чистая и хлорированная. Но при этом на всем лежал отпечаток неприкаянности и пустоты: занавеси опущены, машин во дворе не видно, в бассейне, который ежедневно чистил молодой длинноволосый парень, никто не плавал.

Я уже начал сомневаться в успехе «нашего безнадежного предприятия», но все-таки не уезжал. Я страстно желал и надеялся, что мне повезет и четвертый вектор появится.

И вот 29 июня — когда в перспективе уже замаячили новые годы длительного ожидания, слежки и летней работы в бригаде Харви Блокера (при условии, что он возьмет меня на работу), — к воротам долановского дома подкатила синяя машина с надписью «ОХРАННЫЕ СЛУЖБЫ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА» на борту. Из нее вылез мужчина в униформе, который открыл ворота и загнал машину во двор. Потом он закрыл ворота изнутри.

Ну хоть какая-то подвижка.

Я завел машину и заставил себя два часа кряду кататься по окрестным улицам. Потом я вернулся к дому Долана, только на этот раз остановился подальше — в начале квартала. А еще минут через пятнадцать к воротам подъехал голубой микроавтобус с надписью «ЧИСТКА И УБОРКА ОТ БОЛЬШОГО ДЖО». Сердце бешено колотилось у меня в груди. Я смотрел на фургон в зеркало заднего вида, крепко вцепившись в руль.

Из фургончика вышли четыре женщины: две белые, одна негритянка и одна мексиканка. Все были в белом, как официантки. Только это были, конечно же, не официантки, а просто уборщицы.

Охранник вышел на звонок и открыл ворота. Все пятеро потолклись на входе, перешучиваясь и смеясь. Охранник даже попытался ущипнуть одну из женщин, и она со смехом шлепнула его по руке.

Одна из уборщиц вернулась в машину и тоже загнала ее во двор. Остальные пошли дальше, увлеченно о чем-то болтая. Охранник запер ворота.

Пот заливал мне лицо — жирный и липкий пот. Сердце разрывалось на части.

В зеркало не было видно уже ничего. Я рискнул оглянуться: задние дверцы микроавтобуса были распахнуты настежь. Одна из женщин несла стопку простыней, другая — стопку полотенец, третья — пару пылесосов. Они подошли к дому, и охранник впустил их внутрь.

Я уехал, с трудом удерживая руль — так сильно меня колотило.

Они открывают дом. *Он* все-таки приезжает.

Долан уже давно не менял машину. К концу этого июня его серый седан «девиль» катался уже третий год. Я точно знал его габариты — даже обращался за информацией в «Дженерал моторс», написал, что я журналист и пишу статью. Они выслали мне руководство пользователя и спецификации по модели интересующего меня года. Даже вернули мой конверт с марками, который я приложил к письму. Большие компании держат марку, даже когда вылетают в трубу.

Потом я пришел к своему приятелю, преподавателю математики в старших классах, и показал ему эти размеры — ширину, длину и высоту «кадиллака». Я уже говорил, что начал заранее готовиться к осуществлению своих планов, и в подготовку входили не только физические упражнения.

Я представил ему проблему как чисто гипотетическую. Кажется, я сказал, что пытаюсь написать фантастический рассказ и хочу быть точным в фактах. Даже показал ему кое-какие наброски сюжета — меня самого потрясала собственная изобретательность.

Друг спросил, с какой скоростью будет передвигаться мой инопланетный разведывательный экипаж. Такого вопроса я не ожидал и удивленно спросил, неужели и это важно?

— Ну конечно! А как же! Если ты хочешь, чтобы твой транспортер влетел точно в ловушку, она должна быть определенных размеров. Ты мне задал конкретные размеры: семнадцать на пять футов.

Я открыл было рот, чтобы пояснить, что это не точная цифра, но он поднял руку.

— Это так, приблизительно, только приблизительно. Просто так легче вычислить траекторию.

— Какую траекторию?

— Траекторию падения, — пояснил он, и меня вдруг пробрал озноб. Человек, зацикленный на мести, может влю-

биться в такую фразу. Какой темный, зловещий звук... *Траектория падения.*

Я-то думал, что все будет проще: если вырыть могилу таких размеров, чтобы в ней поместился «кадиллак», то он там и поместится. Но теперь, в разговоре с приятелем, до меня начало доходить, что эта могила сначала должна сработать в качестве ловушки.

Форма ямы тоже имеет значение, сказал он мне. Тот окоп, который я представлял себе изначально, может и не сработать — вероятность тут пятьдесят на пятьдесят.

— Если эта твоя тарантайка не попадет точно в раствор траншеи, она просто скользнет по краю, накренится и остановится. А когда она остановится, инопланетяне выберутся наружу и перебьют всех твоих героев.

Тут хитрость в том, сказал он, чтобы расширить раствор и придать яме форму воронки.

И еще необходимо учесть скорость.

Если «кадиллак» будет идти слишком быстро, а яма окажется слишком короткой, то он просто перелетит через нее, заденет край днищем или колесами, может быть, перевернется, упав на крышу, но не упадет в яму полностью. С другой стороны, если машина поедет медленно, а яма будет опять же короткой, то автомобиль просто скатится вниз и уткнется носом в дно — вместо того чтобы встать на колеса, — а так не пойдет. Потому что нельзя зарыть в землю машину с бампером, возвышающимся на два фута над краем ямы. Это все равно что похоронить человека, оставив его ноги торчать из земли.

— Так с какой скоростью будет ехать этот твой... экипаж?

Я быстренько прикинул в уме. На шоссе водитель Долана держится где-то между шестьюдесятью и шестьюдесятью пятью. Там, где я думаю провернуть свое дело, скорость будет пониже. Я уберу знаки объезда, но спрятать всю дорожную технику я, конечно же, не смогу, как и убрать все щиты, предупреждающие о дорожных работах.

— Ну, где-то двадцать руллов.

— А в переводе на наши? — улыбнулся мой друг.

— Допустим, пятьдесят земных миль в час.

— Ага! — Он принялся за вычисления, скрипя фломастером, а я сидел рядом, и улыбался, и вновь и вновь повторял про себя эту чудесную фразу: *траектория падения*.

Закончил он быстро. Отложил фломастер и взглянул на меня:

— Знаешь, по-моему, тебе стоит изменить размеры этой твоей тарантайки.

— Это еще почему?

— Семнадцать на пять — для разведчика великовато. Это почти как «Линкольн Марк IV»! — засмеялся он.

Я засмеялся тоже. Так мы вместе и хохотали.

Я улетел обратно в Лас-Вегас в тот же день, когда увидел, как в дом к Долану входят женщины с простынями и полотенцами.

Когда я приехал домой, я первым делом бросился к телефону. Руки немного дрожали. Девять лет я ждал и следил. Как паук под карнизом, как мышь за обшивкой стены. Я никак себя не проявлял. Я старался не давать Долану ни малейшего повода заподозрить, что муж Элизабет все еще интересуется им. Тот пустой, безразличный взгляд, которым он одарил меня во время нашей случайной встречи на шоссе — как бы он меня ни взбесил, — все-таки это был результат моих стараний.

Но теперь мне пришлось рискнуть. Потому что я не мог находиться в двух разных местах одновременно, а чтобы на время убрать объезд, мне надо было знать точно, едет ли Долан, а если едет, то *когда*.

Я продумал план в самолете. Мне казалось, он должен сработать. Я сделаю *все*, чтобы он сработал.

Я позвонил в справочную службу Лос-Анджелеса и узнал номер «Чистки и уборки от Большого Джо». Потом позвонил туда.

— Здравствуйте, меня зовут Билл, я из «Ренниз кейтеринг». В субботу мы обслуживаем вечеринку в доме 1121 по Астер-драйв. Вы не могли бы послать кого-нибудь посмотреть... Там должна быть такая большая чаша для пунша на полочке над камином.

Меня попросили подождать, что я и сделал, хотя с каждой бесконечной секундой я все больше и больше утверждался в мысли, что мой собеседник почуял подвох и звонит сейчас в телефонную компанию по другой линии, пока я жду на этой.

Наконец — через целую вечность — он вернулся. Голос был расстроенный и слегка раздраженный, но это нормально. На это я и рассчитывал.

— В *субботу* вечером?

— Да, в субботу. У нас нет такой чаши, которую они хотят, мне придется весь город обзванивать... Мне показалось, что у него самого есть такая чаша, но хотелось бы удостовериться.

— А у меня тут записано, что мистер Долан приедет не раньше трех часов дня в *воскресенье*. Я с удовольствием вам помогу и пошлю кого-нибудь из девочек поискать эту вашу чашку, но вначале хотелось бы разобраться. Мистер Долан не тот человек, с которым можно хлебалом щелкать, прошу прощения...

— Не могу с вами не согласиться.

— И если он приезжает на день раньше, мне нужно послать туда больше людей. Причем немедленно.

— Подождите, я тоже сначала перепроверю. — Я зашуршал страницами хрестоматии для третьего класса «Открыты все пути». Так, чтобы это было слышно в трубке. — Вот черт! Ошибочка вышла. Вечеринка действительно в *воскресенье*. Прошу прощения. Бить будешь?

— Да ладно... Ты давай подожди пока на телефоне, а я сейчас звякну туда и скажу девочкам, пусть проверят, есть ли там это твое корыто...

— Да не надо тогда. Утром в воскресенье у нас уже будет такая чаша, вернется со свадьбы в Глендейле. Так что все путем.

— Ну ладно, как скажешь. — Спокойный голос. Неподозрительный. Голос человека, который положит трубку и сразу забудет, кто звонил и зачем.

Будем надеяться.

Я повесил трубку и еще долго сидел, тщательно продумывая план дальнейших действий. Чтобы приехать в Лос-Анджелес к трем, он должен выехать из Вегаса где-то в десять утра. К началу объезда он подъедет между одиннадцатью пятнадцатью и одиннадцатью тридцатью, когда движения на дороге практически не будет.

Время мечтаний и размышлений прошло. Теперь пора действовать.

Я составил список необходимого оборудования, сделал пару звонков и поехал выбирать подержанную машину, которая была бы мне по карману. Из пяти вариантов я остановился на разболтанном фордовском микроавтобусе, сошедшем с конвейера в год убийства Элизабет. Заплатил наличными. После этого у меня на счету осталось только двести пятьдесят семь долларов, но меня это мало заботило. По дороге домой я заехал в магазин инструментов и взял напрокат небольшой компрессор, оставив в залог кредитную карточку.

В пятницу, ближе к вечеру, я загрузил фургончик: кирки, лопаты, компрессор, тележка, ящик с инструментами, бинокль, отбойный молоток с набором пик для вскрытия асфальта, одолженный у Управления дорожного строительства (без его ведома), большой прямоугольный кусок холста песочного цвета, плюс длинный рулон простого холста — у него было особое предназначение — и двадцать одна распорка, каждая длиной пять футов. И как говорится, последний в списке, но не последний по значимости, большой промышленный степлер.

На самом краю пустыни я остановился у торгового центра, отвинтил номера у одной из машин на стоянке и навесил их на свой фургончик.

В семидесяти шести милях к западу от Лас-Вегаса я увидел первый оранжевый знак: «ВПЕРЕДИ ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ. ПРОЕЗД ОГРАНИЧЕН». Через милю показался знак, которого я ждал с... наверное, с момента смерти Элизабет, хотя тогда я этого еще не знал.

«6 МИЛЬ ДО ОБЪЕЗДА».

Сумерки постепенно сгустились. Так что когда я приехал на место, мне пришлось все осматривать уже в полутьме... Надо было мне это предусмотреть, но теперь уже ничего не сделаешь.

Объезд уводил направо между двумя возвышениями. Он представлял собой старую огражденную грунтовку, сглаженную и расширенную дорожниками для большей пропускной способности. Мигающая стрелка-указатель была запитана от батареи, запертой в стальном ящике.

Сразу за развилкой, в начале второго подъема, шоссе было перекрыто линией дорожных конусов, выставленных в два ряда. За ними (для особенно выдающихся индивидуумов, которые, во-первых, не заметили мигающую стрелку, а во-вторых, переехали конусы; наверняка есть и такие клинические идиоты) у дороги стоял громадный оранжевый щит: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ОБЪЕЗДОМ».

Однако *причина* объезда отсюда была не видна, что было мне на руку. Мне совсем не хотелось, чтобы у Долана возникли какие-то подозрения *прежде*, чем он попадет в ловушку.

Выскочив из машины, я начал быстро — не хотелось бы, чтобы меня тут застали, — собирать конусы, перекрывавшие путь. Потом перетащил вправо щит «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ» и провел фургончик в образовавшуюся брешь.

Вдалеке послышался шум подъезжающей машины.

Я схватил в охапку полосатые конусы и бросился расставлять их обратно. Две штуки скатились в кювет, пришлось за ними бежать. Я оступился на камне и плашмя грохнулся на асфальт, еле успев подставить руки. Правда, я тут же поднялся — весь в пыли, с кровоточащей ладонью. Машина приближалась. Скоро она покажется на гребне ближайшего к развилке холма, и что водитель разглядит в свете фар? Какой-то тип в «штатской» футболке и джинсах носится как оглашенный по дороге и расставляет дорожные конусы, а его фургончик стоит в том месте, где, по идее, не должен стоять ни один автомобиль, не принадлежащий Управлению дорожного строительства штата Невада. Я водрузил на место последний конус и метнулся к щиту. Дернул слишком сильно, он закачался и чуть не упал.

Фары приближающейся машины уже освещали гребень восточного подъема, и я вдруг решил, непонятно, с какого перепугу, что это полицейская машина.

Щит встал на прежнее место — если и не совсем на *прежнее*, то достаточно близко, по-моему. Я запрыгнул в свой «форд» и, не включая огней, проехал немного вперед, пока не спустился в следующую ложбинку.

Видел он меня? В темноте, с выключенными габаритами и фарами?

Вряд ли.

Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и попытался унять бешеное сердцебиение. Мне это удалось, только когда грохот запрыгавшей по ухабам машины затих вдали.

Пора приниматься за дело.

После спуска начинался длинный ровный участок. Двух третей дороги просто не существовало — на месте развороченного асфальта громоздились кучи земли и широкие длинные россыпи гравия.

Что будет, когда они это увидят? Остановятся и повернут обратно? Или поедут дальше, уверенные, что там должен быть какой-то проезд, поскольку знаков об объезде нигде не было.

Ладно, теперь уже поздно об этом думать.

Я выбрал место ярдах в двадцати от начала ровного участка — до разобранного участка дороги оставалось где-то с четверть мили. Поставил фургончик к обочине, вышел и открыл задние двери. Чтобы вытащить оборудование, пришлось использовать пару досок. Потом я немного передохнул, глядя на звезды.

— Ну ладно. За дело, Элизабет, — прошептал я в холодное небо пустыни.

Мне показалось, что затылка коснулась невидимая ледяная рука.

Компрессор ужасно гремел, про отбойный молоток я вообще молчу — но тут ничего не поделаешь, оставалось надеяться, что до полуночи я успею закончить первый этап

работы. Если же все затянется, я так и так окажусь в затруднительном положении, потому что запас бензина для компрессора у меня ограничен.

Конечно, мне не хотелось, чтобы кто-то услышал, как я тут вожусь, и задался вопросом, какой идиот долбит асфальт посреди ночи. Но лучше об этом не думать. Лучше думать о чем-то другом. О Долане. О сером седане «девиль».

О траектории падения.

Первым делом я разметил мелком размеры могилы, используя вычисления моего приятеля-математика и рулетку из набора инструментов. В результате на темном асфальте появился грубый белый прямоугольник шириной пять футов и длиной сорок два. Ближний конец расширялся, но в темноте это не походило на ту воронку, которую начертил мой друг. Скорее это напоминало раскрытую пасть на конце длинной голодной глотки. «Приятного аппетита», мысленно пожелал я ей, улыбаясь во тьме.

Я начертил еще двадцать поперечных линий, размечая полоски шириной по два фута, а потом провел длинную вертикальную черту точно посередине. Таким образом, у меня получилась решетка из сорока двух почти квадратов, два на два с половиной фута. Плюс еще один сегмент на конце, в форме лопаты. Всего, стало быть, сорок три.

Все. Закатав рукава, я запустил компрессор и приступил к первому квадрату.

Работа шла быстрее, чем я смел надеяться, но все-таки не так быстро, как мне бы хотелось — но так всегда и бывает, верно? Все пошло бы быстрее, если бы я мог воспользоваться специальным оборудованием, но всему свое время. Сначала нужно было снять покрытие, пробиться к открытому грунту. До полуночи я не закончил. И в три часа ночи — еще не закончил. А потом у меня сдох компрессор. Я это предусмотрел, и у меня был с собой шланг, чтобы перелить бензин из бака микроавтобуса. Я уже отвернул крышку бака, но резкий запах бензина меня отрезвил. Я закрутил крышку обратно, забрался в фургончик и улегся на пол в багажном отделении.

Все. На сегодня — все. Больше я не могу. Я работал в рукавицах, но все равно натер руки. Они покрылись огромными волдырями, причем некоторые уже прорвались и сочились жидкостью. Все тело словно продолжало вибрировать в ровном, ударном ритме отбойного молотка, руки гудели, как бешеные камертоны. Голова просто раскалывалась. Даже зубы болели. Спина вообще изводила меня: ее как будто набили битым стеклом.

Снято двадцать восемь квадратов.

Осталось четырнадцать.

И это только начало.

Нет, подумалось мне. *Невозможно. Неосуществимо.*

Опять это холодное прикосновение.

Да, дорогая. Да.

Звон в ушах немного утих; пару раз я даже услышал шум проезжавших машин... сначала он нарастал, а потом затихал вдали, когда автомобили сворачивали направо и направлялись в объезд зоны строительства.

Завтра суббота... нет, уже сегодня. Сегодня суббота. Долан едет в воскресенье. Времени нет.

Да, дорогая.

Взрыв разнес ее в клочья.

Мою любимую разнесло в клочья. Ее убили за то, что она рассказала полиции правду о том, что видела. За то, что она не испугалась, что она была смелой и принципиальной. Ее больше нет... а Долан живет, разъезжает на своем «кадиллаке», пьет виски двадцатилетней выдержки, сверкает золотым «Ролексом» на запястье.

Я постараюсь, подумал я и провалился в сон без сновидений, больше похожий на смерть.

Я проснулся в восемь утра. Солнце — уже невозможно жаркое — светило мне прямо в лицо. Я резко сел... и завопил от боли, судорожно схватившись за поясницу. Работать?! Выломать еще четырнадцать кусков асфальта?! Я даже *ходить* не могу.

Но я все же сумел подняться.

Встал и пошел.

Ковыляя, как древний старик к столику с домино, я дошел до кабины и выудил из бардачка обезболивающие таблетки. Я предвидел, что мне будет худо, и захватил с собой пузырек эмпирина.

А кто-то думал, что привел себя в форму? Наивный...

Смех, да и только.

Я принял четыре таблетки, запил водой, подождал пятнадцать минут и набросился на завтрак: сухофрукты и холодный пирог.

Компрессор и отбойный молоток дожидались меня на площадке. Похоже, желтая шкура компрессора уже раскалилась. По обе стороны от моего разреза громоздились аккуратные квадраты срезанного асфальта.

Мне совсем не хотелось вылезать туда на солнцепек и поднимать молоток. Но тут мне вспомнилось, что говорил Блокер: *Тебе* никогда *не стать сильным, приятель. Есть деревья и люди, которые запросто переносят жару. Но есть, которые сохнут и умирают. Ты умираешь. И сам это знаешь, но в тень не уходишь. Почему? Зачем ты себя гробишь?*

— Ее разорвало в клочья, — прохрипел я в ответ. — Я любил ее, а ее разорвало в клочья.

Как ободряющий лозунг это вряд ли бы превзошло «Вперед, Медведи!» или «Держитесь, Быки!», но на меня оно подействовало. Я перелил бензин из машинного бака, сполна насладившись его вонью и вкусом. Завтрак в желудке мне удалось удержать исключительно силой воли. Мелькнула кошмарная мысль, а что мне делать, если дорожники перед выходными слили солярку из баков своих машин, но постарался на ней не зацикливаться. Какой смысл беспокоиться о том, что от тебя не зависит. Все больше и больше я напоминал себе человека, который выпрыгнул из люка B-52* с зонтиком вместо парашюта.

Я отнес канистру к компрессору и заправил его под завязку. Чтобы взяться за ручку стартера, мне пришлось левой рукой загибать пальцы правой. Потянув, я содрал волдыри

* B-52 — военный бомбардировщик ВВС США.

на ладонях. Под кулаком показались тягучие капли густого гноя.

Я не смогу.

Ну пожалуйста, дорогой.

Я взялся за отбойник и приступил к работе.

Хуже всего был первый час, потом вибрация молотка в сочетании с таблетками притупила боль. Все как будто онемело: спина, руки, голова. К одиннадцати я закончил с последним блоком. Пришло время вспомнить уроки Тинкера по работе с дорожной техникой.

Постанывая и шатаясь, я вернулся к фургончику, влез в кабину и проехал полторы мили вперед — к тому месту, где велись работы. «Свою» машину я заметил сразу: большой колесный погрузчик «Кейс-Джордан» с захватным приспособлением сзади. 135000 долларов на колесах. У Блокера я водил «Катерпиллер», но разница, в общем, небольшая.

Будем надеяться.

Поднявшись в кабину погрузчика, я глянул на схему переключения скоростей на рукоятке рычага. Все так же, как на «Катерпиллере». Попробовал переключение — рычаг шел туго, должно быть, в коробку передач попал песок. Парень, который катался на этой малышке, не надел защитные колпаки от песка, а мастер его не проверил. Блокер проверил бы. И оштрафовал бы водилу на пять баксов, не делая скидку на длинные выходные.

Его глаза. В которых сдержанное уважение мешалось со сдержанным же презрением. Как бы он, интересно, отнесся к моим теперешним упражнениям?

Ладно. Сейчас не время размышлять о Харви Блокере. Сейчас надо думать об Элизабет. И о Долане.

На полу валялся кусок мешковины. Я поискал под ним ключ, но, разумеется, не нашел.

Но это я так уже — просто на всякий случай. Тинк научил меня, как заводить машину прямым соединением проводов. Он говорил: *Черт, да тут и ребенок справится. Вообще делать нечего. Сюда смотри. Да не туда... что ты уставился на замок?! Ключа-то нет, так на хрена тебе эта дырка?! Ниже смотри. Видишь, там провода свисают?*

Я посмотрел и увидел провода. Такие же точно, как мне показывал Тинкер: красный, голубой, желтый и зеленый. Я очистил от оплетки примерно по дюйму на каждом проводе, потом достал из заднего кармана медную скрутку.

Ладно, приятель, слушай и запоминай. В вопросы-ответы потом поиграем, ага? Закорачиваешь красный и зеленый. Легко запомнить: зеленый и красный, как елка рождественская, сечешь? Зажигание ты подготовил.

Я замкнул своей проволокой оголенные места нужных проводов. Пустынный ветер тоненько завывал, как будто кто-то дул в горлышко пустой бутылки. Пот стекал мне за шиворот — это было щекотно.

Теперь голубой и желтый. Их коротить не надо, просто соединяешь концы. И постарайся, пожалуйста, не схватиться за оголенные провода, если только не хочешь вскипеть, приятель. Желтый и голубой запускают стартер. Все, ты уже едешь. Когда накатаешься, просто расцепи красный и зеленый. Все равно что повернуть в замке ключ, которого у тебя нет.

Я свел желтый и голубой провода. Проскочила большая искра, я отпрянул и стукнулся головой о стальную пластину на стенке кабины. Потом я снова нагнулся и повторил попытку. Двигатель взревел, кашлянул, и погрузчик судорожно рванул вперед. Меня стукнуло о приборную доску, левой щекой я ударился о край руля. Идиот... забыл поставить передачу на нейтралку и чуть не потерял глаз. Тинк бы меня засмеял.

Переключив передачу, я попробовал еще раз. Мотор закрутился, но тут же заглох. Потом кашлянул, выпустил фонтан грязно-бурого дыма, тут же унесенный нестихающим ветром, и продолжал дергаться на холостых оборотах. Я упорно твердил себе, что машина просто в плохом состоянии — человек, который бросает свой агрегат в пустыне без защитных колпачков, способен забыть что угодно, — но с каждой минутой во мне крепла уверенность, что дорожники таки слили дизтопливо, как я и боялся.

Когда я уже сдался и начал искать какую-нибудь длинную палку, чтобы проверить уровень топлива в баке (*лучше*

знать, что тебе уготована гадость, чем пребывать в блаженном неведении), мотор наконец-то ожил.

Я отпустил провода — голубой уже дымился — и нажал на газ. Когда движок разошелся, я переключился на первую передачу, развернулся и поехал обратно, к длинному коричневому прямоугольнику, аккуратно выдолбленному в полотне полосы, ведущей на запад.

Остаток дня я провел в нескончаемом адском сиянии, в компании с ревущим двигателем и испепеляющим солнцем. Водитель «Кейс-Джордана» забыл надеть защитные колпачки, но тент с машины он забрал. Наверное, старые боги иногда хотят посмеяться. Без причины. Просто так. И чувство юмора у них какое-то нездоровое.

Я закончил переносить асфальтовые плиты в траншею только к двум часам дня — успехи в работе с захватными приспособлениями наблюдались довольно слабые. Особенно долго я провозился с лопатообразным участком в конце — пришлось резать каждый кусок пополам и перетаскивать руками. Захваты я не использовал — боялся сломать.

Когда все куски вырезанного покрытия были благополучно сложены в траншее, я отогнал погрузчик назад, к стоянке дорожной техники — горючее кончалось, нужно было дозаправиться. Остановившись возле своего «форда», я достал шланг... и застыл как истукан, упершись взглядом в канистру с водой. Я отложил шланг и забрался в фургончик. Полив водой лицо, грудь и шею, я завопил от восторга и удовольствия. Я знал, что если сейчас выпью хотя бы глоток, меня вывернет наизнанку, но удержаться не смог. Естественно, меня тут же вырвало — сил встать уже не было, я просто отвернулся от извергнутой лужи и отполз на карачках как можно дальше.

Потом я заснул и проснулся уже почти на закате. Где-то неподалеку выл волк — на молодой месяц, плывущий в пурпурном небе.

В догорающем свете дня участок, прорубленный в асфальте, действительно походил на могилу — могилу для

какого-нибудь великана из древних мифов. Может быть, для Голиафа.

Я не смогу, сказал я длинной дыре в асфальте.

Пожалуйста, прошептала в ответ Элизабет. *Пожалуйста... ради меня.*

Я проглотил еще четыре таблетки обезболивающего.

— Ради тебя.

Я подогнал «Кейс-Джордан» вплотную к бульдозеру и содрал крышки с обоих баков, поддев их ломиком. Водила из федеральной дорожной службы может позволить себе смыться на праздники, не позаботившись защитить машину от песка... но не запереть на ключ крышку бака?! Сейчас, когда дизель идет по 1.05 доллара?! Да никогда!

Я пустил топливо из бульдозера в погрузчик и принялся наблюдать за неспешным восходом луны, стараясь не думать вообще ни о чем. Потом я забрался обратно в кабину, вернулся к будущей ловушке и начал копать.

Работать на погрузчике при свете луны оказалось намного легче, чем управляться с отбойным молотком под палящим солнцем, но процесс все равно шел медленно, потому что мне было нужно, чтобы яма имела определенный уклон. Как следствие, мне приходилось часто сверяться с предусмотрительно захваченным плотницким уровнем, что означало, что я останавливал погрузчик, спускался в котлован, производил необходимые измерения, поднимался наверх и забирался обратно в машину. Собственно, невелика проблема, но ближе к полуночи все мое тело задеревенело и на каждое движение отзывалось резкой болью. Спина ужасно ныла; я уже начал бояться, что я там что-то себе повредил.

Но об этом — как и многом другом — я буду думать потом.

Если бы мне предстояло вырыть яму глубиной пять футов при размерах пять на сорок два, я бы и вправду загнулся. Это была бы задача *действительно* невыполнимая для одного человека, с погрузчиком там или без... С таким же успехом я мог бы планировать заслать Долана в космос или

обрушить на него Тадж-Махал. Общий объем вынутого грунта составил бы более тысячи кубических футов.

«Тебе нужно сделать воронку, чтобы поймать этих твоих нехороших инопланетян, — говорил мой друг-математик, — причем наклон ее стенок должен идти по траектории падения».

Он вытянул новый лист чертежной бумаги.

«То есть твоим межгалактическим повстанцам, или кто они там у тебя, надо будет извлечь лишь *половину* первоначально рассчитанного объема. Получается... — Он опять заскрипел фломастером, а потом радостно заявил: — Пятьсот двадцать пять кубических футов. Кот наплакал. Даже один человек управится».

Когда-то я тоже в это верил, но не предусмотрел жары... волдырей... едких выхлопов... постоянной боли в спине.

Остановиться на пару минут. Измерить угол склона.

Это не так уж и трудно, правда? Ты думал, что будет гораздо хуже. Ведь это все-таки подстилка дорожного полотна, а не твердые пласты пород...

По мере того как яма становилась глубже, погрузчик все медленнее продвигался вперед. Когда я работал с рукоятками управления, ладони у меня кровоточили. Выжать до упора рычаг спуска, пока ковш не ляжет на землю. Потянуть его на себя и выжать другой, чтобы выдвинуть мощный гидроцилиндр. Наблюдать за тем, как яркий, лоснящийся от масла металл выезжает из грязной оранжевой трубы, вонзая ковш в землю. Мигающая лампочка. Зубья ковша, скользящие в пластах грунта. Теперь поднять ковш... повернуть его — продолговатый силуэт на фоне звездного неба (стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в шее и на кошмарную боль в спине)... и вывалить все в траншею, засыпая уже лежащие там квадраты асфальта.

Ничего, дорогой, руки ты перевяжешь, когда все будет кончено. Когда с ним *будет кончено.*

— Ее разорвало в клочья! — хрипло выкрикнул я и метнул ковш обратно, чтобы зачерпнуть очередные двести фунтов земли и гравия из могилы Долана.

Как летит время, когда ты развлекаешься и веселишься!

* * *

Когда чернота на востоке окрасилась первыми бледными проблесками рассвета, я в очередной раз спустился вниз, чтобы сделать замеры наклона строительным уровнем. Яма уже заканчивалась; похоже, я все-таки сделаю, что задумал. Я встал на колени, и тут у меня в спине хрустнуло, как будто там что-то оборвалось.

Я испустил глухой утробный крик и повалился на ровный склон, хватая ртом воздух и сжимая руками поясницу — средоточие боли.

Мало-помалу боль отступила, и я поднялся на ноги.

Ну вот и все. Кончен бал, подумал я. *Попытка была неплохая, но это все.*

Пожалуйста, милый, ответил мне шепот Элизабет. Я бы в жизни не поверил, что этот голос у меня в голове может звучать так неприятно. Но теперь в нем действительно появился оттенок какой-то чудовищной непреклонности. *Не сдавайся, прошу тебя. Продолжай!*

Продолжать копать?! Я даже не знаю, смогу ли ходить!

Но осталось уже совсем мало! — буквально взвыл голос. Только это уже был не просто *голос* Элизабет, это была *она сама. — Совсем-совсем мало, милый!*

Я взглянул на выкопанную траншею и медленно кивнул. Она права. Погрузчик не дошел до конца футов пять, максимум — семь. Но это были *самые глубокие* пять — семь футов; самые тяжелые пять — семь футов.

Ты сможешь, дорогой. Я знаю, что сможешь.

Тонкая лесть.

На самом деле вовсе не ее голос заставил меня продолжать. Я представил себе Долана, спящего там у себя в пентхаузе, и себя, стоящего на дне ямы рядом с вонючим и тарахтящим погрузчиком, с ног до головы покрытого грязью, с разодранными в кровь руками. Я представил, как Долан лежит в постели, в шелковых пижамных штанах, рядом с одной из своих блондинок, на которой надета только пижамная куртка.

А внизу, в остекленной шикарной секции гаража, стоит «кадиллак», уже загруженный багажом и готовый к дороге.

— Ну хорошо, — сказал я, медленно вскарабкался в кабину погрузчика и нажал на газ.

Я продолжал копать до девяти утра, потом бросил это увлекательное занятие — мне еще многое надо было успеть, а время поджимало. Мое творение протянулось на сорок футов. Этого должно хватить.

Я отогнал погрузчик обратно — он мне еще понадобится, но придется опять переливать солярку, а на это сейчас нет времени. Еще мне нужно было принять болеутоляющее, но в пузырьке оставалось не так уж много таблеток, и я решил приберечь их на потом. Они мне сегодня еще понадобятся. Сегодня... и завтра. О да. Завтра. Понедельник — благословенное Четвертое июля.

Вместо того чтобы жрать таблетки, я устроил себе пятнадцатиминутный отдых. Нужно было больше, я знаю, но я заставил себя ограничиться четвертью часа. Вытянулся в кузове микроавтобуса — мои перенапрягшиеся мышцы судорожно подергивались, — закрыл глаза и стал думать о Долане.

Сейчас он, наверное, завершает последние приготовления, покупает последние мелочи — газеты в дорогу, туалетные принадлежности, может быть, книжку в обложке или колоду карт.

А если на этот раз он полетит самолетом? — прошептал подленький внутренний голос, и я не смог удержаться — у меня вырвался стон. Долан еще ни разу не летал в Лос-Анджелес, он всегда ездил на машине, на своем «кадиллаке». Я так думаю, он *не любил* самолеты, хотя иногда все же летал — вот в Лондон, например. Эта мысль никак не хотела уходить — она свербила в мозгу и чесалась и дергала, словно заживающая ранка.

В половине десятого я вытащил из фургончика рулон холста, большой мебельный степлер и распорки. Облака затянули небо, стало заметно прохладнее — Бог иногда посылает и благость ничтожным смертным. До этой минуты я и думать забыл о своей лысине — у меня хватало других боля-

чек, — но сейчас, прикоснувшись к ней, я тут же со стоном отдернул пальцы. Посмотревшись в наружное боковое зеркало, я увидел, что она стала красной — почти сливовой.

В Вегасе Долан сейчас делает последние звонки. Шофер подгоняет «кадиллак» к парадному подъезду. Нас разделяют всего лишь семьдесят пять миль, и уже очень скоро серый «кадиллак» начнет сокращать это расстояние со скоростью шестьдесят миль в час. У меня нет времени стоять тут и плакать над своей обожженной лысиной.

Я люблю твою обожженную лысину, сказала Элизабет.

— Спасибо, Бет, — отозвался я, подхватил распорки в охапку и потащил их к яме.

По сравнению с земляными работами то, что предстояло теперь, было сущей безделицей. Почти непереносимая разрывающая боль в спине теперь превратилась в непрестанную тупую пульсацию.

А что потом? — допытывал вкрадчивый голос. *Что с тобой будет потом?*

Об этом я подумаю потом, вот и все. Ловушка приобрела законченный вид, и сейчас это было главное.

Распорки перекрывали дыру с небольшим запасом, кого как раз хватало, чтобы закрепить края в асфальте, ружавшем яму. Ночью это была бы дьявольская работен, но сейчас разогретый асфальт был податлив и мягок, деревяшки входили в него, как карандаши в растаявшую ириску.

Когда я закрепил все распорки, ловушка обрела вид моей изначальной меловой разметки, исключая длинную линию посередине. Я подтащил к мелкому краю ямы рулон холста и снял крепившие его веревки.

Затем я развернул сорок два фута шоссе номер 71.

При близком рассмотрении иллюзия была вовсе не идеальной — так фальшиво и нарочито выглядят театральные декорации и грим актеров с первых трех рядов партера. Но с расстояния в несколько ярдов обнаружить подделку было уже невозможно. Это была темно-серая полоса, не отличав-

шаяся от настоящего покрытия. С левого края ее перерезал желтый пунктир дорожной разметки.

Я раскатал полосу холста по деревянному остову, потом медленно прошелся по всей длине имитации, прибивая холст степлером к распоркам. Руки отказывались работать, но я знал, как себя заставить.

Закрепив холст, я вернулся в фургончик, скользнул за руль (вызвав очередной очень болезненный спазм) и отъехал на гребень возвышения, отделявшего «мой» участок шоссе от развилки. Там я заглушил двигатель и почти минуту разглядывал свои лежащие на коленях, распухшие и окровавленные ладони. Потом я вылез и почти машинально взглянул назад. Я не хотел фокусироваться на какой-то отдельной детали — мне нужна была цельная картина, гештальт, если хотите. Ландшафт глазами Долана и его людей, каким они его увидят, спускаясь с возвышения. Мне хотелось понять, насколько обычной — или насколько необычной — покажется им эта картина.

То, что я там увидел, превзошло мои самые радужные ожидания.

Тяжелая дорожная техника в дальнем конце ровного участка объясняла кучи земли, появившиеся в результате моей работы. Куски вынутого асфальта были почти погребены под гравием и землей, кое-где они виднелись — ветер постарался, — но это выглядело как остатки прежнего ремонта. Привезенный мной компрессор вполне мог быть оборудованием Дорожного управления.

А иллюзия дороги, устроенная при помощи полосы холста, оказалась идеальной — отсюда шоссе номер 71 казалось совершенно нетронутым.

Движение было очень плотным в пятницу и относительно плотным — в субботу. Гул моторов, приближавшихся к объезду, почти не стихал. Однако утром в воскресенье движения практически не было; большинство людей уже добрались до мест, где собирались встречать День независимости, или ехали по федеральной автостраде, в сорока милях к югу отсюда. Мне это было лишь на руку.

Я припарковал «форд» чуть ниже горба дороги, где он был не виден с шоссе, и провалялся на животе до десяти сорока пяти. Потом — как раз после того, как большой молочный фургон медленно прогромыхал в объезд через развилку, — я поднялся, проехал вперед и закинул в кузов все дорожные конусы.

Мигающая стрелка была куда более серьезной проблемой — сначала я даже не понял, как ее отсоединить от питания, не перекусывая проводов, и только потом углядел разъем. Он был почти закрыт эбонитовым кольцом, привинченным к знаку сзади... Небольшая страховка от вандалов и шутников, решивших, что отключить этот знак на шоссе — выдумка очень забавная.

В ящике с инструментами я раскопал молоток и зубило. Четырех хороших ударов вполне хватило, чтобы расколоть кольцо. Вытащив остатки плоскогубцами, я отключил кабель. Стрелка перестала мигать и потухла. Блок питания я оттащил к траншее и закопал. Стоять рядом и слышать, как он жужжит, засыпанный песком, было довольно странно. Но подумав о Долане, я расхохотался.

Думаю, Долан жужжать не будет.

Кричать — да, вероятно. Но не *жужжать*.

Стрелка крепилась к невысокой подставке на четырех болтах. Я постарался открутить их побыстрее, постоянно прислушиваясь, не гудит ли следующая машина. Пора бы кому-то уже проехать. Но пока — не Долану. Долану еще рано.

Опять проснулся мой внутренний пессимист.

А что, если он полетел самолетом?

Он не любит летать.

А что, если он поехал другой дорогой? По федеральной автостраде, например. Сегодня все едут...

Он всегда ездит по 71-му.

Да, но что, если...

— Заткнись, — вскипел я. — Заткнись, мать твою!

Тише, тише, дорогой! Все будет в порядке.

Я зашвырнул стрелку в кузов «форда». Она врезалась в стенку изнутри, раздавив несколько лампочек. Еще больше ламп лопнуло, когда следом за ней полетела рама.

Покончив со стрелкой, я повел фургончик обратно в подъем. На вершине я ненадолго остановился, чтобы взглянуть назад. Убрав стрелку и конусы, я уничтожил все признаки, что дорога закрыта — кроме большого оранжевого щита: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ОБЪЕЗДОМ».

Машина приближалась. Мне вдруг подумалось, что если Долан решил выехать пораньше, то все, что я сделал, пойдет насмарку. Остолоп, сидящий за рулем, просто свернет в объезд, а я останусь сходить с ума в пустыне.

Это был «шевроле».

Сердце немного успокоилось, я судорожно выдохнул воздух. Хватит. Не надо себя накручивать.

Доехав до места, с которого я оценивал маскировку ямы, я остановил машину и достал домкрат из груды всякой всячины, валявшейся в кузове. С трудом превозмогая пронзительную боль в спине, я поднял заднюю часть микроавтобуса, открутил болты, крепившие колесо, снял его — они увидят, что кто-то сломался, когда

(*если*)

будут проезжать, — и закинул внутрь. Раздался звон битого стекла. Мои запоздалые опасения повредить камеру придется проверять позже. Запаски у меня не было.

Я вернулся к кабине, достал бинокль и направился к развилке. Прошел развилку, с трудом забрался на вершину следующего подъема, шаркая и спотыкаясь, как древний старик. Поднявшись туда, я направил бинокль на восток.

С этого места были видны примерно три мили дороги, плюс еще некоторые отрезки на две мили восточнее. На шоссе сейчас находилось шесть машин, растянутых, как бусины на длинной нитке. Первой, на расстоянии меньше мили, ехала какая-то иномарка, «датсун» или «субару». За ней шел пикап, за пикапом — что-то похожее на «мустанг». Остальные обозначались лишь блеском хрома и стекла под солнцем пустыни.

Когда приблизилась первая машина — все-таки «субару», — я выставил руку, подняв большой палец. Разумеется, я и не предполагал, что меня в таком виде кто-нибудь подвезет, потому не был разочарован, когда женщина за рулем —

дамочка с дорогущей прической, — испуганно взглянув на меня, вся напряглась и проехала вниз по склону, в объезд.

— Помойся сначала, приятель! — проорал мне водитель пикапа полминуты спустя.

«Мустанг» оказался на самом деле «эскортом». За ним проследовал «плимут», потом «виннебаго», в котором, судя по звукам, целая армия бесноватых детей затеяла драку подушками.

Машины Долана я не видел.

Я посмотрел на часы. 11:25 утра. Если он вообще покажется, то это будет уже очень скоро. Его выход.

Стрелки часов медленно дотащились до 11:40, но Долана по-прежнему не было. Только «форд» последней модели и катафалк, мрачный, как грозовая туча.

Он не приедет. Поехал по федеральной автостраде. Или полетел.

Приедет.

Нет, не обманывай себя. Ты ведь боялся, что он почует опасность — и так и случилось. Он сменил маршрут.

Очередной отблеск хрома на горизонте. Большая машина. Достаточно большая для «кадиллака».

Я упал на живот, упер локти в дорожный гравий и прикал бинокль к глазам. Машина исчезла за горбом дороги... опять показалась... скрылась за поворотом... и показалась вновь.

Да, это был «кадиллак». Но не серый — машина была темно-салатовой.

Затем последовали тридцать самых ужасных и томительных секунд в моей жизни; тридцать секунд, которые длились, казалось, все тридцать лет. Где-то в глубине души я уже поверил, что Долан поменял свой старый «кадиллак» на новый. Он и раньше менял машины, и хотя раньше среди его «кадиллаков» никогда не бывало зеленых, ничто не мешало ему в этот раз взять зеленую.

Но мой внутренний голос приводил аргументы: «кадиллаков» на шоссе и дорогах, соединяющих Вегас и Лос-Анджелес, пруд пруди, и вероятность того, что этот зеленый

«кадди» окажется именно тем, долановским, «кадиллаком» — один к ста.

Пот заливал мне глаза, все расплывалось, и я убрал бинокль. В решении этой проблемы он все равно мне не поможет. Когда я смогу разглядеть пассажиров, будет уже поздно.

Времени нет! Давай! Бегом к знаку, накрывай его, пока есть возможность! Он же уйдет!

А знаешь, что произойдет, если сейчас закрыть предупреждение об объезде? В твою ловушку попадутся двое богатых старичков, которые едут в Лос-Анджелес повидаться с детьми и свозить внуков в Диснейленд.

Давай же! Скорее! Это он! Это твой единственный шанс!

Правильно. Единственный шанс. Поэтому не проворонь его, загнав в ловушку этих людей.

Это Долан!

Это НЕ Долан!

— Перестаньте, — взвыл я, хватаясь за голову. — Перестаньте, перестаньте, ради Бога!

Приближавшуюся машину уже было слышно.

Долан.

Старики.

Женщина.

Тигр.

Долан.

Стари...

— Элизабет, помоги мне! — взмолился я.

Дорогой, этот человек никогда в жизни не покупал зеленый «кадиллак». И никогда не купит. Разумеется, это не он.

Головная боль мгновенно отступила. Я сумел подняться на ноги и поднять руку.

В машине сидели не старики. Туда набилась целая компания: что-то очень похожее на двенадцать вегасских хористок под командованием какого-то Папика, одетого в самую большую ковбойскую шляпу, которую я видел в жизни, и самые темные солнцезащитные очки. Перед тем как «кадиллак» вильнул в объезд, одна из хористок продемонстрировала мне из окна свою голую попку.

Чувствуя себя выжатым как лимон и полностью опустошенным, я снова поднес бинокль к глазам.

И увидел его.

На этот раз никаких сомнений: именно *тот* «кадиллак» выехал из-за поворота на участок дороги, который полностью просматривался с моего холма. Серый, как небо над головой, он с удивительной четкостью выделялся на фоне тускло-коричневых холмов на востоке.

Это был он. Долан. Мои долгие терзания, сомнения и нерешительность сразу же показались мне глупыми и рассеялись без следа. Это был Долан, и мне даже не нужно было присматриваться к его серому «кадиллаку» для того, чтобы это понять.

Не знаю, мог ли *он* меня чувствовать... но *я* его чувствовал. Нутром чуял, как говорится.

Долан приближался. Это придало мне сил, и я побежал.

Вернувшись к большому знаку «ОБЪЕЗД», я скинул его в кювет, надписью вниз, укрыл куском холста песочного цвета и закидал песком опустевшие стойки. Общее впечатление от этих процедур не дотягивало до мастерской имитации полосы шоссе, но было вполне удовлетворительным.

Теперь надо было бежать ко второму возвышению дороги, где остался фургончик, представлявший теперь такую картину: машина, временно оставленная хозяином, который пошел бродить в поисках новой шины.

Запрыгнув в кабину, я растянулся на сиденьях с колотящимся сердцем, которое, казалось, билось даже в голове.

Время снова как будто растянулось. Я лежал в кабине и боялся выглянуть. Я ждал, что сейчас уже услышу гул мотора, а он все не появлялся, и не появлялся, и не появлялся.

Они свернули. В последний момент он все равно почуял тебя... или что-то выглядело не так, не понравилось ему или кому-то из его горилл... и они свернули.

Я лежал на сиденье. Боль в спине пульсировала долгими, медленными волнами. Я лежал, крепко зажмурив глаза, как будто это могло обострить слух.

Что это? Мотор?

Нет, только ветер, окрепший достаточно, чтобы метнуть очередную порцию песка в закрытую дверь фургончика.

Нет, не едут. Свернули в объезд. Или назад повернули.

Только ветер.

Свернули или наз...

Нет, не только ветер. Звук мотора. Он становился все громче и громче, и через несколько секунд автомобиль — один-единственный — пролетел мимо.

Я сел и вцепился в руль — просто мне надо было во *что-то* вцепиться, — и уставился на дорогу, прикусив язык и выпучив глаза.

Серый «кадиллак» проплыл вниз по склону к длинной равнине, на скорости около пятидесяти миль — или чуть больше. Он так и не нажал на тормоз. Даже в самом конце. Ни тени сомнения. Они так ничего и не увидели.

Вот как это выглядело со стороны: внезапно «кадиллак» как будто поехал *внутрь* дороги, а не *по* ней. Эта иллюзия была настолько настойчивой и реальной, что в какой-то момент у меня самого закружилась голова, несмотря на то, что я же ее и создал. «Кадиллак» Долана погрузился в шоссе номер 71 сначала по диски колес, потом шоссе дошло до дверей. Меня посетила совсем уже дикая мысль: если бы «Дженерал моторс» делала шикарные подводные лодки, то именно так выглядело бы их погружение.

Я слышал тонкий хруст деревянных распорок, ломающихся под тяжестью машины. Я слышал треск рвущегося холста.

Длилось все это секунды три, не больше, но эти секунды я буду помнить всю жизнь.

От «кадиллака» осталась лишь крыша и верхние два-три дюйма тонированного стекла, а потом раздался сильный глухой удар. За ним последовали звон стекла и скрежет металла. В воздухе расцвел большой клуб пыли, тут же унесенный порывом ветра.

Я едва не сорвался, чтобы бежать туда — прямо сейчас, бросив все. Но сначала надо было вернуть знаки на место. Мне не хотелось, чтобы нас беспокоили.

Я вылез из кабины, обошел фургончик и вытащил из кузова колесо. Поставив его на место, я затянул болты руками — пока что этого достаточно. Сейчас мне надо только доехать до развилки у шоссе номер 71.

Сняв машину с домкрата, я подбежал к кабине и остановился, прислушавшись.

Выл ветер.

Из длинной прямоугольной ямы в дороге доносились чьи-то крики... или вопли.

Улыбаясь, я сел за руль.

Я вернулся к развилке. Руки не слушались — машину швыряло из стороны в сторону. Остановившись, я выкинул из кузова дорожные конусы и принялся расставлять их на место. Я все время прислушивался, не едет ли кто, но ветер так разошелся, что это было бесполезно. Когда я услышу приближающуюся машину, она меня уже переедет.

Затем я бросился к кювету, споткнулся, шлепнулся на пятую точку и съехал вниз. Сдернув холст, прикрывавший знак объезда, я вытащил его наверх и установил на место. Прикрутить стрелку обратно я даже и не пытался, просто захлопнул дверцу и влез в кабину.

Я заехал обратно за возвышение, так чтобы меня не было видно с дороги, остановился и затянул болты на колесе. На этот раз я закрепил их уже ключом, время было. Крики, доносившие из ямы, превратились в истерические вопли. Я их различал даже сквозь завывание ветра.

Я неторопливо крепил колесо. Я не боялся, что кто-то вылезет из машины и набросится на меня или убежит в пустыню — это было невозможно. Ловушка сработала превосходно. «Кадиллак» ровно стоял на колесах в дальнем конце ямы, с просветом менее четырех дюймов с каждой стороны. Те трое внутри смогут разве что приоткрыть двери, но не смогут высунуть даже ногу. Они не смогут открыть окна, потому что у них стоят электрические стеклоподъемники, а от батареи осталось, самое большее, месиво из пластмассы, металла и кислоты, затерянное где-то в ошметках двигателя.

Водитель и вооруженный охранник на переднем сиденье могли вообще разбиться, но меня это не беспокоило. Я знал, что *кое-кто* все еще жив: Долан всегда ездил на заднем сиденье и пристегивался, как и подобает добропорядочным гражданам.

Тщательно затянув болты, я подъехал к широкому концу ловушки и вылез из машины.

Большинство распорок было вырвано с корнем, от некоторых остались только расщепленные кончики, торчащие из асфальта. Холщовая «дорога» валялась на дне ямы, скомканная, смятая и разодранная. Она была похожа на сброшенную змеиную кожу.

Я спустился вниз.

Вот он, «кадиллак» Долана.

Передок машины был полностью разбит, размозжен. Капот сложился и перекосился, как мехи аккордеона или зазубренная лопасть винта. Двигательный отсек представлял собой фарш из металла, резины и шлангов, засыпанный грудой песка и земли, обвалившейся от удара. Там что-то шипело, я даже слышал, как где-то в чреве машины капают и сочатся разнообразные жидкости. Воздух пронизывал холодный спиртовой аромат антифриза.

За лобовое стекло я не особенно волновался. Конечно, была определенная вероятность, что от удара его выбьет, так что у Долана будет возможность выползти наружу. Но, как я уже говорил, все машины Долана строились в соответствии с требованиями, которые предъявляют к своим авто диктаторы банановых республик и лидеры военных хунт. Стекло должно было выдержать, и оно оправдало мои надежды.

Заднее стекло было еще крепче — из-за меньшей площади. Сломать его Долан не смог бы при всем желании — за то время, которое *я* ему дам, — а стрелять он не осмелится. Стрельбу с близкого расстояния в пуленепробиваемое стекло, наверное, следует отнести к одной из форм «русской рулетки». Пуля оставит маленькую отметину на стекле, а потом рикошетом ударит обратно в машину.

Будь у него достаточно времени, он бы выбрался из машины, но я был рядом, и вовсе не для того, чтобы его отпустить.

Я бросил на крышу машины горсть земли.

Ответ последовал незамедлительно.

— Пожалуйста, помогите! Мы не можем выбраться!

Голос Долана. Без боли. До жути спокойный. Но я почувствовал страх, притаившийся на самом дне, полузадушенный силой воли. Мне даже стало его жалко — настолько, насколько это вообще возможно в моей ситуации. Я представил себе Долана, сидящего в сложившемся «кадиллаке»: один из его людей ранен, возможно, придавлен двигателем, другой либо мертв, либо без сознания.

Подумав об этом, я испытал странное ощущение, которое можно назвать симпатической клаустрофобией. Нажимаешь на кнопки стеклоподъемников — ничего. Дергаешь двери и видишь, что они упираются в преграду. И нет никакой — никакой — возможности выбраться наружу.

Тут я осадил свое воображение. Долан сам купил себе эту радость, правильно? Да. Он сам купил этот билет и оплатил его полную стоимость. До *самого* конца.

— Кто там?

— Я. Но это не помощь, которой ты ждешь, Долан. — Я бросил новую порцию камней на крышу «кадиллака». Охранник, который было притих, снова принялся вопить.

— *Ноги! Джим, мои ноги!*

Голос Долана сразу изменился. Тот, снаружи, знал его имя. Это значило, что ситуация чертовски опасная.

— *Джимми, черт, я вижу собственные кости! Мои ноги!*

— Заткнись, — холодно сказал Долан. Жутко было слышать их голоса, доносящиеся изнутри машины. Я вполне мог бы спуститься на багажник «кадиллака» и заглянуть в заднее окно — но я бы мало что увидел, даже прижав лицо к стеклу. Стекло было тонированным и поляризованным, как я уже говорил.

В любом случае я не хотел его видеть. Я знал, как он выглядит. Зачем мне им любоваться? Еще раз посмотреть на его «Ролекс» и дорогущие джинсы?

— Кто ты, приятель? — спросил он.

— Я никто, просто никто, у которого были причины устроить так, чтобы ты оказался там, где ты есть, — ответил я.

И вдруг — с пугающей, завораживающей внезапностью — Долан спросил:

— Ты Робинсон?

Меня как будто саданули под дых. Как быстро он вывел правильное заключение, просеяв все полузабытые имена и лица и точно выловив нужное! Он животное, подумал я, с животными же инстинктами. Я не знал и половины правды об этом человеке. И хорошо, что не знал. Потому что, будь все по-другому, у меня никогда не хватило бы дерзости для осуществления задуманного.

Я сказал:

— Мое имя не имеет значения. Но ведь ты понимаешь, что сейчас будет?

Охранник со сломанными ногами завопил с новой силой — булькающие, хлюпающие звуки, как будто его легкие были полны воды:

— *Вытащи меня-атсю-уда, Джимми! Выт... ааа! Ради Бо... а! Ноги сломаны!*

— Заткнись, — повторил Долан. А потом, обращаясь ко мне: — Я тебя плохо слышу, этот идиот так орет.

Я опустился на четвереньки.

— Я спросил, понимаешь ли ты, что...

Тут у меня в голове пронеслась картинка. Волк, одетый Бабушкой, говорит Красной Шапочке: *Подойди ближе дорогая, я плохо слышу*. Я пригнулся как раз вовремя. Прозвучали четыре выстрела. Даже для меня они были очень громкими — в машине скорее всего они были просто оглушительными. На крыше «кадиллака» открылись четыре черных отверстия, и что-то рассекло воздух в дюйме от моего лба.

— Я достал тебя, ублюдок? — спросил Долан.

— Нет.

Вопли охранника перешли в маловразумительное нытье. Он сидел спереди. Я видел его руки, бледные, как руки утоп-

ленника, слабо шлепавшие по лобовому стеклу, и распростертое тело рядом с ним. Джимми должен был его вытащить, ведь он истекал кровью, боль была страшной, *ужасной*, невыносимой, да ради Бога, он раскаивался во всех своих грехах, но это ужаснее...

Еще пара громких хлопков. Человек на переднем сиденье замолк. Его руки уже больше не шлепали по лобовому стеклу.

— Вот, — почти спокойно произнес Долан. — Теперь он не будет нам мешать, и мы можем нормально поговорить.

Я молчал. Внезапно навалилась растерянность и чувство нереальности происходящего. Только что он убил человека. *Убил*. Ко мне снова вернулось стойкое ощущение, что, несмотря на все предосторожности, я все-таки недооценил его и мне повезло, что я вообще еще жив.

— Хочу сделать тебе предложение, — сказал Долан.

Я по-прежнему молчал...

— Дружище?

...и молчал...

— Эй, ты! — Его голос слегка дрожал. — Если ты все еще там, отзовись! Я тебя не укушу... Тем более — отсюда...

— Я здесь. Интересно: вот ты сейчас выстрелил. Шесть раз. Я вот что подумал... может, тебе стоило бы оставить один патрон себе? Хотя я не знаю. Может быть, у тебя восьмизарядная пушка, или есть запасной магазин.

Тут пришла его очередь молчать.

Но потом он снова заговорил:

— Что ты намерен делать?

Я хмыкнул:

— По-моему, ты уже догадался. Больше полутора суток я только и делал, что копал. Самую длинную могилу в мире. И теперь я собираюсь похоронить тебя в твоем гребаном «кадиллаке».

Ему все еще удавалось держать под контролем свой страх. Его голос почти не дрожал. А мне хотелось сломать этот контроль.

— Не хочешь вначале выслушать мои предложения?

— Я их выслушаю. Через пару секунд. Сначала мне нужно кое-что принести.

Я сходил к «форду» и вытащил из кузова лопату.

Когда я вернулся, Долан все повторял:

— Робинсон? Робинсон?

Как человек, надрывно кричащий в трубку замолкшего телефона.

— Да здесь я, здесь. Говори, я слушаю. Когда ты закончишь, я, может быть, выдвину контрпредложение.

Начав говорить, он оживился. Если я завел речь о контрпредложениях, стало быть, я готов на сделку. И если я готов на сделку, то он уже на полпути к спасению.

— Я дам тебе миллион долларов, если ты меня выпустишь. Но, что также немаловажно...

Я зачерпнул полную лопату песка и грунта и швырнул его на багажник «кадиллака». Мелкие камешки застучали по заднему стеклу. Песок начал просачиваться в багажник.

— Что ты делаешь? — Его голос дышал тревогой.

— Лентяй — черту помощник, — отозвался я. — Мне же надо чем-то заняться, пока я тебя слушаю.

Я швырнул на машину вторую порцию земли.

Теперь Долан заговорил быстрее, словно боясь не успеть досказать все, что имел сказать:

— Так вот, миллион долларов и мои личные гарантии, что никто тебя не тронет... Ни я, ни мои люди, ни еще чьи-то люди.

Руки у меня совсем не болели. Восхитительное чувство. Я размеренно работал лопатой, и минут через пять задняя часть машины была уже не видна под слоем земли. Закапывать — даже руками — было не в пример легче, чем рыть.

Я остановился, облокотившись на лопату.

— Продолжай.

— Слушай, это же бред какой-то, — сказал он, и теперь я расслышал яркие проблески паники в его тусклом голосе. — Ну сам подумай, это же просто *безумие!*

— Тут ты прав, — согласился я и подбросил еще земли в его могилу.

* * *

Я и не думал, что он столько продержится. Но он держался: говорил, убеждал, увещевал — погружаясь все глубже и глубже под слой песка и земли, которые постепенно закрыли все заднее стекло, — он говорил, повторяясь, и путаясь, и уже начиная заикаться. Один раз пассажирская дверца открылась, насколько ей позволяли открыться габариты ямы, и ударилась о стену. Я увидел руку с черными волосами на костяшках и большим рубиновым кольцом на среднем пальце. Я тут же послал в открывшуюся щель четыре полные лопаты рыхлой земли. Он чертыхнулся и захлопнул дверцу.

Вскоре после этого он сломался. Скорее всего на него подействовал звук осыпающейся земли. Я даже уверен, что так и было. Этот звук внутри «кадиллака» должен был звучать очень громко. Стучащие по крыше и по стеклам камешки и целые потоки земли. Наверное, до него наконец дошло, что он сидит в роскошном восьмицилиндровом гробу с инжекторным двигателем.

— *Выпусти меня!* — всхлипнул он. — *Пожалуйста! Я больше не выдержу! Выпусти, выпусти меня!*

— Ты готов выслушать контрпредложение? — спросил я.

— *Да! Да! Боже мой, да!*

— Кричи. Вот мое контрпредложение. Вот чего я хочу. Кричи для меня. Если будешь кричать с чувством и громко, я тебя выпущу.

Он пронзительно завопил.

— О! Хорошо! — похвалил его я, и похвала, должен заметить, была заслуженной. — Но пока недостаточно хорошо.

Он опять заорал, еще громче. Я даже поразился, как можно издавать звуки такой силы и не разорвать себе глотку.

— Очень неплохо. — Я заработал лопатой с удвоенной силой. Боль в спине не отпускала, но я все равно улыбался. — Ты сможешь выбраться, Долан, действительно сможешь. Если как следует постараешься.

— Пять миллионов. — Это была его последняя вразумительная фраза.

— Нет, не согласен, — ответил я, опираясь на лопату и вытирая пот со лба тыльной стороной грязной ладони.

Земля обсыпала крышу машины уже почти со всех сторон. Это было похоже на завихрение звездной туманности... или на громадную коричневую руку, схватившую «кадиллак» Долана. — Но если ты сможешь заорать так, чтобы твой крик сравнился по мощности, скажем, с восемью шашками динамита, подключенными к ключу зажигания «шевроле» шестьдесят восьмого года выпуска, я тебя выпущу, можешь не сомневаться.

И он закричал... а я швырнул очередную лопату земли на «кадиллак». Какое-то время он кричал действительно громко, хотя я решил, что его вопли потянут лишь на две шашки динамита, подключенные к зажиганию «шевроле» шестьдесят восьмого года выпуска. Ну, на три максимум. А к тому времени, когда я сказал последнее «прости» фарам и подфарникам «кадиллака» и остановился передохнуть, глядя на окученное вздутие в яме, он производил только сбивчивые серии хрипов и всхлипов.

Я взглянул на часы. Второй час пополудни. Руки опять кровоточили, черенок лопаты стал скользким. Порыв ветра метнул мне в лицо порцию пыли и песка, я машинально отвернулся и прикрыл глаза. Сильный ветер в пустыне имеет такой специфический, неприятный звук — длинный и низкий гул, который тянется и тянется на одной ноте. Похоже на вой какого-то идиота-призрака.

Я наклонился к яме.

— Долан?

Нет ответа.

— Кричи, Долан.

Молчание. Потом — приступ тяжелого кашля.

Великолепно!

Я вернулся к фургончику, забрался в кабину и прокатился мили полторы назад по ремонтируемому участку. По дороге я настроился на WKXR, вегасскую радиостанцию — ничего больше приемник в машине ловить не хотел. Сначала Барри Манилов доверительно сообщил мне, что он пишет песни, которые поет весь мир — это утверждение я воспринял с некоторым скептицизмом, — потом пошел прогноз

погоды. Предсказывали сильный ветер; по всем основным дорогам между Лас-Вегасом и Калифорнией были вывешены предупреждения. Предполагались проблемы с видимостью из-за песка и пыли, сказал диск-жокей, но больше всего следует опасаться порывистого ветра. Это я понял и так — чувствовалось, как швыряло фургончик.

А вот и мой «Кейс-Джордан». Мысленно я уже называл погрузчик «моим». Я влез в кабину и снова замкнул голубой и желтый провода. Погрузчик мягко взревел. На этот раз я не забыл снять его с передачи. *Неплохо, приятель,* так и слышу голос Тинка. *Смышленый ты парень. Быстро учишься.*

Да, все правильно. Я очень многому научился за это время.

Где-то минуту я просто сидел: глядел на призрачных змей из песка, расползавшихся по пустыне, вслушивался в гудение двигателя и размышлял, что сейчас будет делать Долан. В конце концов это был его Шанс с большой буквы. Постараться разбить заднее стекло или переползти на переднее сиденье и высадить лобовое. Я насыпал пару футов песка и туда, и туда, но пока еще было возможно вылезти. Если очень захотеть. Все зависело от того, сохранил ли Долан рассудок — этого я не знал и не мог знать, так что, наверное, не стоило и заморачиваться. Мне и без этого было о чем подумать.

Я включил скорость и поехал обратно к траншее. Там я остановил погрузчик, выбрался из кабины. Подбежал к краю ямы и с тревогой глянул вниз, опасаясь увидеть широкую нору спереди или сзади «кадиллакова» кургана — там, где Долан, пробивший стекло, все-таки выбрался наружу.

Однако мое произведение копательного — или, вернее сказать, закопательного — искусства было нетронутым.

— Долан, — позвал я весело и бодро, как мне показалось.

Молчание.

— Долан.

Нет ответа.

Он покончил с собой, подумал я с горьким и нехорошим разочарованием. *Покончил с собой или умер от страха.*

— Долан?

Из-под насыпи послышался хохот: громкий, безудержный, неподдельный хохот. Я так и обмер — все мое тело как будто окаменело. Это был хохот безумца. Его разум все-таки не выдержал.

А он все смеялся своим сиплым голосом. Потом он кричал; потом снова смеялся. В итоге он начал кричать и смеяться одновременно.

И я тоже смеялся вместе с ним, или кричал, или что он еще там делал. А ветер кричал и смеялся над нами обоими.

Потом я вернулся к «Кейс-Джордану», опустил ковш и приступил к настоящему погребению.

Минуты через четыре уже невозможно было различить даже очертания «кадиллака». На месте ловушки-могилы была просто яма, наполовину засыпанная песком и землей.

Мне казалось, что я еще что-то слышу, но, наверное, только казалось. Даже если бы Долан кричал, я бы вряд ли расслышал его сквозь вой ветра и шум движка. Я встал на колени, потом вытянулся в полный рост, свесив голову в яму.

Глубоко внизу, под всей этой массой песка и земли, Долан продолжал смеяться. Звуки были похожи на надписи в комиксах: *Хи-хи-хи, ахха-ха-ха-ха-ха*. Может быть, он выкрикивал и какие-то слова. Трудно сказать. Но я все равно улыбнулся и кивнул.

— Кричи, — прошептал я, — кричи, если хочешь. — Но сквозь толщу песка и земли пробивался лишь едва различимый смех — просачивался наружу, как какие-то ядовитые пары.

Внезапно меня сковал темный ужас. Я почему-то уверился, что Долан стоит у меня за спиной! Да, он все-таки выбрался и теперь подкрался ко мне со спины! И прежде чем я успею повернуться, он столкнет *меня* вниз и...

Я развернулся в прыжке, сжимая искалеченные кисти в жалкое подобие кулаков. В лицо ударил заряд песка, подхваченный ветром.

Просто песок.

И ничего больше.

Я вытер лицо своей грязной банданой и вернулся в кабину погрузчика, чтобы закончить работу.

Я закончил еще засветло. Я засыпал всю яму, и у меня даже осталось немного лишнего грунта, хоть ветер за это время и унес немало песка. Потому что часть объема занял «кадиллак». Все прошло очень быстро... на удивление быстро.

Я проехался на погрузчике прямо по тому месту, где был похоронен Долан. Мысли путались, неслись, обгоняя друг друга, и в конце концов превратились в один сплошной бред.

Я остановил погрузчик на его старом месте, снял рубашку и вытер все металлические поверхности, пытаясь таким образом уничтожить отпечатки пальцев. Зачем я так напрягался, до сих пор не могу понять — ведь я оставил свои отпечатки в сотне других мест вокруг. Потом, уже в серо-коричневых сумерках поднявшейся песчаной бури, я вернулся к своему «форду».

Открыв задние двери фургончика, я увидел в кузове скорчившегося Долана и отскочил назад, вопя благим матом и закрывая лицо рукой. Сердце, казалось, вот-вот взорвется.

Но никто не выскочил из фургона. Только дверца билась и стучала на ветру, как последняя ставня в заброшенном доме с привидениями. Наконец я вернулся обратно. Сердце бухало и колотилось в груди. Внутри не было ничего, кроме того, что я сам там оставил: стрелка-указатель с разбитыми лампочками, домкрат, ящик с инструментами.

— Держи себя в руках, — тихо сказал я себе. — Держи себя в руках.

Я ждал, что Элизабет заговорит со мной и скажет что-то типа: *Все будет в порядке, дорогой*... ну, что-нибудь ободряющее... но я слышал только рев ветра.

Я залез в микроавтобус, завел двигатель и проехал половину пути до ловушки. Дальше я не поехал — просто не смог. Как бы по-дурацки это ни звучало, мне все сильнее и сильнее казалось, что Долан притаился там, в кузове. Я постоянно ловил себя на том, что поглядываю в зеркало заднего вида, пытаясь выцепить его тень среди других.

Ветер усилился. Фургончик буквально раскачивало на рессорах. Пыль, пригнанная из пустыни, проносилась перед фарами, словно дым.

В итоге я свернул на обочину, вылез и закрыл все двери. Я знаю, что спать на открытом воздухе в такую погоду решил бы только кретин полоумный, но я не мог спать внутри. Просто не мог, и все. В общем, я забрался под «форд» со своим спальным мешком.

Я заснул уже через пять секунд после того, как застегнул молнию на мешке.

Проснулся я от кошмара, которого не смог вспомнить — помню только, что снились какие-то руки, вцепившиеся мне в горло, — и обнаружил, что погребен заживо. Нос был забит песком, уши тоже. Песок был даже в глотке, так что я задыхался.

Я закричал и рванулся вверх, решив поначалу, что сковавший меня спальный мешок — это земля. Я хорошо приложился макушкой к шасси фургончика, и на меня посыпалась ржавчина и грязь.

Я выкатился из-под фургона на свет грязно-свинцового рассвета. Едва я встал, спальный мешок вырвало у меня из рук ветром и унесло, как какое-то перекати-поле. Издав удивленный вопль, я бросился его догонять и пробежал футов двадцать, прежде чем понял, что мне бы лучше не на за ним бежать. Видимость не превышала двадцати ярд В некоторых местах я вообще не видел дороги. Я огляну на свой фургончик — он выглядел вылинявшим, едва р личимым, как старая фотография из города-призрака.

Покачиваясь, я вернулся к машине, нашел ключи и влез внутрь. Потом, все еще сухо кашляя и плюясь песком, я завел мотор и медленно поехал обратно. Домой. Мне не пришлось дожидаться прогноза погоды: ведущий на радио только о ней и говорил. «Самая сильная, самая страшная песчаная буря в истории Невады. Все дороги перекрыты. Не выходите из дома без абсолютной на то необходимости, но даже если *очень* приспичит выйти, все равно оставайтесь дома».

Славный день — Четвертое июля.

Не выходи из машины. Ты что, рехнулся? Ты же ослепнешь от песка!

Я пойду и на это. Такая великолепная возможность замести все следы — даже в самых диких мечтах я не смел надеяться, что мне выпадет такой шанс, но мне повезло, и я собирался воспользоваться предоставившейся возможностью.

Я прихватил с собой четыре одеяла. Оторвал от одного из них длинную широкую полосу и обмотал ею голову. Вид у меня был как у сбрендившего бедуина. Но меня это не волновало. Я открыл дверцу и вышел в бурю.

Все утро я провел, перетаскивая асфальтовые чушки из кювета обратно к засыпанной яме и укладывая их там. Я напоминал себе каменщика, который кладет стену... или замуровывает нишу. Таскать и укладывать было не так уж и страшно. Хуже всего было то, что мне приходилось раскапывать большинство асфальтовых кусков, как какому-нибудь археологу-охотнику за древними сокровищами. При этом каждые двадцать минут я укрывался от жалящего песка в кабине микроавтобуса, чтобы дать отдохнуть измученным, воспаленным глазам.

Я медленно продвигался к западу от того места, которое еще вчера было раструбом ловушки, и где-то к четверти второго — начал я в шесть — добрался до конца семнадцатого фута бывшей ямы.

Потом ветер начал стихать, и я стал различать в небе над головой разрозненные голубые разрывы.

Я подтаскивал и укладывал, подтаскивал и укладывал. Теперь я добрался до места, где, по моим подсчетам, должен был находиться Долан. Интересно, он еще жив или нет? Сколько кубических футов воздуха вмещает в себе «кадиллак»? Как скоро это пространство внизу станет непригодным для поддержания человеческой жизни, учитывая, что ни один из попутчиков Долана уже не дышал?

Я опустился на голую землю. Ветер практически стер следы колес «Кейс-Джордана», но все-таки не до конца; где-то под этими слабыми отметинами был человек с «Ролексом» на руке.

— Долан, — сказал я, шепча прямо в землю. — Я передумал и решил тебя выпустить.

Ничего. Ни звука. На этот раз он точно мертв.

Я поднялся и пошел за очередным куском асфальта. Уложил его на место и уже начал распрямляться, как вдруг услышал едва различимый кудахтающий смех, доносящийся из-под земли. Я присел и наклонил голову — если бы у меня были волосы, то сейчас они свисали бы на лицо, — и просидел в такой позе почти минуту, слушая его смех. Звук был очень слабый, но он все-таки был.

Когда смех прекратился, я принес следующий асфальтовый квадрат. На нем виднелся кусок желтого пунктира дорожной разметки, который выглядел как тире. Я наклонился, держа его в руках.

— Ради Бога, Робинсон! — услышал я всхлип. — Ради любви Господней!

— Да, — улыбнулся я. — Ради любви Господней!

Я уложил эту чушку вплотную к предыдущей. Больше я его не слышал.

Я вернулся в мотель в Лас-Вегасе в тот же вечер, часов в одиннадцать. И сразу же уснул. Проспав шестнадцать часов кряду, я встал и пошел на кухню, чтобы сварить себе кофе. И вот там-то меня и скрутило. Я буквально сложился пополам, извиваясь и корчась от боли. Одной рукой я схватился за поясницу, а другую закусил, чтобы не закричать.

Через пару минут я сумел кое-как разогнуться и отползти в ванную. Там я попытался встать, но спину снова пронзило болью. Повиснув на раковине, я кое-как дотянулся до аптечки и достал второй пузырек эмпирина.

Я сжевал три таблетки и открыл воду, чтобы набрать ванну. Пока она наполнялась, я лежал на полу, а потом содрал с себя пижаму и исхитрился забраться в ванну. Я пролежал там целых пять часов, по большей части — в полубессознательном состоянии. Когда я вылез, то уже мог ходить.

Худо-бедно, но все-таки.

На следующий день я пошел к хирургу. Он сказал, что у меня ущемление трех дисков и серьезные смещения позвонков в нижней части позвоночника. Спрашивал, не пытался ли я замещать какого-нибудь циркового силача.

Я сказал ему, что копался в саду.

Он сказал, что мне надо ехать в Канзас-Сити.

Я поехал.

Меня прооперировали.

Когда анестезиолог наложил мне на лицо резиновую маску, я слышал голос Долана. Он хохотал из шипящей тьмы, и я понял, что умру.

Послеоперационная палата была выложена водянисто-зеленым кафелем.

— Я живой? — прохрипел я.

Медбрат рассмеялся.

— Похоже, живой. — Он коснулся моего лба. У лысых вся голова — сплошной лоб, от бровей до шеи. — Какой у вас сильный солнечный ожог! Боже мой! Он как, болит? Или вы все еще не отошли от наркоза?

— Все еще не отошел, — ответил я. — А под наркозом я разговаривал?

— Да.

Я похолодел. До мозга костей.

— И что я говорил?

— Вы говорили: «Здесь темно! Выпустите меня!». — И он опять засмеялся.

— Ага, — сказал я.

Его так и не нашли — Долана.

Из-за песчаной бури. Да, с бурей мне повезло. Я представляю, как все это было, хотя вы, наверное, меня поймете, если я скажу, что не проверял свою догадку. Да и не стремился проверить.

РДП — помните? На шоссе номер 71 меняли дорожное покрытие. Буря почти погребла под песком тот закрытый участок дороги. Когда дорожники вернулись к работе, им и в голову не пришло расчищать эти новые дюны. Дорога и так закрыта, спешить некуда, так что рабочие одновременно убрали с полотна и песок, и старый асфальт. И если водитель бульдозера случайно заметил, что засыпанный песком

асфальт — участок длиной футов сорок — под ножом его агрегата превращается в аккуратные, почти идеальной формы квадраты, он никому об этом не рассказал. Может быть, он был с похмелья. Или же предвкушал, как вечером после работы пойдет гулять со своей цыпочкой.

Потом пришли тяжелые самосвалы, загруженные свежими порциями гравия, а за ними — грейдеры и катки. Дальше пришел черед больших гудроновых танкеров с рассекателями сзади и запахом горячей смолы, от которой плавятся подошвы. Когда свежий асфальт остыл и высох, по дороге прошла разметочная машина, водителю которой часто приходится оглядываться под своим холщовым навесом, чтобы удостовериться, что желтый пунктир за его спиной безупречно ровный. Он и знать-то не знал, что проезжает над дымчато-серым «кадиллаком» с тремя телами внутри. Не знал, что внизу, в темноте, лежит рубиновое кольцо и золотой «Ролекс», и часы, может быть, до сих пор отсчитывают часы, минуты и секунды.

Один из этих тяжелых дорожных агрегатов наверняка раздавил бы обычный «кадиллак»; крен, треск, и куча людей, разрывающих яму, чтобы выяснить, что — или кого — они там нашли. Но долановский «кадиллак» был не обычной машиной. Скорее это был танк на колесах, так что великая осторожность Долана сослужила мне неплохую службу. Если его и найдут, то найдут очень не скоро.

Конечно, рано или поздно «кадиллак» просядет под тяжестью какого-нибудь груженого автопоезда, и следующий за ним автомобиль застанет большой длинный провал в западной полосе шоссе, и об этом известят Управление дорожного строительства, и те назначат еще один РПД. Но если рядом случайно не окажется никого из дорожников, который мог бы определить, что под покрытием дороги находился какой-то полый объект, то они там скорее всего решат, что эта «топь» (как они называют такие провалины) была вызвана либо вымораживанием, либо обрушившимся соляным куполом, либо подвижками почвы — явлением достаточно частым в пустыне.

* * *

Его объявили в розыск — Долана.

Кто-то его оплакал.

Ведущий колонки в газете «Лас-Вегас сан» предположил, что Долан жив и здоров и играет сейчас где-нибудь в домино или гоняет шары с Джимми Хоффом.

Может быть, он был не так уж далек от истины.

У меня все в порядке.

Спина совсем не болит. Я следую строгим предписаниям врачей и не поднимаю без посторонней помощи тяжести весом свыше тридцати фунтов, тем более что в этом году к моим услугам — полный класс замечательных ребятишек и любая помощь, какая только может понадобиться.

Я несколько раз ездил по тому участку дороги на своей новой машине. Однажды я остановился, вышел и (убедившись, что дорога пуста в обоих направлениях) помочился туда, где, по моим подсчетам, было то самое место. Но как я ни старался, многого я из себя выжать не смог, хотя мне казалось, что почки полны и вот-вот разорвутся. На обратном пути я постоянно поглядывал в зеркало заднего вида: меня не покидала забавная мысль, что он сейчас поднимется с заднего сиденья — Долан с кожей, потемневшей до цвета корицы и обтянувшей череп, как кожа высохшей мумии, и с волосами, полными песка. Поднимется и поглядит на меня, сверкая глазами и часами «Ролекс».

И это была моя *последняя* поездка по 71-му. Теперь, когда мне надо съездить на запад, я пользуюсь федеральной автострадой.

А Элизабет? Как и Долан, она умолкла. К моему несказанному облегчению.

КОНЕЦ ВСЕЙ ЭТОЙ МЕРЗОСТИ

Я хочу рассказать вам о завершении войны, о деградации человечества и смерти Мессии — эпическую историю, достойную тысяч страниц и целой полки томов, — но вам (если кто-то останется, чтобы это прочитать) придется ограничиться сжатой версией. Инъекция в вену действует очень быстро. Думаю, в моем распоряжении от сорока пяти минут до двух часов, в зависимости от моей группы крови. Вроде бы у меня вторая, и это дает мне чуть больше времени, но будь я проклят, если точно помню. А если первая, вы, мой гипотетический друг, увидите множество пустых листов.

В любом случае, лучше исходить из худшего и писать как можно быстрее.

Я использую электрическую пишущую машинку. Компьютер Бобби, конечно, удобнее, но генератору доверять опасно, напряжение слишком скачет, несмотря на стабилизатор. Шанс у меня только один. Я не могу рисковать: пройти большую часть пути, а потом — из-за резкого падения напряжения или его скачка — наблюдать, как плоды моего труда отправляются на информационные небеса, куда попадают все потерянные компьютерные данные.

Меня зовут Говард Форной. По профессии я свободный художник, в смысле писатель, работаю на себя. Мой брат, Роберт Форной, и был Мессией. Я убил его четыре часа назад, впрыснув ему им же открытое вещество. *Он* назвал его «Успокоитель». Более правильное название — «Очень серьезная ошибка», но сделанного не воротишь, как постоянно твердили ирландцы... наглядное доказательство их дури.

© Перевод. Вебер В.А., 2015.

Черт, у меня нет времени на все эти отступления.

После смерти Бобби я накрыл его лоскутным одеялом, сел у единственного в гостиной коттеджа окна и три часа смотрел на окрестные леса. Раньше из окна виднелось оранжевое зарево ярких натриевых ламп Норт-Конуэя, но это в прошлом. Теперь за окном только Белые горы, напоминающие вырезанные из крепированной бумаги темные треугольники, и бессмысленные звезды.

Я включил радио, пробежался по четырем диапазонам, нашел одного безумца и выключил. Сидел, думая о том, как рассказать эту историю, мой разум ускользал к милям и милям темных сосновых лесов, ко всей этой темной пустоте. Наконец понял, что должен действовать, и сделал себе укол. Черт, я никогда не мог заставить себя работать, не имея крайнего срока.

И теперь он у меня есть, самый что ни на есть крайний.

Наши родители могли рассчитывать только на то, что у них было: умных детей. Отец защитил диплом по истории, а к тридцати годам занял должность профессора в Университете Хофстра. Десять лет спустя стал одним из шести вице-администраторов Национального архива в Вашингтоне, округ Колумбия, и кандидатом на более высокий пост. При этом был чертовски хорошим парнем: собрал коллекцию всех записей Чака Берри и сам очень неплохо играл на блюзгитаре. Мой отец днем возился с бумажками, а вечером делал музыку.

Мама закончила с отличием Университет Дрю. Входила в привилегированное студенческое сообщество «Фи-бета-каппа» и ключ, свидетельствующий о принадлежности к этому сообществу, иногда носила на своей старомодной федоре. Она сделала карьеру бухгалтера в округе Колумбия, встретила моего отца, вышла за него и бросила работу, забеременев вашим покорным слугой. Я появился на свет в восьмидесятом году. К восемьдесят четвертому она уже подготавливала налоговые декларации для некоторых коллег отца: называла это «своим маленьким хобби». К рождению Бобби

в восемьдесят седьмом она продолжала подготавливать налоговые декларации, составляла инвестиционные портфели и занималась имущественным планированием для десятка влиятельных людей. Я могу их назвать, но кого сейчас это волнует? Они или умерли, или превратились в слюнявых идиотов.

Думаю, «ее маленькое хобби» приносило больше денег, чем мой отец получал на работе, но никакого значения это не имело: их полностью устраивало и то, чем они занимались, и отношения друг с другом. Я видел, как они частенько цапались, но до серьезной ссоры дело не доходило никогда. И пока я рос, единственное отличие между моей мамой и мамами моих друзей состояло в том, что когда по телику показывали мыльные оперы, чужие мамы читали, или гладили, или шили, или разговаривали по телефону, а моя что-то подсчитывала на карманном калькуляторе и записывала числа на больших зеленых листах бумаги.

Я не стал разочарованием для пары людей, в бумажниках которых лежали золотые карты общества «Менса». Учился в обычной школе, получая только пятерки и четверки (насколько мне известно, идея отправить меня или брата в частную школу даже не обсуждалась). И писать я начал рано, не прилагая к тому особых усилий. И первую статью продал в двадцать лет, о зимовке Континентальной армии в Вэлли-Фордж. Ее купил журнал одной из авиалиний за четыреста пятьдесят долларов. Мой отец, которого я нежно любил, попросил продать этот чек ему. Он выдал мне свой чек на такую же сумму, а чек от журнала авиакомпании вставил в рамку и повесил в своем кабинете. Романтический гений, если вам угодно. *Играющий блюз* романтический гений, если вам угодно. Поверьте мне, далеко не всем детям так повезло с родителями. Разумеется, он и моя мать умерли в конце прошлого года, бессвязно лепеча и мочась в штаны, как практически все в этом нашем большом круглом мире, но я никогда не переставал их любить.

Я был тем самым ребенком, каким им хотелось меня видеть: хорошим мальчиком; умным и сообразительным мальчиком, таланты которого быстро расцвели в атмосфере

любви и доверия; мальчиком, любящим и уважающим своих маму и папу.

Бобби получился другим. Никто, даже такие родители, как наши, члены общества «Менса», не ожидает, что у них появится такой ребенок. *Никогда.*

Я научился пользоваться горшком на два года раньше, чем Боб, и только в этом сумел его опередить. Но я никогда ему не завидовал. И действительно, как может достигший определенных успехов питчер любительской бейсбольной лиги «Американский легион» испытывать зависть к Нолану Райану или Роджеру Клеменсу*? В какой-то момент сравнения, которые вызывают чувство зависти, просто теряют смысл. Я это испытал на себе и знаю: в какой-то момент ты просто отходишь и прикрываешь глаза, чтобы не ослепнуть от лучей славы.

Бобби читал в два года и начал писать короткие сочинения в три («Наша собака», «Поездка в Бостон с мамой»). Писал корявыми и неуклюжими печатными буквами шестилетнего, и это казалось удивительным, но это было не все: если бы текст переписали, чтобы исключить из факторов оценки все еще развивающийся двигательный контроль Бобби, вы бы подумали, что это работа умненького, пусть и очень наивного пятиклассника. Он продвигался от простых предложений к сложносочиненным и сложноподчиненным с завораживающей быстротой, интуитивно осваивая все виды придаточных предложений, что казалось просто сверхъестественным. Иногда он допускал синтаксические ошибки, путал местами определения, но избавился от этого — чего многим писателям не удается добиться до конца жизни — к пяти годам.

У него появились головные боли. Родители испугались, что причина тому — болезнь, может, опухоль в мозгу, и отвели его к врачу. Тот тщательно осмотрел Бобби, еще более внимательно его выслушал. А потом сказал родителям, что

* Нолан Райан (р. 1947), Роджер Клеменс (р. 1962) — питчеры, входящие в число лучших за всю историю бейсбола.

причина головных болей — постоянный стресс: мальчик пребывает в состоянии крайнего раздражения из-за того, что рука, которой он пишет, не может функционировать так же хорошо, как мозг.

«У вас ребенок, пытающийся вывести ментальный почечный камень, — пояснил им врач. — Я могу прописать что-нибудь от головной боли, но думаю, что лекарство, в котором он нуждается, называется пишущей машинкой». В итоге мама и папа купили Бобби «Ай-би-эм». Годом позже подарили на Рождество домашний компьютер «Коммодор-64» с текстовым редактором «Уордстар», и головные боли у Бобби прошли окончательно. Прежде чем продолжить, хочу отметить, что следующие три года он считал, что компьютер оставил под елкой Санта-Клаус. Теперь, если подумать об этом, получается, что я опередил Бобби еще в одном: раньше перестал верить в Санта-Клауса.

Я могу многое рассказать о тех давних днях и, наверное, должен рассказать хоть чуть-чуть, но мне надо быстро продвигаться вперед, нигде не задерживаясь. Крайний срок. Да, крайний срок. Однажды я прочитал очень забавную миниатюру, которая называлась «Краткое содержание "Унесенных ветром"», и вот как она выглядела:

«Война? — Скарлетт рассмеялась. — Какая ерунда!»

Бум! Эшли ушел на войну! Атланта сгорела! Ретт пришел, а потом вышел!

«Какая ерунда, — сказала Скарлетт сквозь слезы. — Я подумаю об этом завтра. Завтра будет другой день».

Я очень смеялся, когда прочитал ее, но теперь, столкнувшись с чем-то аналогичным, я уже не уверен, что это смешно. Речь о следующем:

«Ребенок с ай-кью, который невозможно измерить существующими тестами? — Индиа Форной улыбнулась своему обожаемому мужу Ричарду. — Какая ерунда! Мы создадим атмосферу, в которой его интеллект — как и интеллект его далеко не глупого старшего брата — сможет развиваться.

И мы будем воспитывать их как нормальных американских мальчишек, каковыми, клянусь Богом, они и являются!»

Бум! Мальчики Форной выросли! Говард поступил в Университет Виргинии, закончил с отличием, выбрал писательскую карьеру! Отлично зарабатывает! Встречался со многими женщинами, частенько укладывал их в постель. Сумел обойтись без социальных болезней, как половых, так и фармакологических! Купил стереосистему «Мицубиси»! Пишет письма домой минимум раз в неделю! Опубликовал два романа, достаточно хорошо принятых! «Какая ерунда! — сказал Говард. — Обычная для меня жизнь!»

И так продолжалось до того дня, когда появился Бобби (в лучших традициях безумного ученого) с двумя стеклянными контейнерами: один — с пчелиным ульем, второй — с осиным гнездом. Бобби, в футболке с надписью «МАМФОРД, КАФЕДРА ФИЗКУЛЬТУРЫ», которую он надел наизнанку, готовый уничтожить человеческий разум, радовался, как моллюск при высоком приливе.

Такие люди, как мой брат Бобби, рождаются каждые два или три поколения. Думаю, к ним можно отнести Леонардо да Винчи, Ньютона, Эйнштейна, может, Эдисона. И вот что у них общее: они — словно стрелка гигантского компаса, которая долгое время бесцельно вращается, нащупывая истинный север, а потом устремляется к нему с невероятной быстротой. А прежде чем это произойдет, такие парни могут учудить всякое, и Бобби не был исключением.

В восемь лет он пришел ко мне, пятнадцатилетнему, чтобы сказать, что изобрел самолет. К тому времени я достаточно хорошо знал Бобби, чтобы не ответить: «Чушь собачья», — и не вышвырнуть его из комнаты. Я пошел с ним в наш гараж, где на красной тележке «Американский летун» стояла странная фанерная конструкция, отдаленно напоминающая истребитель, но с крыльями, направленными вперед. По центру болтами крепилось седло, которое он снял с лошадки-качалки. Кресло пилота. Тут же торчал какой-то рычаг. Двигатель отсутствовал. Бобби сказал, что

это планер. Он хотел, чтобы я столкнул его с холма Кэрригэна, самого крутого во всем парке Гранта, округ Колумбия. Склон делила пополам бетонная дорожка, по которой гуляли старики.

— Это, — сказал Бобби, — моя посадочная полоса.

— Бобби, — заметил я, — у твоей игрушки крылья направлены не в ту сторону.

— Нет, — возразил он. — Они направлены куда надо. Я видел передачу о ястребах в «Королевстве дикой природы». Они камнем падают на свою добычу, а потом меняют направление крыльев на противоположное, поднимаясь вверх. Они с двумя суставами, понимаешь? При таком положении подъемная сила больше.

— Тогда почему военные самолеты не делают такими? — спросил я, понятия не имея, что на кульманах как американских, так и русских конструкторов уже нарисованы истребители с направленными вперед крыльями.

Бобби пожал плечами. Он не знал, и его это не волновало.

Мы поднялись на холм Кэрригэна, Бобби уселся на седло лошадки-качалки и схватился за рычаг.

— Толкни меня *посильнее*, — попросил он. Его глаз сверкали безумным светом, который я так хорошо зна Господи, иногда они так сверкали еще в колыбели. Но Бог клянусь, я бы не стал толкать его так сильно, если бы дума что эта штуковина сработает.

Но я этого *не знал*, вот и толкнул тележку изо всей силы. Он покатил вниз, вопя, как ковбой, закончивший трудовой день и направляющийся в город за несколькими кружечками пива. Одной старушке пришлось отпрыгнуть в сторону; Бобби едва не сшиб старика с ходунками. Когда половина склона осталась позади, он потянул рычаг, и я смотрел, широко раскрыв глаза, потрясенный, в страхе и изумлении, как его сделанная из кусков фанеры конструкция отделилась от тележки. Поначалу она зависла в нескольких дюймах над ней, словно собираясь вернуться на прежнее место. Но тут налетел порыв ветра, и самолет Бобби начал подниматься, словно кто-то тянул его невидимым канатом. А тележка

«Американский летун» скатилась с бетонной дорожки в кусты. Бобби же поднялся сначала на десять футов, потом — на двадцать, наконец — на пятьдесят. Он скользил над парком Гранта на своем самолете с направленными вперед крыльями и ликующе вопил.

Я побежал за ним, умоляя его спуститься, в голове мелькали отвратительно четкие видения: он вываливается из идиотского седла лошадки-качалки, разбивается, упав на дерево или на одну из многочисленных парковых статуй. И я не просто представлял себе похороны моего брата: я на них *присутствовал*.

— *БОББИ!* — орал я. — *СПУСКАЙСЯ!*

— *Й-А-А-А-А-А-А!* — Голос Бобби едва долетал до меня, и его переполнял восторг. Изумленные шахматисты, любители покидать фрисби и побегать трусцой, сидевшие на скамейках читатели, влюбленные — все как один бросили свои занятия и наблюдали.

— *БОББИ, НА ЭТОЙ ГРЕБАНОЙ ШТУКОВИНЕ НЕТ РЕМНЯ БЕЗОПАСНОСТИ!* — Насколько помню, я впервые произнес вслух это слово.

— *Все-е-е-е бу-у-у-у-дет хорошо-о-о-о-о!* — Он кричал всю мощь легких, и я ужаснулся тому, что едва слышал его. Я бежал вниз по склону холма Кэрригэна, продолжая орать, но у меня не осталось ни малейших воспоминаний о том, какие слова срывались с моих губ. Зато на следующий день я мог говорить только шепотом. Помню, как пробегал мимо молодого человека в аккуратном костюме-тройке, стоявшего рядом со статуей Элеоноры Рузвельт у подножия холма. Он посмотрел на меня и непринужденно заметил: «Вот что я скажу вам, друг мой: от этой кислоты жуткие флэшбэки».

Я помню, как странная, бесформенная тень скользила по зеленым лужайкам парка, кренилась и ломалась, падая на скамьи, урны, вскинутые лица зевак. Помню, как преследовал ее. Помню исказившееся лицо нашей матери и покатившиеся по ее щекам слезы, когда я рассказывал ей, как самолет Бобби, который и взлететь-то не должен был, перевернулся высоко в небе от внезапного порыва ветра и Боб-

би завершил свою короткую, но яркую жизнь размазанным по асфальту Ди-стрит.

Возможно, человечеству бы повезло, если бы все так и произошло, однако получилось иначе.

Вместо этого Бобби повернул назад, к холму Кэрригэна, одной рукой держась за хвост своего самолета, чтобы не свалиться с этого чертова седла, и начал снижаться, взяв курс на пруд в центре парка Гранта. Заскользил в пяти футах над ним, потом в четырех... а потом его кроссовки уже рассекали воду, поднимая двойные буруны, пугая самодовольных (и перекормленных) уток. Они торопливо, с негодующим кряканьем освобождали дорогу Бобби, а тот заливисто смеялся. Он приземлился на берегу, меж двух скамей, от удара о которые у его планера отвалились крылья. Бобби вылетел из седла, ударился головой и разревелся.

Такой вот была жизнь с Бобби.

Но не все было столь зрелищным... по крайней мере, до появления «Успокоителя». И я рассказал вам эту историю, потому что она наиболее наглядно иллюстрирует сложившуюся ситуацию: жизнь рядом с Бобби сводила с ума. К девяти годам он ходил на лекции по квантовой физике и высшей математике в Джорджтаунском университете. В один из дней заглушил радиоприемники и телевизоры на нашей улице — и в четырех соседних кварталах — своим голосом. Нашел на чердаке старый переносной телевизор и превратил его в радиостанцию, вещающую в широком диапазоне. Один старенький черно-белый «Зенит», двенадцать футов проволоки, вешалка на коньке дома — и вуаля! Порядка двух часов жители четырех кварталов Джорджтауна по всем частотам ловили только радиостанцию «БОБ» и слушали голос моего брата, зачитывающего некоторые из моих рассказов, рассказывающего тупые анекдоты, объясняющего, что именно высокое содержание серы в бобах приводит к тому, что мой отец так много пердит на утренних воскресных службах. «Но большинство «голубков» он выпускает очень тихо, — сообщил Бобби своей более чем трехтысячной аудитории, —

а самых шумных обычно придерживает до исполнения псалмов».

Моему отцу, которого все это крайне огорчило, пришлось заплатить штраф в семьдесят пять долларов, выписанный Федеральной комиссией по связи, и он вычел их из денег, которые предназначались Бобби на карманные расходы в следующем году.

Жизнь с Бобби, да, конечно... но посмотрите. Я плачу. Искренние ли это слезы — или препарат начинает действовать? Думаю, первое. Бог свидетель, я его любил... Но, пожалуй, мне все равно лучше поторопиться.

Бобби окончил школу к десяти годам, но так и не стал бакалавром гуманитарных или естественных наук, не говоря уже о высших степенях. Причина заключалась в том самом большом и мощном компасе, стрелка которого все вращалась и вращалась в его голове в поисках истинного севера.

Он прошел период увлечения физикой, потом, более короткий, влюбленности в химию... но Бобби никогда не хватало терпения на скрупулезные математические расчеты, поэтому эти сферы человеческой деятельности не удержали его. Он мог многого достичь, но физика и химия — как и точные науки в целом — навевали на него скуку.

К пятнадцати годам Бобби увлекся археологией. Облазил подножия Белых гор около нашего летнего коттеджа в Норт-Конуэе, реконструируя историю живших здесь индейцев по наконечникам стрел, кремневым ножам и даже древесному углю давно потухших костров в мезолитовых пещерах центральной части Нью-Хэмпшира.

Но это прошло, и он начал читать книги по истории и антропологии. Когда Бобби исполнилось шестнадцать, мои отец и мать с неохотой отпустили его в экспедицию по Южной Америке с группой антропологов из Новой Англии.

Вернулся он через пять месяцев с первым настоящим загаром на лице. Он также вырос на дюйм, похудел на пятнадцать фунтов, и в нем прибавилось сдержанности. Он остался достаточно веселым, но его вечный мальчишечий

энтузиазм, иногда заразительный, иногда утомляющий, исчез. Именно тогда, впервые на моей памяти, он заговорил о новостях... в смысле, о том, какие они плохие. Шел 2003 год, тот самый, когда экстремистская группа, отколовшаяся от Организации освобождения Палестины и назвавшаяся «Сынами джихада» (почему-то это название всегда казалось мне отвратительно похожим на какую-нибудь католическую общину в Западной Пенсильвании) взорвала «грязную бомбу» в Лондоне, сделав шестьдесят процентов его территории непригодными для проживания, а оставшиеся сорок — опасными для тех, кто собирался иметь детей (или прожить больше пятидесяти лет, если на то пошло). В том году мы попытались установить блокаду Филиппин после того, как правительство Седеньо согласилось принять «небольшую группу» советников из Красного Китая (тысяч пятнадцать или около того, согласно информации с наших разведывательных спутников), и отказались от своих планов лишь тогда, когда стало очевидно, что: а) китайцы всерьез готовы выпустить ракеты, если мы не дадим задний ход; и б) у американцев нет особого желания совершить массовое самоубийство ради Филиппинских островов. В тот же год еще одна группа обезумевших говнюков — думаю, албанцев, — попыталась распылить над Берлином вирус СПИДа.

Такие новости огорчали всех, а Бобби просто вогнали в депрессию.

— Почему люди такие озлобленные? — однажды спросил он меня. Случилось это в конце августа, мы еще жили в нашем летнем коттедже в Нью-Хэмпшире, но большая часть вещей уже лежала в коробках и чемоданах. Коттедж навевал грусть, выглядел покинутым, как всегда перед тем, как мы все разбегались в разные стороны. Меня ждал Нью-Йорк, а Бобби — Уэйко, штат Техас, подумать только. Это лето он провел, читая книги по социологии и геологии — такую вот безумную смесь, — и хотел, по его словам, провести в Уэйко пару экспериментов. Говорил буднично, как бы ни о чем, но я заметил, что последние две недели, которые мы провели вместе, моя мать как-то по-особенному, внимательно поглядывала на него. Мы с отцом ничего не

подозревали, но, думаю, мама знала, что стрелка компаса Бобби перестала вращаться и четко нацелилась в выбранном направлении.

— Почему они такие озлобленные? — переспросил я. — Ты меня спрашиваешь?

— *Кому-то* придется ответить на этот вопрос. — Он пожал плечами. — И очень скоро, судя по тому, как развиваются события.

— Они развиваются, как и всегда развивались, — усмехнулся я. — А люди озлобленные потому, что, думаю, они такими созданы. Если хочешь кого-то винить, вини Бога.

— Это чушь. Я в это не верю. Даже двойные икс-хромосомы в итоге оказались чушью. И не говори мне, что причина в экономических трудностях, конфликте между имущими и неимущими, потому что и это объясняет далеко не все.

— Первородный грех, — напомнил я. — Отличное объяснение... бальзамом льется для души, не стой на месте, а пляши.

— Что ж, может, и первородный грех, — не стал спорить Бобби. — Но каково средство, большой брат? Ты задавался таким вопросом?

— Средство? Какое средство? Не понимаю тебя.

— Думаю, это вода, — задумчиво сказал Бобби.

— Что?

— Вода. Что-то в воде. — Он посмотрел на меня. — Или что-то, чего в воде нет.

На следующий день Бобби уехал в Уэйко. И я не видел его до тех пор, пока три года спустя он не появился в моей квартире в вывернутой наизнанку футболке и с двумя стеклянными контейнерами.

— Привет, Говард, — поздоровался он, небрежно похлопав меня по спине, словно прошло только три дня.

— Бобби! — проорал я и сжал его в медвежьем объятии. В грудь уперлось что-то твердое, и я услышал сердитое гудение.

— Я тоже рад тебя видеть, но осторожнее. Ты расстраиваешь аборигенов.

Я торопливо отступил на шаг. Бобби опустил на пол большой бумажный пакет и снял с плеча сумку. Потом осторожно достал из пакета два стеклянных контейнера. Пчелы уже успокаивались и возвращались к своим делам, но осам происходящее определенно не нравилось.

— Бобби. — Я смотрел на него и улыбался. Не мог заставить себя стереть улыбку с лица. — Чем теперь занимаешься?

Он расстегнул молнию на сумке и достал банку из-под майонеза, наполовину заполненную прозрачной жидкостью.

— Видишь? — спросил он.

— Да. То ли вода, то ли дистиллят.

— На самом деле, и то, и другое, если только ты мне поверишь. Источник этого — артезианская скважина в Ла-Плате, маленьком городке в сорока милях от Уэйко, и эти полбанки, которые ты видишь, первоначально представляли собой пять галлонов. Да, братец, у меня там работает настоящий перегонный аппарат, но не думаю, что правительство меня за него накажет. — Его улыбка стала шире. — Здесь только вода, но это самый крепкий чертов самогон в истории человечества.

— Я понятия не имею, о чем ты.

— Знаю, что не имеешь. Но ты все поймешь. И вот что я тебе скажу, брат...

— Что?

— Если это идиотское человечество продержится еще шесть месяцев, готов спорить, оно просуществует до скончания веков. — Он поднял майонезную банку и уставился на меня сквозь нее увеличенным, невероятно серьезным глазом. — Это лекарство от самой худшей болезни, которой только может заразиться *Homo sapiens*.

— От рака?

— Нет, — ответил Бобби. — От войны. Драк в баре. Стрельбы из автомобиля. Всей этой мерзости. Где у тебя ванна, Говард? Не то я сейчас лопну.

В ванной он не только надел футболку как положено, но и причесался... правда, привычным ему способом: смочил волосы под краном, а потом зачесал назад пальцами.

Затем он глянул на два стеклянных контейнера и объявил, что пчелы и осы вернулись в нормальное состояние.

— Хотя для осиного гнезда понятие «нормальное» неприменимо, Говард. Осы — общественные насекомые, такие же, как пчелы и муравьи, но в отличие от пчел, которые разумны практически всегда, и муравьев, которые изредка впадают в шизофрению, осы — полные и абсолютные безумцы. — Бобби улыбнулся. — Совсем как мы, старые, добрые *Homo sap.* — И он снял крышку с контейнера, в котором находились пчелы.

— Вот что я предлагаю, — начал я, натянуто улыбаясь. — Верни крышку на место и просто *расскажи* мне все. Наглядный показ оставь на потом. Я хочу сказать, владелец нашего дома — душка, но управляющий — здоровенная активная лесби. Которая курит сигары «Оди Перод» и весит на тридцать фунтов больше меня. Она...

— Тебе понравится, — продолжил Бобби, словно и не услышал меня: с этой его привычкой я сталкивался не реже, чем с десятипальцевым методом причесывания волос. Мог ли я его остановить? Разумеется, нет. Я слишком сильно радовался его возвращению. Думаю, даже тогда я знал: грядет что-то невообразимо ужасное, — но он буквально гипнотизировал меня, стоило мне провести с ним каких-то пять минут. Он был Люси, которая держала мяч и обещала: теперь *взаправду*, а я — Чарли Брауном, который бежал по полю, чтобы ударить по нему*. — Более того, вероятно, ты видел это раньше — на фотографиях, которые время от времени появляются в журналах, или в телевизионных документальных передачах о дикой природе. Ничего особенного, но *кажется* чем-то из ряда вон выходящим, потому что люди — и совершенно напрасно — относятся к пчелам предвзято.

И что самое странное, он сказал чистую правду: я это уже видел.

---

* Люси и Чарли Браун — герои комикса и мультфильмов «Мелочь пузатая».

Он сунул руку в контейнер между ульем и стеклом. Менее чем через пятнадцать секунд на его руке появилась живая черно-желтая перчатка. В голове ярко вспыхнуло воспоминание: я, в пижаме, сижу перед телевизором, в руках плюшевый медвежонок, вскоре нужно ложиться спать (Бобби еще даже не родился), и наблюдаю с ужасом, отвращением и невероятным интересом, как какой-то пасечник позволяет пчелам полностью закрыть его лицо. Сначала они формируют маску палача, а потом он стряхивает их, превращая в гротескную живую бороду.

Внезапно лицо Бобби исказилось, но затем он улыбнулся.

— Одна укусила меня. Они еще немного нервничают после путешествия. Из Ла-Платы до Уэйко меня подвезла одна милая женщина, местный страховой агент, на стареньком «Пайпер-Кабе»*. Потом самолетом какой-то мелкой авиакомпании «Эйр-жопс» я долетел до Нового Орлеана. Добрался сюда с сорока пересадками, но клянусь, из себя насекомых вывела поездка на такси от Ла-Мусорки**. На Второй авеню рытвин больше, чем на Бергенштрассе после капитуляции Германии.

— Знаешь, я думаю, что тебе все-таки лучше убрать оттуда руку, Бобс, — выразил я свое отношение к происходящему. Я ждал, что пчелы вот-вот вылетят из контейнера — и уже представлял себе, как часами гоняюсь за ними со сложенной газетой, чтобы перебить одну за другой, словно сбежавших заключенных в старом фильме о тюрьме. Но ни одна не вылетала... во всяком случае, пока.

— Расслабься, братец. Ты когда-нибудь видел, чтобы пчела жалила цветок? Или хотя бы слышал об этом?

— Ты на цветок не похож.

Он рассмеялся.

— Чушь. Ты думаешь, *пчелы* знают, как выглядит цветок? Ха-ха. Ничего подобного, друг. Они не знают, как выглядит цветок, точно так же, как мы с тобой не знаем, какие звуки издают облака. Они знают, что я сладкий, потому что мой пот содержит сахарозный диоксин... помимо еще тридцати

---

* «Пайпер-Каб» — легкий двухместный самолет.

** Ла-Мусорка — прозвище аэропорта Ла-Гуардия.

семи диоксинов, и это только те, которые нам известны. — Он задумчиво умолк. — Хотя должен признать, я подстраховался, немного подсластил себя этим вечером. В самолете съел коробку вишен в шоколаде.

— Господи, Бобби!

— И в такси добавил пару пирожных.

Он сунул в контейнер вторую руку и принялся осторожно сметать пчел. Я заметил, как он поморщился еще раз, прежде чем освободился от последней пчелы, и облегченно вздохнул, когда он закрыл крышку стеклянного контейнера. На обеих руках Бобби появились покрасневшие припухлости: на левой — посреди ладони, на правой — повыше, у того места, которое хироманты называют «браслетами судьбы». Его ужалили, но я понимал, что именно он хотел мне показать: не меньше четырех сотен пчел ползали по руке Бобби. Ужалили только две.

Бобби достал пинцет из кармашка для часов, подошел к моему столу. Отодвинул рукопись, которая лежала рядом с «Уонг-майкро», компьютером, которым я тогда пользовался, и направил лампу на то место, откуда убрал листы. Настроил, сфокусировав маленькое яркое световое пятно на вишневом дереве.

— Пишешь что-нибудь интересное, Бау-Вау? — спросил он, и я почувствовал, как поднялись волосы на затылке. Когда в последний раз он называл меня Бау-Вау? В четыре года? В шесть? Черт, я не знаю. Он пытался что-то вытащить из левой руки. Ему это удалось, и он положил нечто миниатюрное, меньше волоска в ноздре, в мою пепельницу.

— Статью о подделках для «Вэнити фэйр», — ответил я. — Бобби, а чем ты, черт побери, сейчас увлекся?

— Вытащишь второе? — спросил он с извиняющейся улыбкой, протягивая мне пинцет и правую руку. — Я всегда думал, что должен в равной степени владеть обеими руками, раз я такой умный, но у моей левой руки ай-кью не выше шести.

Старый, добрый Бобби.

Я сел рядом с ним, взял пинцет и вытащил пчелиное жало из красной припухлости рядом с тем местом, которое следовало в данном конкретном случае назвать «браслетами рока». Бобби в это время рассказывал мне о различиях между пчелами и осами, между водой в Ла-Плате и Нью-Йорке и о том, как (черт побери!) все изменится к лучшему благодаря его воде и моей помощи.

И в итоге я со смехом побежал к футбольному мячу, который держал мой гениальный брат. В последний раз.

— Пчелы жалят только по необходимости, потому что их это убивает, — будничным тоном говорил Бобби. — Ты помнишь тот день в Норт-Конуэе, когда ты сказал, что мы продолжаем убивать друг друга из-за первородного греха?

— Да. Не шевелись.

— Если это правда, если Бог действительно любит нас до такой степени, что позволил собственному сыну умереть на кресте, и при этом отправляет нас толпами в ад только потому, что одна глупая сука польстилась на плохое яблоко, тогда проклятие наше в одном: он создал нас осами, а не пчелами. Черт, Говард, что ты там вытворяешь?

— Не шевелись, — повторил я, — и я его вытащу. Если хочешь махать руками — подожду.

— Ладно, — ответил он и замер, позволяя мне вытащить жало. — Пчелы — камикадзе природы, Бау-Вау. Посмотри на стеклянный контейнер. Две, что укусили меня, лежат дохлыми на дне. Их жала зазубрены, как рыболовные крючки. В кожу жало входит легко, но когда пчела пытается его вытащить, оно разрывает ей внутренности.

— Круто. — Я бросил в пепельницу второе жало. Зазубрин я не видел, а микроскопа, чтобы разглядеть, у меня не было.

— Потому они особенные.

— Готов спорить.

— У ос жала, наоборот, гладкие. Поэтому они жалят, сколько им заблагорассудится. После третьего или четвертого раза яд заканчивается, но они могут продолжать жалить,

просто пробивая кожу... что обычно и делают. Особенно стенные осы. Таких я и привез. Их надо успокаивать. Веществом, которое называется ноксон. От него у них жуткое похмелье, поэтому просыпаются они еще более злобными.

Он очень серьезно посмотрел на меня, и тут я впервые обратил внимание на темные мешки под его глазами и осознал, что мой брат смертельно вымотан.

— Поэтому люди и продолжают воевать, Бау-Вау. Снова и снова. У нас гладкие жала. А теперь смотри.

Он встал, подошел к сумке, порылся в ней, достал пипетку. Открыл майонезную банку и набрал немного дистиллированной техасской воды.

С пипеткой направился к стеклянному контейнеру с осиным гнездом. Я увидел, что крышка у него другая: на ней имелся маленький пластмассовый ползунок. Объяснений не требовалось: с пчелами брат без опаски снимал крышку, с осами приходилось принимать максимальные меры предосторожности.

Бобби сжал резиновый шарик. Две капли воды упали на гнездо, оставив темное пятнышко, которое практически мгновенно исчезло.

— Подождем три минуты.

— Что?..

— Никаких вопросов, — оборвал он меня. — Ты сам все увидишь. Три минуты.

За это время он прочитал мою статью о подделках... больше двадцати страниц.

— Ладно. — Бобби положил рукопись на стол. — Неплохо написано, брат. Но тебе надо бы прочитать о том, как Джей Гулд украсил вагон-гостиную личного поезда подделками Мане. Это действительно смешно. — С этими словами он снял крышку с контейнера с осиным гнездом.

— Господи, Бобби, прекрати этот балаган! — воскликнул я.

— Все тот же трусишка, — рассмеялся Бобби и достал гнездо, тускло-серого цвета, размером с мяч для боулинга. Он держал его в руках. Осы вылетали из гнезда и садились на его руки, щеки, лоб. Одна подлетела ко мне и приземли-

лась на предплечье. Я убил ее резким ударом, и она упала на ковер. Я испугался — по-настоящему испугался. Адреналин выплеснулся в кровь. Я чувствовал, что глаза вот-вот вылезут из орбит.

— Не убивай их, — остановил меня Бобби. — Это все равно что убивать младенцев, потому что они не могут причинить тебе никакого вреда. В этом весь *смысл*. — Он принялся перекидывать осиное гнездо с руки на руку, словно огромный мяч для софтбола. Потом подбросил его в воздух. Я в ужасе наблюдал, как осы кружат по гостиной, словно истребители на боевом патрулировании.

Бобби осторожно опустил гнездо в стеклянный контейнер, сел на диван. Похлопал по подушке рядом с собой, и я подошел, словно загипнотизированный. Осы были везде: на ковре, на потолке, на шторах. Полдесятка ползли по экрану телевизора.

Прежде чем я сел, Бобби смахнул парочку с диванной подушки, на которую опускался мой зад. Они тут же улетели. Летали осы легко, ползали легко, двигались быстро. По их поведению не чувствовалось, что они находятся под действием каких-то препаратов. И пока Бобби говорил, они без труда находили дорогу к своему многослойному дому, ползали по нему, а потом исчезали в дыре на крыше.

— Я не первым заинтересовался Уэйко, — продолжил Бобби. — Так уж вышло, это самый большой город в удивительной маленькой мирной части штата, которому в сравнении с другими, *per capita**, наиболее свойственно насилие. Техасцы обожают стрелять друг в друга, Говард... в этом штате у людей такое хобби. Половина мужчин выходит из дома с оружием. В любой субботний вечер бары Форт-Уэрта превращаются в тиры, где стреляют по пьяным, а не по глиняным тарелочкам. Там больше членов Национальной стрелковой ассоциации, чем прихожан методистской церкви. Техас, конечно, не единственное место, где люди стреляют друг в друга, или режут опасными бритвами, или засовывают своих детей в духовку, если те слишком долго кричат, ты понимаешь, но там больше всего любят огнестрельное оружие.

* На душу населения (*лат.*).

— За исключением Уэйко, — уточнил я.

— Там тоже любят пострелять, — ответил Бобби. — Просто гораздо реже пускают оружие в ход друг против друга.

Господи! Я только глянул на часы и не поверил своим глазам. Мне казалось, что пишу я минут пятнадцать, может, чуть дольше, а на самом деле прошло больше часа. Такое со мной случается, когда я очень тороплюсь, но я не могу позволить себе отвлекаться на эти подробности. Чувствую я себя как обычно: никакой сухости в горле, не приходится прилагать усилия, чтобы подобрать нужное слово, и, глядя на уже напечатанное, я вижу обычные опечатки и забитые места. Но нет смысла обманывать себя. Надо торопиться. «Какая ерунда», — сказала Скарлетт, и все такое.

Мирную обстановку в Уэйко заметили и исследовали раньше, главным образом, социологи. Как сказал Бобби, если заложить в компьютер достаточно статистических данных по Уэйко и другим аналогичным регионам — плотность населения, средний возраст, средний уровень экономического развития, средний уровень образования и десятки других факторов, — в итоге получится бросающаяся в глаза аномалия. Научные работы редко настроены на игривый лад, но тем не менее, в некоторых из более пяти десятков, прочитанных Бобби, с иронией предполагалось, что причина, возможно, в «чем-то в воде».

— Я решил, а может, пора отнестись к шутке со всей серьезностью, — пояснил Бобби. — В конце концов, во многих местах в воду кое-что добавляют, чтобы предотвратить разрушение зубов. Фториды.

Он направился в Уэйко с тремя лаборантами: двумя студентами-выпускниками, будущими социологами, и одним профессором геологии, который находился в годовом отпуске и жаждал приключений. За шесть месяцев Бобби и социологи написали компьютерную программу, которая иллюстрировала явление, названное моим братом единственным в мире штилетрясением. В сумке у него лежала чуть помятая распечатка. Он передал ее мне. Я увидел сорок

концентрических колец. Уэйко располагался в восьмом, девятом и десятом, если двигаться к центру.

— А теперь смотри. — Он накрыл распечатку прозрачной пленкой. Новые кольца, но с числами в каждом. Сороковое кольцо — 471. Тридцать девятое — 420. Тридцать восьмое — 418. И так далее. В паре колец числа увеличивались вместо того, чтобы уменьшаться, но только в паре (и ненамного).

— Это что?

— Каждое число — количество насильственных преступлений в соответствующем кругу, — ответил Бобби. — Убийства, изнасилования, нападения, побои, даже акты вандализма. Компьютер рассчитывает число по формуле, принимающей во внимание плотность населения. — Он постучал пальцем по кольцу 27, на котором стояло число 204. — В этом месте, к примеру, проживает менее девятисот человек. Число включает в себя три или четыре случая домашнего насилия, пару ссор в баре, один случай жестокого обращения с животными — какой-то выживший из ума фермер разозлился на свинью и выстрелил в нее зарядом каменной соли, если не ошибаюсь — и одно непредумышленное убийство.

Я видел, что в центральных кругах числа уменьшались стремительно: 85, 81, 70, 63, 40, 21, 5. В эпицентре штилетрясения Бобби находился город Ла-Плата. Назвать его сонным маленьким городком представлялось более чем справедливым.

По разработанной шкале Ла-Плате соответствовал ноль.

— И этот город, Бау-Вау, — Бобби наклонился вперед, нервно потер руки, — стал для меня эквивалентом Райского сада. Население пятнадцать тысяч человек, двадцать четыре процента — смешанной крови, то есть метисы. Фабрика по пошиву мокасин, две или три авторемонтные мастерские, две или три небольшие фермы. Это для работы. Для отдыха — четыре бара, пара танцзалов, где можно услышать любую музыку, если она звучит как песни Джорджа Джонса*, два кинотеатра под открытым небом и боулинг. —

* Джордж Джонс (1931–2013) — один из наиболее известных вокалистов в истории кантри-музыки.

Он помолчал, прежде чем добавить: — Плюс винокурня. За пределами Теннесси такого хорошего виски не производят нигде.

Короче (больше ни на что времени уже не осталось), в Ла-Плате существовали все условия для того, чтобы город был рассадником бытового насилия, о котором мы читаем каждый день в разделе «Полицейская хроника». Но нет. За пять лет, предшествовавших приезду моего брата, там случилось только одно убийство и два нападения. Ни тебе изнасилований, ни жестокого обращения с детьми. Четыре вооруженных ограбления, но они были делом рук заезжих гастролеров... как и убийство, как и одно из нападений. Местным шерифом был толстый старый республиканец, очень похожий на актера Родни Дейнджерфилда. Все знали, что он целыми днями сидит в местной кофейне, дергает себя за галстук и слезно просит забрать его жену. Мой брат предполагал, что это не просто неудачная шутка. Он практически не сомневался, что у бедняги первая стадия болезни Альцгеймера. Единственным помощником шерифа служил его же племянник. Бобби говорил, что племянник как две капли воды похож на Джуниора Сэмплса в старых выпусках шоу «Хи-Ха».

— Отправь этих двух парней в любой из городов Пенсильвании, во всех отношениях сходных с Ла-Платой, за исключением географического положения, и их бы вышибли пятнадцать лет тому назад. Но в Ла-Плате они будут занимать свои посты до конца жизни... и умрут, скорее всего, во сне.

— И что ты сделал? — спросил я. — С чего начал?

— Что ж, первую неделю или две после завершения обработки всего этого статистического дерьма мы просто сидели и смотрели друг на друга, — ответил Бобби. — Я хочу сказать, мы ждали чего-то подобного, но не до такой степени. Даже Уэйко не подготовил нас к тому, с чем мы столкнулись в Ла-Плате. — Бобби нервно заерзал и хрустнул суставами пальцев.

— Господи, я терпеть не могу, когда ты так делаешь, — фыркнул я.

Он улыбнулся.

— Извини, Бау-Вау. В общем, мы начали геологические исследования, потом провели тщательный анализ воды. Я не ожидал ничего сногсшибательного. Все в этих местах пользовались скважинами, обычно глубокими, и регулярно проверяли воду, чтобы убедиться, что в ней нет борнокислого натрия или чего-то такого. До столь очевидной причины докопались бы давным-давно. Поэтому мы продолжили исследования на субмолекулярном уровне, и вот тут обнаружились весьма любопытные странности.

— Какие странности?

— Разрывы в атомных цепочках, субдинамические электрические флуктуации и какой-то неведомый белок. Вода — это тебе не просто аш-два-о, там еще и сульфиды, и соли железа, и бог знает что еще, свойственное водоносному горизонту конкретного региона. Что касается воды в Ла-Плате, в ее формулу нужно записать множество букв, похожих на те, что пишут за фамилией почетного профессора. — Его глаза блеснули. — Но самой интересной находкой оказался белок. Насколько нам известно, ранее его обнаруживали только в одном месте: в человеческом мозгу.

Ну вот.

Он только что проявился — первый симптом, — между двумя глотками: сухость в горле. Не слишком сильная, но мне пришлось прерваться и взять стакан ледяной воды. У меня осталось, наверное, минут сорок. И Господи, как же много мне еще нужно сказать! Об осиных гнездах, которые они нашли, с нежалящими осами; об автомобильной аварии, свидетелями которой стали Бобби и один его помощник: водители, оба мужчины, оба выпившие, оба примерно двадцати четырех лет (по социологическим параметрам, лоси в период спаривания), вылезли из-за руля, пожали друг другу руки, обменялись информацией о своих страховых агентствах и отправились в ближайший бар, чтобы пропустить еще по стаканчику.

Бобби говорил не один час — времени в его распоряжении было гораздо больше, чем у меня. И долгий рассказ привел к прозрачной жидкости в майонезной банке.

— Теперь у нас в Ла-Плате своя винокурня. А это продукт, который мы получаем на выходе, Говард. Пацифистский самогон. Водоносный слой под тем техасским регионом глубокий и очень большой: прямо-таки подземное озеро Виктория, просочившееся сквозь пористые осадочные породы над границей Мохоровичича. Эта вода тоже сильная, но благодаря многократной перегонке у вещества, которым я воздействовал на ос, эффективность гораздо выше. У нас его сейчас почти шесть тысяч галлонов, в больших резервуарах из нержавеющей стали. К концу года наши запасы увеличатся до четырнадцати тысяч. К следующему июню — до тридцати. Но этого недостаточно. Нам нужно больше, мы должны получать его быстрее... а потом еще и транспортировать.

— Транспортировать куда? — спросил я.

— Для начала на Борнео. — Я подумал, что либо свихнулся, либо не расслышал. Правда. — Посмотри сам, Бау-Вау... извини, Говард. — Он вновь покопался в сумке, достал несколько аэрофотоснимков, протянул мне. — Видишь? Это же потрясающе! Словно сам Господь вмешался в наши повседневные программы со своим: «Внимание! Внимание! Экстренное сообщение! Это ваш последний шанс, говнюки! А теперь мы возобновляем прерванную передачу».

— Не знаю, о чем ты, — ответил я. — И понятия не имею, на что смотрю.

То есть я смотрел на остров — не сам Борнео, а к востоку от него. У острова имелось название: Гуландио, с горой посередине и множеством деревень с глинобитными домиками на нижних склонах. Вершину горы скрывали облака. Я хотел сказать другое: что не знаю, на что именно смотреть.

— У горы то же название, что и у острова. Гуландио. На местном наречии это означает «милость», или «судьба», или «рок», выбирай сам. Но Дюк Роджер говорит, что в действительности это самая большая на земле мина с часовым ме-

ханизмом... и взорваться она должна к октябрю следующего года. Если не раньше.

Самое безумное состоит в следующем: история эта кажется безумной, только если излагать ее наспех, что я сейчас и делаю. Бобби хотел, чтобы я помог ему собрать от шестисот тысяч до полутора миллионов долларов. На что их потратить, он уже знал: первое, наработать от пятидесяти до семидесяти тысяч галлонов этого, как он выражался, «первосортного» дистиллята; второе, по воздуху переправить дистиллят на Борнео, где имелись аэродромы для приема тяжелых транспортных самолетов (на Гуландио мог совершить посадку только дельтаплан); третье, кораблями доставить дистиллят на остров, называющийся Судьба, или Рок, или Милость; четвертое, на грузовиках поднять дистиллят по склону вулкана, который спал (если не считать нескольких выбросов дыма в 1938 году) с 1804 года, а потом вылить в кратер вулкана. Дюк Роджерс, вернее Джон Пол Роджерс, профессор геологии, заявлял, что на Гуландио не просто начнется извержение. По его расчетам, вулкану предстояло взорваться, как в девятнадцатом веке взорвался Кракатау, и вызвать катастрофу, в сравнении с которой взрыв «грязной бомбы», отравившей Лондон, покажется детской шалостью.

По словам Бобби, вулканический пепел после извержения Кракатау облетел буквально весь земной шар. Результаты этого извержения легли в основу теории «ядерной зимы», сформулированной группой Сагана. Три месяца после извержения жители другой половины Земли наслаждались ярчайшими рассветами и закатами из-за частичек, которые несли с собой струйные потоки и течения Ван Аллена, находящиеся в сорока милях ниже радиационного пояса того же Ван Аллена. Произошли глобальные изменения климата, которые продолжались пять лет, и пальмы, что прежде росли только в восточной Африке и Микронезии, внезапно появились в Северной и Южной Америках.

— В Северной Америке все пальмы нипа вымерли к тысяча девятисотому году, — добавил Бобби, — но они прижились и прекрасно себя чувствуют по другую сторону экватора. Их посадил Кракатау, Говард... точно так же, как я хочу посадить воду Ла-Платы по всей Земле. Я хочу, чтобы вода из Ла-Платы падала на людей, когда будет идти дождь... а после взрыва Гуландио дождь будет идти часто. Я хочу, чтобы они пили воду Ла-Платы, которая будет попадать в их хранилища пресной воды, я хочу, чтобы они мыли в ней волосы, купались в ней, промывали контактные линзы. Я хочу, чтобы проститутки *подмывались* ею.

— Бобби, ты свихнулся, — ответил я, понимая, что это не так.

Усталая улыбка искривила его губы.

— Я не свихнулся. Хочешь посмотреть на безумцев? Включи Си-эн-эн, Бау... Говард. Увидишь безумие в цвете.

Но я мог и не включать новости (один мой друг взял в привычку называть их «Шарманкой рока»), чтобы понять, о чем говорил Бобби. Индия и Пакистан балансировали на грани войны. Китай и Афганистан тоже. Половина Африки голодала, другая умирала от СПИДа. Последние пять лет, после того, как в Мексике пришли к власти коммунисты, на границе с Техасом не прекращались стычки. Пограничный переход в Тихуане, штат Калифорния, называли Маленьким Берлином из-за возведенной там стены. Бряцание оружием стало оглушительным. В последний день ушедшего года общественная организация «Ученые за ядерную ответственность» перевела свои черные часы на пятнадцать секунд до полуночи*.

* Аллюзия на символические часы Судного дня — проект американского журнала «Бюллетень ученых-атомщиков», запущенный в 1947 г. создателями первой атомной бомбы. Эти часы, показывающие без нескольких минут полночь, демонстрируют уровень напряженности в мире и развитие ядерного вооружения. Полночь является моментом ядерного катаклизма. Решение о переводе стрелок принимает совет директоров журнала при помощи приглашенных экспертов, среди которых, в частности, 18 лауреатов Нобелевской премии.

— Бобби, давай предположим, что все сделано и прошло согласно намеченному плану, — ответил я. — Вероятно, это невозможно и ничего не получится, но давай предположим. Ты понятия не имеешь, какими будут долговременные последствия. — Он начал что-то говорить, но я остановил его взмахом руки. — Даже не говори, что имеешь. Потому что это не так. Ты сумел найти эпицентр штилетрясения и определить причину феномена, это я признаю. Но ты слышал о талидомиде? О том, как, казалось бы, безобидное средство от угрей и бессонницы приводило к раку и инфарктам у тридцатилетних? Ты помнишь вакцину против СПИДа, разработанную в девяносто седьмом году?

— Говард?..

— Она останавливала развитие болезни, зато превращала испытуемых в неизлечимых эпилептиков, которые жили не дольше восемнадцати месяцев.

— Говард?..

— А еще...

— Говард?.. — Я посмотрел на него. — Общество, — начал он и замолчал. Я видел, что у него перехватило дыхание, что он борется со слезами. — Общество нуждается в радикальных мерах, брат. Я ничего не знаю о долговременных последствиях, и изучать их нет времени, потому что у нас нет долговременной перспективы. Может, нам удастся излечиться от этой мерзости. А может...

Он пожал плечами, попытался улыбнуться, посмотрел на меня блестящими глазами, и по его щекам медленно сползли две слезы.

— А может, мы даем героин пациенту, умирающему от рака. В любом случае, это остановит то, что происходит сейчас. Положит колец вселенской боли. — Он вскинул руки, ладонями вверх, чтобы я увидел на них следы укусов. — Помоги мне, Бау-Вау. Пожалуйста, помоги.

Я ему помог.

И мы облажались. Если на то пошло, можно сказать, что облажались по-крупному. Но хотите знать правду? Мне плевать. Мы уничтожили всю растительность, но спасли оранжерею. Что-то вырастет снова. Я надеюсь.

Вы это читаете?

Мои шестеренки начинают залипать. Впервые за долгие годы приходится думать над тем, что я делаю. Какие клавиши нажимать. Следовало прибавить ходу в самом начале.

Впрочем, не важно. Все равно уже ничего не изменишь.

Разумеется, мы это сделали. Перегнали воду, самолетами доставили на Борнео, перевезли на Гуландио, построили на склоне вулкана примитивный подъемник — грубый гибрид подвесной дороги и фуникулера — и вылили более двенадцати тысяч пятигаллоновых контейнеров ла-платовской воды — промывающей мозги — в темные, дымящиеся глубины кратера. Справились за восемь месяцев. Обошлось нам это не в шестьсот тысяч долларов и не в полтора миллиона — более чем в четыре, но все же меньше одной шестнадцатой процента денег, которые Америка потратила на оборону в том году. Вы хотите знать, где мы их взяли? Я бы вам рассказал, будь у меня больше времини, но голова раскалывается, да и не имеет значенея. Если для вас это имеет какое-то значение, большую часть добыл я. Мытьем, катань-ем. По правде говоря, не представлял себе, что смогу это делать, пока не сделал. Но мы справились, и мир не разалился, и этот вулкан — как его там, точно не помню, возвращатся к началу рукаписи времени нету — взорвался в положенный рок.

Подождите.

Ладно. Чуть лучше. Дигиталин. Знал, что у Бобби есть. Сердце колотится как бешеное но я вновь могу соображать.

Вулкан — гора Милости, как мы ее называли — взорвался, как и предсказал Дук Роджерс. Гора рванула так што мало никому не паказалось, на какое-то время все атвлеклись от своих дел и посмотрели на нево. Какая ерунда, сказала Скалретт.

Все праизошло очень быстро вам бам пардон мадам и все выздоровели. Я серьезно.

Подождите.

* * *

Иисус, пожалуйста, позволь мне закончить.

Я хочу сказать, все как-то притормозили. Все начали более обективно оценивать ситуацию. Обсчество повело себе как осы в гнезде которое Бобби мне показал. Они не шалили. Наступили три года бабьего лета. Люди собирались вместе как в старой песне Янгблада они все собирались вместе, как и хотели хипписы, мир, любовь и

Сто

Принял побольше. Ощущение, будто сердце вылезает из ушей. Но если я соберу волю в кулак, если сосредоточусь...

Словно наступило бабье лето, вот что я хотел сказать, три года бабьего лета. Бобби продолжил свои иследования. Ла-Плата. Социологический фон, и т.д. Помните местново шерифа? Толстого старого республиканца, пахожего на Родни Янгблада? Как Бобби сказал что у него преждевременные симптомы болезни Родни?

сосредоточься, говнюк

Не только у него, оказалось таких много в той части Техаса. Все с болезнью пустой головы, вот я про что. Три года мы с Бобби этим занимались. Создали новую программу. Навертили новую кольцевую диаграмму. Я понял что происходит и вернулся сюда. Бобби и два его помошника остались там. Один застлерился сказал Бобби когда появился здесь.

Пожождите пока я...

Хорошо. Последняя попытка. Серце так колотится что не дает дыхать. Новый график, *последний* график, потрясал только когда его накладывали на диаграмму штилетрясения. Эта диаграмма покасывала снишение насилия с приблицением к Ла-Прате в сентре; Альцгеймерский график показывал увеличение случаеф преждивременного старчского ма-

расма с приближением к Ла-Плате. Люди становились дебилами очинь молотыми.

Последующие три года мы с Бобо принимали все меры предсторошности, пили только бутилированную воду в дождь надевали длинные плащи с капушоном. никакой войны не было и когда все начали дуреть мы не менялись и я приехал сюда потому что он мой брат и я не могу вспомнить его имя

Бобби

Бобби когда приехал сюда сегодня плакал и я казал Бобби я тебу лублуя и Бобби казал мне очинь шаль баувау мне очинь шаль я сделал вес мир полный дубаков и дефилов и я казал луше дубаки и дефилы чем болшая черная дыры в космасе ион плакал и я плакал Бобби я тебя лублу и он казал ты сделаш мне укол спицалной вады, и я казал да и он казал запишы все што случилась и я казал да и казеца записал но не помню вишу слава но не понима что они осначать

у миня Бобби его завут брат и я закончел писал и у миня есть коробка что б туда все склал Бобби казал восдуш десь шистый пролешат миллион лет такой харош такой харош всем брат, я хачу заканчить харош бобби я тебя люблю это не твая вина я тебя люблю

прошаютебя

люблю тебя

падписывю (для мира)

БАУВАУ ФОРНОЙ

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Звали ее мисс Сидли, работала она учительницей.

Ей приходилось вытягиваться во весь свой маленький рост, чтобы писать в верхней части доски, что она сейчас и делала. За ее спиной никто из детей не хихикал, не перешептывался, не пытался съесть что-нибудь сладенькое. Они слишком хорошо знали мисс Сидли. Она всегда могла сказать, кто жует жвачку на задних партах, у кого в кармане рогатка, кто хочет пойти в туалет не по нужде, а чтобы поменяться открытками с фотографиями бейсболистов. Как Господь Бог, она знала все и обо всех.

Волосы у нее поседели, а сквозь тонкое платье проступал поддерживающий позвоночник корсет: в последние годы ее замучили боли в спине. Хрупкая, вечно страдающая, косоглазенькая женщина. Но дети ее боялись. Ее острый язычок сек, как розги. А от взгляда, если он падал на хохотунью или шептуна, даже самые крепкие колени превращались в мягкую глину.

Она писала на доске длинный список слов, которые в этот день предстояло разобрать по буквам, и думала о том, что об ее успехах в долгой и многотрудной учительской карьере можно судить по поведению класса: она могла повернуться к ученикам спиной, не опасаясь, что те тут же займутся своими делами.

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

— Каникулы, — озвучила она слово, которое выводила на доске. — Эдуард, пожалуйста, используй слово «каникулы» в каком-нибудь предложении.

— На каникулы я ездил в Нью-Йорк, — без запинки ответил Эдуард. Как и учила мисс Сидли, главное слово он произнес четко и размеренно: ка-ни-ку-лы.

— Очень хорошо, Эдуард. — И она перешла к следующему слову.

Разумеется, у нее были свои маленькие хитрости. Успех — это она знала четко — зависел и от мелочей. В классе она никогда не отступала от этого принципа.

— Джейн.

Джейн, которая яростно пролистывала учебник, виновато подняла голову.

— Пожалуйста, закрой книгу. — Книга закрылась. Взгляд светлых глаз Джейн, полных ненависти, уперся в спину мисс Сидли. — После занятий останешься в классе на пятнадцать минут.

Губы Джейн затряслись.

— Да, мисс Сидли, — покорно ответила она.

Мисс Сидли очень ловко использовала свои очки с толстыми стеклами, и ее всегда забавляли виноватые, испуганные лица учеников, когда она ловила их за неположенным занятием. Вот и теперь она увидела, как искаженный, перекошенный Роберт, сидевший в первом ряду, скорчил неодобрительную гримаску. Но ничего не сказала. Пусть Роберт еще немного подергается.

— Завтра, — громко и отчетливо произнесла мисс Сидли. — Роберт, тебя не затруднит предложить нам какое-нибудь предложение со словом «завтра»?

Роберт глубоко задумался. Класс затих, разморенный теплым сентябрьским солнцем. Электрические часы над дверью показывали, что до желанных трех часов осталось всего лишь тридцать минут, и лишь молчаливая, угрожающая спина мисс Сидли удерживала юные головы от сладкой дремы.

— Я жду, Роберт.

— Завтра случится что-то плохое, — ответил Роберт. Предложение он составил совершенно правильно, но седь-

мое чувство мисс Сидли, свойственное всем строгим учителям, подсказало: что-то не так. — Завт-ра, — как и полагалось, добавил Роберт. Руки его лежали на парте. Он вновь скорчил гримаску. Да еще улыбнулся одними губами. И тут до мисс Сидли дошло: он знает, как она наловчилась использовать очки.

И ладно. Очень даже хорошо.

Она начала писать следующее слово, не похвалив Роберта, предоставив тому увидеть ответ в реакции ее тела. Одним глазом она приглядывала за Робертом. Скоро он высунет язык или поднимет один палец (даже девочки, и те знали, что означает этот неприличный жест) только для того, чтобы посмотреть, действительно ли она знает, что он делает. И вот тогда будет наказан.

Отражение, конечно же, искажало действительность. И смотрела она на него лишь краем глаза искоса, занятая словом, которое писала на доске.

Роберт изменился.

Она едва успела поймать это изменение, заметить, как лицо Роберта стало... другим.

Она резко обернулась, бледная как полотно, не обращая внимания на боль, пронзившую спину.

Роберт вопросительно смотрел на нее. Его руки лежали на парте. Испуга он не выказывал.

Мне это привиделось, подумала мисс Сидли. *Я чего-то ждала, а когда ничего не произошло, мое подсознание что-то выдумало. Пошло мне навстречу. Однако...*

— Роберт? — Она хотела, чтобы голос звучал властно, хотела, чтобы в нем слышалось невысказанное требование чистосердечного признания. Не получилось.

— Что, мисс Сидли? — Глаза у него были темно-карие, как ил на дне медленно текущего ручья.

— Ничего.

Она вновь повернулась к доске. По классу пробежал легкий шепоток.

— *Тихо!* — рявкнула она, окинув учеников грозным взглядом. — Еще один звук, и вы все останетесь в школе вместе с Джейн. — Она обращалась ко всему классу, но

смотрела на Роберта. В его ответном, чистом, детском взгляде читалось: *Почему я, мисс Сидли? Я тут совершенно ни при чем.*

Она вновь принялась писать на доске, на этот раз перестав поглядывать на отражение в очках. Последние полчаса закончились, но ей показалось, что Роберт, выходя из класса, очень странно посмотрел на нее, словно говоря: *У нас есть тайна, верно?*

Взгляд этот не давал ей покоя. Преследовал ее, застрял в голове, словно кусочек мяса между двумя зубами: вроде бы ничего особенного, но противно.

В пять вечера, в одиночестве принявшись за обед (вареные яйца на гренке), мисс Сидли по-прежнему думала об этом. Она знала, что стареет, и воспринимала сие с олимпийским спокойствием. Она не собиралась превращаться в одну из школьных мымр, которых пинками выгоняли на пенсию. Они напоминали мисс Сидли азартных игроков, которые, проигрывая, не могли заставить себя оторваться от стола. Но она-то не проигрывала. Она всегда была в выигрыше.

Мисс Сидли уставилась на вареные яйца.

Разве не так?

Подумала о чистеньких лицах третьеклассников, обнаружила, что наиболее отчетливо видит Роберта.

Встала, включила еще две лампочки.

Позже, когда она легла спать, лицо Роберта опять всплыло перед ней, неприятно улыбаясь. Лицо начало меняться...

Но мисс Сидли заснула до того, как увидела, в кого или во что превратился Роберт.

Сон не принес отдыха, а потому на следующий день она пришла в класс не в самом радужном настроении. С нетерпением ждала, когда же кто-нибудь зашепчется, захихикает, может, передаст записку. Но класс сидел тихо... очень тихо. Все неотрывно смотрели на нее, и мисс Сидли чувствовала, что взгляды учеников ползают по ней, словно слепые муравьи.

Прекрати, жестко одернула она себя. *Ты превратилась в выпускницу колледжа, ведущую свой первый урок.*

День тянулся ужасно медленно, так что последнего звонка она ждала даже с большим нетерпением, чем дети. Наконец они построились у двери, парами, мальчики и девочки, держась за руки.

— Свободны, — отпустила их мисс Сидли, а потом слушала их радостные крики в коридоре и залитом солнцем школьном дворе.

Что же я такое увидела, когда он изменился? Что-то луковицеобразное. Что-то мерцающее. Это что-то смотрело на меня, да, смотрело и ухмылялось, и это был не ребенок. Скорее старик, очень злобный и...

— Мисс Сидли?

Она дернула головой, с губ сорвалось непроизвольное: «Ой!»

Мистер Хэннинг виновато улыбнулся:

— Извините, что напугал вас.

— Все нормально, — с излишней резкостью ответила она. О чем она только что думала? Что с ней случилось?

— Вас не затруднит проверить, есть ли бумажные полотенца в туалете для девочек?

— Конечно. — Она поднялась, потерла руками поясницу. На лице мистера Хэннинга отразилось сочувствие. *А вот этого не надо*, подумала она. *Старой деве это ни к чему.*

Она протиснулась мимо мистера Хэннинга и зашагала по коридору к туалету для девочек. Наткнулась на галдящих мальчишек, которые несли бейсбольное снаряжение. Мальчишки тут же затихли, и крики раздались вновь уже во дворе.

Мисс Сидли хмуро посмотрела им вслед, подумала, что в ее время дети были другими. Нет, насчет вежливости речь не шла, на это детей никогда не хватало, насчет уважения к взрослым тоже. Но вот такого лицемерия не было и в помине. Раньше они так не затихали при появлении взрослых, с гаденькими улыбками на лицах. Их презрение тревожило, даже выводило из себя. Словно они...

Прятались за масками? Так?

Мисс Сидли отбросила эту мысль и вошла в туалет. Маленькое L-образное помещение. Туалетные кабинки распо-

лагались вдоль одной стороны длинной части, раковины — с двух сторон короткой.

Проверив контейнеры с бумажными полотенцами, она поймала в зеркале свое отражение и уставилась на него. Ей не понравилось то, что она увидела, совершенно не понравилось. Двумя днями раньше этого взгляда не было — испуганного, затаившегося. С ужасом она осознала, что расплывчатое, искаженное отражение бледного лица Роберта с очков проникло ей в голову и укоренилось там.

Дверь открылась, мисс Сидли услышала, как в туалет, хихикая, вошли две девочки. Она уже хотела обогнуть угол и выйти из туалета, когда услышала свою фамилию. Вернулась к раковинам и вновь начала проверять контейнеры с бумажными полотенцами.

— И тогда он...

Тихие смешки.

— Она знает, но...

Снова смешки, липкие, как растаявшее мыло.

— Мисс Сидли...

Хватит! Прекратите этот шум!

Приблизившись к углу, она увидела их тени, расплывчатые, бесформенные, от рассеянного света, падавшего сквозь матовые окна, других и быть не могло. Тени накладывались друг на друга.

Новая мысль мелькнула в голове.

Они знают, что я здесь.

Да. Они знали. Эти маленькие сучки знали.

Сейчас она задаст им перца. Будет трясти, пока не застучат зубы, а смешки не сменятся рыданиями, будет бить головами о кафельные стены, пока они не расскажут все что знали.

И вот тут тени изменились. Удлинились, сгорбились, приняли странные, угрожающие формы, при виде которых мисс Сидли подалась назад, прижалась спиной к стене между раковинами, сердце едва не выпрыгнуло у нее из груди.

Но они продолжали хихикать.

Только голоса изменились. В них не осталось ничего девичьего, они лишились пола, души, в них слышалось только Зло. Люди так смеяться не могли.

Мисс Сидли уставилась на горбатые тени и вдруг начала на них кричать, все громче и громче, до визга. А потом лишилась чувств. Но хихиканье, словно смех демонов, последовало за ней и в темноту.

Разумеется, она не могла сказать правду.

Мисс Сидли поняла это, едва открыла глаза и увидела над собой озабоченные лица мистера Хэннинга и миссис Кроссен. Миссис Кроссен держала у ее носа флакон с нюхательной солью, который взяла в аптечке первой помощи физкультурного зала. Мистер Хэннинг повернулся к двум девочкам, которые с любопытством поглядывали на мисс Сидли, и предложил им идти домой.

Обе улыбнулись мисс Сидли тайной улыбкой и вышли за дверь.

Ладно, она сохранит их секрет. На какое-то время. Она же не хотела, чтобы ее посчитали сумасшедшей или маразматичкой. Она им подыграет. Зато потом выведет на чистую воду и выдаст им по полной программе.

— Боюсь, я поскользнулась, — проговорила она спокойно и села, не обращая внимая на боль в спине. — Не заметила лужицы.

— Это ужасно, — запричитал мистер Хэннинг. — Ужасно. Вы...

— Ты не сильно ударила спину, Эмили? — перебила его миссис Кроссен. Мистер Хэннинг с благодарностью посмотрел на нее.

Мисс Сидли встала, позвоночник просто визжал от боли.

— Нет. Знаете, падение даже пошло на пользу. Сработало как мануальная терапия. Спина просто перестала болеть.

— Мы можем послать за доктором, — предложил мистер Хэннинг.

— В этом нет необходимости, — холодно улыбнулась ему мисс Сидли.

— Я могу вызвать вам такси.

— И это совершенно ни к чему. — Мисс Сидли направилась к двери туалета, открыла ее. — Я всегда езжу домой на автобусе.

Мистер Хэннинг вздохнул и повернулся к миссис Кроссен. Миссис Кроссен закатила глаза и промолчала.

На следующий день мисс Сидли оставила Роберта в классе после занятий. Он не сделал ничего предосудительного, поэтому она просто обвинила его в том, чего не было. Угрызений совести мисс Сидли не испытывала: он же монстр, а не маленький мальчик. И она должна заставить его в этом признаться.

Боль в спине буквально убивала ее. И Роберт это знал. Мало того, надеялся, что ее недомогание ему поможет. Но напрасно. Это была еще одна из ее маленьких хитростей. Спина у нее болела постоянно, все двенадцать последних лет, и очень часто так же сильно, как сейчас, ну, может, чуть-чуть слабее.

Она закрыла дверь, в классе они остались вдвоем.

Постояла, сверля Роберта взглядом. В надежде, что он отведет глаза. Но он не отвел. Продолжал смотреть на нее, и вскоре на губах заиграла легкая улыбка.

— Чему ты улыбаешься, Роберт? — вкрадчиво спросила она.

— Я не знаю, — ответил тот, продолжая улыбаться.

— Скажи мне, пожалуйста.

Роберт промолчал.

Продолжая улыбаться.

С игровой площадки доносились крики детей. Над головой гудели электрические часы.

— Нас не так уж мало, — буднично так сказал Роберт, словно речь шла о погоде. — Теперь уже промолчала мисс Сидли. — Одиннадцать только в этой школе.

Вот оно, зло, неожиданно для себя подумала мисс Сидли. *Страшное, невероятное зло.*

— Маленькие мальчики, которые рассказывают нехорошие истории, попадают в ад, — отчеканила она. — Я знаю, многие родители больше не говорят об этом своим... своим отпрыскам... но это факт, заверяю тебя, факт, от которого никуда не деться, Роберт. Маленькие мальчики, которые

рассказывают нехорошие истории, попадают в ад. Если на то пошло, и маленькие девочки тоже.

Улыбка Роберта стала шире, коварнее.

— Вы хотите, чтобы я изменился, мисс Сидли? Вы действительно хотите взглянуть на меня?

Мисс Сидли почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Уходи. А завтра приведи в школу мать или отца. Тогда мы с этим и разберемся.

Вот так. Она вновь почувствовала под ногами твердую почву. И ждала, что его лицо сморщится, а из глаз покатятся слезы.

Но вместо этого Роберт продолжал улыбаться. Губы разошлись во всю ширь, обнажив острые зубы.

— Вы думаете, я вам все расскажу и покажу, мисс Сидли? Роберт, *другой* Роберт, он бы с удовольствием рассказал и показал. Правда, сейчас он прячется в моей голове. — Уголки рта зловеще изогнулись. — Иногда начинает бегать... это щекотно. Он очень хочет пообщаться с вами.

— Уходи, — пробормотала мисс Сидли. Гул электрических часов многократно усилился.

Роберт изменился.

Его лицо начало менять форму, словно расплавленный воск, глаза превратились в большие плошки, нос расплющился, рот практически исчез. Голова вытянулась, волосы встали дыбом.

Роберт захихикал.

Глухой звук вырвался из его носа, носа, который заполнил собой нижнюю половину лица, ноздрей, которые сомкнулись, слились, превратились в черную пещеру.

Роберт поднялся, продолжая хихикать, и за его спиной она увидела останки другого Роберта, настоящего Роберта, в тело и мозг которого вселился монстр.

Мисс Сидли повернулась и выбежала из класса.

Вопя во весь голос, пронеслась по коридору, распугивая нескольких задержавшихся в школе учеников. Мистер Хэннинг выглянул из своего кабинета в тот самый момент, когда

мисс Сидли распахнула входную дверь и с криками выбежала под ясное сентябрьское небо.

Он, конечно же, бросился за ней.

— Мисс Сидли! Мисс Сидли!

Роберт вышел из класса, с любопытством наблюдая за происходящим.

Мисс Сидли ничего не видела, ничего не слышала. Она скатилась по ступенькам, пересекла тротуар, оглашая все дикими криками, выбежала на мостовую. Панически загудел гудок, над мисс Сидли возникла громада автобуса, лицо водителя перекосило от страха. Тормоза зашипели, как разъяренные драконы.

Мисс Сидли упала, огромные колеса, дымясь сожженной резиной, замерли в восьми дюймах от ее хрупкого, затянутого в корсет тела. Она лежала на мостовой, слышала шум собирающейся вокруг толпы.

Повернулась, увидела таращащихся на нее детей. Они окружили ее плотным кольцом, как окружают могилу родные и друзья, пришедшие проститься с покойным. А в первом ряду стоял Роберт, маленький могильщик, готовый бросить первую лопату земли ей в лицо.

Откуда-то издалека доносился дрожащий голос водителя: «...сумасшедшая, не иначе... еще полфута и...»

Мисс Сидли смотрела на детей. Их тени падали на нее. Их лица напоминали бесстрастные маски. Но некоторые улыбались тайной улыбкой, и мисс Сидли поняла, что скоро она снова закричит.

Но тут мистер Хэннинг разорвал плотное кольцо учеников, разогнал их по домам, и по лицу мисс Сидли покатились слезы.

Месяц она не появлялась в своем третьем классе. Спокойно сказала мистеру Хэннингу, что ей нездоровится, и мистер Хэннинг предложил ей обратиться к врачу и обсудить с ним возникшие проблемы. Мисс Сидли согласилась с тем, что это наиболее разумный выход. И добавила, что готова немедленно подать заявление об отставке, если будет на то желание школьного совета, хотя ей, конечно же, не хотелось

бросать любимое дело. Мистер Хэннинг, смутившись, ответил, что необходимости в этом нет. В результате в конце октября мисс Сидли вновь появилась в школе, готовая вступить в предложенную ей игру. Теперь она знала, как в нее играть.

Первую неделю она ничего не предпринимала. Ей казалось, что весь класс следит за ней враждебными, недобрыми глазами. Роберт загадочно улыбался ей с первой парты, и она не решалась вызвать его к доске.

Когда же она дежурила на детской площадке, Роберт, улыбаясь, подошел к ней с мячом в руках.

— Вы просто не поверите, как нас теперь много. Не поверят и другие, — тут, к полному изумлению мисс Сидли, он ей подмигнул, — если вы попытаетесь им сказать.

Девочка, которая каталась на качелях, встретилась с мисс Сидли взглядом и рассмеялась.

Мисс Сидли строго посмотрела на Роберта.

— Почему ты так решил, Роберт?

Роберт ничего не ответил, а на его губах продолжала играть улыбка.

Мисс Сидли принесла в школу пистолет, принадлежавший ее брату. Тот снял его с мертвого немца после битвы за «выступ»*. Джим уже десять лет как умер. В коробку с пистолетом она не заглядывала лет пять, но знала, где он лежит вместе с матово поблескивающими патронами. Она осторожно зарядила пистолет, следуя наставлениям брата, и положила в сумочку. Не забыла и запасные обоймы.

Войдя в класс, тепло улыбнулась ученикам, особенно Роберту. Роберт улыбнулся в ответ, и в его глазах она увидела прячущегося за ними монстра.

Она понятия не имела, что за существо жило теперь под кожей ребенка, да ее это особо не волновало. Мисс Сидли надеялась только на то, что от настоящего Роберта уже ни-

* Битва за «выступ» — контрнаступление немцев в Арденнах в декабре 1944 г., которое удалось остановить лишь благодаря начавшемуся раньше намеченных сроков наступлению советских войск на Восточном фронте.

чего не осталось. У нее не было желания становиться убийцей. Она решила, что настоящий Роберт скорее всего уже умер или сошел с ума, соседствуя с этой мерзкой тварью, которая хихикала в классе и швырнула ее под колеса автобуса. А если и нет, она совершала милосердный поступок, освобождая его от такого соседства.

— Сегодня у нас будет контрольная, — объявила мисс Сидли. Ученики не заахали, не заерзали, лишь молча смотрели на нее. Взгляды эти придавливали мисс Сидли к земле. — Особая контрольная. Я буду вызывать вас по одному в комнату, где стоит светокопировальная машина. Тот, кто справится, получит конфету и отправится домой. Здорово, правда?

Они улыбались и молчали.

— Роберт, пойдешь первым?

Роберт встал, загадочно улыбаясь. Открыто состроил гримасу.

— Да, мисс Сидли.

Мисс Сидли подхватила сумочку, и вдвоем они двинулись по пустынному коридору. Из-за закрытых дверей долетало неясное бормотание: в других классах шли обычные уроки. Комната, в которой стояла светокопировальная машина, находилась в дальнем конце коридора, за туалетами. Два года тому назад стены обили звуконепроницаемыми панелями: машина была старая и очень шумная.

Мисс Сидли закрыла дверь, заперла ее.

— Здесь тебя никто не услышит. — Она достала пистолет. — Говори, или...

Роберт невинно улыбался.

— Нас очень много. И не только здесь. — Он оперся маленькой ручкой о светокопировальную машину. — Вы снова хотите увидеть, как я изменяюсь?

Прежде чем она успела ответить, лицо Роберта начало трансформироваться, и мисс Сидли выстрелила. Один раз. В голову. Тело бросило на светокопировальную машину, потом оно сползло на пол. И застыло. Тело маленького мальчика с круглой черной дырой над правым глазом.

Мальчик выглядел таким умиротворенным.

Мисс Сидли наклонилась над ним, тяжело дыша. Щеки ее побледнели.

Фигурка не шевелилась.

Человеческая!

Это был Роберт.

Нет!

Ты все это выдумала, Эмили. У тебя разыгралось воображение.

Нет! Нет, нет и *нет*!

Она вернулась в класс и начала по одному заводить учеников в комнату, где стояла светокопировальная машина. Застрелила двенадцать, и убила бы остальных, если б миссис Кроссен не понадобилось скопировать какой-то документ.

У миссис Кроссен округлились глаза, одна рука поднялась ко рту. Она начала кричать и кричала, пока мисс Сидли не положила руку ей на плечо.

— Так надо, Маргарет, — сказала она кричащей миссис Кроссен. — Это ужасно, но так надо. Все они — монстры.

Миссис Кроссен смотрела на маленькие тела, лежащие вокруг светокопировальной машины, и кричала. Девочка, которую мисс Сидли держала за руку, начала монотонно ей подвывать: «*У-у-у-у-у... у-у-у-у...*»

— Изменяйся, — приказала мисс Сидли. — Покажи миссис Кроссен свою сущность. Покажи ей, что я все сделала правильно. Девочка продолжала выть. — Изменяйся, черт бы тебя побрал! — взвизгнула мисс Сидли. — Мерзкая сучка, грязная дрянь! Изменяйся! — Она подняла пистолет. Девочка сжалась в комок, но миссис Кроссен успела пантерой кинуться на мисс Сидли.

Суд не состоялся.

Газеты требовали отмщения, убитые горем родители проклинали мисс Сидли, город остолбенел от шока, но потом здравый смысл возобладал, и все обошлось без суда. Законодательное собрание штата проголосовало за более строгие критерии отбора учителей, в связи с трауром школа на Лет-

ней улице на неделю закрылась, а мисс Сидли отправили в закрытую психиатрическую лечебницу в Огасту. Она прошла курс глубокого психоанализа, ее лечили самыми современными лекарствами и методами, включая трудотерапию. Год спустя, под строгим контролем, мисс Сидли включили в экспериментальную программу коррекционной терапии.

Его звали Бадди Дженкинс, он работал психиатром.

С блокнотом в руке, он сидел за стеклянной панелью, пропускавшей свет только в одну сторону, и смотрел в большую комнату, оборудованную, как детская. У дальней стены белка неустанно кружилась в беличьем колесе. Мисс Сидли сидела в инвалидном кресле с книжкой сказок в руках. Ее окружали доверчивые, умственно неполноценные дети. Они ей улыбались, по подбородкам текла слюна, они прикасались к ней мокрыми пальчиками, тогда как нянечки пристально следили за происходящим из другого окна, чтобы прекратить эксперимент при малейших признаках агрессивности мисс Сидли.

Поначалу Бадди казалось, что мисс Сидли адекватно реагирует на происходящее. Она читала сказки вслух, погладила маленькую девочку по голове, успокоила маленького мальчика, который упал, споткнувшись о кубик. Но потом что-то начало ее беспокоить. Она нахмурилась, отвернулась от детей.

— Пожалуйста, увезите меня отсюда, — попросила мисс Сидли, обращаясь к стенам.

Ее увезли. Бадди Дженкинс продолжал наблюдать за детьми, которые проводили ее тупыми взглядами. Но не только. Один улыбнулся. Другой поднес палец к губам. Две девочки взялись за руки и захихикали.

В ту ночь мисс Сидли перерезала себе горло осколком разбитого зеркала, после чего Бадди Дженкинс начал все более внимательно приглядываться к детям. И вскоре уже не мог оторвать от них глаз.

ЛЕТАЮЩИЙ В НОЧИ

1

Несмотря на наличие у Диза лицензии пилота, он не слишком интересовался этим делом до убийств в аэропорту Мэриленда — третьего и четвертого случаев в серии. Лишь тогда он учуял особое сочетание крови и потрохов, которого ожидали читатели «Взгляда изнутри». Ухватившись за добрую дешевую тайну вроде этой, можно ожидать резкого взлета тиража, а в желтой прессе увеличение тиража гораздо важнее названия игры: это — ее Священный Грааль.

Впрочем, одновременно с хорошей новостью Диз узнал и плохую. Хорошая состояла в том, что он наткнулся на этот сюжет раньше прочей своры; он все еще не побежден, он еще чемпион, он еще первый боров в свинарнике. Плохая же заключалась в том, что лавры на деле принадлежали Моррисону... Пока, во всяком случае. Моррисон, новый главный редактор, продолжал ковыряться в этом проклятом деле даже после того, как Диз, ветеран репортерского ремесла, заверил его, что там, кроме врак и слухов, ничего нет. Дизу не очень нравилось, что Моррисон учуял кровь первым — собственно говоря, ему это страшно не нравилось, — и это вызывало у него вполне объяснимую потребность разозлить Моррисона. И он уже знал, как это сделать.

© Перевод. Малахов В. И., 2000.

— Даффри, Мэриленд, верно?

Моррисон кивнул.

— Из серьезной прессы за это еще никто не уцепился? — спросил Диз и с удовлетворением заметил, что Моррисон тут же ощетинился.

— Если вы имеете в виду, не предположил ли кто-нибудь, что там действует серийный убийца, ответ — «нет», — холодно заметил он.

Но это ненадолго, подумал Диз.

— Но это ненадолго, — произнес Моррисон. — Еще один случай и...

— Подайте досье, — бросил Диз, указывая на светло-коричневую папку, лежавшую на неестественно аккуратном столе Моррисона.

Вместо этого лысеющий редактор накрыл папку ладонью, и Диз понял две вещи: Моррисон *собирается* ее отдать, но сначала хочет немного поквитаться за изначальное недоверие... и за его надменную ветеранскую позу. Что ж, может, оно и верно. Может, даже первому борову свинарника надо время от времени накручивать маленький хвостик, чтобы напомнить ему его место в существующем порядке вещей.

— Я думал, вы должны быть в Музее естественной истории и разговаривать со специалистом по пингвинам, — сказал Моррисон. Уголки его губ скривились в легкой, но, несомненно, недоброй улыбке. — Тем самым, который считает, что они умнее людей и дельфинов.

Диз указал на единственный предмет на столе Моррисона, не считая папки и фотографий туповатой на вид жены и туповатых на вид троих детей: большая проволочная корзина с этикеткой «ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ». В настоящее время в ней лежала тонкая рукопись из шести — восьми страничек, скрепленная приметной ярко-красной скрепкой Диза, и конверт с пометкой «КОНТАКТНЫЕ ОТПЕЧАТКИ. НЕ СГИБАТЬ».

Моррисон снял ладонь с папки (при этом у него был такой вид, будто он готов снова ее прихлопнуть, если Диз резко дернет), открыл конверт и вытряс оттуда два листа с черно-белыми снимками не больше почтовых марок. На каждом снимке были длинные ряды пингвинов, молча смо-

тревших в видоискатель. В них, несомненно, было что-то жуткое — на взгляд Мертона Моррисона, они напоминали зомби Джорджа Ромеро во фраках. Кивнув, он опустил их обратно в конверт. Диз в принципе недолюбливал всех редакторов, но вынужден был признать, что этот по крайней мере воздает должное, когда требуется. Такое свойство встречалось нечасто, и Диз подозревал, что в дальнейшей жизни редактора это станет причиной всяческих медицинских проблем. Впрочем, возможно, они уже начались. Вот он сидит, ему явно еще тридцати пяти нет, а череп уже по меньшей мере на три четверти голый.

— Неплохо, — произнес Моррисон. — Кто снимал?

— *Я* снимал, — ответил Диз. — Я *всегда* делаю снимки к своим статьям. Вы хоть иногда смотрите на подписи к фотографиям?

— Обычно нет, — ответил Моррисон и бросил взгляд на рабочее заглавие, которое Диз пришлепнул к статье о пингвинах. Либби Грэннит придумала бы, конечно, что-нибудь более броское, более яркое — это все-таки ее работа, — но в отношении заголовков инстинкт Диза не подводил, и он обычно находил нужную улицу, даже если не удавалось найти нужный дом и нужную квартиру. «ВНЕЗЕМНОЙ РАЗУМ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ» — так звучал этот. Пингвины, конечно, пришельцами не были, а Моррисон был в курсе того, что на самом деле они живут в районе *Южного* полюса, но это почти не имело значения. Читатели «Взгляда изнутри» сдвинулись и на пришельцах, и на разуме (возможно, оттого, что большинство из них ощущали себя первыми и чувствовали в себе большой недостаток второго), и значение имело *именно это*.

— Заголовок что-то не очень, — заговорил Моррисон, — но...

— ...Для этого есть Либби, — закончил за него Диз. — Так что...

— Что? — поинтересовался Моррисон.

Под очками в золотой оправе его глаза казались большими, голубыми и бесхитростными. Он снова накрыл папку ладонью, улыбнулся Дизу и выжидающе на него посмотрел.

— Так что вы хотите от меня услышать? Что я ошибся?

Улыбка Моррисона стала на миллиметр-другой шире.

— Всего лишь, что вы *могли* ошибиться. Этого, пожалуй, будет достаточно — вы же знаете, какой я душка.

— Ну да, рассказывайте, — сказал Диз, почувствовав, однако, облегчение. Он вполне мог снести некоторую толику унижения, но вот ползать на брюхе он не любил.

Моррисон глядел на него, прижимая папку растопыренными пальцами.

— Ладно: я мог ошибиться.

— Очень великодушно с вашей стороны в этом признаться, — заметил Моррисон и подал ему папку.

Диз алчно вцепился в папку, пересел в кресло у окна и раскрыл ее. То, что он сейчас читал — а это было всего лишь бессистемной подборкой сообщений информационных агентств и вырезок из нескольких еженедельных газет небольших городков, — его потрясло.

Я этого не увидел раньше, подумал он, и тут же у него промелькнуло: *Почему я этого не увидел раньше?*

Ответа он не знал... Но зато *точно* знал, что если будет и дальше пропускать такие сюжеты, то придется перестать считать себя первым боровом в свинарнике желтой прессы. А еще он знал, что если бы им с Моррисоном пришлось поменяться местами (а за последние семь лет Диз дважды отказывался от места главного редактора «Взгляда изнутри»), то заставил бы Моррисона ползать перед ним на брюхе, как черепаху, прежде чем отдать папку.

Черта с два, сказал он себе. *Ты бы выкинул его из кабинета как паршивого кота.*

У него промелькнула мысль, что он может перегореть. Он знал, что в этом деле такое случается довольно часто. Конечно, какое-то время ты можешь писать о летающих тарелках, уносящих целые бразильские деревни (обычно такие материалы иллюстрируются нерезкими фотографиями лампочек, подвешенных на нитках), собаках, умеющих считать, и безработных папашах, которые кромсают своих детишек на мелкие кусочки. А потом, в один прекрасный день, ты ломаешься. Как Дотти Уолш, которая как-то вечером

вернулась домой и легла в ванну, обернув голову пластиковым мешком из химчистки.

Не будь дураком, сказал он себе, но беспокойство не покидало его. Сюжет там прямо сидел, большой, как жизнь, но раза в два гнуснее. Как же, черт возьми, он сумел его проморгать?

Он взглянул на Моррисона, который откинулся в кресле, сложив руки на животе, и наблюдал за ним.

— Ну и? — поинтересовался Моррисон.

— Да, — откликнулся Диз. — Из этого, возможно, получится что-то грандиозное. Но это еще не все. По-моему, это правда.

— Мне плевать, правда это или нет, — заметил Моррисон, — если это помогает продавать газету. А с таким материалом мы сможем продать очень много газет, верно, Ричард?

— Да. — Он поднялся и засунул папку под мышку. — Хочу пройтись по следам этого парня, начиная с первого известного случая в Мэне.

— Ричард!

Диз повернулся от двери и увидел, что Моррисон снова разглядывает контактные отпечатки. Он улыбался.

— Как вы думаете, что, если поместить лучшие из этих рядом со снимком Дени Де Вито из фильма про Бэтмена?

— Сойдет, — ответил Диз и вышел. Вопросы и сомнения вдруг чудесным образом отошли на задний план; ноздри снова щекотал давно знакомый, сильный и совершенно неотразимый запах крови, и теперь он хотел лишь одного — пройти весь путь до конца.

Конец наступил через неделю, но не в Мэне, не в Мэриленде, а гораздо южнее, в Северной Каролине.

2

Лето было в разгаре, и это означало, что жизнь должна быть проще, а хлопок выше, но ничто не давалось легко Ричарду Дизу тем долгим днем до самой темноты.

Основной проблемой было то, что Диз — какое-то время по крайней мере — никак не мог сесть в небольшом аэропорту Уилмингтона, обслуживавшем лишь одну крупную авиакомпанию, несколько местных авиалиний и множество частных самолетов. В этом районе оказалось несколько скоплений грозовых облаков, и Диз описывал круги в девяноста милях от аэродрома, поднимаясь то вверх, то вниз в неустойчивых воздушных потоках, а когда пошел последний час дневного света, он начал ругаться. К тому времени, когда ему дали разрешение на посадку, было уже 19:45. До заката оставалось меньше сорока минут. Он не знал, придерживается ли Летающий в Ночи обычных правил, но если придерживается, то он неподалеку.

И Летающий там *был*: Диз в этом не сомневался. Он нашел то самое место, ту самую «Сессну-Скаймастер». Поиски могли привести его в Виргинию-Бич, Шарлотту, Бирмингем или еще куда-нибудь южнее, но не привели. Диз не знал, где тот скрывался между вылетом из Даффри в Мэриленде и прилетом сюда, но ему было все равно. Достаточно было осознания того, что интуиция не подвела — парень продолжал кружить по ветру. Большую часть прошлой недели Диз убил на то, чтобы обзвонить все аэропорты к югу от Даффри, которые, возможно, укладывались в схему действий Летающего; он снова и снова повторял звонки из номера в мотеле «Дейз-инн», пока не начинал болеть палец, а собеседники не начинали раздражаться его настойчивостью. И все же в итоге настойчивость была вознаграждена, как уже нередко бывало.

Накануне вечером частные самолеты садились на все предполагаемые аэродромы, и везде среди них были «Сессны-Скаймастер-337». И неудивительно, поскольку это — вроде «тойоты» частной авиации. Но «Сессна-337», вчера вечером приземлившаяся в Уилмингтоне, была именно той, что он искал: никаких сомнений. Он сел на хвост этому парню.

Крепко сел на хвост.

— Н471Б, заход по ИЛС, ВПП 34, — послышалось в наушниках. Говорили лаконично и протяжно. — Курс 160. Занимайте 3000 футов.

— Курс 160. Снижаюсь с шести до трех. Вас понял.

— И учтите, погодка у нас внизу довольно паршивая.

— Вас понял, — ответил Диз, подумав о том, что старый Фермер Джон, который сидит там в какой-нибудь пивной бочке, именуемой в Уилмингтоне диспетчерской службой, был уверен, что оказал ему услугу, сообщив об этом. Но он-то *знал*, что погода в этом районе паршивая; он видел грозовые тучи, в которых местами гигантскими фейерверками полыхали молнии, и последние минут сорок он описывал круги, ощущая себя так, словно сидит в бетономешалке, а не в двухмоторном «Бичкрафте».

Он вырубил автопилот, который так долго водил его дурацкими кругами над Северной Каролиной, где он то видел, то терял из виду фермерские поля внизу, и ухватился за штурвал. Внизу никакого хлопка, насколько он мог видеть, — ни высокого, ни низкого. Всего лишь несколько пятен истощенных табачных полей, заросших пуэрарией. Диз с радостью направил самолет на Уилмингтон и пошел на снижение по приборам уже под контролем с земли.

Он взял было микрофон, решив вызвать старого Фермера Джона и спросить, не произошло ли у них внизу чего-нибудь необычного — в духе ужасов темной грозовой ночи, которые так нравились читателям «Взгляда изнутри», — но потом повесил микрофон на место. До заката еще оставалось время; по пути из Вашингтона он сверил официальное уилмингтонское время. Он подумал, что пока лучше держать вопросы при себе.

В то, что Летающий в Ночи — настоящий вампир, Диз верил не больше, чем в то, что в детстве четвертаки под подушку ему подкладывала фея, но если этот парень *думает*, что он вампир — а Диз не сомневался, что тот так и думает, — то этого, возможно, достаточно, чтобы соблюдать правила.

Жизнь в конце концов — подражание искусству.

Граф Дракула с лицензией частного пилота.

Надо признать, подумал Диз, что это куда лучше, чем пингвины-убийцы, вынашивающие планы истребления рода людского.

«Бичкрафт» подпрыгнул, попав в густое скопление облаков по пути к земле. Диз чертыхнулся и выровнял машину, которой погода, казалось, нравилась все меньше.

И мне тоже, малыш, подумал Диз.

Снова попав на открытый участок, он отчетливо увидел огни Уилмингтона и Райтсвилл-Бич.

Да, сэр, толстякам, что ходят в дешевые супермаркеты, это понравится, подумал он, когда слева полыхнула молния. *Они раскупят миллионов семьдесят газет с историей про этого парня, когда выйдут за своим вечерним пайком, состоящим из крекеров и пива.*

Но не все было так просто, и он это понимал.

Это может оказаться... Нет... Это было бы слишком хорошо.

Это может оказаться *правдой*.

Когда-то это слово тебе и в голову бы не пришло, старик, подумал он. *Возможно, ты уже ломаешься.*

И все же у него в голове, как большие леденцы, прокручивались набранные крупным шрифтом заголовки. «РЕПОРТЕР «ВЗГЛЯДА ИЗНУТРИ» ЗАДЕРЖИВАЕТ СУМАСШЕДШЕГО ЛЕТАЮЩЕГО В НОЧИ. ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ РЕПОРТАЖ О ТОМ, КАК НАКОНЕЦ ИЗЛОВИЛИ НОЧНОГО КРОВОПИЙЦУ. «МНЕ ЭТО БЫЛО НУЖНО, — ЗАЯВЛЯЕТ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ ДРАКУЛА».

Диз вынужден был признать, что на великую оперу это не тянет, но все равно звучит.

Он все-таки взял микрофон и прижал кнопку. Он знал, что его кровопийца все еще здесь, но знал он и то, что не успокоится, пока не будет в этом абсолютно уверен.

— Уилмингтон, говорит борт Н471Б. «Скаймастер-337» из Мэриленда еще на стоянке?

— Похоже на то, старина, — послышалось сквозь треск помех. — Сейчас не могу говорить. Есть машины в воздухе.

— Красная полоса на нем есть? — все же спросил Диз.

Сначала ему казалось, что ответа он не получит, но потом услышал:

— Красная полоса есть. Отключайся, Н471Б, если не хочешь штрафа от ФКС. Слишком много работы, рук не хватает.

— Спасибо, Уилмингтон, — сказал Диз как можно вежливее.

Повесив микрофон, он показал ему средний палец, но все же улыбался, почти не замечая тряски из-за очередной полосы облачности. «Скаймастер», красная полоса, и он был готов поспорить на жалованье за следующий год, что если бы этот болван с вышки не был бы так занят, он подтвердил бы и хвостовой номер: Н101БЛ.

Одна неделя, Господи, понадобилась всего одна неделя. Он обнаружил Летающего в Ночи, и как бы невероятно это ни казалось, полиция еще не вступила в игру. Если бы полицейские там *были* — и были бы там из-за этой «Сессны», — Фермер Джон почти наверняка об этом бы сказал, независимо от воздушного движения и атмосферных помех. Бывают вещи, о которых нельзя не посплетничать.

Мне нужен твой снимок, ублюдок, подумал Диз. Он уже видел белые огни приближения, светившиеся в сумерках. *Статью-то я еще сделаю, но сначала снимок. Хоть один, но он мне нужен.*

Да, потому что именно снимок придает реальность. Никаких размытых, нерезких лампочек; никакого «художественного замысла»: лишь настоящая черно-белая фотография. Он направил машину к земле еще круче, не обращая внимания на предупреждающий сигнал. Лицо его было бледным и сосредоточенным. Он усмехнулся, обнажив небольшие блестящие белые зубы.

В свете сумерек и приборной доски Ричард Диз сам был довольно похож на вампира.

3

Среди множества свойств, которыми отличалась газета «Взгляд изнутри», во-первых, можно было назвать отсутствие интеллигентности, а во-вторых — излишней заботы о таких мелочах, как точность и этичность, но одно было бесспорно: она обладала исключительной настроенностью на ужасы. Мертон Моррисон был порядочной задницей (хотя не до

такой степени, как решил было Диз, впервые увидев этого человека, покуривавшего свою идиотскую трубку), но Диз был вынужден признать в нем одно достоинство: он никогда не забывал о том, что в первую очередь обеспечивало успех газете: реки крови и кучи потрохов.

Нет, конечно, там бывали снимки очаровательных младенцев, множество психологических прогнозов и описания чудо-диет, состоявших из таких сомнительных компонентов, как пиво, шоколад и картофельные чипсы, но Моррисон чуял меняющийся приливными волнами характер времени и ни разу не усомнился в своем суждении о том, в каком направлении должна идти газета. Диз считал, что именно уверенность в себе помогла Моррисону продержаться так долго, несмотря на его трубку и твидовые пиджаки из какого-то дурацкого лондонского магазина. Моррисон понимал, что дети-цветы шестидесятых выросли в людоедов девяностых. Психотерапия, политкорректность и «язык чувств» могли что-то значить для верхнего слоя интеллектуалов, но неизменно простой средний человек по-прежнему куда больше интересовался массовыми убийствами, потаенными скандалами из жизни звезд и просто тем, как это Мэджик Джонсон подцепил СПИД.

Диз не сомневался, что еще есть аудитория для Всего Яркого и Прекрасного, но число почитателей Всего Зловещего и Кровавого вновь начало расти, когда поколение Вудстока стало замечать седину у себя в волосах и складки, спускающиеся от уголков капризных, сластолюбивых губ. Мертон Моррисон, которого Диз уже начинал считать кем-то вроде гения интуиции, предал гласности собственный взгляд изнутри в меморандуме, распространенном среди всех штатных и внештатных сотрудников менее чем через неделю после того, как он и его трубка въехали в угловой кабинет. Можете останавливаться и нюхать розы по пути на работу, говорилось в этом документе, но как только вы добрались до работы, раздувайте ноздри — раздувайте их *пошире* — и начинайте вынюхивать кровь и потроха.

Диз, *созданный* для вынюхивания крови и потрохов, был в восторге. Его нюх и был причиной того, что он здесь, на

подлете к Уилмингтону. Там внизу находится чудовище в человеческом облике, человек, считающий себя вампиром. У Диза уже было заготовлено для него прозвище: оно горело у него в голове, как какая-нибудь бесценная монета в чьем-нибудь кармане. Вскоре он достанет монету и потратит ее. Когда он это сделает, это прозвище появится на стойках с таблоидами рядом с кассами во всех супермаркетах Америки, взывая к покупателям аршинными буквами, которые невозможно не заметить.

«Погодите, дамы и любители сенсаций, — подумал Диз. — Вы еще ничего не знаете, но скоро в вашей жизни появится очень плохой человек. Вы прочитаете его настоящее имя и забудете его, но это не страшно. А вот прозвище, что *я* ему дал, прозвище, которое поставит его в один ряд с Джеком-Потрошителем, Кливлендским Мясником и Черной Далией, вы будете помнить. Вы не забудете Летающего в Ночи, который скоро появится перед вами возле касс. Эксклюзивная статья, эксклюзивный сюжет... Но больше всего мне хочется получить эксклюзивный *снимок*».

Он снова взглянул на часы и позволил себе расслабиться на долю секунды (это все, что он мог себе позволить). У него еще оставалось полчаса до темноты, и он поставит свой самолет рядом с белым «Скаймастером» с красной полосой (и таким же красным номером Н101БЛ на хвосте) менее чем через пятнадцать минут.

Спал ли Летающий в городе или где-нибудь в мотеле по дороге к городу? Диз думал иначе. Одной из причин популярности «Скаймастера-337», не считая относительно невысокой цены, было то, что это единственный самолет такого класса с грузовым отсеком в нижней части фюзеляжа. Он был ненамного больше багажника «фольксвагена-жука», это верно, но места хватало на три больших чемодана или пять поменьше, и там явно мог поместиться человек, если он только не баскетбольного роста. Летающий в Ночи мог оставаться в нижнем грузовом отсеке, если (а) он спал калачиком, подтянув колени к подбородку, (б) был психом до такой степени, что считал себя настоящим вампиром, или (в) к нему были применимы оба вышеперечисленных пункта.

Диз поставил бы на (в).

И теперь, когда стрелки высотомера отматывались с четырех до трех тысяч футов, Диз размышлял: «Нет, дружище, ни гостиница, ни мотель тебе не подходят, верно? Если ты изображаешь вампира, ты как Фрэнк Синатра — делаешь все по-своему. Знаешь, что я подумал? Я подумал, что если открыть грузовой отсек твоего самолета, то первым делом оттуда хлынет поток кладбищенской земли (даже если ее там нет, можешь поставить свои верхние клыки на то, что она там будет, когда материал выйдет в свет), а потом я увижу сначала одну ногу в брюках от смокинга, а потом другую, ведь ты же должен быть *приодет*, верно? Да уж, дорогуша, думаю, ты должен быть одет *с иголочки*, одет для *убийства*, а я уже прикрутил к фотоаппарату моторную приставку, и когда я увижу этот плащ, развевающийся на ветру...»

Но на этом течение его мысли остановилось, поскольку именно в этот момент погасли проблесковые белые огни на обеих полосах внизу.

4

«Хочу пройтись по следам этого парня, — сказал он тогда Мертону Моррисону, — начиная с первого известного случая в Мэне».

Не прошло и четырех часов, а он уже оказался в аэропорту округа Камберленд и разговаривал с механиком по имени Эзра Хэннон. По виду мистера Хэннона могло показаться, что он недавно выполз из бутылки с джином, и Диз его не подпускал к своему самолету ближе, чем на расстояние крика, но в то же время выказал этому парню свое полное и учтивое внимание. Еще бы: Эзра Хэннон был первым звеном той цепи, которую Диз начинал считать очень важной.

«Аэропорт округа Камберленд» было громким названием для взлетно-посадочной площадки округа, где было два вагончика и две пересекающиеся полосы. Лишь одна из полос имела гудроновое покрытие. Поскольку Диз ни разу не садился на грунтовую полосу, он запросил гудроновую.

Тряска, которую испытал его «Бичкрафт» (за него он заложил все что можно), коснувшись земли, убедила его опробовать грунтовку, когда он взлетел снова, и после посадки он был рад тому, что она оказалась гладкой и твердой, как грудь студентки. Имелся здесь, конечно, и ветроуказатель, и был он, конечно, весь в заплатках, как папашины подштанники. Аэропорты вроде этого *всегда* имеют ветроуказатель. Это — элемент их сомнительного очарования, как и старинный биплан, который, кажется, всегда стоит перед единственным ангаром.

Округ Камберленд — наиболее населенный в Мэне, но, подумал Диз, этого не скажешь по усеянному коровьими лепешками аэропорту или по виду Джиноголового Чудо-Механика Эзры. Когда он улыбался, демонстрируя все шесть оставшихся зубов, он напоминал статиста из киноверсии «Избавления» Джеймса Дики.

Аэропорт расположился на окраине более фешенебельного городка Фолмута, живущего в основном на сборы за пользование аэродромом от богатых летних жителей. Клэр Боуи, первая жертва Летающего в Ночи, был ночным диспетчером Камберлендского аэродрома и владел четвертью акций аэродрома. Среди прочих работников были два механика и второй наземный диспетчер (наземные диспетчеры также торговали чипсами, сигаретами и газировкой; кроме того, как выяснил Диз, убитый готовил довольно паршивые чизбургеры).

Механики и диспетчеры работали также заправщиками и сторожами. Нередко бывало так, что диспетчеру приходилось бежать из туалета, где он драил полы, чтобы дать разрешение на посадку, сделав непростой выбор из двух имеющихся в его распоряжении полос. Работа была настолько напряженной, что во время пика летнего сезона ночному диспетчеру приходилось нормально поспать не более шести часов от полуночи до семи утра.

Клэр Боуи был убит почти за месяц до визита Диза, и картина, составленная репортером, представляла сочетание газетных сообщений из тощей папки Моррисона и более живописных деталей, полученных от Джиноголового Чудо-

Механика Эзры. И даже сделав необходимую поправку на рассказ первоисточника, Диз остался в уверенности, что в начале июля в этом маленьком занюханном аэропорту произошло нечто очень странное.

«Сессна-337», хвостовой номер Н101БЛ, запросил разрешение на посадку незадолго до рассвета утром 9 июля. Клэр Боуи, работавший на аэродроме в ночную смену с 1954 года, когда летчикам иногда приходилось прерывать заход на посадку (в наше время этот маневр называется просто: «повторный набор высоты»), из-за коров, появлявшихся на единственной тогда полосе, поставил в журнале время запроса: 4:32. Приземление было отмечено в 4:49, имя пилота было записано как Дуайт Ренфилд, а местом регистрации обозначен Бангор, штат Мэн. Время, несомненно, было проставлено правильно. Остальное же было враньем (Диз навел справки в Бангоре и без удивления узнал, что там никогда не слыхали ни о каком Н101БЛ), но даже если Боуи и *знал*, что это было враньем, вряд ли это что-нибудь изменило бы: в Камберлендском аэропорту царила свободная атмосфера, а деньги за пользование аэродромом остаются деньгами.

Имя, названное пилотом, было изощренной шуткой. Дуайтом звали актера по фамилии Фрай, а среди множества прочих ролей Дуайту Фраю довелось сыграть Ренфилда, слюнявого идиота, кумиром которого был самый знаменитый вампир всех времен и народов. Но радиозапрос о посадке от имени графа Дракулы, как предположил Диз, мог бы вызвать подозрения даже в таком сонном городишке, как этот.

Мог бы, но Диз не был уверен. В конце концов деньги за пользование аэродромом остаются деньгами, а «Дуайт Ренфилд» расплатился как положено, наличными, в том числе и за заправку — деньги вместе с копией счета, выписанного Боуи, оставались в кассе и на следующий день.

Диз знал, насколько небрежно и незатейливо контролировалось частное воздушное движение на таких вот небольших аэродромах в пятидесятые и шестидесятые годы, но все равно был поражен тем, насколько неформально отнеслись к Летающему в Ночи в Камберлендском аэропорту. Ведь

пятидесятые и шестидесятые уже закончились; наступила эпоха паранойи вокруг наркотиков, и большая часть той дряни, о наличии которой вы должны говорить «нет», проникала через небольшие гавани на небольших суденышках или через маленькие аэропорты на маленьких самолетах — таких, как «Сессна-Скаймастер» «Дуайта Ренфилда». Конечно, деньги остаются деньгами, но Диз мог бы ожидать от Боуи, чтобы тот стукнул в Бангор насчет отсутствующего плана полета, хотя бы для того, чтобы прикрыть задницу. Но он этого не сделал. Тут Дизу пришла в голову мысль о взятке, но его пропитанный джином информатор заявил, что Клэр Боуи был кристально честным человеком, а два фолмутских полицейских, с которыми Диз поговорил позже, подтвердили суждение Хэннона.

Халатность казалась наиболее вероятным ответом, но в конечном итоге это не имело значения: читатели «Взгляда изнутри» не интересовались столь потусторонними вопросами, *как* или *почему* что-то произошло. Читателям «Взгляда изнутри» достаточно было узнать, *что* произошло, сколько продолжалось и успел ли тот, с кем это случилось, завопить. И конечно, снимки. Им нужны были снимки. Огромные, броские черно-белые снимки, если возможно — такие, что просто слетают со страницы роем точек и бьют тебя прямо в лоб.

Джиноголовый Чудо-Механик Эзра имел озадаченный вид и призадумался, когда Диз спросил, куда, на его взгляд, мог направиться «Ренфилд» после посадки.

— Не знаю, — сказал он. — Может, в мотель. Должно быть, взял такси.

— Вы пришли... Во сколько, вы сказали? В семь утра? Девятого июля?

— Ага. Как раз перед тем, как Клэр собрался домой.

— И «Сессна-Скаймастер» была на стоянке, и в ней было пусто?

— Точно. Стояла как раз там, где ваш сейчас стоит, — показал Эзра, и Диз подался назад. От механика шел запах, несколько напоминавший очень старый рокфор, вымоченный в джине «Джилби».

— Клэр, случайно, не *сказал*, что вызвал такси для пилота? Чтобы отвезти его в мотель? Ведь похоже, что пешком тут ни до одного не добраться.

— Точно, — согласился Эзра. — Ближайший — «Си Бриз», а до него две мили. Может, больше. — Он почесал щетинистый подбородок. — Но вообще-то не помню, чтобы Клэр что-нибудь говорил насчет такси для этого парня.

Диз сделал себе мысленную заметку насчет того, что все равно надо обзвонить окрестные таксомоторные компании. В то время он еще исходил из казавшегося разумным предположения: парень, которого он ищет, спал в постели, как почти все прочие.

— А как насчет лимузина? — спросил он.

— Никак, — уже с большей уверенностью ответил Эзра. — Клэр ничего не говорил ни про какие *лемазины*, а он бы уж *наверняка* об этом сказал.

Диз кивнул и решил обзвонить и все окрестные компании по прокату лимузинов. Он опросил бы и прочих работников аэропорта, но не ожидал услышать ничего нового; похоже, этот старый алкаш рассказал почти все. До того как Клэр ушел после смены, они выпили с ним кофе, а потом еще раз, когда Клэр вечером снова вышел на работу. Вряд ли удастся выудить что-нибудь еще. Не считая Летающего в Ночи, Эзра, похоже, последним видел Клэра Боуи живым.

Предмет этих размышлений хитровато взглянул куда-то вдаль, почесал щетину на подбородке, а затем снова перевел мутный взгляд на Диза.

— Насчет такси или *лемазина* Клэр ничего не говорил, но зато кое-что еще *сказал*.

— Неужто?

— Точно, — подтвердил Эзра.

Расстегнув карман замасленного комбинезона, он достал пачку «Честерфилда», прикурил сигарету и закашлялся унылым старческим кашлем. Он взглянул на Диза сквозь облачко дыма с видом придурковатого лукавства.

— Оно, может, ничего не значит, а может, и значит. Но на Клэра это точно подействовало. Наверняка, потому что обычно из старика Клэра слова лишнего не вытянешь.

— И что же он сказал?

— Не очень помню, — ответил Эзра. — Иногда, знаете ли, когда я чего-то забываю, физиономия Александра Гамильтона вроде как освежает память.

— А как насчет Эйба Линкольна? — сухо поинтересовался Диз.

Немного поразмыслив — совсем немного, — Хэннон согласился, что иногда такое удается и Линкольну, после чего лик сего джентльмена перекочевал из бумажника Диза в слегка скрюченные пальцы Эзры. Диз подумал, что портрет Джорджа Вашингтона тоже мог бы помочь, но он хотел уверенности в том, что Эзра целиком на его стороне... Кроме того, все это входит в накладные расходы.

— Выкладывайте.

— Клэр сказал, что тот парень имел такой вид, будто на маскарад собрался, — сказал Эзра.

— Да ну? И почему? — Диз подумал, что надо было все-таки остановиться на портрете Вашингтона.

— Сказал, что парень словно из картонки вышел. Смокинг, шелковый галстук и все такое прочее. — Эзра помолчал. — Клэр сказал, что на том парне даже был большой плащ. Изнутри красный, как пожарная машина, а снаружи черный, как задница у сурка. Сказал, что когда плащ у него за спиной раздувался, он был чертовски похож на крылья летучей мыши.

Перед мысленным взором Диза вдруг большими красными неоновыми буквами вспыхнуло слово, и слово это было ЕСТЬ!

Ты еще не знаешь, мой залитый джином друг, подумал Диз, *но сейчас ты, возможно, сообщил то, что тебя прославит.*

— Вы все насчет Клэра спрашиваете, — сказал Эзра, — но ни разу не спросили, не видел ли *я* чего интересного.

— А вы видели?

— Вообще-то видел.

— И что же это, дружище?

Эзра поскреб щетинистый подбородок длинными желтыми ногтями, глубокомысленно покосился на Диза своими мутными глазами и сделал еще одну затяжку.

— Снова-здорово, — сказал Диз, но извлек еще один портрет Эйба Линкольна, стараясь сохранить дружелюбие в лице и голосе. Его интуиция сейчас работала на полную катушку и подсказывала ему, что мистер Джиноголовый выжат еще не до конца. Пока по крайней мере.

— Этого, пожалуй, маловато за то, что я вам сейчас скажу, — укоризненно заметил Эзра. — Богатенькие городские парни вроде вас могут себе позволить поболее десятки.

Диз посмотрел на часы — массивный «Ролекс» с бриллиантами, отсвечивающими ему в лицо.

— Черт! — выругался он. — Поздно-то как уже! А я еще даже не поговорил с полицией Фолмута!

Не успел он подняться, как пятерка исчезла из его пальцев и присоединилась к своей подруге в кармане комбинезона Хэннона.

— Ладно, если у вас есть еще что-то, выкладывайте, — произнес Диз уже без всякого дружелюбия. — Мне надо успеть кое-куда съездить и кое с кем увидеться.

Механик подумал, поскребывая щетину и издавая запах застарелого сыра. Потом заговорил, почти нехотя:

— Видел большую кучу грязи под тем «Скаймастером». Прямо под багажным отсеком.

— И что?

— Ну и копнул башмаком.

Диз ждал. Он мог себе это позволить.

— Гнусная штука. Полно червей.

Диз ждал. Это была хорошая, полезная информация, но он надеялся, что старик еще не до конца выложился.

— И личинки, — сказал Эзра. — Личинки тоже были. Будто кто-то помер.

Ту ночь Диз провел в мотеле «Си Бриз», а на следующее утро, около восьми, уже вылетел в городок Олдертон на севере штата Нью-Йорк.

5

Среди всего, что Диз не понимал в перемещениях своего объекта, больше всего его озадачивало то, насколько Летающий был *несуетлив*. В Мэне и Мэриленде он вообще тянул время, прежде чем убивать. Единственную остановку на ночь он сделал в Олдертоне, который посетил через две недели после расправы с Клэром Боуи.

Аэропорт Лейквью в Олдертоне был еще меньше Камберлендского — одна грунтовая полоса и пункт управления с системой связи, представлявший собой всего лишь свежевыкрашенный сарайчик. Здесь не было приборов для инструментального захода на посадку, зато имелась спутниковая тарелка, чтобы ни один летающий фермер, воспользовавшийся услугами аэропорта, не пропустил «Мерфи Браун», «Колесо Фортуны» или еще что-то не менее важное.

Одно Дизу очень понравилось: грунтовая полоса Лейквью была столь же идеально гладкой, как и в Мэне. Так и привыкнуть недолго, подумал Диз, аккуратно посадив «Бичкрафт» и начав торможение. Ни тебе ударов на асфальтовых заплатках, ни выбоин, на которых опрокинуться можно... Да, к этому легко привыкнуть.

В Олдертоне никто не просил портретов президентов или друзей президентов. Все жители Олдертона — чуть меньше тысячи душ — были в шоке, и не только те, кто по совместительству, как и покойный Бак Кенделл, обслуживал аэропорт Лейквью чуть ли не из благотворительности (и явно в убыток). Да и вообще здесь не с кем было разговаривать, не было даже свидетеля уровня Эзры Хэннона. Эзра, конечно, был поддатым, подумал Диз, но уж, во всяком случае, на него хоть сослаться можно.

— Должно быть, могучий был мужчина, — сказал один совместитель Дизу. — Старик Бак весил фунтов двести двадцать, и в основном был спокойным, но уж если ты его все-таки достанешь, пеняй на себя. Я видел, как он уложил одного парня на ярмарке, что проходила в Пикипси пару лет назад. Такие бои, конечно, незаконны, но Баку не хватало деньжат на выплату за его «пайпер», и он уложил того

ярмарочного боксера. Получил две сотни долларов и отнес их в кредитную компанию, кажется, дня за два до того, как они прислали людей забирать его машину.

Совместитель покачал головой с искренне расстроенным видом, и Диз пожалел, что не вынул камеру. Читателям «Взгляда изнутри» страшно нравятся такие длинные, морщинистые, скорбные лица. Диз мысленно пометил выяснить, не было ли у покойного Бака Кенделла собаки. Еще читателям «Взгляда изнутри» страшно нравятся снимки собак покойников. Пристраиваешь собачку на крыльцо дома убитого и делаешь подпись «НАЧИНАЕТСЯ ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ БАФФИ» или что-то в этом роде.

— Очень жаль, — сочувственно заметил Диз.

Совместитель со вздохом кивнул:

— Должно быть, тот парень напал на него сзади. Иначе не представляю.

Диз не знал, с какой стороны напали на Бака Кенделла, но знал, что на этот раз горло жертвы не было вырвано. На этот раз были дырки, дырки, через которые «Дуайт Ренфилд» предположительно высосал кровь жертвы. Кроме того, как следовало из заключения медэкспертизы, отверстия находились на противоположных сторонах шеи: одно — на яремной вене, а второе — на каротидной артерии. Это были не скромные следы от укусов эпохи Белы Лугоши и не более кровавые отметины картин Кристофера Ли. В отчете о вскрытии данные приводились в сантиметрах, но Диз достаточно легко переводил их в дюймы, а у Моррисона в распоряжении есть неутомимая Либби Грэннит, способная объяснить то, что лишь частично показывал сухой язык отчета: или убийца обладал зубами таких же размеров, как любимый читателями «Взгляда» снежный человек, или проделывал дырки в шее Кенделла куда более прозаическим способом — с помощью молотка и гвоздей.

«НЕСУЩИЙ СМЕРТЬ ЛЕТАЮЩИЙ В НОЧИ ПРОТЫКАЕТ ЖЕРТВЫ И ВЫПИВАЕТ ИХ КРОВЬ», — в один и тот же день подумали два человека в разных местах. *Неплохо.*

Летающий в Ночи запросил разрешение на посадку в аэропорту Лейквью вскоре после половины одиннадца-

того вечером 23 июля. Кенделл дал разрешение и отметил хвостовой номер, уже хорошо знакомый Дизу: H101БЛ. Пилота он внес под именем «Дуайт Ренфилд», а «тип и модель самолета» обозначил как «Сессна-Скаймастер-337». Никакого упоминания о красной полосе и, конечно, никакого упоминания о развевающемся плаще, красном, как пожарная машина, изнутри и черном, как задница у сурка, снаружи, но Диз все равно не сомневался ни в том, ни в другом.

Летающий в Ночи прилетел в аэропорт Олдертона Лейквью вскоре после половины одиннадцатого, убил этого здоровяка Бака Кенделла, выпил его кровь и улетел в своей «Сессне» незадолго до того, как Дженна Кенделл пришла в пять утра двадцать четвертого числа покормить мужа свежими вафлями, а вместо этого обнаружила обескровленный труп.

Когда Диз стоял перед ветхим ангаром-вышкой Лейквью, размышляя над полученными фактами, ему пришло в голову, что если ты *даешь* кровь, то рассчитывать можешь не более чем на чашку апельсинового сока и благодарственное слово. Если же ты ее *берешь* — *высасываешь*, если быть точным, — то попадаешь на первые полосы газет. Вылив из чашки на землю остатки паршивого кофе, он направился к своему самолету, готовый вылететь на юг, в Мэриленд, и тут Ричарду Дизу пришла мысль, что рука Господня, возможно, слегка дрогнула, когда Он заканчивал предполагаемый шедевр сотворенного Им царства.

6

И вот сейчас, после паршивых двух часов, что прошли с вылета из Вашингтона, все вдруг стало гораздо хуже, причем с ошеломляющей внезапностью. Посадочные огни погасли, но Диз видел, что погасли не только они — в темноту погрузились половина Уилмингтона и весь Райтсвилл-Бич. Система посадки по приборам еще работала, но когда Диз схватил микрофон и заорал: «Что случилось? Ответь

мне, Уилмингтон!» — не услышал ничего, кроме треска помех, на фоне которых далекими призраками бубнили несколько голосов.

Он ткнул микрофон на место, не попав на крючок. Микрофон стукнулся о пол кабины, свисая на спиральном проводе, и Диз про него забыл. То, что он за него схватился и что-то орал, было инстинктом пилота. Он знал, что случилось, так же ясно, как и то, что солнце заходит на западе... Что оно скоро и сделает. По всей видимости, в подстанцию возле аэропорта угодила молния. Под вопросом оставалось одно — садиться, несмотря ни на что, или нет.

У тебя есть разрешение на посадку, сказал один внутренний голос. Другой тут же (и правильно) ответил, что это совершенно дурацкое оправдание. *Ты уже знаешь, что делать в такой ситуации, еще когда только учишься летать. Логика и учебники подсказывают, что надо лететь на запасной аэродром и попытаться связаться с диспетчерской службой.* Посадка при столь запутанной ситуации может стоить ему предупреждения и солидного штрафа.

С другой стороны, если он не сядет сейчас — прямо сейчас, — он потеряет Летающего в Ночи. Это может стоить и чьей-нибудь жизни (или жизней), но Диз это почти не принимал во внимание... пока у него не вспыхнула идея, не возникло озарение, как большая часть его озарений, оформленное в виде кричащего заголовка:

«ОТВАЖНЫЙ РЕПОРТЕР СПАСАЕТ (здесь вставить цифру, по возможности побольше, что довольно много, с учетом того, что границы людского легковерия на удивление широки) ЧЕЛОВЕК ОТ ЛЕТАЮЩЕГО В НОЧИ БЕЗУМЦА».

Жри *это*, Фермер Джон, подумал Диз и продолжил снижение в сторону полосы 34.

Посадочные огни внизу вдруг вспыхнули снова, как бы одобряя его решение, потом снова погасли, оставив на сетчатке глаз синие остаточные пятна, которые мгновение спустя приобрели зеленоватый оттенок подгнившего авокадо. Потом в радиоприемнике пропал потусторонний треск помех, и голос Фермера Джона прокричал:

— Отворачивай влево, Н471Б; «Пьемонт», отворачивай вправо... Господи, о Господи, в воздухе, кажется, у нас в воздухе...

Инстинкт самосохранения у Диза был отточен не хуже, чем чутье на кровь в кустах. Он даже не увидел проблесковых огней «Боинга-727» авиакомпании «Пьемонт». Он был слишком занят, уводя самолет влево настолько круто, насколько мог выдержать его «Бичкрафт» — на расстояние не шире щелки девственницы, и Диз будет счастлив подтвердить сей факт, если выберется из этой передряги живым, — не позже, чем Фермер Джон произнес второе слово. На мгновение он увидел и ощутил что-то огромное в нескольких дюймах над собой, а потом «Бичкрафт» стало кидать так, что предыдущая тряска уже казалась скольжением по стеклу. Сигареты выпали из нагрудного кармана и разлетелись повсюду. Полутемный силуэт Уилмингтона бешено качался. Желудок, казалось, вот-вот выдавит сердце через горло и в рот. Слюна поднималась по щеке, как ребенок, скатывающийся по скользкому склону. Карты летали словно птицы. В воздухе снаружи раскатывался рев реактивных двигателей вперемешку с громовыми раскатами. Один из иллюминаторов четырехместного пассажирского отсека вдавило внутрь, в него ворвался удушающий поток воздуха, вовлекая в завихрение все, что не было закреплено.

— Н471Б, вернитесь на прежнюю высоту! — завопил Фермер Джон.

Диз осознал, что только что испортил брюки за двести долларов, выпустив в них с пинту горячей мочи, но отчасти его успокаивало сильное подозрение, что старый Фермер Джон навалил в штаны не меньше вагона дерьма. Во всяком случае, по голосу так казалось.

У Диза был швейцарский армейский нож. Он достал его из правого кармана брюк, удерживая штурвал левой рукой, и резанул левую руку до крови прямо по рубашке над локтем. Потом сразу же сделал еще один порез, не такой глубокий, под левым глазом. Сложив нож, он сунул его в пластиковый карман для карт на двери пилота. Потом его надо протереть,

подумал он. Если забуду, окажусь в большом дерьме. Но он знал, что не забудет, а с учетом того, что сходило с рук Летающему в Ночи, он считал, что у него все будет нормально.

Посадочные огни загорелись вновь, на этот раз надолго, как он надеялся, хотя их неровное свечение говорило о том, что они работают от генератора. Он снова направил «Бичкрафт» на полосу 34. Кровь стекала по его левой щеке к уголку рта. Он всосал немного и выплюнул розовую смесь крови и слюны на индикатор вертикальной скорости. Не стоит упускать ни единой возможности: прислушивайся к инстинктам, и они выведут тебя куда надо.

Он взглянул на часы. До заката всего четырнадцать минут. Времени в обрез.

— *Набирай высоту, «Бич»!* — заорал Фермер Джон. — *Оглох ты, что ли?!*

Диз нащупал скрученный провод микрофона, не отрывая взгляда от огней полосы. Перебирая провод пальцами, он добрался до микрофона. Зажав его в ладони, он нажал кнопку передачи.

— Слушай сюда, сучий потрох, — произнес он, злобно ощерившись. — Этот семьсот двадцать седьмой чуть не превратил меня в клубничный джем, потому что твой сраный генератор не врубился вовремя; из-за этого у меня не было связи с землей. Не знаю, сколько народу на *авиалайнере* чуть не превратились в клубничный джем, но уверен, *ты* знаешь и экипаж знает. Эти ребята до сих пор живы только потому, что командиру того борта хватило сноровки увернуться вправо, а мне хватило сноровки уйти влево, но зато и я, и машина получили повреждения. Если ты прямо сейчас не дашь мне добро на посадку, я все равно сяду. Разница только в том, что, если я сяду без разрешения, я сделаю так, чтобы с тобой разбиралось Федеральное управление. Но для начала я лично позабочусь о том, чтобы твоя голова и задница поменялись местами. Усек, *говнюк*?

Наступило долгое молчание, заполненное треском помех. А потом очень тихий голос, ничем не напоминающий вопли Фермера Джона, произнес:

— Вам разрешается посадка на полосе 34, Н471Б.

Усмехнувшись, Диз направил машину на полосу.

Он прижал кнопку микрофона и сказал:

— Я был не прав, что наорал. Прости. Такое со мной бывает только на грани смерти.

Ответа с земли не последовало.

— Ну и хрен с тобой, — пробормотал Диз и начал снижение, с трудом преодолевая искушение взглянуть на часы.

7

Диз не отличался излишней чувствительностью и этим гордился, но себя не обманешь: от того, что он увидел в Даффри, его бросило в дрожь. «Сессна» Летающего в Ночи провела еще один полный день — 31 июля — на стоянке, но это было лишь началом ужаса. Постоянных читателей «Взгляда изнутри» волновала, конечно, только кровь, и с этим все было в порядке, море крови, кровь без конца, аминь, аминь, но Диз все больше убеждался, что кровь (или, как в случае с добрыми старичками Реем и Эллен Сарч, ее *отсутствие*) была лишь началом истории. Эта кровь таила за собой бездны темного и странного.

В Даффри Диз прилетел 8 августа, отставая от Летающего в Ночи уже всего на неделю. Он снова попытался представить, где между вылазками скрывается его умалишенный приятель. В Диснейленде? В Буш-Гарденс? Может, в Атланте на «Брейвс»? Сейчас, пока погоня продолжается, подобные детали относительно не важны, но потом их ценность возрастет. Они станут журналистским подобием приправы к гамбургерам, растягивая объедки истории Летающего в Ночи еще на несколько номеров, позволяя читателям вновь и вновь наслаждаться ароматом даже после того, как самые большие куски сырого мяса уже переварены.

И все же в этой истории еще *оставались* пустоты — темные места, в которые человек может провалиться и сгинуть навеки. Это звучало и безумно, и банально, но к тому времени, когда у Диза стала складываться картина происшедшего в Даффри, он уже начинал этому верить... что означа-

ло, что *эта* часть истории никогда не попадет в печать, и не только потому, что это личное. Это шло вразрез с единственным железным правилом Диза: не верить тому, что печатаешь, и не печатать то, чему веришь. Именно это позволило ему многие годы сохранять здравый смысл там, где окружавшие его теряли.

Он приземлился в аэропорту Вашингтона — наконец-то для разнообразия в *настоящем* аэропорту — и взял напрокат машину, чтобы проехать шестьдесят миль до Даффри, поскольку аэропорта Даффри не *существовало* без Рея Сарча и его жены Эллен. Не считая сестры Эллен, Рейлин, которая была довольно неплохим механиком, кроме них там никого не было. Аэропорт состоял из единственной пролитой маслом грунтовой полосы (промасленной, чтобы прибить пыль и помешать росту сорняков) и пункта управления, не превышавшего размерами сортир, пристроенный к трейлеру, в котором проживала чета Сарч. Они были в отставке, и он, и она были летчиками, имели репутацию очень суровых людей и все еще безумно любили друг друга, несмотря на почти пятьдесят лет семейной жизни.

Кроме того, как выяснил Диз, супруги Сарч очень внимательно следили за частными самолетами, пользовавшимися их аэродромом: в войне с наркотиками у них был личный счет. Их единственный сын погиб в Эверглейдс во Флориде при попытке сесть на показавшийся ему чистым участок воды на угнанном «Бичкрафте-18», на борту которого было больше тонны мексиканской марихуаны. Вода и *была* чистой... не считая единственного пня, которого оказалось достаточно. Самолет за него зацепился, перевернулся и взорвался. Дуга Сарча выбросило из машины, он обгорел и дымился, но, вероятно, еще был жив, хотя безутешные родители и не хотели этому верить. Его сожрали аллигаторы, и неделю спустя, когда на него наткнулись парни из отдела по борьбе с наркотиками, от него оставался лишь расчлененный скелет с несколькими изъеденными червями ошметками мяса, обугленные джинсы от Кэлвина Кляйна и спортивная куртка от Пола Стюарта, Нью-Йорк. В одном из карманов куртки нашли больше двадцати тысяч

долларов наличными; в другом — почти унцию перуанского кокаина.

«Моего мальчика убили наркотики и те уроды, которые ими занимаются», — не раз говорил Рей Сарч, а Эллен Сарч вторила ему от всей души. Дизу снова и снова говорили о ее ненависти к наркотикам и наркоторговцам (его позабавило почти единодушное мнение о том, что убийство стариков Сарчей было делом рук «преступного мира»), которую превосходили лишь ее скорбь и непонимание того, каким образом этим самым людям удалось совратить ее сына.

После смерти сына супруги Сарч неусыпно следили за всем и вся, что хоть отдаленно напоминало перевозку наркотиков. Четыре раза полиция штата Мэриленд выезжала к аэропорту по их вызовам, оказавшимся ложными, но претензий блюстители закона не имели, поскольку по сигналам Сарчей удалось накрыть три небольшие партии и две очень крупные. Последняя состояла из тридцати фунтов чистого боливийского кокаина. За облаву с таким результатом можно забыть и несколько ложных вызовов, за такие облавы дают повышение.

И вот, поздним вечером 30 июля, прибывает та самая «Сессна-Скаймастер», номер и описание которой были разосланы во все аэропорты Америки, включая и Даффри; «Сессна», пилот которой называет себя Дуайтом Ренфилдом, пункт вылета — аэропорт Бейшор, штат Делавэр, где и не слышали ни о «Ренфилде», ни о «Скаймастере» с хвостовым номером Н101БЛ; самолет человека, который почти наверняка был убийцей.

«Если бы он сюда прилетел, он бы уже сидел за решеткой», — сказал Дизу по телефону один диспетчер из Бейшора, но Диз в этом сомневался. Да. Очень сомневался.

Летающий в Ночи приземлился в Даффри в 23:27, и «Дуайт Ренфилд» не только расписался в журнале у Сарчей, но и принял приглашение Рея Сарча зайти в трейлер, выпить пива и посмотреть по телевизору повтор «Дымки из ствола». Все это Эллен Сарч рассказала на следующий день владелице салона красоты в Даффри. Эта женщина, Селида Мак-

каммон, сказала Дизу, что была одной из самых близких подруг покойной Эллен.

Когда Диз спросил, какой ей показалась Эллен, Селида, немного подумав, сказала:

— Какой-то мечтательной. Вроде влюбленной школьницы лет семидесяти. У нее был такой цвет лица, что я сначала думала, это макияж, пока не начала делать ей перманент. Тогда я увидела, что она была просто... Понимаете...

— Взбудораженная? — предположил Диз, на что Селида Маккаммон засмеялась и захлопала в ладоши.

— Взбудораженная! Именно так! Ну конечно, вы же писатель!

— О да, пишу я неплохо, — заметил Диз, изобразив улыбку, которую он сам считал доброжелательной и теплой. Эту мину он одно время отрабатывал почти постоянно и продолжал отрабатывать довольно регулярно перед зеркалом ванной в нью-йоркской квартире, которую называл своим домом, и перед зеркалами отелей и мотелей, которые были его *настоящим* домом. Похоже, сработало — Селида Маккаммон ответила на его улыбку довольно быстро, — но истина состояла в том, что Диз никогда в жизни не ощущал ни доброжелательности, ни теплоты. В детстве он уверовал в то, что таких эмоций вообще не существовало; они были всего лишь маскарадом, светской условностью. Впоследствии он решил, что ошибался на этот счет: большая часть того, что он считал «эмоциями «Ридерс дайджест», *были* настоящими, по крайней мере для большинства. Возможно, даже любовь, этот сказочный деликатес, была реальностью. Тот факт, что он сам не мог ощущать этих чувств, был, несомненно, постыдным, но едва ли концом света. Ведь были же в конце концов люди, страдавшие от рака, СПИДа или имевшие память не лучше, чем у попугая с поврежденными мозгами. Если посмотреть на это с такой точки зрения, то быстро понимаешь, что, лишившись нескольких слюнявых эмоций, ты не много потерял. Важно, чтобы ты мог время от времени растягивать мышцы своего лица в нужном направлении, и тогда все в порядке. Это не вредно и просто: если ты, помочившись, не забываешь застегнуть ширинку,

то уж не забудешь изобразить улыбку и теплоту, когда от тебя этого ожидают. А понимающая улыбка, как он выяснил за многие годы, — лучший в мире инструмент для интервью. Время от времени внутренний голос спрашивал у него, каков его *собственный* взгляд изнутри, но Диз *не желал* никакого взгляда изнутри. Он желал лишь писать и снимать. Писал он лучше, так было раньше, так будет и впредь, и он знал об этом, но все равно фотографии нравились ему больше. Ему нравилось их трогать. Видеть, как люди на них застывают или с настоящим лицом, открытым для всего мира, или в маске, очевидной настолько, что бессмысленно отказываться. Ему нравилось, что на лучших снимках люди всегда выглядели удивленными и испуганными. Какими их застали.

Если бы на него нажать, он бы сказал, что фотоснимки дают ему весь необходимый взгляд изнутри, и в данном случае эта тема не имеет никакого значения. А вот что имеет значение, так это — Летающий в Ночи, его умалишенный дружок, и то, как он проник в жизнь Рея и Эллен Сарч примерно неделю назад.

Летающий вышел из своего самолета и прошел в помещение, где на стене висело объявление Федерального управления гражданской авиации в красной рамке, объявление, сообщавшее об опасном субъекте, летающем на «Сессне-Скаймастер-337» с хвостовым номером Н101БЛ, возможно, убившем двух человек. Еще в объявлении говорилось, что этот субъект может называть себя Дуайтом Ренфилдом. «Скаймастер» приземлился, «Дуайт Ренфилд» отметился и почти наверняка провел следующий день в багажном отсеке своего самолета. И что же Сарчи, эти бдительные старички?

Сарчи ничего не сказали; Сарчи ничего *не сделали*.

Вот последнее было не совсем верно, как выяснил Диз. Рей Сарч определенно кое-что сделал: он пригласил Летающего в Ночи посмотреть серию «Дымки из ствола» и попить пивка вместе с женой. Они отнеслись к нему как к старому другу. А на следующий день Эллен Сарч договорилась о визите в салон красоты, чем немало удивила Селиду Маккаммон: обычно Эллен бывала там в определенные дни, а на

этот раз заявилась недели за две до того, когда ее ждала Селида. Ее указания были необычно конкретными: она хотела не просто обычную стрижку, а перманент... И немного подкраситься.

— Она хотела выглядеть моложе, — сказала Селида Дизу, смахнув со щеки слезу ребром ладони.

Но поведение Эллен Сарч было еще цветочками по сравнению с поступками ее супруга. Он позвонил в Управление гражданской авиации в Вашингтон и попросил оформить уведомление для пилотов о том, что Даффри изымается из списка действующих аэродромов, на время по крайней мере. Иными словами, он задвинул решетки и прикрыл лавочку.

По дороге домой он заехал на заправку «Тексако» в Даффри и сказал ее хозяину Норму Уилсону, что, похоже, у него грипп. Норм сообщил Дизу, что, кажется, так оно и было — Рей выглядел бледным и изнуренным, стал вдруг смотреться старше своих лет.

В ту ночь эти двое бдительных пожарных фактически сгорели. Рея Сарча обнаружили в небольшой диспетчерской. Голова у него была оторвана и отброшена в дальний угол, де стояла на неровном обрубке шеи, глядя на открытую верь широко распахнутыми остекленевшими глазами, как удто там можно было что-то увидеть.

Его жену обнаружили в спальне их трейлера. Она лежала в кровати. На ней был пеньюар, такой новый, что, возможно, до той ночи его ни разу не надевали. Как рассказал Дизу помощник шерифа (этот ублюдок обошелся в двадцать пять долларов, куда дороже Джиноголового Чудо-Механика Эзры, но он того стоил), она была старой, но достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что перед тобой женщина, укладывавшаяся в постель с мыслями о любви. Дизу так понравился гнусавый выговор помощника, что он записал в блокнот его рассказ. Эти огромные, словно пробитые штырем отверстия в шее, одно на сонной артерии, другое на яремной вене. Лицо у нее было спокойным, глаза закрыты, руки сложены на груди.

Несмотря на то, что в ее теле не осталось почти ни капли крови, на подушках под ней было лишь несколько капель,

а еще несколько капель — на книге, лежавшей открытой у нее на животе: «Вампир Лестат», Энн Райс.

А Летающий в Ночи?

Где-то до полуночи 31 июля или после полуночи уже 1 августа он просто улетел. Как призрак.

Или как летучая мышь.

8

Диз коснулся земли в Уилмингтоне за семь минут до официального заката. Сбрасывая газ и все еще сплевывая изо рта кровь от пореза под глазом, он увидел блеск молнии, осветившей все настолько ярким бело-голубым светом, что он чуть не ослеп. Вслед за молнией раздался такой оглушительный раскат грома, какого он еще не слышал. Его субъективное ощущение о силе звука подтвердилось, когда еще один иллюминатор пассажирского отсека, покрывшийся звездочками трещин, после того как ему чудом удалось разойтись с «Боингом», влетел внутрь россыпью фальшивых бриллиантов.

В ослепительном свете слева от полосы 34 он увидел приземистое кубическое здание, пронзенное молнией. Раздался взрыв, и в небо взвился столб огня, яркий, но несопоставимый по мощи с той молнией, которая его вызвала.

Все равно что взорвать динамитную шашку маленькой атомной бомбой, мелькнуло у Диза, а потом он понял: это генератор, это *был* генератор.

Огни, все огни — и белые, обозначавшие края полосы, и ярко-красные лампы, обозначавшие ее конец, — вдруг погасли, словно были всего лишь свечками, задутыми сильным порывом ветра. Он внезапно оказался мчащимся из тьмы во тьму на скорости больше восьмидесяти миль в час.

Упругая сила взрыва, уничтожившего главный генератор аэропорта, словно кулаком ударила «Бичкрафт» — не просто ударила, а впечаталась в него всей мощью. Самолет, еще не вполне ощутивший себя снова земным существом, пугливо рыскнул вправо, приподнялся и опустился на правом коле-

се, которое продолжало скакать то вверх, то вниз, и до Диза с трудом дошло, что это были сигнальные огни.

Уходи влево! — вопил его рассудок. *Влево, ты, задница!*

Он чуть не сделал этого, прежде чем к нему вернулась способность рассуждать хладнокровно. Стоит повернуть штурвал на такой скорости, он перевернется. Может, и не взорвется, с учетом того, что горючего почти не осталось, но и это возможно. Или самолет просто развалится на части, и Ричард Диз от живота и ниже останется в кресле, а Ричард Диз от живота и выше отправится в другом направлении, волоча за собой серпантин рваных кишок и роняя на бетон почки, напоминающие здоровенные куски птичьего помета.

Выруливай! — вопил он себе. *Выруливай, сукин сын, выруливай!*

Потом взорвалось еще что-то — резервные баки генератора, как он предположил, если у него вообще было время на предположения, — что отбросило «Бичкрафт» еще дальше вправо, но это было хорошо, потому что самолет сошел с ряда погасших огней и вдруг снова покатился сравнительно ровно — левым колесом на краю полосы 34, правым — по неприметной полоске земли между огнями и канавой, которую он видел раньше справа от полосы. «Бичкрафт» продолжало трясти, но уже не так сильно, и он понял, что катится на одной шине, что на правом колесе резина изорвана в клочья посадочными огнями, по которым он проехался.

Он начинал замедлять ход, и это было самым важным, самолет наконец-то начинал понимать, что он превращается в нечто другое, в существо, вновь обитающее на земле. Диз начал было успокаиваться, но тут увидел перед собой очертания массивного «Лирджета», который летчики называли «Толстым Альбертом», опрометчиво вставшего поперек полосы, где пилот притормозил перед выруливанием на полосу 5.

Диза несло на него, он видел освещенные иллюминаторы, видел лица людей, смотревших на него с выражением идиотов из психушки, наблюдающих фокусы, а потом, не раздумывая, вывернул полностью вправо руль направления, отчего его самолет окончательно сошел с полосы и влетел

в канаву, разойдясь с «Лиром» дюймах в полутора. Он слышал слабые крики, но его волновало лишь то, что *сейчас* цепочкой фейерверка взрывалось перед ним, в то время как его самолет пытался снова стать обитателем воздуха, бессильный это сделать с выпущенными закрылками и двигателями на реверсе, но все равно пытался; последовал конвульсивный скачок при гаснущем свете второго взрыва, а затем его понесло по рулежной дорожке, и перед ним на мгновение мелькнул терминал, углы которого освещались аварийным светом, работавшим от аккумуляторов, он увидел самолеты на стоянке — одним из них почти наверняка был «Скаймастер» Летающего в Ночи, — словно силуэты из гофрированной бумаги на фоне зловещего света оранжевого заката, сейчас скрытого расходящимися тучами.

Я перевернусь! — мысленно завопил он, и «Бичкрафт» *попытался* катиться; левое крыло высекло сноп искр из ближайшей к терминалу рулежной дорожки, и от него отвалился кончик, закрутившийся волчком и улетевший в кусты, где от температуры трения слегка задымилась трава.

А потом самолет остановился, и единственными звуками оставались лишь атмосферный треск по радио, шипение воды, выливающейся из разбитых бутылок на ковер пассажирского салона, и возбужденный стук сердца самого Диза. Отстегнув привязной ремень, он устремился к герметичному люку, еще не успев осознать, что жив.

Случившееся потом он помнил совершенно отчетливо, но с того момента, когда «Бичкрафт» остановился на рулежной дорожке, развернувшись хвостом к «Лиру» и накренившись набок, и до того, когда от терминала донеслись первые крики, он помнил лишь то, что полез назад, за камерой. Он не мог покинуть самолет без камеры; ближе этого «Никона» у Диза не было ничего, даже жены. Он купил его в ломбарде в Толидо в семнадцать лет и с тех пор с ним не расставался. Он докупал объективы, но корпус оставался тем же, и единственными происходившими с ним изменениями были добавлявшиеся во время работы случайные царапины и вмятины. «Никон» находился в кармане за сиденьем. Достав его оттуда и осмотрев, он убедился, что ка-

мера в порядке, повесил фотоаппарат на шею и склонился над люком.

Открыв люк, он спрыгнул, пошатнулся, чуть не упал, поймав камеру, прежде чем она упала на бетон. Послышался еще один раскат грома, но на этот раз это был *только* раскат, далекий и нестрашный. Его лица коснулся ветерок, подобный ласковой нежной руке, но ниже пояса было ощущение ледяного холода. Диз поморщился. То, как он обмочил штаны, когда его «Бич» и «Пьемонт» чуть не столкнулись, в публикацию *тоже* не войдет.

Потом от терминала донесся тонкий, пронзительный крик — крик боли и ужаса. Диз словно получил пощечину. Он пришел в себя. Он снова сосредоточился на своей цели. Он взглянул на часы. Часы не работали. Или сломались от сотрясения, или просто остановились. Они представляли собой забавную древность, которую надо было заводить, а он забыл, когда делал это в последний раз.

Закат уже наступил? Чертовски темно, верно, но из-за грозовых туч, скопившихся в районе аэропорта, трудно определить время. Так закат *наступил*?

Послышался еще один крик — нет, не крик, визг — и звук разбивающегося стекла.

Диз решил, что закат уже не имеет значения.

Он побежал, едва осознавая, что запасные баки генератора еще горят и в воздухе пахнет бензином. Он попытался ускориться, но казалось, он бежит по песку. Терминал приближался, но не слишком быстро. Недостаточно быстро.

— *Не надо! Пожалуйста! НЕ НАДО! О НЕТ! РАДИ БОГА!*

Этот крик, становившийся все громче и громче, внезапно прервался страшным, нечеловеческим воем. Тем не менее в нем *было* что-то человеческое, и это, наверное, и было самым страшным. В неровном свете аварийных ламп, установленных по углам терминала, Диз увидел, как нечто темное и вращающееся разбило еще одно стекло в стене терминала, обращенной в сторону стоянки — та стена почти полностью состояла из стекла, — и вылетело наружу. Оно с глухим звуком ударилось о бетон, перекатилось, и Диз увидел, что это человек.

Гроза откатывалась дальше, но молнии по-прежнему вспыхивали то там, то тут, и когда Диз, задыхаясь, добежал до стоянки, он наконец увидел самолет Летающего в Ночи, с крупно выведенным на хвосте номером Н101БЛ. Буквы и цифры казались черными при таком освещении, хотя он знал, что они красные, но это, так или иначе, не имело значения. Камера была заряжена чувствительной черно-белой пленкой и снабжена автоматической вспышкой, которая срабатывала лишь при недостаточном освещении.

Багажный отсек «Скаймастера» был распахнут, как рот у покойника. Под ним лежала большая куча земли, в которой что-то копошилось и ползало. Заметив это, Диз присмотрелся и остановился. Теперь душа его была наполнена не только страхом, но и дикой, бьющей через край радостью. Как хорошо, что все так вышло!

Да, подумал он, *но не называй это удачей — не смей называть это удачей. Не называй это даже чутьем.*

Верно. Не надежда на удачу заставляла его торчать в том паршивом мотеле с громыхающим кондиционером, не чутье — не *только* чутье — заставляло его часами висеть на телефоне, обзванивать занюханные аэропорты и снова и снова называть номер Летающего в Ночи. Это был чисто репортерский инстинкт, который наконец начал приносить отдачу. И не просто отдачу: он сорвал банк, добрался до Эльдорадо, добился сказочной удачи.

Остановившись перед зевом багажного отсека, он попытался поднять камеру. Чуть не придушил себя ремнем. Выругался. Распутал ремень. Навел.

От терминала донесся еще один крик — на этот раз крик женщины или ребенка. Диз почти не обратил на это внимания. У него мелькнула мысль, что там идет бойня, затем промелькнуло, что эта бойня лишь украсит сюжет, а потом обе эти мысли пропали, когда он быстро делал три снимка «Сессны», стараясь, чтобы в кадр попал и распахнутый багажный отсек, и хвостовой номер. Только жужжала моторная приставка.

Диз побежал дальше. Вылетело еще одно стекло. Снова раздался глухой удар, когда на бетон вылетело еще одно тело, напоминавшее тряпичную куклу, залитую под завязку темной

густой жидкостью вроде сиропа от кашля. Всмотревшись, Диз увидел неясное движение, нечто развевающееся, что *могло* быть плащом... Но он находился еще слишком далеко, чтобы определить точно. Он повернулся. Сделал еще два снимка самолета, чтобы уже наверняка. Распахнутый багажный отсек и куча земли на отпечатке будут смотреться сильно и неопровержимо.

Резко развернувшись, он побежал к терминалу. Мысль о том, что он не вооружен ничем, кроме старенького «Никона», не приходила ему в голову.

Он остановился в десяти ярдах. Здесь было три трупа: двое взрослых — мужчина и женщина, и один, который мог принадлежать или женщине небольшого роста, или девочке лет тринадцати. Определить было трудно, поскольку голова отсутствовала.

Диз навел фотоаппарат и быстро снял шесть кадров, сопровождавшихся белым светом вспышки и повизгиванием моторной приставки.

Со счета он не сбивался. Он зарядил пленку на тридцать шесть кадров. Отснял одиннадцать. Оставалось двадцать пять. В глубоких карманах его штанов пленка еще была, это замечательно... если у него будет возможность перезарядить. Но на это никогда не стоит рассчитывать; в подобном случае надо хватать все, что успеешь. Это банкет, де есть надо быстро.

Диз подошел к терминалу и распахнул дверь.

9

Он думал, что повидал в жизни уже все, но ничего подобного он *никогда* не видел. *Никогда*.

«Сколько? — возопил его рассудок. — Сколько народу ты положил? Шесть? Восемь? Может, десяток?»

Он не мог определить. Летающий в Ночи превратил небольшой уютный терминал в живодерню. Повсюду были разбросаны тела и части тел. Диз увидел ступню в черной туфле; сфотографировал ее. Разорванный торс; сфотогра-

фировал. Здесь был еще живой человек в замасленном комбинезоне, и на мгновение у него промелькнула дикая мысль, что это Чудо-Механик Эзра из аэропорта Камберленда, но этот парень не просто лысел: он уже завершил этот процесс. Лицо его рассекала широкая рана от лба до подбородка. Нос у него разошелся на половинки, и у Диза промелькнуло безумное сравнение с разрезанной поджаренной сосиской, которую собираются вложить в булку.

Диз сфотографировал.

И вдруг неожиданно что-то внутри его взбунтовалось и возопило «Хватит!» повелительным голосом, на который нельзя было не обращать внимания, не говоря уж о том, чтобы просто отмахнуться.

Хватит, остановись, все кончено!

Он увидел нарисованную на стене стрелу, под которой была надпись «ТУАЛЕТЫ». Диз помчался в указанном направлении, с болтающейся на шее камерой.

Первый же попавшийся по пути туалет оказался мужским, но даже если бы это была уборная для инопланетян, его это не волновало. Он рыдал сильными, резкими, хриплыми всхлипами. Он едва осознавал тот факт, что эти звуки исходили от него. Он не плакал уже много лет. С детства.

Вломившись в дверь, он заскользил как лыжник, почти потеряв равновесие, и ухватился за край второго в ряду умывальника.

Он склонился над ним, и все хлынуло из него густым вонючим потоком, от которого брызги отлетали и ему в лицо и попадали коричневатыми сгустками на зеркало. Он унюхал в своей блевотине цыпленка по-креольски, которого ел, сидя за телефоном в номере мотеля — это было как раз до того, как он напал на жилу и помчался к своему самолету, — и его вырвало снова со скрипучим звуком работающей с перегрузкой машины, готовой пойти вразнос.

Господи, думал он, *Господи Иисусе, это не человек, это не может быть человеком...*

И тут он услышал этот звук.

Это был звук, который он слышал не меньше тысячи раз, звук, столь обыденный в жизни любого американца...

но сейчас этот звук наполнил его ужасом и непреодолимым страхом, выходящим за пределы его опыта и воображения.

Это был звук мочи, льющейся в писсуар.

Но хотя он и видел все три писсуара в забрызганное блевотиной зеркало, он не видел никого рядом хоть с одним из них.

Диз подумал: вампиры не отража...

Потом он увидел красноватую жидкость, стекающую по фарфору среднего писсуара, увидел, как она стекает по фарфору, увидел, как она, закручиваясь, стекает в расположенные в геометрическом порядке отверстия на дне.

В воздухе не было струи: он видел ее, лишь когда она касалась мертвого фарфора.

Только тогда она становилась видимой.

Он застыл. Он стоял не отрывая рук от края раковины, ощущая ртом, горлом, носом и гортанью насыщенный запах и вкус цыпленка по-креольски, и наблюдал за невероятным, но и прозаическим одновременно действом у себя за спиной.

Я наблюдаю, смутно промелькнуло у него, *как мочится вампир.*

Казалось, это происходит бесконечно — кровавая моча ударяется о фарфор, становится видимой и, закручиваясь, стекает в отверстия. Диз стоял, уперевшись руками о раковину, в которую его вырвало, уставившись на отражение в зеркале, и чувствовал себя застывшей шестеренкой огромной остановившейся машины.

Я почти наверняка покойник, подумал он.

В зеркале он увидел, как хромированная ручка опустилась сама по себе. Зашумела вода.

Диз услышал шорох и хлопанье и понимал, что это плащ, как понимал и то, что стоит ему обернуться, как он может вычеркнуть слова «почти наверняка» из последней мысли. Он остался на месте, судорожно сжимая края раковины.

Прямо из-за спины раздался низкий, не имеющий возраста голос. Обладатель голоса находился так близко, что Диз ощущал его холодное дыхание у себя на шее.

— Вы преследовали меня, — произнес не имеющий возраста голос.

Диз застонал.

— Да, — сказал не имеющий возраста голос, словно Диз ему возразил. — Я знаю вас, как видите. Я знаю о вас все. А теперь слушайте внимательно, мой любознательный друг, потому что я говорю это только один раз: не преследуйте меня больше.

Диз снова издал стон, напоминающий собачий скулеж, обмочив штаны в очередной раз.

— Откройте камеру, — велел не имеющий возраста голос.

Моя пленка! — вскричал внутренний голос Диза. *Моя пленка! Все, что у меня есть! Все, что есть! Мои снимки!*

Еще один отрывистый, напоминающий звук крыльев летучей мыши хлопок плаща. Хоть Диз ничего и не видел, но чувствовал, что Летающий в Ночи придвинулся еще ближе.

— Быстро.

Пленка — не все, что у него есть.

Еще есть жизнь.

Какая ни есть.

Ему представилось, как он поворачивается и видит то, чего не показывает и не может показать зеркало, видит Летающего в Ночи, своего умалишенного приятеля, невероятного вида существо, забрызганное кровью, ошметками плоти и пучками вырванных волос; он представил, как щелкает кадр за кадром, пока гудит моторная приставка... Но ничего этого не будет.

Совершенно ничего.

Потому что сфотографировать их тоже нельзя.

— Так вы существуете, — прохрипел он, не шевелясь, прикипев пальцами к краю раковины.

— Как и вы, — проскрежетал не имеющий возраста голос, и сейчас Диз ощутил в его дыхании запах древних гробниц и закрытых склепов. — Пока, по крайней мере. Это ваш последний шанс, мой любознательный претендент на роль биографа. Откройте камеру... или это сделаю я.

Диз открыл «Никон» почти онемевшими негнущимися пальцами.

Его помертвевшее лицо обдало воздухом, словно мимо него пронеслись лезвия бритв. На мгновение перед его глазами промелькнула длинная белая рука со следами крови; он увидел неровные ногти с забившейся под них грязью.

Потом пленка отделилась от камеры и размоталась.

Еще один отрывистый хлопок. Еще один зловонный выдох. На мгновение он решил, что Летающий в Ночи все равно его убьет. Потом он увидел в зеркале, как дверь туалета открылась сама по себе.

Я ему не нужен, подумал Диз. *Должно быть, сегодня он очень неплохо поел.* Его тут же вырвало, на этот раз — прямо на отражение собственного лица.

Дверь со вздохом закрылась на пневматическом амортизаторе.

Диз оставался там, где стоял, еще минуты три; оставался, пока звук приближающихся сирен не стал доноситься чуть ли не с крыши терминала; оставался, пока не услышал чихание и рев двигателя самолета.

Двигателя «Сессны-Скаймастер-337», почти без сомнений.

Потом он вышел из туалета на негнущихся ногах, врезался в стену коридора, оттолкнулся и двинулся обратно в терминал. Поскользнувшись в луже крови, он чуть не упал.

— Стоять, мистер! — крикнул полицейский сзади от него. — Стоять на месте! Только шевельнитесь — я вас пристрелю!

Диз даже не обернулся.

— Пресса, полицейская морда, — произнес он, держа в одной руке камеру, в другой удостоверение. Он подошел к одному из разбитых окон, все еще волоча за собой свисающую из камеры коричневым серпантином засвеченную пленку, и встал возле него, наблюдая, как «Сессна» разгоняется по пятой полосе. На мгновение она мелькнула черным силуэтом на фоне пылающего генератора и баков, силуэтом, напоминающим летучую мышь, а потом поднялась в воздух и пропала из виду, а полицейский довольно сильно припечатал Диза к стене, так, что у него из носа пошла кровь, но он не обращал на это внимания, как не

обращал внимания вообще ни на что, а когда рыдания снова стали рваться из его груди, он закрыл глаза, продолжая видеть, как кровавая моча Летающего в Ночи ударяется о фарфор, становится видимой и, закручиваясь, стекает в отверстия.

Ему казалось, что эта картина будет у него перед глазами вечно.

ПОПСИ

Шеридан медленно катил вдоль длинной стены торгового центра, когда увидел ребенка, выходившего из дверей. Маленького мальчика, старше трех лет, но определенно моложе пяти. И выражение его мордашки разом привлекло внимание Шеридана. Мальчик старался не плакать, но чувствовалось, что до появления первой слезинки оставалось совсем ничего.

Шеридан нажал на педаль тормоза, подождал, пока спадет волна отвращения к себе... хотя с каждым разом, когда он увозил ребенка, ощущения эти притуплялись. Когда такое случилось впервые, он целую неделю не мог заснуть. Все думал об этом здоровенном, чернявом турке, который называл себя мистер Маг, гадал, что тот делает с детьми.

— Они отправляются покататься на лодке, мистер Шеридан, — ответил на его вопрос турок, говорил он с сильным акцентом, и улыбнулся. И улыбка эта ясно и однозначно, безо всякого акцента объясняла: *если тебе дорога жизнь, такие вопросы лучше держать при себе.*

Шеридан больше ни о чем турка не спрашивал, но это не означало, что такой ответ удовлетворил его любопытство. И после расставания с турком ему более всего хотелось повернуть время вспять. После второго визита чувство вины было уже не таким острым, после третьего — тем более, а на четвертый раз Шеридан практически перестал задумывать-

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

ся над тем, что это за лодочная прогулка и чем она может закончиться для маленьких детей.

Шеридан поставил свой пикап на стоянку для инвалидов, которая располагалась прямо у торгового центра. На заднем борту пикапа красовалась табличка, какие власти штата выдавали калекам. Табличка эта была на вес золота: служба безопасности торгового центра теряла бдительность, а располагались стоянки для инвалидов очень удобно, и на них всегда находилось свободное местечко.

Ты вот убеждаешь себя, что больше не будешь похищать детей, но за день или два крадешь табличку.

Шеридан быстренько отогнал эту мысль: пустые разговоры, у него серьезные неприятности, а малыш может его выручить.

Он вылез из кабины и направился к мальчику, который оглядывался в паническом страхе. Да, подумал Шеридан, ему лет пять, может, даже шесть, просто он очень худенький. В ярком свете флуоресцентных ламп кожа его цветом напоминала мел. Возможно, не только от страха, но и от болезни. Но страх определенно читался в его глазах. Шеридан уже стал экспертом по страху. За последние полтора года он достаточно часто видел его в зеркале заднего обзора.

Ребенок с надеждой поглядывал на проходящих мимо взрослых. Одни спешили в торговый центр, чтобы что-то купить, другие выходили, нагруженные покупками, с умиротворенными лицами, никого и ничего не замечая.

Мальчик в джинсах и футболке «Питсбургских пингвинов» рассчитывал на помощь, надеялся, что кто-то посмотрит на него и задаст правильный вопрос, к примеру: *Потерял папу, сынок?* В общем, искал друга.

Вот он я, думал Шеридан, приближаясь к мальчику. *Вот он я, сынок... Я буду твоим другом.*

И уже подошел к ребенку, когда увидел охранника торгового центра, неспешно шествующего к дверям. Начал рыться в кармане, вроде бы искал пачку сигарет. Коп сейчас выйдет, подумал Шеридан, увидит мальчика, и ему ничего не обломится.

Дерьмо, мысленно выругался он. Слава Богу, он еще не заговорил с мальчиком. Если бы коп застукал его, было бы еще хуже.

Шеридан даже попятился, продолжая ощупывать карманы. Теперь он делал вид, что ищет ключи. Взгляд его метался от копа к мальчику. Последний уже плакал. Еще не ревел, нет, но большие слезы, розовые в отсвете красной неоновой вывески «КУЗЕНТАУН», уже скатывались по щекам.

Девушка, сидевшая в кабинке «Информационной службы», помахала копу рукой, что-то сказала. Симпатичная, темноволосая, лет двадцати пяти. Коп, усатый блондин, подошел, облокотился о прилавок, улыбнулся девушке. Шеридан подумал, что они словно сошли с рекламы табачных изделий в каком-нибудь глянцевом журнале. «Салема», скажем, или «Лаки страйкс». У него жизнь решается, а им лишь бы поболтать: а что ты делаешь после работы, а не пропустить ли нам по стаканчику, ля-ля-ля-ля... Она уже захлопала глазками. Как мило.

Шеридан понял, что придется рискнуть. Он видел, что мальчик уже набирает полную грудь воздуха, а уж кричащего ребенка кто-нибудь обязательно да заметит. Конечно, ему не нравилось, что в каких-то шестидесяти футах от него маячит коп, но он помнил о том, что в течение двадцати четырех часов должен выкупить свои расписки у мистера Регги. Иначе его посетят двое здоровяков, а об этом не хотелось даже думать.

Он подошел к ребенку, высокий мужчина в рубашке «Ван Хьюзен»* и брюках цвета хаки, с широким, ничем не запоминающимся лицом, по первому взгляду даже добрым. Наклонился над мальчиком, и тот поднял к нему бледное, испуганное личико. Зеленые, как изумруды, глаза, блестели от слез.

— Потерял папу, сынок? — спросил Шеридан.

— Мой Попси. — Ребенок вытер глаза. — Я... Я не могу найти моего П-попси!

---

* «Ван Хьюзен» — товарный знак мужской одежды компании «Филлипс и Хьюзен».

Тут мальчик громко всхлипнул, и женщина, направляющаяся в торговый центр, озабоченно посмотрела на него.

— Все нормально, — успокоил ее Шеридан, и женщина пошла дальше. А Шеридан положил руку на плечи мальчика и увлек его направо... к пикапу. Потом посмотрел на стеклянную дверь.

Коп все торчал у кабинки «Информационной службы». Похоже, девушка могла рассчитывать на то, что этот вечер она проведет в хорошей компании. Шеридан успокоился. Коп так увлекся, что не заметил бы не только похищения маленького мальчика, но и ограбления банка, расположенного в том же здании. Вроде бы все складывалось как нельзя лучше.

— Мне нужен мой Попси! — всхлипывал мальчик.

— Конечно, разумеется. И мы его обязательно найдем. Не волнуйся.

И вновь потянул его направо.

Мальчик посмотрел на него, в глазах вспыхнула надежда.

— Вы можете мне его найти? Правда, мистер?

— Естественно! — Шеридан широко улыбнулся. — Можно сказать, я только этим и занимаюсь... Отыскиваю потерявшихся Попси.

— Правда? — Мальчик попытался улыбнуться, хотя из глаз еще текли слезы.

— Истинная правда. — Шеридан искоса глянул на копа, чтобы убедиться, что тот по-прежнему увлечен разговором. Они отошли в сторону, так что он его практически не видел, а следовательно, и коп не видел ни Шеридана, ни мальчика. Убедился. И полностью сосредоточил свое внимание на мальчике.

— Во что одет твой Попси, сынок?

— На нем костюм, — ответил мальчик. — Он всегда носит костюм. Я только раз видел его в джинсах. — Он говорил с таким видом, словно Шеридан должен все знать о его Попси.

— Готов спорить, это черный костюм.

Глаза мальчика вспыхнули.

— Ты его *видел*. Где?

Он уже повернулся, чтобы направиться к дверям, забыв про слезы, и Шеридан едва не схватил маленького паршивца за плечи. Но вовремя сдержался. Такого допускать нельзя. Кто-то из прохожих мог обратить на них внимание. Сначала надо заманить его в кабину пикапа. Стекла тонированные, так что снаружи ничего не видно.

Сначала надо заманить его в кабину!

Он коснулся руки мальчика.

— Я видел его не в торговом центре. Я видел его вон там.

И он указал на огромную стоянку, на которой застыли бесконечные ряды машин. За машинами сияли двойные желтые дуги «Макдоналдса».

— А что там может делать Попси? — изумленно спросил мальчик. Интонации не оставляли сомнения в том, что, по разумению мальчика, или Попси, или Шеридан сошел с ума, а может, и оба сразу.

— Я не знаю, — ответил Шеридан. Мозг его работал как часы. Все-таки наступал решающий момент. Или пан, или пропал. Попси. Не папа или папуля, а Попси. Мальчишка сам поправил его. Может, он так называл деда. — Но я вроде бы видел его там. Пожилой мужчина в черном костюме. Седые волосы... зеленый галстук...

— Попси в голубом галстуке. Он знает, что этот цвет мне нравится больше других.

— Да, пожалуй, галстук голубой. Дневной свет искажает цвета. Давай залезай в кабину, я отвезу тебя к Попси.

— А ты уверен, что это Попси? Потому что я не понимаю, что ему делать в том месте, где они...

Шеридан пожал плечами.

— Послушай, парень, если ты сомневаешься, он это или не он, тебе лучше искать его самому. Может, ты его и найдешь. — Он повернулся и направился к пикапу.

Мальчишка не последовал за ним. Шеридан подумал, а не предпринять ли вторую попытку, но решил, что это слишком опасно: если его засекут, двадцать лет в «Хаммертон-Бэй» обеспечено. Лучше попытать счастья в другом торговом центре. Скажем, в Скоутервилле. Или...

— Подожди! — В голосе ребенка слышалась паника. Мальчишка уже бежал к нему. — Подожди. Я сказал ему, что мне хочется пить. Может, он решил пойти туда и принести мне что-нибудь. Подожди!

Шеридан повернулся, на его губах играла улыбка.

— Я и не собирался уходить от тебя, сынок.

Он подвел мальчишку к синему пикапу, купленному четыре года назад. Открыл дверцу, вновь улыбнулся мальчишке, который с тревогой смотрел на него огромными, в пол-лица, зелеными глазами. Такие же глаза он видел у беспризорника, фотография которого публиковалась в каком-то дешевом таблоиде, то ли в «Нэшнл энкуайер», то ли во «Взгляде изнутри».

— Заходи в гости, малыш. — На этот раз улыбка получилась у него чуть ли не искренней. Натренировался.

Ребенок подчинился, не зная о том, что стал собственностью Бриггса Шеридана, едва захлопнулась дверца со стороны пассажирского сиденья.

В жизни у него была только одна проблема. Нет, не женщины, хотя, как и любому другому мужчине, ему нравилось слышать, как шуршит юбка, или ощущать под пальцами шелковистость колготок. И не спиртное, пусть по вечерам он мог пропустить стаканчик-другой. Нет, проблема Шеридана называлась картами. Точнее, любой карточной игрой, в которой разрешалось делать ставки. Карты стоили ему работы, банковского счета, дома, завещанного матерью. Тюрьмы он избежал, зато у него возникли неприятности с мистером Регги, и он даже подумал, что в сравнении с его методами любая тюрьма тянула разве что на дом отдыха.

В тот вечер у него определенно поехала крыша. Он давно уже знал, что лучше начать проигрывать сразу. Когда ты сразу проигрываешь, настроение у тебя падает, ты идешь домой, смотришь телевизор и засыпаешь. А вот если сначала выигрываешь, в тебя словно вселяется дьявол. В тот вечер дьявол в него и вселился, и закончилось все тем, что он проиграл семнадцать тысяч долларов. Он просто не мог в это

поверить. Ехал домой, как в тумане, снова и снова повторяя себе, что задолжал мистеру Регги не семь сотен, не семь *тысяч*, а *семнадцать тысяч* железных человечков. И всякий раз, когда мысль эта приходила ему в голову, он хихикал и добавлял громкости льющейся из радиоприемника музыке.

Но следующим вечером ему стало не до смеха: в дом завалились двое горилл и отвели его в кабинет мистера Регги.

— Я заплачу, — заверещал Шеридан, надеясь, что с первого раза до рукоприкладства дело не дойдет. — Я заплачу, послушайте, это не проблема, пара дней, максимум неделя, две — это крайний срок...

— Меня от тебя тошнит, Шеридан, — буркнул мистер Регги.

— Я...

— Заткнись. Если я дам тебе неделю, думаешь, я не знаю, чем все закончится? Возможно, ты найдешь человека, который одолжит тебе пару сотен. Не найдешь, так ограбишь винный магазин... если у тебя хватит духу. Я в этом сомневаюсь, но все возможно. — Мистер Регги наклонился над столом, усмехнулся. Пахло от него дорогим одеколоном от Теда Лапидуса. — А если ты разживешься двумя сотнями, что ты с ними сделаешь?

— Отдам вам. — Шеридан чуть не плакал. — Сразу же и отдам.

— Нет, не отдашь, — мотнул головой мистер Регги. — Ты попытаешься сыграть на них в надежде, что они превратятся в четыре сотни, а то и в восемь. А я услышу от тебя лишь сраные отговорки. На этот раз ты зашел слишком далеко, друг мой. Слишком далеко.

Шеридан больше не мог сдерживать слез, они покатились по щекам.

— Эти парни могут на долгий срок отправить тебя в больницу, — продолжал мистер Регги. — Ты будешь лежать с трубками на каждой руке и еще одной, торчащей из носа. — Шеридан горестно всхлипнул. — Я дам тебе еще один шанс. — Мистер Регги протянул Шеридану сложенный листок. — Попытайся договориться с этим парнем. Он называет себя мистер Маг, но на самом деле он такой же ку-

сок дерьма, как и ты. А теперь убирайся. Жду тебя здесь через неделю. Твои расписки будут лежать на этом столе. Или ты их выкупишь, или тобой займутся мои друзья. Учти, начав, они долго не смогут остановиться.

На сложенном листке значилась настоящая фамилия турка. Шеридан поехал к нему и узнал насчет детей и лодочных прогулок. Мистер Маг также назвал сумму вознаграждения, значительно превосходившую долг мистеру Регги. После этого Шеридан и начал кружить вокруг торговых центров.

Он выехал с главной стоянки «Кузентаун-мол», проехал чуть вперед, потом свернул на полосу, ведущую к «Макдоналдсу». Мальчишка смотрел прямо перед собой, положив руки на обтянутые джинсами колени. Миновал здание и только потом вывернул руль.

— А почему мы объезжаем его? — спросил мальчишка.

— Чтобы войти через другую дверь, — объяснил Шеридан. — Не волнуйся, парень, думаю, я видел его там.

— Видел? Ты уверен?

— На все сто.

На лице мальчишки отразилось облегчение, и на какое-то мгновение Шеридан даже его пожалел. Господи, он же не извращенец какой-нибудь, не маньяк. Но сумма на расписках с каждым разом все увеличивалась, а этот мерзавец Регги и не пытался его остановить: сколько Шеридан просил, столько и одалживал. И на этот раз он проиграл не семнадцать тысяч, не двадцать, даже не двадцать пять. На этот раз он проиграл целых тридцать пять тысяч долларов, целый батальон марширующих железных человечков, и ему не хотелось встретить следующую субботу в больнице, с множественными переломами рук и ног.

Он остановил пикап у мусорных контейнеров за зданием «Макдоналдса». Естественно, в таком месте никто не парковался. И хорошо. Шеридан сунул руку в «карман» на дверце, предназначенный для карт и всякой мелочевки. Достал из него стальные наручники с раскрытыми кольцами.

— Почему мы остановились мистер? — спросил мальчишка. В голосе вновь слышался страх, но уже совсем другой: парень, похоже, начал понимать, что потерять старого доброго Попси в большом торговом центре, где полным-полно людей, не самое худшее, что может с ним случиться.

— Да мы и не останавливались, — небрежно ответил Шеридан. Отловив второго мальчишку, он на собственном опыте выяснил, что не стоит недооценивать шестилетнего ребенка, если тот вдруг осознает, что на кон поставлена его жизнь. Второй мальчишка пнул его в яйца и едва не сбежал. — Я вспомнил, что веду машину без очков. Могу лишиться водительского удостоверения. Очечник на полу. Соскользнул на твою сторону. Пожалуйста, дай мне его.

Мальчик наклонился, протянул руку к пустому очечнику. И в то же мгновение Шеридан защелкнул на руке кольцо наручника. Что тут началось! Разве он только что не напомнил себе, что нельзя недооценивать шестилетнего? Паршивец боролся, как лев, и откуда только в маленьком тельце взялось столько силы? Он отбивался от Шеридана свободной рукой, дергался, пытался открыть дверцу, издавая какие-то странные, прямо-таки птичьи крики. И таки сумел схватиться за ручку и повернуть ее. Дверца открылась, но лампочка на потолке не зажглась: Шеридан оборвал проводки после второй охоты на детей.

Шеридан ухватил мальчишку за ворот футболки и втащил его в кабину. Попытался зацепить второе кольцо за специальную металлическую скобу за пассажирским сиденьем, но промахнулся. Мальчишка укусил его до крови. Зубы у него были острые как бритва. Боль буквально пронзила руку, до самого плеча. Другой рукой он врезал мальчишке в челюсть. Того отбросило на спинку сиденья, на какое-то время он потерял способность сопротивляться. Кровь Шеридана стекала с его губ на порванный воротник футболки. Шеридан зацепил кольцо за скобу, тяжело дыша привалился к спинке своего сиденья, поднес ко рту тыльную сторону правой руки, зализывая рану.

Боль не уходила. Он оторвал руку ото рта, всмотрелся в нее в слабом отсвете приборного щитка. Две длинные

и глубокие борозды тянулись поперек запястья. Их медленно заполняла кровь. Однако желания двинуть мальчишке еще раз он не испытывал. И не потому, что турок предупредил его: поврежденный товар стоит дешевле.

Нет, он не мог винить мальчишку за то, что тот боролся за свою жизнь. На его месте он поступил бы точно так же. А вот рану надо как можно быстрее промыть антисептиком, может, даже сделать укол от столбняка. Он где-то читал, что человеческие укусы заживают хуже всего. Однако он не мог не восхищаться мужеством мальчишки.

Он включил первую передачу и двинул пикап с места. Миновал щит с надписью «СПАСИБО ЗА ПОКУПКИ, СДЕЛАННЫЕ ВАМИ В ПРЕКРАСНОМ «КУЗЕНТАУН-МОЛ», выехал на шоссе, повернул налево. Стрелка спидометра подползла к сорока, разрешенной скорости на территории штата, и застыла на ней. Турок жил в большом доме за городом, в Талуда-Хейтс. Милях в тридцати от торгового центра. Шеридан полагал, что кружной путь займет минут сорок пять, может, даже час: ехать по центральным магистралям он не собирался. Береженого Бог бережет.

Он вытащил из кармана носовой платок, обмотал им правую руку и всмотрелся в ленту шоссе, которая должна была привести его к сорока «штукам», обещанным турком за ребенка мужского пола.

— Ты об этом пожалеешь, — подал голос мальчишка.

Шеридан коротко глянул на него, вынырнув из приятны грез. Он буквально видел, как выигрывает двадцать партии подряд, и мистер Регги, весь в поту, умоляет его прекратить игру, спасти заведение от неминуемого банкротства.

Ребенок вновь заплакал — все теми же странными розоватыми слезами, хотя красная сверкающая вывеска торгового центра осталась далеко позади. А вдруг у мальчишки какая-нибудь заразная болезнь, подумал Шеридан. Впрочем, беспокоиться об этом следовало раньше, поэтому он выбросил эти мысли из головы.

— Когда мой Попси тебя найдет, ты об этом пожалеешь, — уточнил мальчишка.

— Да. — Шеридан закурил. Свернул с шоссе номер 28 на двухполосную дорогу. Слева тянулось болото, справа стеной стоял лес.

Мальчишка звякнул наручниками, всхлипнул.

— Прекрати. Толку не будет.

Однако мальчишка вновь дернулся. На этот раз раздался протестующий скрежет, который совершенно не понравился Шеридану. Он оглянулся и увидел, что скоба, та самая скоба, которую он самолично приварил к кабине, прогнулась. *Вот дерьмо*, подумал Шеридан. *Зубы у него что бритва, а теперь выясняется, что он силен как бык. А ведь он болен. Слава Богу, я не встретился с ним в тот день, когда он был здоров.*

Он положил руку на плечо мальчишки.

— Прекрати!

— Нет.

Мальчишка опять дернул рукой, и Шеридан увидел, что скоба выгнулась еще сильнее. Боже, откуда у ребенка столько силы?

Все дело в панике, ответил он на свой вопрос. *Она удесятеряет силу.*

Но никто из детей не мог прогнуть скобу, хотя паника захлестывала всех.

Шеридан остановил пикап, открыл бардачок в средней части приборного щитка. Достал шприц, полученный от турка. Турок предупредил его, что пользоваться шприцем можно только в случае крайней необходимости. Психотропные препараты, говорил турок, портят товар.

— Видишь, что у меня в руке?

Мальчишка скосился на шприц, кивнул.

— Хочешь, чтобы я им воспользовался?

Мальчишка замотал головой. При всей его силе он, как и любой ребенок, боялся уколов. Шеридана такая реакция порадовала.

— И правильно. После укола ты потеряешь сознание. — Он запнулся. Продолжать не хотелось, черт, он же был хорошим человеком, просто попал в безвыходную ситуацию, но пришлось. — Даже можешь умереть.

Мальчишка таращился на него, губы тряслись от страха.

— Если перестанешь дергаться, шприц я уберу. Договорились?

— Договорились, — прошептал мальчишка.

— Ты обещаешь?

— Да. — Губы мальчишки разошлись, обнажив белые зубы. На одном краснело пятнышко крови Шеридана.

— Поклянись именем матери.

— У меня никогда не было матери.

— Черт! — вырвалось у Шеридана.

Пикап покатил дальше, Шеридан даже прибавил скорость. Не только потому, что они съехали с основной магистрали. От мальчишки у него бежали по коже мурашки. Шеридану хотелось как можно скорее передать свою добычу турку, получить деньги и смыться.

— Мой Попси очень сильный, мистер.

— Да? — безразлично спросил Шеридан подумав: *а кто с этим спорит? Яблочко от яблони недалеко падает, так*?

— Он меня найдет.

— Ага.

— Он сможет учуять мой запах.

В это Шеридан верил. Он тоже чувствовал идущий от мальчишки запах. К запаху страха он уже привык, но от этого ребенка пахло иначе: потом, грязью, соляной кислотой. Он все более убеждался в том, что мальчишка не такой, как все... но скоро эта проблема будет волновать исключительно мистера Мага, а он умоет руки.

Шеридан чуть опустил стекло. Слева по-прежнему тянулось болото. В лунном свете поблескивала стоячая вода.

— Попси может летать.

— Да, — кивнул Шеридан, — после пары бутылок «Ночного поезда» он летает что твой орел.

— Попси...

— Слушай, хватит о Попси, а?

Мальчишка замолчал.

Четыре мили спустя болото расширилось, превратившись в огромный пруд. Шеридан свернул на бетонку, огибающую

пруд слева. В пяти милях проходило шоссе номер 41, ведущее в Талуда-Хейтс.

Он глянул на серебристое зеркало пруда, а потом лунный свет померк. Словно на пикап легла тень.

Над головой вдруг заполоскались огромные полотнища.

— Попси! — воскликнул мальчишка.

— Заткнись. Это всего лишь птица.

Но он перепугался, сильно перепугался. Посмотрел на мальчишку. Тот вновь ощерился. *Какие же у него большие, белые зубы*, успел подумать Шеридан.

Нет, не большие. Не то слово. Правильнее сказать, длинные. Особенно два верхних... Как же они называются? Клыки.

Вновь голова у него заработала, как часовой механизм.

Я сказал ему, что мне хочется пить.

Я не понимаю, что ему делать в том месте, где они...

(едят? Он хотел сказать, едят?)

Он меня найдет.

Он сможет учуять меня.

Попси может летать.

Что-то тяжелое приземлилась на крышу кабины.

— Попси! — Мальчишка завизжал от радости, и внезапно Шеридан понял, что уже не видит дороги: огромное перепончатое крыло полностью закрыло ветровое стекло.

Попси может летать.

Шеридан заорал, резко вдавил в пол педаль тормоза, в надежде, что сбросит страшную тварь под колеса. Справа вновь послышался скрежет металла. А мгновением позже мальчишка ногтями вцепился ему в лицо, раздирая кожу.

— Попси, он меня украл! — В воплях мальчишки опять послышались птичьи интонации. — Он меня украл, он меня украл, этот плохой человек меня украл!

Ты ничего не понимаешь, щенок, думал Шеридан, нащупывая шприц. *Напрасно ты называешь меня плохим человеком, просто у меня серьезные неприятности.*

Но тут рука — скорее птичья лапа, а не рука — вышибла боковое стекло и вырвала шприц из руки Шеридана вместе с двумя пальцами. А мгновение спустя Попси сорвал с петель

всю дверцу. Шеридан увидел широченный плащ, черный снаружи, красный внутри, галстук, вернее, шейный платок, голубой, как и говорил мальчишка.

Попси выдернул Шеридана из кабины, его когти, разорвав рубашку и пиджак, глубоко вонзились в плечо. Зеленые глаза Попси вдруг налились кровью.

— Мы пришли в торговый центр, потому что мой внук попросил купить ему черепашек ниндзя, — прошипел Попси. Из его рта шел запах тухлого мяса. — Тех самых, что показывали по телевизору. Все дети хотят этих черепашек. Тебе следовало оставить его в покое. Тебе следовало оставить нас в покое.

Шеридана трясло. Он кричал от боли, и его трясло. Он услышал, как Попси ласково спросил мальчика, хочет ли тот пить. Мальчик ответил, что да, хочет, этот плохой человек сильно напугал его, и в горле у него совсем пересохло. А в следующее мгновение ноготь большого пальца вспорол шею Шеридана. Прежде чем навсегда погрузиться в темноту, он увидел мальчишку, который сложил ладони лодочкой, точно так же, как в детстве, в жаркий летний день он, Шеридан, складывал их, если хотел напиться из стоящей во дворе колонки, и Попси, поглаживающего ребенка по головке с любовью, свойственной только дедушкам.

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

В Новой Англии осенью, в ожидании снега, который выпадет только через четыре недели, меж крестовником и золотарником видны проплешины тощей почвы. Водопропускные решетки забиты опавшей листвой, небо серое, стебли кукурузы тянутся длинными рядами, словно солдаты, которые изобрели способ умереть стоя. От тыкв, наваленных у северных стен сараев, пахнет, как изо рта старухи. В это время нет тепла, но нет и холода, только воздух не стоит на месте, теребит голые поля под белесыми небесами, где птицы, выстроившись клином, летят на юг. Ветер поднимает голбы пыли с местных дорог, превращая их в танцующих ервишей, словно расческой приглаживает поля, заглядывает в машины-развалюхи, стоящие во дворах.

Дом Ньюолла у городской дороги номер три стоит над той частью Касл-Рока, которую называют Дуга. Сказать что-то хорошее о доме просто невозможно. Ощущение заброшенности только частично можно объяснить облупленными стенами. Лужайка перед домом кочковатая, заросшая сухой травой, которую скоро изогнет и выбелит утренний морозец. Тонкий дымок поднимается над магазином Брауни, расположенным у подножия холма. Когда-то Дуга играла важную роль в жизни Касл-Рока, но период этот остался в прошлом вместе с Корейской войной. На эстраде по другую сторону дороги от магазина Брауни двое мальчишек

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

катают друг другу игрушечную пожарную машину. С бледными, усталыми лицами, лицами стариков, а не детей. Их руки рассекают воздух, отправляя пожарную машину по выверенному маршруту. Изредка поднимаются, чтобы вытереть бегущие из носа сопли.

В магазине председательствует Харли Маккиссик, полный, краснолицый, а старый Джон Клаттербак и Ленни Патридж сидят у печки, подняв ноги. Пол Корлисс облокотился на прилавок. В магазине стоят запахи далекого прошлого: салями, липкой бумаги от мух, кофе, табака, сладкой темно-коричневой кока-колы, перца, гвоздики и закрепляющего средства для волос «Оделла», которое видом напоминает сперму и превращает волосы в монолит. Засиженный мухами плакат, приглашающий на городской бал 1986 года, соседствует с другим, который сообщает о грядущем появлении Кена Корриво на ярмарке округа Касл, имевшей место быть в 1984 году. Свет и жара десяти прошедших лет отразились на этом плакате, и Кен Корриво, который уже пять лет как не поет и торгует «фордами» в Чемберлене, заметно поблек и выцвел. В глубине магазина стоит огромный холодильник, прибывший из Нью-Йорка в 1933 году, и в самых дальних углах ощущается запах кофейных зерен.

Старики наблюдают за играющими детьми и негромкс переговариваются. Джон Клаттербак, чей внук Энди этой осенью пьет по-черному, говорит о городской свалке. Свалка эта, по его разумению, летом ужасно воняет. Никто с ним не спорит, все так, но тема эта никого не интересует. Лето закончилось, настала осень, а громадная печь, работающая на солярке, дает достаточно тепла. Термометр на прилавке показывает 82°*. На лбу Клаттербака, аккурат над левой бровью, красуется здоровенная вмятина, результат автомобильной аварии в далеком 1963 году. Иногда маленькие дети просят разрешения потрогать вмятину. Старый Клат выиграл немало денег у туристов, приезжающих летом отдохнуть в этих местах, на пари, что во вмятине умещается содержимое небольшого стаканчика.

* 82° по шкале Фаренгейта соответствуют 28° по Цельсию.

— Полсон, — срывается с губ Харли Маккиссика.

Старый «шевроле» останавливается рядом с колымагой Ленни Патриджа. По борту тянется надпись: «ГЭРИ ПОЛСОН, ПОКУПКА И ПРОДАЖА АНТИКВАРНОЙ МЕБЕЛИ». Под надписью — номер телефона. Гэри Полсон вылезает из кабины, старик в выцветших зеленых брюках. За собой он вытаскивает сучковатую трость, держась за дверцу до тех пор, пока трость не упрется в землю. На трость натянут белый пластмассовый набалдашник с велосипедного руля. На темном дереве он смотрится, как презерватив. Пока Полсон медленно шествует к двери магазина, трость, упираясь в землю, поднимает облачка пыли.

Дети на эстраде смотрят на Полсона, затем, следуя за его взглядом (похоже, со страхом), — на дом Ньюолла, застывший на вершине холма. И вновь начинают возиться с игрушечной пожарной машиной.

Джо Ньюолл приобрел собственность в Касл-Роке в 1904-м и оставался ее владельцем до 1929-го, но состояние нажил в соседнем промышленном городе Гейтс-Фоллз. Его отличали щуплая фигура, подвижное злое лицо и желтоватые белки глаз. Участок земли он купил на Дуге (Касл-Рок тогда процветал, спасибо деревообрабатывающему заводу и мебельной фабрике) у Первого национального банка Оксфорда. Банк получил землю от Фила Бадро по распоряжению шерифа округа Никерсона Кэмбелла о переходе заложенной недвижимости в собственность залогодержателя. Фил Бадро, которого соседи любили, но считали дурачком, уехал в Китери и следующие двенадцать лет чинил мотоциклы и автомобили. А потом отправился во Францию воевать с гансами, выпал из самолета во время разведывательной миссии (так, во всяком случае, говорили) и погиб.

Участок Бадро пустовал долгие годы, а Джо Ньюолл в это время снимал дом в Гейтс-Фоллз и старался приумножить свое состояние. Он прославился тем, что держал рабочих в железной узде и сделал прибыльной прядильную фабрику, которая дышала на ладан, когда Джо приобрел ее в 1902 году буквально за гроши. Рабочие прозвали его Джо-Гонитель,

потому что он увольнял любого, кто пропускал хотя бы одну смену. Никакие оправдания не принимались.

В 1914 году Джо Ньюолл женился на Коре Леонард, племяннице Карла Стоува. Женитьба несла с собой несомненную выгоду, естественно, по разумению Джо: Кора была единственной родственницей Карла, а потому после его кончины получала немалое наследство (при условии, что Джо оставался в добрых отношениях со стариком, которого в свое время полагали акулой, а в последние годы стали считать размазней). В Гейтс-Фоллз были и другие заводы, которые стоили гроши, но могли приносить большие прибыли тому, кто вложил бы в них немного денег. Вскорости Джо эти деньги получил: не прошло и года со дня свадьбы, как богатый дядюшка его жены отошел в мир иной.

Женитьба оказалась прибыльной, двух мнений тут быть не могло. Сама Кора, к сожалению, глаз не радовала. Ее отличали невероятно толстые бедра, огромный зад, совершенно плоская грудь и тоненькая шейка, на которой, словно подсолнух, качалась большущая голова. Щеки висели, как тесто, губы напоминали куски печенки, а мимика отсутствовала вовсе. Лицо ее более всего напоминало полную луну в безоблачную зимнюю ночь. А на платье под мышками даже в феврале темнели широкие полукружия, и от нее постоянно разило потом.

Джо начал строить дом для своей жены на участке Бадро в 1915-м, и годом позже строительство вроде бы подошло к концу. Дом на двенадцать комнат выкрасили белой краской. Джо Ньюолла в Касл-Роке не жаловали по нескольким причинам. Во-первых, состояние он нажил в Гейтс-Фоллз, во-вторых, его предшественник, Бадро, пользовался всеобщей любовью (хотя его и считали дурачком). В-третьих, и это главное, дом строили рабочие, нанятые в других городках. И буквально перед завершением жестяных работ, установкой труб и навеской сливов кто-то желтым мелом написал на входной двери непристойное слово.

К 1920 году Джо Ньюолл стал богачом. Три его прядильные фабрики в Гейтс-Фоллз работали круглосуточно. Зака-

зы, особенно военные, приносили приличную прибыль. Он начал пристраивать к дому новое крыло. Большинство жителей Касл-Рока сошлись во мнении, что затеял он это напрасно: на двоих двенадцати комнат вполне хватало. Кроме того, пристройка уродовала дом, и без того не шибко красивый. Новое крыло на этаж возвышалось над самим домом и упиралось в гребень холма, в то время заросший соснами.

Новость о том, что к двум Ньюоллам скоро прибавится третий, пришла из Гейтс-Фоллз скорее всего от Дорис Джинджеркрофт, в те дни медицинской сестры доктора Робертсона. Так что новое крыло, похоже, начали строить не просто так, а чтобы отметить рождение ребенка. После шести лет замужества, четыре из которых они прожили на Дуге (за это время Кору видели лишь издали, когда она пересекала двор или собирала полевые цветы на лугу за домами), Кора Леонард Ньюолл наконец-то понесла.

Она никогда не заглядывала к Брауни. Каждый вторник Кора ездила за покупками в большой магазин Китти Корнер, который находился в самом центре Гейтс-Фоллз.

В январе 1921-го Кора родила урода без рук и, как говорили, с пятью аккуратными пальчиками, торчащими из одной глазницы. Ребенок умер через шесть часов после того, как сокращения матки вытолкнули его красное, сморщенное личико на свет. Семнадцать месяцев спустя Джо Ньюолл добавил к крылу купол, поздней весной 1922-го (в западном Мэне ранней весны не бывает, только поздняя, а до нее — зима). Он продолжал покупать все необходимое вне Касл-Рока и никогда не заглядывал в магазин Билла Брауни Маккиссика. Не переступал он и порога местной методистской церкви. Младенца-урода, выскользнувшего из чрева его жены, похоронили на кладбище в Гейтс, а не на родине. Надпись на миниатюрном надгробии гласила:

САРА ТЭМСОН ТАБИТА ФРЕНСИН НЬЮОЛЛ
14 ЯНВАРЯ 1921
УПОКОЙ ГОСПОДЬ ЕЕ ДУШУ

В магазине частенько говорили о Джо Ньюолле, его жене, доме. Сын Брауни, Харли, еще совсем молодой, даже не начавший бриться (однако в заложенной в него генетической программе уже читалась и старость, просто еще ничем не проявившая себя), но уже вытаскивавший ящики с овощами и мешки с картофелем на придорожный лоток, стоял и слушал. Разговоры главным образом вертелись вокруг дома. Многие полагали, что дом этот не просто портит вид, но оскорбляет чувства горожан. «Но он притягивает взгляд, верно?» — как-то изрек Клейтон Клаттербак (отец Джона). Оспаривать его слова никто не стал. Потому что в действительности так оно и было. Если человек стоял у магазина Брауни, может, просто выискивал кузовок с лучшей черникой, когда шел сбор урожая, рано или поздно, взгляд его устремлялся на стоящий на горе дом, точно так же, как перед мартовским бураном флюгер поворачивается на северо-восток. Рано или поздно человек обязательно смотрел на дом, причем для большинства это случалось скорее раньше. Потому что, как и отметил Клейт Клаттербак, дом Ньюолла притягивал взгляды.

В 1924 году Кора упала с лестницы, спускаясь из купола в новое крыло, сломав шею и спину. По городу ходили слухи (возможно, инспирированные злыми языками), что нашли ее в чем мать родила. Похоронили Кору рядом с ее умершей в младенчестве дочерью.

А Джо Ньюолл — горожане пришли к единому мнению, что у него просто еврейский нюх на деньги, — продолжал умножать свое состояние. На гребне холма появились два амбара и хлев, которые соединялись с домом ранее построенным крылом. Строительство хлева закончилось в 1927 году. А появился он на холме по причине того, что Джо решил стать и фермером. У одного парня в Меканик-Фоллз он закупил шестнадцать коров. И привез сверкающую доильную машину, приобретенную у того же человека. Выглядела она как металлический осьминог. В этом мог убедиться каждый, кто заглянул в кузов грузовика, пока водитель покупал в магазине Брауни бутылку холодного эля.

Разместив коров в хлеву и установив доильную машину, Джо нанял в Моушене какого-то недоумка, чтобы тот заботился о его хозяйстве. Как такое мог сделать вроде бы трезвомыслящий и расчетливый бизнесмен, осталось для всех загадкой (собственно, ответ напрашивался только один — Ньюолл дал маху), но так уж вышло, и коровы сдохли.

Чиновник окружной администрации, отвечающий за здравоохранение, приехал, чтобы взглянуть на коров, и Джо показал ему заключение ветеринара («ветеринара из Гейтс-Фоллз», всегда уточняли горожане, рассказывая об этом случае, и многозначительно приподнимали брови), удостоверяющее, что причина падежа — коровий менингит.

— По-английски это значит — не повезло, — прокомментировал заключение Джо.

— Я должен воспринимать твои слова как шутку? — полюбопытствовал чиновник.

— Как хочешь, так и воспринимай, — пожал плечами Джо. — Имеешь право.

— Прикажи этому идиоту заткнуться, а? — Чиновник посмотрел на недоумка. Тот привалился к столбу, на котором висел почтовый ящик Ньюоллов, и рыдал в голос. Слезы бежали по его грязным щекам. Время от времени он отрывался от столба и отвешивал себе оплеуху, словно знал, что вина за случившееся лежит на нем.

— Пусть воет. Это его право.

— Не нравится мне все это, — покачал головой чиновник. — Шестнадцать коров лежат на спинах, вскинув ноги. Я их отсюда вижу.

— И хорошо, — усмехнулся Джо. — Потому что ближе ты не подойдешь.

Чиновник округа швырнул ветеринарскую бумажку на землю и потоптался на ней сапогами. Посмотрел на Джо Ньюолла. Лицо его побагровело, а вены так набухли, что едва не лопались.

— Я должен посмотреть на этих коров. Не хочешь пускать меня в хлев — приволоки одну сюда.

— Нет.

— Напрасно ты ведешь себя так, словно тебе принадлежит весь мир, Ньюолл. Я могу получить ордер судьи.

— Давай поглядим, сможешь или нет.

Чиновник уехал. Джо проводил его взглядом. Недоумок, одетый в запачканный навозом комбинезон, все выл, привалившись к столбу с почтовым ящиком. Он провел у столба весь августовский день, воя во всю мощь легких, обратив монголоидное лицо к желтому небу. «Воет, как волк на луну», — заметил тогда молодой Гэри Полсон.

Окружного чиновника звали Клем Апшоу. Жил он в Сиройз-Хилл. Наверное, чуть успокоившись, он бы плюнул на это дело, но Брауни Маккиссик, который поддерживал его на выборах (и частенько угощал пивом), уговорил его решить вопрос. Отец Харли Маккиссика не отличался дурным нравом, но ему очень уж хотелось поставить Джо Ньюолла на место, доказать ему, что частная собственность и вседозволенность — не синонимы. Он хотел, чтобы Джо понял: частная собственность — это хорошо, она — основа американского общества, но частная собственность существует не сама по себе, она связана с городом, а жители Касл-Рока считают, что интересы города должны стоять на первом месте даже для богачей, которые считают себя вправе возводить на своих участках все, что им вздумается. И Клем Апшоу отправился в Локери, где в те годы располагалась администрация округа, и получил ордер.

Но пока он ездил в Локери, к хлеву, мимо воющего недоумка, подкатил большой трейлер. И когда Клем Апшоу вернулся с ордером в руках, в хлеву он нашел только одну корову, уставившуюся невидящими глазами в набитую сеном кормушку. Клем удостоверился, что эта корова действительно умерла от коровьего менингита, и отбыл. И тут же за последней коровой приехал трейлер.

В 1928 году Джо начал строить еще одно крыло. Горожане, собирающиеся в магазине Брауни, дружно решили, что он — чокнутый. Умный, но псих. Бенни Эллис заявил, что Джо сохранил единственный глаз своей дочери и держит его в банке с, как сказал Бенни, «фольмардегидом» на кухонном

столе, вместе с ампутированными пальчиками, которые торчали из второй глазницы. Бенни непрерывно читал дешевые книжонки с романами ужасов, на обложках которых чудовища или великаны куда-то утаскивали обнаженных дам. Так что источник вдохновения Бенни лежал на поверхности. Однако очень скоро многие жители Касл-Рока, и не только Дуги, клялись и божились, что все это — истинная правда. Некоторые утверждали, что в банке Джо хранилось кое-что еще, о чем говорить не принято.

Строительство второго крыла закончилось в августе 1929-го, а два дня спустя, ночью, к дому Джо, светя фарами, на большой скорости подъехал автомобиль, резко затормозил, и в новое крыло полетел труп большого скунса. Ударился о стену над окном, забрызгав стекло кровью.

В сентябре того же года в чесальном цехе головного предприятия Ньюолла в Гейтс-Фоллз случился пожар, принесший убытков на пятьдесят тысяч долларов. В октябре рухнула фондовая биржа. В ноябре Джо Ньюолл повесился на потолочной балке в одной из еще не обставленных комнат, возможно, в спальне, нового крыла, где стоял крепкий сосновый запах. Его нашел Кливленд Торбатт, заместитель управляющего «Гейтс-миллз» и партнер Джо (такие ходили слухи) по многим биржевым сделкам, в ходе которых приобретались акции, теперь не стоившие и ломаного гроша. Тело вытащил из петли коронер округа, Нобл Апшоу, родной брат Клема.

В последний день ноября гроб с телом Джо опустили в землю рядом с могилами дочери и жены. День выдался ясным, но холодным, и из всего Касл-Рока на похоронах присутствовал только один человек — Олвин Кой, который сидел за рулем катафалка «Похоронного бюро Хэя и Пибоди». Олвин доложил, что среди пришедших проститься с Джо он заметил молодую стройную женщину в шубе из енота и черной широкополой шляпе. Сидя в магазине Брауни и закусывая бочковым огурчиком, Олвин плотоядно улыбался и говорил, что крошка была что надо, ничем не напоминала родственников Коры Леонард Ньюолл и не закрывала глаз во время молитвы.

* * *

Гэри Полсон входит в магазин нарочито медленно, плотно закрывает за собой дверь.

— Добрый день, — здоровается Харли Маккиссик.

— Слышал, ты вчера выиграл в Ассоциации фермеров индейку, — говорит старый Клат, набивая трубку табаком.

— Да, — кивает Гэри. Ему восемьдесят четыре года и, как и остальные, он помнит времена, когда жизнь на Дуге била ключом. Он потерял двоих сыновей в войнах, до Вьетнама, и очень тяжело переживал их гибель. Третий сын, хороший парень, погиб в 1973-м: его автомобиль столкнулся с лесовозом неподалеку от Пресью-Айла. Одному Богу известно почему, но его смерть Гэри перенес легче. Теперь из уголков рта у него иногда течет слюна, и он издает чавкающие звуки, словно хочет засосать ее обратно, прежде чем она побежит по подбородку. Он многого не знает в современной жизни, но ему доподлинно известно, что проводить последние годы жизни старея — просто мука.

— Кофе? — спрашивает Харли.

— Пожалуй, что нет.

Ленни Патридж, которому, похоже, уже не оправиться после перелома ребер, полученного во время странной автомобильной аварии, случившейся двумя годами раньше, подтягивает ноги, чтобы Гэри Полсон мог пройти мимо и осторожно опуститься на стул в углу (сиденье Гэри обтянул сам, еще в 1982-м). Полсон чмокает губами, всасывает слюну и кладет руки на ручку трости. Усталый, осунувшийся.

— Скоро пойдет дождь, — нарушает он затянувшуюся паузу. — Мои суставы это чувствуют. Все болит.

— Плохая осень, — поддакивает Пол Корлисс.

Вновь воцаряется тишина. Тепло, идущее от печки, наполняет магазин, который закроется, когда Харли умрет, или даже раньше, если он прислушается к советам младшей дочери, но пока оно согревает воздух, одежду, старческие кости, во всяком случае, старается. От тепла запотевают стекла, выходящие во двор, где до 1977 года стояли заправочные колонки. Никакой прибыли магазин не приносит, его услугами пользуются лишь некоторые местные жители

да случайные туристы, проезжающие мимо. Для них старики, даже в июле сидящие у печки в теплом нижнем белье, — диковинка. Старый Клат всегда заявлял, что вскорости в этой части Касл-Рока появятся новые люди, но в последние два года ситуация изменялась только к худшему: похоже, умирает весь город.

— А кто пристраивает новое крыло к дому этого Ньюолла? — вдруг спрашивает Гэри.

Все поворачиваются к нему. Лишь старый Клат все чиркает спичкой о серу. Наконец спичка зажигается и Клат раскуривает трубку.

— Новое крыло? — переспрашивает Харли.

— Да.

Синий дымок поднимается от трубки старого Клата к потолку и там растекается тонкой пеленой. Ленни Патридж вскидывает подбородок, чешет шею, издавая сухой хруст.

— Я не знаю, — отвечает Харли, и его тон ясно указывает: если не знает он, значит, не знает никто, во всяком случае, в этой части света.

— Они не могли найти покупателя с восемьдесят первого года, — говорит старый Клат. Под «они» подразумеваются «Саузерн Мэн виавинг» и Банк Южного Мэна, но он имеет в виду другое: массачусетских итальяшек. Компания «Саузерн Мэн виавинг» стала владельцем трех фабрик Джо и дома на горе через год после его самоубийства, но для стариков, которые собираются в магазине Брауни, это название всего лишь ширма... или, как они иногда говорят, легальное прикрытие. Вообще к Закону они относятся с подозрением. К месту и нет упоминают об одной даме, *которая подала на бывшего мужа в суд и теперь легально он не может видеться с собственными детьми*. Закон доставлял и доставляет массу неприятностей и им, и их ближним, но они не перестают удивляться тому, как ловко некоторые люди используют Закон, чтоб обделать свои темные делишки.

Компания «Саузерн Мэн виавинг», она же Банк Южного Мэна, она же массачусетские итальяшки, получала устойчивую прибыль от трех прядильных фабрик Джо Ньюолла, но стариков, которые собирались в магазине, занимало дру-

гое: новые хозяева никак не могли избавиться от дома. «Он — что заноза, которую никак не вытащишь, — как-то сказал Ленни Патридж, и все согласно покивали. — Даже у макаронников из Молдена и Ривера ничего не выходит».

Старый Клат и его внук Энди сейчас в ссоре, и причиной тому стал уродливый дом Джо Ньюолла... Хотя, конечно, были и другие причины, более личные, но они остались за кадром. Заспорили они, оба вдовцы, как-то вечером, плотно пообедав в городском доме молодого Клата.

Молодой Энди, тогда он еще не потерял работу в полиции, очень довольный собой, снисходительно поглядывая на деда, пытался объяснить ему, что «Саузерн Мэн виавинг» с давних пор не имела никакого отношения к прежней собственности Ньюолла, что истинным владельцем дома на Дуге являлся Банк Южного Мэна, что эти две частные фирмы никоим образом не связаны друг с другом. Старый Джон прямо заявил Энди, что только круглый идиот может в это поверить. Все знают, добавил он, что и банк, и текстильная компания — легальное прикрытие массачусетских итальяшек, а отличаются эти две фирмы только словами в названиях. А их более очевидные связи скрыты под грудой юридических документов, чтобы все было шито-крыто, по Закону.

Вот тут молодой Клат допустил бестактность, громко рассмеявшись. Старый Клат побагровел, бросил салфетку на тарелку, поднялся. *Смейся,* сказал он. *Смейся сколько угодно. Почему нет? Для пьяницы лучше смеяться над тем, чего он не понимает, чем плакать над тем, чего не знает.* Энди это разозлило, он что-то пробурчал насчет Мелиссы, безвременный уход которой и побуждает его тянуться к бутылке, на что Джон резонно спросил внука, сколько еще тот будет винить в своем пьянстве мертвую жену. После этих слов Энди побледнел как полотно и велел старику убираться из его дома. Джон ушел, и больше к Энди не заглядывал. Да и не больно хотелось ему туда идти. Кому охота смотреть на пьяного внука?

Но что бы там ни говорилось, факт оставался фактом: дом на холме пустовал последние одиннадцать лет, раньше никто не задерживался в нем надолго, а Банк Южного Мэна

то и дело пытался продать его через одного из местных риелторов.

— Последние покупатели приезжали из штата Нью-Йорк, не так ли? — спрашивает Пол Корлисс. Голос он подает так редко, что все к нему поворачиваются. Даже Гэри.

— Да, сэр, — отвечает Ленни. — Очень милая пара. Мужчина собирался выкрасить хлеб в красный цвет и приспособить его под антикварный магазин, так?

— Да, — кивает старый Клат. — А потом их мальчишка нашел пистолет, который они держали...

— Люди так беспечны... — вставляет Харли.

— Он умер? — спрашивает Ленни. — Мальчишка?

В ответ — тишина. Похоже, никто не знает. Наконец, с неохотой, ее нарушает Гэри:

— Нет. Но ослеп. Они уехали в Обурн. А может, в Лидс.

— Очень милые люди, — продолжает Ленни. — Я даже думал, откажутся от этого дома. Но они остановили свой выбор именно на нем. Подумали, все шутят, говоря им, что над этим домом висит проклятие, пользуются тем, что они издалека. — Какое-то время он задумчиво молчит. — Может, теперь они понимают, что никто и не думал шутить... Кем бы они ни были.

И старики думают о семейной паре из штата Нью-Йорк, а может, о том, что стареющие тела все больше и больше подводят их, отказываясь выполнять положенные функции. В темноте за печкой булькает солярка. Где-то дальше поскрипывают петли ставни, качающейся под осенним ветром.

— Новое крыло строят быстро, — говорит Гэри. Спокойно, но уверенно, словно отметая возможные возражения. — Я это видел, поднимаясь по Речной дороге. Стены практически возвели. Крыло большое, длиной в сотню футов, а шириной — в тридцать. Строят из отличных кленовых бревен. Где сейчас только такие берут?

Никто не отвечает. Никто не знает.

Молчание решается нарушить Пол Корлисс:

— Они же не собираются там жить, Гэри? Неужели...

— Очень даже собираются, — обрывает его Гэри. — Говорю вам, к дому Ньюолла пристраивают новое крыло. Сте-

ны уже стоят. Если у кого есть сомнения, выйдите на улицу и убедитесь в этом.

Что тут говорить, на это возразить нечего — они ему верят. Ни Пол, ни кто-либо другой не спешат к двери, чтобы посмотреть на новое крыло, которое пристраивают к дому Ньюолла. Разумеется, вопрос этот важный, но и спешка тут не нужна. Время течет... Харли Маккиссик не единожды отмечал: если бы за время платили, они давно стали бы богачами. Пол подходит к стеклянному шкафу-холодильнику с газировкой, берет банку апельсинового «Краша». Дает Харли шестьдесят центов, тот на кассе пробивает покупку. А закрыв кассовый аппарат, чувствует, что атмосфера в магазине переменилась. Пришла пора обсудить другие проблемы.

Ленни Патридж кашляет, морщится от боли, потирает грудь в том месте, где два ребра так и не срослись, спрашивает Гэри, когда состоятся похороны Даны Роя.

— Завтра, — отвечает Гэри. — В Горхэме. Где похоронена его жена.

Люси Рой умерла в 1968-м. Дана до 1979-го работал электриком «Ю Эс джипсэм» в Гейтс-Фоллз и умер от рака кишечника два дня назад. Всю жизнь он прожил в Касл-Роке и любил рассказывать, что за свои восемьдесят лет он лишь трижды покидал штат Мэн: один раз ездил к тетке в Коннектикут, второй — в Бостон на матч «Ред сокс» на стадионе в Фенуэй-Парк («и они проиграли, засранцы», — неизменно добавлял он), а третий — на съезд электриков в Портсмут, штат Нью-Хэмпшир. «Потеря времени — так отзывался он о съезде. — Пьянка да бабы, ничего больше, а бабы — посмотреть не на что, не говоря уж о чем-то еще». Он был их добрым приятелем, его смерть, с одной стороны, печалит их, с другой — вызывает чувство облегчения.

— Они вырезали четыре фута его кишок, — напоминает Гэри. — Но ему это не помогло. Рак съел его всего.

— Он знал Джо Ньюолла, — неожиданно говорит Ленни. — Бывал в доме, когда его отец делал электропроводку, ему было лет шесть — восемь. Помнится, он говорил, что Джо дал ему как-то леденец, но он выплюнул его, когда

возвращался домой в пикапе отца. Говорил, что у леденца был горьковатый вкус. А потом, когда фабрики вновь начали работать, в конце тридцатых, он уже сам обновлял электропроводку. Ты это помнишь, Харли?

— Да.

Вот так, через Дану Роя, разговор снова возвращается к Джо Ньюоллу. Старики молчат, вспоминая разные истории, связанные с этими двумя людьми. И тут старый Клат сообщает нечто удивительное:

— Скунса бросил в дом старший брат Даны Роя, Уилл. Я в этом практически уверен.

— Уилл? — Ленни приподнимает брови. — Я бы сказал, Уилл Рой для такого был чересчур добропорядочным.

— Да, работа Уилла, — поддерживает старого Клата Гэри. Все поворачиваются к нему. — Это жена дала Дане леденец в тот день, когда он пришел с отцом в дом, — продолжает Гэри. — Кора, не Джо. И Дане было не шесть или восемь лет. Скунса бросили незадолго до краха биржи, а Кора к тому времени уже умерла. Нет, Дана, возможно, этого не помнил, но ему было годика два. Леденец он получил в 1916-м, потому что проводку Эдди Рой делал в шестнадцатом году. И больше не появлялся в доме. Френку, среднему сыну, он десять или двенадцать лет как умер, могло быть шесть или восемь. Френк видел, что Кора проделала с малышом и, наверное, сказал Уиллу, не сразу, а спустя какое-то время. Уилл решил принять меры. Но женщина умерла, вот он и выместил злость на доме, который Джо для нее построил.

— Первый раз об этом слышу. — В голосе Харли звучит неподдельное удивление. — А что она сделала с Даной? Это самое интересное.

Гэри говорит медленно, буквально цедит слова.

— Из того, что Френк как-то раз рассказал мне, пропустив несколько стаканчиков, одной рукой Кора дала Дане леденец, а другой залезла в штанишки. На глазах у Френка.

— Не может быть! — вырывается у старого Клата.

Гэри смотрит на него, но ничего не говорит.

Вновь тишина, только ветер скрипит ставней. Дети на эстраде забрали пожарную машину и отправились играть в другое место, день тянется и тянется, никак не начинает темнеть, земля все ждет снега.

Гэри мог бы рассказать им о больничной палате, где умирал Дана Рой с черными, запекшимися губами, от которого пахло, как от выброшенной на солнце рыбы. Он мог бы рассказать им о прохладных голубых кафельных плитках стен, о медицинских сестрах с волосами, убранными под сеточки, в основном молодых, со стройными ногами и упругой грудью, даже не представляющих себе, что в 1923 году тоже жили люди, пусть и сохранился этот год только в воспоминаниях стариков, которые едва таскают ноги. Он чувствует, что может поговорить о зловредности времени и даже зловредности некоторых мест, объяснить, почему Касл-Рок превратился в гнилой зуб, готовый выпасть с минуты на минуту. Больше всего ему хочется рассказать о том, как дышал Дана Рой. Казалось, что легкие у него набиты сеном, через которое воздуху приходится просто продираться. И о том, что выглядел Дана так, словно начал гнить заживо. Однако Гэри ничего этого не говорит, потому что не знает, с чего начать, и молча засасывает вытекающую из уголков рта слюну.

— Никто не любил старину Джо, — выражает старый Клат общее мнение, затем его губы расходятся в улыбке. — Но, клянусь Богом, дом этот притягивает взгляды!

Остальные предпочитают промолчать.

Девятнадцать дней спустя, за неделю до того, как первые снежинки упали на голую землю, Гэри Полсону приснился удивительный эротический сон... только все это он уже видел наяву.

14 августа 1923 года тринадцатилетний Гэри Мартин Полсон проезжал на грузовичке отца мимо дома Ньюолла аккурат в тот момент, когда Кора Леонард Ньюолл отворачивалась от почтового ящика, достав из него газету. Она заметила Гэри и свободной рукой схватилась за подол платья.

Она не улыбалась, лицо ее, похожее на круглую луну, оставалось совершенно бесстрастным, когда она задрала подол, открыв ему свою «киску». Впервые он увидел загадочное местечко, которое так живо обсуждали его знакомые парни. А потом, без тени улыбки, сурово глядя на него, она несколько раз крутанула бедрами. Едва он проехал мимо, его рука сама потянулась к пенису, и мгновения спустя он кончил в брюки из темной фланели.

То был его первый оргазм. В последующие годы он трахнул многих, начиная с Салли Оулетт, с которой уединился в двадцать шестом под Жестяным мостом. И всякий раз, без единого исключения, на грани оргазма перед его мысленным взором возникала Кора Леонард Ньюолл. Он видел, как она стоит у почтового ящика под бездонным синим небом, подняв платье, демонстрируя клок волос под большущим белым животом и красные губы половой щели, прикрывающие нежную розовизну «дырочки». Однако не вид ее «киски» преследовал его, и он не мог сказать, что каждая женщина в момент оргазма превращалась для него в Кору. До безумия его возбуждало другое: воспоминание о том, как сладострастно, но с каменным лицом, она вертела бедрами.

Воспоминание это осталось с ним на всю жизнь, но он никому ничего не рассказывал, хотя иной раз искушение было очень велико. Он берег это воспоминание для себя. А теперь, когда ему снится этот сон, его пенис встает, впервые за последние девять лет, и тут же лопается какой-то сосуд в мозгу, создавая пробку, которая может растянуть его смерть на четыре недели или четыре месяца паралича, с капельницами, катетером, бесшумными медицинскими сестрами с забранными под сеточки волосами и упругой грудью. Но он умирает во сне, пенис медленно опадает, словно в темной комнате гаснет экран выключенного телевизора. Его друзья очень удивились бы, если б кто-то из них находился поблизости и услышал его последнее слово, произнесенное им ясно и отчетливо: «Луна!»

Через день после того, как гроб с его телом опустили в могилу, на новом крыле дома Ньюолла начали возводить купол.

КЛАЦАЮЩИЕ ЗУБЫ

Хогэн бросил взгляд на запыленный стеклянный стенд и почувствовал, что возвращается в отрочество, тот самый возраст от семи до четырнадцати лет, втиснувшийся между детством и юношеством, когда его зачаровывали такие вот диковинные вещицы. Он наклонился к стенду, забыв про воющий ветер снаружи, про песок, который ветер бросал в окна. Стенд заполняли разнообразные «страшилки», сработанные в основном на Тайване и в Корее, но его внимание привлекли Клацающие Зубы. Мало того, что он никогда не видел таких огромных Зубов, так они еще были на ножках В больших оранжевых башмаках с белыми подошвами. Полный отпад.

Хогэн посмотрел на толстую женщину, стоявшую за прилавком. В футболке с надписью «НЕВАДА — ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ» (на необъятной груди буквы расползлись и растянулись), в джинсах, едва не лопающихся на внушительном заду. Она продавала пачку сигарет худосочному парню. Длинные светлые волосы он перехватил на затылке шнурком от кроссовки. Парень, лицом напоминающий умную лабораторную крысу, расплачивался мелочью, по одной выкладывая монетки из грязной руки.

— Простите, мэм? — обратился к ней Хогэн.

Она коротко глянула на него, и тут распахнулась дверь черного хода. В магазин вошел тощий мужчина. Бандана закрывала его рот и нос. Ветер пустыни ворвался следом,

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

песок забарабанил по висевшему на стене календарю. Мужчина катил за собой тележку. На ней стояли три проволочные клетки. В верхней сидел тарантул. В двух нижних возбужденно гремели погремушками гремучие змеи.

— Закрой эту чертову дверь, Скутер, ты же не в хлеву! — заорала толстуха.

Он ответил злым взглядом, его глаза покраснели от песка и ветра.

— Подожди, женщина! Или ты не видишь, что у меня заняты руки? На что у тебя глаза? Господи! — Мужчина перегнулся через тележку, захлопнул дверь. Танцующий в воздухе песок посыпался на пол, мужчина, что-то бормоча себе под нос, покатил тележку к подсобке.

— Это последние? — спросила толстуха.

— Все, кроме Волка. Я посажу его в чулан за бензоколонками.

— Как бы не так! — возразила толстуха. — Или ты забыл, что Волк — наша главная достопримечательность. Приведи его сюда. По радио сказали, что ветер еще усилится и только потом стихнет. Так что будет гораздо хуже, чем сейчас.

— Кому ты дуришь голову? — Худой мужчина (муж толстухи, предположил Хогэн) стоял, уперев руки в бока. — Никакой это не волк, а койот из Миннесоты. Достаточно одного взгляда, чтобы разобраться, что к чему.

Ветер выл в стропилах «Продовольственного магазина и придорожного зоопарка Скутера», забрасывая окна сухим песком. Будет хуже, повторил про себя Хогэн. Оставалось только надеяться, что ветер не занесет дорогу. Он обещал Лайте и Джеку, что приедет к семи вечера, максимум в восемь, а обещания он всегда старался выполнять.

— И все-таки позаботься о нем, — сказала толстуха и раздраженно повернулась к парню, смахивающему на крысу.

— Мэм? — вновь позвал ее Хогэн.

— Одну минуту, мистер, — фыркнула она таким тоном, словно ее осаждали покупатели, хотя, кроме Хогэна и парня, в магазине никого не было.

— Не хватает десяти центов, блондинчик, — сообщила она парню, взглянув на выложенные на прилавок монеты.

Тот ответил невинным взглядом.

— Напрасно я думал, что вы мне поверите.

— Я сомневаюсь, что папа римский курит «Мерит-100», а если бы и курил, я бы пересчитала и его денежки.

От невинности во взгляде не осталось и следа. Ее сменили злоба и неприязнь (Хогэн решил, что с крысоподобным лицом они сочетаются лучше). Парень вновь принялся ощупывать карманы.

Лучше забудь о Клацающих Зубах и выметайся отсюда, сказал себе Хогэн. *Если сейчас не уехать, можно забыть о том, чтобы добраться до Лос-Анджелеса к восьми часам, тем более в такую бурю. В этих местах или едешь медленно, или просто стоишь на месте. Бак полон, за бензин заплачено, так что скорее в путь, до того, как ветер усилится.*

И он почти что последовал здравому совету, полученному от рассудка, да только вновь взглянул на Клацающие Зубы, Клацающие Зубы в оранжевых башмаках. С белыми подошвами! Фантастика. *Джеку они бы понравились*, подсказало правое полушарие. *И взгляни правде в глаза, старина. Если Джек не захочет в них играть, ты с удовольствием оставишь их себе. Возможно, когда-нибудь в будущем тебе еще придется наткнуться на Большие Клацающие Зубы, почему нет, но чтобы они шагали в оранжевых башмаках? В этом я очень сомневаюсь.*

Он таки прислушался к доводам правого полушария... и вот что из этого вышло.

Юноша с конским хвостом рылся в карманах, лицо его все мрачнело. Хогэн не курил, его отец, выкуривавший по две пачки в день, умер от рака легких, но ему очень уж не хотелось ждать завершения мучительных поисков.

— Эй! Парень!

Тот обернулся, и Хогэн бросил ему четвертак.

— Спасибо, мистер.

— Ерунда.

Юноша расплатился с толстухой, сунул сигареты в один карман, оставшиеся пятнадцать центов — в другой. У него не возникло и мысли, что сдачу надо бы вернуть Хогэну. Тот,

впрочем, ничего другого и не ожидал. Таких вот парней и девчонок в эти дни хватало с лихвой. Носит их от побережья к побережью, как перекати-поле. Может, в сравнении с прошлым ничего и не изменилось, но Хогэну казалось, что нынешняя молодежь пострашнее предшественников, чем-то она напоминала гремучих змей, которых Скутер сейчас устраивал в подсобке.

Змеи, которых держали в таких вот придорожных зоопарках, убить не могли: дважды в неделю их яд сцеживали и сдавали на переработку. Но кусали пребольно, если подойти слишком близко и разозлить их. Вот это, подумал Хогэн, и роднило их с парнями и девицами, которые отирались у дорог.

Миссис Скутер направилась к нему, слова на футболке мерно колыхались в такт ее движениям.

— Чего надо? — неприязненно спросила она. Запад вроде бы славился дружелюбием, и за двадцать лет работы коммивояжером Хогэн пришел к выводу, что в большинстве случаев так оно и есть, но эту дамочку отличало обаяние бруклинской торговки, которую за последние две недели грабили трижды. Хогэн решил, что такие вот продавцы становятся таким же непременным атрибутом Нового Запада, как и молодняк на дорогах. Печально, но факт.

— Сколько это стоит? — Сквозь пыльное стекло Хогэн указал на бирку с надписью «БОЛЬШИЕ КЛАЦАЮЩИЕ ЗУБЫ — ОНИ ХОДЯТ!» Под стеклом лежало много других «страшилок»: китайские хваталки, перечная жевательная резинка, «Чихательный порошок доктора Уэкки», «взрывающиеся» сигары, пластмассовая блевотина (выглядевшая как настоящая), шкатулки с сюрпризом, «хохочущие» мешочки.

— Не знаю, — ответила миссис Скутер. — И не пойму, где коробка.

Действительно, только зубы (и впрямь большие, подумал Хогэн, даже очень большие, раз в пять больше тех Зубов, которые так забавляли его в штате Мэн, где он вырос) не были запакованы. Если убрать эти забавные ножки, создавалось впечатление, что они вывалились изо рта какого-ни-

будь библейского великана. Коренные казались белыми кирпичами, клыки угрожающе выпирали из красных пластмассовых десен. Из одной десны торчал ключ. Натянутое на Зубы кольцо из толстой резины сжимало верхнюю и нижнюю челюсти.

Миссис Скутер сдула с Клацающих Зубов пыль, перевернула их, чтобы посмотреть, нет ли наклейки с ценой на подошвах оранжевых башмаков.

— Ценника нет, — вырвалось у нее, и она сурово посмотрела на Хогэна, словно обвиняя его в краже ценника. — Только Скутер мог купить такую дребедень. Стоит здесь с тех пор, как Ной вышел из Ковчега. Я его спрошу.

Хогэну внезапно надоели и женщина, и весь «Продовольственный магазин и придорожный зоопарк Скутера». Клацающие Зубы, конечно, отменные, Джеку они, безусловно, понравятся, но он обещал: максимум в восемь.

— Не важно, — остановил он толстуху. — Я просто...

— Вы не поверите, но цена этих Зубов пятнадцать долларов и девяносто пять центов, — раздался за спиной голос Скутера. — Это не пластмасса. Зубы металлические, выкрашенные в белый цвет. Они могли бы куснуть как следует, если бы работали... но она уронила их на пол два-три года тому назад, когда вытирала пыль, и они сломались.

— О-о-о, — разочарованно протянул Хогэн. — Это плохо. Я никогда не видел таких Зубов, знаете ли, на ножках.

— Да нет, сейчас таких много, — возразил Скутер. — Их продают в Вегасе и Драй-Спрингсе. Но эти очень уж большие. И смотреть, как они идут по полу, щелкая челюстями, словно крокодил, одно удовольствие. Жаль, что моя старуха уронила их.

Скутер взглянул на жену, но та смотрела в окно. Выражение ее лица Хогэн расшифровать не мог: то ли печаль, то ли отвращение, может, и то и другое.

Скутер повернулся к Хогэну:

— Если они вам нужны, я готов отдать их за три с половиной доллара. Мы избавляемся от «страшилок», знаете ли. Хотим использовать этот стенд под видеокассеты. — Он закрыл дверь в подсобку. Бандану стянул, и она лежала на

запыленной рубашке, открыв осунувшееся, с запавшими щеками лицо. Хогэн догадался, что Скутер тяжело болен.

— Ты этого не сделаешь, Скутер! — рявкнула толстуха, повернулась к нему... чуть ли не двинулась на него.

— Не кричи, — ответил Скутер. — И так голова болит.

— Я же сказала тебе привести Волка...

— Майра, если хочешь посадить его в подсобку, прогуляйся за ним сама. — Он шагнул к жене и, к удивлению Хогэна, толстуха попятилась. — Он же миннесотский койот. Три доллара ровно, и Клацающие Зубы ваши, приятель. Накиньте еще доллар, и забирайте Волка Майры. А если дадите пять — весь магазин. После того как построили автостраду, он все равно никому не нужен.

Длинноволосый юноша стоял у двери, вроде бы открывал пачку сигарет, а на самом деле наблюдал за комическим спектаклем, который разыгрывался у него на глазах. Его маленькие серо-зеленые глазки поблескивали, когда он переводил взгляд со Скутера на его жену.

— Знаете, я, пожалуй, поеду, — выдавил из себя Хогэн.

— Да не обращайте вы на Майру внимания. У меня рак, так что магазин достанется ей, и мне не придется ломать голову, как заработать на нем доллар-другой. Забирайте эти чертовы Зубы. Готов спорить, у вас есть сын, которому они могут приглянуться. И поломка, может, пустяковая. Наверное, где-то погнулся зубчик, ничего больше. В умелых руках они снова начнут и кусать, и ходить.

На лице Хогэна отразилась беспомощность. Визг ветра внезапно усилился: юноша открыл дверь и выскользнул из магазина — наверное, спектакль ему надоел. Песочный залп накрыл центральный проход, между стеллажами с консервами и собачьей едой.

— Когда-то я на свои руки не жаловался, — со вздохом добавил Скутер.

Хогэн долго молчал, просто не знал, что сказать. Смотрел на Клацающие Зубы, стоящие на стеклянном стенде, на Скутера, теперь он видел, как расширены у него зрачки, то ли от боли, то ли от болеутоляющих. Наконец у него вырвалось: «По ним и не видно, что они сломаны».

Он поднял Зубы — тяжелые, точно из металла, — заглянул в чуть приоткрытые челюсти, удивился размерам пружины, которая приводила их в движение. Подумал, что такая большая пружина нужна и для того, чтобы обеспечивать движения ножек. Как там сказал Скутер? *Они могли бы куснуть как следует, если бы работали.* Хогэн сдернул с челюстей резинку. Он по-прежнему смотрел на Зубы, чтобы не встретиться взглядом с темными, переполненными болью глазами Скутера. Взялся за ключ, только после этого решился посмотреть на Скутера. Чуть успокоился, увидев, что он улыбается.

— Не возражаете? — спросил Хогэн.

— Отнюдь. Действуйте.

Губы Хогэна разошлись в улыбке, он повернул ключ. Поначалу все шло как надо. Он видел, как сжимается пружина. А потом, на третьем обороте, внутри что-то щелкнуло, и ключ провернулся.

— Видите?

— Да. — Хогэн опустил Зубы на прилавок. Они стояли в забавных оранжевых башмаках и не шевелились.

Скутер пальцами левой руки развел челюсти. Одна оранжевая нога поднялась и шагнула вперед. Челюсти замерли, игрушка завалилась набок. Вновь внутри что-то щелкнуло. Челюсти сомкнулись.

Хогэн никогда в жизни не испытывал дурного предчувствия, а тут оно не просто возникло, а накатило, как приливная волна. *Через год, может, даже через восемь месяцев, этот человек будет лежать в могиле, а если кто-то вытащит его гроб и снимет крышку, то увидит такие же зубы, которые будут торчать из мертвого высохшего лица.*

Он заглянул в глаза Скутера, бездонные черные зрачки, и внезапно понял, что о желании покинуть магазин речь уже не идет. Ему просто необходимо убраться отсюда.

— Что ж, — ему оставалось только надеяться, что Скутер не протянет руку, которую придется пожать, — мне пора. Удачи вам, сэр.

Скутер протянул руку, но не для того, чтобы ее пожали. Вместо этого он сцепил резиновым кольцом Клацающие Зубы (Хогэн не мог взять в толк, зачем, все равно они не

работали), поставил их на смешные ножки и подвинул к Хогэну.

— Премного вам благодарен. Зубы возьмите. Денег не надо.

— Ну... большое вам спасибо, но я не могу...

— Разумеется, можете, — оборвал его Скутер. — Возьмите их и отдайте вашему мальчику. Вы порадуете его, даже если ему придется поставить их на полку. Я кое-что знаю о маленьких мальчиках. Все-таки их у меня было трое.

— Откуда вы знаете, что у меня есть сын? — спросил Хогэн.

Скутер подмигнул.

— Прочитал на вашем лице. Берите их, не стесняйтесь.

Ветер взвыл снова, на этот раз от его удара застонали стены. Хогэн подхватил Зубы с прилавка, вновь подивившись их тяжести.

— Вот. — Скутер достал из-под прилавка мятый бумажный пакет. — Положите сюда. У вас красивый пиджак. Спортивного покроя. Если вы сунете Зубы в карман, они его оттянут.

Пакет лег на прилавок, словно Скутер понимал, что у Хогэна нет ни малейшего желания даже случайно прикоснуться к его пальцам.

— Спасибо. — Хогэн опустил Зубы в пакет, завернул верхнюю часть. — Джек тоже благодарит вас... это мой сын.

Скутер улыбнулся, обнажив полный набор вставных зубов (но гораздо меньше тех, что лежали в пакете).

— Рад услужить вам. Машину ведите осторожно, во всяком случае, пока не выберетесь из-под ветра. А после того, как доберетесь до предгорий, проблем у вас быть не должно.

— Я знаю. — Хогэн откашлялся. — Еще раз благодарю. Я надеюсь, что вы... э... скоро поправитесь.

— Это было бы хорошо, — будничным тоном ответил Скутер, — но не думаю, что судьба приготовила мне такой подарок.

— Ну, ладно. — Тут Хогэн понял, что понятия не имеет, как закончить разговор у прилавка. — Берегите себя.

Скутер кивнул.

— Вы тоже.

Хогэн попятился к двери, открыл ее, ему пришлось крепко схватиться за ручку, иначе ветер вырвал бы дверь и шмякнул о стену. Зато ветер плеснул в лицо пылью, и Хогэн сощурился.

Он переступил порог, закрыл дверь, лацканом действительно красивого пиджака прикрыл рот и нос, пересек крыльцо. Спустился по ступенькам и направился к своему кемперу*, выпущенному компанией «Додж», который стоял за бензоколонками. Ветер разметал волосы, песок колол щеки. Когда он обходил автомобиль, его дернули за рукав.

— Мистер! Эй, мистер!

Хогэн повернулся. Увидел светловолосого парня с бледным крысиным лицом. Он сгорбился, втянул голову в плечи, от ветра его защищали только футболка и выцветшие джинсы. За его спиной миссис Скутер тащила мохнатого зверя к двери черного хода. Волк, он же миннесотский койот, более всего походил на отощавшего щенка немецкой овчарки, причем самого маленького из помета.

— Что? — прокричал Хогэн, прекрасно зная ответ.

— Вы не могли бы меня подвезти?

Обычно Хогэн не брал попутчиков после случая пятилетней давности. Он остановился рядом с девушкой, которая «голосовала» на окраине Тонопы. Грустными глазами она напоминала ребенка-беженца с плакатов ЮНИСЕФ, чьи мать и лучшая подруга погибли при пожаре неделю тому назад. Но едва она оказалась в кабине, Хогэн увидел серую кожу и безумный взгляд давно сидящей на игле наркоманки. Она сунула ему под нос пистолет и потребовала бумажник. Пистолет был старый и ржавый, с рукояткой, обмотанной изоляционной лентой. Хогэн не знал, заряжен ли он, может ли выстрелить... но в Лос-Анджелесе его ждали жена и сын. Да и будь он одиноким, стоило ли рисковать жизнью ради

* Кемпер — дом на колесах, комбинация легкового автомобиля и трейлера, с кухней, туалетом, основными удобствами. На специальных стоянках может подключаться к водопроводу и электросети.

ста сорока баксов? И хотя тогда сто сорок баксов стоили гораздо больше, чем теперь, он отдал девушке бумажник. К тому времени ее дружок уже подкатил к его кемперу (в те дни Хогэн ездил на «форде эколайне», который и рядом не стоял с «кастом додж XRT») на грязно-синей «шеви нова». Хогэн попросил девушку оставить ему водительское удостоверение и фотографии Лайты и Джека. «Пошел на хрен, сладенький», — ответила девушка, ударила его по лицу его же бумажником и побежала к синей «нове».

От попутчиков одни неприятности.

Но ветер усиливался, а у парня не было даже пиджака. И что он мог ему сказать? «Пошел на хрен, сладенький, залезай под камень и сиди в компании ящериц, пока не стихнет ветер»?

— Хорошо.

— Спасибо, мистер! Большое вам спасибо!

Юноша побежал к пассажирскому сиденью, дернул за ручку, понял, что дверь заперта, и застыл, сгорбившись, втянув голову в плечи. Ветер раздувал футболку, как парус, отрывая ее от бледной, тощей, прыщавой спины.

Прежде чем залезть в кабину, Хогэн еще раз оглянулся на «Продовольственный магазин и придорожный зоопарк Скутера». Скутер стоял у окна, глядя на него. Он поднял на прощание руку. Вскинул руку и Хогэн. Потом вставил ключ в замок, повернул. Скользнул за руль, нажал кнопку блокировки дверей, знаком показал парню, что тот может залезать в кабину.

Тот не заставил просить себя дважды, а дверцу смог закрыть только двумя руками, так усилился ветер. Даже раскачивал кемпер, словно пытался оторвать от земли и швырнуть в первую попавшуюся стену.

— Уф! — шумно выдохнул юноша, пройдясь пятерней по волосам (шнурок от кроссовки он потерял, и теперь они свободно падали на плечи). — Ничего себе ветер. Просто ураган.

— Да, — согласился Хогэн. Водительское и пассажирское сиденья (в рекламных буклетах они назывались «капитанскими креслами») разделял широкий выступ, и Хогэн

положил пакет с Зубами в одно из углублений для чашек. Повернул ключ зажигания. Двигатель мягко заурчал.

Юноша обернулся, оценивающе оглядел заднюю часть кемпера: кровать (сложенную в диванчик), маленькую газовую плиту, шкафчики, в которых Хогэн держал образцы, туалетную кабинку.

— Неплохо живете, — прокомментировал он. — Со всеми удобствами. — Он посмотрел на Хогэна. — А куда направляетесь?

— В Лос-Анджелес.

Юноша улыбнулся:

— Отлично. И мне туда же! — Он вытащил пачку сигарет, достал одну.

Хогэн уже включил фары и первую передачу. Но тут вернул ручку в нейтральное положение и повернулся к юноше:

— Давай сразу кое о чем договоримся.

Юноша похлопал ресницами.

— Конечно, чувак, нет проблем.

— Во-первых, обычно я не беру попутчиков. Несколько лет назад у меня был неприятный инцидент, после которого напрочь отшибло привычку кого-нибудь подвозить. Я довезу тебя до предгорий Санта-Клары, но не дальше. Там есть закусочная, называется «У Сэмми». От нее до автострады совсем ничего. Около закусочной мы и расстанемся. Идет?

— Идет. Конечно. Почему нет? — Все тот же невинный взгляд.

— Второе, если ты хочешь курить, мы расстанемся прямо сейчас. Идет?

На мгновение взгляд изменился, стал злобным, настороженным (Хогэн потом очень жалел, что не сделал из этого соответствующие выводы), но тут же стал прежним. Юноша вновь превратился в беженца из этих диких мест, который никому не мог причинить вреда. Он засунул сигарету за ухо, показал Хогэну пустые руки. Когда он их поднимал, Хогэн заметил синюю татуировку на левом бицепсе: «ДЕФ ЛЕППАРД — НАВЕК».

— Никаких сигарет. Я все понял.

— Отлично. Билл Хогэн. — Он протянул руку.

— Брайан Адамс, — ответил юноша, пожимая ее.

Хогэн вновь включил первую передачу, и кемпер медленно покатил к дороге номер 46. И тут взгляд Хогэна упал на кассету, лежащую на приборном щитке. С записью альбома «Беззаботный» Брайана Адамса.

Все понятно, подумал он. *Ты — Брайан Адамс, а я — Дон Хенли. Заглянули вот в «Продовольственный магазин и придорожный зоопарк Скутера», чтобы собрать материал для наших новых альбомов, не так ли, чувак?*

И выехав на шоссе, вглядываясь в пелену песка, вновь вспомнил девушку-наркоманку, которая ударила его бумажником по лицу, прежде чем выскочить из кабины. Он уже чувствовал, что и эта поездка добром не кончится.

А потом порыв ветра попытался утащить его на полосу встречного движения, и он сосредоточился на дороге.

Какое-то время они ехали молча. Лишь однажды Хогэн скосился направо и увидел, что юноша, закрыв глаза, откинулся на подголовник. То ли спал, то ли дремал, а может, притворялся, не желая разговаривать. Хогэна это вполне устраивало, ему тоже не хотелось говорить со случайным попутчиком. Прежде всего он не знал, что сказать мистеру Брайну Адамсу из Ниоткуда. Юный мистер «Адамс» определенно не относился к потенциальным покупателям наклеек и считывателей универсального товарного кода, которые продавал Хогэн. И потом, в такую погоду он не мог отвлекаться, если хотел удержать кемпер на асфальте.

Как и предупреждала миссис Скутер, буря усиливалась. Дорогу начали перегораживать песчаные наносы. Чтобы не разбить машину, Хогэну пришлось сбросить скорость до двадцати пяти миль. Кое-где песок полностью засыпал асфальт, и там, чтобы кемпер не пошел юзом, Хогэн полз на пятнадцати милях в час, ориентируясь по светоотражателям на столбиках вдоль дороги.

То и дело из песчаной мглы возникали легковые автомобили и грузовики, напоминающие доисторических чудовищ с круглыми сверкающими глазами-фарами. Одна из легковушек, старый «линкольн» размерами с трейлер, ехала

прямо по осевой дороги номер 46. Хогэн нажал на клаксон и прижался вправо, чувствуя, что правыми колесами скатился на обочину. Он уже смирился с тем, что встречи с кюветом не миновать, но в последний момент «линкольн» ушел-таки на свою полосу движения. Впрочем, ему показалось, что он услышал металлический «поцелуй» его заднего бампера с задним бампером «линкольна», но в вое ветра мог и ошибиться. Ему, правда, удалось, разглядеть водителя «линкольна». Лысый старик мертвой хваткой вцепился в рулевое колесо, всматриваясь в летящий песок. Хогэн даже погрозил ему кулаком, но едва ли старикан это заметил. *Наверное, он и «доджа» не углядел*, подумал Хогэн. *Спасибо на том, что разъехались.*

Несколько секунд спустя он вновь чуть не слетел с асфальта. Почувствовал, что правые колеса глубоко ушли в песок и кемпер повело в сторону. Инстинктивно хотел вывернуть руль влево, но не поддался порыву и прибавил газу, чувствуя, как его прошибает пот. Колеса вновь обрели опору, он вернул себе контроль над кемпером и только тут чуть повернул руль влево, уводя автомобиль от опасной черты. Шумно выдохнул.

— Здорово у вас получилось.

Хогэн уже и думать забыл про своего пассажира и от неожиданности едва не крутанул руль. Но сдержался и лишь искоса взглянул на парня. Тот смотрел на него, серо-зеленые глаза блестели, сонливость как рукой сняло.

— Просто повезло. Если б было куда съехать, я бы остановился... Но я знаю этот участок дороги. Или добираешься до «Сэмми», или ночуешь в кювете. В предгорьях будет лучше.

Он не стал добавлять, что им может потребоваться три часа, чтобы проехать оставшиеся семьдесят миль.

— Вы коммивояжер, так?

— Совершенно верно.

Ему хотелось, чтобы юноша замолчал. Разговоры отвлекали его. Впереди, как желтые призраки, засветились противотуманные фары. Из пелены возник пикап с калифорнийскими номерными знаками. Кемпер и пикап чинно

проползли мимо друг друга, словно две старушки в коридоре дома для престарелых. Хогэн увидел, что юноша достал сигарету из-за уха и теперь вертел ее в руках. «Брайан Адамс», однако. Почему он назвался вымышленным именем? Ему вспомнился старый фильм, черно-белый, какие показывают по ти-ви для полуночников, в котором коммивояжер (кажется, его играл Рэй Миленд) подсаживает в автомобиль молодого парня (кстати, его играл Ник Адамс), только что сбежавшего из тюрьмы в Гэббсе или Дите...

— А что ты продаешь, чувак?

— Ценники.

— Ценники?

— Да. Клеящиеся ценники со штрих-кодом. Это графическая система обозначения товара, состоящая из полосок разной ширины.

К удивлению Хогэна, юноша кивнул.

— Понятно, в супермаркете к ним подносят какой-то электронный глаз, и на кассовом аппарате как по мановению волшебной палочки появляется цена, так?

— Да, только это не волшебная палочка и не электронный глаз, а лазерный считыватель. Я их тоже продаю. Как стационарные, так и портативные.

— Далеко ты забрался, чувак. — В голосе юноши Хогэн уловил саркастические нотки.

— Брайан?

— Да.

— Давай обойдемся без чуваков. Меня зовут Билл.

Как же он мечтал о том, чтобы обратить время вспять и вновь оказаться у «Продовольственного магазина и придорожного зоопарка Скутера». Зря он согласился взять с собой этого парня. Скутеры — хорошие люди. Они бы разрешили ему побыть до вечера в магазине. Может, миссис Скутер дала бы ему пять долларов, чтобы он присмотрел за тарантулом, змеями и миннесотским койотом. И эти серо-зеленые глаза ему совершенно не нравились. Он кожей чувствовал их тяжелый взгляд.

— Ладно... Билл. Билл Ценник-Чувак.

Хогэн не ответил. Юноша сцепил пальцы, вытянул руки, захрустев костяшками.

— Как говорила моя старушка-мать, заработок небольшой, но на жизнь хватает, так, Ценник-Чувак?

Хогэн пробурчал что-то нечленораздельное, не отрывая взгляда от дороги. У него уже пропали последние сомнения в том, что он совершил роковую ошибку. Когда он согласился подвезти ту девушку, Бог сохранил ему жизнь. *Пожалуйста, Господи*, взмолился он, *дай мне еще одну попытку. А еще лучше, сделай так, чтобы этот юноша оказался совсем не таким, как я его себе представляю. Пусть это будет паранойя, вызванная низким давлением, песчаной бурей, случайным совпадением имен...*

Громадный большегрузный трейлер с серебристым бульдогом поверх радиаторной решетки надвинулся на него. Хогэн забирал вправо, пока не почувствовал, что кемпер вновь стаскивает в кювет. Длинный кузов трейлера заполнил левую половину шоссе. Расстояние до него не превысило шести дюймов. И прошла вечность, прежде чем он проехал мимо.

И тут же юноша вновь подал голос:

— Я вижу, ты неплохо устроен, Билл. Такая тачка стоит не меньше тридцати штук. Но почему...

— Кемпер обошелся мне гораздо дешевле. — Хогэн не знал, уловил ли «Брайан Адамс» нервные нотки в его голосе. — И мне приходится много работать.

— Тем не менее от голода ты не умираешь. Так почему ты не летаешь над всем этим дерьмом в чистом синем небе?

Хогэн и сам не раз задавался этим вопросом на длинных перегонах между Темпом и Тусоном или Лос-Анджелесом и Лас-Вегасом, такой вопрос поневоле лезет в голову, если по радио передают только что-то гремящее или очень уж старое, последняя кассета прослушана и не остается ничего другого, как смотреть на заросли кустов, песчаные дюны да овраги.

Он мог бы сказать, что, путешествуя по земле, находится в более тесном контакте с покупателями и лучше чувству-

ет их потребности. Тут он не грешил против истины, но не из-за этого предпочитал автомобиль самолету. Он мог бы сказать, что сдавать чемоданы с образцами в багаж (под кресло они не влезали) — сплошная морока, а ожидание их в аэропорту прибытия может затянуться очень даже надолго (действительно, один раз чемодан с пятью тысячами наклеек для прохладительных напитков улетел в Хило, штат Гавайи, вместо того чтобы вместе с ним прибыть в Хиллсайд, штат Аризона). Тоже правда, но не вся.

Настоящая же причина заключалась в том, что в 1982 году небольшой самолет авиакомпании «Гордость запада», на котором ему случилось лететь, потерпел катастрофу в семнадцати милях от Рено. Шесть из девятнадцати пассажиров и оба пилота погибли. Хогэн отделался переломом позвоночника. Провел четыре месяца в кровати, потом еще десять ходил в жестком корсете, который Лайта прозвала Железной Девой. Кто-то (Хогэн не помнил, кто именно) утверждал: если ты упал с лошади, надо немедленно запрыгивать на нее. Уильям И. Хогэн полагал, что все это полнейшая чушь, и потом лишь один раз, побледнев как мел, приняв две таблетки валиума поднялся на борт самолета, чтобы слетать в Нью-Йорк на похороны отца.

Он вырвался из грез, разом осознав, что: а) на трейлер поток встречных машин как отрезало; б) юноша неотрывно смотрит на него, ожидая ответа.

— Однажды я едва не погиб при аварии самолета, — ответил он. — И с тех пор предпочитаю транспорт, на котором при поломке можно съехать на обочину.

— На твою долю выпало много неприятностей, Билл-Чувак. — В голосе юноши слышались нотки сожаления. — Так уж вышло, что тебя ждет еще одна.

Раздался металлический щелчок. Хогэн на мгновение оторвал взгляд от дороги и совсем не удивился, увидев, что парень держит в руке выкидной нож с блестящим восьмидюймовым лезвием.

Дерьмо, подумал Хогэн. Но, как ни странно, особого испуга он не испытывал. Только безмерную усталость. *А до дома всего четыреста миль. Черт побери!*

— Сворачивай на обочину, Билл-Чувак. Только медленно.

— Чего ты хочешь?

— Если ты не знаешь ответа на этот вопрос, значит, ты совсем тупой, хотя, глядя на тебя, этого не скажешь. — На губах парня играла улыбка. При движении руки татуировка на бицепсе дергалась. — Мне нужны твои деньги и, думаю, мне понадобится твоя колымага, во всяком случае, на какое-то время. Но не волнуйся, до закусочной совсем недалеко. Как там она называется — «У Сэмми»? А от нее рукой подать до автострады. Кто-нибудь тебя подбросит. Конечно, те, кто не остановится, будут смотреть на тебя, как на собачье дерьмо, которое липнет к подошвам, тебе придется унижаться, но я уверен, что в конце концов кто-нибудь тебя подвезет. А теперь — на обочину!

Хогэн удивился, что к усталости примешивается злость. Злился ли он в прошлый раз, когда отдавал девушке бумажник? Он не помнил.

— Давай разойдемся по-хорошему. — Он повернулся к юноше. — Я тебя подвез, когда ты об этом попросил, и тебе не пришлось унижаться. Если б не я, ты бы сейчас глотал песок около магазина. Убрал бы ты эту штуковину. Мы...

Парень выбросил вперед нож. Хогэн почувствовал резкую боль в правой руке. Кемпер бросило в сторону, словно он наткнулся на песчаный нанос.

— Я сказал, *на обочину*. Или ты пойдешь пешком, Ценник-Чувак, или будешь лежать в придорожной канаве с перерезанным горлом и одним из твоих считывающих устройств, засунутым в твою задницу. И вот что я тебе скажу: я буду курить до самого Лос-Анджелеса и всякий раз тушить бычок о твой гребаный приборный щиток.

Хогэн скосился на руку, увидел диагональную красную полосу, протянувшуюся от костяшки мизинца до основания большого пальца. И вновь почувствовал злость... Уже не просто злость — ярость, а вот усталость исчезла, растаяла, сгорела, накрытая вспышкой адского огня. Он попытался представить себе Лайту и Джека, чтобы подавить эту вспышку до того, как она подтолкнет его на что-то безумное, но

их образы не попадали в фокус, расплывчато мельтешились где-то вдали. А вот кого он увидел ясно и четко, так это девушку из Тонопы, с оскаленным ртом, остекленевшими глазами, которая выкрикнула: *Пошел на хрен, сладенький,* прежде чем ударить его по лицу бумажником.

Он надавил на педаль газа, и кемпер прибавил скорости. Красная стрелка проскочила отметку 30.

На лице парня отразились удивление, недоумение, злость.

— Что ты делаешь? Я же сказал, останавливайся! Или ты хочешь, чтобы я выпустил тебе кишки?

— Не знаю, — ответил Хогэн. Он разогнал кемпер до сорока миль в час. На неровной, засыпанной песком дороге автомобиль бросало из стороны в сторону, он дрожал, словно в лихорадке. — А чего хочешь ты, парень? Как насчет сломанной шеи? Я тебе это в миг устрою, достаточно только вывернуть руль. Я-то вот пристегнул ремень безопасности. А ты про свой забыл.

Серо-зеленые глаза юноши вдруг стали огромными, заблестели от ярости и страха. «Ты же должен был остановить кемпер, — говорили эти глаза. — Именно так поступают люди, если им грозишь ножом... так почему ты этого не сделал?»

— Ты нас не угробишь. — По голосу чувствовалось, что юноша пытается убедить в этом себя.

— А почему нет? — Хогэн повернулся к нему. — Я-то уверен, что смогу уйти на своих двоих, кемпер застрахован. Давай попробуем, а, говнюк? Не возражаешь?

— Ты... — начал юноша, но тут его глаза округлились, и он потерял всякий интерес к Хогэну. — Осторожнее! — выкрикнул он.

Хогэн перевел взгляд на дорогу и увидел четыре огромных белых глаза, надвигающихся на них сквозь песчаную мглу. Трейлер-цистерна, загруженный то ли бензином, то ли пропаном. Водитель трейлера отчаянно жал на клаксон. Мощные гудки сотрясали воздух.

Пока Хогэн общался с «Брайаном Адамсом», левые колеса кемпера оказались на встречной полосе. Хогэн резко

вывернул руль вправо, зная, что толку не будет, зная, что с маневром он опоздал. Но и водитель трейлера подал своего монстра к обочине, так что они разминулись буквально на несколько дюймов, как и чуть раньше с «линкольном». Хогэн почувствовал, что правые колеса ушли на обочину, но только теперь он понимал, что выправить машину не удастся. И когда огромная цистерна с надписью на борту «КАРТЕР: ПОСТАВКИ ОРГАНИЧЕСКИХ УДОБРЕНИЙ» проносилась мимо, руль начал вырываться из рук Хогэна и кемпер все сильнее утягивало вправо. Уголком глаза он увидел, что парень наклоняется к нему, с ножом в руке.

Что с тобой, ты чокнулся? — хотелось ему крикнуть, но вопрос звучал бы на редкость глупо, даже если бы он успел произнести его. Конечно же, он имел дело с психом, об этом ясно говорили безумные серо-зеленые глаза. А вот кто чокнулся, так это он, подсадив в кемпер попутчика. Но все это уже не имело ни малейшего значения, потому что ситуация вышла у него из-под контроля. Он мог лишь позволить себе поверить, что все это происходит не с ним, что не он, возможно, будет лежать в канаве с перерезанным горлом и выклеванными стервятниками глазами. Хотя дело шло именно к этому.

Юноша таки попытался полоснуть Хогэна ножом по шее но кемпер сильно дернулся, уходя правыми колесами в заваленный песком кювет. Хогэн отпрянул к дверце, бросив руль, и уже подумал, что все обошлось, но почувствовал на шее теплый поток крови: острие ножа прочертило глубокую борозду на его правой щеке, от виска до челюсти. Он вытянул правую руку, чтобы схватить парня за запястье, но тут под левое переднее колесо угодил булыжник размером с телефонный аппарат. Кемпер подпрыгнул, как подпрыгивают автомобили в боевиках с погонями, которые наверняка нравились его попутчику, взлетел в воздух — с четырьмя бешено вращающимися колесами, на скорости, согласно спидометру, тридцать миль в час, и Хогэн почувствовал, как ремень безопасности впивается в его грудь и живот. Повторялась авиакатастрофа, как и тогда, он не мог поверить, что это происходит с ним.

Парня, который так и не выпустил ножа из руки, бросило вперед и вверх. Голова ударилась о крышу, когда пол и потолок кабины поменялись местами. Хогэн увидел, что парень отчаянно машет левой рукой, и, к своему изумлению, понял, что тот по-прежнему хочет ткнуть его ножом. *Я посадил в машину гремучую змею,* подумал Хогэн, *только без ядовитых желез.*

А потом кемпер рухнул на землю, смяв стойки багажника, голова парня вновь ударилась о крышу, только с куда большей силой. Нож вылетел из его руки. Раскрылись дверцы шкафчиков в задней части кемпера, из них посыпались книжки с наклейками и образцы считывающих устройств. Кемпер какое-то время скользил на крыше. Хогэн даже успел подумать: *вот, значит, каково тем, кто сидит в банке консервов, когда ее открывают.*

Ветровое стекло разлетелось миллионом осколков. Хогэн крепко зажмурился и прикрыл лицо руками. Кемпер все перекатывался, разбивая боковые стекла, вновь оказался на колесах, наклонился, чтобы упасть на борт со стороны парня... но передумал и застыл.

Секунд пять Хогэн сидел не шевелясь, вцепившись руками в подлокотники кресла, словно капитан Кирк после атаки Кинглона. Он чувствовал, что на коленях полно песка, стекол, лежит еще что-то тяжелое, хотя и не понимал, что именно. А ветер сквозь разбитые стекла засыпал кабину песком.

Перед его глазами возникло что-то движущееся, он разглядел белую кожу, коричневую грязь, ободранные костяшки пальцев, красную кровь. Понял, что видит кулак, а в следующий момент кулак этот врезал ему по носу. Боль острым копьем пронзила мозг. Его ослепила белая вспышка. А когда зрение вернулось, руки парня уже сжимали ему горло, не давая дышать.

Мистер Брайан Адамс из Ниоткуда перегнулся через широкий выступ, разделявший сиденья. Кровь из десятка порезов стекала по шее, лбу и носу. Серо-зеленые глаза горели безумной яростью.

— *Посмотри, что ты наделал, придурок!* — орал он. — *Посмотри, что ты наделал!*

Хогэн дернулся, ему удалось перехватить воздух, потому что пальцы этого психа соскользнули с шеи, но ремень безопасности по-прежнему прижимал его к креслу. И руки парня вновь сомкнулись у него на шее, только на этот раз большие пальцы со всей силой вжались в гортань.

Хогэн попытался поднять руки, но парень локтями блокировал их. Постарался развести локти, ничего не вышло. Теперь он уже слышал новый ветер, который ревел у него в голове.

— *Посмотри, что наделал, сучье вымя! Я весь в крови!*

Голос парня донесся до него из далекого далека.

Он же убивает меня, подумал Хогэн, и ему тут же ответил какой-то голос: *Правильно... пошел на хрен, сладенький!*

Реплика эта вернула распиравшую его злость. Он схватил то, что лежало на коленях вместе с песком и осколками. Бумажный пакет, внутри что-то увесистое, что именно, Хогэн не помнил. Он обхватил пакет пальцами и резко поднял руку. Кулак угодил юноше в челюсть. Тот вскрикнул от боли пальцы разжались, он отлетел к дверце.

Хогэн первым делом набрал полную грудь воздуха и тут ж услышал то ли бульканье, то ли стрекотание. Такой звук обычно раздается, когда снимаешь с конфорки кипящий чайник. *Неужели это я издал такой звук? Господи, неужели я*?

Он вновь глубоко вдохнул. Закашлялся от пыли, посмотрел на кулак, увидел Клацающие Зубы, которые впечатались в коричневую бумагу.

И вдруг почувствовал, как они *шевельнулись*.

От испуга и неожиданности Хогэн вскрикнул, выпустил пакет из рук. А как бы отреагировали вы, если б подняли с земли человеческий череп, а он вдруг попытался заговорить?

Мешок упал парню на спину, а потом покатился на коврик, который устилал пол кемпера. «Брайан Адамс» тем временем тяжело поднимался на колени. Хогэн услышал, как лопнула резинка, стягивающая Клацающие Зубы, а по-

том раздалось само клацанье. Ошибки тут быть не могло: челюсти раскрывались и закрывались.

«Наверное, где-то погнулся зубчик, ничего больше, — вспомнил он слова Скутера. — В умелых руках они снова начнут и кусать, и ходить».

А может, для починки хватило хорошего удара, подумал Хогэн. *Если я проживу достаточно долго, чтобы выбраться отсюда, обязательно скажу Скутеру, что для того, чтобы починить Клацающие Зубы, достаточно перевернуться в кемпере, а потом врезать ими в челюсть психу, который пытается тебя задушить. Все просто, с этим справится любой ребенок.*

Зубы все клацали внутри порванного коричневого пакета, бумага раздувалась и сжималась, словно вырезанное легкое, отказывающееся умирать. Юноша отполз от пакета, даже не взглянув на него, отполз в глубь кемпера, тряся головой, пытаясь разогнать стоящий перед глазами туман. Во все стороны летели брызги крови.

Хогэн нащупал замок ремня безопасности, нажал на кнопку. Напрасный труд. Кнопка не подалась ни на йоту, замок не сработал. Ремень с прежней силой прижимал его к спинке, диагонально пересекая грудь, врезаясь в валик жира на животе. Он подергался в надежде, что замок таки отщелкнется. Не отщелкнулся, только из раны на щеке сильнее потекла кровь. Новая волна паники накрыла его, он повернул голову, чтобы посмотреть на парня.

И не увидел ничего хорошего. Парень нашел нож, который лежал на груде рекламных буклетов и инструкций. Схватил его, отбросил с лица волосы, глянул на Хогэна. Улыбнулся, и от этой улыбки внутри у Хогэна похолодело.

Вот и все, говорила улыбка парня. *Минуту-другую я волновался, действительно волновался, но теперь уж все получится как нельзя лучше. Поимпровизировали, и хватит, возвращаемся к исходному сценарию.*

— Застрял, Ценник-Чувак? — спросил парень, перекрывая визг ветра. — Замок заклинило? Хорошо, что ты пристегнулся, так? Хорошо для меня.

Юноша попытался встать, ему это почти удалось, но в последний момент колени подогнулись. На лице отрази-

лось изумление, которое при других обстоятельствах могло бы вызвать у Хогэна улыбку. А потом он еще раз отбросил с лица заляпанные кровью волосы и пополз к водительскому креслу, крепко сжимая в левой руке рукоятку ножа. При каждом движении на его бицепсе подергивалась татуировка. Хогэн вспомнил, как при ходьбе на футболке, обтягивающей необъятную грудь Майры, шевелились слова «НЕВАДА — ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ».

Хогэн обеими руками схватился за пряжку замка, большими пальцами надавил на кнопку изо всех сил, точно так же, как совсем недавно этот псих стискивал ему горло. Ничего путного не вышло. Замок ремня безопасности заклинило намертво. Ему не оставалось ничего другого, как вновь повернуться к своему врагу.

Юноша уже добрался до сложенного дивана. На его лице вновь читалось крайнее изумление. Смотрел он прямо перед собой, а значит, обнаружил на полу что-то из ряда вон. Вот тут Хогэн вспомнил про Зубы. Они по-прежнему клацали.

Он опустил голову и увидел, как Большие Клацающие Зубы выходят из разорванного бумажного пакета в смешных оранжевых башмаках. Клыки, резцы, коренные то сходились, то расходились, издавая звук, похожий на тот, что раздается из шейкера, если напитки смешиваются вместе со льдом. Башмаки с белыми подошвами, казалось, пританцовывали на сером ковре. Хогэну вспомнился Фред Астер и его знаменитые танцы. Фред Астер с тросточкой под мышкой, в соломенной шляпе набекрень.

— О черт! — Юноша подавился смехом. — Вот, значит, что ты возишь в своей машине? Ну и ну! Убив тебя, Ценник-Чувак, я окажу миру большую услугу.

Ключ, подумал Хогэн. *Ключ, вставленный в челюсть, который заводит пружину... он не поворачивается.*

И внезапно его осенило. Он точно знал, что сейчас произойдет. Юноша потянется к Зубам.

А Зубы резко остановились. Больше не клацали и не шагали. Стояли на сером ковре с чуть раскрытыми челюстями. Безглазые, они, казалось, вопросительно смотрели на парня.

— Клацающие Зубы. — В голосе мистера Брайна Адамса из Ниоткуда слышалось восхищение. Он протянул правую руку, пальцы сомкнулись вокруг Зубов, как и предполагал Хогэн.

— Куси его! — взвизгнул Хогэн. — Немедленно отхватите ему гребаные пальцы!

Юноша вскинул голову, серо-зеленые глаза в недоумении уставились на Хогэна. На мгновение у него даже челюсть отвисла, а потом он заржал, нервно, истерично, в унисон с завываниями ветра, гуляющего по салону кемпера.

— Куси меня! Куси меня! К-к-куси меня! — нараспев повторял юноша. Похоже, давно он уже не слышал такой хорошей шутки. — Эй, Ценник-Чувак! Я-то думал, что это я ударился головой!

Парень зажал рукоятку ножа зубами и сунул указательный палец левой руки между челюстями Больших Клацающих Зубов.

— Уси я! — приказал он с ножом во рту, захихикал, с пальцем между металлическими зубами. — Уси я! О, о, уси я!

Зубы не шевелились. Ножки в оранжевых башмаках тоже. Хогэн понял, что хотел от Зубов слишком многого. Юноша поводил пальцем меж Зубов, начал его вытаскивать, затем вдруг закричал: *«Вот дерьмо! ДЕРЬМО! ГРЕБАНЫЙ НАСРАТЬ!»*

От радости сердце чуть не выпрыгнуло у Хогэна из груди, да только мгновение спустя он понял, что парень если и кричит, то от избытка переполняющих его чувств. Не просто кричит — *смеется*. Смеется над ним. Зубы пребывали в полной неподвижности.

Юноша поднял Зубы к лицу, чтобы получше их рассмотреть, поставил на ладонь правой руки, левой перехватил нож. Потряс им перед Клацающими Зубами, как учитель трясет указкой перед непослушным учеником.

— Кусаться нельзя! — В голосе слышались учительские нотки. — Это дурная прив...

Одна из оранжевых ножек шагнула вперед по грязной ладони, челюсти раскрылись и, прежде чем Хогэн понял, что происходит, Клацающие Зубы сомкнулись на носу юноши.

На этот раз «Брайан Адамс» закричал по-настоящему — от боли и изумления. Он схватился за Зубы правой рукой, попытавшись отбросить их в сторону, но они вцепились в его нос мертвой хваткой, точно так же, как замок ремня безопасности Хогэна держался за скобу. Меж зубов заструилась кровь. Парень откинулся на спину, несколько мгновений Хогэн видел только мельтешащие в воздухе руки и ноги. Потом сверкнуло лезвие ножа.

Парень закричал снова, сел. Длинные волосы, словно занавес, скрыли лицо. Из них, словно руль какого-то странного корабля, торчали Клацающие Зубы. Каким-то образом парню удалось всунуть нож между челюстями.

— Убейте его! — прохрипел Хогэн. Он обезумел. С одной стороны, вроде бы понимал, что обезумел, с другой — это не имело ни малейшего значения. — *Убейте его!*

Парень отчаянно вскрикнул, попытался разжать стальные челюсти. Лезвие переломилось, но после того, как челюсти разошлись на долю дюйма, Зубы упали на пол между коленями «Брайана Адамса». Вместе с немалой частью его носа.

Парень отбросил волосы с лица. Скосил серо-зеленые глаза к остаткам носа. Рот перекосило от боли, на шее вздулись вены.

Парень потянулся к Зубам. Те отступили на своих оранжевых ножках. Они словно улыбались сидящему парню. Кровь залила футболку.

Он вновь потянулся к Зубам, только они вдруг рванулись вперед, под его рукой, между коленями и смачно вонзились в выпуклость на выцветших синих джинсах, аккурат под тем местом, где заканчивалась молния.

Глаза «Брайана Адамса» широко раскрылись. Так же, как и рот. Руки взлетели на уровень плеч, и в то мгновение он очень напоминал имитатора Эла Джолсона, собравшегося спеть «Мэмми». Нож с обломанным лезвием отлетел к задней стенке кемпера.

— *Боже! Боже! Бо-о-о-о...*

Оранжевые башмаки притоптывали на месте. Красные челюсти Больших Клацающих Зубов сжимались и разжимались, сжимались и разжимались...

— *...о-о-о-О-О-О...*

А когда джинса начала рваться, с каким-то странным чмоканьем, Хогэн лишился чувств.

В себя он приходил дважды. Первый раз практически сразу, потому что ветер ревел с прежней силой и еще не стемнело. Он уже начал поворачиваться, но чудовищная боль пронзила шею. Должно быть, растяжение мышц или прострел, но могло быть и хуже... или завтра будет хуже.

При условии, что он доживет до завтра.

Парень, подумал Хогэн, *я должен повернуться и убедиться, что он мертв.*

Нет, не надо поворачиваться. Разумеется, он мертв. Иначе умер бы я.

И тут он услышал знакомый звук: клацанье зубов, которое становилось все громче.

Они идут ко мне. С парнем они покончили, но не наелись, и теперь идут ко мне.

Он вновь попытался нажать на кнопку, но замок не поддался его усилиям, да и сил в руках практически не осталось.

Зубы все приближались и приближались, клацанье раздавалось уже за спинкой кресла. Они словно говорили: *Мы — зубы, мы возвращаемся! Посмотри, как мы ходим, посмотри, как мы клацаем, мы съели его, а теперь съедим тебя!*

Хогэн закрыл глаза.

Клацанье прекратилось.

Слышались только вой ветра да шуршание песка, который ветер бросал в борт кемпера.

Хогэн ждал. Долго, очень долго. Зубы клацнули, и тут же послышался звук разрываемой ткани. После короткой паузы все повторилось в той же последовательности.

Что они делают?

На третий раз чуть двинулась спинка кресла, и он все понял: Зубы прогрызали дыру, чтобы добраться до него.

Хогэн вспомнил о том, как Зубы сомкнулись на выпуклости под молнией джинсов «Брайана Адамса», и ему очень захотелось лишиться чувств. Песок, заносимый ветром в разбитые окна, колол щеки и лоб.

Зубы клацали и рвали, клацали и рвали, клацали и рвали...

Все ближе, ближе, ближе. Хогэн не хотел смотреть вниз, но не смог перебороть любопытства. И у своего правого бедра, там, где сиденье встречается со спинкой, увидел широкую белозубую улыбку. Зубы медленно, но верно прогрызали себе путь, шествуя на невидимых оранжевых ножках. И к тому времени, когда они добрались до кармана брюк Хогэна, он вновь отключился.

Когда он пришел в себя второй раз, ветер практически стих и начало темнеть. Пустыня стала пурпурно-лиловой, такой Хогэн ее никогда не видел. На капот намело песка.

Поначалу он не мог вспомнить, как дошел до жизни такой. Вроде бы он посмотрел на индикатор уровня бензина, отметил, что бак практически пуст, а подняв голову, увидел большой щит с надписью: «ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ МАГАЗИН И ПРИДОРОЖНЫЙ ЗООПАРК СКУТЕРА. БЕНЗОЗАПРАВКА. ЗАКУСКИ. ХОЛОДНОЕ ПИВО. ПОЛЮБУЙТЕСЬ ЖИВЫМИ ГРЕМУЧИМИ ЗМЕЯМИ»!

Он понимал, что, будь на то его желание, он какое-то время может прятаться за свою амнезию. Более того, подсознание может вообще стереть некие опасные для психики воспоминания. Но, может, не вспоминать — еще опаснее. Гораздо опаснее. Потому что...

Порыв ветра швырнул песок в помятый борт кемпера. По звуку похоже на

(*клац! клац! клац!*)

Он вспомнил все, и его тут же бросило в жар. В горле что-то то ли чавкнуло, то ли чмокнуло. Чмоканье показалось Хогэну знакомым. Он уже слышал такое, в тот самый момент, когда Зубы сомкнулись на яйцах парня. Инстинктивно прикрыл руками промежность, посмотрел вниз.

Зубов не увидел, а вот легкость, с которой плечи отследили движение рук, его удивила. Медленно, очень медленно Хогэн развел руки. Ремень безопасности более не прижимал его к спинке кресла. Металлическая скоба по-прежнему торчала в замке с драным клоком красного ремня.

Другой его конец лежал на сером ковре. Ремень не разрезали, а перегрызли.

Он посмотрел в зеркало заднего обзора и удивился еще больше: торцевые дверцы открыты, на сером ковре лишь бурые пятна. Мистер Брайан Адамс из Ниоткуда исчез.

Вместе с Клацающими Зубами.

Хогэн медленно вылез из кемпера, словно глубокий старик, страдающий артритом. Обнаружил, что не так уж все и плохо, если смотреть прямо перед собой. Зато любой поворот головы вызывал резкую боль в шее, плечах, верхней части спины. О том, чтобы обернуться, речи просто быть не могло.

Он осторожно двинулся вдоль кемпера, иной раз касаясь вмятин в борту, слыша, как под ногами хрустят осколки стекла. Долго стоял у задней дверцы, боясь заглянуть за нее. Боялся, что, заглянув, увидит притаившегося там парня с ножом в левой руке и застывшей на губах идиотской улыбкой. Но не мог же он стоять у дверцы вечно, глядя перед собой, не поворачивая головы, словно не голова это, а большая бутыль с нитроглицерином. Сумерки быстро сгущались, и Хогэн решительно обошел дверцу.

Ветер дунул, отбросив волосы с его лба, и окончательно стих. И вот тут Хогэн услышал какой-то сухой скрип, доносящийся справа. Повернулся. В двадцати ярдах увидел подошвы кроссовок парня, исчезающие за гребнем ложбины. Их разделяли несколько футов: ноги парня образовывали букву V. Подошвы на мгновение застыли, словно тот, кто тащил парня, решил передохнуть, а потом короткими рывками двинулись дальше, в ложбину.

С невероятной ясностью перед мысленным взором Хогэна возникла картина происходящего за гребнем. Он увидел Большие Клацающие Зубы на ножках в забавных оранжевых башмаках с белыми подошвами. Вцепившиеся в прядь длинных светлых волос парня.

Большие Клацающие Зубы пятились.

Большие Клацающие Зубы тащили мистера Брайана Адамса в Никуда.

Хогэн повернулся и зашагал к шоссе, глядя прямо перед собой, изо всех сил стараясь сохранять неподвижность своей нитроголовы. Ему потребовалось пять минут, чтобы преодолеть кювет, еще пятнадцать, чтобы остановить машину, но он справился. И за все это время он ни разу не поинтересовался, а что делается за его спиной.

Девятью месяцами позже, в жаркий июньский день, Билл Хогэн вновь проезжал мимо «Продовольственного магазина и придорожного зоопарка Скутера»... только название изменилось. Теперь заведение называлось «ДОМ МАЙРЫ», а гостям предлагались «БЕНЗИН, ХОЛОДНЫЕ ЗАКУСКИ, ВИДЕО». На щите-указателе под этими словами красовалось изображение волка, воющего на луну. Сам Волк, тот самый миннесотский койот, лежал в клетке, стоявшей в тени, отбрасываемой крыльцом. Вытянув задние лапы, положив морду на передние. Он не поднялся, когда Хогэн вылез из кабины, чтобы залить в бак бензин. Ни тарантула, ни гремучих змей Хогэн не обнаружил.

— Привет, Волк, — поздоровался он, поднимаясь по ступеням.

Обитатель клетки удостоил Хогэна взглядом, перевернулся на спину и вывалил длинный красный язык.

Магазин вроде прибавил в размерах и стал гораздо чище. Поначалу Хогэн предположил, что причина — в ярком солнце, но потом отметил и другие изменения. Окна сверкали чистотой. Темную краску стен сменили светлые сосновые панели, от которых еще пахло смолой. Появилась стойка бара с пятью высокими стульями, исчезли «страшилки». Сам стеклянный стенд остался, но теперь его заполняли видеокассеты. На бумажке, приклеенной к стеклу, Хогэн прочитал: «Фильмы категории Х — в подсобке».

Женщину за кассовым аппаратом Хогэн видел в профиль. Она что-то подсчитывала на карманном калькуляторе. Поначалу решил, что это дочь мистера и миссис Скутер, женский довесок к тем троим сыновьям, о которых упоминал Скутер. И лишь когда она подняла голову, Хогэн понял, что перед ним сама миссис Скутер. С трудом верилось, что

он видит женщину, на необъятной груди которой едва не лопалась футболка с надписью «НЕВАДА — ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ». Миссис Скутер сбросила никак не меньше пятидесяти фунтов и выкрасила волосы в светло-каштановый цвет. Только морщинки от солнца у глаз и рта остались прежними.

— Заправились? — спросила она.

— Да. На пятнадцать долларов. — Он протянул двадцатку, она пробила чек. — Когда я был здесь в прошлый раз, магазин выглядел по-другому.

— После смерти Скутера многое изменилось, все так, — согласилась миссис Скутер, достала из кассового аппарата пятерку, уже собралась отдать Хогэну, но тут впервые взглянула на него и замялась. — Скажите... это вы чуть не погибли в тот день в прошлом году, когда на нас обрушилась песчаная буря?

Он кивнул, протянул руку.

— Билл Хогэн.

Без малейшей задержки она перегнулась через прилавок и пожала ее. Смерть мужа положительно сказалась на ее настроении... А может, у нее просто началась другая жизнь.

— Жаль, конечно, что ваш муж умер. Мне показалось, что он был хорошим человеком.

— Скут? Да, особенно до болезни, — согласилась она. — А как вы? Поправились?

Хогэн кивнул.

— Шесть недель проходил в шейном корсете... не первый раз... но сейчас все в порядке.

Она смотрела на шрам, который пересекал его правую щеку.

— Его работа? Этого парня?

— Да.

— Сильно он вас порезал.

— Да.

— Я слышала, он здорово расшибся, когда ваша машина слетела с дороги, и уполз в пустыню умирать. — Она пристально всмотрелась в Хогэна. — Так и было?

Хогэн чуть улыбнулся.

— Скорее всего.

— Джек Торнбак, наш шериф, говорил, что дикие животные поработали над ним. Особенно крысы. Не проявили никакого почтения.

— Я об этом ничего не знаю.

— Джи-Ти сказал, что его не узнала бы и родная мать. — Она приложила руку к заметно уменьшившейся в размерах груди. — Чтоб мне провалиться на этом месте, если я вру.

Хогэн громко рассмеялся. После той песчаной бури он вообще стал смеяться гораздо чаще. И похоже, стал проще смотреть на жизнь.

— Хорошо хоть, что он вас не убил. Вы, можно сказать, прошли по острию ножа. Должно быть, вас охранял Господь Бог.

— Совершенно верно. — Хогэн взглянул на стеклянный стенд. — Я вижу, «страшилки» вы убрали.

— Это старье? Будьте уверены! Первым делом после того, как он... — Ее глаза широко раскрылись. — Ой! Что же это со мной?! У меня же есть одна ваша вещица! Если б я забыла, Скутер поднялся бы из могилы!

Хогэн в недоумении нахмурился, но женщина уже отвернулась от прилавка. Поднялась на цыпочки, что-то достала с верхней полки. И Хогэн совершенно не удивился, увидев в ее руке Большие Клацающие Зубы. Она поставила их рядом с кассовым аппаратом.

Хогэн долго смотрел на застывшую ухмылку. Вот они, самые большие в мире Клацающие Зубы, стоят себе в оранжевых башмаках на прилавке и словно говорят: *Привет, дружище! Не забыл нас? Мы вот тебя не забыли. Все время помнили о тебе.*

— Я нашла их на крыльце, на следующий день после бури. — Миссис Скутер рассмеялась. — Словно Скутер подарил их вам, но положил в дырявый пакет, из которого они и выпали. Я хотела их выбросить, но он заявил, что они — ваши, и заставил спрятать. Он сказал, что вы — коммивояжер. А потому обязательно заглянете сюда еще раз... Так и вышло.

— Да, — согласился Хогэн. — Так и вышло.

Он поднял Зубы с прилавка, сунул палец меж чуть приоткрытых челюстей. Провел подушечкой по клыкам, коренным, в его голове зазвучал голос мистера Брайана Адамса из Ниоткуда: *Куси меня! Куси меня! К-у-у-у-си меня!*

Неужели темный налет на задней поверхности зубов — высохшая кровь парня? Хогэну показалось, что он видит налет, но, может, это была лишь тень.

— Я сохранила их, потому что Скутер сказал, что у вас есть сын.

Хогэн кивнул.

— Есть.

И подумал: *А у мальчика есть отец. И лишь благодаря «страшилке», которую я держу в руках. Они притопали сюда на маленьких оранжевых ножках, потому что здесь их дом? Или каким-то образом знали то же, что и Скутер? Рано или поздно человек, который много ездит по стране, обязательно появится там, где уже бывал, точно так же, как убийца обязательно возвращается на место преступления.*

— Если хотите их взять, они ваши, — нарушила затянувшееся молчание женщина. На мгновение она задумалась... потом рассмеялась. — Черт, если бы я не забыла про них, то обязательно выбросила бы. Тем более что они сломаны.

Хогэн повернул ключ, торчащий из десны. Дважды он повернулся нормально, сжимая пружину, а на третьем обороте внутри что-то щелкнуло, и ключ провернулся. Сломаны. Конечно, сломаны. И оставались сломанными, пока не решили, что на какое-то время о поломке можно и забыть. И вопрос не в том, как они вернулись. И даже не почему.

Вопрос надо формулировать иначе: чего они хотят?

Он опять сунул палец между стальными зубами и прошептал: «Кусите меня... хотите?»

Зубы не шевельнулись, продолжая ухмыляться.

— Похоже, разговаривать они не умеют, — вставила миссис Скутер.

— Не умеют, — кивнул Хогэн и вдруг подумал о том юноше, мистере Брайане Адамсе из Ниоткуда. О том, что

таких, как он, нынче тьма. И не только юношей и девушек. Взрослые тоже мотаются по дорогам, как перекати-поле, всегда готовые забрать твой бумажник, сказать тебе: «Пошел на хрен, сладенький», — и убежать. Ты можешь перестать подсаживать попутчиков (он перестал), ты можешь оборудовать дом новейшей охранной системой (он оборудовал), но как трудно жить в мире, где самолеты иной раз падают с неба, психи могут объявиться где угодно, и никогда не помешает лишняя страховка. В конце концов у него есть жена.

И сын.

Так что, если Большие Клацающие Зубы постоят на столе Джека, хуже не будет. Слишком много в этой жизни неприятных сюрпризов. Пусть стоят.

На всякий случай.

— Спасибо, что сберегли их. — Хогэн тепло улыбнулся миссис Скутер, осторожно поднял Зубы за ножки. — Я думаю, мой сын будет страшно рад такому подарку, хотя они и сломаны.

— Благодарите Скутера, не меня. Вам нужен пакет? — улыбнулась и она. — Я дам вам пластиковый. Никаких дыр, гарантирую.

Хогэн покачал головой и положил Клацающие Зубы в карман пиджака спортивного покроя.

— Пусть лежат в кармане. Всегда под рукой — оно надежнее.

— Как угодно.

Он уже направился к двери, но она крикнула вслед:

— Постойте! Я готовлю отличные сандвичи с куриным салатом!

— Я в этом нисколько не сомневаюсь.

Он получил сандвич, расплатился, вышел на крыльцо, широко улыбаясь, постоял под жарким солнцем. Настроение у него было прекрасное, в последнее время по-другому не бывало, и он очень надеялся, что так будет всегда.

Слева от него Волк — миннесотский койот просунул морду сквозь прутья клетки, гавкнул. В кармане пиджака

Хогэна Клацающие Зубы сжали челюсти. Очень тихо, но Хогэн услышал... и почувствовал едва заметное движение. Похлопал по карману.

— Спокойно, спокойно.

Пересек двор, сел за руль своего нового кемпера, теперь «шевроле», покатил к Лос-Анджелесу. Он обещал Лайте и Джеку, что вернется к семи вечера, максимум в восемь, а обещания он всегда старался выполнять.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Парадный вход в «Ле Пале», один из стариннейших и фешенебельнейших отелей Нью-Йорка — такси, лимузины, вращающиеся двери, а за углом еще дверь, никак не помеченная и чаще всего никем не замечаемая.

Однажды утром к этой двери подошла Марта Роузуолл с улыбкой на губах и с простой голубой хозяйственной сумкой в руке. Сумка была ее обычным атрибутом. В отличие от улыбки. Работа ей не досаждала — должность старшей горничной десятого, одиннадцатого и двенадцатого этажей «Ле Пале», возможно, многие не сочтут такой уж престижной или доходной, но женщине родом из Бэбилона в Алабаме, где она ходила в платьях, на которые шли распоротые мешки из-под муки и риса, эта должность представлялась очень и очень престижной, а к тому же и очень доходной. Впрочем, чем бы человек ни зарабатывал на хлеб насущный, в обычное утро и механик, и кинозвезда приступают к выполнению своих обязанностей с тем же выражением на его или ее лице, которое говорит: *Мысленно я все еще пребываю в постели.* И практически ничего больше. Однако для Марты Роузуолл это утро не было обычным.

Обычность исчезла еще накануне, когда она вернулась с работы домой и нашла бандероль из Огайо от сына. Наконец-то в руках у нее было так долго ожидавшееся и предвкушавшееся. Ночью она почти не сомкнула глаз, то и дело вскакивая и вновь убеждаясь, что оно — то самое и по-преж-

© Перевод. Гурова И. Г., 2000.

нему тут. В конце концов она уснула, спрятав его под подушку, будто подружка невесты — кусок свадебного торта.

Теперь она своим ключом отперла узкую дверь за углом от парадного входа в отель и, поднявшись на три ступеньки, оказалась в длинном коридоре, выкрашенном тусклой зеленой краской, где к стене жалась вереница тележек из прачечной. Они были загружены кипами выстиранного и выглаженного постельного белья. Коридор заполнял его чистый свежий запах, который у Марты всегда ассоциировался с ароматом только что выпеченного хлеба. Из вестибюля доносились отголоски «Мьюзака», но Марта давным-давно перестала их слышать, как не слышала гудения грузовых лифтов или стука посуды на кухне.

На полпути по коридору была дверь с табличкой «СОТРУДНИКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОТДЕЛА». Она вошла, повесила пальто и прошла в большую комнату, где сотрудники хозяйственного отдела (всего их было одиннадцать) пили кофе в перерывах, решали проблемы поставок и учета и пытались справляться с бесконечной писаниной. За этой комнатой с огромным столом, доской объявлений через всю стену и неизменно переполненными пепельницами находилась гардеробная. Стены из зеленых шлакоблоков, скамьи, шкафчики и два длинных стальных прута в фестонах несъемных плечиков, которые нельзя украсть.

В дальнем конце гардеробной была дверь в душевую и туалет. Эта дверь распахнулась, и из облака теплого пара появилась Дарси Сагамор в пушистом халате с монограммой «Ле Пале». Едва увидев сияющее лицо Марты, она кинулась к ней, протягивая руки и смеясь.

— Ты его получила, верно? Получила! У тебя же на лице написано. Да, сэр, да, мадам!

Марта не думала, что заплачет, но слезы хлынули из ее глаз. Она обняла Дарси и прижалась лицом к ее черным влажным волосам.

— Все отлично, деточка! Давай-давай, рассказывай!

— Просто я так им горжусь, Дарси, как проклятая горжусь!

— И понятно. Потому ты и плачешь, и это хорошо... Но покажи сразу, как перестанешь. — Она улыбнулась во весь рот. — Можешь не выпускать из рук. Если я его обкапаю, ты мне глаза выцарапаешь, не иначе!

И вот с величайшим благоговением, точно священную реликвию (чем он и был для нее), Марта Роузуолл достала из голубой хозяйственной сумки первый роман своего сына. Дома она тщательно завернула его в папиросную бумагу и положила под свою форму из коричневого нейлона. И вот теперь бережно развернула, чтобы Дарси могла посмотреть на ее сокровище.

Дарси изучила суперобложку, на которой трое морских пехотинцев — один с забинтованной головой — взбегали на холм, стреляя из автоматов. «Огонь Славы» кричали оранжево-красные, точно пламя, буквы заглавия. А под картинкой значилось «Роман Питера Роузуолла».

— Ну вот! Хорошо, просто чудесно, но теперь покажи мне главное! — сказала Дарси тоном женщины, которая хочет покончить с просто интересным и прямо перейти к самому существенному.

Марта кивнула и уверенным движением открыла страницу с посвящением. Дарси прочла: *«Эта книга посвящается моей матери МАРТЕ РОУЗУОЛЛ. Мам, без тебя я ее не написал бы»*. Под напечатанным посвящением тонким, косым, несколько старомодным почерком было написано: *«И это не ложь. Люблю тебя, мам! Пит»*.

— Уж так хорошо, что лучше и придумать нельзя, верно? — спросила Дарси, утирая темные глаза тыльной стороной ладони.

— Не просто хорошо, — сказала Марта, снова заворачивая книгу в папиросную бумагу. — А чистая правда.

Она улыбнулась, и в этой улыбке Дарси Сагамор, ее давняя подруга, увидела что-то большее, чем любовь. Она увидела торжество.

Отметившись в табельной в три часа, Марта и Дарси часто заходили в «La Patisserie», кафе-кондитерскую при

отеле. В редких случаях они отправлялись в «Le Cinq»*, маленький бар сразу за вестибюлем, для чего-нибудь покрепче, и этот день, бесспорно, был днем «Le Cinq». Дарси устроила подругу поудобнее в одном из альковов и оставила ее там с вазой крекеров, а сама коротко переговорила с Реем, который в этот день стоял за стойкой. Марта увидела, как он ухмыльнулся Дарси, кивнул и сложил кружком большой и указательный пальцы правой руки. Дарси вернулась в альков, вся сияя. Марта посмотрела на нее с некоторым подозрением.

— О чем это вы?

— Увидишь.

Пять минут спустя Рей поставил перед ними серебряное ведерко на подносе. В нем покоилась бутылка «Перье-Жуайе» и два охлажденных бокала.

— Ну вот! — ахнула Марта, полуиспуганно, полусмеясь. Она растерянно посмотрела на Дарси.

— Ш-ш-ш! Помолчи! — сказала Дарси.

И к ее чести, Марта не сказала ни слова.

Рей откупорил бутылку, положил пробку возле Дарси и на четверть наполнил ее бокал. Дарси высоко подняла бокал и подмигнула Рею.

— На здоровье, дамы! — сказал Рей и послал Марте воздушный поцелуйчик. — И поздравь от меня своего сына, лапочка! — Он вернулся за стойку прежде, чем Марта, все еще ошеломленная, смогла произнести хоть слово.

Дарси наполнила оба бокала до краев и снова подняла свой. Секунду спустя Марта последовала ее примеру. Бокалы тонко зазвенели, соприкоснувшись.

— За начало блестящей карьеры твоего сына, — произнесла Дарси. А когда они отпили, Дарси снова чокнулась с Мартой. — И за самого мальчика, — сказала она. Они отпили еще, и прежде чем Марта успела поставить свой бокал на стол, Дарси чокнулась с ней в третий раз. — И за материнскую любовь!

— Аминь, деточка, — сказала Марта. Ее губы улыбались, но не глаза. Первые два раза она только пригубила шампанское, но теперь осушила бокал до дна.

---

* Пятерка (*фр.*).

* * *

Дарси взяла бутылку шампанского, чтобы ее лучшая подруга могла вместе с ней отпраздновать решающий успех Питера Роузуолла так, как он того заслуживал. Но не только поэтому. Слова Марты «не просто хорошо, а чистая правда» раздразнили ее любопытство. Заинтриговало ее и выражение торжества на лице Марты.

Выждав, чтобы Марта допила свой третий бокал, она сказала:

— Как насчет посвящения, Марта?

— О чем ты?

— Ты сказала, что оно не просто хорошо, а чистая правда.

Марта так долго смотрела на нее и молчала, что Дарси уже решила, что не получит ответа. Затем Марта засмеялась смехом до того горьким, что он пугал. Во всяком случае, Дарси стало страшно. Она понятия не имела, что бодрая маленькая Марта Роузуолл прячет в себе столько горечи, пусть ее жизнь и была нелегкой. Однако и в этом смехе слышалась интригующая нота торжества.

— Его книга будет бестселлером, и критики будут облизываться на нее, как на мороженое, — сказала Марта. — Я верю в это. Но не потому, что так говорит Пит... хотя он и говорит так. Я верю из-за того, что произошло с тем.

— С кем?

— С отцом Питера, — ответила Марта и, сложив руки на столе, спокойно посмотрела на Дарси.

— Но... — начала Дарси и замолчала. Естественно, Джонни Роузуолл книг не писал. Никогда. Только долговые расписки, да иногда «я трахал твою мамочку» краской из пульверизатора на кирпичных стенах. Выходило, что Марта говорит...

Ладно, не притворяйся! — подумала Дарси. *Ты прекрасно знаешь, о чем она говорит. Пусть она и была замужем за Джонни, когда забеременела Питом, но мальчик уродился в кого-то поинтеллектуальнее.*

Да только концы с концами не сходились. Дарси не была знакома с Джонни, но она видела с десяток его фотографий в альбомах Марты, а Пита успела узнать очень близко — на-

столько близко, что за два его последних года в школе и два первых года в колледже она привыкла считать его почти собственным сыном. И физическое сходство между мальчиком, который столько времени проводил у нее на кухне, и мужчиной в фотоальбомах...

— Ну, Джонни был биологическим отцом Пита, — сказала Марта, будто читая ее мысли. — Стоит только посмотреть на его нос и глаза, как сразу ясно станет. Но не был его подлинным отцом... а еще этой шипучки не осталось? Уж очень гладко проходит... — Марта была уже под хмельком, и в ее голосе начала прокрадываться интонация Юга, будто малыш, выбирающийся из укромного уголка, где прятался.

Дарси вылила в бокал Марты почти все оставшееся шампанское, и та подняла его за тонкую ножку, вглядываясь в стекло, любуясь, как он превращает неяркий дневной свет «Le Cinq» в жидкое золото. Потом она сделала глоток, поставила бокал и снова засмеялась тем же горьким наждачным смехом.

— Ты ведь понятия не имеешь, о чем я говорю, верно?

— Нет, деточка.

— Ну, так я тебе объясню, — сказала Марта. — После стольких лет мне нужно кому-то рассказать, а теперь так особенно, раз он издал свою книгу и прорвался после стольких лет подготовки. Бог свидетель, ему-то я ничего сказать не могу, уж ему-то в последнюю очередь. Ну да ведь сыновья, если им повезет, знать не знают, как сильно матери их любят и на какие жертвы идут, согласна?

— Пожалуй, — сказала Дарси. — Марта, деточка, может, тебе подумать, а хочешь ли ты на самом деле, чтобы я узнала — что бы это там ни было?

— Нет, никакого понятия, — продолжала Марта, и Дарси поняла, что подруга не услышала ни единого ее слова. Марта Роузуолл пребывала в каком-то собственном мире. Когда она снова посмотрела на Дарси, уголки ее рта тронула особенная улыбочка, которая не понравилась Дарси, совсем не понравилась. — Никакого понятия, — повторила она. — Если хочешь знать, что на самом деле означает «по-

священие» — посвящение всей себя, спроси у матери. А ты как считаешь, Дарси?

Но Дарси только могла покачать головой, не находя что сказать. Однако Марта кивнула, будто Дарси полностью с ней согласилась, и начала свой рассказ.

Перечислять основные факты ей не требовалось. Они проработали вместе в «Ле Пале» одиннадцать лет, подружившись почти с самого начала.

Главным из этих основных фактов Дарси назвала бы (во всяком случае, до этого разговора в «Le Cinq») брак Марты с никчемным парнем, который куда больше интересовался выпивкой и наркотиками — не говоря уж о любой женщине, стоило ей пошевелить бедрами в его направлении, — чем своей женой.

Марта прожила в Нью-Йорке всего несколько месяцев, когда познакомилась с ним — неопытная девочка в темном лесу. И была на втором месяце беременности, когда сказала «да» в ответ на вопрос священника. Но, как она много раз повторяла Дарси, дело было не в беременности: она хорошенько все обдумала, прежде чем решила выйти за Джонни. Она была благодарна, что он ее не бросил (даже тогда она хорошо понимала, что через пять минут после признания «я беременна» очень многие мужчины были бы уже очень далеко, хорошенько хлопнув дверью), но не оставалась совсем уж слепой к его недостаткам. Она хорошо представляла себе, что подумали бы ее мать и отец — особенно отец — о Джонни Роузуолле с его черным «тандербердом» и двухцветными ботинками, купленными потому, что Джонни увидел такие на Мемфисе Слиме, когда Слим играл в театре «Аполло».

Этого, первого, ребенка Марта потеряла на третьем месяце. Еще примерно через пять месяцев она подвела итог плюсам и минусам своего брака — минусы заметно преобладали. Слишком много возвращений домой поздно ночью, слишком много неубедительных объяснений, слишком много синяков под ее глазами. Джонни, говорила она, просто обожал свои кулаки, когда бывал пьян.

— Он всегда выглядел красивым, — как-то сказала она Дарси, — но красивый говнюк — все равно говнюк.

Но Марта еще не успела собрать свои вещи, когда обнаружила, что снова беременна. На этот раз Джонни среагировал мгновенно и без всякой радости: он ударил ее по животу ручкой швабры, надеясь вызвать выкидыш. Две ночи спустя он в компании двух приятелей, разделявших его пристрастие к яркой одежде и двухцветным ботинкам, попытался ограбить винный магазинчик на 116-й улице. У хозяина под прилавком был дробовик. Он его вытащил. У Джонни Роузуолла был пистолетик 32-го калибра с никелевой рукояткой, который он раздобыл бог знает где. Он прицелился в хозяина лавки, спустил курок, и пистолетик разлетелся на куски. Один осколок ствола проник ему в мозг через правый глаз и убил его наповал.

Марта продолжала выходить на работу в «Ле Пале» почти до восьмого месяца (было это, разумеется, задолго до появления там Дарси Сагамор), а тогда миссис Пролкс велела ей отправляться домой, пока она не обронила младенца в коридоре десятого этажа или, может быть, в лифте, обслуживающем прачечную. «Работаешь ты совсем неплохо и, если захочешь, сможешь потом вернуться на свое место, — сказала ей Роберта Пролкс, — но сейчас, девочка, сгинь!»

Марта сгинула и через два месяца родила семифунтового мальчика, которого назвала Питером, и Питер со временем написал роман под названием «Огонь Славы», который все — включая Клуб «Книги месяца» и «Юниверсал пикчерс» — считали обреченным принести автору славу и богатство.

Все это Дарси уже слышала. А остальное — невероятное остальное — она услышала в этот день и этот вечер сначала в «Le Cinq» с бокалами шампанского на столе и сигнальным экземпляром романа Пита в голубой хозяйственной сумке Марты.

— Мы, конечно, жили на окраине, — сказала Марта, глядя на свой бокал и крутя его в пальцах, — на Стэнтон-

стрит у Стейшн-Парка. Я потом побывала там. Все хуже, чем было — гораздо хуже, — но и тогда это был не курорт.

Тогда в конце Стэнтон-стрит в сторону Стейшн-Парка жила жуткая старуха. Люди называли ее Мама Делорм, и многие клялись, что она — бруха*. Я сама ни во что такое не верила и как-то спросила Октавию Кинсолвинг — она жила в том же доме, что и мы с Джонни, — как могут люди верить в такую чушь, когда вокруг Земли вертятся искусственные спутники и найдены способы излечивать чуть ли не все болезни под солнцем. Тавия была образованной женщиной, училась в Джуллиардской музыкальной школе и по ту сторону Сто десятой улицы жила только потому, что должна была содержать мать и троих младших братьев. Я-то думала, она согласится со мной, но она только засмеялась и покачала головой.

«Ты что же, веришь, что брухи существуют?» — спросила я.

«Нет, — сказала она. — Но я верю в нее. Она особенная. А вдруг на каждую тысячу — или десять тысяч, или миллион — женщин, которые называют себя колдуньями, а то и ведьмами, приходится одна подлинная? Если так, то это Мама Делорм».

Я только засмеялась. Люди, которые не нуждаются в помощи брухи, могут позволить себе посмеяться, как могут себе позволить посмеяться над силой молитвы люди, которые не молятся. Я говорю о том времени, когда только-только вышла замуж. Я тогда еще верила, что сумею исправить Джонни. Ты можешь это понять?

Дарси кивнула.

— Потом у меня произошел выкидыш. Причиной, думается, был Джонни, хотя тогда я даже себе в этом признаться не хотела. Бил он меня почти все время. А пил, так все время. Забирал деньги, которые я ему давала, а потом тащил еще из моей сумочки. Если я ему говорила, чтобы он перестал лазить в мою сумочку, он делал обиженное лицо и клялся, что и не думал даже. То есть если был трезв. А пьяный он смеялся, и все. Я написала домой маме. Больно мне было

* Ведьма, колдунья (*исп.*).

писать такое письмо и стыдно, и я плакала, пока писала его, но мне надо было узнать, что она думает. Она написала в ответ, чтобы я ушла, уехала, пока он не уложил меня в больницу, а то и похуже. Моя старшая сестра Кассандра (мы всегда звали ее Кисси) пошла дальше. Прислала мне билет на междугородный автобус, а на конверте губной помадой написала три слова: «УЕЗЖАЙ СЕЙЧАС ЖЕ!»

Марта отпила глоток шампанского.

— А я не уехала. Мне нравилось верить, будто я сохраняю достоинство, да только, думается, это была глупая гордость и больше ничего. Ну, так или не так, а я осталась. Потом, когда я потеряла ребеночка, я опять забеременела, только поначалу не догадывалась. Видишь ли, по утрам меня не тошнило... ну, да и в первый раз тоже не тошнило.

— Ты же не пошла к этой Маме Делорм из-за беременности? — спросила Дарси, сразу предположив, что Марта могла попросить у колдуньи что-нибудь, чтобы устроить себе выкидыш... или, что она просто решилась на аборт.

— Нет, — ответила Марта. — Я пошла, потому что Тавия сказала, что Мама Делорм точно мне скажет, какую дрянь я нашла в кармане пиджака Джонни. Белый порошок в стеклянном пузырьке.

— О-о! — протянула Дарси.

Марта невесело улыбнулась.

— Хочешь знать, до чего скверно все может стать? — спросила она. — Наверное, нет, но я тебе скажу. Скверно, когда твой муж пьет и не имеет постоянной работы. А по-настоящему скверно, это когда он пьет, не имеет работы и вымещает все это на тебе кулаками. Но еще хуже, когда суешь руку в карман его пиджака, надеясь найти доллар, чтобы купить туалетную бумагу с пушком в супермаркете «Солнечный край», и находишь стеклянный пузыречек с ложечкой. А хуже всего, знаешь что? Глядеть на этот пузырек и уговаривать себя, что в нем кокаин, а не герыч.

— И ты пошла с пузырьком к Маме Делорм?

Марта иронично засмеялась.

— С пу-зырь-ком? Нет уж, дорогая моя. Жизнь мне мало что давала, но умереть мне не хотелось. Вернись он домой,

откуда бы там ни было, и хватись своего двухграммового пузыречка, он бы меня обработал, как гороховое поле. Нет, я только отсыпала щепоточку в целлофан с сигаретной пачки. И пошла к Тавии, а Тавия сказала, чтобы я пошла к Маме Делорм, и я пошла.

Марта качнула головой. У нее не было слов, чтобы точно описать своей подруге, какой была Мама Делорм, и какими немыслимыми были полчаса в квартире этой женщины на третьем этаже, и как она почти скатилась по кривым ступенькам на улицу, боясь, что старуха гонится за ней. Квартира была темной и вонючей, в ней стоял запах свечных огарков и старых обоев, и корицы, и подгнивающих трав. На одной стене висело изображение Иисуса, на другой — портрет Нострадамуса.

— Если вообще есть ведьмы, так она была ведьмой, — в конце концов сказала Марта. — Я и теперь не знаю, сколько ей было лет — семьдесят, девяносто или сто десять. От ее носа через лоб тянулся бело-розовый шрам и прятался под волосами. Похожий на след от ожога. Из-за него веко правого глаза было полуопущено, будто она подмигивала. Сидела она в кресле-качалке с вязанием на коленях. Я вошла а она говорит: «Я скажу тебе три вещи, малышка. Первая – ты в меня не веришь. Вторая — пузырек, который ты нашл в кармане у мужа, полон героина, «белого ангела». Третье — ты третью неделю беременна мальчиком, которого назовешь в честь его подлинного отца».

Марта огляделась, проверяя, не сел ли кто-нибудь за соседний столик, убедилась, что они по-прежнему одни, и наклонилась к Дарси, которая смотрела на нее как завороженная.

— Позже, когда я снова могла думать связно, я решила, что и первое и второе мне сказал бы любой фокусник в цирке, или... как их? Чтец мыслей, ну, в белом тюрбане. Если Тавия Кинсолвинг сказала старухе, что я к ней приду, то могла заодно объяснить зачем. Видишь, как просто все получалось? Ну а для женщины вроде Мамы Делорм такие

мелочи очень важны: ведь если хочешь прослыть брухой, то и вести себя должна как бруха.

— Наверное, — сказала Дарси.

— Ну а что я беременна, так, может, это просто была удачная догадка. Или... ну.. есть женщины, которые сразу видят.

Дарси кивнула:

— Одна моя тетя без ошибки определяла, когда женщина попадалась и беременела. Иногда даже раньше самой женщины, а иногда так даже до того, как женщине вообще полагалось забеременеть, если понимаешь, про что я. — Марта засмеялась и кивнула. — Она говорила, что они начинают пахнуть по-другому, — продолжала Дарси, — и иногда этот новый запах можно учуять даже на другой день после того, как женщина попадется, если у тебя нюх хороший.

— Угу, — сказала Марта. — Я про такое слышала, да только в моем случае все было по-другому. Она просто знала, и как я ни пыталась убедить себя, что все это фокус-покус, я все равно знала, что она знает. Быть с ней — значило поверить, что брухи существуют... во всяком случае, что она — бруха. И оно не исчезло, это ощущение, как исчезает сон, когда проснешься, или как исчезает твоя вера в хорошего фокусника, когда вырвешься из-под его воздействия.

— И что ты сделала?

— Ну, у двери стояло кресло с сиденьем, плетенным из тростника и совсем продавленным. На мое счастье стояло, потому как после ее слов у меня в глазах потемнело, а колени задрожали. Я должна была сесть, и не окажись там этого кресла, плюхнулась бы прямо на пол. А она знай себе вяжет, дожидаясь, чтобы я пришла в себя. Будто уже сто раз такое видела. Да, наверное, и видела.

Когда сердце у меня перестало колотиться, я открыла рот и вот что вдруг сказала: «Я уйду от мужа!»

«Нет! — Она даже не запнулась. — Уйдет от тебя он. Ты его проводишь, вот и все. Оставайся тут. Кое-какие деньжата найдутся. Ты боишься, он невзлюбит младенца, да только его-то тут не будет».

«Да как...» — говорю, и больше вроде бы ничего добавить не могу и только повторяю снова и снова: «да-как-да-как-да-как», будто Джон Ли Хукер на старой пластинке с блюзами. Даже сейчас, двадцать шесть лет спустя, я чувствую запах свечных огарков и керосина из кухни и кислый запах пересохших обоев, будто заплесневелого сыра. И вижу ее: съежившуюся, худющую, в старом голубом платье в горошину — белую когда-то, но к тому времени, когда я к ней пришла, пожелтелую, будто старая газетная бумага. Была она совсем маленькая, но от нее исходила сила, будто яркий-яркий свет...

Марта встала, прошла к стойке, что-то сказала Рею и вернулась со стаканом воды, которую одним глотком выпила чуть не всю.

— Полегче стало? — спросила Дарси.

— Да, немножко. — Марта пожала плечами, потом улыбнулась. — Да что про это говорить! Была бы ты там, так почувствовала бы. Ее силу почувствовала.

«Как я все это делаю или почему ты вообще вышла за этот кусок навоза, сейчас никакой важности не имеет, — говорит мне Мама Делорм. — Теперь важно, чтобы ты нашла ребенку подлинного отца».

Со стороны послушать, выходило, что, по ее словам, я за спиной мужа спала направо и налево, но мне даже в голову не пришло озлиться на нее. Я совсем была с толку сбита, где уж тут злиться? «О чем вы? — спрашиваю. — Джонни же его подлинный отец».

А она вроде как фыркнула и махнула на меня рукой, будто сказала «ха!»

«В нем, — говорит, — нет ничего подлинного».

Тут она наклонилась в мою сторону, и меня дрожь пробрала. Столько всего она знала, а вот хорошего совсем немного.

«Всякого ребенка, которого женщина получает, мужчина выстреливает из своего причиндала, девонька. Ты же это знаешь, верно?»

Не думаю, что в медицинских книгах это так объясняют, но я почувствовала, как у меня голова вниз опускается, буд-

то она протянула через комнату руки, которые мне видеть не дано, да и кивнула моей головой за меня.

«Вот-вот, — говорит она и сама кивает. — Так Бог устроил... вроде качелей. Мужчина выстреливает детей из своего причиндала, так что дети-то получаются почти его. Да только женщина их вынашивает и выращивает, и выходит, что дети почти ее. Так заведено на свете, но у всякого правила есть свои исключения, такие, которые подтверждают правило. И тут дело так обстоит. Мужчина, который тебе ребенка сделал, не будет ему подлинным отцом, не был бы ему подлинным отцом, даже если бы никуда не делся. Он бы на него, надо полагать, озлился, забил бы до смерти, когда ему и годика не сравнялось бы, потому что знал бы, что ребенок-то не его. Мужчина не всегда это чует или видит, если ребенок ничем особым от него не отличается. Да только этот ребенок будет так же не похож на Джонни Роузуолла с навозом вместо мозгов, как день на ночь. Вот и скажи мне, девонька, кто подлинный отец твоего ребеночка?» И вроде как наклоняется ко мне.

Ну, я могла только головой покачать и сказать, что не понимаю, о чем она спрашивает. Только сдается, что-то во мне, что-то в уме, которое думает, когда ты спишь, оно понимало. Может, я присочиняю из-за всего, что мне теперь известно, но не думаю. Я думаю, что на секунду-другую его имя у меня в голове мелькнуло.

Я сказала: «Не знаю, какого ответа вы от меня ждете, я ничего не знаю ни о подлинных отцах, ни о неподлинных. И даже не знаю наверняка, что беременна. Но если так, то от Джонни, потому как ни с кем, кроме него, я не спала!»

Ну, она немножко откинулась, а потом улыбнулась. Будто солнцем меня осияла, и мне стало полегче. «Я тебя не хотела пугать, деточка, — говорит она. — У меня и в мыслях не было. Просто есть у меня третий глаз, и иногда он ясно все видит. Сейчас я заварю нам по чашечке чая, и ты успокоишься. Чай тебе понравится. Он у меня особый».

Я хотела сказать ей, что никакого чая пить не хочу, но словно бы не смогла. Словно бы у меня не хватило сил открыть рот, а ноги совсем ослабели. Кухонька у нее была гряз-

новатая, тесная и темная, будто пещера. Я сидела в кресле у двери и смотрела, как она ложкой насыпает чай в старый щербатый чайничек и ставит чайник с водой на газовую горелку. Я сидела и думала, что не хочу ничего из ее особого, да и вообще ничего из этой грязноватой кухоньки. Я думала, что сделаю глоток, как требует вежливость, а потом поскорее уберусь подобру-поздорову, и больше сюда ни ногой.

Но тут она приносит на подносе две фарфоровые чашечки, белые, как только что выпавший снег, сахар, сливки и свежайшие плюшки. И разлила чай в чашечки; душистый, горячий, крепкий. Он словно бы меня разбудил, и я еще толком не разобралась ни в чем, а уже выпила две чашечки и съела плюшку.

Она выпила одну чашку, тоже съела плюшку, и говорили мы на более привычные темы — какие у нас есть общие знакомые, да где я жила в Алабаме, да куда я хожу за покупками, все в таком роде. Тут я поглядела на свои часы и вижу, что уже полтора часа прошло. Я хотела было встать, только у меня голова кругом пошла, и я опять в кресло плюхнулась.

Дарси смотрела на нее округлившимися глазами.

— Я говорю: «Вы меня одурманили» — и испугалась. только напуганная моя часть была запрятана где-то глубоко внутри.

«Девонька, я тебе помочь хочу, — говорит она, — но ты утаиваешь то, что мне требуется знать, а я чертовски хорошо знаю: если тебя не подтолкнуть, ты не станешь делать того, что надо сделать, пусть даже и пообещаешь. Вот я и подсыпала в чай. Поспишь немножко, но перед тем скажешь мне имя подлинного отца своего младенчика».

И вот, сидя в этом кресле с продавленным плетеным сиденьем и слушая, как за окном ее комнаты ревет и грохочет город, я вдруг увидела его так ясно, Дарси, как сейчас вижу тебя. Звали его Питер Джеффрис, и был он таким же белым, как я — черной, таким же высоким, как я низенькая, таким же образованным, как я — малограмотной. Мы были настолько разными, насколько это возможно для двух людей, кроме одного — оба мы были из Алабамы, я из Бэбилона у границы с Флоридой, а он из Бирмингема. Он даже не

замечал, что я существую — я просто была чернокожей, которая убирала номер на одиннадцатом этаже отеля, в котором он всегда останавливался. Ну а я, если и думала о нем, так чтобы меньше попадаться ему на глаза, потому что слышала, как он разговаривает, и видела, как он себя ведет, и понимала, из каких он. И не в том дело, что он в руки не взял бы стакана, из которого до него пил черный, если стакан этот не был вымыт, да хорошенько. Я такого навидалась, и мне все равно было. Да только, если такого человека чуть поглубже копнуть, белое и черное уже никакого отношения не имеют к его настоящему характеру. Он был из племен сволочей, а сволочи бывают всех цветов кожи.

И знаешь что? Он во многом был совсем таким, как Джонни, то есть, каким был бы Джонни, родись он не дураком, да получи образование, да отвали ему Бог большой кусище таланта, а не только тягу к наркотикам да нюх на баб в охоте.

Я думала только, как бы держаться от него подальше, а так вовсе про него не думала. Но когда Мама Делорм наклонилась ко мне так близко, что я чуть не задохнулась от запаха корицы изо всех пор ее кожи, то у меня сразу вырвалось его имя. «Питер Джеффрис, — говорю, — человек, который останавливается в номере одиннадцать шестьдесят три, когда не пишет свои книжки в Алабаме. Он — подлинный отец. Но он же БЕЛЫЙ!»

А она наклоняется еще ближе и говорит: «А вот и нет, деточка. Белых мужчин на свете нет. Где бы они там ни жили, внутри они все черные. Ты не веришь, но это правда. Внутри у них полночь в любой час Божьего дня. Но человек может сотворить свет из ночи, вот почему то, чем мужчина стреляет, чтобы сделать женщине младенчика, оно белое. Подлинное с цветом никак не связано. А теперь закрой глаза, деточка, потому что ты устала, так устала. Сейчас! Слышишь! Сейчас! Не сопротивляйся! Мама Делорм на тебя никаких чар не наложит, дитятко! Только кое-что вложу тебе в руку. Вот... нет, не смотри, просто зажми в кулаке». Я послушалась и почувствовала что-то квадратное. А по ощущению не то стекло, не то пластмасса.

«Вспомнишь все, когда придет время вспомнить. А пока спи-усни. Ш-ш-ш... усни... ш-ш-ш...»

Я и уснула, — сказала Марта. — А дальше помню, как сбегала по ступенькам, будто за мной сам дьявол гнался. Я не помнила, от чего убегаю, только это никакого значения не имело: бегу — и все тут.

Побывала я там еще только один раз, но тогда я ее не увидела.

Марта умолкла, и они посмотрели по сторонам, будто пробуждаясь от общего сна. Бар начинал заполняться — было уже почти пять, и администраторы заворачивали туда выпить после работы. Хотя ни Дарси, ни Марта вслух этого не сказали, но обеим внезапно захотелось оказаться где-нибудь еще. Они сняли форму и переоделись, но им было не по себе среди этих мужчин с кейсами и разговорами об акциях, ценных бумагах и облигациях.

— У меня дома есть рагу и пиво, — сказала Марта неуверенно. — Я бы подогрела его и охладила бутылки... если хочешь дослушать.

— Деточка, я просто должна дослушать, — заверила Дарси и засмеялась довольно нервным смехом.

— А я просто должна рассказать, — сказала Марта. Но не засмеялась. И даже не улыбнулась.

— Только дай я позвоню мужу. Скажу, что вернусь поздно.

— Конечно, — сказала Марта и, пока Дарси звонила, снова пошарила рукой в сумке, лишний раз убеждаясь, что драгоценная книга никуда не исчезла.

Рагу — во всяком случае, то его количество, какое они смогли осилить, — было съедено, и перед обеими стояли бокалы с пивом. Марта снова спросила Дарси, действительно ли она хочет узнать, что было дальше. Дарси сказала, что хочет, и очень.

— Потому что не все так уж приглядно, должна тебе прямо сказать. Кое-что похуже тех журнальчиков, которые одинокие мужчины оставляют после себя в номере.

Дарси прекрасно знала, о каких журнальчиках она говорит, но никак не могла представить себе, чтобы ее подтяну-

тая чистоплотная подруга была бы причастна к тому, что изображалось там на иллюстрациях. Она налила пива в пустые бокалы, и Марта принялась рассказывать дальше.

— Я вернулась домой до того, как окончательно проснулась. Я почти ничего не помнила о том, что произошло у Мамы Делорм, и решила, что лучше всего — безопаснее всего — считать, будто все это мне приснилось. Но порошок, который я отсыпала из пузырька Джонни, мне не приснился, он все еще лежал у меня в кармане в целлофановой обертке с сигаретной пачки. Теперь я хотела только одного: поскорее от него избавиться, бруха там или не бруха.

У меня-то не было привычки рыться в карманах Джонни, а вот у него была давняя привычка шарить в моих: а вдруг я припрятала доллар-другой, а ему они очень даже пригодятся.

Но в кармане у себя я нашла не только порошок, но и еще что-то. Вынула, посмотрела и убедилась, что на самом деле ходила к ней, хотя все еще почти ничего не помнила о том, что произошло между нами.

Маленькая такая пластмассовая коробочка с прозрачной крышкой, так что видно, что лежит внутри. В этой лежал голько сушеный гриб, однако, наслушавшись Тавии, я подумала: может, это не съедобный гриб, а поганка, да такая, что будешь всю ночь мучиться и жалеть, что она не прикончила тебя сразу, как другие поганки.

Я решила спустить гриб в унитаз вместе с тем порошочком, который он втягивал в ноздри, но когда дело дошло до дела, не смогла. Такое чувство было, будто она стоит рядом и говорит мне, чтобы я не смела. Я даже побоялась посмотреть в зеркало: а вдруг она и правда стоит у меня за спиной?

Под конец щепотку порошка я смыла в кухонную раковину, а коробочку спрятала в шкафчик над ней. Встала на цыпочки и задвинула как могла дальше — до задней стенки, наверное. И забыла про нее.

Она на мгновение умолкла, нервно барабаня пальцами по столу, а потом сказала:

— Думается, тебе следует узнать чуть побольше про Питера Джеффриса. Роман моего Пита — про Вьетнам и про то, что он узнал об армии по собственному опыту. Книги Питера Джеффриса все были про то, что он называл Большая Вторая, когда напивался, празднуя с приятелями. Первую свою книгу он написал еще на военной службе, и вышла она в тысяча девятьсот сорок шестом году. Называлась «Огонь Небес».

Дарси долго молча смотрела на нее, а потом сказала:

— Да неужели?

— Вот именно. Может, теперь ты поняла, к чему я клоню? И, может, тебе стало яснее, что такое, по-моему, подлинные отцы. «Огонь Небес», «Огонь Славы».

— Но если твой Пит читал эту книгу мистера Джеффриса, так, может...

— Может-то может, — сказала Марта и сама махнула рукой, будто сказала «ха!», — да только не было этого. Ну да я убеждать тебя не буду, либо ты поверишь, когда до конца дослушаешь, либо нет. Я же просто хочу тебе про него рассказать.

— Ну так рассказывай, — велела Дарси.

— Я его часто видела с пятьдесят седьмого, когда начала работать в «Ле Пале», и до шестьдесят восьмого или около того, когда у него начались неприятности с сердцем и печенью. Он так пил и вообще, что я только дивилась, как это они раньше не начались. В шестьдесят девятом он раз шесть приезжал, не больше, и я хорошо помню, до чего скверно он выглядел. Толстым он никогда не был, но к тому времени так исхудал, что его в игольное ушко вдеть можно было. А пить все равно пил, хоть и пожелтел совсем. Я слышала, как он перхал и срыгивал в ванной, а иногда так и кричал от боли, и думала: *Ну, вот! Вот теперь все! Поймет же он, что творит с собой, и теперь-то уж бросит.* Куда там! В семидесятом он приезжал всего два раза. И с ним был человек — водил его под руку, обихаживал. А он все еще пил, хотя с первого раза было видно, что зря он это. В последний раз он приехал в феврале семьдесят первого. И человек с ним был другой. Думается, первому невмочь стало. Джеффрис

тогда уже в инвалидном кресле передвигался. Когда я вошла прибрать и зашла в ванную, так там сушились штаны с резиновой прокладкой. Был он красавец, только эти дни давно прошли. В последние разы он совсем испитым казался. Тебе понятно, о чем я?

Дарси кивнула. Иногда такие развалины бродили по улицам — бумажный пакет зажат под мышкой или засунут под ветхое пальто.

— Он всегда останавливался в номере одиннадцать шестьдесят три — угловом, с видом на Крайслер-билдинг, и убиралась у него всегда я. Со временем он меня даже по имени стал называть, только это ничего не значило: оно же у меня к форме пришпилено, вот он и читал, только и всего. И не верю, что он хоть разочек меня по-настоящему увидел. До шестидесятого года он, когда уезжал, всегда оставлял на телевизоре два доллара. Потом, до шестьдесят четвертого, уже три. А под самый конец — пять. По тому времени чаевые очень хорошие, но давал-то он их не мне, а просто соблюдал обычай. Обычаи для таких, как он, важнее всего. На чай он давал по той же причине, по какой открывал дверь перед дамой, по той же причине, по какой наверняка прятал под подушку выпавший молочный зуб, когда малышом был. С той только разницей, что я была феей по части уборки, а не феей по части зубов.

Он приезжал переговорить с издателями, а иногда так и с киношниками, и с телевизионщиками, обзванивал своих приятелей — тоже издателей либо агентов или писателей вроде него самого — и устраивал вечеринку. Это уж обязательно. Чаще я про них узнавала по мусору, какой на другой день выгребала, — десятки пустых бутылок (почти сплошь «Джек Дэниэлс»), миллионы окурков, мокрые полотенца в раковинах и в ванне, повсюду остатки закусок, поданных в номер. Один раз пришлось выгребать из унитаза целое блюдо вывернутых туда больших креветок. Ну и кольца от стаканов и бокалов, где только можно. А на диване и на полу люди храпят. Не всегда, но часто.

Так обычно бывало, но иногда они все еще праздновали, когда я в половине одиннадцатого утра начинала уборку. Он

меня впустит, и я наведу немножко порядка вокруг них. Женщин на этих вечерушках не бывало, одни мужики. И они только пили да про войну вспоминали. Как попали на войну. С кем были знакомы на войне. Где побывали на войне. Кого убили на войне. О том, чего они на войне насмотрелись, своим женам рассказать они никак не могли (ну а черная горничная что-нибудь услышит, так и ладно). Иногда — но не часто — они, кроме того, играли в покер по-крупному, но они и тогда говорили про войну и пока ставили и поднимали ставки, и блефовали, и открывались. Пятеро или там шестеро мужиков, совсем красные, как у белых лица краснеют, когда они за воротник зальют по-настоящему, сидят вокруг столика со стеклянной крышкой, рубашки расстегнуты, галстуки развязаны, а на столике денег столько, что женщине вроде меня за всю жизнь не заработать. И уж как они говорили про свою войну! Говорили про нее, как девушки говорят про своих милых и своих женихов.

Дарси сказала, что не понимает, почему администрация не вышвырнула Джеффриса, какой он там ни знаменитый писатель — они же и теперь к таким загулам строги, а прежде еще строже были, как она слышала.

— Нет-нет-нет, — сказала Марта, чуть улыбнувшись. — Ты не так поняла. Ты решила, что он и его приятели веселились на манер рок-групп — номер вверх дном переворачивали, диваны из окон выкидывали. Джеффрис же не был простым рядовым, как мой Пит. Учился в Уэст-Пойнте, пошел на войну лейтенантом, вернулся майором. Он же был ари-сто-крат, происходил из старинного южного рода с фамильным домом, увешанным старыми портретами — все на лошадях сидят, и вид благородный, дальше некуда. Умел галстук завязывать на четыре разных узла и знал, как нагнуться над ручкой дамы, чтобы ее поцеловать. Аристократ был, можешь мне поверить.

Пока Марта произносила это слово, ее губы чуть искривились в улыбке — и горькой, и насмешливой.

— Он и его приятели иногда шумели, но очень редко буянили — тут есть разница, только объяснить, в чем она, трудно — и никогда контроля над собой не теряли. Если из

соседнего номера жаловались — его номер был угловым, с одной только смежной стеной — и дежурный звонил мистеру Джеффрису в номер и просил, чтобы он и его гости вели себя чуть потише, так они сразу переставали шуметь. Понимаешь?

— Да.

— И это не все. Аристократичный отель может пойти навстречу людям вроде мистера Джеффриса. Может оградить их. Пусть себе веселятся и ублажаются выпивкой, картами, а то и наркотиками.

— Он принимал наркотики?

— Черт! Я не знаю. Под конец у него полно было всяких снадобий, но все с рецептами. Я просто говорю, что аристократичность, то есть как ее понимает белый джентльмен с Юга, моет руку аристократичности. Он много лет останавливался в «Ле Пале», и ты можешь подумать, будто для администрации было важно, что он знаменитый писатель, но потому только, что ты в «Ле Пале» работаешь меньше, чем я. Нет, его знаменитость была для них важна, но только вроде глазури на пироге. Куда важнее было, что он много лет у них останавливался, как в свое время его отец, у которого под Портвилем земли было хоть отбавляй. Те, кто тогда управлял отелем, верили в традиции. Я знаю, что нынешние говорят, будто они верят в традиции и, может, не врут, когда это им на руку. Но те верили по-настоящему. Когда они узнавали, что мистер Джеффрис едет в Нью-Йорк из Бирмингема «Южным экспрессом», номер, соседний с этим угловым, сразу становился свободным, разве что отель был набит под самую крышу. И они никогда не ставили ему в счет соседний пустой номер, а просто избавляли его от неприятной необходимости говорить своим приятелям, чтобы они вели себя потише.

Дарси медленно покачала головой.

— Удивительно!

— Ты не веришь, деточка?

— Да нет, верю. Но все равно удивительно.

Вновь на лице Марты Роузуолл появилась горькая насмешливая улыбка.

— Для аристократов ничего не жалко... Чары генерала Роберта Ли и знамени Юга... во всяком случае, в те дни. Черт, даже я признавала, что он аристократ, а не из тех, кто вопит из окна всякие непотребства или рассказывает приятелям анекдотики про черномазых. Но все равно черных он не терпел, и не думай, что нет... Я ж тебе сказала, что был он из племени сволочей. Уж когда дело до ненависти доходило, Питер Джеффрис кому хочешь сто очков вперед дал бы. Когда Джона Кеннеди убили, Джеффрис как раз в Нью-Йорке был и устроил вечерушку. Все его приятели собрались и гуляли до следующего дня. Я еле терпела, такое они говорили: как теперь все будет лучше некуда, только кто-нибудь убрал бы его братца, который не успокоится, пока каждый белый приличный парень в стране не начнет трахаться под «Битлов» на стерео, а цветные (вот как они называли черных — «цветные»! До чего же я ненавидела этот слюнявый способ укрывать слова за сюсюканьем!) не будут бесчинствовать на улицах с телевизором под каждой мышкой. До того дошло, что я чуть было не накричала на него. Твердила себе: помолчи, кончи свою работу и поскорее выметайся отсюда. Твердила себе, что он же подлинный отец Пита, если уж на все остальное мне плевать. Твердила себе, что Питу всего три года и мне нужна моя работа, а я ее потеряю, если не прикушу язык.

И тут один из них говорит: «А когда разделаемся с Бобби, давайте разделаемся и с его младшим братом, трусливой душонкой!» А другой подхватил: «А тогда всех мальчиков уберем и попразднуем по-настоящему!»

«Верно, — говорит мистер Джеффрис. — А когда водрузим последнюю голову на стену последнего замка, закатим такой праздник, что я под него сниму Мэдисон-сквер-гарден!»

Тут уж мне пришлось уйти. Голова разболелась, и в животе колики начались, так я старалась себе рот заткнуть. Номер недоубрала — такого со мной ни прежде, ни потом не случалось, но иногда выгодно быть черной. Он не заметил, что я была там. И вовсе не заметил, когда я ушла. Да и они все тоже.

И опять на ее губах появилась горькая насмешливая улыбка.

— Не понимаю, как ты можешь называть такого человека аристократом даже в шутку, — сказала Дарси. — И называть его подлинным отцом своего нерожденного ребенка, что бы там ни было! По-моему, он был редкая скотина.

— Нет! — отрезала Марта. — Скотиной он не был. Он в некоторых отношениях... почти во всех отношениях был человек — плохой человек, но человек. И в чем-то ты бы могла назвать его аристократом без этой твоей ухмылки, хотя полностью это проявлялось в том, что он писал.

— Ха! — Дарси презрительно посмотрела на Марту из-под нахмуренных бровей. — Так, значит, одну его книжку ты все-таки прочитала?

— Деточка, я их все прочитала. К тому времени, когда я пошла к Маме Делорм на исходе пятьдесят девятого года со щепоткой белого порошка, он их напечатал всего три. А я прочла из них две. Со временем я полностью нагнала, потому что он писал медленнее, чем я читала. — Она сверкнула улыбкой. — А читала я ох как медленно!

Дарси с сомнением покосилась на книжный шкаф Марты. Там стояли книги Элис Уокер, и Риты Мэй Браун, и «Линден-Хиллс» Глории Нейлор, но царили на трех полках дамские романы в бумажных обложках и детективы Агаты Кристи.

— А про войну ты вроде бы не так уж любишь читать, Марта, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Конечно, понимаю, — ответила Марта, встала и принесла им обеим еще пива. — Я тебе вот какую странную вещь скажу, Ди: будь он хорошим человеком, наверное, я бы и одной его книги не прочла. А вот еще более странное: будь он хорошим человеком, думаю, они были бы много хуже.

— Да что ты такое говоришь!

— Точно и сама не знаю. Ты просто слушай, ладно?

— Ладно.

— Ну, чтобы понять, что он за человек, мне не надо было дожидаться, чтобы убили Кеннеди. Это я уже к пятьдесят

восьмому году знала. К тому времени я уже убедилась, какого он скверного мнения о людях вообще. Не о своих приятелях — за них он умер бы, — но обо всех остальных. «Всякий и каждый только и думает, как бы доллар разгладить», — говаривал он. Доллар разгладить, доллар разгладить, всяк и каждый доллар разглаживает. Выходило, он и его приятели думают, что разглаживать доллар — дело самое никудышное, а потом дулись в покер и выкладывали на стол кучу долларов. Мне казалось, что тогда они доллары разглаживают, да еще как! Казалось мне, они без конца их разглаживают, и он в том числе.

Под верхней коркой джентльмена-южанина было в нем много всякой дряни, да еще какой! Он считал, что смешнее людей, которые стараются творить добро или сделать мир лучше, ничего на свете нет; ненавидел черных и евреев и считал, что нам следует забросать русских водородными бомбами, пока они нас не забросали. А почему бы и нет, говаривал он. И считал их «подвидом недочеловеков», как он выражался. Под этим он вроде бы подразумевал евреев, черных, итальянцев, индийцев и вообще всех, чьи семьи не проводят лето на тропических островах.

Я слушала, как он порет эту невежественную и самодовольную чушь, ну и понятно, все больше удивлялась, почему он знаменитый писатель... то есть как он вообще может быть знаменитым писателем. Хотела узнать, что в нем такого видят критики, хотя куда больше меня интересовало, что в нем видят простые люди вроде меня — люди, которые превращали его книги в бестселлеры, едва они выходили. И наконец, решила сама разобраться. Пошла в библиотеку и взяла его первую книгу «Огонь Небес».

Я ждала, что она окажется чем-то вроде нового платья короля, и ошиблась. Это книга о пятерых людях — о том, что происходило с ними на войне, и о том, что тогда же происходило с их женами и подружками дома. Когда я увидела на обложке, что это о войне, я даже охнула, думала, что в ней будут все те же занудные истории, которые они рассказывали друг другу.

— А оказалось не так?

— Я прочитала первые десять — двадцать страниц и подумала: *Не такая уж она хорошая. Правда, и не такая плохая, как я ожидала, но только ничего не случается.* Потом прочла еще сорок страниц и вроде бы... ну, вроде бы забыла о себе. Когда в следующий раз оторвалась, смотрю, время почти полночь, а прочла я двести страниц. Говорю себе: *Ложись-ка спать, Марта. Сейчас же ложись, потому как до пяти тридцати всего ничего остается.* Но я еще тридцать страниц прочла, хотя глаза у меня совсем слипались, а когда я чистить зубы пошла, был уже час без четверти.

Марта умолкла и поглядела на темнеющее окно, на все улыбки ночи за ним. Ее глаза затуманились от воспоминаний, губы сжались, брови чуть нахмурились. Она слегка покачала головой.

— Я не понимала, как человек, такой занудный, когда приходится его слушать, способен писать так, что не хочется закрыть книгу, не хочется, чтобы она кончилась. Как скверный холодный человек, вроде него, мог создать людей до того живых, что хотелось плакать, когда они погибали. И когда в конце «Огня Небес» Нью насмерть сбило такси всего через месяц после того, как война для него кончилась, я заплакала. Не понимаю, как бездушный циничный человек, вроде Джеффриса, сумел сделать таким важным то, чего вовсе и не было, то, что он выдумал из головы. И было в этой книге еще одно... что-то солнечное. В ней полно боли и всяких скверностей, но была в ней еще и теплота... и любовь.

Она вдруг так громко рассмеялась, что Дарси даже вздрогнула.

— В отеле тогда работал парень, Билли Бек, учился литературе в университете, когда не стоял у дверей. Мы с ним иногда разговаривали...

— Он был братом?

— Вот уж нет! — Марта снова рассмеялась. — В «Ле Пале» до шестьдесят пятого года черных швейцаров не бывало. Черные носильщики, рассыльные, сторожа на автостоянках, только не черные швейцары. Не было принято. Аристократам вроде мистера Джеффриса это не понравилось бы.

Ну, как бы то ни было, я спросила Билли, как может быть, что книги человека такие чудесные, а он сам такая сволочь. Билли спросил, знаю ли я анекдот про толстого диск-жокея с тонким голосом, а я сказала, что не понимаю, о чем он говорит. Тут он сказал, что ответа на мой вопрос не знает, но один его профессор вот что сказал про Томаса Вулфа. Этот профессор сказал, что есть писатели — и в том числе Вулф, — которые сами по себе не тянут, пока не садятся к письменному столу и не берут перо в руки. Он сказал, что перо для таких, это то же, что крылья для птицы. Он сказал, что Томас Вулф был как... — Она запнулась, потом продолжала с улыбкой: — ...как божественная эолова арфа. Он сказал, что сама по себе эолова арфа — ничто, но когда дует ветер, он извлекает из нее чудесные звуки.

По-моему, Питер Джеффрис был именно таким. Аристократом. Его растили аристократом, и он им стал, но его заслуги в том не было. Словно Бог подарил ему банковский вклад, а он его просто транжирил. Я тебе скажу такое, чему ты, наверное, не поверишь: после того как я прочла пару его романов, мне стало его жалко.

— *Жалко*?

— Да. Потому что книги были прекрасными, а тот, ктс их создал, был безобразен, как смертный грех. Он на самом деле был похож на моего Джонни, только по-своему Джонни повезло больше, потому что он никогда не мечтал о лучшей жизни, а мистер Джеффрис мечтал. Его мечтами были его книги, в них он позволял себе верить в тот мир, который высмеивал и поносил в жизни.

Она спросила Дарси, принести ли еще пива. Дарси ответила, что больше не хочет.

— Ну, если передумаешь, дай знать. А передумать ты можешь, потому что вот тут-то в воде и поднимается муть.

— И вот что еще, — сказала Марта. — Сексуальным он не был. Во всяком случае, не таким, как ты себе представляешь сексуального мужчину.

— То есть он был...

— Да нет, гомосексуалистом он не был, или голубым, или как их еще теперь называют. Его на мужчин не тянуло, но только и на женщин тоже не тянуло. За все эти годы, когда я прибирала за ним, всего два, ну, может, три раза в спальне в пепельнице лежали окурки с губной помадой и от подушек пахло духами. И в тот первый или второй раз я в ванной нашла карандашик для бровей — закатился в угол за дверью. Думается, это были девки по вызову (от подушек разило не теми духами, которыми душатся порядочные женщины), но ведь два-три раза за столько лет, это же совсем немного, верно?

— Куда уж меньше, — согласилась Дарси, вспоминая все трусики, которые выуживала из-под кроватей, все презервативы, которые плавали в неспущенных унитазах, все накладные ресницы, которые она находила на подушках и под подушками.

Марта некоторое время сидела молча, задумавшись, потом подняла голову.

— Знаешь, что я тебе скажу? Его на себя тянуло! Получается чокнуто, да только это так. Молофьи у него хватало. Я столько простыней там перестирала, так уж знаю. — Дарси кивнула. — И всегда баночка с кольдкремом стояла в ванной, а иногда на тумбочке у кровати. Думаю, он им пользовался, когда дрочил. Чтобы кожу не натереть.

Они посмотрели друг на друга и вдруг истерично захихикали.

— А ты не думаешь, деточка, что его в обратную сторону тянуло? — наконец выговорила Дарси.

— Так я же сказала «кольдкрем», а не «вазелин», — ответила Марта, и ее слова явились последней соломинкой: следующие пять минут они хохотали и хохотали. До слез.

Только на самом деле ничего смешного тут не было, и Дарси это знала. И дальше она просто слушала Марту, не веря своим ушам.

— Может, неделя прошла с того разговора у Мамы Делорм, может, две, — сказала Марта. — Не помню. С того времени столько воды утекло. И тогда я уже не сомневалась

больше, что беременна — не то чтобы меня по утрам рвало или еще что-нибудь, но было такое чувство. И исходило не от тех мест, о каких ты подумала бы. А вроде бы твои десны и ногти на ногах и переносица узнали, что с тобой происходит, прежде остального твоего тела. Или вдруг в три часа дня тебя потянет на китайский салат под соевым соусом, и ты говоришь себе: «Э-эй! Это еще что такое?» Только я ни словечка Джонни не сказала. Знала, что все равно придется сказать, только боялась.

— Я тебя не виню, — сказала Дарси.

— Как-то поздно утром я убиралась в спальне номера Джеффриса и все думала про Джонни и про то, как лучше ему сказать про маленького. Джеффрис куда-то ушел — может, на встречу со своими издателями. Кровать была двуспальная, и простыни смяты по обоим краям. Хотя это ничего не значило: спал он беспокойно. Иной раз нижняя простыня совсем из-под матраса выбивалась.

Ну я сняла покрывало и два одеяла под ним. У него кровь жидкая была, и он всегда укрывался всем, чем мог. А когда начала сдергивать верхнюю простыню, так сразу и увидела. То, что он сбросил, и где оно присохло.

Стояла я там и смотрела на это... уж не знаю, сколько времени. Будто меня загипнотизировали. Так и вижу: вот он лежит на кровати совсем один — все его приятели уже разошлись по домам, лежит тут, а кругом пахнет только дымом от их сигарет, да его собственным потом. Вижу, как он лежит там, а потом начинает заниматься любовью с Матушкой-Большой-Палец и четырьмя ее дочками. Так ясно это вижу, Дарси, как вот сейчас тебя. И не видела я только то, о чем он думал, картинки, какие рисовал у себя в голове... Ну, если вспомнить, как он разговаривал и каким бывал, когда не писал свои книги, я только радуюсь, что не видела.

Дарси смотрела на нее, как окаменевшая, и ничего не сказала.

— И тут это... это чувство поднялось во мне. — Она помолчала, размышляя, потом медленно и раздумчиво покачала головой. — Тут меня подчинила эта потребность. Ну,

как захотелось китайского салата под соевым соусом в три часа дня, или мороженого с маринадом в два ночи, или... а чего тебе хотелось, Дарси?

— Обрезков бекона, — ответила Дарси, еле шевеля губами. — Муж пошел их купить, но их не было, и он вернулся с пакетом свиных обрезков, так я их прямо-таки сожрала.

Марта кивнула и опять заговорила. Тридцать секунд спустя Дарси кинулась в ванную, где попыталась сдержать тошноту, а потом ее вырвало всем выпитым пивом.

Ищи светлую сторону, подумала она, слабой рукой нашаривая спуск. *Можно не опасаться похмелья!* — И сразу же: *Как я ей в глаза посмотрю? Как?*

Но она напрасно тревожилась. Когда она повернулась, то увидела, что у двери ванной стоит Марта и смотрит на нее с теплым сочувствием.

— Ты ничего?

— Да. — Дарси попыталась улыбнуться и, к своему огромному облегчению, почувствовала, как ее губы раздвинулись в искренней улыбке. — Я... я просто...

— Я понимаю, — сказала Марта. — Поверь, я понимаю. Ну, так мне дорассказать или с тебя хватит?

— Дорасскажи, — решительно ответила Дарси и взяла подругу под руку. — Но только в комнате. Я на холодильник даже смотреть не могу, а чтобы дверцу открыть...

— Аминь!

Минуту спустя они с облегчением расположились в противоположных концах старенькой, но удобной кушетки.

— Ты и правда хочешь дослушать, деточка?

Дарси кивнула.

— Ну хорошо. — Однако Марта немного помолчала, глядя на свои худые, сложенные на коленях руки, озирая прошлое, как командир подлодки озирает через перископ враждебные воды. Наконец она подняла голову, повернулась к Дарси и продолжила свой рассказ.

— До конца дня я работала, будто в тумане. Точно меня загипнотизировали. Со мной говорили, я отвечала, но слышала, будто сквозь стеклянную стену и отвечала сквозь нее.

Я под гипнозом, вот что я думала. *Она меня загипнотизировала. Старуха эта. Сделала мне внушение, ну как гипнотизер на эстраде говорит: «Когда вам скажут «цыпочка», вы встанете на четвереньки и залаете», и тот, кому он это внушил, встанет на четвереньки и залает, если ему скажут «цыпочка» хоть через десять лет. Она что-то подлила в чай и загипнотизировала меня и внушила мне сделать это. Эту гадость.*

И я знала, зачем она это сделала. Старуха до того суеверная, что верит в заклятия на воде из гнилого пня и верит, будто можно приворожить мужика, если капнуть ему на пятку кровью от месячных, пока он спит, и что если по шпалам идешь, ни одной пропустить нельзя, и еще только Богу известно во что... Если такая старуха, свихнутая на подлинных отцах, умеет гипнотизировать, так для нее самое милое дело гипнозом заставить такую, как я, сделать то, что я сделала. Потому что она верит в это. И ведь я назвала его ей, верно? Еще бы!

И мне тогда даже в голову не пришло, как я совсем забыла про то, что ходила к Маме Делорм, пока не сделала того в спальне мистера Джеффриса. Только ночью я про это подумала.

Весь день я держалась. То есть не плакала, не кричала истерик не устраивала. Моя сестра Кисси вела себя гораздо хуже в тот вечер, когда она доставала воду из колодца а оттуда вылетела летучая мышь и запуталась у нее в волосах. Только чувство это, будто я за стеклянной стеной... Но я решила, что с ним справлюсь, не было бы чего-нибудь похуже.

Потом, когда я вернулась домой, меня сразу одолела жажда. Никогда в жизни мне так страшно не хотелось пить — будто у меня в глотке бушевала песчаная буря. Я начала пить воду и никак не могла напиться. И принялась сплевывать. Я сплевывала, сплевывала, сплевывала. И тут меня затошнило. Прибежала в ванную, поглядела на себя в зеркало и высунула язык, посмотреть, не осталось ли на нем чего-нибудь, каких-нибудь следов того, что я сделала. Ну и конечно, ничего не увидела. Я подумала: *Ну вот, теперь чувствуешь себя получше?*

Нет, конечно. Чувствовала я себя хуже. Встала на колени перед унитазом, и меня вывернуло вот как тебя, Дарси, но только много больше. Меня рвало и рвало, пока мне не показалось, что я сейчас умру. Я плакала и молила Бога простить меня, остановить рвоту прежде, чем я потеряю ребеночка, если и вправду беременна. И тут я вспомнила, как стояла в его спальне и совала пальцы в рот, не думая о том, что делаю. Говорю же тебе, я увидела, как делаю это, будто смотрела кино. И тут меня снова вывернуло.

Миссис Паркер услышала, подошла к двери и спросила, не плохо ли мне. Это помогло мне справиться с собой, и к тому времени, когда вернулся Джонни, я была более или менее в порядке. Он был пьян и нарывался на драку. А когда я его не одолжила, все равно поставил мне фонарь под глазом и ушел куда-то. Я почти обрадовалась, что он меня ударил, так как это отвлекло мои мысли на другое.

Когда на следующее утро я вошла в номер мистера Джеффриса, он сидел в гостиной, все еще в пижаме, и что-то писал в одном из своих желтых блокнотов. Он всегда возил с собой толстую их пачку, стянутую широкой красной резинкой. И почти до самого конца возил. Когда он приехал в «Ле Пале» в тот последний раз, и я этой пачки не увидела, мне стало ясно, что он решил умереть. И я не огорчилась. Ничуточки.

Марта поглядела в сторону окна с выражением, в котором не было ни йоты сострадания или прощения. Это был холодный взгляд, свидетельствовавший о полном отсутствии сердца.

— Когда я увидела его там, мне стало легче. Ведь это значило, что я смогу отложить уборку. Когда он работал, присутствие горничных ему мешало, понимаешь? Вот я и подумала, что, может, придется подождать до трех, а тогда заступит Ивонна.

Я сказала: «Я зайду попозже, мистер Джеффрис».

«Начинайте, — говорит он. — Только потише. У меня в голове молотки стучат, и чертова идея ворочается. Это сочетание меня убивает».

В любой другой раз он бы меня отослал, хоть поклянусь. И я словно услышала, как смеется старая чернокожая Мама.

Пошла в ванную и начала прибирать. Собирала использованные полотенца и вешала свежие, положила в мыльницу новый кусок мыла, заменила спички, а сама все время думаю: *Нельзя загипнотизировать того, кто этого не хочет, старуха. Что бы ты там ни подлила в чай тогда, что бы ни велела мне делать, сколько бы раз ни велела, чтобы я это делала, я тебя разгадала, я тебя разгадала и отгородилась от тебя.*

Я прошла в спальню и посмотрела на кровать. Думала, она напугает меня, будто ребенка, который боится, что в шкафу прячется бука, но кровать была просто кровать. Я знала, что ничего делать не стану, и мне стало легче. Ну, я сняла с нее все, и на простыне опять были липкие пятна, которые еще только подсыхали, словно он проснулся час назад распаленный и облаготворил себя.

Увидела их и подождала, проверяя, почувствую ли я что-нибудь. И ничегошеньки. Просто следок мужчины с письмом и без почтового ящика со щелью, куда это письмо сунуть, каких мы с тобой навидались сотни и сотни. Эта старуха была такой же брухой, как я. Может, я беременна, может — нет, но если да, то ребенок — Джонни и никого больше. Он был единственным мужчиной, с которым я спала, и на простынях не было этого белого — да и где угодно еще, если на то пошло — ничего не изменится.

День был пасмурный, но едва я подумала это, как из туч выглянуло солнце, будто Бог сказал свое «аминь». Не помню, чтобы я когда-нибудь еще испытала такое облегчение. Стою там, благодарю Бога, что все в порядке, и вперемешку с молитвой сгребаю это с простыни — сколько удавалось, — сую себе в рот и проглатываю.

Будто опять я себя видела со стороны. И что-то во мне говорило: *Ты совсем чокнулась, девонька, если занимаешься этим, а он за стеной сидит. Он же может в любую секунду встать и пойти в ванную облегчиться. И увидит тебя. Ковры здесь такие мягкие, что его шагов ты не услышишь. И тут*

конец твоей работе в «Ле Пале», да и в любом другом нью-йоркском отеле, если на то пошло. Девушке, которую застукали за таким вот занятием, горничной в этом городе больше уже никогда не работать. Во всяком случае, в сколько-нибудь порядочном отеле.

Но это не помогло. Я продолжала, пока не соскребла все — или, может, когда что-то во мне насытилось. А потом я просто стояла и смотрела на простыню. В соседней комнате вроде бы все было тихо, и тут до меня дошло, что он стоит в дверях у меня за спиной. И я знала, какое выражение увижу на его лице. Когда я девочкой была, в Бэбилон каждый август приезжал бродячий цирк, и у них был человек — то есть я думаю, что он был человек, — которого показывали отдельно в яме позади шатра, будто дикаря. И кто-то из циркачей объяснял, что он — Недостающее Звено, и бросал туда живую курицу. А этот ихний дикарь откусывал ей голову. Как-то раз мой старший брат — Брэдфорт, он погиб в автокатастрофе в Билоукси — сказал, что пойдет посмотреть дикаря. Отец сказал, что ему жаль это слышать, но прямо запрещать не стал, потому что Брэду было девятнадцать и он считался взрослым. Он пошел, а мы с Кисси не могли дождаться, чтобы расспросить его, но когда он вернулся и мы увидели у него на лице это выражение, то даже рта не раскрыли.

Вот такое же выражение я и думала увидеть на лице мистера Джеффриса, когда обернусь и увижу его в дверях. Ты понимаешь, о чем я?

Дарси кивнула.

— Я же знала, что он стоит там, — знала, и все. Наконец я собралась с духом, чтобы обернуться. Думала умолять его ничего не говорить старшей горничной — на коленях умолять, если понадобится... А его там не оказалось. С самого начала — только мое виноватое сердце, и ничего больше. Я подошла к двери и увидела, что он все еще пишет в блокноте даже быстрее, чем раньше. А потому я сменила белье на постели и прибрала спальню, как обычно, но чувство, будто я за стеклянной стеной, стало даже еще сильнее.

Грязные полотенца и постельное белье я, как положено, вынесла в коридор через дверь спальни. Самое первое, что я себе на носу зарубила, когда начала работать в отеле, было: ни в коем случае не выносить грязное белье из спальни номера через гостиную. Потом я вернулась туда, где был он. Хотела сказать ему, что гостиную уберу попозже, но когда я увидела, как он себя ведет, то от удивления остановилась на пороге. Стою и слежу за ним.

А он ходит взад-вперед по комнате, да так быстро, что штанины желтой шелковой пижамы его по ногам хлещут. Пальцы в волосы запустил и крутит их по-всякому. Ну, прямо ученый математик на карикатурах, которые печатались в старой «Сатерди ивнинг пост». Глаза дикие, будто от какого-то потрясения. Я сразу подумала, что он все-таки видел меня в спальне, понимаешь? И его так затошнило, что он чуть не спятил.

Ну, оказалось, что ко мне это никакого отношения не имело... то есть он-то, во всяком случае, так не думал. Это был единственный раз, когда он заговорил со мной, а не просто попросил принести еще конвертов или настроить кондиционер. Заговорил со мной, потому что не мог иначе. Что-то с ним произошло... что-то очень важное, и ему надо было с кем-то поделиться, чтобы с ума не спятить, так мне кажется.

«У меня голова раскалывается», — говорит он.

«Я очень сожалею, мистер Джеффрис, — говорю. — Может, принести вам аспирину?..»

«Нет, — говорит он, — не в том дело. Эта идея... Словно бы я пошел удить форель, а выловил тунца. Я пишу книги, понимаете? Беллетристику».

«Да, сэр, мистер Джеффрис, — говорю я. — Я две читала, и, по-моему, они замечательные».

«Неужели? — говорит он и смотри на меня, как на свихнутую. — Ну, вы очень любезны. Сегодня утром я проснулся, и меня осенила идея».

Да, сэр, думаю я, *идея вас осенила, да такая горяченькая, да такая свеженькая, что просто выплеснулась на простыни.*

Но ее больше там нет, так что не тревожьтесь. И чуть не засмеялась вслух. Только, Дарси, думаю, не удержись я, он бы все равно не заметил.

«Я заказал завтрак, — говорит он и указывает на сервировочный столик у двери, — и пока ел его, обдумывал эту маленькую идею. Решил, что она подойдет для рассказа. Есть журнал, вы знаете... «Нью-Йоркер»... ну, да не важно». — Он не собирался объяснять про журнал «Нью-Йоркер» черной девчонке вроде меня, понимаешь?

Дарси ухмыльнулась.

— А он продолжает: «Но к тому времени, когда я кончил есть, получалось уже что-то вроде повести. А потом... когда я набросал еще кое-какие мысли... — Он засмеялся, визгливо так. — По-моему, у меня уже десять лет такой хорошей идеи не было. А может быть, и никогда. Как, по-вашему, могли два брата-близнеца — но не идентичные — во время Второй мировой войны сражаться друг с другом?»

«Ну, не в Тихом океане», — сказала я. Думаю, Дарси, в другое время у меня не хватило бы духа разговаривать с ним. Я бы просто стояла там и пялилась на него. Но у меня все еще было чувство, будто я за стеклом или словно зубной врач впрыснул мне новокаина, и он еще действует.

Он засмеялся, будто никогда ничего смешнее не слышал, и сказал: «Ха-ха! Нет, не там. Там такого произойти не могло. Другое дело в Европе. И они могли сойтись лицом к лицу в Арденнах».

«Ну, может быть...» — начала я, только тут он снова заметался по комнате, запустив руки в волосы, так что они дыбом встали.

«Я знаю, это смахивает на дешевую мелодраму, — сказал он, — на дешевую жвачку вроде «Под двумя флагами» или «Армандейла», но идея близнецов... и можно дать рациональное объяснение... вижу, как именно... — Он вихрем обернулся ко мне. — Произведет это драматическое впечатление?»

«Да, сэр, — ответила я. — Истории про братьев, которые не знают, что они братья, всем нравятся».

«Да, безусловно, — сказал он. — И позвольте добавить...» — Тут он замолчал, и я увидела, как на его лице

появилось странное выражение. Очень странное, но я прочитала его без запинки. Будто он очнулся и увидел, что наделал глупостей. Ну, как человек, который намазал лицо бритвенным кремом и начал бриться электробритвой. Он разговаривал с черномазой горничной о возможно самой лучшей его идее в жизни — с черномазой горничной в отеле, которая, конечно, считает замечательными книгами что-нибудь вроде «Края ночи». Он уже забыл, как я сказала ему, что прочла две его книги...

— Или думал, что ты просто подлизывалась, чтобы получить чаевые побольше, — заметила Дарси.

— Ага! Он именно так и смотрел на людей. Ну, это выражение так прямо и сказало, что до него, наконец, дошло, с кем он разговаривает. Только и всего.

«Думаю, я останусь тут подольше, — сказал он. — Скажи им в регистратуре, хорошо? — Он повернулся, чтобы снова начать расхаживать по комнате, и стукнулся коленом о сервировочный столик. — И убери отсюда это уродство, ладно?

«Вы хотите, чтобы я пришла попозже и...» — начала я.

«Да, да, да, да, — говорит он, — приходи попозже и делай что захочешь, но сейчас будь милашкой и убери отсюда все лишнее, включая себя».

Я так и сделала, и в жизни не испытывала облегчения больше, чем в ту минуту, когда дверь номера закрылась за мной. Я откатила сервировочный столик к стенке коридора. Завтрак был — сок, омлет с грудинкой, и я уже хотела пойти дальше, как вдруг вижу, что на его тарелке лежит гриб, отодвинутый к краю вместе с остатками омлета и кусочком грудинки. Я посмотрела на гриб, и у меня словно свет в голове вспыхнул. Я вспомнила гриб, который дала мне она, старая Мама Делорм, в пластмассовой коробочке. Я вспомнила, как нашла ее в кармане платья и куда я положила ее потом. Гриб на его тарелке выглядел совсем таким же — сморщенным, высохшим, будто это была поганка, а не съедобный гриб, и такая, от которой могло стать очень плохо.

Она посмотрела на Дарси.

— И он откусил часть этого гриба. Пожалуй, больше половины.

* * *

Дежурил тогда мистер Бакли, и я сказала ему, что мистер Джеффрис думает остаться подольше. Мистер Бакли сказал, что это, по его мнению, проблемы не составит, хотя мистер Джеффрис намеревался уехать как раз сегодня.

Тогда я пошла на кухню и потолковала с Бедилией Аароносон — ты ведь помнишь Бедилию — и спросила, не заметила ли она утром чего-нибудь странного. Бедилия спросила, о чем это я, а я сказала, что сама толком не знаю. Она говорит: «А почему ты меня спрашиваешь, Марти?», а я говорю, что лучше мне не объяснять. Она сказала, что в кухню никто не заходил, даже официант, обслуживающий номера, который клеится к подавальщице.

Я пошла к двери, и тут она говорит: «Разве что ты про старую даму-негритянку?»

Я повернулась к ней и спросила, что это была за старая дама-негритянка.

«Ну, — говорит Бедилия, — думаю, она с улицы зашла, уборную искала. Сюда по этой причине раза два в день кто-нибудь да заглянет. Негры иногда не спрашивают, как туда пройти, боятся, что швейцар их вышвырнет, пусть даже они хорошо одеты... а таких, ты, конечно, знаешь, не так уж мало. Ну, во всяком случае, эта бедная старая душа забрела сюда... — Она замолчала и посмотрела на меня. — Тебе нехорошо, Марта? Ты словно вот-вот без чувств хлопнешься».

«Не хлопнусь, — говорю. — А что она тут делала?»

«Да просто покрутилась немного, на сервировочные столики смотрела, будто не знала, куда зашла, — сказала Бедилия. — Бедная старушенция! Восемьдесят, не меньше... и вид такой — подуй ветер, и она сразу в небо взовьется, что твой змей... Марта, пойди сюда и сядь. Ты — ну прямо портрет Дориана Грея из кино».

«Как она выглядела? Да говори же!»

«Так я же и говорю. Старуха. Они для меня все на одно лицо. Правда, у этой был шрам на лице. До самых волос. Он...»

Дальше я ничего не услышала, потому что хлопнулась-таки в обморок.

Меня отпустили домой пораньше, и только я туда добралась, как меня потянуло выхаркнуть, и выпить воды побольше, и опять вывернуться над унитазом. Но пока я села к окну, выходящему на улицу, и побеседовала сама с собой.

Нет, то, что она со мной сделала, было не просто гипнозом. А чем-то гораздо сильнее гипноза. Я все еще вроде не верила в колдовство и все такое прочее, но что-то она со мной сотворила, тут уж никуда не денешься, и чем бы это ни было, мне оставалось только приспосабливаться. Уйти с работы я не могла — при муже, который на поверку оказался самым никудышным, и вроде бы с младенцем на подходе. Я даже не могла попросить о переводе на другой этаж. Года два назад попросила бы и не задумалась, но я знала, что меня прочат в помощницы старшей горничной десятого — двенадцатого этажей, а это означало прибавку. И еще важнее, это означало, что они почти наверное возьмут меня на прежнее место после родов.

У моей матери присловье было: *Если не можешь поправить — терпи.* Я подумала было сходить еще раз к этой чертовой ворожее и попросить, чтобы она сняла с меня то, что навела. Но почему-то я знала, что толку не будет. Она ж решила, что так для меня лучше, а уж если я за свою жизнь в чем и убедилась, Дарси, так это в том, что нельзя переубедить тех, кто вбил себе в голову, что оказывает тебе помощь.

Сижу я, думаю и смотрю на улицу, на людей, снующих туда-сюда, и вроде как задремала. Минут на пятнадцать, не больше, а когда проснулась, поняла еще кое-что. Старуха хотела, чтобы я продолжала делать то, что уже два раза сделала, а как бы я могла, если бы Питер Джеффрис уехал к себе в Бирмингем? А потому она пошла на кухню, обслуживающую номера, и положила гриб в его омлет, а он сжевал часть гриба, и у него появилась эта идея. И роман из нее вышел тот еще — «Мальчики в тумане» он назывался. Как он мне в тот день и сказал, про двух братьев-близнецов. Один был американским солдатом, а другой — немецким, и они сошлись в Арденнском сражении. И из его бестселлеров он стал самым бестселлерным.

Она помолчала и добавила:

— Про это я в его некрологе прочитала.

— Он остался еще на неделю. Каждое утро, когда я входила, он гнулся над столом все в той же пижаме и писал, писал в желтом блокноте. Каждый раз я спрашивала, не прийти ли мне попозже, а он отвечал, чтобы я убиралась в спальне, но только тихо. Головы не поднимал от блокнота, пока говорил. Каждое утро я входила, говоря себе, что не стану, и каждый день она была на простыне еще свеженькая, и каждое утро все мои молитвы, все обещания, которые я себе давала, что на этот раз не стану... не стану, летели в тартарары, а я опять принималась за то же. И это была вовсе не борьба с неотразимым соблазном, когда ты убеждаешь себя и так, и эдак, и потеешь, и трясешься, а просто будто секунда отключки, и глядишь — все уже сделано. Да, и каждое утро, когда я входила, он держался за голову, будто она раскалывалась. Ну и парочкой же мы были! Его одолевала моя утренняя тошнота, а меня его ночная лихорадка.

— Ты о чем? — спросила Дарси.

— По-настоящему над тем, чем занимаюсь, я задумывалась по ночам и отхаркивалась, и воду пила, и даже раза два-три меня выворачивало. Миссис Паркер так встревожилась, что мне пришлось сказать ей, что я вроде бы беременна, только ничего мужу говорить не хочу, пока не удостоверюсь точно.

Джонни Роузуолл, конечно, был на себе зациклен, сукин сын, но даже и он заметил бы, что со мной неладно, если бы не тащил свою рыбку из пруда — жирную такую форель, ограбление винного магазина, на который нацелился с дружками. Не то чтобы я про это знала, вот уж нет! Просто рада была, что он меня в покое оставляет. Одной заботой меньше.

А потом вхожу утром в номер одиннадцать шестьдесят три, а мистер Джеффрис съехал. Упаковал чемоданы и отбыл в свою Алабаму работать над своей книгой и вспоминать свою войну. Ох, Дарси! Просто выразить не могу, как я обрадовалась! Ну, будто Лазарь, когда понял, что дается ему пожить во второй раз. В то утро мне почудилось, что все

образуется, как в сказке: я скажу Джонни про маленького, и он возьмется за ум, бросит свои наркотики, найдет постоянную работу. Будет мне хорошим мужем и хорошим отцом своему сыну — я уже уверовала, что родится мальчик.

Пошла в спальню номера мистера Джеффриса и вижу: постель в полном беспорядке, как всегда, одеяла сбиты к изножью, а простыня спутана в ком. Иду туда снова точно во сне, расправляю простыню, а сама думаю: *Ну, ладно, если я должна, так пусть уж... но это последний раз.*

Но оказалось, что последний раз уже позади. На простыне он никаких следов от себя не оставил. Какие бы чары старая бруха на нас ни наложила, они свое дело сделали и исчезли. *Все неплохо,* думаю. *У меня будет маленький, у него — книга, и оба мы свободны от ее колдовства. И мне плевать на подлинных отцов, лишь бы Джонни был хорошим папкой тому, которого я жду.*

— В тот же вечер я сказала Джонни, — продолжала Марта, а затем добавила сухо: — Он в восторг не пришел, как, думаю, ты уже знаешь. — Дарси кивнула. — Раз пять врезал мне ручкой швабры, а когда я забилась в угол, встал надо мной и орет: «Ты что — спятила? Никаких детей! Ты совсем чокнулась!» — Тут он повернулся и вышел.

Я лежала и думала о первом выкидыше, и жуть как боялась, что вот-вот начнется боль и мне не миновать второго. Вспомнила, как мама мне писала, чтобы я уехала от него, пока он меня в больницу не уложил, как Кисси мне прислала билет на автобус с «УЕЗЖАЙ СЕЙЧАС ЖЕ» на конверте. А когда поняла, что сохраню малыша, я встала, чтобы упаковать чемодан и убраться оттуда подальше — сразу же, пока он не вернулся. Но не успела я открыть дверцу шкафа, как снова вспомнила Маму Делорм. Вспомнила, как сказала ей, что уйду от Джонни, а она сказала: «Нет, уйдет от тебя он. Ты его проводишь, вот и все. Кое-какие деньжата найдутся. Ты боишься, он невзлюбит младенца, да только его-то тут не будет».

Будто она рядом стоит и говорит мне, чего ждать и что делать. Шкаф я открыла, но о своей одежде позабыла, а на-

чала его пиджаки и брюки обыскивать. И нашла кое-что в том же чертовом спортивном пиджаке, в котором отыскала пузырек с «белым ангелом». Пиджак этот был самый его любимый, и, по-моему, по нему можно было узнать о Джоне Роузуолле всю подноготную. Из яркого атласа... дешевый-предешевый на вид. Я его не терпела. Нашла я на этот раз не пузырек с наркотиком. А в одном кармане — опасную бритву и дешевый пистолетишко — в другом. Вытащила я пистолет, гляжу на него, и нашло на меня то же чувство, какое накатывало в те разы в спальне номера мистера Джеффриса — будто я что-то делаю, едва пробудившись от тяжелого сна.

Я пошла на кухню с пистолетом в руке и положила его на узенький столик у плиты. Потом открыла навесной шкафчик и пошарила позади пакетиков с пряностями и чаем. Сначала никак не могла нащупать того, что она мне дала. И такой на меня ужас навалился! Перепугалась так, как только во сне пугаются. Тут моя ладонь легла на коробочку, и я взяла ее.

Открыла и вынула гриб. Отвратительный, слишком тяжелый для своей величины и *теплый*. Будто держишь кусок тела, еще живого. То, чем я занималась в спальне мистера Джеффриса? Говорю тебе, я бы это еще хоть двести раз повторила, лишь бы мне больше этот гриб в руки не брать.

Держу гриб в правой руке, а левой беру со столика этот дешевый пистолетишко двадцать второго калибра. И тут сжимаю правую руку в кулак, как могу туже, и чувствую, как гриб у меня в кулаке хлюпнул, и похоже это было... знаю, что поверить этому трудно... похоже было, будто он застонал. Ты веришь, что может быть такое?

Дарси медленно покачала головой. Она, собственно, не знала, верит или нет, но в одном была абсолютно убеждена: она верить не хотела.

— Ну и я не верю. Только вот очень на это похоже было. И еще одному ты не поверишь, а я верю, потому что своими глазами видела: из него кровь потекла. Из этого гриба кровь потекла. Я увидела, как из моего кулака кровь закапала на

пистолет. И сразу исчезала, как только касалась ствола. Потом перестала капать. Разжимаю кулак, думаю, там полно крови, а там только гриб, весь сморщенный, с вдавленностями от моих пальцев. А крови ни на грибе, ни на моей ладони, и вообще нигде. И чуть я подумала, что просто я умудрилась стоя задремать и увидеть сон, как чертова штука задергалась у меня в руке. Гляжу на него и вижу, не гриб это вовсе, а маленький такой член, и еще живой. Подумала я о крови, которая закапала из моего кулака, когда я его сжала, и вспомнила ее слова: «Всякого ребенка, которого женщина получает, мужчина выстреливает из своего причиндала». А он снова задергался. Говорю тебе: он дергался! Я закричала и бросила его в мусорное ведро. И слышу: Джонни поднимается по лестнице. Я схватила его пистолет, кинулась в спальню и сунула назад в карман пиджака. Потом забралась на кровать — совсем одетая, даже туфель не скинула — и натянула одеяло под подбородок. Он входит, и вижу не с добром. В руке держит выбивалку для ковров. Не знаю, где он ее раздобыл, а вот для чего, я знала.

«Не будет младенца, — говорит он. — А ну иди сюда!»

«Да, — говорю ему. — Младенца не будет. И эта палк тебе ни к чему. Ты уже о младенце позаботился, дерьмо пс ганое».

Я знала, что обозвать его так — опасно, но подумала, чт это его убедит. И убедило. Бить меня не стал, и по его роже расползлась эта его пьяная ухмылочка. Такой ненависти к нему, как в ту минуту, я еще никогда не испытывала, можешь мне поверить.

«Выкинула?» — спрашивает.

«Выкинула», — говорю.

«А где же все это?» — спрашивает.

«А по-твоему, где? — говорю. — Плывет по Ист-ривер, где же еще!»

Тут он подходит и примеривается меня поцеловать, ты только подумай! Поцеловать! Я отвернула голову, и он меня по щеке хлестнул, но не сильно.

«Увидишь, я лучше знаю, — говорит. — А попозже будет время и для детей».

Тут он снова ушел. А на третью ночь он и его дружки попробовали взять тот винный магазин, и его пистолет разорвался у него в руке и убил его.

— Ты думаешь, ты заколдовала пистолет, верно? — сказала Дарси.

— Нет, — спокойно ответила Марта. — Заколдовала она... через меня, так сказать. Увидела, что сама я себе помогать не стану, вот и заставила меня.

— Но ты думаешь, что пистолет был заклят, так?

— Не просто думаю, — ответила Марта невозмутимо.

Дарси пошла на кухню налить себе стакан воды. У нее вдруг пересохло во рту.

— Вообще-то вот и все, — сказала Марта. — Джонни умер, а я родила Пита. Только когда мне пришлось оставить работу из-за беременности, я узнала, сколько у меня друзей. Пойми я это раньше, наверное, ушла бы от Джонни... а может, и нет. Никто ведь из нас не знает, что делается и почему, что бы мы там ни думали и ни говорили.

— Но это же еще не все, верно? — спросила Дарси.

— Ну, две подробности остались, — сказала Марта. — Так, пустяки.

Но Дарси подумала, что, судя по ее лицу, это не такие уж пустяки.

— Я снова пошла к Маме Делорм месяца через четыре после рождения Пита. Не хотела идти, но пошла. У меня с собой в конверте было двадцать долларов. Такой расход мне был не по карману, но почему-то я знала, что это ее деньги. Было темно. Лестница казалась даже уже, чем прежде, и чем выше я поднималась, тем сильнее я чуяла ее и запах ее комнаты — свечных огарков и пересохших обоев, и коричный запах ее чая.

И в последний раз накатило на меня это чувство, будто я во сне, будто я за стеклянной стеной. Подхожу к ее двери и стучусь. Никакого ответа, и я еще раз постучала. Опять ответа нет, ну, я и стала на колени, чтобы конверт под дверь подсунуть. И тут ее голос раздается сквозь дверь, будто она с той стороны тоже на колени встала. В жизни я так не пу-

галась, как в ту секунду, когда этот старый шелестящий голос донесся до меня через щелку под дверью.

«Он будет хорошим мальчиком, — говорит она. — Будет совсем таким, как его отец, его подлинный отец».

«Я вам кое-что принесла», — говорю я и почти не слышу своего голоса.

«Подсунь сюда, деточка», — шепчет она. Я просунула конверт наполовину, и тут она втянула его внутрь. Я услышала, как она разорвала конверт, и жду. Жду, и все.

«В самый раз, — шепчет она. — А теперь уходи отсюда, деточка, и больше к Маме Делорм никогда не приходи, слышишь?»

Я встала с колен и пустилась бежать оттуда во всю мочь.

Марта отошла к книжному шкафу и тут же вернулась с книгой в переплете. Дарси сразу заметила сходство между рисунком на ее суперобложке и рисунком на суперобложке книги Питера Роузуолла. «Огонь Небес» Питера Джеффриса, и на обложке два американских солдата бегут к вражескому доту. Один замахивается гранатой, другой стреляет из автомата. Марта порылась в голубой хозяйственной сумке, достала роман своего сына, сняла папиросную бумагу и бережно положила ее рядом с романом Джеффриса. «Огонь Небес», «Огонь Славы». Когда они оказались рядом, не заметить сходства было невозможно.

— Да... — с сомнением сказала Дарси. — Они по виду совсем одинаковые. А по содержанию? Тоже... ну...

Она замолчала, смутившись, и покосилась на Марту из-под ресниц. И с облегчением увидела, что Марта улыбается.

— Ты спрашиваешь, не списывал ли мой мальчик с книги этого беломазого? — спросила Марта без малейшей досады.

— Нет! — сказала Дарси, возможно, с излишним жаром.

— Только что обе они про войну, а в остальном — ничего похожего. Они такие же разные, как... ну, такие же разные, как черное и белое. — Помолчав, она добавила: — Но ме-

стами и в той и в той есть одинаковое такое ощущение... будто что-то такое, что ты вот-вот поймаешь за углом. То солнечное, про которое я тебе говорила, то чувство, что мир нередко гораздо лучше, чем кажется, и особенно чем кажется тем людям, которые слишком себе на уме, чтобы быть добрыми.

— Но разве не может быть, что Питер Джеффрис вдохновил твоего сына... что он читал его в колледже и...

— Само собой, — сказала Марта. — Думаю, мой Пит читал книги Джеффриса. Очень даже может быть, хотя бы потому, что похожее тянется к похожему. Но есть и еще кое-что, чему найти объяснение потруднее.

Она взяла роман Джеффриса, задумчиво посмотрела на него, потом посмотрела на Дарси.

— Я ее купила через год после рождения Пита, — сказала она. — Она все еще издавалась, хотя магазин должен был посылать в издательство специальный заказ. И когда мистер Джеффрис снова приехал, я набралась храбрости и спросила, не надпишет ли он его мне. Я думала, моя просьба его рассердит, но, по-моему, ему приятно было. Вот погляди.

Она открыла «Огонь Небес» на странице с посвящением.

Дарси прочла напечатанные строки, и у нее словно бы что-то раздвоилось в сознании. *«Эта книга посвящается моей матери, АЛТЕЕ ДИСМОНТ ДЖЕФФРИС, самой чудесной женщине, какую я только знаю»*. А ниже Джеффрис написал черными чернилами, которые теперь заметно выцвели: «Марте Роузуолл, которая убирает за мной и никогда не жалуется». Ниже он расписался и поставил дату: *«Август, 1961»*.

Чернильные слова сначала показались Дарси пренебрежительными, но тут же она ощутила в них нечто загадочное. Однако не успела разобраться в своих мыслях, потому что Марта открыла книгу своего сына «Огонь Славы» на странице с посвящением и положила ее рядом с книгой Джеффриса. Дарси еще раз прочла печатное посвящение: *«Эта книга посвящается моей матери, МАРТЕ РОУЗУОЛЛ. Мам, без тебя я ее не написал бы»*. А ниже он добавил авторучкой: *«И это не ложь. Люблю тебя, мам. Пит»*.

Точнее сказать, Дарси не перечитывала эти строки, а просто смотрела на них. Ее взгляд метался туда-сюда, туда-сюда между двумя страницами — той, которая была надписана в августе 1961 года, и той, которая была надписана в апреле 1985 года.

— Увидела? — негромко спросила Марта.

Дарси кивнула. Да, она увидела.

Тонкий, косой, чуть старомодный почерк на обеих страницах был одним и тем же... как и напечатанные посвящения были одинаковыми, пусть любовь и близость выражались в них разными словами. Различие было только в тоне надписей чернилами, решила Дарси, различие такое же четкое, как различие между черным и белым.

СКРЕБ-ПОСКРЕБ

В квартире в Куинз Говард Милта, не слишком известный нью-йоркский дипломированный бухгалтер, жил с женой, но в тот момент, когда впервые раздалось это поскребывание, пребывал в гордом одиночестве. Виолет Милта, еще менее известная медсестра нью-йоркского дантиста, досмотрев выпуск новостей, отправилась в магазин на углу за пинтой мороженого. После новостей началась программа «Риск»*, которая ей не нравилась. Она говорила, что терпеть не может Алекса Требека, который напоминал ей продажного евангелиста, но Говард знал истинную причину: во время телевикторины она чувствовала себя полной дурой.

Поскребывание доносилось из ванной, дверь в нее находилась в коротком коридоре, который вел в спальню. Говард замер, едва услышав посторонний звук. Сообразил, что это не наркоман и не грабитель: два года назад, за собственный счет, он установил на окно в ванной крепкую решетку. Скорее в раковине или ванне скреблась мышь. А то и крыса.

Он подождал, слушая первые вопросы, в надежде что поскребывание прекратится само по себе, но не сложилось. И как только началась рекламная пауза, он с неохотой поднялся с кресла и направился к ванной. Дверь осталась при-

---

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

* «Риск» — телевикторина, состоит в отгадывании ответа к предлагаемому вопросу и требует от участников высокой эрудиции. Идет с 1974 г. На российском телевидении выходит под названием «Своя игра».

открытой, так что неприятный звук с приближением к его источнику только усилился.

Теперь он практически не сомневался, что издает звук мышь или крыса, царапая фаянс или эмаль маленькими коготками.

— Черт, — пробормотал Говард и потопал на кухню.

Там, в зазоре между газовой плитой и холодильником, стояли главные орудия уборки: швабра, ведро с тряпками, метла и совок. Говард в одну руку взял совок, в другую — метлу. Вооружившись, безо всякого энтузиазма вновь пересек маленькую гостиную, держа курс на ванную. Вытянул шею. Прислушался.

Скреб, скреб, скреб-поскреб.

Очень тихий звук. Наверное, не крыса. Однако внутренний голос советовал настраиваться на худшее. Не просто на крысу, а на нью-йоркскую крысу, отвратительное, волосатое существо с маленькими черными глазками и длинными, жесткими, как проволока, усами, торчащими под верхней V-образной губой. Крысу, которая требовала должного отношения.

Звук тихий, не такой уж неприятный, но...

За его спиной Алекс Требек задавал очередной вопрос: «Этого русского безумца застрелили, зарезали и задушили... в одну ночь».

— Это Ленин, — предположил один из участников телевикторины.

— Это Распутин, бестолковка, — пробормотал Говард Милта. Переложил совок в ту руку, что держала метлу, свободную руку сунул в щель между дверью и косяком, нащупал на стене выключатель. Зажег свет и подскочил к ванне, расположенной в углу под окном. Он ненавидел крыс и мышей, ненавидел этих маленьких тварей, которые пищали и скреблись (иногда и кусались), но еще ребенком усвоил простую истину: если от одной из них надо избавиться, делать это надо быстро. Сидеть в кресле и прикидываться, что поскребывание ему прислышалось, не имело смысла. По ходу выпуска новостей Ви уговорила пару бутылок пива, и он знал, что, по возвращении из магазина, первой ее остановкой станет ванная. А увидев мышь, она поднимет дикий крик

и потребует, чтобы он выполнил свой мужской долг. Так что ему все равно пришлось бы избавляться от мерзкого животного, но в спешке.

В ванне он обнаружил только душевую головку. Подсоединенный к ней шланг изогнулся на белой эмали, словно дохлая змея.

Поскребывание прекратилось то ли когда Говард включил свет, то ли когда вошел в ванную, но теперь послышалось вновь, за его спиной. Говард повернулся и шагнул к раковине, поднимая метлу.

Пальцы, сжимающие рукоятку, поднялись на уровень подбородка и замерли. А вот нижняя челюсть отвисла. Если б он взглянул на свое отражение в заляпанном зубной пастой зеркале над раковиной, то увидел бы капельки слюны, поблескивающие между языком и нёбом.

Из сливного отверстия раковины торчал палец.

Человеческий палец.

Он тоже застыл, словно почувствовал, что его заметили, а потом вновь задвигался, ощупывая розовый фаянс. Набрел на белую резиновую затычку, перевалил через нее, опять спустился на фаянс. Так что мышь не имела к поскребыванию никакого отношения. Звук этот возникал при контакте ногтя и фаянса.

Из горла Говарда вырвался хриплый вскрик, он выронил щетку, рванул к двери, но угодил плечом о выложенную кафелем стену. Предпринял вторую попытку. На этот раз удачную. Захлопнул за собой дверь, привалился к ней спиной, тяжело дыша. Сердце билось так сильно, что удары отдавались в горле.

Наверное, у двери он простоял не очень долго — когда он вновь смог контролировать свои действия и мысли, Алекс Требек все еще задавал троим участникам телевикторины вопросы одинарной игры, но в этот период времени сознание у него словно отключилось: Говард не мог сказать, ни кто он, ни где находится.

Из ступора его вывел гонг, означающий, что начинается двойная игра и очки за каждый правильный ответ удваиваются.

— Категория «Космос и авиация», — говорил Алекс. — На вашем счету семьсот долларов, Милдред. Сколько вы хотите поставить?

Милдред, которой эта категория явно не нравилась, пробормотала что-то невразумительное.

Говард отошел от двери и вернулся в гостиную на негнущихся ногах. В руке он все еще держал совок. Посмотрел на него, разжал пальцы. Совок упал на ковер, подняв облачко пыли.

— Я этого не видел, — дрожащим голосом изрек Говард Милта и плюхнулся в кресло.

— Хорошо, Милдред, вопрос на пятьсот долларов: эта база ВВС США первоначально называлась Майрокская испытательная площадка.

Говард уставился на телеэкран. Милдред, маленькая серая мышка со слуховым аппаратом, торчащим из-за одного уха, глубоко задумалась.

— Это... авиабаза Ванденберг? — спросила Милдред.

— Это авиабаза Эдвардс, тупица, — дал свой вариант ответа Говард. И в тот самый момент, когда Алекс Требек подтверждал его правоту, пробормотал: — Я ничего там не видел.

Но до возвращения Виолет оставалось совсем ничего, а он бросил щетку в ванной.

Алекс сказал участникам телевикторины, а заодно и зрителям, что еще ничего не решено и в ходе двойной игры положение участников может меняться за считаные секунды. И тут же на экране появилась физиономия политика, который начал объяснять, почему его необходимо переизбрать. Говард, собрав волю в кулак, поднялся на ноги. Они уже начали немного гнуться, но ему все равно не хотелось идти в ванную.

Послушай, сказал он себе, *все это более чем просто. Такое случается. Ты испытал мгновенную галлюцинацию, скорее всего для многих это обычное дело. И ты слышал бы о подобных случаях гораздо чаще, если бы люди не стеснялись об этом говорить... Видеть галлюцинации почему-то считается неприличным. Вот и тебе не хочется об этом говорить. Но если Ви*

вернется и обнаружит щетку в ванной, она начнет допытываться, с чего она там взялась.

— Послушайте, — сочным баритоном убеждал политик зрителей, — когда мы смотрим в корень, ситуация становится предельно простой: или вы хотите, чтобы во главе статистического бюро округа Нассау стоял честный, компетентный специалист, или вы хотите человека со стороны, который будет отрабатывать деньги, полученные на предвыборную кампанию...

— Готов спорить, это был воздух в трубах, — сказал себе Говард, хотя звук, заставивший его заглянуть в ванную, не имел ни малейшего сходства с бурчанием в трубах. Но собственный голос, уже не дрожащий, взятый под контроль, придал ему уверенности.

А кроме того... Ви могла вернуться с минуты на минуту.

Говард остановился у двери, прислушался.

Скреб, скреб, скреб. Где-то там слепой мальчик-с-пальчик постукивал палочкой по фаянсу, нащупывая путь к нужному ему месту.

— Воздух в трубах! — громко отчеканил Говард и смело распахнул дверь в ванную. Наклонился, схватил щетку, дернул на себя. Ему пришлось зайти в ванную только на два шага, и он не увидел ничего, кроме выцветшего, бугристого линолеума да забранной сеткой вентиляционной шахты. И уж конечно, он не стал смотреть в раковину.

Очутившись за дверью, он вновь прислушался.

Скреб, скреб. Скреб-поскреб.

Он поставил щетку и совок в зазор между газовой плитой и холодильником, вернулся в гостиную. Постоял, глядя на дверь в ванную. Он оставил ее приоткрытой, так что по полу вытянулась желтая полоса.

Лучше бы погасить свет. Ты знаешь, как воспринимает Ви перерасход электроэнергии. Для этого даже не нужно входить в ванную. Достаточно просунуть руку в щель и повернуть выключатель.

А вдруг что-то коснется его руки, когда он потянется к выключателю?

Вдруг чей-то палец коснется его пальца?

Как насчет этого, мальчики и девочки?

Он по-прежнему слышал этот звук. Навязчивый, неумолимый звук. Сводящий с ума.

Скреб. Скреб. Скреб.

На экране Алекс Требек зачитывал категории Двойного риска. Говард шагнул к телевизору и прибавил звук. Сел в кресло и сказал себе, что не слышал в ванной никаких посторонних звуков, абсолютно никаких. Разве что воздух урчал в трубах.

Ви Милта относилась к той категории женщин, которые выглядят как хрупкие сосуды и могут рассыпаться при неосторожном прикосновении, но Говард прожил с ней двадцать один год и знал, сколь обманчива эта хрупкость. Она ела, пила, работала, танцевала и трахалась в одной и той же манере: con brio*. Вот и теперь она ураганом ворвалась в квартиру с большим пакетом из плотной коричневой бумаги, который прижимала к груди. Без остановки проскочила на кухню. Говард услышал, как захрустел пакет, открылась и закрылась дверца холодильника. На обратном пути она бросила Говарду пальто.

— Повесишь, а? Я хочу пи-пи. Просто невтерпеж. Уф!

«Уф!» Одно из любимых выражений Ви. Имело массу всяких и разных значений.

— Конечно, Ви. — Говард медленно поднялся с темно-синим пальто Ви в руках. Проводил ее взглядом. Вот она прошла по коридору, открыла дверь ванной. Обернулась, прежде чем скрыться за ней.

— «Кон Эд»** обожает тех, кто не гасит свет, Гоуви.

— Я его специально зажег, — ответил Говард. — Знал, что ты первым делом заглянешь туда.

Она рассмеялась. Он услышал, как зашуршала ее одежда.

— Ты так хорошо меня знаешь. Это признак того, что мы по-прежнему любим друг друга.

---

* Con brio — стремительно (*ит.*).

** «Кон Эд» — «Консолидейтид Эдисон» — компания коммунального электроснабжения, монопольно обслуживающая северо-восток США.

Надо сказать ей... предупредить, подумал Говард, но знал, что у него не повернется язык. Да и что он мог сказать? Осторожно, Ви, из сливного отверстия раковины торчит палец, поэтому будь осторожна, а не то парень, которому принадлежит палец, ткнет тебя в глаз, когда ты захочешь набрать стакан воды.

И потом, это же была галлюцинация, обусловленная урчанием воздуха в трубах и его страхом перед крысами и мышами.

Тем не менее он так и застыл с пальто Ви в руках, ожидая, что она закричит. Так и произошло, десять или двенадцать секунд спустя.

— Боже мой, Говард!

Говард подпрыгнул, еще крепче прижал пальто к груди. Сердце, уже совсем успокоившееся, резко ускорило свой бег. На несколько мгновений он даже лишился дара речи, но потом сумел-таки прохрипеть: «Что? Что, Ви? Что такое?»

— Полотенца! Половина полотенец на полу! Уф! Что тут у тебя произошло?

— Я не знаю! — крикнул он в ответ. Сердце все колотилось да еще скрутило живот, то ли от ужаса, то ли от облегчения. Наверное, он сбросил полотенца на пол при первой попытке выскочить из ванной, когда врезался в стену.

— Должно быть, домовой. Ты уж не подумай, что я тебя пилю, но ты опять забыл опустить сиденье.

— О... извини.

— Да, ты всегда так говоришь, — донеслось из ванной. — Иногда я думаю, что ты хочешь, чтобы я провалилась в унитаз и утонула. И я чуть не провалилась! — Сиденье легло на унитаз, Ви уселась на него. Говард ждал — с часто бьющимся сердцем, с пальто Ви, прижатом к груди.

— Он держит рекорд по числу страйк-аутов* в одном розыгрыше, — зачитал Алекс Требек очередной вопрос.

---

* Страйк-аут — в бейсболе три страйка бэттера засчитываются как аут. Страйк — пропущенный бэттером удар: засчитывается, если бэттер промахивается по правильно поданному питчером мячу или бьет по неправильно поданному мячу.

— Том Сивер? — без запинки выстрелила Милдред.

— Роджер Клеменс, дубина, — поправил ее Говард.

Гр-р-р-р! Ви спустила воду, и наступил момент, которого Говард ждал (подсознательно) со все возрастающим ужасом. Пауза длилась, длилась и длилась. Наконец скрипнул вентиль горячей воды (Говард давно собирался поменять его, но все не доходили руки), полилась вода, Ви начала мыть руки.

Никаких криков.

Естественно — пальца-то не было.

— Воздух в трубах, — уверенно изрек Говард и двинулся в прихожую, чтобы повесить пальто жены.

Она вышла из ванной, поправляя юбку.

— Я купила мороженое. Клубнично-ванильное, как ты и хотел. Но, прежде чем мы приступим к мороженому, почему бы тебе не выпить со мной пива, Говуи? Какой-то новый сорт. Называется «Американское зерновое». Никогда о нем не слышала. Его продавали на распродаже, вот я и купила упаковку. Кто не рискует, тот не выигрывает, или я не права?

— Трудно сказать. — Любовь Ви ко всяким присказкам и поговоркам поначалу очень ему нравилась, но с годами приелась. Однако со всеми этими страхами, которые ему пришлось пережить, пиво могло прийтись очень даже кстати. Ви ушла на кухню, чтобы принести ему стакан с ее новым приобретением, а Говард внезапно осознал, что страхи-то никуда не делись. Конечно, лучше уж видеть галлюцинацию, чем настоящий живой палец, торчащий из сливного отверстия раковины, но ведь и галлюцинация — тоже не подарок, скорее тревожный симптом.

Говард в который уж раз за вечер сел в кресло. И когда Алекс Требек объявлял финальную категорию, «Шестидесятые», думал о различных телепередачах, в которых подробно объяснялось, что галлюцинации свойственны: а) больным эпилепсией; б) страдающим опухолью мозга. И таких передач он видел очень даже много.

Ви вернулась в гостиную с двумя стаканами пива.

— Знаешь, не нравятся мне вьетнамцы, которые хозяйничают в магазине. И никогда не нравились. Я думаю, они подворовывают.

— А ты их хоть раз поймала? — Сам-то он думал, что хозяева магазина — вполне приличные люди, но сегодня его нисколько не волновал их моральный облик.

— Нет, — ответила Ви. — Ни разу. И это настораживает. Опять же, они все время улыбаются. Мой отец частенько говорил: «Никогда не доверяй улыбающемуся человеку». Он также говорил... Говард, тебе нехорошо?

— Так что он говорил? — Говард предпринял слабую попытку поддержать разговор.

— Tres amusant, cheri*. Ты стал белым как молоко. Может, ты заболел?

Нет, едва не сорвалось у него с языка, *я не заболел. Потому что заболел — это мягко сказано. Речь-то идет не о простуде или гриппе. Я думаю, что у меня эпилепсия или опухоль мозга, Ви. Ты понимаешь, чем это чревато?*

— Наверное, от переутомления. Я рассказывал тебе о нашем новом клиенте. Больнице Святой Анны.

— И что там такое?

— Настоящее крысиное гнездо, — ответил он и тут же вспомнил о раковине и сливном отверстии. — Монахинь нельзя подпускать к бухгалтерии. Об этом следовало написать в Библии.

— А все потому, что ты позволяешь мистеру Лэтропу гонять тебя в хвост и в гриву. И так будет продолжаться, если ты не сможешь постоять за себя. Хочешь допрыгаться до инфаркта?

— Нет. — *И я не хочу допрыгаться до эпилепсии или опухоли мозга. Пожалуйста, Господи, пусть все ограничится одним разом. Ладно? Что-то там мне привиделось, но больше этого не повторится. Хорошо? Пожалуйста. Очень Тебя прошу. Просто умоляю.*

— Разумеется, не хочешь. — Лицо ее стало серьезным. — Арлен Кац на днях сказала мне, что мужчины моложе пя-

* Поразительно, дорогой (*фр.*).

тидесяти практически никогда не выходят из больницы, если попадают туда с инфарктом. А тебе только сорок один. Пора тебе научиться постоять за себя, Говард. Очень уж ты прогибаешься.

— Наверное, ты права, — с грустью согласился он.

Тем временем закончилась рекламная пауза, и Алекс Требек задал финальный вопрос: «Эта группа хиппи пересекла Соединенные Штаты в одном автобусе с писателем Кеном Кизи». Заиграла музыка, двое мужчин принялись что-то лихорадочно записывать, Милдред, женщина с торчащим из-за уха слуховым аппаратом, пребывала в полной растерянности. Наконец и она начала что-то писать. Но чувствовалось, что плодотворных идей у нее нет.

Ви приложилась к стакану.

— Слушай, а неплохое пивко! Учитывая, что упаковка стоит всего два доллара и шестьдесят семь центов.

Говард поднес стакан ко рту. Ничего особенного, пиво как пиво. Разве что мокрое, холодное... и успокаивающее.

Оба мужчины выстрелили в молоко. Милдред тоже ошиблась, но хотя бы двигалась в правильном направлении.

— Это «Веселые люди»?

— «Веселые проказники», глупышка, — поправил ее Говард.

Ви восхищенно посмотрела на него.

— Ты знаешь все ответы, Говард, верно?

— Если бы, — вздохнул он.

Говард не чувствовал вкуса пива, но в тот вечер уговорил три банки «Американского зернового». Ви даже добродушно отметила, что ей, похоже, следовало брать две упаковки. Но Говард надеялся, что пиво поможет ему быстрее заснуть. Он опасался, что без этой помощи будет долго лежать без сна, думая о том, что ему привиделось в раковине. Но, как часто говорила ему Ви, в пиве было много витамина Р, и в половине девятого, после того как Ви отправилась в спальню надевать ночную рубашку, Говард с неохотой прошествовал в ванную облегчиться.

Первым делом он подошел к раковине, заставил себя заглянуть в нее.

Ничего.

На душе полегчало (в конце концов лучше галлюцинация, чем настоящий палец, несмотря на опасность опухоли мозга), но смотреть в сливное отверстие все равно не хотелось. Латунная крестовина, которая предназначалась для того, чтобы задерживать волосы или шпильки, давно уже куда-то подевалась, так что осталась лишь черная дыра, окантованная потускневшим стальным кольцом. Дыра эта чем-то напоминала пустую глазницу.

Говард взял резиновую затычку и заткнул дыру.

Так-то лучше.

Он отошел от раковины, поднял туалетное сиденье (Ви постоянно жаловалась, что он забывает опустить сиденье, справив малую нужду, но не считала необходимым поднять сиденье, сделав свои дела), расстегнул штаны. Он относился к тем мужчинам, у которых незамедлительное опорожнение мочевого пузыря начиналось лишь в случае крайнего его переполнения (и которые не могли пользоваться переполненными общественными туалетами: мысль о том, что позади стоят люди, которым не терпится отлить, перерывала мочеиспускательный канал). Поэтому он занялся привычным делом, каким занимался всегда в промежуток времени, отделявший нацеливание инструмента от выброса струи: перебирал в уме простые числа.

Дошел до тринадцати, почувствовал, что сладостный момент близок, но за спиной что-то чвакнуло. Его мочевой пузырь, раньше мозга осознавший, что звук этот вызван затычкой, которую вышибло из стального кольца, резко (и болезненно) перекрыл мочеиспускательный канал. Единственная капелька мочи сиротливо капнула в унитаз, после чего пенис скукожился в его руке, словно черепаха, забирающаяся под панцирь.

Говард медленно, нетвердым шагом вернулся к раковине. Заглянул в нее.

Палец вернулся. Очень длинный, но в общем-то нормальный человеческий палец. Говард видел ноготь, не об-

грызенный, обычной длины, и две первые фаланги. У него на глазах палец вновь принялся постукивать по фаянсу, знакомясь с окружающим сливное отверстие пространством.

Говард наклонился, заглянул под раковину. Труба, выходившая из пола, в диаметре не превышала трех дюймов. То есть рука уместиться в ней никак не могла. Кроме того, имело место быть колено, в котором размещалась ловушка для мусора. Так откуда рос палец? К чему он подсоединялся?

Говард выпрямился и на мгновение почувствовал, что его голова словно отделилась от шеи и движется сама по себе. Перед глазами побежали маленькие черные точки.

Я сейчас грохнусь в обморок, подумал он. Схватил себя за мочку правого уха, резко дернул, как испуганный пассажир дергает стоп-кран, останавливая поезд. Головокружение прошло... палец остался.

Это не галлюцинация. При чем тут галлюцинация? Он видел крошечную капельку воды на ногте, клочок белой пены под ним... мыльной пены, почти наверняка мыльной. Ви, справив нужду, всегда мыла руки с мылом.

Однако, может, это и галлюцинация. Все возможно. Да, ты видишь воду и мыльную пену, но разве они не могут быть плодом твоего разыгравшегося воображения? И, послушай, Говард, если тебе все это не привиделось, то что, черт побери, происходит в твоей ванной? Как вообще попал сюда этот палец? И почему Ви его не увидела?

Тогда позови ее... немедленно позови ее сюда, скомандовал внутренний голос, но тут же отдал другую команду, прямо противоположную: *Нет! Не делай этого! Потому что, если ты будешь видеть этот палец, а она — нет...*

Говард закрыл глаза и на мгновение перенесся в мир, где существовали лишь вспыхивающие красные звезды да его отчаянно бьющееся сердце.

Открыв глаза, он нашел палец на прежнем месте.

— Кто ты? — прошептал он, едва шевеля губами. — Кто ты и что ты тут делаешь?

Палец немедленно прекратил ползать по фаянсу. Поднялся, качнулся... нацелился на Говарда. Тот отступил на шаг, прижал руки ко рту, чтобы подавить рванувшийся из

горла крик. Ему хотелось оторвать взгляд от этого отвратительного пальца, торчащего из сливного отверстия раковины, хотелось повернуться и выскочить из ванной (наплевав на то, что подумает, скажет или увидит Ви)... но его словно парализовало, и он не мог оторвать глаз от этой розовато-белой единички, которая очень напоминала перископ.

А потом палец согнулся во второй фаланге, коснулся фаянса, вновь заскреб по нему.

— Гоуви? — позвала Ви. — Ты там не утонул?

— Уже иду! — неестественно радостным голосом отозвался Говард.

Смыл водой единственную капельку мочи, упавшую в унитаз, двинулся к двери, по широкой дуге огибая раковину. Однако поймал свое отражение в зеркале: огромные глаза, белая как мел кожа. Ущипнул себя за щеки, прежде чем покинуть ванную, которая в течение одного вечера вдруг стала самым ужасным и непредсказуемым местом из всех, куда заносила его жизнь.

Когда Ви вышла на кухню, чтобы посмотреть, почему муж до сих пор не в постели, она увидела, что Говард смотрит на холодильник.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Пепси. Пожалуй, спущусь в магазин и куплю бутылку.

— После трех банок пива и целого блюдца мороженого? Ты лопнешь, Говард.

— Нет, не лопну, — ответил он. Хотя чувствовал, что так и будет, если не удастся опорожнить мочевой пузырь.

— Ты уверен, что нормально себя чувствуешь? — Ви критически оглядывала его, но тон стал мягче, в нем чувствовалась искренняя забота. — Ты ужасно выглядишь. Ужасно.

— Знаешь, на работе носится какая-то простуда. Возможно...

— Я принесу эту чертову газировку, если тебе действительно хочется пить.

— Нет, *не принесешь*, — торопливо возразил Говард. — Ты же в ночной рубашке. А я... я надену пальто.

— Когда ты в последний раз проходил диспансерное обследование, Говард? Это было так давно, что я уже и забыла.

— Завтра я посмотрю. — Он прошел в маленькую прихожую, взял пальто. — В страховом полисе наверняка есть отметка.

— Обязательно посмотри! А раз уж тебе невтерпеж и ты действительно хочешь идти в магазин, возьми мой шарф.

— Ладно. Хорошая идея. — Надевая пальто, он встал к ней спиной, чтобы она не заметила, как дрожат его руки. А обернувшись, увидел, что она исчезла в ванной. Подождал несколько мгновений, ожидая истошного крика, потом услышал, как в раковину потекла вода. По доносившимся звукам понял, что Ви чистит зубы, в привычной для нее манере: con brio.

Еще какое-то время постоял, обсасывая предложенный рассудком вердикт: *Я теряю связь с реальностью.*

Терял он эту связь или не терял, на первый план выступало другое: если он в самом скором времени не отольет, его ждали пренеприятные последствия. Но хоть эту проблему он все-таки мог решить, что вселяло уверенность. Говард открыл дверь, уже перенес ногу через порог, но вернулся, чтобы взять шарф Ви.

И когда ты намереваешься рассказать ей о последних невероятных приключениях, которые выпали на долю Говарда Милты? — вдруг полюбопытствовал внутренний голос.

Говард вышвырнул из головы эту мысль и сосредоточился на том, чтобы аккуратно запихнуть шарф под лацканы двубортного пальто.

Квартира, в которой жили Говард и Виолет, находилась на четвертом этаже девятиэтажного жилого дома на Хоукинг-стрит. По правую руку, в полуквартале, на углу Хоукинг-стрит и бульвара Куинз, — мини-маркет Лаксов, работавший двадцать четыре часа в сутки. Говард повернул налево, дошел до торца здания. Здесь от улицы отходил узкий проулок, ведущий во двор. По обеим сторонам проулка стояли кон-

тейнеры с мусором. Между ними бездомные и алкоголики зачастую находили ночное прибежище, постелив на асфальт газеты. В этот вечер желающих скоротать ночь в проулке не нашлось, чему Говард очень обрадовался.

Он зашел в зазор между первым и вторым контейнерами, расстегнул молнию и направил на стену мощную струю. Поначалу наслаждение было столь велико, что он буквально вознесся на вершину блаженства, забыв о недавних неприятностях, но по мере того как напор струи начал слабеть, в голову вновь полезли нехорошие мысли.

Положение у него было незавидное.

Он справлял малую нужду у стены дома, в котором у него была теплая, уютная квартира, нервно оглядываясь через плечо, из опасения, что его кто-то увидит. Любой наркоман или грабитель мог стукнуть его по голове, раздеть, а то и убить. Но было бы еще хуже, если б его застукали, к примеру, Фенстеры из квартиры 2С или Дэттлбаумы из 3В. Как бы он объяснял свое поведение? И что произошло бы после того, как назавтра это трепло, Алисия Фенстер, рассказала бы обо всем Ви?

Облегчившись, Говард застегнул молнию и вернулся ко входу в проулок. Посмотрел направо, налево, убедился, что улица пуста, проследовал к мини-маркету и купил бутылку пепси-колы у вечно улыбающейся, смуглолицей миссис Лакс.

— Сто-то вы сегодня бледный, мистел Милта, — посочувствовала ему миссис Лакс сквозь улыбку. — Вам несдоловится?

Будьте уверены, подумал он. *Еще как нездоровится, миссис Лакс. Такого сегодня натерпелся страха, а ведь ягодки еще впереди.*

— Наверное, подцепил какую-то вирусную инфекцию в раковине, — ответил он. Улыбка вдруг начала сползать с ее лица. И он понял, что ляпнул не то. — Я хотел сказать, на работе.

— Одевайтесь потеплее. — Морщинки на ее лбу разгладились. — По ладио обесяли похолодание.

— Благодарю вас, — ответил он. По пути домой открыл бутылку и вылил содержимое на тротуар. Поскольку ванная

стала запретной территорией, он понял, что надо ограничивать себя в жидкости.

Войдя в квартиру, он услышал умиротворенное похрапывание Ви, доносящееся из спальни. Три банки пива сразили ее наповал. Он поставил пустую бутылку на кухонный столик, направляясь в спальню, остановился у двери в ванную, приник к ней ухом, прислушался.

Скреб, скреб, скреб-поскреб.

Говард улегся в кровать, не почистив зубы. Такое случилось с ним впервые за последние двадцать девять лет. В предыдущий раз он не чистил зубы целых две недели: отправляя его в летний лагерь «Высокие сосны», мать забыла положить в рюкзак зубную щетку.

Он долго лежал без сна рядом с Ви.

Слушал, как палец описывает бессчетные круги по фаянсу раковины, скребя по нему ногтем. По большому счету он не мог ничего слышать, его и палец разделяли две плотно закрытые двери, но он знал, что палец «гуляет» по раковине, а потому представлял себе, что слышит это мерзкое поскребывание, и не мог уснуть.

Но одной бессонницей его беды не ограничивались. Он по-прежнему не знал, как решать возникшие перед ним проблемы. Не мог же он до конца жизни мочиться в проулке. Он сомневался, что во второй раз не попадется на глаза кому-нибудь из друзей или соседей. И что тогда будет? Этого вопроса на финальной стадии «Риска» не задавали, и он представить себе не мог, каким будет ответ. Нет, в проулок он больше ни ногой.

Может, осторожно предложил внутренний голос, *ты привыкнешь к этой пакости.*

Нет. Это просто невозможно. Он прожил с Ви двадцать один год, но не мог справлять малую нужду в ее присутствии. Мочеиспускательный канал перекрывался напрочь. Она-то могла, пока он брился, сидеть на толчке, писать и рассказывать о том, что ее ждет сегодня у доктора Стоуна, но с ним такой номер не проходил. Он мог опорожнять мочевой пузырь лишь в полном одиночестве.

Если палец не уйдет сам по себе, тогда тебе придется перестраиваться, менять устоявшиеся привычки, подвел невеселый итог внутренний голос.

Говард повернул голову, взглянул на часы, стоявшие на столике у кровати. Без четверти два... и ему опять приспичило.

Он осторожно поднялся, на цыпочках вышел из спальни, мимо двери в ванную, за которой ни на секунду не утихало поскребывание, проследовал на кухню. Передвинул скамеечку для ног к раковине, встал на нее, прицелился в сливное отверстие, прислушиваясь к звукам, доносящимся из спальни: как бы Ви тоже не встала с кровати.

В конце концов все у него получилось... после того, как он добрался до трехсот сорока семи. Это был рекорд. Он поставил подставку на место, на цыпочках вернулся в спальню, думая: *Долго я так не протяну. Не смогу.*

Проходя мимо двери в ванную, хищно ощерился.

Когда в половине седьмого зазвенел будильник, он выбрался из кровати, потащился в ванную, осторожно переступил порог.

Увидел, что раковина пуста.

— Слава Богу, — дрожащим голосом прошептал он. Волна облегчения накрыла его с головой. — О, слава Б...

Палец выскочил как черт из табакерки, словно откликнувшись на его голос. Три раза крутанулся вокруг своей оси и потом согнулся в верхнем суставе, словно ирландский сеттер, готовый броситься за добычей. А указывала верхняя фаланга на него.

Говард отступил от раковины, не подозревая, что его губы разошлись в зверином оскале.

А кончик пальца поднимался и опускался, поднимался и опускался... словно палец здоровался с ним. Доброе утро, Говард, как приятно тебя видеть.

— Пошел на хрен, — пробормотал Говард и решительно повернулся лицом к унитазу. Попытался отлить... бесполезно. Его захлестнула ярость, захотелось ухватиться за палец, вырвать его, бросить на пол и топтать, топтать, топтать...

— Говард? — простонала за дверью Ви. Постучала. — Ты скоро?

— Да. — Он приложил все силы, чтобы голос звучал как обычно. Спустил воду.

Но Ви абсолютно не волновало, как звучит голос Говарда, она даже не подняла взгляд, чтобы посмотреть, как он выглядит. В это утро она мучилась от похмелья.

— Не самое ужасное, которое мне довелось испытать, но одно из худших, — пробормотала Ви, протискиваясь мимо него, поддернула ночнушку, плюхнулась на сиденье. Прижала руку ко лбу. — Нет, больше я эту гадость не покупаю. «Американское зерновое», чтоб оно лопнуло. Кто-то должен сказать этим пивоварам, что удобряют зерно при посеве, а не после жатвы. Чтобы от трех паршивых банок пива так болела голова! Боже! Не зря говорят, скупой платит дважды. Задешево качественный товар не продают. Особенно на распродаже у этих Лаксов. Гоуви, будь хорошим мальчиком, дай мне аспирин.

— Уже несу.

Он осторожно приблизился к раковине. Палец исчез. Похоже, боялся Ви. В аптечном шкафчике Говард взял пузырек аспирина, вытряс из него две таблетки. Когда ставил пузырек на место, вроде бы увидел кончик пальца, который на мгновение высунулся из сливного отверстия. На четверть дюйма, не больше. Покачался, прежде чем скрыться из виду.

Я намерен от тебя избавиться, друг мой, внезапно подумал Говард. Вместе с этой мыслью пришла злость, холодная, рациональная злость. И его это порадовало. Злость прочистила ему мозги, точно так же, как советские ледоколы прочищали фарватер Северного морского пути. *Я до тебя доберусь. Еще не знаю как, но обязательно доберусь.*

Он протянул Ви таблетки.

— Одну минуту, наберу тебе воды.

— Не надо, — умирающим голосом остановила его Ви, разжевала таблетки. — Так они подействуют быстрее.

— Смотри, не наживи язву. — Говард вдруг понял, что ему очень даже нравится находиться в ванной с Ви.

— Не волнуйся. — В голосе жизни не прибавилось. Она спустила воду. — Как ты сегодня?

— Не очень, — чуть запнувшись, ответил он.

— У тебя тоже похмелье?

— Пожалуй, что нет. Я думаю, вирусная инфекция, о которой я тебе говорил. Дерет горло, может, даже поднялась температура.

— Так тебе лучше остаться дома. — Она подошла к раковине, взяла из стаканчика зубную щетку, начала чистить зубы.

— Может, и ты останешься?

Он не хотел, чтобы Ви осталась дома. Предпочел бы, чтобы она провела день рядом с доктором Стоуном, помогая ставить пломбы, но не мог же он сказать такое мучающейся от похмелья жене.

Она посмотрела на себя в зеркало. Бледность чуть отступила, глаза заблестели. В движениях прибавилось энергии.

— Если я не смогу пойти на работу из-за похмелья, мне придется бросать пить, — ответила она. — И потом, сегодня я нужна доктору. Он будет обтачивать зубы под установку верхней челюсти. Грязная работа, но кто-то же должен ее делать.

Она плюнула в сливное отверстие, и Говард подумал: *В следующий раз он вылезет, вымазанный зубной пастой. Господи Иисусе!*

— Ты остаешься дома, сидишь в тепле, пьешь много жидкости. — Ви заговорила тоном старшей медицинской сестры. — Заодно и почитаешь. И пусть мистер Лэтроп поймет, что без тебя он как без рук. Пусть дважды подумает, прежде чем перегружать тебя работой.

— Дельная мысль, — не стал спорить Говард.

Она поцеловала его, подмигнула.

— Твоя Виолет тоже знает ответы на многие вопросы.

Полчаса спустя, выходя из дома, она уже напрочь забыла о похмелье.

Как только за Ви захлопнулась дверь, Говард переставил подставку для ног к раковине в кухне и помочился в сливное

отверстие. Без Ви процесс заметно ускорился: моча потекла, едва он дошел до двадцати трех, девятого по счету простого числа.

Что ж, об одной проблеме он мог не думать по меньшей мере несколько часов. Говард вернулся в коридор, сунулся в ванную. И сразу увидел палец, хотя такого просто быть не могло. Не могло, потому что от двери он не видел сливного отверстия: его заслоняла сама раковина. Но раз палец она не заслоняла, значит...

— Что это ты вытворяешь, мерзавец? — просипел Говард, и палец, который покачивался из стороны в сторону, словно ловил направление ветра, наклонился к нему. Как и ожидал Говард, на нем виднелась зубная паста. Палец согнулся, и Говард, присмотревшись, не поверил своим глазам: палец гнулся в *трех местах*. Такого точно не могло быть, никак не могло, поскольку третьим суставом любой палец крепился к кисти.

Он становится длиннее, осознал Говард. *Не знаю, чем это вызвано и как происходит, но становится. Раз я вижу его от двери над кромкой раковины, значит, его длина как минимум три дюйма... может, и больше.*

Говард мягко прикрыл дверь ванной, поплелся в гостиную. Ноги вновь перестали гнуться. В голове воцарилось смятение.

Он опустился в любимое кресло, закрыл глаза. Одинокий, растерянный, беспомощный. Долго сидел, тупо уставившись прямо перед собой, потом пальцы, вцепившиеся в подлокотники, ослабили хватку. Большую часть ночи Говард Милта пролежал без сна. И теперь сон сморил его, хотя удлинившийся палец все скреб и скреб по фаянсу раковины.

Ему снилось что он участвует в телевикторине «Риск», не новой, с большими выигрышами, а прежнего формата, выходившей в дневное время. Никаких тебе компьютеров, только таблички, которые поднимала одна из помощниц ведущего, когда участнику предлагалось ответить на какой-либо вопрос. Алекса Требека сменил Арт Флеминг с зализанными волосами и ханжеской улыбкой. Вместе с ним в те-

левикторине участвовала Милдред. Слуховой аппарат за ухом остался, но она сменила прическу (сделала начес а-ля Жаклин Кеннеди) и очки (тонкая металлическая оправа уступила место пластмассовым «кошачьим глазкам»).

Шоу стало черно-белым.

— Итак, Говард. — Арт указал на него длиннющим, с фут, пальцем. Прямо-таки не пальцем, а указкой. На ногте белела засохшая зубная паста. — Твоя очередь выбирать.

Говард повернулся к доске с названиями категорий.

— «Вредители и гады», сто долларов, Арт.

Помощница сняла квадрат с надписью «$100», открыв вопрос, который зачитал Арт: «Лучший способ избавиться от пальцев, торчащих из сливного отверстия раковины в ванной».

— Это... — начал Говард и запнулся. Черно-белые зрители, собравшиеся в студии, молча смотрели на него. Черно-белый оператор накатил на него камеру, чтобы показать крупным планом его потное черно-белое лицо. — Это... э...

— Поторопись, Говард, твое время на исходе. — Арт Флеминг вновь ткнул своим удлиненным пальцем в Говарда, но тот словно оцепенел. Он не сможет ответить на вопрос, с его счета снимут сто долларов, он уйдет в минус, он проиграет, в качестве выигрыша ему не дадут даже паршивую энциклопедию...

На улице, у дома Говарда Милты, двигатель грузовичка дал обратную вспышку. Говард резко выпрямился, едва не вылетев из кресла.

— *Это жидкий очиститель канализационных труб!* — выкрикнул он. — *Это жидкий очиститель канализационных труб!*

Разумеется, он попал в точку. Нашел *правильный* ответ.

Говарда разобрал смех. Смеялся он и пять минут спустя, надевая пальто и открывая входную дверь.

Говард взял пластиковую бутыль, которую жующий зубочистку продавец только что поставил на прилавок «Хозяйственного магазина» на бульваре Куинз. На этикетке

красовалась женщина в фартуке. Одной рукой она упиралась в свое бедро, второй выливала очиститель то ли в огромную раковину, то ли в биде. Назывался очиститель «КРОТ». В аннотации указывалось, что по эффективности он ВДВОЕ превосходит большинство лучших очистителей. «Прочищает трубы в течение НЕСКОЛЬКИХ МИНУТ! Растворяет волосы и органические вещества!»

— Органические вещества, — повторил Говард. — И что это означает?

Продавец, лысый мужчина со множеством бородавок на лбу, пожал плечами. Перекатил зубочистку из одного угла рта в другой.

— Наверное, остатки пищи. Но я не ставил бы эту бутыль рядом с жидким мылом. Вы понимаете, о чем я?

— Он может проесть дыру в коже? — спросил Говард, надеясь, что в его голосе слышится ужас.

Продавец вновь пожал плечами:

— Полагаю, этот очиститель не столь активен, как те, что мы продавали раньше, с щелоком, но их сняли с продажи. Я, во всяком случае, так думаю. Но вы видите этот значок? — Коротким пальцем он постучал по черепу и костям с надписью «ЯД». Говард так и впился взглядом в этот палец. И по пути к «Хозяйственному магазину» он успел разглядеть множество пальцев.

— Да, — кивнул Говард. — Вижу.

— Так вот, его рисуют не потому, что он больно красив, вы понимаете. Если у вас есть дети, держите очиститель там, где они не смогут до него добраться. И не полощите им горло. — Продавец рассмеялся. Зубочистка так и подпрыгивала на его нижней губе.

— Не буду, — пообещал Говард. Повернул бутылку, прочитал текст, набранный мелким шрифтом. *Содержит едкий натр и гидрат окиси калия. При контакте вызывает сильные ожоги.* Звучало неплохо. Он не знал, как получится на практике, но звучало неплохо. Но у него ведь была возможность проверить соответствие слова делу.

У внутреннего голоса, однако, оставались сомнения: *А если ты только разозлишь его, Говард? Что тогда?*

Ну... что тогда? Палец-то сидел в сливном отверстии, так?

Да... но он вроде бы начал расти.

Однако... разве у него был выбор? На это у внутреннего голоса аргументов не нашлось.

— Я его беру. — Говард полез за бумажником. И тут уголком глаза ухватил хозяйственный инструмент, который сразу заинтересовал его. Инструмент, лежащий на стойке под плакатиком «ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА». — А это что такое? Вон там?

— Это? — переспросил продавец. — Электрические ножницы для подрезки кустов. Мы закупили два десятка в прошлом июне, но покупателям они не приглянулись.

— Я возьму одни. — На губах Говарда Милты заиграла улыбка, продавец потом сказал полиции, что улыбка эта ему не понравилась. Совершенно не понравилась.

Вернувшись домой, Говард выложил покупки на кухонный столик. Коробку с электрическими ножницами отодвинул подальше, надеясь, что они ему не понадобятся. Безусловно, не понадобятся. Потом внимательно прочитал инструкцию к «КРОТу».

Медленно вылейте 1/4 содержимого бутылки в сливное отверстие... не пользуйтесь им пятнадцать минут. При необходимости повторите процедуру.

Конечно же, повторять процедуру не придется... или придется?

Для того чтобы покончить с этим делом с первого раза, Говард решил вылить в сливное отверстие половину содержимого бутылки, а может, и чуть больше.

С крышкой пришлось повозиться, но в конце концов он ее снял. С суровым выражением лица, совсем как у солдата, ждущего приказа выпрыгивать из окопа и бежать в атаку, и с белой пластиковой бутылкой в руках прошествовал через гостиную в коридор.

Подожди! — вскричал внутренний голос, когда Говард потянулся к дверной ручке, и его рука дрогнула. *Это же безумие! Ты ЗНАЕШЬ, это безумие! Тебе не нужен очиститель канализационных труб, тебе нужен психиатр! Тебе надо ле-*

жать на кушетке и рассказывать кому-то, что тебе кажется... Именно так, все правильно, тебе КАЖЕТСЯ, что из сливного отверстия раковины в ванной торчит палец, не просто торчит, но еще и растет.

— О нет. — Говард решительно покачал головой. — Никогда.

Он не мог... абсолютно не мог... представить себя рассказывающим эту историю психиатру... если уж на то пошло, любому человеку. А если об этом узнает мистер Лэтроп? А он мог узнать, через отца Ви. В фирме «Дин, Грин и Лэтроп» Билл Дихорн тридцать лет проработал бухгалтером. Он организовал Говарду собеседование с мистером Лэтропом, написал блестящую рекомендацию... сделал все, чтобы Говарда приняли на работу. Мистер Дихорн уже ушел на пенсию, но он и Джон Лэтроп частенько виделись. Если Ви узнает, что ее Гоуви ходит к психиатру (а как он мог скрыть от нее эти визиты?), она скажет матери... Ви рассказывала матери решительно обо всем. Миссис Дихорн, естественно, поделится с мужем. А мистер Дихорн...

Говард без труда нарисовал в уме соответствующую картинку: его тесть и босс сидят в кожаных креслах в каком-то таинственном клубе. Он буквально видел, как они пьют херес: хрустальный графин стоял на маленьком столике у правой руки мистера Лэтропа (Говард ни разу не видел, чтобы кто-то из них пил херес, но пути воображения неисповедимы). Он видел, как мистер Дихорн — до восьмидесяти ему оставалось совсем ничего, поэтому он уже не соображал, кому и что можно говорить, — доверительно наклоняется к мистеру Лэтропу, чтобы сообщить: *Ты не поверишь, что придумал мой зять Говард, Джон. Он ходит к психиатру! Он думает, что из раковины в его ванной торчит палец. Как ты думаешь, может, это у него от каких-то наркотиков?*

Скорее всего Говард не думал, что такое может случиться. Просто не мог представить себя у психиатра. Некая часть его сознания, находящаяся по соседству с той, что не позволяла ему справлять малую нужду в общественном туалете, если позади стояла очередь, напрочь отвергала эту идею. Не мог он лечь на кушетку и сказать: *Из раковины в моей ванной*

торчит палец, чтобы потом какой-то бородатый мозгоправ затерзал его вопросами.

Он вновь потянулся к ручке.

Тогда вызови сантехника! — отчаянно выкрикнул внутренний голос. *Уж это ты можешь сделать! Тебе нет нужды говорить ему, что ты видишь! Просто скажи, что труба засорилась! Или скажи, что твоя жена уронила в сливное отверстие обручальное кольцо! Скажи ему ЧТО УГОДНО!*

Но пользы от этой идеи было не больше, чем от первой, насчет визита к мозгоправу. Дело происходило в Нью-Йорке, не в Де-Мойне. В Нью-Йорке можно уронить в сливное отверстие бриллиант «Надежда» и все равно ждать неделю, пока сантехник соблаговолит нанести тебе визит. И он не собирался следующие семь дней бродить по Куинз, выискивая бензозаправки, на которых за пять долларов ему позволят опорожнить кишечник в туалете для сотрудников.

Тогда делай все быстро, сдался внутренний голос. *По крайней мере сделай все быстро.*

В этом внутренний голос и Говард пришли к согласию. Говард и сам понимал: если он не будет действовать быстро, о, по всей вероятности, не сможет довести дело до конца.

И захвати его врасплох, если сможешь. Сними туфли.

Говард подумал, что это весьма дельный совет. Тут же последовал ему. Подумал о том, что стоило бы надеть резиновые перчатки для предохранения от случайных брызг, задался вопросом, а нет ли их под кухонной раковиной. Но искать перчатки он не собирался. Он перешел Рубикон и, отправившись за перчатками, мог потерять присутствие духа... может, временно, может, навсегда.

Говард осторожно открыл дверь и проскользнул в ванную.

Ванная всегда была самым темным помещением в квартире, но в это время, около полудня, падающего в окно света все-таки хватало. Говард не мог пожаловаться на темноту... но пальца не увидел. Во всяком случае, от двери. На цыпочках он пересек ванную, держа бутылку с очистителем в правой руке. Наклонился над раковиной, заглянул в черную дыру в розовом фаянсе.

Только дыра не была черной. Сквозь черноту навстречу ему спешило что-то белое, спешило поприветствовать своего доброго друга Говарда Милту.

— Получай! — взревел Говард и перевернул бутылку «КРОТа» над раковиной. Зеленовато-синяя густая жидкость вытекла из горлышка и полилась в сливное отверстие аккурат в тот момент, когда из него показался палец.

Эффект был скор и ужасен. Жидкость покрыла ноготь и подушечку пальца. Палец задергался, закружился, как дервиш, в узком пространстве сливного отверстия, разбрасывая во все стороны капельки «КРОТа». Несколько попали на светло-синюю хлопчатобумажную рубашку Говарда и мгновенно прожгли в ней дыры. По краям дыры обуглились, но рубашка была ему велика, поэтому капельки не коснулись его груди и живота. Другие капельки упали на запястье и ладонь правой руки, но почувствовал их он гораздо позже. Уровень адреналина в его крови не просто поднялся — перекрыл все рекордные отметки.

Палец вылезал из сливного отверстия, фаланга за фалангой. Он дымился, воняло от него, как от резинового сапога, случайно брошенного в костер.

— *Получай! Кушать подано, мерзавец*! — орал Говард выливая в раковину все новые порции очистителя канализационных труб. Палец поднялся уже на фут, совсем как кобра, вылезшая из корзины под дудку заклинателя змей. Он почти дотянулся до горлышка бутылки, а потом вдруг задрожал и внезапно начал уползать в сливное отверстие. Говард наклонился над раковиной и лишь в самой глубине различил что-то белое. Над сливным отверстием закурился легкий дымок.

Он глубоко вдохнул — а вот этого делать не следовало. Потому что он набрал полные легкие паров «КРОТа». К горлу мгновенно подкатила тошнота. Его тут же вывернуло в раковину, но спазмы не утихали.

Пошатываясь, он выпрямился.

— Я ему врезал! — выкрикнул он. Голова кружилась от едких химических паров и запаха обожженной плоти, но

душа Говарда пела. Он схлестнулся с врагом и, видит Бог, взял верх. Победа осталась за ним.

— *Ура! Ура! Я победил! Я...*

Но приступ рвоты прервал его восторженный монолог. Он согнулся над унитазом, крепко держа в правой руке бутылку с остатками очистителя, и слишком поздно понял, что в это утро Ви, покидая трон, прикрыла сиденье крышкой. Его вырвало на ворсистую розовую крышку унитаза, а потом, потеряв сознание, он плюхнулся лицом в собственную блевотину.

Обморок продолжался недолго, потому что даже летом солнечные лучи освещали ванную максимум полчаса, а потом соседние дома отсекали солнце и ванная погружалась в привычный полумрак.

Говард медленно поднял голову, осознав, что все лицо, от лба до подбородка, покрыто чем-то липким и вонючим. Он также услышал какое-то постукивание. И это постукивание приближалось.

Говард осторожно повернул гудящую голову налево. Глаза его широко раскрылись. Он набрал полную грудь воздуха, попытался закричать, но голосовые связки словно парализовало.

Палец подбирался к нему.

Теперь он вытянулся на семь футов и продолжал удлиняться. Из раковины он выходил по крутой дуге, состоящей из десятка фаланг, спускался на пол, изгибался вновь, в перпендикулярной плоскости, и теперь продвигался к нему по плиткам пола. Последние восемь или девять дюймов обесцветились и дымились. Ноготь стал зеленовато-черным. Говард подумал, что видит белую кость чуть пониже первого сустава. В этом месте очиститель, похоже, начисто съел и кожу, и мясо.

— Убирайся, — прошептал Говард, и на мгновение эта чудовищная «сороконожка» замерла. А потом поползла прямо на него. Последние полдюжины суставов разогнулись и кончик пальца обвился вокруг лодыжки Говарда Милты.

— *Нет!* — выкрикнул он, когда две дымящиеся сестрички-гидроокиси, натрия и калия, прожгли нейлоновый носок и принялись за кожу. Он изо всей силы дернул ногой. Несколько мгновений палец держал ногу, силы хватало и ему, потом Говарду удалось вырваться. И он пополз к двери. Облеванные волосы падали на глаза. Обернувшись через плечо, он ничего не увидел: волосы слиплись, превратившись в непроницаемый козырек. Зато прошел паралич голосовых связок, и ванную огласили лающие, испуганные вопли.

Он не видел палец, во всяком случае, временно, но мог его слышать, и теперь, постукивая ногтем по плиткам пола, палец преследовал его. Говард все пытался разглядеть своего врага, а потому угодил плечом в стену слева от двери. С полки вновь посыпались полотенца. Говард замер, и палец тут же ухватил его за вторую лодыжку, прожег носок, кожу и потянул, буквально потянул к раковине.

Дикий рев исторгся из груди Говарда, никогда ранее голосовые связки вежливого нью-йоркского бухгалтера не издавали подобных звуков. Он ухватился руками за дверной косяк и рванулся, что было сил. Разорвал рубашку в правой подмышке, но вырвался, оставив пальцу лишь нижнюю половину носка.

С трудом поднялся, повернулся и увидел, что палец вновь приближается к нему. Ноготь треснул и кровоточил.

Тебе необходим маникюр, приятель, подумал Говард и нервно хохотнул. А потом бросился на кухню.

Кто-то барабанил в дверь. Кулаками.

— Милта! Эй, Милта! Что ты там делаешь?

Фини, сосед. Шумливый здоровяк-ирландец. Пьяница. Поправка: любопытный пьяница.

— Ничего такого, с чем я не справлюсь сам, ирландский деревенщина, — с кухни прокричал в ответ Говард. Вновь хохотнул и откинул со лба волосы. Но под тяжестью блевотины они тут же заняли прежнее положение. — Ничего такого, с чем я не справлюсь, можешь мне поверить! Так что проваливай, тебе здесь ничего не обломится.

— Что ты сказал? — В грубом голосе появились злобные нотки.

— Заткнись! Я занят!

— Если твои вопли не прекратятся, я вызову копов!

И тут Говард матерно выругался. Впервые в жизни. Опять отбросил со лба волосы, но они тут же упали обратно.

— Ты мне за это ответишь, паршивый четырехглазик!

Говард обеими пятернями прошелся по волосам и стряхнул с них блевотину, которая полетела во все стороны, пятная белые кухонные полки Ви. Говард ничего не замечал. Отвратительный палец приложился к обеим его лодыжкам, и теперь их жгло, как огнем. Но Говарда занимало другое. Он схватил коробку с электрическими ножницами. Ее украшала наклейка с улыбающимся дедком, который радостно подстригал кусты перед особняком.

— У тебя там пьянка? — осведомился Фини из-за двери.

— Тебе бы лучше убраться отсюда, Фини, а не то я познакомлю тебя со своим приятелем! — проорал Говард. Идея эта показалась ему чрезвычайно остроумной. Он откинул голову и расхохотался, глядя в потолок. Волосы его стояли дыбом.

— Ладно, ты сам этого хотел, — послышалось из-за двери. — Сам. Я звоню копам.

Говард его не слышал. Деннис Фини подождет, сейчас у него другое дело. Неотложное. Он вытащил ножницы из коробки, торопливо осмотрел их, нашел паз, в который вставляются батарейки, снял крышку.

— Батарейки, — пробормотал он сквозь смех. — Круглые батарейки! Хорошо! Отлично! Нет проблем!

Он вытащил ящик стола слева от раковины, дернул его с такой силой, что сорвал ограничитель. Ящик полетел через всю кухню, ударился о плиту и шлепнулся на линолеум. Среди всякой ерунды в ящике лежали и батарейки, главным образом круглые и несколько квадратных. Все еще смеясь, ну никак он не мог остановиться, Говард упал на колени и начал рыться в ящике. Умудрился порезать правую ладонь о нож, прежде чем выхватил из ящика две круглые батарейки, но не обратил на боль никакого внимания. Теперь, по-

сле того как Фини перестал разевать свой большой рот, он вновь слышал палец. Ноготь постукивал по полу, то ли в ванной, а может, уже и в коридоре. Он же забыл закрыть дверь в ванную.

— Ну и что? — спросил Говард и вдруг перешел на крик: — НУ И ЧТО, Я СКАЗАЛ! Я ГОТОВ К ВСТРЕЧЕ С ТОБОЙ, ПРИЯТЕЛЬ! Я ИДУ, ЧТОБЫ ВРЕЗАТЬ ТЕБЕ ПО ЗАДНИЦЕ! СЕЙЧАС ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ О ТОМ, ЧТО НЕ ОСТАЛСЯ В РАКОВИНЕ!

Он вогнал батарейки в паз, включил ножницы. Никакого эффекта.

— Чтоб я сдох! — пробормотал Говард. Вытащил одну батарейку, вставил вновь, поменяв полярность. На этот раз ножницы ожили, лезвия стали быстро-быстро сходиться и расходиться.

Говард уже двинулся к двери, но заставил себя выключить ножницы и вернуться к столу. Он не хотел тратить время на то, чтобы поставить на место крышку паза для батареек, ему не терпелось ввязаться в схватку, но остатки здравого смысла, все еще теплящиеся у него в мозгу, убедили Говарда, что иначе нельзя. Если рука соскользнет с рукоятки в самый критический момент и батарейка выскочит из открытого паза, что он тогда будет делать? С разряженным оружием в бой не идут.

Поэтому он попытался поставить крышку на место, выругался, потому что вставать она никак не хотела, развернул крышку, и все у него получилось.

— Наша встреча близка! — крикнул он. — Я иду! Мы еще не свели счеты!

С ножницами в руках Говард быстрым шагом пересек гостиную. Слипшиеся волосы по-прежнему торчали во все стороны. Рубашка, порванная, прожженная в нескольких местах, трепыхалась вокруг круглого животика. Голые пятки шлепали по линолеуму. Остатки нейлоновых носков обрывались у лодыжек.

— Я их вызвал, недоносок! — крикнул из-за двери Фини. — Понял меня? Я вызвал копов, и надеюсь, что приедут такие же ирландские деревенщины, как я!

— Заткни хлебало! — отозвался Говард, не обращая особого внимания на Фини. Деннис Фини находился в другой вселенной, и, если бы не субпространственная связь, он бы вовсе не услышал голоса соседа.

Говард встал сбоку от двери в ванную, словно коп в одном из телевизионных сериалов... только помощник режиссера, ответственный за реквизит, ошибся и в руки ему вместо револьвера сунули ножницы для стрижки кустов. Большой палец правой руки лег на пусковую кнопку. Говард глубоко вдохнул... и внутренний голос, совсем тихий, проваливающийся в небытие, попытался последний раз воззвать к здравому смыслу.

Ты уверен, что готов доверить свою жизнь паре ножниц, купленных на распродаже?

— У меня нет выбора, — пробормотал Говард, натянуто улыбнулся и ворвался в ванную.

Палец он нашел на прежнем месте, изогнутым по крутой дуге. Фалангами на свободном торце он обхватил туфлю Говарда и колотил ею о плитки пола. По состоянию полотенец, разбросанных по всей ванной, Говард догадался, что палец попытался убить несколько из них, прежде чем нашел туфлю.

Волна безумной радости захлестнула Говарда, он почувствовал, как в голове вспыхнуло зеленое солнце.

— *Вот он я, недоумок!* — заорал он. — *Иди ко мне!*

Палец бросил туфлю, поднялся, хрустя суставами и по воздуху поплыл в его сторону. Говард включил ножницы, и они хищно загудели. Пока что все, как и задумывалось.

Обожженный кончик пальца с разломанным ногтем качался перед ним. Говард бросился на него. Палец ушел в сторону и обвил его левое ухо. Боль едва не свела Говарда с ума. Он чувствовал, как палец отрывает ухо от головы. Но ухватил его левой рукой, а правой поднес к нему ножницы. Мотор взвыл, когда лезвия добрались до кости, но ножницы предназначались для того, чтобы перерубать тонкие ветки, так что проблем не возникло. Брызнула кровь, обрубок отпрянул. Говард устремился за ним, а десять отрезанных от пальца дюймов сползли с его уха на пол.

Палец попытался ударить его в глаз, но Говард присел и палец прошел над головой. Естественно, глаз-то у него не было. А с ухом пальцу просто повезло. Говард вновь выставил вперед ножницы и отхватил у пальца еще два фута. Они упали на пол, продолжая подергиваться.

Палец попытался ретироваться.

— Нет уж! — выдохнул Говард. — Врешь, не уйдешь!

Он метнулся к раковине, поскользнулся на луже крови, чуть не упал, чудом сохранив равновесие. Палец уползал в дренажное отверстие, фаланга за фалангой, как товарный поезд — в тоннель. Говард схватил его, попытался удержать, но не смог: палец выскальзывал из руки, как хорошо смазанная кишка. Но ему удалось отхватить у пальца последние три фута.

Он наклонился над раковиной, на этот раз стараясь не дышать, и заглянул в черноту сливного отверстия. Вновь заметил уходящее все глубже белое пятно.

— *Возвращайся, когда захочешь!* — прокричал в сливное отверстие Говард Милта. — *В любое удобное для тебя время! Я буду тебя ждать, не отходя от кассы!*

Он отвернулся от раковины, шумно вдохнул. В ванной по-прежнему воняло очистителем канализационных труб Нюхать эту гадость не хотелось, тем более что у него еще оставались дела. На раковине лежал кусок мыла. Говард взял его и бросил в окно. Зазвенело разбитое стекло, мыло попало в один из прутьев решетки. Говард помнил, как ставил решетку. Помнил, как гордился трудами своих рук. Он, ГОВАРД МИЛТА, бухгалтер, привыкший работать с цифрами, ЗАБОТИЛСЯ О СВОЕМ ГНЕЗДЫШКЕ. Теперь он знал, что это такое — ЗАБОТИТЬСЯ О СВОЕМ ГНЕЗДЫШКЕ. Было время, когда он боялся войти в ванную, думая, что там сидит мышь и ему придется убить ее щеткой. Он это признавал, да только время это осталось в далеком прошлом.

Говард оглядел ванную. Зрелище не для слабонервных. Лужи крови, на полу два куска пальца. Еще один свисал с раковины. Кровь на стенах, кровь на зеркале. Раковина тоже в крови.

— Ладно, — вздохнул Говард. — Пора наводить чистоту, мальчики и девочки. — Он вновь включил ножницы и принялся рубить палец на маленькие сегменты, чтобы потом спустить их в унитаз.

Полицейский, молодой ирландец по фамилии О'Баннион, с решительным видом подошел к запертой двери квартиры Милты. Там уже собрались соседи. На их лицах отражалась тревога, лишь у Денниса Фини яростно поблескивали глаза.

О'Баннион постучал в дверь пальцем, потом ладонью, наконец, забарабанил по ней кулаком.

— Вам бы лучше ее сломать, — заметила миссис Джавьер. — Я слышала его крики с седьмого этажа.

— Он сошел с ума, — добавил Фини. — Наверное, убил жену.

— Нет, — покачала головой миссис Дэттлбаум. — Я видела, что утром, она, как обычно, ушла на работу.

— Разве она не могла вернуться домой? — спросил мистер Фини, и миссис Дэттлбаум заткнулась.

— Мистер Миллер? — позвал О'Баннион.

— Его фамилия Милта, — поправил копа Фини.

— О черт! — вырвалось у О'Банниона, и он поддал дверь плечом. Дверь распахнулась, коп вошел, за ним последовал мистер Фини. — Выйдите из квартиры, сэр, — попытался остановить его О'Баннион.

— Черта с два. — Фини, проскочив в гостиную, с любопытством оглядывал кухню, вываленное на пол содержимое ящика, следы блевотины на обычно сияющей чистотой мебели. Его маленькие глазки возбужденно горели. — Он — мой сосед. И в конце концов вызвал вас я.

— Кто кого вызывал, мне без разницы. — В голосе копа появились железные нотки. — Если вы не выйдете отсюда, то отправитесь в участок вместе с этим Миллером.

— Его фамилия — Милта, — вновь поправил копа Фини и, с тоской бросив последний взгляд на кухню, ретировался за дверь.

О'Баннион выгнал Фини из квартиры главным образом потому, что не хотел, чтобы тот видел, как он нервничает. Разгром на кухне — это одно. Но в квартире пахло какой-то химической дрянью и чем-то еще. И О'Баннион очень опасался, что это «еще что-то» — кровь.

Он оглянулся, убедился, что Фини вышел в коридор, а не трется в маленькой прихожей среди пальто, и осторожно пересек гостиную. Убедившись, что от входной двери его не видно, расстегнул кобуру и достал револьвер. Зашел в кухню, проверил, что там никого нет. На мебели, судя по запаху, вроде бы блевотина, на полу всякий хлам, но никого нет.

За спиной послышались какие-то шаркающие звуки. О'Баннион резко повернулся, выставив перед собой револьвер.

— Мистер Милта?

Ответа не последовало, но шаркающий звук повторился. И доносился он из маленького коридорчика. То есть из спальни или ванной. Патрульный О'Баннион двинулся в указанном направлении с револьвером в руке, правда, нацелив его в потолок. Очень он напоминал Милту, подкрадывающегося к двери ванной с ножницами.

Глядя на приоткрытую дверь ванной, О'Баннион уже понимал, что источник звука находится за ней. Оттуда же шла и волна запахов. Он присел, толкнул дверь мушкой револьвера.

— Святый Боже, — выдохнул он.

Ванная напоминала бойню в разгар рабочего дня. Кровь на стенах и даже на потолке. Лужи крови на полу. Кровь в раковине. Он видел разбитое окно, бутылку, как ему показалось, из-под очистителя канализационных труб (отсюда и этот ужасный запах), пару мужских туфель, одну словно долго жевали.

А когда дверь раскрылась шире, он увидел и мужчину.

Порубив палец на мелкие кусочки и спустив их в унитаз, Говард Милта забился в узкий зазор между ванной и стеной. На коленях у него лежали электрические ножницы для стрижки кустов, но батарейки сели: рубка костей потребовала больших затрат электроэнергии. Его волосы торчали

в разные стороны. На щеках и лбу запеклась кровь. А широко раскрытые глаза зияли пустотой. Такие глаза патрульный О'Баннион видел только у наркоманов и безумцев.

Господи Иисусе, подумал он. *А ведь тот парень прав. Милта убил жену. Во всяком случае, кого-то убил. Но где тело?*

Он заглянул в ванну. Пуста. Вроде бы самое подходящее место для трупа, однако единственное, не испачканное кровью.

— Мистер Милта? — спросил О'Баннион. Он еще не целился в Говарда, но ствол револьвера уже не смотрел в потолок.

— Да, это я, — вежливо, доброжелательно ответил Говард. — Говард Милта, дипломированный бухгалтер, к вашим услугам. Вы хотите облегчиться? Валяйте. Вам никто не помешает. Я думаю, с этой проблемой я справился. Во всяком случае, на какое-то время.

— Вы не хотели бы избавиться от оружия, сэр?

— Оружия? — Говард недоуменно уставился на него, потом вроде бы понял. — Вы про это? — Он приподнял ножницы, и револьвер О'Банниона впервые нацелился на него.

— Да, сэр.

— Почему нет. — Говард небрежно бросил ножницы в ванну. Отскочила крышка, закрывающая паз для батареек. — Не важно. Батарейки все равно сели. Но... что это я вам сказал? Предложил облегчиться? Знаете, пожалуй, этого делать не стоит.

— Вы так считаете? — Теперь, когда мужчина так легко разоружился, О'Баннион не знал, что делать дальше. Ситуация значительно упростилась бы, если б труп лежал в ванне. А так оставалось только надеть на Милту наручники и звать подмогу. *Не самый худший вариант*, подумал О'Баннион. Очень уж ему хотелось выбраться из этой вонючей ванной.

— Да, — кивнул Говард. — Подумайте сами, на руке пять пальцев... только на одной руке, понимаете... и сколько отверстий связывают обычную ванную с подземным миром? С учетом труб подачи воды? Я насчитал семь. — Он помолчал, потом добавил: — Семь — простое число. Делится только на себя и на единицу.

— Вас не затруднит поднять и протянуть ко мне руки, сэр? — спросил О'Баннион, снимая с ремня наручники.

— Ви говорит, что я знаю все ответы, но Ви ошибается. — Говард медленно поднял руки, вытянул их перед собой.

О'Баннион присел, защелкнул наручник на правом запястье.

— Кто такая Ви?

— Моя жена. — Пустые глаза Говарда не отрывались от лица О'Банниона. — Она могла справлять нужду, когда кто-то находился в ванной. Она не обращала на это ровно никакого внимания.

В голове О'Банниона начала формироваться жуткая идея: этот маленький человечек убил жену ножницами для стрижки кустов, а потом каким-то образом избавился от тела с помощью очистителя канализационных труб... и все потому, что она не желала уходить из ванной, когда у него вдруг возникало желание облегчиться.

Он защелкнул второй наручник.

— Вы убили жену, мистер Милта?

На мгновение на лице Говарда отразилось изумление. А потом оно вновь превратилось в бесстрастную маску.

— Нет. Ви у доктора Стоуна. Он обтачивает зубы под протезирование верхней челюсти. Ви говорит, что это грязная работа, но кто-то должен ее делать. Зачем мне убивать Ви?

Теперь, когда запястья Милты стягивали наручники, О'Баннион чувствовал себя гораздо увереннее.

— Но у меня складывается впечатление, что вы кого-то замочили.

— Всего лишь палец. — Говард не опускал руки. — Но на руке не один палец. И чья это рука? — В ванной давно уже воцарился полумрак. — Я предложил ему вернуться, вернуться, когда он того пожелает, — прошептал Говард, — но у меня была истерика. Я решил, что я смогу... смогу. Теперь понимаю, что нет. Он растет, знаете ли. Растет, когда вылезает наружу.

Что-то плеснануло под закрытой крышкой унитаза. Взгляд Говарда метнулся в ту сторону. Как и взгляд О'Банниона. Плеск повторился. Казалось, в унитазе бьется форель.

— Нет, я бы определенно не стал пользоваться этим унитазом. На вашем месте я бы потерпел. Терпел бы сколько мог, а потом отлил бы в проулке за домом.

По телу О'Банниона пробежала дрожь.

Возьми себя в руки, парень, строго сказал он себе. *Возьми себя в руки, а не то станешь таким же, как этот чокнутый.*

Он поднялся, чтобы откинуть крышку.

— Не надо этого делать, — услышал он голос Говарда. — Ой не надо.

— А что здесь произошло, мистер Милта? — спросил О'Баннион. — Что вы положили в унитаз?

— Что произошло? Это... это... — Внезапно лицо Говарда осветила улыбка. Улыбка облегчения... его взгляд то и дело возвращался к унитазу. — Это как «Риск». Телевикторина. Очень похоже на финальную стадию. Категория «Необъяснимое». Правильный ответ: «Потому что случается». А вы знаете, каким был вопрос финальной стадии?

Не в силах оторвать взгляда от лица Говарда, патрульный О'Баннион покачал головой.

— Вопрос финальной стадии, — Говард возвысил голос: — «Почему с самыми хорошими людьми случается что-то ужасное»? Такой вот вопрос. Над ним надо крепко подумать. Но время у меня есть. При условии, что буду держаться подальше... от дыр.

В унитазе вновь плеснуло. На этот раз сильнее. Облеванные сиденье и крышка подскочили и вернулись на прежнее место. Патрульный О'Баннион подошел к унитазу, наклонился. Говард с некоторым интересом наблюдал за копом.

— Финальная стадия «Риска». Сколько бы вы хотели поставить? — спросил Говард Милта.

О'Баннион на мгновение задумался над вопросом... затем схватился за сиденье и сорвал его.

КРОССОВКИ

Джон Телл отработал в «Табори студиоз» уже больше месяца, когда в первый раз заметил кроссовки. Студия располагалась в здании, которое в свое время называлось Мюзик-Сити. В ранние дни рок-н-ролла здание это почитали за музыкальную Мекку. Тогда в кроссовках в вестибюль мог войти разве что мальчишка-курьер. Но те славные денечки канули в Лету вместе с продюсерами-миллионерами, которые отдавали предпочтение остроносым туфлям из змеиной кожи и рубашкам с жабо. Нынче кроссовки стали элементом униформы Мюзик-Сити, и, увидев их, Телл не подумал об их владельце ничего плохого. Если осудил, то только в одном: парень мог бы приобрести новую пару. Потому что белыми они были при покупке, а купили их ну очень давно.

Мысли эти возникли у него, когда он увидел кроссовки в маленькой комнатке, где о своем ближнем можно судить только по обуви, потому что ничего другого не видно. Кроссовки виднелись под дверцей первой кабинки в мужском туалете на третьем этаже. Телл миновал их, направляясь к третьей кабинке, последней в ряду. Несколько минут спустя он покинул кабинку, вымыл и высушил руки, причесался и вернулся в Студию F, где помогал микшировать альбом метал-группы «Дед битс». Сказать, что Телл уже забыл про кроссовки, было бы преувеличением, потому что они даже и не отпечатались у него в памяти.

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

Звукозаписывающую сессию «Дед битс» продюсировал Пол Дженнингс. Конечно же, он не мог встать в один ряд со знаменитыми бибоповскими королями Мюзик-Сити (Телл полагал, что нынешней музыке не хватало энергетики, чтобы создавать таких гигантов), но в узких кругах его хорошо знали, и, по мнению Телла, он был лучшим из действующих продюсеров рок-н-ролльных пластинок. Сравнить с ним Телл мог разве что Джонни Йовайна.

Впервые Телл увидел Дженнингса на банкете после премьеры одного фильма-концерта. Узнал его с первого взгляда, хотя волосы Дженнингса поседели и резкие черты лица заострились еще больше. Но он оставался тем же легендарным Дженнингсом, который пятнадцать лет назад организовывал Токийские сессии с Бобом Диланом, Эриком Клэптоном, Джоном Ленноном и Элом Купером. Помимо Фила Стектора, Дженнингс был единственным продюсером, которого Телл мог узнать не только в лицо, но и по звучанию его записей: чистейшие верхние частоты и ударные, бухающие так, что заставляли содрогаться.

Восхищение мэтром не без труда, но сокрушило врожденную скромность Телла, и он через весь зал направился к Дженнингсу, который — вот повезло! — стоял один и в этот момент ни с кем не разговаривал. Телл рассчитывал на короткое рукопожатие и несколько ничего не значащих фраз, но вместо этого завязалась долгая и интересная дискуссия. Они занимались одним делом, у них сразу нашлись общие знакомые, но Телл, конечно же, понимал, что не это главное. Просто Пол Дженнингс принадлежал к тем редким людям, в обществе которых к Теллу возвращался дар речи, а приятная беседа завораживала Джона Телла почище магии.

Когда разговор близился к завершению, Дженнингс поинтересовался у Телла, не ищет ли тот работу.

— А кто в нашем бизнесе ее не ищет? — улыбнулся Телл.

Дженнингс рассмеялся и спросил номер его телефона. Телл продиктовал номер, не придав этой просьбе никакого значения, полагая, что Дженнингс спрашивал из вежливости. Но через три дня Дженнингс позвонил, чтобы узнать, не хочет ли Телл войти в команду из трех человек, которая зай-

мется микшированием первого альбома «Дед битс». «Я, конечно, не знаю, можно ли сделать лайковый кошелек из свиного уха, — отметил Дженнингс, — но, раз «Атлантик рекордс» оплачивает счета, почему бы не попробовать?» Джон Телл тоже не находил причин для отказа и на следующий день подписал контракт.

Через неделю или дней десять после первой встречи с кроссовками Телл увидел их вновь. Он отметил лишь факт: тот же парень сидел в той же, первой по счету, кабинке в мужском туалете на третьем этаже, потому что насчет кроссовок у Телла никаких сомнений не было: белые (когда-то), высокие, с грязью, набившейся в трещины. Он обратил внимание на пропущенную при шнуровке дырочку и подумал: *Негоже шнуровать кроссовки с завязанными глазами, приятель.* А потом прошел дальше, к третьей кабинке, которую считал своей. На этот раз он глянул на кроссовки и на обратном пути. И увидел нечто очень странное: дохлую муху. Она лежала на закругленном мыске левой кроссовки, той самой, с пропущенной дырочкой, вскинув вверх лапки.

Когда Телл вернулся в Студию F, Дженнингс сидел за пультом, обхватив голову руками.

— Ты в порядке, Пол?

— Нет.

— А что не так?

— Все. Я не так. Моя карьера закончена. Я иссяк. Сгорел дотла. Кина не будет.

— Что ты такое говоришь? — Телл огляделся в поисках Джорджи Ронклера, но того как ветром сдуло. Телла сие не удивило. Дженнингс периодически впадал в депрессию, а Джорджи по малейшим нюансам улавливал приближение очередного приступа. И заявлял, что его карма не позволяет ему находиться рядом с источником сильных эмоций, все равно каких, положительных или отрицательных. «Я плачу на открытии супермаркетов», — признавался Джорджи.

— Невозможно сделать лайковый кошелек из свиного уха. — Дженнингс махнул рукой в сторону стеклянной перегородки между комнатой для микширования и студией.

Жест этот очень уж походил на нацистское приветствие «Хайль Гитлер». — Во всяком случае, из уха этих свиней.

— Расслабься, — с деланной веселостью воскликнул Телл, в душе полностью соглашаясь с Дженнингсом. Группа «Дед битс», состоявшая из четырех тупых кретинов и одной тупой сучки, не доставляла удовольствия в общении и доказала свою абсолютную профнепригодность.

— Ладно, расслабимся оба, — ответил Дженнингс и бросил ему косячок. — Раскуривай.

— Господи, как я не люблю отрываться от работы, — изрек Телл.

Дженнингс вскинул голову, рассмеялся. Секундой позже они смеялись оба. А пять минут спустя уже занимались делом.

Через неделю они закончили микширование. Телл попросил у Дженнингса рекомендательное письмо и пленку с записью.

— Хорошо, но до выхода альбома слышать ее можешь только ты, — предупредил Дженнингс.

— Я знаю.

— Я только представить себе не могу, что у тебя может возникнуть такое желание. В сравнении с ними «Батхоул серферс» — чистые «Битлы».

— Перестань, Пол, не так они и плохи. И в любом случае мы уже отмучались.

Дженнингс улыбнулся:

— Это точно. Вот тебе и рекомендация, и пленка. Если мне обломится какая-нибудь работенка, я тебе позвоню.

— Буду ждать.

Они пожали друг другу руки, и Телл вышел из здания, которое когда-то называлось Мюзик-Сити, не вспомнив о кроссовках под дверью первой кабинки в мужском туалете на третьем этаже.

Дженнингс, проработавший в музыкальном бизнесе двадцать пять лет, как-то сказал ему: «Когда дело касается микширования бопа (он никогда не говорил рок-н-ролл — только боп), ты или дерьмо, или супермен». Два месяца, последовавшие за сессией «Битс», Джон Телл был дерьмом.

Он не работал. И начал беспокоиться из-за арендной платы за квартиру. Дважды он сам едва не позвонил Дженнингсу, но внутренний голос убедил его, что такой звонок — ошибка.

И тут микшер фильма «Мастера карате» внезапно умер от обширного инфаркта, и Телл шесть недель проработал в Брилл-билдинг, завершая начатую работу. Живой музыки не было, только записи, уже ставшие общественным достоянием, в основном треньканье ситаров, но об арендной плате он мог не беспокоиться. А в первый свободный день, едва он вошел в квартиру, раздался телефонный звонок. Пол Дженнингс интересовался, не заглядывал ли он в последний номер «Биллборда». Телл ответил, что нет.

— Они поднялись на семьдесят девятую позицию. — В голосе Дженнингса слышалось и отвращение, и удивление. — С этой песней.

— Какой? — Ответ он знал до того, как слово сорвалось с языка.

— «Прыжок в грязь».

Собственно, это была единственная песня альбома, которая, по мнению и Дженнингса, и Телла, тянула на сингл.

— Дерьмо!

— В принципе да, но мне представляется, что она попадет в десятку. Ты видел видео?

— Нет.

— Клип удался. Особенно хороша Джинджер, их девчушка, милующаяся в каком-то грязном ручье с парнем, который выглядит как Дональд Трамп в комбинезоне. Мои интеллектуальные друзья говорят, что клип вызывает у них «мультикультурные ассоциации». — И Дженнингс так громко заржал, что Теллу пришлось отнести трубку от уха на пару дюймов.

Отсмеявшись, Дженнингс продолжил:

— Вполне возможно, что и весь альбом войдет в десятку. Платиновое собачье дерьмо, конечно же, останется собачьим дерьмом, а вот упоминание твоей фамилии в связи с платиновым альбомом — это уже чистая платина. Ты понимаешь, о чем я, а?

— Разумеется, понимаю. — Телл выдвинул ящик стола, чтобы убедиться, что кассета «Дед битс», полученная от Дженнингса в последний день микширования и ни разу не прослушанная, лежит на месте.

— А что ты сейчас поделываешь? — спросил Дженнингс.

— Ищу работу.

— Хочешь снова поработать со мной? Я делаю альбом Роджера Долтри. Начинаем через две недели.

— Господи, конечно!

Он знал, что деньги предложит неплохие, но главное заключалось в другом: после альбома «Дед битс» и шести недель с «Мастерами карате» работа с бывшим ведущим певцом группы «Ху» воспринималась как награда за доблестный труд. Какими бы ни были особенности характера Долтри, петь он умел. Опять же работать с Дженнингсом — одно удовольствие.

— Где?

— В том же месте. «Табори» в Мюзик-Сити.

— Рассчитывай на меня.

Роджер Долтри не только умел петь, но и в общении оказался очень приятным человеком. И Телл подумал, что в ближайшие три или четыре недели у него не будет повода для жалоб. Работа у него есть, его фамилия красуется на альбоме, который в чартах «Биллборда» занимает сорок первую позицию (сингл уже поднялся на семнадцатую), поэтому, пожалуй, впервые за четыре года, проведенные в Нью-Йорке после приезда из Пенсильвании, его совершенно не волновала арендная плата за квартиру.

Наступил июнь, деревья оделись в зеленый наряд, девушки, наоборот, разоблачились, перейдя на мини-юбки, так что мир казался Теллу вполне пристойным местом. В таком прекрасном настроении он и пребывал в первый день работы у Пола Дженнингса, пока без четверти два не вошел в мужской туалет на третьем этаже. Увидел под дверью первой кабинки все те же когда-то белые кроссовки, и от распирающей его радости не осталось и следа.

Это другие кроссовки. Не могут они быть теми же.

Но ведь были. Он узнал не только пропущенную при шнуровке дырочку, но и остальное. Совпадало все, вплоть до местоположения кроссовок. Отличие Телл обнаружил только одно: вокруг прибавилось дохлых мух.

Он медленно прошел в третью кабинку, «его» кабинку, спустил брюки, сел. И не особо удивился, осознав, что раздумал сделать то, за чем пришел. Однако какое-то время посидел, прислушиваясь к звукам. Шуршанию газеты. Кашлю. Черт, хоть бы кто пернул.

В туалете царила тишина.

Все потому, что я здесь один, думал Телл. *За исключением, разумеется, мертвого парня в первой кабинке.*

Дверь в туалет с грохотом распахнулась. Телл чуть не вскрикнул. Кто-то подскочил к писсуарам, тут же послышался звук бьющей в фаянс струи. Телл понял что к чему и сразу расслабился. Все нормально, человеку не терпелось справить нужду. Он взглянул на часы. Час сорок семь.

«Человек, который все делает по часам, — счастливчик», — бывало, говорил его отец. Вообще многословием он не отличался, и эта фраза (вместе со «Сначала очищай руки от грязи, потом — тарелку от еды») относилась к его считанным афоризмам. Если регулярность в отправлении естественных потребностей означала счастье, то Телл мог считать себя счастливчиком. Необходимость посетить туалет всегда возникала у него в одно и то же время, вот он и предположил, что у парня в кроссовках организм устроен аналогичным образом, только парень этот благоволил к кабинке номер один, точно так же, как он проникся к кабинке номер три.

Если бы тебе приходилось идти к писсуарам мимо кабинок, ты бы видел, что первая кабинка или пуста, или из-под дверцы торчит совсем другая пара обуви. В конце концов, сколь велики шансы на то, что тело в кабинке мужского туалета не смогли обнаружить за...

Телл прикинул, когда он в последний раз появлялся в Мюзик-Сити.

...четыре месяца, плюс-минус неделя?

И решил, что шансы эти равны нулю. Он мог поверить, что уборщики без должного усердия чистили кабинки, от-

сюда и дохлые мухи на полу, но уж туалетную бумагу они меняли раз в несколько дней, так? Даже если забыть про бумагу, мертвецы через какое-то время начинали вонять. Видит Бог, туалет — не благоухающий розами сад; к примеру, после визита толстяка, который работал в расположенной на этом же этаже студии «Янус мюзик», в него просто невозможно зайти, но вонь разлагающегося трупа куда сильнее. И противнее.

Противная вонь. Мерзкая. А с чего ты это взял? Ты же ни разу в жизни не видел разлагающийся труп. И понятия не имеешь, как он пахнет.

Все так, но почему-то Телл не сомневался в том, что узнает запах трупа, как только унюхает его. Логика — это логика, а регулярность — это регулярность, и от этого никуда не денешься. Парень, наверное, работает в «Янусе» или «Снэппи кардс», которые находились по другую сторону коридора. Вполне возможно, что сейчас он сочиняет стишки для поздравительной открытки:

> Роза красною бывает, а фиалка голубой,
> Ты подумала, я умер — я живой, господь с тобой.
> И открытку посылаю, и всего тебе желаю, и ответа жду.

И все дела, подумал Телл, и с его губ сорвался нервный смешок. А тот мужчина, что бабахнул дверью, едва не заставив его вскрикнуть от неожиданности, проследовал к раковинам. Потекла вода, потом кран закрыли. Телл решил, что мужчина прислушивается, гадая, кто же это смеется в одной из кабинок и чем вызван смех: шуткой, порнографической картинкой или тем, что у обитателя кабинки поехала крыша. В Нью-Йорке, в конце концов, чокнутых хоть пруд пруди. Они постоянно попадаются на глаза, разговаривают сами с собой, смеются безо всякой причины... точно так же, как только что смеялся он сам.

Телл попытался представить себе, что кроссовки тоже слушают, и не смог.

Внезапно у него пропало всякое желание смеяться.

Внезапно у него возникло другое желание: как можно быстрее покинуть и кабинку, и туалет.

Правда, он не хотел, чтобы его увидел мужчина, который вымыл руки. Мужчина бросит на него короткий взгляд, который будет длиться лишь доли мгновения, но и этого времени хватит, чтобы понять, о чем он думает: людям, которые смеются за закрытой дверью туалетной кабинки, доверять нельзя.

Шаги проследовали к двери, она открылась и медленно закрылась, спасибо пневматическому доводчику. Открыть ее можно было с треском, закрыть — нет, дабы не нарушить покой регистратора третьего этажа, который курил «Кэмел» и читал последний номер «Кранга».

Господи, до чего же здесь тихо. Почему этот парень не шевельнется? Хоть чуть-чуть?

Но в туалете стояла тишина, вязкая, абсолютная, та самая тишина, которую, должно быть, слышат мертвецы, лежа в гробах, если они, конечно, могут что-то слышать, и Телл вновь убедил себя, что обладатель кроссовок умер, к черту логику, он умер, умер очень и очень давно, но по-прежнему сидит в первой кабинке, и, если распахнуть дверцу, твоим глазам откроется неудобоваримое...

Он уж собрался крикнуть: «Эй, сосед! Ты в порядке?»

Но вдруг обладатель кроссовок ответит? Нет, вопросительным или раздраженным голосом, проскрипит что-то нечленораздельное. Он не раз слышал о том, что мертвых будить нельзя. И...

Телл резко встал, спустил воду, выходя из кабинки, застегнул пуговицу на поясе, подходя к двери — молнию ширинки, понимая, что несколько секунд будет чувствовать себя круглым идиотом, но его это совершенно не волновало. Однако он не удержался от того, чтобы бросить взгляд под первую кабинку, когда проходил мимо. Все те же грязные белые кроссовки. И дохлые мухи. Много мух.

Почему в моей кабинке нет дохлых мух? И как могло получиться, что за столько времени он не заметил, что пропустил при шнуровке одну дырочку? Или он специально ее пропускает, это элемент его артистического самовыражения?

Телл с силой толкнул дверь, выходя из туалета. Регистратор окинул его взглядом, полным холодного любопытства.

Такие предназначались исключительно простым смертным (на богов в образе человеческом вроде Роджера Долтри он смотрел совсем другими глазами).

Телл поспешил в «Табори студиоз».

— Пол?

— Что? — ответил Дженнингс, не отрывая глаз от пульта.

Джорджи Ронклер стоял чуть сбоку, поглядывая на Дженнингса, и грыз кутикулу. Ничего больше он грызть просто не мог: ногти объедал, стоило им чуть приподняться над пальцем. И уже пятился к двери, чтобы мгновенно выскочить за нее, если Дженнингс вдруг разразится гневной речью.

— Я думал, может, что не так в...

— В чем еще?

— А ты про что?

— Я про барабанный трек. Сделан он отвратительно, и я не знаю, как нам выходить из этого положения. — Он щелкнул тумблером и загремели барабаны. — Слышишь?

— Ты про малый барабан?

— Разумеется, я про малый барабан! Он же просто на милю выпирает среди ударных, но без него не обойтись!

— Да, но...

— Да, но что? Как же я ненавижу все это дерьмо! Накладываю сорок треков, *сорок паршивых треков, чтобы записать одну-единственную мелодию, и какой-то ИДИОТ звукотехник...*

Уголком глаза Телл заметил, как Джорджи юркнул за дверь.

— Но послушай, Пол, если понизить уровень звука...

— Уровень звука не имеет никакого отношения...

— Заткнись и послушай. — Такое Телл мог сказать только Дженнингсу. Он сдвинул рычажок. Дженнингс замолчал, прислушался. Задал вопрос. Телл ответил. Задал второй. Телл ответить не смог, но Дженнингс справился без него, и неожиданно перед ними открылся целый спектр новых возможностей. Запись песни «Ответь себе, ответь мне» вышла на финишную прямую.

Какое-то время спустя, убедившись, что буря улеглась, в студию вернулся Джорджи Ронклер.

А Телл напрочь позабыл про кроссовки.

Они пришли ему на ум следующим вечером. Уже дома он сидел на собственном унитазе, читал «Мудрую кровь», слушал музыку Вивальди, доносящуюся из динамиков в спальне (хотя Телл зарабатывал на жизнь микшированием рок-н-ролла, в квартире он держал только четыре рок-альбома: два Брюса Спрингстина и два Джона Фогерти).

Внезапно он оторвался от книги. В голове у него возник ну совершенно нелепый вопрос: *А когда ты в последний раз справлял большую нужду вечером, Джон?*

Он не помнил, но почему-то подумал, что в будущем такое станет случаться все чаще и чаще. Дело шло к тому, что одну из привычек ему придется поменять.

Пятнадцать минут спустя, когда он сидел в гостиной, положив книгу на колени, Телл вдруг осознал, что в этот день ни разу не побывал в мужском туалете на третьем этаже. В десять они пошли выпить кофе, и он пописал в туалете «Дружище Пончик», пока Пол и Джорджи сидели у стойки. Потом, во время ленча, заскочил в туалет кафешки «Пиво и бургеры»... Еще раз сходил по-маленькому на первом этаже, куда относил почту, хотя мог бросить ее в специальный ящик у лифта.

Он избегал мужской туалет на третьем этаже? Весь день избегал его, не отдавая себе в этом отчета? Пожалуй, что да. Избегал его, как испуганный ребенок делает крюк, возвращаясь домой после школы, чтобы не проходить мимо дома, в котором, по утверждению знатоков, обитают призраки. Избегал туалет, как чумы?

— И что из этого следует? — спросил он вслух.

Он не знал, что из этого следовало, но понимал: это уже перебор, даже для Нью-Йорка, если из-за пары грязных кроссовок человек боится зайти в общественный туалет.

И Телл ответил себе, тоже вслух:

— С этим пора кончать.

* * *

Но разговор с самим собой был в четверг вечером, а днем позже произошло событие, которое все перевернуло. Между ним и Полом Дженнингсом пробежала черная кошка.

Застенчивость Телла не позволяла ему быстро заводить друзей. В маленьком пенсильванском городке лишь волей случая Телл оказался на сцене с гитарой в руках — такого он просто себе представить не мог. Бас-гитара группы «Атласные Сатурны» свалился с сальмонеллезом за день до щедро оплаченного концерта. Лидер группы знал, что Телл может играть и на бас- и на ритм-гитаре. Парень он был здоровый и драчливый. А Джон Телл, наоборот, маленький и тихий. Вот он и предложил Теллу выбор: сыграть на бас-гитаре или получить хорошую трепку. Решение Телла, естественно, никого не удивило, но оно не имело никакого отношения к его желанию выступать перед большой аудиторией.

Где-то на третьей песне Телл уже справился с волнением и ничего не боялся. А к концу первого отделения понял, что нашел свое призвание. Через много лет после своего первого концерта Телл услышал историю о Билле Уаймене, бас-гитаре «Роллинг стоунз». Согласно этой истории, Уаймен задремал во время концерта, и не в каком-нибудь маленьком клубе, а в огромном зале, и свалился со сцены, сломав ключицу. Телл не сомневался в том, что многие люди воспринимали эту историю как откровенную выдумку, но сам он знал, что это скорее всего правда... Его личный опыт свидетельствовал, что такое вполне могло случиться. Бас-гитаристы — самые незаметные люди в мире рока. Исключения были, тот же Пол Маккартни, но они лишь подтверждали правило.

Возможно, потому, что позиция бас-гитариста лишена блеска, их всегда не хватает. И когда месяц спустя «Атласные Сатурны» развалились (лидер и барабанщик подрались из-за девушки), Телл присоединился к группе, организованной ритм-гитаристом «Сатурнов», и двинулся дальше по избранному пути.

Теллу нравилось играть в группе. Ты на сцене, смотришь на всех сверху вниз, не просто участвуешь в вечеринке, но практически ее организуешь. Время от времени тебе прихо-

дится подпевать, но никто не ждет, что ты будешь произносить речь.

Так он и жил, учился и играл, десять лет. Свое дело знал, но честолюбием не отличался, не было у него стремления пробиться на самую вершину. И в конце концов попал в Нью-Йорк, начал участвовать в сессиях, возиться с пультами и понял, что микширование нравится ему даже больше, чем выступления перед зрителями. И за все это время он обрел только одного настоящего друга — Пола Дженнингса. Произошло это очень быстро, Телл полагал, что одна из причин — работа плечом к плечу, но не только она. Главное, по его разумению, заключалось в собственном одиночестве и личности Дженнингса, его неотразимой харизме. А обдумывая случившееся в пятницу, Телл решил, что и с Джорджи произошло то же самое.

Он и Пол пили пиво за одним из дальних столиков в пабе «Макманус», разговаривали о микшировании, бопе, бейсболе, всякой ерунде, когда правая рука Дженнингса нырнула под столик и мягко ухватила Телла за промежность.

Телл так дернулся, что свеча в центре столика упала на скатерть, а из стакана Дженнингса выплеснулось пиво. Подбежавший официант поставил свечу до того, как она прожгла скатерть, и отошел. Телл, изумленный, шокированный, вытаращился на Дженнингса.

— Извини. — По лицу Дженнингса чувствовалось, что он извиняется, но, с другой стороны, он не находил в своих действиях ничего особенного.

— Господи Иисусе, Пол! — только и смог вымолвить Телл.

— Я думал, ты к этому готов, ничего больше, — пожал плечами Дженнингс. — Наверное, мне следовало действовать тоньше.

— Готов? — повторил Телл. — Что ты хочешь этим сказать? Готов к чему?

— Раскрыться. Позволить себе раскрыться.

— Я не такой. — Сердце Телла стучало, как паровой молот. И от ярости, и от страха — очень его испугало то, что он прочитал в глазах Дженнингса, — а больше всего от от-

вращения. Испугался же он решения Дженнингса поставить жирную точку в их отношениях.

— Давай об этом забудем, а? — предложил Дженнингс. — Закажем ужин и сделаем вид, что ничего не случилось. — *Если только ты не согласишься пойти мне навстречу*, говорил его взгляд.

Но ведь случилось, и от этого не уйти, хотелось сказать Теллу, но он промолчал. Здравый смысл и практичность удержали рот на замке, не позволили спровоцировать Пола Дженнингса. Все-таки он не мог пожаловаться на работу, да и следовало подумать о будущем. Пленка с записью альбома Роджера Долтри могла принести даже больше пользы, чем двухнедельное жалованье. Вот он и решил показать себя дипломатом и не давать волю благородной ярости. Да и потом, с чего ему закатывать скандал? Дженнингс же не изнасиловал его.

Но это была лишь верхушка айсберга. Он не раскрыл рта, потому что и сердцем, и душой понял: с Дженнингсом у него больше нет и не будет ничего общего.

— Хорошо, — кивнул Телл, — ничего не случилось.

В ту ночь он спал плохо, его мучили кошмары. То Дженнингс вновь хватал его за яйца в «Макманусе», то он оказывался в туалете, где из-под дверцы кабинки виднелись кроссовки, только во сне он открывал дверцу и видел, что на унитазе сидит Пол Дженнингс. Он умер голым, но состояние сексуального возбуждения сохранилось и после смерти. Рот Пола приоткрылся. «Давно бы так. Я знал, что ты уже готов», — произнес труп, выдохнув клуб зеленоватого гнилого воздуха, и Телл проснулся на полу, завернутый в одеяло. Взглянул на часы. Самое начало пятого. На востоке только занималась заря. Телл оделся и курил сигарету за сигаретой, пока не пришло время идти на работу.

На той же неделе, в субботу (над альбомом Долтри они работали по шестидневке, чтобы успеть к установленному сроку), часов в одиннадцать утра Телл пошел в мужской туалет третьего этажа по малой нужде. Переступил порог, постоял, потирая виски, потом повернулся к кабинкам.

И ничего не увидел, потому что они не попадали в поле зрения.

И ладно! Нечего там смотреть! Отлей и выметайся отсюда!

Он медленно подошел к одному из писсуаров, расстегнул молнию. Долго стоял, дожидаясь, когда же процесс пойдет.

Не доходя до двери, остановился, склонив голову набок, словно пес Ниппер на старых пластинках звукозаписывающей компании «Ар-си-ар Виктор», потом резко повернулся. Медленно обошел угол и вновь остановился, едва увидев пол под дверью первой кабинки. Грязно-белые кроссовки стояли на прежнем месте. Здание, которое раньше называли Мюзик-Сити, по субботам практически пустовало, но кроссовки торчали из-под дверцы туалетной кабинки.

Взгляд Телла задержался на мухе, летавшей перед кабинкой. Он наблюдал, как муха поднырнула под дверцу, села на грязный мысок одной из кроссовок. А мгновением позже умерла и свалилась на пол, в компанию к другим дохлым насекомым. Среди мух Телл обнаружил, особо не удивившись, двух маленьких пауков и одного крупного таракана, который лежал на спине, как перевернутая черепаха.

Большими шагами Телл вышел из мужского туалета, а когда возвращался в студию, ему казалось, что он стоит на месте, а коридор проплывает мимо.

Как только войду, сразу скажу Полу, что мне нехорошо и отпрошусь на остаток дня, думал он, но не произнес ни слова. Пол в тот день пребывал в дурном настроении, и Телл прекрасно знал, что тому причина. Мог ли Пол уволить его по злобе? Неделю назад он бы только рассмеялся. Но неделю назад он все еще верил, что друзья бывают настоящими, а призраки — сущая выдумка. Теперь он все более склонялся к мысли, что эти два утверждения верны с точностью до наоборот.

— Возвращение блудного сына, — пробурчал Дженнингс, не оглядываясь, услышав звук открывающейся двери. — Я думал, ты там умер.

— Нет, — ответил Телл. — Не я.

* * *

За день до окончания микширования альбома Долтри (и сотрудничества с Полом Дженнингсом) Телл выяснил, что в кабинке — призрак, но до этого случилось много разного и всякого. Однако все эти события, словно километровые столбы на шоссе, указывали на уверенное движение Джона Телла к нервному срыву. Он понимал, что происходит, но ничего не мог изменить. Словно он не сам ехал по этой дороге, а его везли по ней.

Поначалу он выбрал вроде бы оптимальный вариант: избегать мужского туалета на третьем этаже, избегать всех мыслей и вопросов о кроссовках. Вычеркнуть сей предмет из своей жизни. Наплевать и забыть.

Да только не получилось. Кроссовки совершенно неожиданно врывались в его бытие и отравляли сознание, как давнее горе. Он мог сидеть дома, смотреть Си-эн-эн или какое-нибудь глупое ток-шоу, и вдруг выяснялось, что думает он о дохлых мухах, которых, очевидно, не видел уборщик, меняя в кабинке рулон туалетной бумаги. Потом он смотрел на часы и обнаруживал, что прошел час. А то и больше.

На какое-то время он даже пришел к выводу, что стал жертвой розыгрыша. Пол определенно в этом участвовал, а также толстяк из «Янус мюзик». Телл не раз видел, как они о чем-то разговаривали. И вроде бы даже смотрели в его сторону и смеялись. Скорее всего не обошлось и без регистратора, с его «Кэмелом» и тусклым, скептическим взглядом. Джорджи? Это вряд ли. Джорджи не умел хранить секретов, так что Пол не стал бы втягивать его в эту авантюру, желающих подшутить над ближним хватало и без него. День или два Телл размышлял, входил ли Роджер Долтри в число тех, кто по очереди устраивался в туалетной кабинке в грязных белых кроссовках с пропущенной дырочкой для шнуровки.

И хотя он осознавал, что такие мысли — паранойя, понимание не помогало от нее избавиться. Он приказывал им уйти, настаивал, что Дженнингс не устраивает никакого заговора против него, и его рассудок вроде бы соглашался: «Да, да, это разумно», — но через пять часов, а может,

и через двадцать минут, Телл живо представлял себе, как они сидят за столом в «Десмондс стейк-хаус», в двух кварталах от Мюзик-Сити: Пол, регистратор, не вынимающий сигарету изо рта и обожающий хэви-метал, может, даже худосочный парень из «Снэппи кардс» — едят, пьют и, естественно, смеются. Смеются *над ним*, а грязные белые кроссовки, которые они надевали по очереди, стоят под столом в мятом бумажном пакете.

Телл буквально видел этот пакет. Вот как далеко все зашло.

Но одними фантазиями дело не закончилось. Вскоре выяснилось, что мужской туалет третьего этажа притягивает его. Словно там поставили сильный магнит, а его карманы набили железом. Если бы раньше кто-то сказал ему что-то подобное, он бы рассмеялся (может, и про себя, если человек говорил очень уж увлеченно), но чувство это возникало всякий раз, когда он проходил мимо туалета, то ли в студию, то ли к лифтам. Ужасное чувство, словно тебя тянет к открытому окну или ты наблюдаешь, будто со стороны, как твоя рука поднимает пистолет ко рту и губы засасывают кончик ствола.

Он хотел посмотреть вновь. Он понимал, что одног взгляда хватит для того, чтобы у него окончательно поехал крыша, но его это не волновало. Он хотел посмотреть вновь

Всякий раз, когда он проходил мимо туалета, в нем схлестывались два желания.

А уж во сне он снова и снова открывал дверь кабинки. Только для того, чтобы посмотреть.

Один раз посмотреть.

И он ни с кем не мог поделиться своими тревогами. Он понимал: будет лучше, если он нашепчет кому-нибудь на ушко о том, что с ним происходит, облегчив душу, возможно, сможет иначе оценить ситуацию, даже найти новую точку опоры и изменить жизнь к лучшему. Дважды он заходил в бары и уже заводил разговор с незнакомцами, сидевшими рядом. Потому что, думал он, именно в барах разговоры стоили совсем ничего. Не дороже двух-трех стаканчиков виски или кружек пива.

Но в первый раз не успел открыть и рта, как мужчина заговорил о «Янки» и Джордже Стайнбреннере. Стайнбреннер занимал все мысли мужчины. Отвлечь его от этой темы не представлялось возможным. Телл скоро перестал и пытаться.

Во второй раз он завел более продуктивный разговор с мужчиной, похожим на строителя. Они поговорили о погоде, о бейсболе (к счастью, мужчина, в отличие от первого собеседника, не бредил этой игрой), о том, как трудно найти в Нью-Йорке хорошую работу. Телл потел. У него сложилось ощущение, будто он выполняет очень тяжелую физическую работу, к примеру, везет по пандусу тачку с цементом, но он чувствовал, что на этот раз сможет поделиться с незнакомцем самым сокровенным.

Мужчина, похожий на строителя, пил «Черного русского». Телл — пиво. И ему казалось, что оно выходит с потом, как только он его выпивает. Однако, заказав строителю пару стаканчиков и получив в ответ две кружки пива, Телл взял себя в руки и решил, что пора начинать.

— Хочешь услышать что-то очень необычное? — спросил он.

— Ты — гей? — спросил мужчина, похожий на строителя, прежде чем Телл успел продолжить. Он повернулся к Теллу, с искренним любопытством посмотрел на него. — Я хочу сказать, мне без разницы, гей ты или нет, но просто подумал, надо сразу предупредить тебя, что я в эти игры не играю. Ограничиваюсь девочками, знаешь ли.

— Я не гей.

— Да? А в чем же необычное?

— Что?

— Ты же хотел рассказать мне о необычном.

— В этом как раз нет ничего необычного. — Телл взглянул на часы и сказал, что ему пора.

За три дня до завершения работы над альбомом Долтри Телл вышел из Студии F по малой нужде. Теперь он ходил на шестой этаж. Он побывал и в туалетах на четвертом, и на пятом этажах, но они располагались аккурат над туалетом

третьего этажа, и он чувствовал, что хозяин кроссовок зазывает его к себе. А вот на шестом этаже туалет находился в другом крыле, и никаких отрицательных эмоций у Телла не возникало.

Он миновал стол регистратора, направляясь к лифтам, моргнул и совершенно неожиданно для себя вместо кабины лифта оказался в туалете третьего этажа, а пневматический доводчик уже аккуратно закрывал за ним дверь. Никогда еще Телл не испытывал такого страха. Конечно, он боялся и кроссовок, но главная причина заключалась в том, что на три или шесть секунд его лишили сознания. Словно кто-то взял и отключил его разум.

Он понятия не имел, как долго стоял столбом, когда открылась дверь и больно стукнула его по спине. Вошел Пол Дженнингс.

— Извини, Джонни. Я не знал, что ты приходишь сюда медитировать.

И проследовал к кабинкам, не дожидаясь ответа (уже потом Телл подумал, что и не смог бы ничего ответить: его язык прилип к гортани). Телл сумел только дойти до первого писсуара и расстегнуть молнию. Лишь потому, что ему не хотелось, чтобы Пол наслаждался его испугом. А ведь совсем недавно он видел в Поле друга, может, своего единственного друга во всем Нью-Йорке. Времена определенно менялись.

Телл постоял у писсуара секунд десять, переливая в него содержимое мочевого пузыря, затем повернулся, на цыпочках направился к кабинкам, заглянул под дверь первой. Кроссовки никуда не делись, их по-прежнему окружали дохлые мухи.

Но кроме кроссовок Телл увидел и туфли Пола Дженнингса от Гуччи.

У Телла что-то случилось со зрением. Поначалу он видел туфли Пола сквозь кроссовки. Потом кроссовки уменьшились в размерах, и он уже видел их сквозь туфли, словно призраком стал Пол. Но туфли Пола находились в постоянном движении, мыски и пятки поднимались и опускались, сами туфли чуть поворачивались из стороны в сторону, тогда как кроссовки оставались неподвижными.

Телл ушел. Впервые за две недели тревога покинула его, уступив место ледяному спокойствию.

На следующий день он сделал то, с чего скорее всего следовало начинать: пригласил Джорджи Ронклера на ленч и спросил, не слышал ли тот каких-нибудь слухов и легенд, касающихся здания, которое когда-то называлось Мюзик-Сити. Оставалось загадкой, почему такая мысль не пришла к нему в голову раньше. Но он точно знал, что вчерашнее происшествие прочистило ему мозги, привело в чувство, как стакан холодной воды, выплеснутой в лицо. Джорджи мог ничего не знать, но мог и знать. Он проработал с Полом семь лет, и немалую их часть — в Мюзик-Сити.

— Ты про призрака? — спросил Джорджи и рассмеялся. Они сидели в «Картинсе», кафе на Шестой авеню. Джорджи откусил от мясного сандвича, прожевал, проглотил, запил крем-содой. — Кто тебе о нем рассказал, Джонни?

— Кто-то из уборщиков, — ровным голосом ответил Телл.

— Ты уверен, что не видел его? — Джорджи подмигнул.

— Нет, — честно ответил Телл. Он видел только кроссовки. И дохлых мух. Вперемешку с пауками и тараканом.

— Знаешь, теперь эта история как-то подзабылась, но раньше говорили только об этом. О парне, призрак которого поселился в Мюзик-Сити. Его убили на третьем этаже. В мужском туалете. — Джорджи поднял руки, потряс пальцами на уровне заросших бородой щек, пробубнил несколько нот из саундтрека «Сумеречной зоны», пытаясь изобразить что-то зловещее. Разумеется, ничего у него не вышло.

— Да, — кивнул Телл, — именно это я и слышал. Но уборщик больше ничего не мог сказать, потому что не знал. Рассмеялся и ушел.

— Произошло это до того, как я начал работать с Полом. Собственно, Пол мне все и рассказал.

— Он никогда не видел призрака? — спросил Телл, и так зная ответ. Только вчера Пол *сидел* в призраке. Не просто сидел — *срал* в нем.

— Нет, и он высмеивал эти байки. — Джорджи жевал сандвич. — Ты же знаешь, как он это умеет. Не без з-зло-

бы. — Джорджи начинал заикаться, когда ему приходилось говорить что-то нелестное.

— Знаю. Бог с ним, с Полом. Кто этот призрак? Что с ним случилось?

— Какой-то торговец наркотиками. Было это в 1972-м или 1973-м. Когда Пол только начинал и работал помощником микшера. Незадолго до Обвала.

Телл кивнул. С 1975 по 1980 год рок-индустрия переживала тяжелые времена. Подростки тратили деньги не на пластинки, а на видеоигры. И наверное, в пятнадцатый раз, начиная с 1955 года, ученые мужи предвещали смерть рок-н-роллу. Но, как и в других случаях, время доказало, что клиент скорее жив, чем мертв. Видеоигры приелись, в эфир вышло Эм-ти-ви, из Англии понаехали новые звезды, Брюс Спрингстин спел «Рожденный в США», рэп и хип-хоп начали приобретать все больше поклонников.

— До Обвала перед большими шоу сотрудники звукозаписывающих компаний сами приносили за кулисы кокаин. Я тогда работал на концертах и все видел своими глазами. Один парень, он умер в 1978 году, но ты бы узнал его имя, если б я его назвал, перед каждым концертом получал от своей фирмы кувшинчик с оливками. Такой аккуратненький, завернутый в красивую бумагу. Только вместо перц и анчоусов оливки эти фаршировались кокаином. Он кла их в «мартини», которые называл вз-з-зрывными.

— Готов спорить, они и взрывали, — поддакнул Телл.

— Тогда многие полагали, что кокаин особо не отличается от витаминов, — продолжил Джорджи. — Они говорили, что к нему не развивается привыкание, как к героину, а наутро не болит голова, как после спиртного. Так что в это здание регулярно приносили «снежок». В ходу были и колеса, и травка, и гашиш, но предпочтение отдавалось кокаину. Этот парень...

— Как его звали?

Джорджи пожал плечами.

— Не знаю. Пол не говорил, и я не слышал, чтобы кто-то называл его имя... а если и слышал, то не запомнил. Д-должно быть, ничем не отличался от тех разносчиков, которые

сейчас снуют по этажам с кофе, пончиками и кренделями. Только вместо кофе этот парень разносил кокаин. Появлялся два или три раза в неделю, поднимался на верхний этаж, а потом спускался вниз. На руке висело пальто, пальцы крепко сжимали ручку брифкейса из крокодиловой кожи. Пальто висело на руке даже в самые жаркие дни. Чтобы люди не видели наручник. Но я думаю, об этом и так все знали.

— О чем?

— О н-н-наручнике. — Изо рта Джорджи полетели кусочки хлеба и мяса. — Ой, извини, Джонни.

— Ерунда. Хочешь крем-соды?

— Да, спасибо, — благодарно ответил Джорджи.

Телл подозвал официантку.

— Значит, он был разносчиком. — Ему хотелось побыстрее услышать продолжение, но Джорджи все утирал рот салфеткой.

— Совершенно верно. — На столе появилась бутылка с крем-содой, Джорджи присосался к соломинке. — На восьмом этаже он выходил из лифта с брифкейсом, набитым наркотиками. Когда добирался до первого этажа, вместо наркотиков в брифкейсе лежали деньги.

— Лучший фокус после обращения свинца в золото, — заметил Телл.

— Да, но однажды магия дала осечку. В тот день он добрался только до третьего этажа. Кто-то пришил его в мужском туалете.

— Зарезал?

— Насколько мне известно, кто-то открыл дверь кабинки, когда он с-сидел там, и воткнул карандаш ему в глаз.

На мгновение Телл увидел эту сцену так же ясно, как мятый бумажный пакет под ресторанным столом, за которым сидели заговорщики: остро заточенный карандаш втыкается в изумленный зрачок. Глаз выплескивается наружу. Его передернуло.

Джорджи покивал.

— У-у-ужасно, правда? Но, возможно, это выдумка. Я про карандаш. Скорее всего его пристрелили или пырнули ножом.

— Да.

— Но тот, кто это сделал, имел при себе что-то острое.

— Имел?

— Да. Потому что брифкейс исчез.

Телл посмотрел на Джорджи. И эту сцену он представил себе без особого труда. До того, как Джорджи рассказал ему остальное.

— Когда прибыли копы и вытащили парня из кабинки, в унитазе они нашли к-кисть левой руки.

— Понятно, — выдохнул Телл.

Джорджи смотрел на тарелку с половиной сандвича.

— Что-то я уже н-наелся. — И он виновато улыбнулся.

— Так получается, что призрак этого парня поселился в... мужском туалете третьего этажа? — спросил Телл, когда они возвращались на студию, и рассмеялся. С одной стороны, история печальная, с другой — комичная: призрак облюбовал себе сортир.

Джорджи улыбнулся.

— Ты же знаешь, какой у нас народ. Именно так и говорили. Когда я начал работать с Полом, мне не раз рассказывали о том, что видели призрак в туалете. Не всего, а только его кроссовки, торчащие из-под двери.

— Только кроссовки, значит. Любопытно.

— Да. И я сразу понимал, что они все выдумывают, потому что слышали об этом от тех, кто действительно видел посыльного своими глазами. От тех, кто знал, что он носил кроссовки.

Телл, который в те годы, когда произошло убийство, жил в маленьком пенсильванском городке и, естественно, не мог ничего знать об убийстве в Мюзик-Сити, кивнул. Они вошли в вестибюль, направились к лифтам.

— Но ты знаешь, сколь быстро меняются люди в нашем бизнесе, — заметил Джорджи. — Сегодня они здесь, а завтра их и след простыл. Я сомневаюсь, что в здании есть хоть один человек, который работал тут в те годы, кроме разве что Пола и нескольких уб-борщиков. И никто из них не покупал товар у этого парня.

— Скорее всего нет.

— Точно нет. Поэтому об этой истории больше не вспоминают, и призрака н-никто не видит.

Они вошли в кабину лифта.

— Джорджи, а почему ты держишься за Пола?

И хотя Джорджи опустил взгляд и кончики его ушей покраснели, он не сильно удивился столь резкой перемене темы.

— Почему нет? Он заботится обо мне.

Ты спишь с ним, Джорджи? Телл полагал, что вопрос этот просто напрашивался, вытекал из предыдущего, но он не стал его задавать. Не решился задать. Потому что чувствовал, что Джорджи честно на него ответит.

И Телл, которому приходилось собирать волю в кулак, чтобы заговорить с незнакомцем, который с невероятным трудом заводил друзей, внезапно обнял Джорджи. А Джорджи, не поднимая взгляда, обнял его. Потом они оторвались друг от друга, лифт остановился, микширование продолжилось. На следующий вечер, в шесть пятнадцать, когда Дженнингс собирал бумаги (и намеренно не смотрел на Телла), Телл зашел в мужской туалет третьего этажа, чтобы взглянуть на хозяина белых кроссовок.

Когда он говорил с Джорджи, ему внезапно открылась истина... Может, стоило даже сказать, что его озарило. Истина эта заключалась в следующем: иногда избавиться от призраков, которые портят жизнь, можно только в том случае, если достанет духа взглянуть им в лицо.

На этот раз он не терял сознания, не испытывал страха, сердце, правда, колотилось сильнее. И обострились все чувства. Он унюхал и хлорку, и запах розовых дезинфицирующих таблеток, лежащих в писсуарах, и чью-то перду. Он видел мельчайшие трещинки на краске, как на стенах, так и на трубах. А в ушах, когда направлялся к первой кабинке, громом отдавались его шаги.

Дохлые мухи и пауки буквально завалили кроссовки.

Поначалу я заметил только одну или две дохлых мухи. Они не умирали, пока под дверью первой кабинки не появились кроссовки, а они не появлялись, пока я их не увидел.

— Почему я? — громко и отчетливо вопросил он туалетную тишину.

Кроссовки не шевельнулись, замогильный голос не ответил.

— Я тебя не знаю, мы с тобой никогда не встречались, мне ни к чему твой товар. Так почему я?

Одна из кроссовок чуть двинулась. Захрустели мушиные трупики. Затем кроссовка с пропущенной дырочкой для шнуровки вернулась на прежнее место.

Телл открыл дверцу кабинки. По всем канонам готического жанра, одна петля заскрипела. Интуиция Телла не подвела. Конечно же, он увидел призрака.

Призрак сидел на унитазе, одна рука лежала у него на бедре. В общем, таким Телл и представлял его в своих кошмарах, правда, с двумя кистями, а не с одной. Вторая рука заканчивалась кровавым обрубком, засиженным мухами. Только теперь Телл понял, что ни разу не видел брюк призрака (а ведь штанины всегда лежат на обуви, если заглянуть под дверцу туалетной кабинки: этим делом занимаются исключительно со спущенными штанами). Он и не мог их увидеть, потому что призрак не расстегивал ни ремень, ни ширинку. Носил он бананы. Телл попытался вспомнить, когда же бананы вышли из моды, и не смог.

Компанию бананам составляла джинсовая рубашка с накладными карманами. Клапан каждого кармана украшала эмблема борцов за мир. Волосы он зачесывал направо. На проборе тоже лежали дохлые мухи. С крючка на задней стороне дверцы свешивалось пальто, о котором говорил Джорджи. Дохлые мухи валялись на плечах.

Что-то заскрипело, совсем не так, как дверная петля. Телл понял, что это сухожилия шеи призрака. Он поднимал голову. Посмотрел на него, и Телл даже не удивился тому, что видит перед собой лицо, которое ежедневно лицезрел в зеркале, когда брился. Разумеется, за исключением торчащего из глаза обломка карандаша. Призрак стал им, а он — призраком.

— Я знаю, что ты готов, — услышал он хриплый, бесцветный голос человека, у которого долгое время бездействовали голосовые связки.

— Я не готов, — ответил Телл. — Уходи.

— Готов услышать правду, — уточнил Телл, сидящий на унитазе, и Телл, стоящий у дверцы кабинки, увидел круги белого порошка у ноздрей второго Телла. Похоже, тот не только приторговывал кокаином, но и сам потреблял это зелье. А в туалет зашел, чтобы нюхнуть белого порошка. Но кто-то распахнул дверцу и загнал ему в глаз карандаш. Только кто мог убить карандашом? Может, человек, который совершал убийство в состоянии...

— О, считай, что это импульсивное преступление. — Все тот же хриплый, бесцветный голос. — Знаменитое преступление, совершаемое по внезапно возникшему импульсу.

И Телл, Телл, стоявший у дверцы, понял, что так оно и было, что бы там ни говорил Джорджи. Убийца не заглянул под дверцу кабинки, а посыльный забыл закрыть ее на задвижку. При других обстоятельствах все закончилось бы «Извините меня», а претендент на посещение кабинки воспользовался бы соседней. Но в данном конкретном случае дело приняло иной оборот. Встреча над унитазом привела к убийству.

— Я не забыл закрыть дверь на задвижку, — прохрипел призрак. — Ее сломали.

Да, конечно, задвижку сломали. Обычное дело. А карандаш? Телл не сомневался, что убийца, открывая дверцу кабинки, даже не подозревал о том, что карандаш в его руке — орудие убийства. Он пришел в туалет с карандашом, потому что многим нравится держать что-то в руке: сигарету, кольцо с ключами, ручку или карандаш. Телл подумал, что карандаш оказался в глазу посыльного, прежде чем и убитый, и убийца поняли, как последний собирается его использовать. Возможно, убийца также был клиентом посыльного и знал, что находится в чемодане. Поэтому он закрыл дверцу кабинки, оставив покойника на унитазе, вышел из туалета, спустился на лифте вниз, покинул Мюзик-Сити, чтобы купить... ну что-нибудь...

— Он пошел в хозяйственный магазин, расположенный в пяти кварталах от Мюзик-Сити, и купил ножовку, — объ-

яснил призрак, и Телл вдруг заметил, что у него уже другое лицо, мужчины лет тридцати. Поначалу у призрака были русые волосы, такие же, как у Телла, но теперь они стали черными.

Внезапно ему открылась еще одна истина: когда люди видят призраков, прежде всего им кажется, что призраки похожи на них. Почему? По той же причине ныряльщики, поднимаясь, выдерживают паузу, не достигнув поверхности. Они знают, что слишком быстрый подъем приведет к закипанию азота в крови, а это чревато страданиями и даже смертью. Организм просто принимает меры предосторожности.

— Восприятие изменяется, когда ты переходишь границу реальности, так? — сипло спросил Телл. — Поэтому жизнь в последнее время казалась какой-то странной? Что-то внутри меня старалось... старалось наладить с тобой контакт?

Призрак пожал плечами. Дохлые мухи посыпались на пол.

— Рассказывай... у тебя есть голова на плечах.

— Хорошо, — ответил Телл. — Расскажу. Он купил ножовку, и продавец положил ее в пакет. Потом вернулся в Мюзик-Сити. Он совершенно не волновался. Если бы кто-то тебя обнаружил, он бы сразу это понял: у туалета собралась бы толпа. Так он, во всяком случае, предполагал. Возможно, появились бы и копы. А если никого не будет, решил он, тогда он войдет и заберет брифкейс.

— Сначала он попытался распилить цепь, — пояснил хриплый голос. — А когда не получилось, отпилил мне руку.

Они смотрели друг на друга. До Телла вдруг дошло, что он видит и туалетное сиденье, и грязный белый кафель за спиной трупа... то есть труп наконец-то начал превращаться в настоящего призрака.

— Теперь ты знаешь? — спросил он. — Теперь ты знаешь, почему *ты?*

— Да. Ты должен был кому-то сказать.

— Нет... история — дерьмо. — Тут призрак так зловеще улыбнулся, что по коже Телла побежали мурашки. — Но иногда знание помогает... если ты все еще жив. — Он помолчал. — Ты забыл спросить у своего друга Джорджи одну

важную деталь, Телл. Впрочем, он мог и не дать тебе честного ответа.

— Что? — Впрочем, Телл уже сомневался, а хотелось ли ему услышать ответ.

— Кто на третьем этаже был моим самым крупным покупателем. Кто задолжал мне почти восемь тысяч баксов. Кто больше не получал в долг ни щепотки кокаина. Кто после моей смерти на два месяца отправился в лечебно-реабилитационный наркологический центр в Род-Айленде и излечился от пагубной привычки. Кто после этого и близко не подходит к белому порошку, лишь изредка балуясь травкой. Джорджи в те дни здесь не было, но, думаю, он знает ответы на все эти вопросы. Потому что он слышит то, о чем говорят люди. А ты, наверное, заметил, что люди частенько разговаривают так, словно и не замечают присутствия Джорджи. — Телл кивнул. — И с памятью у него все в порядке. Я думаю, он все знает. Может, он бы ничего тебе и не сказал, Телл, но он знает.

Лицо вновь начало меняться, расплылось, а потом сквозь туман проступили черты Пола Дженнингса.

— Нет, — прошептал Телл.

— Он получил больше тридцати «штук», — сказал мертвец с лицом Пола. — Из них заплатил за лечение, а остатка хватило для других вредных привычек, отказываться от которых он не собирался.

И внезапно фигура на унитазе начала растворяться в воздухе, чтобы мгновением позже исчезнуть окончательно. Телл посмотрел на пол. Исчезли и мухи.

В туалете Телла больше ничего не задерживало. Он вернулся в студию, сказал Полу Дженнингсу, что тот подлый мерзавец, подождал, чтобы увидеть крайнее изумление на лице Пола, а потом вышел за дверь. Работу он мог найти и в другом месте, потому что знал дело, которым занимался. И осознание этого тоже стало для него откровением. Не первым в этот день, но определенно самым главным.

Дома он первым делом направился в туалет. Очень хотелось справить большую нужду, а желание это свидетель-

ствовало о том, что он живет и организм его функционирует нормально.

— «Человек, который все делает по часам, — счастливчик», — сообщил он белому кафелю стен. Он чуть повернулся, взял с бачка последний номер «Роллинг стоунз», открыл раздел «С миру по нитке» и начал читать.

РОК-Н-РОЛЛЬНЫЕ НЕБЕСА

Когда Мэри проснулась, они уже заблудились. Она это знала, и он это знал, хотя поначалу ему никак не хотелось в этом признаваться. На его лице читалось: не приставай ко мне, я чертовски зол. Мэри узнавала об этом по его рту, который становился все меньше и меньше, чуть ли не исчезал совсем. И Кларк никогда бы не сказал, что они «заблудились». Нет, он мог выдавить из себя «где-то мы не туда свернули», да и то через силу.

Днем раньше они выехали из Портленда. Кларк работал в компьютерной фирме, одной из самых больших, и идея о том, что они должны повидать Орегон, принадлежала ему. Настоящий Орегон, а не тот благоустроенный пригород Портленда, предназначенный для наиболее обеспеченных представителей среднего класса, в котором они жили, Программер-Сити, как называли его местные. «Говорят, тут роскошная природа, — сказал он ей. — Не хочешь взглянуть? У меня есть неделя отпуска, да и слухи о переводе стали ходить. Если мы не увидим настоящий Орегон, последние шестнадцать месяцев останутся в моей памяти черной дырой».

Она согласилась с радостью (занятия в школе закончились десятью днями раньше, а летних классов она в этом году не вела), предвкушая отличное путешествие, забыв о том, что к любой поездке надо тщательно готовиться, чтобы не оказаться именно в таком положении, на дороге, ведущей

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

в никуда. Наверное, они приняли авантюрное решение, во всяком случае, думала она, при желании можно смотреть на такую поездку как на авантюру, все-таки ей в январе исполнилось тридцать два года, старовата она уже для таких приключений. В ее возрасте куда приятнее провести эту неделю в мотеле с большим, чистым бассейном, купальными халатами в спальне, работающим феном в ванной.

Правда, вчерашний день удался, природа действительно завораживала. Даже Кларк, и тот несколько раз замолкал, любуясь окрестностями. Ночь они провели в уютной загородной гостинице к востоку от Юджина, трахнулись не один раз, а дважды (вот тут о старости речь не шла), а утром поехали на юг, планируя переночевать в Кламат-Фоллз. И все шло хорошо, пока они ехали по шоссе номер 58, но в Окридже, где они остановились на ленч, Кларк предложил свернуть с автострады, забитой трейлерами и РА*.

— Ну я не знаю... — В голосе ее слышались сомнения женщины, слышавшей много подобных предложений от своего мужчины и даже сумевшей пережить последствия некоторых из них. — Не хотелось бы мне здесь заблудиться, Кларк. Местность-то довольно пустынная. — И она постучала аккуратно накрашенным ногтем по зеленому пятну на карте, именуемому Природным парком Боулдер-Крик. — Природный парк означает, что там нет ни заправок ни туалетов, ни мотелей.

— Да перестань. — Он отодвинул тарелку с остатками куриного стейка. В музыкальном автомате Стив Эрл и «Дьюкс» пели «Шесть дней на трассе», а за пыльными, давно не мытыми окнами мальчишки со скучающими лицами выписывали круги на скейтбордах. Похоже, они отбывали тут время, с нетерпением ожидая, когда вырастут и смогут навсегда уехать из этого городка. Мэри их отлично понимала. — Негде тут заблудиться, крошка. По пятьдесят

* РА — рекреационный автомобиль, специализированный автомобиль или прицеп для любителей автотуризма, разделенный на функциональные секции: кухню, спальню, гостиную, туалет, душ и т.д.

восьмому мы проедем несколько миль на восток... потом повернем на дорогу сорок два, идущую на юг... видишь?

— Угу. — Она видела толстую красную полосу автострады, шоссе номер 58, и узкую черную ниточку дороги номер 42. Но она осоловела от съеденных мясного рулета и картофельного пюре, и ей не хотелось спорить с проснувшимся в Кларке инстинктом первооткрывателя, особенно теперь, когда она чувствовала себя удавом, только что проглотившим козу. Хотелось-то ей другого: откинуть спинку сиденья их славного старенького «мерседеса» и подремать.

— Смотри, тут тоже есть дорога, — продолжал Кларк. — Она не пронумерована, наверное, местного значения, но выводит прямо к Токети-Фоллз. А оттуда рукой подать до шоссе номер 97. Так что ты об этом думаешь?

— Что твоими стараниями мы скорее всего заблудимся, — потом она пожалела о своей шпильке, — но я думаю, все образуется, если ты найдешь достаточно широкое место, чтобы развернуть «Принцессу».

— Решение принято! — воскликнул он, пододвинул тарелку с остатками куриного бифштекса и вновь принялся за еду, подбирая даже загустевшую подливку.

— Как ты можешь? — Ее даже передернуло.

— Между прочим, вкусно. Опять же, закон любого путешествия: надо есть местную пищу.

— Но эта подлива похожа на соплю, застывшую на старом гамбургере. Кошмар!

Так что из Окриджа они выехали в превосходном настроении, и поначалу все шло очень даже гладко. Никаких проблем не возникало, пока они не свернули на 42-ю, а с нее — на ненумерованную дорогу, ту самую, которая, по мнению Кларка, должна была привести их в Токети-Фоллз. И тут вроде бы никаких сюрпризов не ожидалось. Более того, ненумерованная дорога поддерживалась куда в лучшем состоянии, чем 42-я, на которой хватало выбоин. Они развлекались, по очереди вставляя кассеты в магнитолу. Кларк отдавал предпочтение Уилсону Пикетту, Элу Грину, Попу Степлсу. Мэри нравилась совсем другая музыка.

— И что ты находишь в этих белых мальчиках? — спросил Кларк, когда она включила свою любимую на тот момент песню: «Нью-Йорк» Лу Рида.

— Я же добропорядочная замужняя дама, не так ли? — притворно возмутилась Мэри, и они рассмеялись.

С первым знаком беды они столкнулись четверть часа спустя, когда подкатили к развилке. Уходящие направо и налево дороги ничем не отличались друг от друга.

— Вот дерьмо! — Кларк остановил автомобиль, открыл бардачок, достал карту, долго смотрел на нее. — Развилки на карте нет.

— Вот мы и приехали. — Мэри уже засыпала, когда Кларк затормозил у невесть откуда взявшейся развилки, и, естественно, в ее голосе слышались нотки раздражения. — Хочешь совет?

— Нет, — не менее раздраженно ответил он, — но я его выслушаю. И не выкатывай на меня глаза. На случай, что ты этого не знаешь, скажу, что меня это выводит из себя.

— И как я на тебя при этом смотрю, Кларк?

— Как на старого пса, который пернул под обеденным столом. Давай, скажи мне, что ты думаешь. Выкладывай все. Имеешь право.

— Давай вернемся, пока не поздно. Таков мой совет.

— Ага. Ты бы еще сказала: «ПОКАЙСЯ»!

— Я должна смеяться?

— Не знаю, Мэри, — мрачно ответил он, переводя взгляд с развилки на карту. Они прожили вместе почти пятнадцать лет, и Мэри достаточно хорошо его знала, знала, что он будет настаивать на том, чтобы ехать дальше... именно потому, что на пути им встретилась неожиданная развилка.

Если Кларку Уиллингхэму предоставляется шанс рискнуть, он просто не может его упустить, подумала она и прикрыла рот рукой, чтобы он не увидел ее усмешку.

Но не успела. Кларк искоса глянул на нее, изогнув бровь, и в голову Мэри пришла тревожная мысль: если она видела его насквозь, может, и он отвечал ей тем же?

— Что ты нашла смешного? — спросил он, и она заметила, что рот его начал уменьшаться. — Может, поделишься?

Она покачала головой:

— Просто запершило в горле.

Он кивнул, сдвинул очки на высокий, все увеличивающийся лоб, поднес карту к носу.

— Ладно, ехать надо по левой дороге, потому что она уходит на юг, к Токети-Фоллз. А вторая ведет на восток. Возможно, к какому-то ранчо.

— Дорога к ранчо с желтой разделительной полосой?

Рот Кларка стал еще меньше.

— Ты и представить себе не можешь, как богаты некоторые ранчеры.

Она хотела сказать ему, что скаутские походы остались в далеком прошлом, что нет никакого смысла лезть на рожон, но потом решила, что подремать на солнышке ей хочется куда больше, чем цапаться с мужем, особенно после такой чудесной ночи, когда они трахнулись не один раз, а целых два. Ведь куда-то дорога их да выведет, верно?

С этой успокаивающей мыслью и голосом Лу Рида, звучащим в ушах, Мэри Уиллингхэм и заснула. К тому времени, когда дорога, выбранная Кларком, начала ухудшаться с каждой сотней футов, она уже крепко спала, и ей снилось, что они вновь в Окридже, в кафе, в которое заходили, чтобы перекусить. Она пыталась вставить четвертак в щель музыкального автомата, но ей что-то мешало. Один из мальчишек, которые катались на автомобильной стоянке, прошел мимо нее со скейтбордом под мышкой, в бейсболке, повернутой козырьком к затылку.

Что случилось с автоматом? — спросила его Мэри.

Мальчишка подошел, коротко глянул на щель, пожал плечами.

Да ерунда, ответил он. *Тело какого-то парня, порубленное на кусочки для вас и для других. У нас же здесь не филармония. Мы говорим о масскультуре, милая.*

Потом он протянул руку, ухватил ее за правую грудь, не очень-то нежно, и ушел. А когда она вновь посмотрела на музыкальный автомат, то увидела, что он заполнен кровью и в ней что-то плавает, вроде бы человеческие органы.

Может, лучше не слушать Лу Рида, подумала она и заметила, как под толщей крови в автомате начала вращаться пластинка: Лу запел «Автобус веры».

Пока Мэри снился кошмар, дорога продолжала ухудшаться. Выбоин в асфальте становилось все больше, пока вся дорога не превратилась в сплошную выбоину. Альбом Лу Рида, очень длинный, подошел к концу, начал перематываться. Кларк этого не заметил. От радужного настроения, с которого начался этот день, не осталось и следа. Рот Кларка превратился в бутон. Если бы Мэри не спала, она давно бы убедила его повернуть назад. Он это прекрасно знал, как знал и то, какими глазами посмотрит она на него, когда проснется и увидит, по какому они ползут проселку — назвать это дорогой не поворачивался язык. А деревья с обеих сторон подступали вплотную, отчего ехали они в густой тени. И с тех пор, как они свернули с дороги номер 42, навстречу не попался ни один автомобиль.

Он понимал, что ему давно уже следовало развернуться, понимал, что Мэри очень не понравится, когда она увидит, в какую они забрались глушь, и, конечно, она напрочь забудет о том, сколько раз ему удавалось выпутаться из схожи ситуаций, добраться до нужного места (Кларк Уиллингхэ относился к тем миллионам американских мужчин, которые ни на секунду не сомневались в том, что встроенный в них компас никогда не подведет), но он продолжал упрямо ехать вперед, поначалу убежденный в том, что дорога должна вывести их к Токети-Фоллз, потом лишь надеясь на это. Кроме того, и развернуться-то он не мог. Если бы попытался, то «Принцесса» наверняка бы по самые оси провалилась в один из кюветов, которые тянулись вдоль этой жалкой пародии на дорогу... И один только Бог знал, сколько потребуется времени, чтобы сюда приехал тягач, и сколько придется идти до ближайшего телефона.

А потом наконец-то он добрался до места, где мог развернуться, подъехал еще к одной развилке, но решил этого не делать. По простой причине: если правое ответвление

представляло собой две засыпанные гравием колеи, между которыми росла трава, то налево уходила широкая дорога, разделенная на две полосы ярко-желтой линией. И компас в голове Кларка указывал, что дорога эта ведет на юг. То есть он буквально видел Токети-Фоллз. От цели их отделяли десять, может, пятнадцать, максимум двадцать миль.

Однако он подумал о том, а не повернуть ли назад. Когда он рассказывал об этом Мэри, в ее глазах читалось сомнение, но говорил он чистую правду. А дальше решил ехать только потому, что Мэри начала просыпаться, и он не сомневался, что тряска на колдобинах, если он повернет назад, окончательно разбудит ее... и тогда она осуждающе посмотрит на него огромными голубыми глазами. Только посмотрит. Но и этого хватит с лихвой.

И потом, какой смысл возвращаться, все-таки они едут уже полтора часа, если до Токети-Фоллз, возможно, рукой подать? *Ты только посмотри на эту дорогу,* сказал он себе. *Или ты думаешь, что такая дорога может вести в никуда*?

Он врубил первую передачу, выбрав, естественно, левое ответвление, но, к сожалению, дорога его надежд не оправдала. После первого холма желтая полоса исчезла, после второго исчез асфальт, и им вновь предстояло ползти по проселку, с обеих сторон зажатому темным лесом, а солнце, Кларк только тут это заметил, начало скользить вниз совсем не по той половине небосвода, по которой ему следовало скользить, если бы они ехали в правильном направлении.

Асфальт оборвался так резко, что Кларку пришлось затормозить, и резкий толчок разбудил Мэри. Она вскинула голову, огляделась, широко раскрыв глаза.

— Где... — И в этот самый момент для полноты картины бархатный голос Лу Рида, радовавший слух песней «Добрый вечер, мистер Уолдхайм», вдруг заскрипел и ускорился.

— Черт! — Мэри нажала на кнопку «Stop/Eject». Кассета выскочила, за ней потянулись кольца блестящей коричневой ленты.

«Принцесса» тем временем угодила колесом в глубокую выбоину, накренилась влево, потом с достоинством выпрямилась, совсем как клиппер после удара волны.

— Кларк?

— Ничего не говори, — процедил он сквозь сжатые зубы. — Мы не заблудились. Через минуту снова появится асфальт, может, после следующего холма. Мы не заблудились!

Еще не придя в себя от кошмара (правда, она уже смутно помнила, что ей снилось), Мэри печально смотрела на зажеванную пленку, которая лежала у нее на коленях. Конечно, она могла купить такую же кассету... но не здесь. Она взглянула на деревья, облепившие дорогу, словно изголодавшиеся гости — стол, и поняла, что до ближайшего магазина путь предстоит долгий.

Повернулась к Кларку, заметила его пылающие щеки и практически исчезнувший рот, и решила, что целесообразно помолчать, хотя бы какое-то время. Если сохранять спокойствие и не набрасываться на него, он, возможно, придет в себя до того, как эта дорога уткнется в гравийный карьер или болото.

— Кроме того, здесь я развернуться не смогу, — внезапно вырвалось у него, словно он отвечал на ее невысказанный вопрос.

— Я понимаю, — кивнула она.

Он искоса глянул на нее, возможно, хотел поругаться, а может, — убедиться, что пока она не сильно на него злится, потом вновь всмотрелся в лобовое стекло. Теперь трава росла и на этой дороге, и она стала такой узкой, что со встречной машиной они бы не разъехались. Но пугало его не столько сужение дороги, сколько земля по обе ее стороны, все больше напоминавшая болото.

И вдоль дороги не стояли столбы с электрическими проводами. Ни с одной стороны. Мэри хотела указать на это Кларку, но потом подумала, что лучше придержать язык. Они ехали молча, пока не добрались до спуска в ложбину. Несмотря ни на что, он надеялся, что на другой стороне их ждут изменения к лучшему, но проселок оставался прежним, разве что еще сузился. Кларку уже казалось, что это дорога из какого-то романа фэнтези (он обожал их читать) Терри Брукса, Стивена Дональдсона или самого Дж.Р.Р. Толкина,

духовного отца современных писателей, творящих в этом жанре. В этих историях герои (обычно с волосатыми ногами и стоящими торчком ушами), не внимая голосу разума, останавливали свой выбор на таких вот забытых всеми дорогах, а заканчивалось все смертельной схваткой с троллями, призраками или скелетами.

— Кларк...

— Я знаю. — Неожиданно он ударил по рулю левой рукой, резко, раздраженно. Зацепил клаксон, и ему ответил короткий гудок. — *Я знаю.* — Он остановил «мерседес», целиком оседлавший дорогу (дорогу? Ее и проселком-то уже не назовешь), поставил ручку переключения скоростей в нейтральное положение, вылез из кабины. Мэри, пусть и не так быстро, последовала его примеру.

Воздух наполнял божественный аромат хвои, и Мэри заслушалась этой тишиной, не нарушаемой ни шипением шин по асфальту, ни шумом пролетающего самолета, ни звуком человеческого голоса... Но при этом по спине у нее побежали мурашки. И те звуки, что доносились до нее, трель птички из густой хвои, ветер, шелестящий в вершинах, могучее урчание дизельного двигателя «Принцессы», кирпичиками ложились в вырастающую вокруг них стену страха.

Поверх серой крыши «Принцессы» она посмотрела на Кларка, и в ее взгляде не было ни упрека, ни злости, лишь мольба: *Вызволи нас отсюда. Пожалуйста.*

— Извини, крошка. — Тревога, которую она прочитала на его лице, отнюдь ее не порадовала. — Так уж вышло.

Мэри попыталась заговорить, но поначалу ни единого звука не сорвалось с ее губ. Она откашлялась, и вторая попытка удалась.

— А почему бы не подать машину задним ходом, Кларк?

Он на несколько мгновений задумался, над их головами вновь затренькала птичка, ей ответила другая, из глубины леса, и только потом он покачал головой.

— Лишь в крайнем случае. До последней развилки не меньше двух миль...

— Ты хочешь сказать, что была *еще одна?*

Он дернул щекой, опустил взгляд, кивнул.

— Задним ходом... сама видишь, какая узкая дорога, а кюветы, что твое болото. Если мы сползем... — Он покачал головой и вздохнул.

— Тогда поедем вперед.

— Я тоже так думаю. Если уж дорога исчезнет, тогда, разумеется, придется пятиться.

— Но к тому времени мы заберемся еще глубже, не так ли? — Пока ей удавалось, и ее это радовало, обходиться без обвиняющих ноток в голосе, но кажущееся спокойствие требовало все больше и больше усилий. Она злилась на него, сильно злилась, и злилась на себя — за то, что позволила ему завезти их в такую глушь, и за то, что теперь старалась поддержать его.

— Да, но я оцениваю вероятность того, что мы найдем место для разворота, выше своих шансов доползти до развилки задним ходом. А если нам придется ползти, будем это делать урывками. Пять минут ехать, десять приходить в себя. — Он криво улыбнулся. — Это будет настоящее приключение.

— Да-да, конечно, будет. — Мэри очень хотелось сказать, что никакое это не приключение, а сплошная головная боль. — Я надеюсь, тобой движет не уверенность в том, что за следующим холмом мы увидим Токети-Фоллз?

На мгновение его рот исчез полностью, и она уже приготовилась к вспышке праведного мужского гнева. Потом плечи его поникли, он покачал головой. Она вдруг увидела, каким он будет через тридцать лет, и ее это напугало гораздо больше, чем перспектива застрять на лесной дороге.

— Нет, — ответил он. — Про Токети-Фоллз я и думать забыл. Одна из главных заповедей американского туриста гласит: если вдоль дороги нет столбов с электрическими проводами, она ведет в никуда.

Значит, он тоже это заметил.

— Поехали. — Он вновь сел за руль. — Попытаюсь вывезти нас отсюда. А в следующий раз послушаю тебя.

Да-да, устало подумала Мэри. *Я это уже слышала.* Но прежде чем он передвинул ручку скоростей, накрыла его руку своей.

— Я *знаю*, что вывезешь. — Тем самым она превратила его слова в обещание. — Приложишь к этому все силы.

— Можешь не сомневаться.

— И будь осторожен.

— А как же иначе? — Он улыбнулся, отчего настроение у нее сразу улучшилось, и включил первую передачу. Большой серый «мерседес», инородное тело в этих глухих местах, вновь пополз по узкому проселку.

Они проехали еще милю, и ничего не изменилось, кроме дороги: она стала еще уже. Мэри подумала, что деревья теперь напоминают не голодных гостей, толпящихся у стола, а любопытных зевак, собравшихся на месте страшной аварии. Земля под деревьями все больше напоминала болото. Кое-где Мэри уже видела стоячую воду, присыпанную опавшей хвоей. Сердце ее билось слишком уж быстро, пару раз она поймала себя на том, что грызет ногти, хотя ей казалось, что она отучилась от этой вредной привычки за год до того, как вышла замуж за Кларка. Она вдруг осознала, что ночь, если они застрянут, придется провести в «Принцессе». А ведь в лесу полно зверья, она слышала треск ветвей. Тут могут быть и медведи. При мысли о встрече с медведем в тот самый момент, когда они будут стоять рядом с застрявшим «мерседесом», к горлу подкатила тошнота.

— Кларк, я думаю, пора забыть о том, что дорога куда-нибудь нас да выведет. Переходи на задний ход. Уже четвертый час и...

— Посмотри. — Он ткнул пальцем в ветровое стекло. — Это не щит-указатель?

Она прищурилась. Дорога взбиралась на заросший лесом холм. И у вершины на зеленом фоне ярко-синим пятном выделялся большой прямоугольник.

— Да, — кивнула она. — Щит-указатель.

— Отлично! И что на нем написано?

— Гм-м... На нем написано: «ЕСЛИ ВЫ ЗАБРАЛИСЬ ТАК ДАЛЕКО, ЗНАЧИТ, ВЫ В ЗАДНИЦЕ».

Кларк бросил на нее короткий взгляд, полный удивления и злости.

— Очень забавно, Мэри.

— Спасибо тебе, Кларк. Я старалась.

— Мы поднимемся на вершину холма, прочитаем надпись на указателе, посмотрим, что внизу. Если нам не понравится то, что увидим, начнем пятиться. Согласна?

— Согласна.

Он похлопал ее по колену, потом осторожно тронул «мерседес» с места. Они ехали так медленно, что она слышала, как трется о днище растущая на дороге трава. Мэри уже могла разобрать слова, написанные на щите, но поначалу не хотела верить своим глазам, думая, что ошибается. Однако с сокращением расстояния до щита слова оставались прежними.

— На нем написано то, что вижу? — спросил Кларк.

Мэри нервно рассмеялась.

— Да... но это какая-то шутка. Или ты так не думаешь?

— Я уже перестал думать, от мыслей одни неприятности. Но мне представляется, что это не шутка. Посмотри, Мэри!

В двадцати или тридцати футах за щитом-указателем, аккурат перед гребнем холма, дорога, как по мановению волшебной палочки, расширялась. Проселок вновь превратился в шоссе, более того, двухполосное шоссе с уходящей вдаль желтой линией, которая делила его на две равные половины. Мэри буквально почувствовала, как у нее отлегло от сердца.

Кларк улыбался во весь рот.

— Прелесть, правда?

Мэри радостно кивнула, и ее губы растянулись в широкой улыбке.

У самого щита-указателя Кларк нажал на педаль тормоза. Они вновь прочитали надпись:

Добро пожаловать
в Рок-н-ролльные Небеса, Орегон.

МЫ ГОТОВИМ НА ГАЗУ! КАК И ВЫ!

Молодая поросль Торговая палата*
*Лайонс** Лоси****

— И все-таки это чья-то шутка, — повторила она.

— Может, и нет.

— Чтобы город назывался Рок-н-ролльные Небеса? Быть такого не может.

— Почему нет? Есть же Истина или Результат в Нью-Мексико, Сухая Акула — в Неваде, Совокупление — в Пенсильвании. Так почему в Орегоне не быть Рок-н-ролльным Небесам?

Мэри весело рассмеялась. Волна облегчения накрыла ее с головой.

— Ты это выдумал.

— Что?

— Совокупление в Пенсильвании.

— Отнюдь. Ральф Джинзберг однажды пытался послать оттуда журнал под названием «Эрос». Ради почтового штемпеля. На почте его не приняли. Клянусь. И кто знает, может, этот городок где-то в шестидесятых основала община хиппи, потянувшаяся к земле. Они влились в цивилизованное общество, отсюда «Молодая поросль», «Лайонс», «Лоси», но оригинальное название прижилось. — Идея ему понравилась. С одной стороны, забавная, с другой — очень трогательная. — Но все это совершенно не важно. Главное, что мы вновь нашли твердое покрытие, дорогая. Это такая штука, по которой ездят.

Мэри кивнула.

— Так и поезжай... но будь осторожен.

— Можешь не сомневаться. — «Принцесса» вползла на дорогу. Кларк видел, что покрытие — не асфальт, но что-то

---

* Молодежная секция объединения местных торговых палат.

** «Лайонс клаб интернешнл» — общественная организация бизнесменов, ассоциация клубов на службе общества.

*** «Лось» — член Благотворительного и Покровительствующего ордена лосей.

твердое и гладкое, без единой трещины или заплаты. — Буду осторожен, как ни...

Они въехали на гребень, и последнее слово замерло у него на губах. Он так резко нажал на педаль тормоза, что его бросило бы на руль, а Мэри — на приборный щиток, если б не ремни безопасности. Потом перевел ручку скоростей в нейтральное положение.

— Святый Боже! — вырвалось у него.

Раскрыв от изумления рты, они смотрели на лежащий под ними городок.

Расположился он в маленькой, уютной долине и словно сошел с картины Нормана Рокуэлла*. Мэри попыталась сказать себе, что дело в перспективе: они смотрят на городок с вершины холма, он окружен густыми лесами, но потом поняла, что только перспективой и ландшафтными особенностями впечатления, которое производил городок, не объяснить. Уж очень все было сбалансировано. Два церковных шпиля, с севера и юга городской площади, красное, амбароподобное здание на востоке, должно быть, школа, и белое — на западе, с колокольней и спутниковой антенной, скорее всего там заседал городской совет. И дома такие аккуратненькие, такие ухоженные. Именно так они выглядели на рекламных объявлениях в довоенных изданиях вроде «Сатердей ивнинг пост» или «Американ меркюри».

Над одной или двумя трубами должен виться дымок, подумала Мэри. И точно, присмотревшись, она нашла такие дома. Внезапно ей вспомнился рассказ из «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери. О марсианах, которые так искусно замаскировали бойню, что земляне-астронавты приняли ее за городок своего детства.

— Разворачивайся, — вырвалось у нее. — Тут достаточно широко, развернуться ты сможешь.

* Рокуэлл Норман (1894–1978) — художник, иллюстратор. Автор множества реалистических картин из жизни маленького американского городка, иллюстратор «Сатердей ивнинг пост» (1916–1963). В Филадельфии открыт музей его имени.

Он медленно повернулся к ней, но ее нисколько не волновало выражение его лица. Пусть и смотрел он на нее, как на сумасшедшую.

— Дорогая, что ты такое...

— Мне тут не нравится, вот и все. — Она почувствовала, что краснеет, но не замолчала. — Все это напоминает мне одну страшную историю, которую я прочитала в детстве. — Она помолчала. — И еще маленький домик, построенный из имбирных пряников с бисквитной крышей и сахарными ставнями из «Ганса и Гретель».

Он по-прежнему изумленно таращился на нее, и она вдруг поняла, что он собирается спуститься вниз, что в нем заиграли те же самые гормоны, тот же самый тестостерон, благодаря которому они свернули с трассы. Господи, он хочет *исследовать* неизвестное. И разумеется, обзавестись сувениром. Купить в местном магазине футболку с надписью «Я БЫЛ В РОК-Н-РОЛЛЬНЫХ НЕБЕСАХ, И, ЗНАЕТЕ ЛИ, У НИХ ЧЕРТОВСКИ КЛАССНАЯ РОК-ГРУППА».

— Милая... — Этим мягким, нежным голосом он бы уговаривал ее прыгнуть вместе с ним из окна.

— Хватит. Если хочешь сделать мне что-нибудь приятное, разверни машину и отвези нас на шоссе номер 58. Если ты это сделаешь, то вечером опять получишь вкусненькое. Может, и двойную порцию, если тебя на это хватит.

Он глубоко вздохнул. Руки сжимали руль, глаза не отрывались от ветрового стекла. Наконец он повернулся к ней:

— Посмотри на другой край долины, Мэри. Видишь дорогу, поднимающуюся по склону холма?

— Да, вижу.

— Видишь, какая она широкая? Какая гладкая? Какая ухоженная?

— Кларк, это...

— Смотри! Я даже вижу на ней автобус. — Он указал на желтого жучка, ползущего по дороге к городу, поблескивая на солнце металлическим панцирем. — То есть на этой стороне мира мы увидели на один автомобиль больше, чем раньше.

— Я по-прежнему...

Он схватил карту, лежащую на выступе между сиденьями, и когда вновь повернулся к ней, Мэри поняла, что этот веселый, обволакивающий голос скрывал бушующую в нем ярость.

— Послушай, Мэри, и, пожалуйста, обрати внимание на мои слова, чтобы потом не задавать лишних вопросов. Возможно, я смогу здесь развернуться, а возможно, и нет. Дорога тут шире, но я не уверен, что она достаточно широка. А кюветы меня по-прежнему очень смущают.

— Кларк, пожалуйста, не кричи. У меня болит голова.

Сделав над собой усилие, он понизил голос:

— Если мы развернемся, нам придется ползти двенадцать миль до шоссе номер 58 по тому же самому болотистому проселку.

— Двенадцать миль — не так уж и много. — Она пыталась сохранить твердость в голосе, но уже чувствовала, что ее сопротивление слабеет. Она ненавидела себя за это, но ничего не могла изменить. Ей вдруг открылась истина: мужчины всегда добивались своего благодаря жесткости и безжалостности. В споре они вели себя точно так же, как и на футбольном поле. Поэтому те, кто не уступал им, рисковали получить серьезные психические травмы.

— Согласен, двенадцать миль — не так уж и много, - голос Кларка вновь обволакивал, — но как насчет тех пяти десяти, которые придется проехать, если мы вернемся на пятьдесят восьмое?

— Ты так говоришь, будто мы опаздываем на поезд, Кларк!

— Меня это злит, ничего больше. Ты бросаешь взгляд на аккуратненький маленький городок с неординарным названием и говоришь, что он напоминает тебе все пятницы, которые выпадают на тринадцатое число, черную кошку и еще черт знает что. И эта дорога, — он указал на противоположную сторону долины, — идет на юг. Вполне возможно, что до Токети-Фоллз мы доберемся по ней за полчаса.

— То же самое ты говорил и в Окридже, перед тем как мы отправились открывать новый путь.

Он задержал на ней взгляд, рот уменьшился до предела, потом схватился за ручку переключения скоростей.

— Хрен с ним! — рявкнул он. — Мы возвращаемся. Но если по пути нам попадется автомобиль, Мэри, мы будем пятиться до самых Рок-н-ролльных Небес. Так что...

Она накрыла его руку своей — второй раз за день — до того, как он включил заднюю передачу.

— Едем дальше. Возможно, ты прав, а я веду себя глупо. — *Наверное, я не боец*, подумала Мэри. *Так или иначе, я слишком устала, чтобы еще и ссориться.*

Она убрала руку, но он смотрел на жену, не трогая «Принцессу» с места.

— Если ты этого хочешь.

Нелепо, правда? Просто победить Кларку недостаточно. Ему хотелось консенсуса. Она уже много раз соглашалась с ним, хотя бы на словах, потому что в душе оставалась при своем мнении, но на этот раз вдруг поняла, что не может доставить ему такого удовольствия.

— Нет, я этого не хочу. Если бы ты слушал меня, вместо того чтобы навязывать мне свое мнение, ты бы это знал. *Возможно*, ты прав, *возможно*, я веду себя глупо, твое предложение более логично, я не могу этого не признать, и я готова последовать за тобой, но это не меняет того, что я чувствую. Так что ты уж меня извини, но я не собираюсь надевать мини-юбку группы поддержки и подбадривать тебя криками: «Вперед, Кларк, вперед!»

— Господи! — На его лице отразилась неуверенность, отчего он помолодел лет на десять. — Такое у тебя, значит, настроение, сладенькая?

— Такое, — ответила она, надеясь, что он не видит, как действует на нее такой сомнительный комплимент. Все-таки ей тридцать два, а ему — сорок один. Она уже старовата для того, чтобы быть чьей-то сладенькой, а Кларку вроде бы уже поздно заводить себе сладенькую.

Неуверенность улетучилась, она вновь увидела прежнего Кларка, того самого, с которым собиралась провести вторую половину своей жизни.

— А ты бы неплохо смотрелась в мини-юбке группы поддержки. — И он измерил взглядом длину ее бедра. — Очень даже неплохо.

— Дурак ты, Кларк, — ответила она, чувствуя, что улыбается помимо своей воли.

— Совершенно верно, мэм. — И он включил первую передачу.

Окраины практически не было, если не считать нескольких небольших полей. Они выехали из леса, миновали два-три поля и уже катили мимо маленьких домиков.

Городок был тихий, но не безлюдный. Несколько автомобилей лениво курсировали по четырем или пяти пересекающимся улицам, которые составляли центральную часть города, по тротуарам шагали пешеходы. Кларк вскинул руку, приветствуя толстопузого, голого по пояс мужчину, который с банкой пива в руке поливал лужайку перед домом. Мужчина, с грязными волосами до плеч, проводил их взглядом, но не помахал в ответ.

Мэйн-стрит также напоминала улицы Нормана Рокуэлла, и Мэри и Кларку казалось, что им уже приходилось бывать в этом городке. Вдоль улиц, естественно, росли тенистые дубы. Даже не проехав мимо единственного в городе места, где можно было промочить горло, они знали, что называться оно будет «Капля росы», а над баром будут висеть подсвеченные часы с будвейзерскими лошадками-тяжеловозами. У парикмахерской «Острие бритвы» медленно вращался красно-бело-синий столб. Над дверью местной аптеки, «Поющего фармацевта», раскачивались пестик и ступка. В витрине зоомагазина «Белый кролик» висело объявление: «У НАС ЕСТЬ СИАМСКИЕ КОТЯТА». Все словно сошло с картины. Но более всего отвечала идеалу городская площадь, расположенная, само собой, в центре города. Над эстрадой висел большой транспарант. Слова на нем Мэри прочла за добрую сотню ярдов: «СЕГОДНЯ КОНЦЕРТ».

И внезапно Мэри поняла, откуда она знает этот город: много раз видела его по телевизору поздней ночью. Какой

там Рэй Брэдбери с его адским Марсом или кукольный домик из «Ганса и Гретель». Куда больше это место напоминало Странный маленький городок, куда люди то и дело забредали в различных сериях «Сумеречной зоны»*.

Она наклонилась к мужу и тихим, зловещим голосом прошептала: «Мы путешествуем не в пространстве и времени, Кларк. Путь наш лежит сквозь глубины подсознания. Смотри!» — И она выбросила вперед руку. Она ни на кого не указывала, но женщина, стоявшая у городского «Уэстерн авто», недоверчиво глянула на нее.

— Смотреть куда? — переспросил Кларк. В его голосе вновь слышалось раздражение, и она догадалась, что на этот раз он злится, потому что знает, о чем она говорит.

— Впереди указатель! Мы въезжаем...

— Прекрати, Мэри! — И он резко свернул на автостоянку.

— Кларк! — Она чуть не кричала. — Что ты делаешь?

Сквозь ветровое стекло он указал на вывеску заведения: ресторан «Рок-н-буги».

— Пить хочется. Зайду туда и куплю большой стакан пепси. Тебе идти не обязательно. Оставайся здесь. Если хочешь, запри двери. — Он уже открыл дверцу, но, прежде чем поставил ноги на землю, она схватила его за плечо.

— Кларк, пожалуйста, не надо.

Он посмотрел на нее, и она сразу поняла, что не следовало ей язвить насчет «Сумеречной зоны». Не потому что она ошибалась. Потому что была права. Он вновь пытался показать себя мужчиной. И не жажда заставила его остановить «мерседес». В ресторан он шел, потому что этот маленький городишко пугал и его. Может, чуть-чуть, может, очень даже сильно, она этого сказать не могла, но точно знала, что он отсюда не уедет, пока не докажет себе, что ничего не боялся, ну абсолютно ничего не боялся.

---

* «Сумеречная зона» — научно-фантастический сериал телекомпании Си-би-эс, шел в 1959–1965 гг. Сюжет лег в основу фильма (1983) и был продолжен во втором сериале (1985–1987).

— Я только на минуту. Хочешь имбирного лимонада или чего-то еще?

Она отстегнула ремень безопасности.

— Чего я не хочу, так это оставаться одной.

Взгляд его говорил: «Я знал, что ты составишь мне компанию», и ей захотелось вырвать у него остатки волос.

— Мне также хочется дать тебе хорошего пинка за то, что ты втянул нас в такую авантюру. — Она с удовлетворением отметила, что на его лице отразились удивление и обида, и открыла дверцу. — Пошли. Помочишься на ближайший гидрант, а потом мы уедем отсюда.

— Помо... Мэри, да что ты несешь?

— Газировкой! — выкрикнула она, думая о том, как быстро веселенькая поездка с хорошим человеком превратилась в сущий кошмар. Она глянула на другую сторону улицы и увидела двоих молодых длинноволосых парней. Они пили «Олли» и разглядывали незнакомцев. На одном была потрепанная шляпа. Пластиковый цветок, прикрепленный к ленте, болтало ветром из стороны в сторону. Руки его спутника синели татуировками. Мэри они показались десятиклассниками, которых в третий раз за год выгнали из школы для того, чтобы у них появилось время порассуждать о таких маленьких радостях, как катание на вагонных сцепках и изнасилование на заднем сиденье автомобиля.

Более того, она подумала, что ей знакомы их лица.

Они заметили ее пристальный взгляд. Шляпа поднял руку, приветственно помахал ей. Мэри торопливо повернулась к Кларку.

— Давай купим твою пепси и немедленно уедем отсюда.

— Конечно, — кивнул он. — И не надо кричать на меня, Мэри. Во-первых, я рядом, а...

— Кларк, видишь двоих парней на другой стороне улицы?

— Каких двоих парней?

Оглянувшись, Мэри успела заметить, как Шляпа и Татуировка входили в парикмахерскую. Татуировка обернулся и вроде бы — полной уверенности у Мэри не было — подмигнул ей.

— Они как раз входят в парикмахерскую. Видишь?

Кларк посмотрел, но увидел только зеркальную дверь, сверкающую на солнце.

— А что с ними?

— Мне показались знакомыми их лица.

— Да?

— Да. Но я не могу поверить, чтобы кто-нибудь из тех, кого я знаю, решил поселиться в городе Рок-н-ролльные Небеса в штате Орегон.

Кларк рассмеялся, взял ее под руку:

— Пошли, — и повел в ресторан «Рок-н-буги».

«Рок-н-буги» как-то сразу рассеял большую часть страхов Мэри. Она ожидала увидеть мрачную (и даже грязную) забегаловку вроде той, куда они завернули в Окридже на ленч, а попала в светлый, залитый солнцем зал, стилизованный под пятидесятые годы: стены, выложенные голубым кафелем, поблескивающая хромом стойка для пирогов, желто-коричневый дубовый пол, под потолком вентилятор с лениво вращающимися деревянными лопастями. Настенные часы, циферблат в окружении тонких синих и красных неоновых трубок. Две официантки в униформе из трикотажа цвета морской волны (они напомнили Мэри рисунки из «Американ граффити») стояли у стойки из нержавеющей стали, за которой находилась кухня. Одна — молодая, не старше двадцати лет, симпатичная, но очень уставшая. Вторая — постарше, невысокая, в рыжих кудряшках, как показалось Мэри, очень наглая. И тут же, второй раз за последние несколько минут, у Мэри возникло ощущение, что и ее она где-то видела.

Когда они входили в ресторан, над дверью звякнул колокольчик. Официантки повернулись к ним.

— Привет, — поздоровалась молоденькая. — Сейчас подойду.

— Нет, им придется подождать, — не согласилась рыжая. — Мы ужасно заняты. Видите? — Она обвела рукой зал, который в промежутке между ленчем и обедом, естественно, пустовал. И рассмеялась собственной шутке. Как и ее голос,

смех, низкий, хрипловатый, ассоциировался у Мэри с виски и сигаретами. *Но я знаю этот голос*, подумала она. *Могу поклясться, что знаю.*

Она повернулась к Кларку и увидела, что тот как завороженный во все глаза смотрит на официанток, возобновивших прерванный разговор. Ей пришлось дернуть его за рукав, потом дернуть второй раз, когда он направился к столикам. Она хотела сесть у стойки. Получить по стакану газировки с соломинкой, вставленной в разрез на крышке, и немедленно уйти.

— Что с тобой? — прошептала она.

— Ничего.

— У тебя был такой вид, будто ты язык проглотил.

— На пару секунд мне показалось, что так оно и есть.

Мэри не успела спросить, о чем он, потому что Кларк повернулся к музыкальному автомату. Она же села около стойки.

— Сейчас подойду, мэм, — повторила молоденькая официантка и наклонилась к своей подруге с пропитым голосом. Глядя на ее лицо, Мэри подумала, что молодую женщину не очень занимает рассказ той, что постарше.

— Мэри, у них потрясающий набор пластинок! — Голос Кларка звенел от радости. — Вся классика пятидесятых. «Мунглоуз»... «Файв сатинс»... Шеп и «Лаймлайтс»... Ла Верн Бейкер! Представляешь, Ла Верн Бейкер поет «Твидли-Ди». Последний раз я слышал его подростком!

— Лучше побереги свои денежки. Не забудь, мы берем по стакану газировки и уходим.

— Да-да.

Он бросил последний взгляд на «Рок-олу», шумно выдохнул и подсел к стойке. Мэри взяла с подставки меню, главным образом потому, что не хотела лицезреть мрачную физиономию мужа. *Послушай*, безмолвно говорила она (Мэри уже давно поняла, что один из главных недостатков долговременных семейных союзов — умение общаться без слов), *пока ты спала, я пробирался нехожеными тропами, убил буйвола, боролся с индейцами, вывез тебя целой и невредимой в этот крошечный оазис цивилизации — и что я за это имею?*

Ты даже не даешь мне послушать «Твидли-Ди» на музыкальном автомате.

Не бери в голову, думала она. *Мы скоро выберемся отсюда, поэтому не бери в голову.*

Хороший совет. И Мэри последовала ему, сосредоточившись на меню. Оно полностью гармонировало с трикотажными униформами, неоновыми часами, набором пластинок в музыкальном автомате и интерьером. Хот-дог не был хот-догом: в меню значился «Хаунд-дог». Чизбургер стал «Чабби-Чекером», двойной чизбургер — «Биг Боппером». Фирменным блюдом ресторана была комбинированная пицца. Меню обещало, что в ней есть «все, кроме (Сэма) Кука!»

— Это круто, — вырвалось у Мэри.

— Что? — переспросил Кларк, но она лишь покачала головой.

Подошла молодая официантка, достала из кармана фартука блокнот. Улыбнулась им, но, как показалось Мэри, механически. Выглядела женщина не очень. Мэри заметила лихорадку над верхней губой. Глаза у нее были покрасневшие, а взгляд метался по пустому залу. Она смотрела куда угодно, только не на своих клиентов.

— Чем могу помочь?

Кларк уже потянулся к меню, чтобы взять его из руки Мэри, но та отвела руку.

— Большой стакан пепси и большой имбирного лимонада. С собой, пожалуйста.

— Вы должны попробовать вишневый пирог, — крикнула рыжая своим хриплым голосом. Молодую женщину передернуло. — Рик только что приготовил его! Вы подумаете, что умерли и попали на небеса! — Она улыбнулась, уперлась руками в бока. — Вы, конечно, и так в Небесах, но вы понимаете, о чем я.

— Спасибо, — ответила Мэри, — но мы очень торопимся и...

— Действительно, почему нет? — услышала она голос Кларка. — Два куска вишневого пирога.

Мэри пнула его в щиколотку, сильно, но Кларк не отреагировал. Он вновь смотрел на рыжую. Для нее его взгляд

не составлял тайны, и она нисколько не возражала. Наоборот, подняла руку и неспешно взбила свои нелепые кудряшки.

— Большой стакан пепси, большой стакан имбирного лимонада и два куска вишневого пирога, — повторила заказ молодая официантка. Еще раз нервно улыбнулась, посмотрела на обручальное кольцо Мэри, на сахарницу, на лопасти вентилятора. — Пирог будете есть здесь? — Она наклонилась, положила на прилавок две салфетки и вилки.

— Д... — начал Кларк, но Мэри резко и властно перебила его:

— Нет.

Хромированная подставка с пирогом находилась в другом конце прилавка. Едва официантка отошла, Мэри наклонилась к мужу и прошипела: «Почему ты так себя ведешь, Кларк? Ты знаешь, что я хочу как можно быстрее убраться отсюда!»

— Эта официантка. Рыжеволосая. Разве она...

— И перестань на нее таращиться! — опять оборвала его Мэри. — Ты напоминаешь мне мальчишку в библиотеке, который так и норовит заглянуть под юбку девочке, сидящей за соседним столом!

Он отвел взгляд... не без труда.

— Или она как две капли воды похожа на Дженис Джоплин, или я псих.

В удивлении Мэри стрельнула взглядом на рыжую. Та чуть повернулась, разговаривая с поваром, но Мэри видела две трети ее лица, и этого хватило с лихвой. В голове что-то щелкнуло, перед мысленным взором возникли конверты пластинок, которые она все еще хранила, виниловых пластинок, выпущенных в те времена, когда еще ни у кого не было «Сони уокмена», а сама идея компакт-диска казалась фантастикой. Эти альбомы, аккуратно упакованные в картонные коробки из ближайшего винного магазина, лежали сейчас в дальнем углу чердака. Альбомы, с надписями на конвертах «Биг бразер», «Холдинг компани», «Чип триллз», «Перл». На некоторых из них красовалось лицо Дженис Джоплин, такое милое, такое юное. Лицо, которое слишком

быстро состарилось и погрубело. Кларк не ошибся: рыжая словно сошла с тех старых альбомов.

Но лицом дело не ограничивалось. Мэри почувствовала страх, спирающий грудь, у нее защемило сердце.

Голос!

Она помнила пронзительный, леденящий душу вопль Дженис в начале песни «Кусок моего сердца». Она сравнила этот вопль с пропитым, прокуренным голосом рыжей, как сравнивала лица, и поняла, что, начни официантка петь эту песню, ее голос полностью совпал бы с голосом умершей девушки из Техаса.

Потому что она и есть умершая девушка из Техаса. Поздравляю, Мэри... Тебе пришлось прожить для этого тридцать два года, но ты своего добилась, наконец-то увидела первого призрака.

Она попыталась оспорить эту мысль, попыталась предположить, что причина всему — стечение обстоятельств, прежде всего пережитое на лесной дороге, но эти рациональные доводы не могли ни на йоту поколебать уверенность, вызревавшую в душе: она видит призрака.

С ее телом начали происходить разительные перемены. Сердце резко ускорило свой бег, теперь оно напоминало спринтера, вышедшего на финишную прямую. В кровь впрыснулась лошадиная доза адреналина, в желудке вспыхнул огонь, словно она глотнула бренди. Пот выступил под мышками и на лбу. Все чувства, особенно зрение, обострились. Ярче заблестел хром, неоновые трубки налились цветом, она слышала, как лопасти вентилятора рассекают воздух (словно рука поглаживала шелк), из кухни до нее долетел запах жарящегося мяса. И одновременно сознание начало покидать ее, она качнулась, едва не свалившись со стула.

Возьми себя в руки, женщина, одернула она себя. *У тебя паническая атака, ничего больше. Нет никаких призраков, гоблинов, демонов — обычная паническая атака. Ты же с ними хорошо знакома, они случались перед серьезными экзаменами в колледже, перед тем как ты в первый раз вошла в класс не ученицей, а преподавателем, перед выступлением в родитель-*

ском комитете. Ты знаешь, что это такое и как с этим бороться. Никто здесь сознания терять не будет, поэтому приди в себя, слышишь?

Она с силой надавила пальцами ног на стельки кроссовок, сконцентрировавшись на ощущениях, возвращая себя к реальности и удаляясь от той черты, за которой начиналась темнота.

— Дорогая? — откуда-то издалека донесся голос Кларка. — Ты в порядке?

— Да, конечно. — И ее голос долетал до ушей откуда-то издалека, но она знала, что за последние пятнадцать секунд его источник значительно приблизился. Все еще прижимая пальцы к стелькам, она взялась за салфетку, оставленную официанткой, чтобы почувствовать, какая она на ощупь, перекинуть еще один мосток в реальный мир, избавиться от паники, без всяких на то причин (неужто без всяких? Само собой.) захлестнувшей ее. И тут увидела несколько слов, торопливо написанных карандашом на нижней, обращенной к стойке стороне салфетки. Прочитала большие печатные буквы, сложившиеся в послание:

БЕГИТЕ ОТСЮДА, ЕСЛИ СМОЖЕТЕ.

— Мэри? Что это?

Официантка с лихорадкой и бегающими, испуганными глазами уже возвращалась с пирогом. Мэри уронила салфетку на колени.

— Ничего, — спокойно ответила она. А когда официантка поставила перед ними тарелки, заставила себя встретиться с ней взглядом и сказать: — Спасибо.

— Да ну что вы, — пробормотала девушка, с секунду смотрела прямо на Мэри, а потом ее взгляд вновь заскользил по залу.

— Я вижу, ты передумала насчет пирога. — Голос Кларка переполняло глубокое удовлетворение. *Женщины*, слышалось между слов. *Ну что с них возьмешь? Иной раз недостаточно подвести их к водопою. Приходится ткнуть лицом в воду, а не то они так и будут мучиться от жажды. Что ж,*

это тоже входит в мои обязанности. Нелегко быть мужчиной, но я делаю все, что могу.

— Никак не могу привыкнуть к тому, что она так похожа... — На этот раз Мэри пнула его в щиколотку с такой силой, что Кларк сжал зубы, чтобы не вскрикнуть. Глаза его широко раскрылись, но, прежде чем он успел что-то сказать, она сунула ему в руку салфетку с карандашным посланием.

Он наклонил голову. Посмотрел на салфетку. И Мэри вдруг осознала, что молится, молится впервые за последние двадцать лет. *Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы он понял, что это не шутка. Сделай так, чтобы он это понял, потому что эта женщина не просто похожа на Дженис Джоплин, это действительно Дженис Джоплин, я чувствую, что это не простой городок, чувствую, что это кошмарный городок.*

Он поднял голову, и ее сердце упало. На лице Кларка отражались недоумение, раздражение, но ничего больше. Он открыл рот, чтобы что-то сказать... но рот так и остался открытым, словно кто-то вынул шплинты из того места, где соединялись челюсти.

Мэри проследила за его взглядом. Повар, весь в белом, в белом же колпаке, сдвинутым на один глаз, вышел из кухни и стоял, привалившись к стене, сложив руки на груди. Он разговаривал с рыжей, а молоденькая официантка стояла рядом, наблюдая за ними с ужасом и тоской.

Если она не уедет отсюда в самое ближайшее время, останется только тоска, подумала Мэри. *А может, апатия.*

Повар был красавчиком, таким красавчиком, что Мэри даже не смогла определить его возраст. Пожалуй, от тридцати пяти до сорока пяти, решила она, точнее никак не получалось. Вроде бы она где-то видела его лицо. Он глянул на них широко посаженными синими глазами, обрамленными роскошными ресницами, коротко улыбнулся, вновь повернулся к рыжей. Сказал что-то забавное, потому что до них донесся визгливый хохот.

— Господи, это же Рик Нельсон, — прошептал Кларк. — Не может быть, это невозможно, он погиб в авиакатастрофе шесть или семь лет назад, но это он.

Мэри уже собралась сказать, что он ошибся, такого просто быть не может, хотя совсем недавно сама не могла поверить в то, что рыжеволосая официантка — та самая давно умершая крикунья Дженис Джоплин. Но прежде чем с губ сорвалось хоть слово, в голове у нее вновь что-то щелкнуло. Кларк смог связать имя и лицо, потому что он был на девять лет старше. Кларк слушал радио и смотрел «Американскую эстраду»*, когда Рик Нельсон был Рики Нельсоном, а песни типа «Би-Бор бэби» и «Одинокий город» входили в десятку лучших, а не пылились в архивах радиостанций, чтобы иной раз прозвучать по заявкам уже начавших седеть слушателей. Кларк первым связал лицо и имя, но теперь она тоже видела, что он не ошибся.

Что сказала рыжеволосая официантка? *Вы должны попробовать вишневый пирог. Рик только что приготовил его!*

И вот теперь, в двадцати футах он них, жертва авиакатастрофы рассказывает анекдот, возможно, похабный, судя по ухмылкам, жертве фатальной дозы наркотиков.

Рыжая откинула голову назад, ее заржавевший смех вновь взлетел к потолку. Повар улыбнулся, ямочки в уголках его полных губ прибавили глубины. Молодая официантка с лихорадкой над верхней губой и затравленным взглядом посмотрела на Кларка и Мэри, как бы спрашивая: *Вы за этим наблюдаете? Вы это видите?*

Кларк все смотрел на повара и официантку, лицо его вытянулось, словно в кривом зеркале в комнате смеха, на нем отразилась тревога.

Они это заметят, если уже не заметили, подумала Мэри, *и мы потеряем единственный шанс, если он еще есть, вырваться из этого кошмара. Я думаю, тебе лучше взять инициативу на себя, подружка, и побыстрее. Вопрос лишь один: что ты собираешься делать?*

Она потянулась к его руке, чтобы чуть сжать ее, но по его физиономии поняла, что этим не выведет его из транса. А потому ухватила за яйца и сжала их. Кларк дернулся, слов-

* «Американская эстрада» — одна из самых популярных и долговечных музыкальных передач в истории ТВ. Создана в 1952 г.

но его огрели мешком по голове, и так резко повернулся к ней, что едва не свалился со стула.

— Я оставила кошелек в машине. — Ей казалось, что говорит она неестественно громко. — Тебя не затруднит принести его, Кларк?

Она смотрела на него, губы улыбались, но глаза не отрывались от его глаз. Она где-то прочитала, возможно, в одном из глянцевых женских журналов, набитых всякой чушью (обычно она знакомилась с ними в парикмахерской), что за десять или двадцать лет совместной жизни между мужем и женой возникает пусть слабая, но телепатическая связь. И связь эта, указывалось в статье, очень даже кстати, когда муж приводит босса к обеду, не предупредив об этом телефонным звонком, или тебе хочется, чтобы по пути домой он купил бутылку «Амаретто» или коробку пирожных. Теперь она пыталась, пыталась изо всех сил, передать мужу куда более важную информацию.

Иди, Кларк. Пожалуйста, иди. Я дам тебе десять секунд. А потом сама выбегу из ресторана. И если ты не будешь сидеть за рулем, вставив ключ в замок зажигания, у меня такое ощущение, что мы можем влипнуть по-крупному.

И одновременно глубоко в душе Мэри убеждала себя: *Это все мне чудится, правда же? Я хочу сказать... не может не чудиться?*

Кларк пристально смотрел на нее, глаза слезились от боли, которую она ему причинила... но он не жаловался. Потом перевел взгляд на рыжеволосую официантку и повара, убедился, что они увлечены разговором (теперь какую-то забавную историю или анекдот рассказывала она), вновь глянул на жену.

— Возможно, он упал под сиденье, — продолжила Мэри слишком громко, слишком отрывисто, не давая ему заговорить. — Красный, ты знаешь.

Еще пауза, которая тянулась целую вечность, потом медленный кивок Кларка.

— Хорошо, — она бы могла расцеловать его за ровный, спокойный голос, — только не вздумай прикладываться к моему пирогу.

— Возвращайся, пока я не покончила со своим, и никто его не тронет. — Она сунула в рот кусок пирога, показавшийся ей совершенно безвкусным, и улыбнулась. Господи, да. Улыбнулась, как королева красоты Нью-Йорка, которой она однажды была.

Кларк уже слезал со стула, когда с улицы донесся гитарный перезвон. Кларк дернулся, Мэри ухватилась за его руку. Сердце ее, вроде бы чуть успокоившееся, вновь бешено застучало.

Рыжеволосая, повар и даже молоденькая официантка, которая не напомнила им никого из знаменитостей, посмотрели в окна «Рок-н-буги».

— Не волнуйтесь, милая. — Рыжеволосая повернулась к ним. — Ребята настраивают инструменты перед концертом.

— Точно, — кивнул повар. Его синие глаза оглядели Мэри. — В нашем городе концерты проходят почти каждый вечер.

Да, подумала Мэри. *Естественно. Естественно, почти каждый вечер. Концерт за концертом.*

С площади послышался голос, такой громкий, что о него задрожали стекла. Мэри, которая в свое время побывала на многих рок-шоу, сразу представила себе скучающих длинноволосых парней, бродящих по сцене до того, как вспыхнут прожекторы, легко ориентирующихся в мешанине усилителей и микрофонов, время от времени приседающих, чтобы подсоединить провода.

— *Проверка!* — кричал голос. — *Проверка-один, проверка-один. Проверка-один!*

Звякнула еще одна гитара. Потом барабан. Труба выдала несколько нот из «Инстант Карма», к ней добавилось банджо. «СЕГОДНЯ КОНЦЕРТ» — возвещал транспарант а-ля Норман Рокуэлл над городской площадью а-ля Норман Рокуэлл, и Мэри, которая выросла в Элмайре, штат Нью-Йорк, в юности видела множество концертов под открытым небом. То были действительно концерты а-ля Норман Рокуэлл (самодеятельные артисты из своих не могли себе позволить сценическую униформу, поэтому выступали в чем

придется), на которых местные звезды пытались сбацать «Шенандоа» или «У меня девочка из Калмазу».

Мэри заранее знала, что в Рок-н-ролльных Небесах концерты будут другие, совсем не те, на которые она и ее друзья ходили в далекой молодости.

Она чувствовала, что эти концерты ближе по духу Гойе, а не Рокуэллу.

— Кошелек я принесу, — услышала она голос мужа. — Наслаждайся пирогом.

— Спасибо, Кларк. — Она сунула в рот еще один безвкусный кусок, проводила его взглядом. Он шел нарочито медленно, как бы говоря: *Я понятия не имею о том, что нахожусь в одном зале с двумя знаменитыми трупами. Так с чего мне волноваться?*

Ей же хотелось кричать: *Поторопись! Забудь про геройство, шевели ногами!*

Звякнул колокольчик, дверь открылась до того, как Кларк потянулся к ручке, и в ресторан вошли еще двое мертвых техасцев, оба в очках: Рой Орбисон — в черных, Бадди Холли — в роговых.

Все мои любимчики из Техаса, подумала Мэри, ожидая, что сейчас они схватят ее мужа за руки и утащат за дверь.

— Простите, сэр. — Мужчина в черных очках, вместо того чтобы хватать Кларка, отступил в сторону.

Кларк молча кивнул, Мэри поняла, что он просто лишился дара речи, и вышел в солнечный свет.

Оставив ее одну среди мертвецов. За этой мыслью последовала другая, куда как более страшная: Кларк собирается уехать без нее. Она как-то сразу в это уверовала. Не потому, что он этого хотел, не потому, что был трусом — в такой ситуации вопрос о трусости и мужестве просто не стоял, и она полагала, что они не сидят по полу, лопоча что-то бессвязное и пуская слюни, только по одной причине: очень уж быстро все происходило. Просто ему не оставалось ничего другого. Рептилия, обитающая в глубинах его мозга, та самая, что отвечала за самосохранение, не могла не выползти из своего логова и начать всем заправлять.

Ты должна выметаться отсюда, Мэри, раздался в голове голос ее собственной рептилии, и тон этого голоса испугал Мэри. Слишком здравомыслящий, а потому она боялась, что здравомыслие это может в любой момент смениться безумными криками.

Мэри убрала ногу с подставки, тянущейся под стойкой бара, и поставила ее на пол, мысленно готовясь к побегу, но, прежде чем она собралась с духом, чья-то рука легла на ее плечо, и, подняв голову, она уперлась взглядом в улыбающееся лицо Бадди Холли.

Он умер в 1959 году, это она запомнила из комментария к фильму, в котором он играл с Гэри Бьюзи. 1959 год уже тридцать лет как канул в Лету, но Бадди Холли оставался все тем же двадцатитрехлетним весельчаком, который выглядел на семнадцать. Глаза его поблескивали за стеклами очков, кадык ходил ходуном. На нем был отвратительный пиджак из шотландки, на шее болтался вязаный галстук с заколкой в виде большой хромированной головы быка. Лицо деревенщины, одежда деревенщины, манеры деревенщины, но она увидела в нем что-то очень мрачное, очень страшное, а рука так крепко ухватила плечо, что она даже почувствовала мозоли, мозоли от гитарных струн на подушечках пальцев.

— Привет, крошка. — От него пахло гвоздичным ромом. По левому стеклу тянулась тончайшая трещина. — Что-то я раньше тебя не видел.

К своему изумлению, она сунула в рот очередной кусок пирога, на этот раз вместе с вишневой начинкой. А потом еще и улыбнулась.

— И не могли, — согласилась она, дав себе зарок ничем не показывать этому человеку, что узнала его. Если б она это сделала, она и Кларк лишились бы и того крохотного шанса, который еще оставался у них. — Мы с мужем... вы понимаете, проезжали через ваш город.

Должно быть, это Кларк сейчас проезжал через город, следя за тем, чтобы не превысить разрешенную скорость, с каплями пота, катящимися по лицу, то и дело поглядывая в зеркало заднего обзора. Или нет?

Мужчина в клетчатом пиджаке улыбнулся, обнажив большие и острые зубы.

— Да, я знаю, конечно... Поглядели, перекусили и двинулись дальше. Так?

— Пожалуй, что да, — ровным голосом ответила Мэри.

Мужчины переглянулись.

— Городок у нас неплохой, — добавил Бадди Холли. — Вы бы поболтались тут немного. К примеру, остались бы на концерт. У нас потрясающее шоу, уж я-то знаю, что говорю. — Мэри вдруг поняла, что глаза за стеклами очков налиты кровью. Улыбка Холли стала шире, глаза сузились, и крошечная капелька крови, как слеза, скатилась по щеке. — Не так ли, Рой?

— Да, мэм, так оно и есть, — ответил мужчина в темных очках. — Если вы посмотрите концерт, вы нам поверите.

— Я и так вам верю, — едва слышно ответила Мэри. Да, Кларк уехал, она в этом уже не сомневалась. Тестостероновый герой бежал, как кролик, и она полагала, что вскоре забитая молодая женщина с лихорадкой над верхней губой отведет ее в подсобку, где уже лежит приготовленная для нее трикотажная униформа цвета морской волны и блокнотик для записи заказов.

— Да, будет о чем написать домой, — гордо воскликнул Холли. — То есть, о чем рассказать дома. — Капелька крови упала на сиденье, на котором совсем недавно сидел Кларк. — Задержитесь на день. Не пожалеете. — И он повернулся к своему другу, чтобы тот поддержал его.

Мужчина в черных очках уже присоединился к повару и рыжеволосой официантке. Положил руку ей на бедро. Она, улыбаясь, накрыла его руку своей. Мэри видела, что ногти на ее коротких толстых пальцах обгрызаны. А на шее Роя Орбисона — на нем была рубашка с отложным воротником — висит мальтийский крест. Он широко улыбнулся, кивнул.

— Мы будем рады, мэм, если вы останетесь у нас не только на вечер, но и подольше. Тут есть на что посмотреть.

— Я спрошу мужа, — услышала Мэри свой голос, подумав, *если когда-нибудь увижу его.*

— Спроси, сладенькая, — кивнул Холли. — Обязательно спроси!

А потом, к ее полному изумлению, в последний раз стиснул ей плечо и отошел, открывая дорогу к двери. Более того, теперь она видела, что «мерседес» с хромированной решеткой радиатора и фирменным знаком на капоте стоит на прежнем месте.

Бадди подошел к Рою, подмигнул ему (еще одна кровавая слеза скатилась по щеке), потом протянул руку, пощекотал Дженис. Она негодующе вскрикнула и при этом из ее рта посыпались черви. Большая часть попадала на пол между ее ног, некоторые зацепились за нижнюю губу, поползли в разные стороны.

Молоденькая официантка отвернулась, лицо ее скривилось, она поднесла руку ко рту. А Мэри Уиллингхэм вдруг поняла, что они играют с ней, как кошки с мышкой, и желание убежать превратилось из спланированного действия в инстинктивную реакцию. Она вскочила со стула и бросилась к двери.

— Эй! — закричала рыжая. — Эй, вы не заплатили за пирог! И за газировку! Это тебе не какая-то забегаловка паршивая сучка! Рик! Бадди! Держите ее!

Мэри схватилась за ручку. Почувствовала, как она выскальзывает из ее потных пальцев. Сзади приближались шаги. Со второй попытки ей удалось повернуть ручку. Дверь она рванула так сильно, что сорвала колокольчик. Рука с мозолями на подушечках пальцев схватила ее повыше локтя. Резкая боль пронзила плечо, даже отдалась в челюсти.

Она отмахнулась правой рукой, вложив в удар, пришедшийся в пах, остатки сил. Послышался вскрик, выходило, что боль они чувствовали, живые или мертвые, хватка Бадди ослабла. Мэри вырвалась и пулей, с развевающимися волосами, выскочила из ресторана.

Взгляд ее не отрывался от «мерседеса», застывшего на стоянке. Она благословляла Кларка за то, что он остался. И он, похоже, прочитал ее мысли, потому что сидел за рулем, а не искал кошелек под сиденьем. И он завел мотор «Принцессы», едва она выскочила из «Рок-н-буги».

Мужчина в шляпе с цветком и его татуированный приятель вновь стояли около парикмахерской, бесстрастно наблюдая, как Мэри распахивает дверцу со стороны пассажирского сиденья. Она подумала, что узнала Шляпу, у нее было три альбома «Линерд Скинерд», и она полагала, что видит перед собой Ронни Ван Занта. И тут же до нее дошло, что его татуированный приятель — Дуэн Оллмен, который погиб двадцать лет тому назад, когда его мотоцикл угодил под трейлер. Он что-то достал из джинсовой куртки, укусил. Мэри уже не удивилась, поняв, что в руке у него персик.

Рик Нельсон вывалился из «Рок-н-буги», за ним — Бадди Холли, левая половина его лица покраснела от крови.

— *В машину!* — крикнул Кларк. — *Скорее в машину, Мэри!*

Она нырнула на сиденье, и Кларк подал «мерседес» задним ходом еще до того, как она захлопнула дверцу. Колеса «Принцессы» протестующе взвизгнули, из выхлопной трубы вырвалось облако сизого дыма. Мэри бросило вперед, когда Кларк резко нажал на тормоз, она ударилась головой об обитый мягкой кожей приборный щиток. Мэри вытянула руку, ища пальцами ручку дверцы, Кларк выругался и включил первую передачу.

Рик Нельсон прыгнул на капот «Принцессы». Его глаза сверкали. Губы разошлись, в злобном оскале сверкнули невероятно белые зубы. Белый колпак свалился с его головы, в темно-каштановых волосах копошились маслянистые черви и тараканы.

— Вы пойдете на шоу! — прокричал он.

— *Пошел на хрен!* — отозвался Кларк и вдавил в пол педаль газа. Обычно тихий дизельный двигатель «Принцессы» взвыл, автомобиль рванулся вперед, но оскалившийся, ухмыляющийся мертвяк словно приклеился к капоту.

— *Пристегнись!* — рявкнул Кларк, когда Мэри, захлопнув дверцу, плюхнулась на сиденье.

Механическим движением она загнала скобу в замок и в ужасе наблюдала, как левой рукой мертвяк схватился за «дворник» на ее половине стекла. И начал подтягиваться.

«Дворник» сломался. Мертвяк взглянул на него, отбросил, потянулся ко второму «дворнику».

Но прежде чем успел схватиться за него, Кларк вновь резко нажал на газ, на этот раз обеими ногами. Ремень безопасности впился в тело Мэри. Ей показалось, что внутренности сейчас вылезут у нее через горло. Зато мертвяк свалился с капота на асфальт. Мэри услышала хруст, у головы мертвяка асфальт окрасился красным.

Оглянувшись, она увидела, что остальные бегут к «мерседесу». Возглавляла преследователей Дженис, ее лицо горело ненавистью и возбуждением.

А перед ними повар уже сидел на асфальте. И по-прежнему ухмылялся.

— *Кларк, они приближаются!* — крикнула Мэри.

Он глянул в зеркало заднего обзора и нажал на педаль газа. «Принцесса» прыгнула вперед. Мэри увидела, как сидящий на асфальте повар поднял руку, чтобы защитить лицо, и пожалела, что успела это заметить. Потому что с лица не сходила ухмылка.

Две тонны немецкого железа ударили мертвяка и проехали по телу. Из-под днища донеслись звуки, которые напомнили ей о прогулке по осенней листве. Она зажала уши — слишком поздно, слишком поздно — и закричала.

— Не волнуйся. — Кларк мрачно смотрел в зеркало заднего обзора. — Мы не причинили ему вреда... он уже встает.

— *Что?*

— Попачкал одежду, ничего больше. Он же... — Тут он посмотрел на нее: — Кто ударил тебя, Мэри?

— Что?

— У тебя рот в крови. Кто ударил тебя?

Она коснулась пальцем уголка рта, посмотрела на красное пятнышко, лизнула.

— Это не кровь — пирог. — Она нервно рассмеялась. — Увози нас отсюда, Кларк, пожалуйста, увози.

— Этим я и занимаюсь. — Он вновь смотрел на Мэйн-стрит, широкую и, во всяком случае, пока пустую. Мэри заметила, несмотря на электрогитары и усилители на город-

ской площади, что вдоль Мэйн-стрит не стоят столбы с проводами. Она понятия не имела, откуда поступало электричество в город Рок-н-ролльные Небеса (хотя... одна мысль у нее мелькнула), но уж точно не от «Орегонэнерго».

«Принцесса» набирала скорость, не очень быстро, это особенность дизельных моторов, но устойчиво, оставляя за собой шлейф выхлопа. Мимо промелькнули универмаг, книжный магазин, магазин товаров для детей и молодых мам, который назывался «Рок-н-ролльная колыбельная». Они увидели молодого человека с длинными, до плеч, волнистыми каштановыми волосами, который, сложив руки на груди и поставив ногу в сапоге из змеиной кожи, с улыбкой смотрел на них. Его симпатичное, но грубоватое лицо Мэри узнала сразу.

Как и Кларк.

— Это же сам Лизард Кинг, — вырвалось у него.

— Я знаю. Видела.

Да, она видела. Видела со всей отчетливостью, потому что все чувства вновь обострились, превратив ее в увеличительное стекло, но она понимала: если они вырвутся отсюда, никаких воспоминаний об этом странном маленьком городке не останется. Воспоминания превратятся в частички пепла, уносимые ветром. Так уж заведено. Человек не может сохранять столь чудовищные образы, столь чудовищные впечатления и при этом оставаться разумным, поэтому мозг превращается в пылающую печь, в которой все лишнее сгорает без остатка.

Вот почему большинство людей могут позволить себе такую роскошь — не верить в призраков, подумала Мэри. *Потому что, когда человека вынуждают увидеть что-то ужасающее и иррациональное, вроде головы Медузы, память об этом забывает. Должна забыть. Господи милостивый! Да если мы вырвемся из этого ада, у меня не будет другого желания, кроме как забыть обо всем.*

Они увидели группу людей, стоящих у авторемонтной мастерской на перекрестке неподалеку от выезда из города, одетых в обычную одежду, с испугом на обычных лицах. Мужчина в замасленном комбинезоне механика. Женщина

в униформе медсестры, когда-то белой, теперь заметно посеревшей. Пожилая пара, она — в ортопедической обуви, он — со слуховым аппаратом за ухом. Старики жались друг к другу, словно дети, боящиеся потеряться в глухом лесу. Мэри сразу поняла, что эти люди, как и молодая официантка, — *настоящие* жители Рок-н-ролльных Небес, штат Орегон. Они просто влипли в эту историю, как мухи прилипают к клейкой ленте.

— Пожалуйста, вывези нас отсюда, Кларк, — простонала Мэри. — Пожалуйста. — Что-то полезло вверх по горлу, она прижала руки ко рту в уверенности, что ее сейчас вырвет. Но вместо этого громко рыгнула, а во рту появился вкус пирога, съеденного в «Рок-н-буги».

— Все будет в порядке. Не волнуйся, Мэри.

По дороге — она уже не думала о ней, как о Мэйн-стрит, потому что видела впереди выезд из города — они промчались мимо муниципальной пожарной части, мимо школы (эта цитадель знаний называлась «Рок-н-ролльная начальная школа»). Трое детей на школьной игровой площадке проводили «Принцессу» апатичными взглядами. Впереди дорога огибала громадную скалу с закрепленным на ней щитом в форме гитары. Щит украшала надпись: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ РОК-Н-РОЛЛЬНЫЕ НЕБЕСА. СПОКОЙНОЙ НОЧИ, ДОРОГИЕ, СПОКОЙНОЙ НОЧИ».

Кларк вошел в поворот, не сбавляя скорости, а на выходе из него их поджидал автобус, перегораживающий дорогу.

Не обычный желтый автобус, который они видели, когда въезжали в город. Этот сиял всеми цветами радуги, смешанными в психоделических разводах, прямо-таки увеличенный в размерах сувенир из «Лета любви». Стекла украшали изображения бабочек и знаков мира, и даже когда Кларк закричал, двумя ногами нажимая на педаль тормоза, Мэри безо всякого удивления разобрала среди разноцветия разводов слова: «ВОЛШЕБНЫЙ АВТОБУС».

Кларк сделал все, что мог, но остановить машину не сумел. «Принцесса» въехала в «Волшебный автобус» со скоростью десять или пятнадцать миль в час, с заблокированными колесами, стирая покрышки об асфальт. Послышался

глухой удар, Мэри бросило вперед, но ремень безопасности, конечно же, удержал ее от контакта с приборным щитком. Автобус чуть качнуло.

— Подай назад и разворачивайся! — крикнула Мэри, уже предчувствуя развязку. Двигатель «Принцессы» сбился с ритма, она видела парок, поднимающийся над смятым капотом. И когда Кларк включил передачу заднего хода, двигатель дважды чихнул, задрожал, как старый пес, и заглох.

Сзади уже доносился вой приближающейся сирены. Ей оставалось гадать, кто у них в этом городе за главного копа. Только не Джон Леннон, который всегда сомневался в праве одних людей управлять другими. И не Лизард Кинг, который наверняка принадлежал к плохишам, за которыми должна присматривать полиция. Тогда кто? Разве это имело значение? Может, подумала она, даже Джими Хендрикс. Вроде бы бред, но она знала рок-н-ролл лучше Кларка и помнила, что в свое время Хендрикс служил в 101-й авиадесантной бригаде. Не зря же говорят, что демобилизованные из армии — лучшие сотрудники правоохранительных органов.

Ты сходишь с ума, сказала она себе, потом кивнула. Конечно же, сходит. Оно и к лучшему.

— Что теперь? — тупо спросила она Кларка.

Он открыл дверцу — для этого пришлось надавить на нее плечом, потому что от удара повело корпус.

— Убежим.

— Какой смысл?

— Ты их видела. Хочешь быть такой же, как они?

В ней вновь проснулся страх. Она отщелкнула ремень безопасности. Кларк обошел «Принцессу», открыл дверцу, взял жену за руку. А когда вновь повернулся к «Волшебному автобусу», его рука до боли сжала пальцы Мэри. Потому что он увидел, кто вышел из автобуса: высокий мужчина в белой рубашке с расстегнутым воротником, брюках из черной «дангери», больших темных очках. С зачесанными от висков иссиня-черными волосами. Двух мнений тут быть не могло, даже темные очки ничего не могли скрыть. Полные губы чуть разошлись в улыбке.

Из-за поворота выехала сине-белая патрульная машина с надписью на борту «ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК РОК-Н-РОЛЛЬНЫХ НЕБЕС» и затормозила в нескольких дюймах от заднего бампера «Принцессы». За рулем сидел негр, но отнюдь не Джими Хендрикс. Полной уверенности у Мэри не было, но она подумала, что в Рок-н-ролльных Небесах порядок охранял Отис Реддинг.

Мужчина в больших темных очках и черных брюках теперь стоял перед ними, просунув большие пальцы в петли ремня.

— Как поживаете? — Этот мемфисский медленный саркастический выговор мог принадлежать только одному человеку. — Хочу поприветствовать вас в нашем городе. Надеюсь, что вы сможете пожить у нас какое-то время. Городок, может, и не очень, но люди здесь хорошие, мы заботимся друг о друге. — Он протянул им руку, на которой блестели три перстня. — Я — здешний мэр. Элвис Пресли.

Сгустились сумерки летнего вечера.

Когда они вышли на городскую площадь, Мэри вновь вспомнились концерты, на которых она бывала в Эльмайре в дни своей молодости. И стрела ностальгии и печали пронзила кокон шока, который скрутили вокруг нее разум и эмоции. Так знакомо... и все иначе. Не было детей, размахивающих бенгальскими огнями. Тот десяток ребятишек, которые собрались на площади, сбились в кучку и держались как можно дальше от эстрады. Их бледные лица застыли от напряжения. Среди них Мэри увидела и ту троицу с игровой площадки у школы, которая провожала их «мерседес» апатичными взглядами.

И не было музыкантов-любителей с простенькими инструментами, настройка которых занимала пятнадцать минут, максимум полчаса. Нет, Мэри видела перед собой огромную сцену, уставленную сложнейшей аппаратурой, предназначенной для выступления самой большой и, судя по размерам усилителей, самой громкой рок-группы, такой громкой, что при выходе на максимальную громкость от удара звуковой волны могли бы посыпаться стекла в радиу-

се пяти миль. Мэри насчитала двенадцать гитар, и перестала считать. А ведь к ним следовало добавить четыре ударные установки... банджо... ритм-секции... возвышения, на которых обычно стояли бэк-вокалисты... лес микрофонов.

На площади рядами стояли складные стулья. Мэри прикинула, что их от семисот до тысячи, хотя зрителей собралось не больше пятидесяти. Она увидела механика, переодевшегося в чистые джинсы и отглаженную рубашку. Рядом с ним сидела какая-то миловидная женщина, похоже, его жена. Медсестра устроилась одна посреди длинного пустого ряда. Она закинула голову и наблюдала за первыми вспыхнувшими в вышине звездами. Мэри отвернулась от нее. Она боялась, что у нее разорвется сердце, если она и дальше будет смотреть на это печальное, потерявшее всякую надежду лицо.

Более знаменитые жители города не просматривались. Удивляться этому не приходилось. Покончив с дневными заботами, они находились за кулисами, переодевались. Настраивались. Готовились к большому шоу.

Кларк остановился в центральном проходе, миновав несколько рядов. Вечерний ветерок ерошил волосы, которые, как показалось Мэри, стали сухими, как солома. Высокий лоб Кларка прорезали морщины. Мэри их раньше не замечала. Так же как и глубокие складки у рта. После ленча в Окридже он вроде бы похудел на тридцать фунтов. Тестостероновый мальчик исчез и, как догадывалась Мэри, навсегда. Но ее это особо и не волновало.

Между прочим, сладенькая, а как, по-твоему, выглядишь ты?

— Где ты хочешь сесть? — спросил Кларк тихим, безучастным голосом, голосом человека, который по-прежнему верит, что происходящее с ним — сон.

Мэри заметила официантку с лихорадкой над верхней губой. Она сидела у самого прохода четырьмя рядами дальше, в светло-серой блузе и юбке из хлопчатобумажной ткани. Со свитером, наброшенным на плечи.

— Там, — указала Мэри. — Рядом с ней.

Кларк молча повел ее к официантке.

Она оглянулась, и Мэри заметила, что из ее глаз, во всяком случае, на этот вечер, исчезла тоска. Уже хотела за нее порадоваться, но мгновением позже поняла, что причина тому — наркотики. Официантка или обкурилась, или укололась. Мэри опустила глаза, чтобы не встречаться с этим мутным взглядом, и увидела свежую повязку на левой руке официантки. С ужасом поняла, что девушка лишилась одного, а то и двух пальцев.

— Привет, — поздоровалась официантка. — Я — Сисси Томас.

— Привет, Сисси. Я — Мэри Уиллингхэм. Это мой муж, Кларк.

— Рада с вами познакомиться.

— Ваша рука... — Мэри замолкла, не зная, как продолжить.

— Это сделал Фрэнки, — говорила Сисси с глубоким безразличием человека, скачущего на розовой лошади по улице Грез. — Фрэнки Лаймон. Все говорят, что при жизни он был милейшим человеком, и только здесь круто переменился. Он стал одним из первых... можно сказать, первопроходцем. Я об этом ничего не знаю. Насчет того, что он был милейшим человеком. Я только знаю, что злее его тут никого нет. Мне все равно. Мне только хотелось, чтобы вам удалось выбраться отсюда, и я все равно попыталась бы вам помочь. А потом Кристал позаботится обо мне.

Сисси кивнула в сторону медсестры, которая уже не смотрела на звезды, а повернулась к ним.

— Заботиться Кристал умеет. Может сделать вам укольчик. В этом городе совсем не обязательно терять пальцы, чтобы получить дозу.

— Моя жена и я не употребляем наркотики, — ответил Кларк. Прозвучали его слова очень уж напыщенно.

Сисси несколько секунд молча смотрела на него.

— Так будете употреблять.

— Когда начнется шоу? — спросила Мэри.

— Скоро.

— И сколько они будут играть?

Сисси не отвечала почти с минуту, и Мэри уже хотела повторить вопрос, когда девушка заговорила.

— Я хочу сказать, шоу закончится к полуночи, они всегда так заканчиваются, в городе такой порядок, но... играют они очень долго. Потому что здесь другое время. Возможно... я не знаю... Думаю, если эти парни действительно разойдутся, шоу длится год, а то и больше.

Большие мурашки поползли по рукам Мэри. Она попыталась представить себя на рок-концерте длиною в год и не смогла. *Это сон, и я обязательно должна проснуться*, но этот довод, который казался достаточно веским в тот момент, когда они слушали Элвиса Пресли, ясным днем стоявшего у «Волшебного автобуса», уже не был столь убедительным.

— По этой дороге ехать бесполезно, — говорил им Пресли. — Она упирается в болото. Дорог в здешних местах нет. Одни трясины. — Он помолчал, его темные очки сверкнули в лучах заходящего солнца. — И кое-что еще.

— Медведи, — пояснил из-за их спин полицейский, по разумению Мэри, Отис Реддинг.

— Да, медведи, — согласился Элвис, и его губы изогнулись в улыбке, столь знакомой Мэри по телепередачам и фильмам. — И все прочее.

— Если мы останемся на шоу...

Элвис энергично кивнул.

— Шоу! Да, конечно, вы должны остаться на шоу! У нас играют настоящий рок. Вы сможете в этом убедиться.

— Это факт, — добавил полицейский.

— Если мы останемся на шоу... Мы сможем уехать, когда оно закончится?

Элвис и коп переглянулись.

— Видите ли, мэм, — после долгой паузы ответил на ее вопрос король рок-н-ролла, — вокруг одни леса, так что со зрителями у нас проблемы... хотя обычно те, кто слышит нас хоть один раз, решают немного задержаться... Мы надеемся, что и вы последуете их примеру. Послушайте несколько концертов, воспользуйтесь нашим гостеприимством. — Он сдвинул очки на лоб, открыв пустые глазницы. И тут же глазницы превратились в темно-синие глаза Элвиса, взгляд

которых перебегал с Мэри на Кларка. — Я даже думаю, что вам захочется здесь поселиться.

В небе прибавилось звезд. Сумерки перешли в ночь. На сцене начали зажигаться оранжевые фонари, нежные, как цветы, подсвечивающие возвышения с микрофонами.

— Он дал нам работу, — пробубнил Кларк. — Он дал нам работу. Мэр. Тот самый. Который выглядит как Элвис Пресли.

— Он — Элвис, — ответила Сисси Томас, но Кларк уже смотрел на сцену. Он еще не мог даже думать об этом, не то чтобы слышать.

— Мэри с завтрашнего дня будет работать в «Салоне красоты». У нее сертификат учителя, университетский диплом, а она бог знает сколько времени будет теперь мыть головы местным красоткам. Потом он посмотрел на меня и сказал: «А как насчет вас, сэр? Чем занимаетесь вы?» — Кларк пытался имитировать мемфисский выговор Пресли, и сквозь наркотический туман в глазах официантки мелькнуло что-то настоящее. Мэри подумала, что это страх.

— Нельзя тут никого передразнивать, — прошептала она. — Здесь этого не любят. Можно нарваться на неприятности... а вам это ни к чему. — Она приподняла перевязанную руку.

Кларк посмотрел на нее, губы его задрожали, и заговорил он уже обычным голосом. После того как рука Сисси легла на его колени.

— Я сказал ему, что я — программист, и он ответил, что компьютеров у них в городе нет... Хотя и признал, что им не помешал бы выход в Интернет. Тут второй парень рассмеялся и сказал, что в супермаркете нужен грузчик, и...

Яркий белый прожектор осветил авансцену и толстячка в пиджачке спортивного покроя немыслимой расцветки. Толстячок вскинул руки, словно пытаясь приглушить гром аплодисментов.

— Кто это? — спросила Мэри у Сисси.

— Какой-то диск-жокей, который в свое время провел множество таких шоу. Алан Твид или Алан Брид, что-то

в этом роде. Мы его видим только на сцене. Думаю, он пьет. А то, что спит целыми днями, — это точно.

Как только имя и фамилия диск-жокея слетели с губ девушки, кокон, в котором все это время находилась Мэри, разлетелся на мелкие кусочки. Наконец-то она осознала, что про сон пора забыть. Она и Кларк каким-то образом забрели в Рок-н-ролльные Небеса, но вместо рая попали в ад, Рок-н-ролльный Ад. Случилось это не потому, что они были плохими людьми, не потому, что их наказывали древние боги. Случилось, потому что они заблудились в лесу, ничего больше, а заблудиться в лесу может каждый.

— *Сегодня нас ждет грандиозное шоу!* — выкрикнул в микрофон ведущий. — *У нас Фредди Меркьюри... только что вернувшийся из Лондона... Джим Кроуч... мой любимчик Джонни Эйс...*

Мэри наклонилась к официантке:

— Давно ты здесь, Сисси?

— Не знаю. Тут так легко потерять счет времени. По меньшей мере шесть лет. А может, восемь. Или девять.

— *...Кит Мун из «Ху»... Брайан Джонс из «Стоунс»... красотка Флоренс Баллард из «Супримз»... Мэри Уэллс...*

— А сколько тебе было лет, когда ты попала сюда? — озвучила Мэри свое самое страшное предчувствие.

— *Касс Эллиотт... Дженис Джоплин...*

— Двадцать три.

— *Кинг Кертис... Джонни Барнетт...*

— А сколько тебе сейчас?

— *Слим Харпо... Боб «Медведь» Хайт... Стиви Рэй Вон...*

— Двадцать три, — ответила Сисси, на авансцене Алан Фрид продолжал выкрикивать имена в практически пустую городскую площадь, на сцену выходили звезды, сначала сто, потом тысяча, потом без счета. Он перечислял и перечислял тех, кто умер от передозняка, от алкоголя, погиб в авиакатастрофе или от пули, кого нашли в темном проулке, в бассейне, в придорожном кювете. Он называл молодых и старых, главным образом молодых, и когда со сцены прозвучали имена Ронни Ван Занта и Стива Гейнса, Мэри буквально услышала их песню, со словами: «О, этот запах, неужели ты

не чуешь этот запах...» Да, конечно, она его чуяла, даже в чистом орегонском воздухе, она его чуяла, когда брала Кларка за руку и чувствовала, что это рука трупа.

— *И-Т-Т-Т-Т-Т-А-А-А-А-А-К!* — орал Алан Фрид. За его спиной выстроились толпы теней. — *Вы готовы ПОВЕСЕЛИ-И-И-И-И-ТЬСЯ?*

Редкие зрители, разбросанные по площади, ему не ответили, но он махал руками и смеялся так, словно огромная аудитория визжала в предвкушении незабываемого зрелища.

— *Вы готовы к БУ-У-У-Г-И-И-И?*

На этот раз ему ответили — демоническим воем саксофонов из-за его спины.

— Тогда начнем... *ПОТОМУ ЧТО РОК-Н-РОЛЛ БЕССМЕРТЕН!*

Вспыхнули яркие огни, пошла музыка первой песни этого длинного, длинного концерта: «Я уйду навсегда». *Этого я и боюсь*, думала Мэри, слушая вокалиста Марвина Гэя. *Именно этого я и боюсь.*

ДОМАШНИЕ РОДЫ

С учетом того, что близился конец света, Мэдди Пейс полагала, что дела у нее идут неплохо. Чертовски неплохо. Возможно, она справлялась с трудностями, вызванными Концом Всего, лучше, чем кто бы то ни было. И она нисколько не сомневалась, что лучше, чем любая беременная женщина на всей земле.

Справлялась с трудностями.

Мэдди Пейс, подумать только.

Та самая Мэдди Пейс, которая иной раз не могла заснуть, если после визита преподобного Джонсона замечала пылинку под обеденным столом. Мэдди Пейс, которая, будучи еще Мэдди Салливан, сводила с ума Джека, своего жениха, когда на полчаса застывала над меню, гадая, что же ей заказать.

— Мэдди, а может, бросить монетку? — как-то раз спросил он ее, когда она сузила выбор до тушеной телятины и бараньих ребрышек, но не могла двинуться дальше. — Я уже выпил пять бутылок этого чертова немецкого пива, и если ты, наконец, не решишь, то до того, как мы начнем есть, под нашим столом будет валяться пьяный рыбак.

Тогда она нервно улыбнулась, заказала тушеную телятину и чуть ли не всю дорогу домой гадала, а вдруг ребрышки были вкуснее, и, пусть они были чуть дороже, они потратили бы деньги с большей пользой.

А вот когда Джек предложил ей выйти за него замуж, она совсем не раздумывала. Согласилась сразу же, с безмер-

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

ным облегчением. После смерти отца Мэдди и ее мать, оставшись вдвоем в их домике на острове Литтл-Тол у побережья Мэна, жили словно в подвешенном состоянии. «Если меня не будет, чтобы сказать им, где встать и как навалиться на штурвал, — частенько говорил Джордж Салливан своим дружкам, когда они пили пиво в таверне Фаджи или в задней комнатке парикмахерской Праута, — я не знаю, что они будут делать».

Когда отец Мэдди умер от обширного инфаркта, ей исполнилась девятнадцать лет и в будни по вечерам она работала в библиотеке, получая сорок один доллар и пятьдесят центов в неделю. Ее мать занималась домом, точнее, занималась, если Джордж напоминал ей (иной раз и хорошей затрещиной), что у нее есть дом, которым надо заниматься.

Узнав о его смерти, обе в панике переглянулись, в глазах каждой застыл вопрос: *Что же нам теперь делать?*

Ни одна не знала, но обе чувствовали, что в своей оценке он не грешил против истины: без него они ничего не могли. Они же женщины, и только мужчина мог сказать им не только, что они должны делать, но, если уж на то пошло, и как. Они не говорили об этом, тема эта их раздражала, но суть не менялась: они понятия не имели, как жить дальше, и мысль о том, что они давно уже стали пленницами тех немногих идей, на которых строил жизнь Джордж Салливан, даже не приходила им в голову. Не следовало полагать их глупыми женщинами, ни одну из них, но они с рождения жили на острове.

О деньгах они могли не беспокоиться: Джордж истово верил в страховку, и когда во время одного из решающих бейсбольных матчей у него не выдержало сердце, его жена получила больше ста тысяч долларов. Жизнь на острове не требовала больших денег: если у человека был свой дом, он ухаживал за огородом, а по осени знал, как распорядиться урожаем. *Проблема* заключалась не в этом. *Проблема* состояла в том, что из их жизни вырвали сердцевину, когда после явной ошибки бэттера Джордж упал лицом на заставленный кружками пива стол. После его смерти они уже не жили — существовали.

Я словно заблудилась в густом тумане, иногда думала Мэдди. *Только вместо того, чтобы искать дорогу, дом, деревню, какой-нибудь ориентир, вроде расщепленного молнией дерева, я ищу штурвал. Если я смогу его найти, то, возможно, скажу себе, где встать и как навалиться на него.*

Наконец она нашла свой штурвал: им оказался Джек Пейс. Некоторые говорят, что женщины выходят замуж за своих отцов, а мужчины женятся на матерях. Утверждение это общее, и справедливо далеко не всегда, но в случае Мэдди так оно и было. У соседей ее отец вызывал страх и восхищение. «Будь поосторожнее с Джорджем Салливаном, — говорили они. — Он отшибет тебе нос, если ему не понравится, как ты на него смотришь».

Точно так же он вел себя и дома. Все решал сам, иногда пускал в ход кулаки, но знал, ради чего надо работать и что покупать на заработанные деньги. Скажем, «форд»-пикап, бензиновую пилу, два акра земли, примыкающие к их участку с юга, земли Попа Кука. Джордж Салливан называл Попа Кука не иначе, как старый вонючий говнюк, но пот, которым действительно пованивал старик, не менял главного: на этих двух акрах рос очень даже неплохой строевой лес. Поп Кук об этом не подозревал, потому что лет восемь назад перебрался на материк: на острове его совсем замучил артрит. Джордж довел до сведения каждого жителя Литтл-Тол: если старый говнюк чего не знает, оно и к лучшему, а тому, кто просветит Попа, он переломает руки и ноги, что мужчине, что женщине. Никто не просветил, и Салливаны купили и землю, и лес. За три последующих года весь хороший лес извели, но Джордж нисколько об этом не жалел: деньги вернулись, а земля осталась. Так утверждал Джордж, и они ему верили, верили в него. Он говорил: «Ты должен упираться плечом в штурвал и толкать его, должен толкать изо всех сил, потому что не так просто шевельнуть его». Вот они и толкали, втроем.

В те дни мать Мэдди держала лоток на дороге из Ист-Хеда. Туристы с удовольствием покупали овощи, которые она выращивала (разумеется, Джордж говорил ей, какие овощи надо выращивать), и хотя они не были богачами, на жизнь им вполне хватало. Даже когда ловля лобстеров не

приносила большой прибыли и им приходилось ужиматься в расходах, чтобы выплачивать банку ссуду, взятую на покупку двух акров Попа Кука, на жизнь им хватало.

Джек Пейс характером был помягче, чем Джордж Салливан, но все имело свои пределы. Мэдди полагала, что в душе ему не чужды так называемые методы домашнего воздействия, скажем, он мог вывернуть руку за холодный ужин или отвесить оплеуху за подгоревший пудинг, не сразу, конечно, а после того, как с розы облетел бы цвет. Она этого ожидала, не видела в этом ничего особенного. В женских журналах писали, что времена, когда мужчина чувствовал себя в доме хозяином, отошли в прошлое, и если он поднимал руку на женщину, его следовало арестовать за хулиганство, даже если этих мужчину и женщину связывали узы брака. Мэдди иногда читала такие статьи в парикмахерской, но не сомневалась, что женщины, которые их писали, не имели ни малейшего понятия об островах, на одном из которых она жила. Между прочим, на Литтл-Тол родилась одна журналистка, Селена Сент-Джордж, но писала она главным образом о политике, а на остров за много лет приехала только один раз, на День благодарения.

— Я не *собираюсь* всю жизнь ловить лобстеров, Мэдди, — сказал ей Джек за неделю до свадьбы, и она ему поверила Годом раньше, когда он впервые пригласил ее на свидание (она ответила «да», едва слова слетели с его губ, и покраснела до корней волос, выдав свое нетерпение), он бы сказал ей: «Я не *буду* ловить лобстеров всю жизнь». Грамматически изменение маленькое, но говорило оно о многом. Три раза в неделю он посещал вечернюю школу, плавал туда и обратно на старом пароме «Принцесса островов». Он очень уставал за день, наломавшись с сетями, но не бросал учебу. Заскакивал домой только для того, чтобы под душем смыть с себя ядреный запах лобстеров и водорослей да запить кофе две таблетки мультивитаминов. Какое-то время спустя, поняв, что он настроен решительно, Мэдди стала давать ему с собой термос с горячим супом, чтобы он мог съесть его по пути на материк. Все лучше, чем покупать в баре парома эти мерзкие хот-доги.

Она вспомнила, как чуть не сошла с ума, выбирая в магазине консервированные супы. От разнообразия разбегались глаза. Устроит его томатный суп? Некоторые не любили томатный суп. Более того, ненавидели, даже если его разводили не водой, а молоком. А овощной? С индейкой? Курицей? Она минут десять беспомощно разглядывала полку со стаканчиками, пока Шарлен Нидо не спросила, а не нужна ли ей помощь. Да только в вопросе слышались ехидные нотки, и Мэдди поняла, что назавтра она расскажет об этом своим школьным подругам, и они будут хихикать над ней в туалете для девочек, хихикать над бедной, глупой Мэдди Салливан, которую ставит в тупик даже такая мелочь, как покупка стаканчика супа. И как она только смогла решить, выходить ей замуж за Джека Пейса или нет... Но они ничего не знали о штурвале, который надо найти, и о том, что одного штурвала мало, что рядом должен быть человек, который скажет тебе, где встать и как навалиться на эту чертову штуковину.

Мэдди ушла из магазина без супа, но с раскалывающейся от боли головой.

А когда она набралась-таки храбрости и спросила Джека, какой у него любимый суп, он ответил: «Куриный с вермишелью. Который продается в стаканчике».

А другие ему не нравились?

Нет, только куриный с вермишелью... который продается в стаканчиках. Единственный суп, который хотел всю жизнь есть Джек Пейс, и стал тем ответом, который безмерно (в данном, конкретном вопросе) облегчил жизнь Мэдди. Наутро Мэдди с легким сердцем поднялась по деревянным ступенькам магазина и купила четыре стаканчика куриного супа с вермишелью, все, что стояли на полке. А когда спросила Боба Нидо, есть ли у него еще этот суп, он ответил, что в подсобке стоит целая коробка.

Она купила всю коробку, отчего Боб так изумился, что даже поставил ее в кузов пикапа и забыл спросить, зачем ей понадобилось так много куриного супа. Вечером за этот непростительный промах ему крепко досталось от длинноносой жены и дочери.

— Ты лучше поверь в это и никогда не забывай, — говорил ей Джек незадолго до свадьбы (она поверила и никогда не забывала). — Не буду я до конца своих дней рыбаком. Отец вот считает, что я несу чушь. Он говорит, если он и все его предки до двенадцатого колена ловили лобстеров и их это устраивало, значит, и мне нечего что-то менять. Но я хочу занять в этой жизни более пристойное место. — Он смотрел на нее, и в его взгляде Мэдди видела любовь, надежду и уверенность. — Я не собираюсь всю жизнь ловить лобстеров, и я не хочу, чтобы ты до конца своих дней была женой простого рыбака. У нас будет дом на материке.

— Да, Джек, — соглашалась она.

— И ездить мы будем не на паршивом «шевроле». — Он глубоко вдохнул, взял ее руки в свои. — У нас будет «олдсмобил». — Он вновь заглянул ей в глаза, словно хотел найти в них порицание его беспредельного честолюбия.

Но ничего такого в них, естественно, и быть не могло. Она лишь ответила: «Да, Джек», третий или четвертый раз за вечер. За год, прошедший от первого свидания до свадьбы, она повторила эти два слова тысячи раз и нисколько не сомневалась, что к тому времени, когда их семейная жизнь подойдет к концу и смерть заберет одного из них, а лучше бы обоих сразу, счет пойдет на миллионы. «Да, Джек», — какой прекрасной музыкой звучали в ее ушах эти два слова, когда они лежали бок о бок в теплой постели.

— Я добьюсь в жизни большего, что бы ни думал мой старик и как бы громко он ни смеялся надо мной. Я это сделаю, и знаешь, кто мне в этом поможет?

— Да, — без запинки, ровным, спокойным голосом ответила Мэдди. — Я.

Он рассмеялся и крепко обнял ее.

— Милая ты моя, ненаглядная.

Они поженились, и первые месяцы после свадьбы, когда чуть ли не везде их приветствовали криками: «А вот и новобрачные», — Мэдди прожила, как в сказке. Она могла опереться на Джека, Джек помогал ей принимать решения, чего еще она могла желать от жизни? В первый же год перед ней встала почти неразрешимая проблема: какие занавески вы-

брать для гостиной. В каталоге они занимали не одну страницу, а мать ничем не могла помочь. Матери Мэдди с огромным трудом давался выбор туалетной бумаги.

В остальном этот год запомнился ей радостью и ощущением абсолютной уверенности в будущем. Радость она черпала, любя Джека в их большой кровати, когда за окном завывал холодный зимний ветер, уверенность в будущем гарантировало присутствие Джека, который всегда мог сказать, чего они хотят и как этого добиться. Любовные утехи были дивно как хороши, так хороши, что иной раз, когда она думала о Джеке днем, у нее подгибались колени, а низ живота обдавало жаром, но еще больше ей нравилось другое: он всегда все знал и без труда мог разрешить любые ее затруднения. Так что какое-то время она жила, словно в сказке.

А потом Джек умер, и все пошло наперекосяк. Не только для Мэдди.

Для всех.

Незадолго до того, как весь мир обуял ужас, Мэдди узнала, что она, как говорила ее мать, «залетела». В этом слове, казалось, слышалось какое-то пренебрежение (во всяком случае, его слышала Мэдди). К тому времени она и Джек перебрались на остров Дженнисолт (местные называли его Дженни) и поселились рядом с Палсиферами.

Когда месячные не пришли второй раз, Мэдди как раз мучилась неразрешимыми вопросами, связанными с обустройством комнат, и после четырех бессонных ночей она записалась на прием к доктору Макэлвейну, практиковавшему на материке. Оглядываясь назад, она хвалила себя за принятое решение. Если бы она ждала, пока месячные не придут и в третий раз, Джек на месяц меньше радовался бы тому, что скоро станет отцом, а она лишилась бы тех маленьких знаков внимания и любви, которыми он засыпал ее.

Оглядываясь назад (теперь, когда она так здорово справлялась с выпавшими на ее долю трудностями), Мэдди понимала нелепость своей нерешительности, но и отдавала

себе отчет в том, что тогда ей потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы отправиться к врачу. Ей хотелось, чтобы по утрам ее мутило сильнее, ей хотелось, чтобы тошнота вырывала ее из сна: тогда бы она с куда большей вероятностью могла предположить, что «залетела». Договаривалась она в отсутствие Джека и на материк поплыла, когда Джек был в море, но не приходилось и мечтать о том, чтобы никто этого не заметил: слишком многие жители обоих островов видели ее. И кто-нибудь из них не мог как бы невзначай не сказать Джеку, что на днях видел его жену на пароме. Тогда Джек пожелал бы знать, что все это значило, и, если б никакой беременности не было и в помине, посмотрел бы на нее, как на гусыню.

Но она не ошиблась, она уже носила под сердцем ребенка, и Джек Пейс ровно двадцать семь дней ждал своего первенца, прежде чем огромная волна смыла его за борт «Владычицы любви», рыболовецкой шхуны, которую он унаследовал от дяди Майка. Джек отлично плавал, тут же вынырнул из-под воды, потом печально рассказывал ей Дэйв Эймонс, но тут же в противоположный борт ударила вторая огромная волна, и шхуну буквально бросило на Джека. И хотя Дэйв больше ничего не говорил, Мэдди, родившаяся и выросшая на острове, все поняла без слов, можно сказать, услышала, как шхуна с таким предательским названием раздавила голову ее мужа, размазав по борту кровь, волосы, осколки костей, а то и мозг, который заставлял его вновь и вновь произносить ее имя, когда в ночной тьме они сливались воедино.

В тяжелой куртке с капюшоном, подбитых мехом штанах и сапогах, оглушенный Джек Пейс камнем пошел ко дну. На маленьком кладбище в северной части острова Дженни они похоронили пустой гроб, и преподобный Джонсон (на Дженни и Литтл-Тол каждый выбирал религию по вкусу: становился методистом или, если что-то человека не устраивало, *бывшим* методистом) провел поминальную службу над пустым гробом, не в первый и, к сожалению, не в последний раз. Служба закончилась, и Мэдди в двадцать два года стала вдовой, беременной вдовой, и никто не мог указать ей, где

штурвал, не говоря уже о том, как встать и когда навалиться на него.

Поначалу она собралась вернуться на Литтл-Тол, к матери, чтобы там дожидаться своего срока, но год с Джеком не прошел для нее даром, она знала, что ее мать тоже дрейфует по жизни без руля и ветрил (может, дрейфует еще в большей степени, чем она сама), и задалась вопросом: а разумное ли это решение?

— Мэдди, — вновь и вновь говорил ей Джек (умер он для мира или нет, но в ее голове он оставался живехоньким... так она, во всяком случае, думала), — единственное, на что ты можешь решиться, — это ни на что не решаться.

И ее мать ничем не отличалась от нее. Когда они разговаривали по телефону, Мэдди всякий раз ждала и надеялась, что мать просто предложит ей вернуться домой, но миссис Салливан никогда и ничего не предлагала не только дочери, но и кому бы то ни было. «Может, тебе стоит вернуться домой», — как-то сказала она, но так нерешительно, что Мэдди и не знала, как надо истолковать эти слова: то ли, *пожалуйста, возвращайся домой*, то ли, *пожалуйста, не принимай за руководство к действию предложение, сделанное лишь для проформы*. Не одну долгую ночь Мэдди провела без сна, пытаясь решить, что же ей делать, но только еще сильнее запутывалась.

А потом наступили странные времена, и жители острова благодарили Бога за то, что на Дженни было только одно кладбище (и в большинстве могил лежали пустые гробы; раньше Мэдди это печалило, нынче — радовало). На Литтл-Тол кладбищ было два, оба довольно большие, и она поняла, что оставаться на Дженни куда как безопаснее.

А потому решила подождать, умрет мир или выживет.

И готовиться к родам, если он таки выживет.

Но вот теперь, привыкнув подчиняться и ждать, пока кто-то примет за нее самое простое решение, Мэдди все же научилась справляться с трудностями. Она понимала, что одна из причин — катастрофы, которые сыпались на нее одна за другой, начиная со смерти мужа и заканчивая последними

передачами, которые приняла спутниковая антенна, установленная у дома Палсиферов, вскоре после того, как президента Соединенных Штатов, первую леди, государственного секретаря, сенатора от штата Орегон и эмира Кувейта в Восточном кабинете Белого дома заживо съели зомби.

— Я хочу сообщить. — Рот и щеки репортера тряслись, на лбу и подбородке краснели прыщи, руки непроизвольно дергались. — Я хочу повторить, что банда трупов только что съела президента, его жену и многих других политических деятелей, которые собрались в Белом доме на званый обед. — И тут же репортер безумно захохотал и с криками «Вперед, Йель», выбежал из студии. Впервые на памяти Мэдди новостная программа Си-эн-эн осталась без комментатора. Она и Палсиферы молча смотрели на экран, пока пустую студию не сменила реклама лазерных дисков Бокскара Уилли. В магазинах они не продавались, но любой мог заказать их по телефону, вспыхнувшему в нижней половине экрана. На боковом столике, рядом со стулом, на котором сидела Мэдди, лежал цветной мелок маленькой Чейни Палсифер. Непонятно почему Мэдди взяла его и записала телефон на клочке бумаги, прежде чем мистер Палсифер встал и, не произнеся ни слова, выключил телевизор.

Мэдди пожелала им спокойной ночи и поблагодарила за то, что они позволили ей посмотреть телевизор и угостили воздушной кукурузой.

— Ты уверена, что все будет в порядке, Мэдди? — в пятый раз за вечер спросила Кэнди, и Мэдди в пятый раз за вечер ответила, что да, волноваться не о чем, она со всем справляется, и Кэнди добавила, что в этом никто не сомневается, но она может остаться в комнате Брайана наверху. Мэдди обняла Кэнди, поцеловала в щеку, с благодарностью отказалась и, наконец, смогла покинуть гостеприимный дом. По извилистой тропинке прошла полмили до своего дома и только на кухне поняла, что в кармане лежит листок, на котором она записала телефонный номер. Набрала его, но ничего не услышала. Голос автоответчика не сообщил ей, что все менеджеры на данный момент заняты или этот номер временно не работает. Не услышала она даже гула помех.

В трубке застыла мертвая тишина. Вот тогда Мэдди поняла, что конец света или уже наступил, или наступает. Если ты не можешь заказать по телефону лазерные диски Бокскара Уилли, если впервые на ее памяти из трубки не раздается голос телефониста, то ли автоответчика, то ли человека, конец света — самое очевидное заключение, к которому можно прийти.

Стоя на кухне у висящего на стене телефонного аппарата, она посмотрела на свой круглеющий живот и громко и отчетливо произнесла, не отдавая себе отчета в том, что говорит вслух: «Значит, рожать придется дома. Все будет нормально, если к этому подготовиться. Надо только помнить, что по-другому быть не может. Родить можно только дома».

Она ждала, что ее охватит страх, но он все не приходил и не приходил.

— С этим я тоже сумею справиться. — На этот раз она услышала себя, и уверенность собственных слов успокоила ее.

Младенец.

Как только появится младенец, конец света враз и закончится.

— Рай, — воскликнула она и улыбнулась нежной улыбкой, улыбкой мадонны. И уже не имело значения, сколько мертвяков (может, в их числе был и Бокскар Уилли) шляется по земле.

У нее будет ребенок, она сумеет родить дома, а потому никто не отнимет у нее возможности построить рай на земле.

Первым сообщил о них австралийский отшельник, проживавший на самой границе пустыни, вдали от населенных мест. В Америке шагающие мертвяки впервые объявились в городе Тампер, штат Флорида. А первую статью о них напечатал знаменитый американский таблоид «Взгляд изнутри».

«В МАЛЕНЬКОМ ФЛОРИДСКОМ ГОРОДКЕ ОЖИВАЮТ МЕРТВЫЕ», — гласил аршинный заголовок. Статья начиналась рассказом о фильме «Ночь живых мертвецов»*, который

* «Ночь живых мертвецов», фильм 1968 г., режиссер Джордж Ромеро. Считается классикой современных фильмов ужаса.

Мэдди не видела. Затем упоминался другой фильм, «Любовь Макумбы»*, который она тоже не видела. Текст разбавляли три фотоснимка. Один — кадр из «Ночи живых мертвецов»: толпа безумцев глубокой ночью стоит у фермерского дома. Второй — из «Любви Макумбы»: блондинка, бикини которой чуть не лопается на внушительных размеров груди, подняв руки, кричит от ужаса, глядя на негра в маске. Третий снимок, очень нечеткий, сделали в Тампере, штат Флорида. Человек неопределенного пола стоял перед видеосалоном. В статье указывалось, что человек закутан в «погребальный саван». Но, возможно, кто-то набросил на себя грязную простыню.

Особого впечатления статья не произвела. Оно и понятно. На прошлой неделе в этой самой газете снежный человек насиловал мальчика, на этой оживали мертвые, на следующей читателей ждала душераздирающая статья о массовой резне карликов.

Короче, поначалу сообщение это приняли за газетную утку, но мертвяки начали появляться в других местах. И оно оставалось газетной уткой до сюжета в телевизионном выпуске новостей («Возможно, вам следует попросить детей выйти из комнаты» — такими вот словами предварил сюжет Том Брокау.): разлагающиеся монстры, белые кости, торчащие сквозь грязно-серую кожу, жертвы автомобильных аварий с разбитыми черепами, изуродованными лицами (от грима, наложенного в похоронных бюро, не осталось и следа), женщины, в волосах которых кишели черви. И оно оставалось газетной уткой до первых ужасных фотоснимков в журнале «Пипл», из-за которых он продавался в запаянных пластиковых конвертах с оранжевой наклейкой: «НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРОДАЖА ЗАПРЕЩЕНА».

Вот тут стало ясно, что дело серьезное.

Еще бы, любой поймет, что дело серьезное, увидев разлагающегося мертвяка, одетого в остатки костюма от «Брукс бразерс», в котором его и хоронили, раздирающего горло отчаянно вопящей красотке в футболке с надписью во всю

* «Любовь Макумбы», фильм 1960 г., режиссер Дуглас Фоули.

пышную грудь: «СОБСТВЕННОСТЬ «ХЬЮСТОНСКИХ НЕФТЯНИКОВ».

За этим вдруг последовала перепалка двух великих ядерных держав, выдвинувших взаимные обвинения, чреватая обменом ракетными ударами, и на три недели мир забыл о мертвяках, вдруг решивших покинуть свои могилы.

В Соединенных Штатах зомби нет, заявляли телевизионные комментаторы коммунистического Китая. Это ложь, призванная закамуфлировать начатую химическую войну против Китайской Народной Республики, по своим масштабам (и разрушительности) несравнимую с диверсией, имевшей место в Бхопале, Индия. Америка будет сурово наказана, предупреждали комментаторы, если мертвые товарищи, выходящие из своих могил, не вернутся туда в течение десяти дней. Всех дипломатов США выслали из материкового Китая, нескольких американских туристов забили до смерти.

Президент (незадолго до того, как им закусили зомби) дал коммунистическому Китаю вполне адекватный ответ. Правительство Соединенных Штатов, объявил он американскому народу, располагает неопровержимыми доказательствами того, что в Китае мертвяков специально выпустили на улицы. И пусть Верховный Панда, выпучив глаза, утверждает, что восемь тысяч мертвяков стройными рядами маршируют навстречу коммунизму, на самом деле их не больше сорока. Именно китайцами совершена диверсия, *гнусная* диверсия, свидетельствующая о развязывании против Соединенных Штатов химической войны. В результате этой диверсии патриоты-американцы поднимаются из могил с единственной целью: пожрать других патриотов-американцев. Так что, если эти американцы, некоторые из которых добропорядочные демократы, в течение последующих пяти дней не лягут в землю, Красный Китай превратится в одно большое радиоактивное кладбище.

НОРАД* уже привело свои подразделения в боевую готовность, когда английский астроном Хэмфри Дагболт об-

* НОРАД (NORAD) — Объединенное командование воздушно-космической обороны североамериканского континента (США и Канада).

наружил астероид. Или космический корабль. Или существо. В общем, что-то да обнаружил. Дагболт, который жил в западной части Англии, не был профессиональным астрономом, звезды наблюдал из любопытства, но именно он спас мир от обмена термоядерными ударами, а то и от полномасштабной атомной войны. Неплохое достижение для человека с искривленной носовой перегородкой и страдающего псориазом.

Поначалу казалось, что две столкнувшиеся лбами политические системы не *желают* верить в находку Дагболта даже после того, как Королевская обсерватория в Лондоне подтвердила достоверность фотографий и точность рассчитанных Дагболтом координат неопознанного летающего объекта. Но в конце концов крышки шахт с ядерными ракетами закрылись, и телескопы всего мира нацелились, пусть и с неохотой, на Звезду Полынь*.

Менее чем через три недели после публикации первой фотографии НЛО в «Гардиан» с космодрома Высоты Ланцзоу стартовал космический корабль с американо-китайским экипажем, чтобы провести тщательное изучение незваного гостя. Разумеется, полетел и ставший всеобщим любимчиком астроном-любитель, несмотря на искривленную носовую перегородку и псориаз. По-другому просто и быть не могло: кто бы посмел отказать главному герою тех дней, самому знаменитому, после Уинстона Черчилля, англичанину. Когда за день до старта кто-то из репортеров спросил Дагболта, боится ли он, тот нервно рассмеялся, потер огромных размеров, действительно кривой нос и воскликнул: «Я в ужасе, дорогой мой! Просто в ужасе!»

Как вскоре выяснилось, причины для ужаса у него были. Как и у остальных.

Последние шестьдесят секунд трансляции с корабля «Дэн Сяопин/Трумэн» вызвали у властей трех государств такой шок, что и Вашингтон, и Пекин, и Лондон обошлись без

* В откровении Иоанна Богослова — звезда, сеющая смерть, которая появится в преддверии Страшного Суда.

официального коммюнике. Впрочем, молчание властей никакого значения не имело. Двадцать тысяч радиолюбителей подсоединились к каналу связи, так что как минимум девятнадцать тысяч из них получили полную информацию о том, что произошло, когда корабль... захватили, иначе и не скажешь, инопланетные существа.

ГОЛОС КИТАЙЦА. Черви. Похоже, это огромный шар, состоящий из...

ГОЛОС АМЕРИКАНЦА. Господи Иисусе! Посмотрите! Он движется на нас!

ДАГБОЛТ. На нас что-то надвигается. Боковой иллюминатор...

ГОЛОС КИТАЙЦА. Разгереметизация! Разгереметизация! Надеть скафандры!

Бульканье и шипение.

ГОЛОС АМЕРИКАНЦА. ...похоже, они проедают стенки...

ГОЛОС КИТАЯНКИ (Чин Линсун). О, прекратите, прекратите!

Грохот взрыва.

ДАГБОЛТ. Взрывная декомпрессия. Я вижу, трое... нет, четверо мертвы... и черви... везде черви...

ГОЛОС АМЕРИКАНЦА. Шлем! Шлем! Шлем!

Нечленораздельный вопль.

ГОЛОС КИТАЙЦА. Где моя мама? Господи, где моя мама?

Крики. Звуки, похожие на те, которые слышишь, когда беззубый старик ест рядом картофельное пюре.

ДАГБОЛТ. Рубка полна червей. Выглядят они как черви, но это, разумеется, не значит, что они и есть черви, это понятно. Похоже, они добрались до нас с основного объекта, того самого, который мы назвали Звезда Полынь. Кроме червей, по рубке плавают части человеческих тел. Эти космические черви, судя по всему, выделяют какую-то кислоту...

В этот момент включились ракетные двигатели. Проработали они 7,2 секунды. То ли предпринималась попытка

улететь, то ли таранить пришельца. В любом случае маневр не удался. Черви забили камеры сгорания, и капитан Лин Янь, или другой офицер, взявший командование на себя, отключил двигатели во избежание взрыва топливных баков.

ГОЛОС АМЕРИКАНЦА. Боже, они в моей голове, *они жрут мой гребаный м...*

Статические помехи.

ДАГБОЛТ. Я думаю, здравый смысл требует стратегического отступления в кормовой трюм. Все остальные мертвы. В этом нет никакого сомнения. Жаль. Храбрые были ребята. Даже толстый американец, который все время ковырял в носу. Но, с другой стороны, я не думаю...

Статические помехи.

ДАГБОЛТ. ...все-таки все мертвы, даже Чин Линсун... потому что ее отрезанная голова проплыла мимо меня. С открытыми глазами, моргая. Похоже, она меня узнала и...

Статические помехи.

ДАГБОЛТ. ...держать вас...

Взрыв. Статические помехи.

ДАГБОЛТ. ...вокруг меня. Повторяю, они вокруг меня. Черви. Они... я хочу сказать, знает ли кто-нибудь...

Крик, ругательство, снова крик. Опять звук пережевывания картофельного пюре беззубым стариком.

Связь обрывается.

Тремя секундами позже корабль «Дэн Сяопин/Трумэн» взорвался. Три сотни земных телескопов зафиксировали начало, ход и развязку этого трагического контакта землян с инопланетной жизнью, темным шаром, неведомо откуда прибывшим в Солнечную систему и названным Звездой Полынь. Судя по последним шестидесяти секундам, существа, похожие на червей, уничтожили весь экипаж. За мгновения до взрыва корабль просто исчез под массой червей. После взрыва на единственном снимке, сделанном проле-

тающим мимо метеорологическим спутником, среди разлетающихся обломков хорошо видны ошметки, которые вроде бы можно принять за куски червей. С идентификацией плавающей среди них человеческой ноги в китайском скафандре проблем не возникло вовсе.

Но мир уже занимали другие проблемы. Ученые и политические лидеры обеих стран точно знали, где находится Звезда Полынь: над расширяющейся дырой в озоновом слое Земли. Что-то излучала эта Звезда, и ничего хорошего ждать от этого излучения не приходилось.

В космос полетели ракеты с ядерными боеголовками. Звезда Полынь легко уходила от встречи с ними, а потом возвращалась на прежнее место.

Спутниковая антенна Палсиферов сообщала о том, что все больше мертвяков поднимается из могил, и теперь их количество превысило критическую величину. Если вначале зомби кусали только тех людей, которые оказывались рядом, то в последние недели, предшествующие тому, как на экране телевизора остались только помехи, мертвяки уже принялись гоняться за живыми.

Им, похоже, понравилась человечина.

Окончательную попытку уничтожить Звезду Полынь предприняли США. Президент одобрил решение атаковать темный шар ядерными ракетами, размещенными на орбитальных платформах, напрочь забыв о том, что Америка многократно во всеуслышание объявляла, что никогда не выводила в космос ядерное оружие. Впрочем, никто и ухом не повел. Все молились за успех начинания.

Идея, безусловно, была хорошая, да вот реализация подкачала. Ни одна ракета ни с одной орбитальной платформы не стартовала. Одна неудача следовала за другой.

Современная технология показала свою полную несостоятельность.

А уж потом, после всех катаклизмов на земле и на небесах, пришел черед битвы на маленьком и единственном кладбище острова Дженни. Но и это событие обошло Мэдди стороной. В конце концов она там не присутствовала.

С приближением конца цивилизации (до него оставалось совсем ничего), отрезанные от остального мира (какое счастье!), островитяне не считали, что жизнь кончена, и как-то очень естественно вернулись к законам, по которым жили еще в незапамятные времена. Они уже понимали, что их ждет, только не знали когда. Но готовились встретить неизбежное во всеоружии.

Женщин от решения важных вопросов отстранили.

Организовать дежурства предложил, естественно, Боб Даггетт. Иначе, наверное, и быть не могло, потому что Боб уже тысячу лет возглавлял совет самоуправления Дженни. Через день после смерти президента (о том, что он и первая леди бродят по улицам Вашингтона, округ Колумбия, кусая живых за руки и за ноги, не упоминалось; не хотелось даже думать об этом, пусть и этот мерзавец, и его блондинка-жена были демократами) Боб Даггетт созвал первое со времен Гражданской войны чисто мужское собрание. Мэдди хоть и не присутствовала на собрании, но все узнала. Дэйв Эймонс ввел ее в курс дела.

— Вы все знаете ситуацию, — начал Боб, он совсем пожелтел, как при желтухе, но люди помнили, что из четырех его дочерей на острове осталась одна. Остальные жили в городах... на материке.

Но, с другой стороны, у всех были родственники на материке.

— У нас на Дженни только одно кладбище, — продолжал Боб, — и пока на нем все спокойно, но это не значит, что так будет всегда. У нас ничего не произошло, но во многих местах... мне кажется, если где-то это началось, нам тоже этого не избежать.

По спортивному залу начальной школы, единственному помещению, которое могло вместить всех, пробежал гул одобрения. Мужчин собралось человек семьдесят, начиная с Джонни Крейна, которому только-только исполнилось восемнадцать, до Френка, двоюродного дедушки Боба, который в свои восемьдесят ходил со стеклянным глазом и жевал табак. Плевательницы в спортзале, конечно же, не было,

поэтому Френк Даггетт принес с собой пустую баночку из-под майонеза, чтобы сплевывать в нее сок. Что он и проделал, прежде чем заговорить.

— Переходи к делу, Бобби. Это не предвыборная кампания, нечего тратить время зря.

Вновь зал одобрительно загудел, а на щеках Боба выступил румянец. Каким-то образом дедушке всегда удавалось выставить его круглым дураком, а он ужасно не любил, когда его: а) выставляли круглым дураком и б) называли Бобби. Он уже не ребенок, черт побери, а уважаемый гражданин, владеющий немалой собственностью. И он же еще материально помогал старому пердуну — покупал ему эту гребаную жвачку!

Но всего этого сказать он не мог, потому что глаза старого Френка уже превратились в две ледышки.

— Ладно, — кивнул он. — К делу. Дежурить будем по двенадцать человек. Прежде всего составим список. Смена каждые четыре часа.

— Я могу стоять на вахте больше четырех часов! — громогласно заявил Мэтт Арсенолт, и, как поняла Мэдди со слов Дэйви, после собрания Боб пожаловался, что такие вот бездельники, живущие на пособие, вроде Мэтта Арсенолта, никогда не решились бы подать голос в присутствии приличных людей, если бы этот старикан не называл его Бобби, словно он мальчишка, а не солидный мужчина, которому через три месяца стукнет полтинник.

— Может, сможешь, а может, и нет, — ответил ему Боб, — но народу у нас достаточно, и никто не должен заснуть на дежурстве.

— Я не собираюсь...

— Я же не говорил, что ты заснешь, — прервал его Боб, а по взгляду, брошенному на Мэтта Арсенолта, чувствовалось, что думал он как раз об этом.

Мэтт Арсенолт уже открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но посмотрел на сидящих вокруг мужчин, в том числе и на Френка... и сообразил, что лучше промолчать.

— У кого есть оружие, пусть берет его с собой на дежурство, — продолжил Боб. После того как Арсенолта более или менее поставили на место, настроение у него улучшилось. —

Если, конечно, это не мелкашка. У кого нет ружья крупного калибра, пусть приходит за ним сюда.

— Я и не знал, что в нашей школе оружейный склад, — сказал Кэл Патридж, и ему ответил дружный смех.

— Пока нет, но будет, — заверил его Боб, — потому что каждый мужчина, у кого есть несколько ружей калибром больше двадцать второго, принесет сюда все, кроме одного. — Он посмотрел на Джона Уирли, директора школы. — Не возражаешь, если мы будем держать их в твоем кабинете, Джон?

Уирли кивнул. Рядом с ним преподобный Джонсон нервно потер руки.

— Как бы не так! — воскликнул Оррин Кэмпбелл. — У меня жена и двое детей. Неужели я оставлю их безоружными? А вдруг, когда я буду нести вахту, компания мертвяков заявится к ним на обед?

— Если на кладбище мы все сделаем как надо, к ним никто не заявится, — железным тоном отрезал Боб. — У некоторых из вас есть пистолеты, револьверы. Здесь они нам не нужны. Сообразите, кто из женщин может стрелять, и раздайте им эти самые пистолеты. Мы сведем их в группы.

— Они смогут пропустить стаканчик-другой, — хохотнул старый Френк, и Боб тоже позволил себе улыбнуться. Похоже, все шло как надо.

— Ночью мы поставим вокруг грузовики, чтобы нам хватало света. — Он посмотрел на Сонни Дотсона, работавшего на «Островной Амоко», единственной заправке на Дженни. Обслуживал Сонни не легковушки или грузовики, на Дженни не разъездишься, да и на материке галлон бензина стоил на десять центов дешевле, а рыболовецкие шхуны и моторные лодки. — У тебя достаточно горючего, Сонни?

— А расписки я получу?

— Если ты что и получишь, так это хорошего пинка. Когда все придет в норму, если придет, думаю, тебе за все заплатят.

Сонни огляделся, уперся в суровые взгляды и пожал плечами. На следующий день Дэйви сказал Мэдди, что он, конечно, надулся, но возражать не стал.

— У меня не больше четырехсот галлонов, в основном солярка.

— На острове пять генераторов, — подал голос Барт Дорфман (когда Барт говорил, все слушали; единственному еврею на острове обычно внимали, как пророку). — Они работают на солярке. Если необходимо, я подключу к ним фонари.

В зале зашептались. Если Барт сказал, что подключит, так оно и будет. На островах знали, что евреи — лучшие в мире электрики.

— Мы осветим кладбище, как гребаную сцену, — заключил Боб.

Поднялся Энди Кингсбюри.

— Я слышал в выпуске новостей, что эти твари остаются лежать, если прострелить им голову. Иногда, правда, и не остаются.

— У нас есть бензопилы, — ответил ему Боб. — И если они не останутся лежать... что ж, мы постараемся, чтобы далеко они не ушли.

На том собрание практически и закончилось, разве что составили список дежурств.

Прошло шесть дней и ночей, и постовые, несущие вахту у маленького кладбища на острове Дженни, начали задумываться, а тем ли они занимаются («Может, зря стоим», — выразил общую мысль Оррин Кэмпбелл.). С десяток мужчин сидели у ворот кладбища и играли в карты. Тут все и произошло, и произошло быстро.

Судя по тому, что услышала Мэдди от Дэйва, на кладбище что-то завыло, совсем как ветер в трубе в ненастную ночь, а потом могильный камень, под которым покоился Майкл, сын мистера и миссис Форнье, он в семнадцать лет умер от лейкемии (тяжелое дело, единственный ребенок, а люди они такие хорошие), повалился набок. Над жесткой травой поднялась высохшая рука с позеленевшим перстнем Академии Ярмута. Пробиваясь наружу, она лишилась среднего пальца.

Земля вздыбилась (как живот беременной женщины, собравшейся разродиться, уже хотел сказать Дэйв, но вовре-

мя прикусил язык), разлетелась в разные стороны, и из могилы поднялся этот юноша. Конечно, его бы никто не узнал, все-таки он два года пролежал в земле. Щепки торчали из того места, где было лицо, среди остатков волос синели клочки ткани. «От обивки гроба, — уточнил Дэйв, глядя на свои руки. — Я это точно знаю. — Он помолчал. — Слава Богу, отец Майка этого не видел».

Мэдди согласно кивнула.

Охранники, перепуганные насмерть, с перекошенными от отвращения лицами, открыли огонь по ожившему трупу бывшего чемпиона по шахматам местной средней школы и второго бейсмена школьной сборной, разнеся его на мелкие ошметки. Несколько пуль, выпущенных впопыхах, попали в мраморный надгробный камень. Им просто повезло, что они стояли все вместе, а не двумя группами на противоположных концах кладбища, как поначалу предлагал Боб Даггетт. Тогда они точно перестреляли бы друг друга. А так обошлось без ран, хотя на следующий день в рукаве Бада Мичама обнаружилась подозрительная дыра.

— Наверное, зацепился за шип ежевики, — предположил Бад. — В том конце острова ее много.

Никто с этим спорить не стал, но темные разводы вокруг дыры навели его перепуганную жену на мысль, что шип этот был довольно большого калибра.

Сын Форнье упал и застыл, если не считать отдельных частей, которые продолжали дергаться... Но тут вздыбилось все кладбище, словно случилось землетрясение, не на всем острове, а лишь на клочке земли, выделенном под могилы.

До сумерек оставался час.

Барт Дорфман заранее подсоединил сирену к тракторному аккумулятору, и Боб Даггетт щелкнул выключателем. Не прошло и двадцати минут, как большинство мужчин сбежались к кладбищу.

И слава Богу, прокомментировал Дэйв Эймонс, потому что некоторые мертвяки едва не сбежали. Старый Френк Даггетт, которому жить оставалось только два часа, указывал вновь прибывшим, куда надо встать, чтобы не попасть под пули, и последние десять минут на кладбище Дженни вы-

стрелы гремели, как в сражении на реке Бул-Ран*. От густых клубов порохового дыма многие мужчины закашлялись. Но запах блевотины перебивал запах сгоревшего пороха, был более резкий, и висел в воздухе дольше.

И все-таки некоторые из них дергались и извивались, как змеи с перебитыми позвоночниками, особенно те, кто лег в землю недавно.

— Барт, бензопилы здесь? — спросил Френк Даггетт.

— Да, — ответил Барт, и тут же какой-то странный звук вырвался из его груди, словно он пытался блевануть, но в желудке уже ничего не осталось. Он не отрывал глаз от копошащихся мертвяков, от перевернутых надгробий, от зевов могил, из которых появились мертвяки. — В кузове.

— Бензин залит? — Синие вены вздулись на лысом черепе Френка.

— Да. — Барт поднес руку ко рту. — Извини.

— Блюй, сколько тебе хочется, — резко ответил Френк, — но только на ходу, когда будешь нести сюда пилы. И ты... ты... ты... и ты.

Последнее «ты» относилось к его внучатому племяннику Бобу.

— Я не могу, дядя Френк, — просипел Боб. Огляделся и увидел, что пять или шесть его друзей и соседей лежат в высокой траве. Они не умерли — лишились чувств. Большинство из них увидели своих родственников, поднявшихся из земли. Бак Харкнесс стрелял в свою жену. И потерял сознание, увидев, как из затылка, словно болотная грязь, во все стороны полетели ее мозги. — Я не могу. Я...

И тут рука Френка, скрученная артритом, но твердая как камень, отвесила ему звонкую оплеуху.

— Сможешь, и принесешь, племяш, — процедил он.

Боб повернулся и поплелся к грузовику.

Френк Даггетт мрачно смотрел ему вслед и потирал грудь, которая уже начала подавать опасные сигналы, по-

* Сражение на реке Бул-Ран — первое существенное сражение Гражданской войны 21 июня 1861 г. между северянами (30 тыс. человек) под командованием генерала Макдауэлла и конфедератами (24 тыс. человек) под командованием генерала Борегара.

сылая импульсы боли в левую руку. В старости Френк не стал глупее, так что прекрасно понял, что сие означает.

— Он сказал мне, что скоро у него разорвется сердце, и при этом постучал себя вот сюда, — продолжил рассказ Дэйв, коснувшись рукой левой стороны груди.

Мэдди кивнула, показывая, что все поняла.

— Он сказал: «Если что-то случится со мной до того, как с этим будет покончено, ты, Дэйви, Барт и Оррин возьмете командование на себя. Бобби — хороший мальчик, но я думаю, что он, возможно, пал духом, по крайней мере сейчас... а ты знаешь, если человек падает духом, ему лучше ничего не поручать».

Мэдди вновь понимающе кивнула, в который уж раз поблагодарив Бога, а она была Ему очень, очень благодарна, за то, что она не мужчина.

— Мы взяли командование на себя, — продолжил Дэйв. — И с этим покончили.

Мэдди кивнула в третий раз, но тут у нее в горле что-то булькнуло, и Дэйв сказал, что дальше может и не рассказывать, если она не может это слышать. Замолчит с превеликим удовольствием.

— Я смогу, — спокойно ответила Мэдди. — Я смогу выслушать и не такое. Ты и представить себе не можешь, что я могу выслушать, Дэйви.

Он с любопытством посмотрел на нее, но Мэдди отвела взгляд до того, как он прочел в них ее тайну.

Дэйв не мог знать ее тайны, потому что на Дженни этого не знал никто. Мэдди приняла такое решение и не собиралась отступать от него ни на йоту. Какое-то время, пребывая в шоке, она только прикидывалась, что справляется с трудностями. А потом случилось нечто такое, что заставило ее с ними справиться. За четыре дня до того, как кладбище изрыгнуло своих мертвецов, перед Мэдди Пейс встал очень простой выбор: справиться или умереть.

Она сидела в гостиной, пила домашнее вино из черники, которое она и Джек сделали прошлым августом — как же

давно это было! — и вязала вещи маленькому. В данном случае пинетки. А что еще ей оставалось делать? За последнее время никому и в голову не приходило сплавать на материк и заглянуть в ближайший торговый центр.

Что-то ударилось в окно.

Летучая мышь, подумала Мэдди и подняла голову. Спицы на мгновение застыли. В темноте что-то двигалось, что-то большое. Но яркий свет масляной лампы отражался от стекол, и она не могла понять, что именно. Она протянула руку, чтобы притушить фитиль, и тут же раздался новый удар. Стекла задрожали. Она услышала, как посыпалась высохшая замазка. Мэдди вспомнила, что осенью Джек собирался заняться окнами, подумала, *может, за этим он и пришел*. Безумная мысль, он же лежал на дне океана...

Она сидела, склонив голову, с вязанием на коленях. Маленькой розовой пинеткой. Синие она уже связала. Внезапно до нее дошло, что слышит она слишком многое. И ветер. И прибой на Крикет-Ледж. И дом то ли охал, то ли стонал, как старуха, устраивающаяся на ночь в постели. Да еще в прихожей тикали часы.

— Джек? — спросила она молчаливую ночь, ставшую вдруг очень даже шумной. — Это ты, милый?

Вот тут окно гостиной раскрылось и на пол повалился... не Джек, а скелет с висящими на нем остатками плоти.

На его шее по-прежнему висел компас. Поросший мхом.

Ветер вскинул занавески к потолку. Скелет приподнялся на четвереньки и посмотрел на нее черными пустыми глазницами, обросшими ракушками.

Он издавал какие-то хриплые звуки. Безгубый рот открывался и закрывался, щелкали зубы. Он хотел есть... Но куриный суп с вермишелью на этот раз не устроил бы его. Даже тот, что продавался в стаканчиках.

Что-то серое висело и покачивалось за обросшими ракушками глазницами, и Мэдди поняла, что видит остатки мозга Джека. Она сидела, окаменев, а скелет встал и направился к ней, оставляя на полу мокрые грязные следы. Воняя солью и водорослями. Он вытянул вперед руки. Зубы его

щелкали и щелкали. Мэдди увидела, что на нем остатки рубашки в красно-черную клетку компании «Л.Л.Бин»*, которую она купила Джеку на прошлое Рождество. Стоила рубашка бешеных денег, но он не мог нахвалиться на нее, постоянно говорил, что она очень теплая и удобная, и, должно быть, действительно очень качественная, раз от нее что-то сохранилось после столь долгого пребывания под водой.

Холодные костяшки пальцев уже коснулись шеи Мэдди, когда ребенок вдруг шевельнулся, первый раз. Сковавший ее ужас, который Мэдди принимала за спокойствие, испарился, как дым, и она воткнула одну из вязальных спиц в пустую глазницу.

Издавая отвратительные чавкающие звуки, скелет качнулся назад, схватился за спицу. Недовязанная розовая пинетка болталась перед дырой, на месте которой когда-то был нос. Мэдди наблюдала, как морской слизняк выполз из каверны и перебрался в пинетку, оставляя за собой слизистый след.

Джек наткнулся на комод, который они купили на распродаже вскоре после свадьбы. Она никак не могла решить, покупать — не покупать, и Джек, рассердившись, поставил ее перед выбором: или она покупает комод и они ставят его в гостиной, или он заплатит двойную цену и разрубит этот чертов комод на дрова. Разрубит...

Разрубит...

Скелет упал на пол, с громким хрустом переломился пополам. Правая рука вырвала из глазницы вязальную спицу, выпачканную в разлагающемся мозге, и отбросила в сторону. Верхняя половина скелета поползла к ней. Вновь угрожающе клацнули зубы.

Она подумала, что он пытается улыбнуться, но тут ребенок шевельнулся вновь, и она вспомнила, как устало звучал его голос на распродаже у Мейбл Хэнретти: *Ради Бога, Мэд-*

---

* «Л.Л.Бин» — Компания по производству повседневной и спортивной мужской и женской одежды, спортивного и походного инвентаря. Распространяет свою продукцию по каталогам. Правление в г. Фрипорт, штат Мэн.

ди, купи ты его. Я ужасно устал. Хочу пойти домой и пообедать! Если ты не купишь его, я дам старой карге двойную цену и изрублю его на дрова моим...

Холодная влажная рука ухватила ее за щиколотку. Челюсти раскрылись, чтобы укусить. Убить ее и убить ребенка. Она вырвалась, оставив мертвяку только шлепанец, который он изжевал и выплюнул.

Когда она вернулась из кладовой, он уже заполз на кухню, вернее, его верхняя половина, таща компас по плиткам пола. Он обернулся на звук ее шагов, в черных глазницах застыл какой-то идиотский вопрос. Она не стала думать, что это за вопрос, а просто хватила топором по черепу.

Череп разлетелся надвое. Ошметки сгнившего мозга полетели во все стороны, как протухшая овсянка, вместе со слизняками и морскими червями, которые его подъедали. Жуткое зловоние наполнило кухню.

Однако его руки продолжали скрестись по плиткам пола.

Она вновь взмахнула топором... и еще раз... и еще...

Наконец, всякое шевеление прекратилось.

Острая боль пронзила живот, на мгновение ее охватила паника: *Неужели будет выкидыш?* Но боль ушла. Малыш пнул ее ножкой, сильнее, чем раньше.

Она вернулась в гостиную с топором в руке. От него пахло требухой.

Ноги — вот чудо — держали ее.

— Джек, я очень любила тебя, — вымолвила она, — но это не ты.

Следующим ударом она развалила таз. Топор разрубил и ковер, лезвие вонзилось в дубовую половицу.

Ноги разделились, но трепыхались еще добрых пять минут, прежде чем начали успокаиваться. Наконец, замерли даже пальцы.

Кусок за куском, надев толстые рукавицы, она снесла скелет в подвал. Каждый кусок заворачивала в парусину, которую Джек держал в сарае: в холодные дни этой парусиной прикрывали бочки с лобстерами, чтобы они не замерзли.

Один раз пальцы отрубленной руки сомкнулись на ее запястье. Замерев, с гулко бьющимся сердцем, она стояла, пока пальцы не разжались. Она с ним покончила. Покончила навсегда.

Под домом находилась цистерна с отходами, которые Джек все собирался откачать. Мэдди сдвинула бетонную крышку и побросала куски скелета в цистерну. Потом вернула тяжелую крышку на место.

— Покойся с миром, — прошептала она, и внутренний голос напомнил ей, что в цистерне покоятся с миром куски ее мужа. Тут она начала плакать, всхлипывания сменились истерическими воплями, она драла себя за волосы, до крови расцарапала грудь. *Я обезумела*, подумала Мэдди, *вот что значит — обезу...*

Но додумать эту мысль она не успела, потому что лишилась чувств. Обморок плавно перешел в глубокий сон, а наутро она полностью пришла в себя.

Но дала зарок, что никому ничего не скажет.

Никому и никогда.

— Я смогу это выслушать, — сказала она Дэйву Эймонсу, вышвырнув из головы образ вязальной спицы с болтающейся пинеткой, торчащей из глазницы мертвяка, который когда-то был ее мужем и отцом ее ребенка. — Будь уверен.

И Дэйв ей все рассказал, потому что сошел бы с ума, если б оставил это в себе, но, разумеется, сгладил некоторые детали. Он рассказал, как они распилили пилами мертвяков, которые абсолютно отказывались вернуться в подземный мир, но не стал упоминать о том, что даже отпиленные кисти сжимались в кулаки и разжимались, а пальцы стоп скребли изрытую пулями землю, что эти части скелетов пришлось облить соляркой и поджечь. Впрочем, об этом он мог и не говорить: Мэдди из окна видела дым погребального костра.

Потом костер залили из рукава единственной на острове Дженнисолт пожарной машины, хотя опасности пожара

и не было, поскольку легкий ветерок уносил искры в сторону моря. И Мэтт Арсенолт, запустив старый бульдозер «Д-9 Катерпиллар», двинул его на черную, дымящуюся груду костей. Гусеницы и стальной нож вдавили их в землю и разровняли.

Уже всходила луна, когда Френк отозвал в сторону Боба Даггетта, Дэйва Эймонса и Кэла Патриджа. Обратился он к Дэйву.

— Я чувствовал, что так и будет.

— Ты о чем, дядя? — спросил Боб.

— Мое сердце, — ответил Френк. — Отказывается стучать.

— Послушай, дядя Френк...

— Помолчи, — оборвал его старик. — Некогда мне слушать твою болтовню. Половина моих друзей от этого умерли. Радости мало, но могло быть и хуже. Это тебе не рак. Но теперь возникла другая проблема, и вот что я хочу вам сказать: когда я упаду на землю, я хочу на ней и остаться. Кэл, приставишь ружье к моему левому уху. Дэйв, когда я подниму левую руку, упрешься своим мне под мышку. А ты, Бобби, нацелишься мне в сердце. Я прочту молитву, и как только скажу аминь, вы трое одновременно нажмете на спусковые крючки.

— Дядя Френк... — выдавил из себя Боб. Его качнуло.

— Я же сказал, помолчи. И не вздумай упасть в обморок, как какая-нибудь барышня. Делай, что тебе велено.

Боб сделал.

Френк оглядел всех троих. Лица у них побледнели, совсем как у Мэтта Арсенолта, когда тот утюжил мужчин и женщин, которых знал с детства.

— Вы уж, мальчики, меня не подведите, — обращался Френк ко всем сразу, но смотрел на своего внучатого племянника. — Если вы почувствуете, что не можете нажать на спусковой крючок, подумайте о том, что я бы это сделал для любого из вас.

— Хватит болтать, — прохрипел Боб. — Я люблю тебя, дядя Френк.

— Ты, конечно, не тот мужчина, каким был твой отец, Бобби Даггетт, но я тоже люблю тебя, — ровным спокойным голосом ответил Френк, вскрикнул от боли, вскинул левую руку над головой, совсем как вскидывает ее житель Нью-Йорка, останавливая такси, и начал последнюю молитву. — Отче наш, сущий на Небесах... Господи, как же больно... да святится имя Твое... О-о-о... Да придет царствие Твое... Да будет воля Твоя и на земле...

Поднятая рука Френка задрожала. Дэйв Эймонс, уперев ружье под мышку Френка, не отрывал от него глаз, совсем как лесоруб, изучающий взглядом большое дерево, которое может повалиться куда не следует. Все островитяне наблюдали за ними. На бледном лице старика выступили большие капли пота. Губы растянулись, обнажив пожелтевшие вставные зубы, Дэйв уловил в его дыхании запах «Полидента».

— ...как на небе... — Старик дернулся. — ...но избави нас от лукавого. АМИНЬ!

Все трое выстрелили одновременно, Кэл Патридж и Боб Даггетт лишились чувств, но Френк упал и не попытался встать и пойти.

Френк Даггетт твердо решил перейти в мир мертвых и остаться там, и ему это удалось.

Начав рассказ, Дэйв уже не мог остановиться, хотя и ругал себя за то, что начал. Он же понимал, не дело рассказывать такое беременным женщинам.

Но Мэдди поцеловала его, сказала, что, по ее разумению, он вел себя достойно, точно так же, как и Френк Даггетт. И Дэйв ушел, завороженный, словно его поцеловала в щеку женщина, которую он раньше никогда не встречал.

Собственно, так оно и было.

Она наблюдала, как он идет по проселочной дороге, таких на Дженни было всего две, поворачивает налево. В лунном свете она видела, что его чуть пошатывает, от усталости, от шока... Она любила его всем сердцем... любила их всех. Она хотела сказать Дэйву, что любит его, и поцеловать в губы, вместо того, чтобы чмокнуть в щеку, но он мог не-

правильно истолковать ее порыв, несмотря на то что смертельно устал, а она была на пятом месяце беременности.

Но она его любила, любила их всех, потому что они прошли сквозь ад, чтобы обезопасить для нее крохотный кусочек земли, со всех сторон окруженный Атлантическим океаном.

Обезопасить для нее и ее ребенка.

— Это будут домашние роды, — прошептала она, когда Дэйв скрылся за большой спутниковой антенной Палсифероров. Она посмотрела на луну. — Я рожу дома... и все будет хорошо.

СЕЗОН ДОЖДЯ

Где-то в половине шестого Джон и Элис Грехэм наконец-то добрались до маленького городка, Уиллоу, который затерялся в центральной части штата Мэн, словно песчинка — в сердцевине дешевой жемчужины. От Хемпстед-Плейс городок отделяли всего пять миль, но они дважды сворачивали не там, где следовало. Так что на Мэйн-стрит прибыли, изнывая от жары и не в самом радужном настроении. Кондиционер «форда» сломался по пути из Сент-Луиса, а температура воздуха, должно быть, перевалила за сто десять градусов*. Разумеется, это не так, думал Джон Грехэм. Как говорили старожилы, дело не в жаре, а во влажности. Влажность же в этот день превысила все мыслимые пределы. Казалось, подставь ладони и собирай из воздуха теплые капли. Да, над головой сияло бездонное синее небо, но при такой влажности дождь может начаться в любую минуту. Что там начаться — создавалось ощущение, что дождь уже давно идет.

— А вот и магазин, про который говорила Милли Кузинс, — указала Элис.

— На супермаркет не тянет, — буркнул Джон.

— Не тянет, — с готовностью согласилась Элис.

Оба старались гладить друг друга по шерстке. Они поженились два года назад и по-прежнему любили друг друга, но путешествие через всю страну, от самого Сент-Луиса —

© Перевод. Вебер В. А., 2000.

* 110° по принятой в США шкале Фаренгейта соответствуют 45° по шкале Цельсия.

тяжелое испытание, особенно если в автомобиле сломаны радио и кондиционер. Джон надеялся, что они отлично отдохнут в Уиллоу (почему нет, счет оплачивал Миссурийский университет), но он понимал, что первые несколько дней, может, и неделя, уйдут на обустройство. А в такую жару и духоту ссора могла возникнуть из-за любого пустяка. Им же не хотелось начинать лето со скандала.

Джон медленно вел «форд» по Мэйн-стрит , держа курс на «Универсальный магазин продовольственных и промышленных товаров». На одном из столбов крыльца висел ржавый щит с синим орлом, указывая на то, что почтовое ведомство забирало оставленные в магазине письма, бандероли, посылки. «Универсальный магазин» вроде бы мирно дремал под жарким послеполуденным солнцем, на стоянке, под щитом с надписью «ИТАЛЬЯНСКИЕ САНДВИЧИ ПИЦЦА БАКАЛЕЙНЫЕ ТОВАРЫ ЛИЦЕНЗИИ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ» стояла лишь одна крепко побитая жизнью белая «вольво», но в сравнении с остальным городком просто бурлил энергией. В витрине уже горела неоновая реклама пива, хотя до темноты оставалось добрых три часа. *Для такой глубинки это прогресс*, подумал Джон. *Хотелось бы верить, что хозяин магазина, прежде чем устанавливать рекламу, получил соответствующее разрешение в городском совете.*

— Я думала, что летом Мэн превращается в туристическую Мекку, — пробормотала Элис.

— Судя по тому, что мы видели, Уиллоу лежит чуть в стороне от основных туристических маршрутов, — ответил Джон.

Они вылезли из машины, поднялись на крыльцо. Старик в соломенной шляпе, который сидел на плетеном кресле-качалке, устремил на них маленькие буравящие синие глазки. Он скручивал сигарету, и крошки табака падали на собаку, растянувшуюся у его ног — большого рыжего пса невесть какой породы. Лапы его лежали аккурат под полозьями кресла-качалки. Старик вроде бы не замечал собаки, не подавал виду, что знает о ее существовании, но полозья замирали в четверти дюйма от хрупких собачьих лап при каждом качке вперед, чтобы тут же двинуться в обратном направлении. Выверенная точность движений заворожила Элис.

— Доброго вам дня, — поздоровался старик.

— Привет, — ответила Элис, улыбнулась.

— Привет, — присоединился к ней Джон. — Я...

— ...мистер Грехэм, — закончил за него старик. — Мистер и миссис Грехэм. Которые поселились в Хемпстед-Плейс на лето. Слышал, вы пишете какую-то книгу.

— Об иммиграции из Франции в семнадцатом столетии, — подтвердил Джон. — Новости распространяются быстро, не так ли?

— Есть такое, — согласился старик. — Сами понимаете, городок маленький. — Он сунул самокрутку в рот, где она немедленно развернулась, а табак высыпался ему на ноги и на спину собаки. Та даже не шевельнулась. — Вот незадача. — Старик отлепил от нижней губы развернувшуюся бумажку. — Жена не хочет, чтобы я курил. Где-то прочитала, что рак может быть не только у меня, но и у нее.

— Мы приехали за продуктами, — сменила тему Элис. — Дом прекрасный, но буфет пуст.

— Да, да, — покивал старик. — Рад познакомиться с вами. Генри Эден. — И старик протянул к ним скрюченную руку. Джон пожал ее первым, Элис последовала его примеру. Проделали они это с осторожностью, и старик одобрительно кивнул. — Я ждал вас полчаса тому назад. Должно быть, раз или два повернули не туда. Для маленького городка у нас слишком много дорог, знаете ли. — Он рассмеялся, но скрипучий смех быстро перешел в кашель курильщика. — Очень много дорог в Уиллоу, очень много. — И вновь они услышали смех.

Джон нахмурился.

— А почему вы нас ждали?

— Позвонила Люси Дусетт, сказала, что вы как раз проехали мимо. — Он достал кисет с табаком, выудил из него пачку папиросной бумаги. — Вы Люси не знаете, но она говорит, что вы знакомы с ее внучатой племянницей.

— Так вы говорите о двоюродной бабушке Милли Кузенс? — спросила Элис.

— Да, — согласился Эден. Начал высыпать из кисета табак. Что-то попадало на лист папиросной бумаги, большая

часть — на лежащую собаку. И когда Джон Грехэм задался вопросом, уже не умерла ли она, собака подняла хвост и пернула. Значит, живая, решил он. — В Уиллоу все в той или иной степени родственники. Люси живет у подножия холма. Я сам собирался вам позвонить, но раз она сказала, что все равно едете сюда...

— А откуда вы узнали, что мы едем сюда? — спросил Джон.

Генри Эден пожал плечами, как бы говоря: *А куда еще вы могли поехать?*

— Вы хотели поговорить с нами? — спросила Элис.

— Ну, я просто должен с вами поговорить. — Он заклеил сигарету и сунул ее в рот. Джон ожидал, что она развалится, как и предыдущая. Он никак не мог взять в толк, что происходит.

Но сигарета каким-то чудом осталась в целости и сохранности. Эден чиркнул спичкой по полоске наждачной бумаги, приклеенной к подлокотнику кресла-качалки, поднес огонек к сигарете, которая тут же уменьшилась вдвое.

— Я думаю, вам и вашей миссис лучше провести эту ночь вне города.

Джон мигнул.

— Вне города? Но почему? Мы только что приехали.

— Между прочим, дельная мысль, мистер, — послышался новый голос.

Грехэмы повернулись и увидели высокую, сутуловатую женщину, стоявшую за ржавой сетчатой дверью магазина. Она смотрела на них поверх рекламы сигарет «Честерфилд»: «ИЗ ДВАДЦАТИ ОДНОГО СОРТА ТАБАКА ПОЛУЧАЮТСЯ ДВАДЦАТЬ ОТЛИЧНЫХ СИГАРЕТ». Женщина открыла дверь и вышла на крыльцо. На бледном, осунувшемся лице читалась усталость, но не глупость. В одной руке она держала батон, в другой — упаковку с шестью бутылками «Доусонс эль».

— Я — Лаура Стэнтон, — представилась женщина. — Рада с вами познакомиться. Только не подумайте, что мы в Уиллоу страдаем недостатком гостеприимства. Дело в том, что в эту ночь у нас сезон дождя.

Джон и Элис недоуменно переглянулись. Элис посмотрела на небо. Все та же синева с редкими пятнами облачков.

— То, что сейчас видите, ничего не значит, не так ли, Генри?

— Да, мэм. — Эден глубоко затянулся и выбросил окурок через парапет крыльца.

— Вы же чувствуете, какая сегодня влажность, — продолжила Лаура Стэнтон. — А это главное, правда, Генри?

— Да, — кивнул Эден. — Если не считать, что прошло семь лет. С точностью до дня.

— Именно так, — подтвердила Лаура.

И они оба повернулись к Грехэмам, ожидая их решения.

— Извините, — прервала затянувшуюся паузу Элис, — но я ничего не понимаю. Это какая-то местная шутка?

На этот раз переглянулись Генри Эден и Лаура Стэнтон, потом одновременно вздохнули.

— Как же я все это ненавижу, — выдохнула Лаура Стэнтон, то ли обращаясь к старику, то ли разговаривая сама с собой.

— Это надо сделать, — ответил Эден.

Она кивнула, вздохнула вновь. Как вздыхает женщина, которая опускает на землю тяжелую ношу, зная, что ей придется опять поднимать ее и нести дальше.

— Явление это редкое. Сезон дождя случается в Уиллоу каждые семь лет...

— Семнадцатого июня, — перебил ее Эден. — Раз в семь лет и только семнадцатого июня. Всегда семнадцатого июня, даже в високосные годы. Длится одну ночь, но называется сезон дождя. Уж не знаю почему. Ты не знаешь, Лаура?

— Нет, но лучше б ты меня не прерывал, Генри. Я думаю, у тебя начинается старческий маразм.

— Ну уж извини, что зажился на этом свете. Меня увозили на кладбище, но я упал с катафалка. — По голосу чувствовалось, что старик обиделся.

Во взгляде Элис, брошенном на Джона, читался испуг: *Эти люди разыгрывают нас? Или они сумасшедшие?*

Джон не знал, что ей ответить, но уже жалел, что они не поехали за продуктами в Огасту. Тогда бы они могли поужинать в одной из закусочных, которых хватало на шоссе номер 17.

— А теперь послушайте меня, — продолжила женщина. — Мы забронировали вам номер в мотеле «Чудесный вид». Мотель находится на Вулвич-роуд. Свободных мест там нет, но управляющий — мой кузен, и он сможет устроить вас на ночь. Утром вы вернетесь и проведете с нами все лето. Мы будем рады вашей компании.

— Если это шутка, то я не понимаю в чем тут соль. — В голосе Джона слышалось раздражение.

— Нет, это не шутка. — Она посмотрела на Эдена, и тот чуть заметно кивнул, словно говоря: *Продолжай, выкладывай все как на духу.* Женщина вновь повернулась к Джону и Элис, казалось, взяла себя в руки. — Дело в том, что раз в семь лет в Уиллоу идет дождь из жаб. Вот так. Теперь вы все знаете.

— Из жаб? — пискнула Элис. Похоже, решила, что ей это прислышалось.

— Да, из жаб! — радостно подтвердил Генри Эден.

Джон осторожно огляделся, в надежде, что найдет людей, которые смогут ему помочь, если потребуется помощь. Но Мэйн-стрит напоминала пустыню. Ни автомобилей, ни пешеходов. Более того, он заметил, что все окна закрыты ставнями.

Как бы нам не нарваться на неприятности, подумал он. *Если здесь все такие чокнутые, только и остается, что ждать беды.* Внезапно на память пришел рассказ Ширли Джексон «Лотерея», впервые с тех пор, как он прочитал его, когда учился в средней школе.

— Только не подумайте, что я стою здесь и изображаю круглую идиотку, потому что мне этого хочется, — вновь заговорила Лаура Стэнтон. — Дело в том, что я выполняю свой долг. И Генри тоже. Видите ли, жабы не просто прыгают с неба. Они валятся сплошным потоком.

— Пошли. — Джон взял Элис за руку. Одарил Генри и Лауру улыбкой, искренней, как шестидолларовая купюра. — Рад был с вами познакомиться, — и повел Элис вниз

по ступенькам, два или три раза оглянувшись на старика и сутулую бледную женщину. Ему казалось, что негоже сразу и окончательно повернуться к ним спиной.

Женщина шагнула к ним, и Джон, споткнувшись, едва не свалился с последней ступеньки.

— В это трудно поверить, — согласилась она. — Вероятно, вы думаете, что у меня поехала крыша.

— Отнюдь. — Улыбка, будто приклеившаяся к лицу Джона, стала еще шире. Господи, ну зачем он покинул Сент-Луис. Проехать полторы тысячи миль со сломанными радио и кондиционером, чтобы познакомиться с фермером Джекиллом и миссис Хайд.

— Вы имели полное право так подумать. — Выражение лица, а может, интонации голоса заставили его остановиться у щита с «ИТАЛЬЯНСКИМИ САНДВИЧАМИ», в шести футах от «форда». — Даже люди, которые слышали о дождях из лягушек, жаб, птиц и тому подобного, представить себе не могут, что творится в Уиллоу каждые семь лет. Прислушайтесь к моему совету: если вы все-таки решите остаться, не выходите из дома. В доме, возможно, с вами ничего не случится.

— Неплохо бы и захлопнуть ставни, — добавил Эден. Собака снова подняла хвост и выпустила длинную очередь, словно подчеркивая значимость слов хозяина.

— Мы... мы обязательно так и сделаем, — ответила Элис, и тут же Джон распахнул дверцу «форда» со стороны пассажирского сиденья и буквально впихнул ее в кабину.

— Будьте уверены, — подтвердил он слова жены все с той же прилипшей к лицу улыбкой.

— И приезжайте к нам завтра, — крикнул Эден, когда Джон обегал автомобиль, чтобы скорее сесть за руль. — Думаю, завтра у нас будет куда как безопаснее. — Он помолчал. — Если, конечно, вы будете поблизости.

Джон помахал рукой, скользнул за руль и поспешно выехал со стоянки.

Какое-то время на крыльце царила тишина. Старик в кресле-качалке и женщина с бледным, осунувшимся лицом

смотрели, как «форд» выруливает на Мэйн-стрит. Подъезжая к магазину, он едва полз по Мэйн-стрит, зато умчался как очумелый.

— Что ж, мы свое дело сделали. — В голосе старика слышалось глубокое удовлетворение.

— Да, — согласилась Лаура. — Но на душе у меня тошно. И всегда становится тошно, когда я вижу, как они смотрят на нас. На *меня*.

— Но это случается лишь раз в семь лет. И иначе мы поступить не можем. Потому что...

— Потому что это часть ритуала, — мрачно закончила она фразу Эдена.

— Да. Это ритуал.

И опять, словно полностью соглашаясь с хозяином, собака подняла хвост и пернула.

Женщина пнула ее и повернулась к старику:

— Это самый вонючий пес во всех четырех городах, Генри Эден!

Собака с урчанием поднялась, спустилась вниз по ступеням, бросив на Лауру Стэнтон укоряющий взгляд.

— Он же ничего не может с этим поделать, — вступился за пса Эден.

Лаура вздохнула, посмотрела вслед «форду».

— Чертовски жаль. Такая милая пара.

— А с этим уже мы ничего не можем поделать. — И Генри Эден принялся за очередную самокрутку.

В итоге Грехэмы поужинали в одной из придорожных закусочных. Неподалеку от города Вулвич (Джон не преминул напомнить Элис, что этот город дал название улице, на которой находился мотель «Чудесный вид», в надежде, что жена улыбнется). Закусочная разительно отличалась от сонной Мэйн-стрит Уиллоу. Сидя за столиком у раскидистой ели, они видели, как со стоянки то и дело отъезжали автомобили, в основном с номерными знаками других штатов, а их место тут же занимали другие. Им предложили довольно обширное меню. Джон отметил, что они могут заказать

все что угодно, умещающееся в шваркающую горячим маслом жаровню.

— Не знаю, смогу ли я провести здесь два дня, не говоря уже о двух месяцах, — вздохнула Элис. — Лучшие годы этих мест остались в прошлом, Джонни.

— Это же шутка, ничего больше. Местные оттягиваются за счет туристов. Правда, на этот раз они зашли слишком далеко. Наверное, сейчас покатываются от смеха и рассказывают соседям, какие у нас были лица.

— Но они выглядели такими серьезными. Как теперь мне смотреть в глаза этому старику?

— Насчет этого я бы не волновался. Судя по тому, как он сворачивает сигареты, старик уже достиг того возраста, когда каждая новая встреча — первая. Даже с самыми давнишними друзьями.

Элис попыталась сделать серьезное лицо, но из этого ничего не вышло, и она рассмеялась.

— Какой ты злой!

— Объективный, возможно, но не злой. Я не говорю, что у него болезнь Альцгеймера, но выглядит он так, словно ему нужна карта, чтобы добраться до ванной.

— А где все остальные? Городок будто вымер.

— Возможно, у них праздничный обед в «Грэндже» или карточный турнир в «Восточной звезде». — Джон потянулся. Посмотрел на тарелку Элис. — Что-то ты плохо ешь, милая.

— У милой нет аппетита.

— Говорю тебе, это шутка. — Джон взял жену за руки. — Взбодрись.

— Ты действительно... действительно в этом уверен?

— Действительно. Сама подумай: каждые семь лет в Уиллоу, штат Мэн, выпадает жабий дождь? Бред какой-то.

Она попыталась улыбнуться.

— Не дождь. Ливень.

— Знаешь, по-моему, они стремятся не отставать от рыбаков: если уж врать, то по-большому. В молодости я участвовал в предвыборной кампании. Мы охотились за пират-

скими плакатами. Так вот, по рассказам выходило, что каждый сдирал их тысячами. Главное — не принимать эти россказни близко к сердцу.

— Но по поведению женщины не чувствовалось, что она шутит. Признаюсь тебе, Джонни, она меня напугала.

Обычно добродушное лицо Джона Грехэма закаменело.

— Я знаю. — Он собрал на поднос грязную посуду и салфетки. — И им придется за это извиниться. Я, конечно, не против шуток, но когда кто-то пугает мою жену... черт, да они и меня напугали, а уже это никуда не годится. Возвращаемся?

— А дорогу ты найдешь?

Он заулыбался.

— Я бросал хлебные крошки.

— До чего же ты умен, дорогой. — Она встала, тоже улыбнулась, отчего настроение у Джона сразу улучшилось, глубоко вдохнула (при этом футболка так соблазнительно обтянула грудь), шумно выдохнула. — И влажность, похоже, уменьшилась.

— Да. — Джон сбросил грязную одноразовую посуду и салфетки в контейнер для мусора, подмигнул жене. — Видать, сезон дождя закончился раньше обещанного.

Но к тому времени, когда они повернули на Хемпстед-роуд, влажность вновь взяла свое. Джону казалось, что его футболку вымочили в ведре. Небо, окрасившееся в закатные цвета, оставалось чистым, но Джон чувствовал, что мог бы сосать воду из воздуха, если б обзавелся соломинкой.

Кроме Хемпстед-Плейс, на дороге стоял только один дом, у подножия холма, на который им предстояло подняться. Когда они проезжали мимо, Джон увидел в окне женщину. Застыв, как изваяние, она наблюдала за ними.

— А вот и двоюродная бабушка твоей подруги Милли, — прокомментировал Джон. — Стоит на стреме, чтобы засечь наше прибытие и незамедлительно доложить об этом своим друзьям, которые дожидаются ее звонка в магазине. Интересно, если мы задержимся подольше, они побалуют нас

мешочками хохота, пукающими сиденьями, клацающими зубами и другими страшилками?

— Этот пес — живое пукающее сиденье.

Джон рассмеялся и кивнул.

Пять минут спустя они сворачивали на подъездную дорожку. Она заросла травой и сорняками, и Джон решил, что первым делом ее надо расчистить. Хемпстед-Плейс строили не одно поколение. За большим деревенским домом располагался большущий амбар, между ними — три сарая. Два из них заросли плющом.

С холма открывался великолепный вид на город, особенно в такой ясный вечер. Джон еще задался вопросом, как может воздух оставаться таким прозрачным при столь высокой влажности. Элис подошла к нему, они постояли, обнявшись, глядя как холмы, уходящие к Огасте, растворяются в сумерках.

— Как красиво, — прошептала Элис.

— Прислушайся.

В пятидесяти ярдах от амбара начиналось небольшое болотце, все в высокой траве и камышах, и оттуда доносилось довольное кваканье.

— Ну вот, лягушки уже на месте, — прокомментировала Элис.

— Но не жабы. — Он посмотрел на чистое небо, на котором яркой точкой уже проклюнулась Венера. — Вон они, Элис! Над головой! Тучи жаб!

Она рассмеялась.

— Сегодня ночью над маленьким городком Уиллоу, — начал вещать Джон голосом радиодиктора, — холодный фронт жаб столкнулся с теплым фронтом тритонов. В результате...

Элис двинула его в бок.

— Угомонись. Пошли в дом.

Они пошли. Не включили свет. Не включили телевизор. Сразу улеглись в постель.

Час спустя удар по крыше вырвал Элис из сладкого сна. Она приподнялась, прислушиваясь.

— Что это, Джон?

— Спи, — пробурчал тот, переворачиваясь на другой бок.

Жабы, подумала Элис, с губ сорвался смешок... нервный смешок. Она встала, подошла к окну, но посмотрела не на землю, куда могло что-то упасть, а на небо.

По-прежнему безоблачное, усеянное миллиардами звезд. Ее буквально гипнотизировала их молчаливая красота.

Бум.

Элис отпрянула от окна, устремила взгляд к потолку. На крышу опять что-то упало.

— Джон! Джонни! Просыпайся!

— А? Что? — Он сел, приглаживая взъерошенные волосы.

— Началось. — Элис хихикнула. — Лягушачий дождь.

— Жабий, — поправил он ее. — Элис, что ты такое го...

Бум-бум.

Он обвел глазами спальню, перебросил ноги через край кровати.

— Это же нелепо. — В голосе слышалась злость.

— Ты о чем?

Бум-дзинь! Внизу разбилось стекло.

— Черт побери. — Он встал, сдернул со спинки стула джинсы. — Это уже перебор... гребаный перебор.

Еще несколько мягких ударов по крыше, по стенам дома. Элис прижалась к мужу.

— Что это?

— Я думаю, эта безумная женщина и, возможно, старик и несколько их друзей что-то бросают в дом. И собираюсь это прекратить. Немедленно. Может, у них принято так встречать приезжих, но...

БАХ! ДЗИНЬ! Из кухни.

— ЧЕРТ ПОБЕРИ! — проревел Джон и выбежал в коридор.

— Не оставляй меня одну! — воскликнула Элис, бросилась следом.

Он включил свет в коридоре, прежде чем спуститься по лестнице. Удары по крыше и стенам множились, и Элис

успела подумать: *Сколько же народу пришло из города? Зачем они это делают? Что бросают? Камни, завернутые в тряпки?*

Джон уже спустился вниз, направился в гостиную. Из большого окна открывался тот самый вид, которым они любовались вечером, стоя у автомобиля. Но теперь путь к окну преграждали осколки стекла рассыпанные по ковру. И Джон, не сделав и двух шагов, остановился, вспомнив, что он босиком. Поначалу не мог решить, что же ему делать, а потом увидел какой-то темный предмет, лежащий среди осколков, наверное, булыжник, разбивший стекло, и побагровел от ярости. Наверное, бросился бы к окну, невзирая на осколки, но тут булыжник дернулся.

Это же не булыжник, подумал Джон. *Это...*

— Джон? — позвала Элис. Дом уже гудел от ударов. Его словно бомбардировали большими, подтаившими градинами. — Джон, что это?

— Жаба, — тупо ответил он, глядя на дергающееся существо среди осколков стекла.

А потом посмотрел в окно. И обомлел от ужаса. Он уже не видел ни холмов, ни горизонта, ни звезд. Черт, да он едва различал амбар, от которого дом отделяли каких-то сорок футов.

Воздух вибрировал от падающих жаб. Три из них влетели в разбитое окно. Одна приземлилась на пол, неподалеку от своей дергающейся подруги. Напоролась на острый осколок, и из нее во все стороны растеклась черная жижа.

Элис закричала.

Две другие запутались в занавесях, закачались под легким ветерком. Одной удалось освободиться. Она мягко приземлилась на все четыре лапки и запрыгала к Джону.

Тот пошарил рукой по стене. Нащупал выключатель, повернул.

По засыпанному осколками ковру к нему приближалась жаба... но необычная жаба. Зеленовато-черная, слишком крупная, слишком тяжелая. Большие выпученные черно-золотистые глаза размерами не уступали куриному яйцу. Но более всего Джона поразила пасть, усеянная страшными, острыми зубами.

Жаба сипло квакнула и подскочила, словно на пружинах, держа курс на Джона. А за ней через окно в гостиную сыпались все новые жабы. Те, что падали на пол, умирали или калечились, но многие, используя занавеску как страховочную сеть, приземлялись целыми и невредимыми.

— *Уходи отсюда!* — крикнул Джон жене и попытался врезать по жабе ногой. Бред, конечно, но ведь она нападала на него. И ноги не испугалась, не отпрыгнула. Наоборот, раскрыла пасть, и ее бесчисленные зубы сомкнулись на пальцах Джона. Дикая, яростная боль пронзила ногу. Инстинктивно развернулся в пол-оборота и изо всей силы ударил ногой по стене. Почувствовал, как ломаются кости пальцев, но и жабу размазало по стене, черная кровь брызнула во все стороны. Пальцы сразу начали распухать.

Остолбеневшая Элис так и застыла у двери в гостиную. Она слышала, что окна теперь бьются во всех комнатах. На ней была одна из футболок Джона, которую она надела после того, как они с Джоном отменно потрахались, и теперь она обеими руками сжимала ее у шеи. Воздух наполняло отвратительное кваканье.

— *Уходи отсюда, Элис!* — повторил Джон. Повернулся, тряся ногой. Жаба, укусившая его, умерла, но висела на ноге, вцепившись в нее зубами, похожими на рыболовные крючки. На этот раз Джон пнул воздух, будто отбивая футбольный мяч, и жаба слетела с его ноги.

Теперь выцветший ковер гостиной усеивали эти зеленовато-черные твари. И все они прыгали к ним.

Джон бросился к двери. Наступил на одну из жаб, раздавил ее и, поскользнувшись на черном желе, едва не упал. Элис отпустила футболку и успела поддержать его. Вдвоем они вывалились в коридор, и Джон захлопнул дверь, аккурат в тот самый момент, когда одна жаба прыгнула следом за ними. Дверь разрубила ее пополам. Передняя часть упала на пол. Зубастая пасть открывалась и закрывалась, выпученные глаза таращились на них.

Элис закрыла лицо руками и завыла. Джон попытался ее обнять. Она затрясла головой и подалась назад, волосы упали на руки.

Удары по крыше продолжались, но куда больше их пугало кваканье, доносящееся со всех сторон. Он вспомнил, как старик, сидевший на крыльце магазина в кресле-качалке, посоветовал напоследок: *Неплохо бы и захлопнуть ставни.*

Господи, ну почему я ему не поверил?

И тут же пришла новая мысль: *Да как я мог поверить ему? Вся моя жизнь — пример того, что поверить в такое невозможно.*

Но удары по крыше, о стену и землю, превращающие жаб в желе, непрерывное кваканье не могли заглушить более зловещих звуков: жабы в гостиной глодали, грызли дверь, пытаясь добраться до них. А кроме того, давили на нее своей массой. И он буквально видел, как дверь начинает прогибаться под их тяжестью.

Повернулся и чуть не ахнул: жабы уже прыгали по ступенькам, спускаясь все ниже.

— Элис! — Он схватил жену за руку. Она завизжала дурным голосом, начала вырываться. У него в руке остался оторванный рукав. Секунду-другую Джон смотрел на него, потом бросил на пол. — Элис, *черт тебя побери!*

Она взвизгнула, снова вырвалась.

Первые жабы спустились с лестницы и по коридору радостно прыгали к ним. Веерообразное окно над дверью треснуло, сквозь него в коридор вывалилась жаба. Упала на спину, выставив напоказ розовый живот, дергая лапками.

Джон схватил жену, крепко тряхнул.

— *Элис, мы должны спуститься в подвал! В подвале мы будем в безопасности!*

— *Нет!* — выкрикнула Элис. Ее глаза превратились в огромные блюдца, и он понял, что ее сознание парализовано. Она просто ничего не соображала.

Но времени приводить жену в чувство лаской и добрым словом не было. Джон схватил ее за футболку и потащил за собой, как коп тащит к патрульной машине упирающегося уличного хулигана. Жаба, одной из первых спустившаяся по лестнице, прыгнула к ним, и ее зубы ухватили тот кусок пространства, который за секунду до этого занимала голая пятка Элис.

Когда половина коридора осталась позади, Элис поняла, чего от нее хотят, и начала сама переставлять ноги. Они добрались до двери. Джон повернул ручку, толкнул дверь от себя, но она осталась на месте.

— *Черт побери!* — Он толкнул снова, с тем же результатом. Дверь не желала открываться.

— *Джон, скорее!*

Элис обернулась и увидела, как жабы волной накатывают на них. Они прыгали друг на друга, сползали на пол, ударялись об оклеенные обоями стены, падали на спину, другие жабы, задевая, переворачивали их. Зубастые пасти и выпученные золотисто-черные глаза множились и приближались.

— *ДЖОН, ПОЖАЛУЙСТА! ПО...*

Одна из жаб прыгнула и вцепилась в ее ногу повыше колена. Элис вскрикнула, схватила жабу, ее пальцы прорвали кожу, влезли в черноту внутренностей. Она оторвала жабу от себя, подняла руки, и на мгновение эта тварь оказалась на уровне ее глаз. Чудовищные зубы непрерывно сжимались и разжимались, словно какой-то жуткий агрегат. Она изо всех сил отбросила жабу. Переворачиваясь в воздухе, жаба расплющилась о противоположную стену. Не сползла вниз, а просто прилипла к ней.

— *ДЖОН! ГОСПОДИ, ДЖОН!*

Джон Грехэм наконец-то сообразил, в чем его ошибка. Поменял направление усилий на противоположное, дернул дверь на себя. Она, конечно же, распахнулась. Джон переступил порог, дернул Элис за руку. С такой силой, что она проскочила мимо него, чуть ли не кубарем скатилась по уходящей в подвал лестнице, вопя во все горло.

Она упадет, успел подумать Джон. *Упадет, не может не упасть, упадет и сломает себе шею...*

Но Элис не упала. Как-то добралась до земляного пола подвала и, рыдая, сжалась в комочек.

А жабы уже рвались в открытый дверной проем. Джон повернулся и захлопнул дверь. Несколько жаб, успевших запрыгнуть на лестничную площадку, попадали сквозь зазоры между стойками перил. А одну Джон сбросил вниз мо-

лодецким ударом кулака. Услышал, как она шлепнулась о металлическую печь.

Цапнул рукой стену, нащупал выключатель, повернул, и тут же Элис завопила в голос. Жаба запуталась у нее в волосах. Она ворочалась, дергалась, квакала, пыталась укусить Элис в шею, напоминая огромную бигуди.

Элис вскочила, закружила по подвалу, каким-то чудом не наталкиваясь на лежащие на полу ящики. Подскочила к одной из опорных колонн, повернулась к ней спиной, дважды крепко приложилась затылком. Что-то чвакнуло. По колонне потекла черная жижа, жаба вывалилась из волос, по футболке соскользнула на пол, оставляя черные пятна.

Элис зашлась безумным криком, от которого у Джона похолодела кровь. Он то ли сбежал, то ли скатился по ступенькам, обнял жену. Поначалу она вырывалась, потом успокоилась. И крик перешел в куда более спокойные рыдания.

Ровный гул ударов падающих на дом и на землю жаб перекрыло куда более близкое кваканье тех тварей, что успели проскочить в дверь. Элис отпрянула от Джона, лихорадочно оглядывая подвал.

— Где они? — выдохнула она осипшим от напряжения голосом. — Где они, Джон?

Но искать жаб не пришлось. Они уже увидели людей и радостно прыгали к ним.

Грехэмы отступили. Джон увидел ржавую лопату, прислоненную к стене. Схватил ее и принялся методично уничтожать приближающихся жаб. Прорваться удалось лишь одной. Она прыгнула с пола на ящик, а с ящика — на Элис, ухватила зубами футболку и повисла между грудей, болтая лапками.

— Замри! — рявкнул Джон. Бросил лопату на пол, шагнул к жене, обеими руками схватил жабу, дернул. Она вырвала из футболки клок материи. Не выпуская его из зубов, попыталась выскользнуть из рук Джона. Бородавчатая, сухая, очень горячая. Джон сжал пальцы. Между ними на пол закапала черная кровь и слизь.

В дверь успели проскочить лишь с десяток маленьких чудовищ, и вскоре Джон расправился со всеми. А потом,

обнявшись, он и Элис вслушивались в устойчивый шум жабьего дождя.

Джон посмотрел на низкие окна подвала. Их словно затянуло черным пологом. И внезапно он понял, как выглядит дом снаружи, наполовину погребенный под шевелящимся, ворочающимся толстенным слоем жаб.

— Мы должны подпереть окна, — прохрипел он. — Они могут не выдержать веса жаб. Если это произойдет, они посыпятся в подвал.

— Но чем? — едва слышно спросила Элис. — Чем мы их подопрем?

Джон огляделся, увидел у стены несколько листов фанеры. Подпорки не из лучших, но других не было.

— Вот этим. Помоги мне.

Они принялись за работу. Окон в подвале было четыре, и держались они еле-еле. Грехэмы уже занимались четвертым окном, когда в одном из трех зазвенело разбившееся стекло. Но фанера держала.

Они вновь отошли на середину подвала. Джон заметно хромал.

А с лестницы доносился пренеприятный скрежет: жабы грызли дверь.

— И что мы будем делать, если они прогрызут дверь? — прошептала Элис.

— Я не знаю, — ответил он... и вот тут не выдержал люк угольной шахты. Ею не пользовались уже много лет, и люк открылся под тяжестью навалившихся на него жаб. Они сотнями посыпались на пол.

На этот раз Элис не закричала. Она уже серьезно повредила голосовые связки.

После того как раскрылся люк угольной шахты, Грехэмы продержались недолго. Но в этот отрезок времени Джон Грехэм накричался за обоих.

К полуночи жабий ливень над Уиллоу ослабел, перейдя в моросящий, поквакивающий дождь.

В половине второго последняя жаба упала с темного, звездного неба, приземлилась на сосну у озера, спрыгнула на землю и растворилась в ночи. Следующей предстояло ждать семь лет.

В четверть шестого небо просветлело, на востоке затеплилась заря. Уиллоу покрывал ковер трепыхающихся, квакающих, прыгающих жаб. Дома на Мэйн-стрит лишились карнизов. Все, что было прямым, изогнулось. Щит на повороте с шоссе со словами «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В УИЛЛОУ, ШТАТ МЭН, ГОСТЕПРИИМНЫЙ ГОРОД» выглядел так, словно его изрешетили пулеметной очередью. Пробили его, разумеется, падавшие с неба жабы. Щит у магазина, рекламирующий итальянские сандвичи, пиццу, бакалейные товары и предлагающий лицензию на рыбную ловлю, лежал на земле. Жабы прыгали и на нем, и вокруг него. Жабы сидели на каждой из бензоколонок. Две жабы медленно кружились на флюгере, установленном на крыше магазина электротоваров, словно дети на карусели.

На озере жабы густо облепили четыре плотика (их уже отбуксировали на привычные места, хотя купальный сезон еще не начинался и лишь самые отчаянные решались лезть в воду). Рыбы обезумели от такого количества пищи. Время от времени одна или две жабы срывались с плотика, и ими тут же закусывали. Дороги, ведущие в город и из города, как и указывал Генри Эден, для такого маленького городка их было слишком уж много, покрывали два, три, а то и четыре слоя жаб. Электричества не было: падающие жабы оборвали провода. Посевы выбило, словно градом, но в Уиллоу сельским хозяйством практически никто не занимался. Несколько человек держали живность, но в ту ночь их надежно укрыли от беды. Жители Уиллоу прекрасно знали, что такое сезон дождя, и не желали оставлять коров, овец, коз или кур на съедение прожорливым жабам. С таким объяснением страховку им бы не выплатили.

Зарождающийся день осветил Хемпстед-Плейс. Дохлые жабы лежали на крыше, дохлые жабы забили сливные канавы, живые прыгали по двору. Прыгали по крышам сараев

и амбара, прыгали вокруг «форда» Грехэмов, чинно сидели на переднем и заднем сиденьях, словно прихожане, ожидающие начала службы. Множество дохлых жаб кучами лежало у стен. Некоторые кучи в высоту достигали шести футов.

В пять минут седьмого солнце поднялось над горизонтом. В его жарких лучах жабы начали таять.

Кожа их обесцвечивалась, становилась белой, потом прозрачной. Потом от их тел поднимался парок с неприятным, гнилостным запахом, сами жабы уменьшались в размерах. Их глаза схлопывались или вываливались, в зависимости от направления падающих на них солнечных лучей. Кожа трескалась, и какое-то время казалось, что по всему Уиллоу открываются бутылки с шампанским.

После этого разложение шло еще быстрее, жабы превращались в лужицы белой жидкости, очень похожей на человеческую сперму. Лужицы эти на крыше Хемпсед-Плейс сливались в ручейки, которые гноем сочились на землю.

Живые жабы умирали, мертвые превращались в лужицы белой жидкости. От земли шел пар, вскоре все поля в Уиллоу напоминали жерло умирающего вулкана.

К четверти восьмого все закончилось, за исключением ремонтных работ, но местные жители к этому привыкли.

Не такая уж высокая цена за еще семь лет процветания в этой забытой всеми глубинке.

Пять минут девятого Лаура Стэнтон подъехала к магазину на видавшей виды белой «вольво». Выглядела она совсем больной, гораздо хуже, чем днем раньше. Она действительно плохо себя чувствовала, однако держала в руке упаковку с шестью бутылками «Доусонс эль», только пустыми, и мучалась от жуткого похмелья.

Генри Эден вышел на крыльцо. За ним следовала собака.

— Загони пса в дом, а не то я развернусь и уеду, — предупредила Лаура, не поднимаясь по ступенькам.

— Он же не может сдерживать газы, Лаура.

— Но это не означает, что я должна нюхать его пердеж. Я серьезно, Генри. У меня и так голова раскалывается. Не

желаю я слушать, как эта собака выводит задницей «Салют Колумбии»*.

— Иди в дом, Тоби. — Генри открыл дверь.

Тоби посмотрел на него влажными глазами, как бы спрашивая: *А это обязательно? Здесь-то мне интереснее.*

— Иди, — повторил Генри.

Тоби ушел, и Генри закрыл за ним дверь. Лаура подождала, пока щелкнет собачка замка, потом поднялась на крыльцо.

— Твой щит свалился. — Она протянула Генри упаковку с пустыми бутылками.

— У меня есть глаза, женщина. — И у него в это утро было не самое хорошее настроение. Как и у остальных жителей Уиллоу. Спать под жабьим дождем — удовольствие маленькое. Слава Богу, он повторялся лишь один раз в семь лет, а не то многие просто сошли бы с ума.

— Тебе следовало занести его в магазин.

Генри пробормотал что-то невразумительное.

— Что-что?

— Я говорю, нам надо было приложить больше усилий. — Генри вздохнул. — Такая милая пара. Может, мы смогли бы их уговорить.

Несмотря на то что голова раскалывалась от боли, в ней шевельнулась жалость к старику. Она коснулась его руки.

— Это же ритуал.

— Да, но иногда мне хочется послать этот ритуал ко всем чертям.

— *Генри!* — Она даже отдернула руку. Но тут же напомнила себе: с годами он не становится моложе. И колесики в голове тоже начинают ржаветь.

— Мне без разницы, — гнул свое Генри. — Действительно, милая пара. Ты сама так сказала и не пытайся убедить меня, что не говорила.

— Я этого не отрицаю. Но мы же ничего не можем поделать, Генри. Вчера вечером ты сам так сказал.

---

* «Салют Колумбии» — патриотическая песня, написанная филадельфийским юристом Дж. Хопкинсом на музыку Президентского марша Ф. Файла в 1798 г. на фоне антифранцузских настроений. Более полувека считалась неофициальным гимном США.

— Знаю, — вздохнул старик.

— Мы же не заставляем их оставаться в городе. Наоборот, изо всех сил уговариваем уехать. Но они остаются. Они *всегда* остаются. Сами принимают решение. И это тоже часть ритуала.

— Знаю, — повторил старик, глубоко вдохнул, поморщился. — До чего же я ненавижу этот запах. Весь чертов город воняет скисшим молоком.

— К полудню запах выветрится. Ты знаешь.

— Да. Но я надеюсь лежать в могиле, когда все это повторится вновь. А если с могилой не получится, Лаура, очень хочется, чтобы перед следующим сезоном дождя с приезжими говорил кто-то еще. Я, как и все, готов платить по счетам, но, говорю тебе, мужчина устает от этих жаб. Даже если они появляются раз в семь лет, мужчина от них устает.

— Женщина тоже.

— Да... наверное, пора приводить все в порядок.

— Конечно, — кивнула Лаура. — Генри, ты же понимаешь, не мы придумали этот ритуал, мы ему лишь следуем.

— Я-то понимаю, но...

— Все еще может измениться. Я не знаю, когда и почему, но может. Возможно, это последний сезон дождя, который нам пришлось пережить. Или в следующий раз никто не приедет...

— Вот этого не надо. — В голосе старика слышался испуг. — Если никто не приедет, жабы, возможно, не растают на солнце.

— Вот видишь? — спросила Лаура. — В итоге ты со мной согласился.

— Ладно, до следующего раза еще далеко. Я столько не протяну. Семь лет — большой срок.

— Да.

— Но пара была очень милая, не так ли?

— Да, — повторила Лаура.

— Ужасная смерть. — Голос Генри Эдена дрогнул, но Лаура промолчала. А когда Генри спросил, не поможет ли она ему поставить щит, несмотря на головную боль, ответи-

ла, что поможет: не хотелось ей видеть Генри таким подавленным.

И после того как они поставили щит, настроение у старика действительно чуть улучшилось.

— Да, — вздохнул он, — семь лет — долгий срок.

Возможно, подумала Лаура, *но рано или поздно эти годы проходят, и вновь наступает сезон дождя, и вновь в город приезжают люди, всегда двое, мужчина и женщина, и мы опять рассказываем им о том, что должно произойти, и они нам не верят, но именно так все и происходит... происходит.*

— Пошли, старина, и предложи мне чашку кофе, а не то моя голова разорвется от боли.

Он пригласил ее в дом, а когда они выпили кофе, в городе уже вовсю стучали молотки и визжали пилы. В окно они видели, как на Мэйн-стрит люди, разговаривая и смеясь, складывали ставни.

Дул теплый ветерок, солнце плыло по чистому, светло-голубому, чуть подернутому дымкой небу. Сезон дождя в Уиллоу закончился.

МОЙ МИЛЫЙ ПОНИ

Старик сидел в кресле-качалке у двери амбара, из которого шел густой яблочный дух. Ему, конечно, хотелось покурить, но рука не тянулась к сигаретам. Не из-за запрета доктора — очень уж сильно трепыхалось сердце. Он наблюдал, как этот паршивец Осгуд торопливо считает, прислонившись головой к дереву, наблюдал, как он повернулся, сразу увидел Клайви и рассмеялся, так широко разинув рот, что старик сумел разглядеть начавшие гнить зубы и представил себе, как пахнет изо рта этого мальчишки. Совсем как в дальнем углу сырого подвала. А ведь ему еще нет одиннадцати лет.

Старик наблюдал, как гогочет Осгуд. Он так ржал, что в конце концов ему пришлось наклониться вперед и упереться руками в колени, так ржал, что остальные дети вылезли из тех мест, где спрятались, чтобы посмотреть, над чем он смеется. А когда увидели, тоже засмеялись. Они стояли под утренним солнцем и смеялись над его внуком, и старик напрочь забыл о желании покурить. Теперь ему хотелось увидеть, заплачет Клайви или нет. Он вдруг понял, что реакция мальчика интересовала его, как ничто другое. И за последние несколько месяцев не было для него более важного вопроса. Даже осознание близости собственной смерти волновало его меньше, чем ответ на этот вопрос.

— Кто не спрятался — я не виноват! — смеясь, кричали дети. — Кто не спрятался — я не виноват, кто не...

© Перевод. Вебер В.А., 2000.

Клайви стоял, крепкий, как скала, ожидая, пока они угомонятся, игра, в которой ему предстояло водить, продолжится, и все забудут про столь неудачное для него начало. Какое-то время спустя игра продолжилась. А в полдень мальчишки разбежались по домам. За ленчем старик наблюдал, сколько съест Клайви. Как выяснилось, съел он не так уж и много. Поклевал картофель, поменял местами кукурузу и горошек, несколько кусочков мяса скормил лежащей под столом собаке. Старик с интересом наблюдал за всем этим, отвечал на вопросы, которые ему задавали, но не слушал, что говорят другие, да и он сам. Думал он только о мальчике.

Когда съели пирог, он пожалел о том, что после обеда должен обязательно полежать. Преодолев половину лестницы, остановился, потому что сердце билось, как листок бумаги, угодивший под лопасти вентилятора, замер в ожидании еще одного инфаркта (два остались в прошлом), но Бог миловал, он поднялся на второй этаж, доплелся до кровати, разделся до подштанников, лег на белое покрывало. Солнечный луч падал на его грудь. Он заложил руки за голову, дремал и слушал. Какое-то время спустя ему показалось, что он слышит плач, доносящийся из комнаты мальчика, и решил: *Я должен об этом позаботиться.*

Он проспал час, когда открыл глаза, увидел, что рядом спит женщина в комбинации, поэтому вынес одежду в коридор и оделся уже там, прежде чем спуститься вниз.

Клайви сидел на крыльце, бросал палку псу, которого эта игра занимала гораздо больше, чем мальчика. Пес (имени у него не было, просто пес) определенно не понимал, как такое может быть.

Старик позвал Клайви и предложил ему прогуляться с ним в яблоневый сад. Мальчик согласился.

Старика звали Джордж Бэннинг. Мальчику он приходился дедом, и от него Клайв Бэннинг узнал, как важно иметь в жизни милого пони. Милый пони совершенно необходим, даже если у тебя аллергия на лошадей, потому что без милого пони никак не возможно узнать, какое сейчас

время, даже если в каждой комнате повесить по шесть настенных часов и еще по шесть надеть на каждую руку.

Инструктаж (Джордж Бэннинг не давал советов, только инструктировал) прошел в тот день, когда Клайв не успел спрятаться от этого идиота Олдена Осгуда. Дедушка Клайва выглядел уже старше Господа Бога, то есть ему было года семьдесят два. Жили Бэннинги в городе Троя, штат Нью-Йорк, в том самом городе, жители которого лишь в 1961 году начали понимать, что живут они уже не в деревне.

Дедушка Бэннинг провел инструктаж в Западном яблоневом саду.

Дедушка, без пиджака, словно попал в буран. Только засыпало его не снегом, а лепестками яблоневых цветов, сдуваемых сильным теплым ветром. Дедушка был в комбинезоне, надетом поверх рубашки с воротником, когда-то зеленой, но после десятков, а то и сотен стирок изрядно вылинявшей. На груди из-под воротника виднелась нижняя рубашка из хлопчатобумажной ткани, чистая, но уже не белая, а цвета слоновой кости, потому что дедушка придерживался принципа, который гласил: *Используй вещь, используй, никогда не выкидывай! Носи, пока не износишь! Береги ее или обходись без нее!* Яблоневые лепестки цеплялись за длинные волосы дедушки, лишь наполовину поседевшие, а мальчик думал: как же красив старик, стоящий среди цветущих яблонь.

Он видел, что утром дедушка наблюдал за их игрой. *Наблюдал за ним*. Дедушка сидел в кресле-качалке у входа в амбар. Одна из половиц поскрипывала всякий раз, когда полозья качалки попадали на нее. Книга лежала у дедушки на коленях, он сложил на ней руки и качался, окруженный ароматами сена, яблок и сидра. Именно эта игра и заставила дедушку проинструктировать Клайва Бэннинга насчет времени. Сказать, какое оно текучее, как человеку приходится бороться за то, чтобы хоть на чуть-чуть удержать его в руках. Пони очень милый, но у него злое сердце. Если не приглядывать за милым пони, он сиганет через забор, убежит, и тебе придется гнаться за ним, а дело это утомительное и может измотать донельзя.

Дедушка начал инструктаж, сказав, что Олден Осгуд сжульничал. Ему полагалось стоять с закрытыми глазами целую минуту, досчитав при этом до шестидесяти. Этого времени хватило бы Клайви (дедушка всегда так звал его, и он не возражал, хотя и думал, что полезет в драку с любым парнем или мужчиной, который назовет его Клайви после того, как ему исполнится двенадцать лет) и остальным, чтобы спрятаться. Но, когда Осгуд досчитал до шестидесяти, Клайви еще не нашел, где ему спрятаться, так что Осгуд, повернувшись, сразу увидел его: Клайви пытался забиться за груду ящиков, лежавших рядом с сараем, в котором стоял пресс для выжимки сидра.

— Он сжульничал, — повторил дедушка. — Ты не стал жаловаться и поступил правильно, потому что настоящий мужчина никогда не жалуется. Но он тем не менее сжульничал. Теперь я могу это сказать, потому что тогда ты промолчал.

Яблоневых лепестков в волосах старика все прибавлялось. Один залетел во впадину под кадыком, задержался там на несколько секунд, чтобы потом унестись прочь и упасть на землю среди сотен и тысяч ему подобных.

Он сказал дедушке, что Олден досчитал до шестидесяти, как того требовали правила игры, не зная, почему он взял сторону мальчишки, который высмеял его перед всеми, хотя в этом не было никакой необходимости. Да, Олдену даже не пришлось его искать, поскольку он не успел спрятаться, и Олден мог просто похлопать рукой по дереву и процитировать мистическую формулу: «Я вижу Клайви, раз-два-три».

Может, он защищал Олдена для того, чтобы они сразу не пошли домой, чтобы он мог мог подольше посмотреть, как наметает яблочный цвет на стальные волосы дедушки, чтобы он мог насладиться беловато-розовым лепестком, затаившимся в ямке под кадыком.

— Разумеется, досчитал, — кивнул дедушка. — Разумеется, он досчитал до шестидесяти. А теперь смотри сюда, Клайви! И пусть это останется у тебя в памяти!

На комбинезоне, помимо пяти настоящих карманов, считая и нагрудный на фартуке, были прорези, которые

только выглядели как карманы. И служили они для того, чтобы добраться до штанов (в те дни о том, чтобы не надевать под комбинезон штаны, не могло быть и речи: такого человека приняли бы за сумасшедшего). Вот и дедушка носил под комбинезоном синие джинсы, которые называл не иначе, как «жидовские штаны». Собственно, так называли их все знакомые Клайву фермеры. Не «левайсы», а «жидовские штаны» или «джусеры».

Он сунул руку в правый разрез, покопался в правом кармане джинсов, достал серебряные карманные часы на длинной цепочке и положил их на ладонь мальчика. Тяжелые, мерно тикающие. От неожиданности Клайв едва не выронил их.

Посмотрел на дедушку широко раскрытыми карими глазами.

— Негоже их ронять, — дедушка покачал головой, — но, наверное, они не остановятся, их роняли раньше, один раз, в пивной в Ютике даже наступили на них, а они все ходят. Но, если они остановятся, жалеть об этом придется тебе, а не мне, потому что отныне они твои.

— Что?.. — Мальчик хотел добавить, что он не понял, но слова застряли на губах, потому что он уже начал соображать, о чем толкует дедушка.

— Я дарю их тебе, — подтвердил дедушка его догадку. — Всегда хотел, но будь я проклят, если напишу об этом в своем завещании. Налог будет выше их стоимости.

— Дедушка... я... Господи!

Дедушка смеялся, пока не закашлялся. Он согнулся пополам, кашляя и смеясь, лицо его стало лиловым. Радость Клайва сменилась тревогой. Он вспомнил, как мать снова и снова говорила ему, что дедушке нельзя переутомляться, потому что дедушка тяжело болен. Когда двумя днями раньше Клайв тактично спросил его, что у него болит, Джордж Бэннинг ответил одним загадочным словом. И только в ночь после разговора в яблоневом саду, когда Клайв засыпал, держа в руке карманные часы, он понял, что слово, которое произнес тогда дедушка, «тикалка», обозначало не какого-то загадочного микроба, а его сердце. Доктор запретил ему ку-

рить и предупредил, что он отправится к праотцам, если будет браться за тяжелую работу, к примеру, решит вскопать огород.

— Негоже их ронять, но, наверное, они не остановятся, если ты их и уронишь, — сказал дедушка, но мальчик знал, что когда-нибудь они все-таки остановятся: у часов, как и у людей, была привычка в какой-то момент останавливаться.

Он стоял, опасаясь, что и его дедушка сейчас остановится, но, наконец, смех и кашель поутихли, дедушка выпрямился, левой рукой небрежно смахнул соплю с носа и отбросил в сторону.

— Ты очень забавный парень, Клайви. У меня шестнадцать внуков, и только из двоих, я думаю, толку не будет, а ты к ним не относишься, но ты единственный, кто смешит меня до боли в яйцах.

— Я не хочу, чтобы у тебя болели яйца, — ответил Клайв, и дедушка снова расхохотался, хотя на этот раз перестал смеяться до того, как смех перешел в кашель.

— Обмотай цепочку раз или два вокруг руки, если от этого тебе станет легче, — посоветовал дедушка. — Если у тебя станет легче на душе, ты будешь слушать более внимательно.

Клайв последовал совету, и ему действительно полегчало. Он смотрел на часы, лежащие на ладони, на звезду-солнце в центре циферблата, на секундную стрелку, которая обегала свой маленький круг. Но это по-прежнему были дедушкины часы, в этом сомнений у него не возникало. А потом, едва он об этом подумал, яблоневый лепесток упал на циферблат, скользнул по нему и исчез. Весь процесс не занял и секунды, но разом все изменил. После того как лепесток побывал на циферблате, мечта обернулась явью. Часы принадлежали ему, навсегда... по крайней мере до тех пор, пока кто-то из них не остановится, да так, что ремонт не поможет и его придется выбросить.

— Хорошо, — прервал паузу дедушка. — Ты видишь, что секундная стрелка бегает отдельно?

— Да.

— Молодец. Смотри на нее. Когда она окажется на самом верху, крикнешь мне: «Пошел!» Ясно?

Клайв кивнул.

— Действуй.

Клайв уставился на стрелку с серьезностью математика, который принимался за решение важного уравнения. Он уже понимал, что дед хочет доказать ему, у него не было сомнения, доказательство — это пустая формальность... но обойтись без нее невозможно. Это ритуал, который необходимо соблюсти. Точно так же никто не покидал церковь, пока священник не давал на то благословения, пусть прихожане пропели все псалмы, а проповедь уже окончилась.

И когда секундная стрелка взобралась на самый верх своего отдельного, маленького круга (*Моя секундная стрелка*, не переставал изумляться Клайв. *Моя секундная стрелка на моих часах.*), он во всю мощь легких крикнул: «Пошел», и дедушка начал считать, очень быстро, совсем как аукционер, пытающийся сплавить сомнительный товар, пытающийся втюхать его по самой высокой цене, прежде чем загипнотизированная им аудитория не очнется и не сообразит, что, собственно, происходит.

— Раз-два-три, четыре-пять-шесть, семь-восемь-девять, десять-одиннадцать... — считал дедушка. На щеках затеплился румянец, на носу вздулись вены. — ...пятьдесят девять, шестьдесят! — выдохнул он, когда секундная стрелка миновала седьмую черточку, то есть уложился в тридцать пять секунд.

— Сколько? — спросил дедушка, тяжело дыша и потирая грудь.

Клайв ответил, восхищенно посмотрев на дедушку.

— Ты очень быстро считаешь, дедушка!

Дедушка отмахнулся, как бы говоря: «Ерунда все это!» — потом улыбнулся.

— До этого паршивца Осгуда мне еще далеко. Я услышал, как он сказал двадцать семь, а потом в мгновение ока добрался до сорока одного. — Небесно-синие глаза, столь непохожие на карие глаза внука, буравили мальчика. Дедуш-

ка положил руку на его плечо. — Запомни, Клайви. Время не имеет ничего общего с умением быстро считать.

Клайв медленно кивнул. Он не понимал дедушку полностью, но основную идею, похоже, уловил.

А дедушка полез в нагрудный карман комбинезона и достал мятую пачку сигарет «Кул», без фильтра. Судя по всему, несмотря на больное сердце, дедушка не бросил курить. Однако, по разумению мальчика, сильно ограничил себя, потому что состояние пачки говорило о том, что в кармане она обосновалась довольно давно, избежав судьбы многих других пачек, которые распечатывают после завтрака, а в три часа дня уже сминают в комок и выбрасывают. Дедушка вытащил сигарету, тоже повидавшую виды, как и пачка, сунул в уголок рта, вернул пачку в карман, достал деревянную спичку, ловко зажег, чиркнув о пожелтевший стариковский ноготь на большом пальце. Клайв зачарованно наблюдал за этим действом, как ребенок наблюдает за фокусником, в пустой руке которого внезапно оказывается колода карт. Любопытно, конечно, видеть, как спичка загорается, приложившись к ногтю, но куда больше Клайва заинтересовало другое: *спичка не погасла*. Несмотря на сильный ветер, который дул с холма, дедушка, сложив ладони шалашиком, без труда уберег маленький огонек. Прикурил, а потом еще тряхнул спичку, хотя ветер загасил бы ее и без его помощи. Клайв пристально всматривался в сигарету и не находил на белой бумаге следов копоти. Значит, глаза не обманули его: дедушка прикуривал от ровного пламени, которое не раскачивалось ветром, словно от свечи в закрытой комнате. Конечно, без волшебства тут не обошлось.

Дедушка вытащил сигарету изо рта, сунул в него большой и указательный пальцы, словно собирался свистнуть собаке, но, как выяснилось, просто послюнявил их, чтобы приложить к головке спички. Объяснений мальчику не требовалось: если не считать неожиданных весенних заморозков, дедушка и его друзья больше всего боялись пожара. Дедушка бросил спичку на землю, раздавил ботинком. Поднял голову, увидел, что мальчик зачарованно смотрит на него.

— Я знаю, что курить мне нельзя, и я не собираюсь просить тебя лгать. Если бабушка прямо спросит тебя: «Курил дедушка в саду?» — не юли и скажи ей, что да, курил. Я не хочу, чтобы ребенок лгал ради меня. — Он не улыбался, но под его взглядом Клайв почувствовал себя соучастником заговора, правда, совершенно безобидного, никому не сулящего вреда. — А вот если бабушка спросит меня, упоминал ли ты имя Господа нашего всуе, когда я отдавал тебе эти часы, я посмотрю ей в глаза и скажу: «Нет, мэм. Он лишь сказал, что они очень красивые».

Теперь уже Клайв рассмеялся, а старик позволил себе улыбку, обнажив несколько оставшихся зубов.

— Разумеется, если она ни о чем нас не спросит, по своей инициативе мы ничего ей не скажем... так, Клайви? По-моему, это справедливо.

— Да, — кивнул Клайв. Он не был симпатичным мальчиком, и не стал мужчиной, на которого заглядывались бы женщины, но в то мгновение, когда он улыбался, обретя духовное единение с дедом, лицо его осветилось неземной красотой. Дедушка взъерошил ему волосы.

— Ты хороший мальчик, Клайви.

— Спасибо, сэр.

Дедушка молчал, глубоко задумавшись, сигарета сгорала неестественно быстро (сухой табак, сильный ветер). Клайв подумал, что старик уже сказал все, что хотел, и пожалел об этом. Ему нравилось слушать дедушку. Клайва поражало, что в словах дедушки всегда присутствовал здравый смысл. Его мать, отец, бабушка, дядя Дон... в их словах было много эмоций, но так мало здравого смысла. О человеке судят не по словам, а по делам, верно?

Его сестра Пэтти была старше на шесть лет. Он ее понимал, но не воспринимал всерьез, потому что вслух она обычно несла всякую чушь. В остальном общение шло через щипки. Самые болезненные она называла «Питер-щипок». И предупредила, что убьет его, если он скажет кому-нибудь о «Питер-щипках». Пэтти всегда говорила о людях, которых она собиралась убить. Список ее потенциальных жертв мог

соперничать с планами какой-нибудь «Мёде* инкорпорейшн». Конечно, эти разговоры вызывали смех... до того момента, как твой взгляд падал на ее тощее, мрачное лицо. И жажда убийства читалась в этом лице так отчетливо, что желание смеяться отшибало напрочь. Во всяком случае, у Клайва. И с ней следовало держать ухо востро: несла-то она чушь, но была далеко не глупа.

— Я не хочу ходить на свидания, — не так уж и давно объявила она за ужином... примерно в то время, когда юноши традиционно приглашали девушек на Весенний танец в загородном клубе или на бал в средней школе. — Мне без разницы, пригласят меня или нет, — и поверх тарелки с мясом и овощами она воинственно оглядела сидящих за столом.

А Клайв смотрел на закаменевшее лицо сестры и вспоминал случившееся двумя месяцами раньше, когда на земле еще лежал снег. Он шел по коридору босиком, поэтому она не слышала его шагов, и заглянул в ванную через полуоткрытую дверь. Он и представить себе не мог, что увидит там Злобную Пэтти. А когда увидел, застыл как вкопанный. Если бы она чуть повернула голову влево, то обязательно заметила бы его.

Но она не заметила. Потому что очень уж придирчиво разглядывала себя. Она стояла голая, как стройные красотки в залапанном журнале Фокси Брэннигена «Модел дилайтс», банное полотенце лежало у ее ног. Она ничем не напоминала стройную красотку. Клайв это понимал, и судя по выражению лица, понимала это и Пэтти. Слезы катились по ее прыщавым щекам. Крупные слезы, много слез, но она не издавала ни звука. Наконец, инстинкт самосохранения подсказал Клайву, что пора сматываться. Он на цыпочках отошел от двери в ванную и никому, а прежде всего Пэтти, не рассказывал о том, что видел. Он не знал, рассердится ли она, узнав, что младший брат видел ее голую задницу, но полностью отдавал себе отчет в том, что свидетеля своих слез она точно сживет со света.

---

* От английского Murder — убийство.

— Я думаю, мальчишки глупы и от большинства из них воняет, как от перезревшего сыра, — изрекла Пэтти в тот весенний вечер. И набила рот мясом. — Если кто-то из них пригласит меня на свидание, я рассмеюсь ему в лицо.

— Ты переменишь свое мнение, Цыпленок, — ответил ей отец, жуя стейк и не отрываясь от книги, которая лежала рядом с тарелкой. Мать уже и не пыталась отучить его от чтения за столом.

— Не будет этого, — заявила Пэтти, и Клайв знал, что мнения своего Пэтти не переменит. Слова у нее не расходились с делами. Клайв это понимал, а вот родители — нет. Он, правда, сомневался, что она приведет свою угрозу в исполнение, если он проболтается насчет Питер-щипков, но предпочитал не рисковать. Даже если бы она его не убила, то наверняка нашла бы другой способ причинить ему боль. А кроме того, иной раз Питер-щипки совсем и не были щипками, иной раз они больше напоминали похлопывание и даже доставляли ему удовольствие.

Когда дедушка открыл рот, Клайв подумал, что сейчас он скажет: «Пора возвращаться, Клайви», — но услышал совершенно другое:

— Я собираюсь кое-что тебе рассказать, если ты хочешь меня послушать. Много времени это не займет. Хочешь послушать, Клайви?

— Да, сэр!

— Действительно, хочешь? — с некоторым удивлением в голосе переспросил дедушка.

— Да, сэр.

— Иногда мне кажется, что я должен выкрасть тебя у твоих родителей и держать при себе. Иногда я думаю, если ты будешь рядом большую часть времени, я буду жить вечно, пусть и с больным сердцем.

Он бросил окурок под ноги, растоптал, потом присыпал землей. И посмотрел на Клайва поблескивающими глазами.

— Я давно уже перестал давать советы. Лет тридцать назад, а то и больше. Перестал, когда понял, что только дураки их дают и только дураки ими пользуются. *Инструкция*...

инструкция — это другое дело. Умный человек может время от времени учить других, и умный человек, или мальчик, может время от времени чему-то учиться.

Клайв молчал, пристально всматриваясь в деда.

— Есть три вида времени, и хотя все они реальны, *действительно* реально только одно. Ты должен знать их все и всегда уметь различать. Ты это понимаешь?

— Нет, сэр.

Дедушка кивнул.

— Если бы ты ответил: «Да, сэр», — я бы врезал тебе по заднице, и мы пошли бы домой.

Клайв смотрел на растоптанные, присыпанные землей остатки сигареты, его лицо заливала краска гордости.

— Когда человек еще только растет, как ты, время очень долгое. К примеру, в мае ты думаешь, что занятия в школе никогда не закончатся, а до середины июня целая вечность. Не так ли?

Клайв подумал о том, как тянулись последние сонные, пропахшие мелом школьные дни, и кивнул.

— А когда, наконец, наступает середина июня и учитель выдает тебе табель и отпускает на каникулы, кажется, что новый учебный год никогда не начнется. Я не ошибаюсь?

Клайв подумал о бесконечной череде летних дней и энергично кивнул.

— Конечно. Именно так, сэр!

Летние дни, ах эти летние дни, протянувшиеся по равнинам июня и июля к укрывшемуся за горизонтом августу. Так много дней, так много рассветов, так много полуденных ленчей — бутербродов с копченой колбасой, горчицей, с нарезанными колесиками лука и огромных стаканов молока, — пока его мать молча сидела в гостиной, наливалась вином и смотрела очередную «мыльную оперу». Так много жарких послеполуденных часов, когда капельки пота собирались под коротко стриженными волосами и начинали течь по щекам, послеполуденных часов, когда ты вдруг замечаешь, что у тебя появилась тень. Так много предвечерних часов, когда пот испарялся, оставляя после себя запах лосьона после бриться на щеках и под мышками. Бесконечные

игры, вышибалы, штандер, салочки, шуршание велосипедной цепи, перекатывающейся по хорошо смазанным шестерням, запахи жимолости, остывающего асфальта, зеленых листьев, скошенной травы, звуки бейсбольных карточек, выкладываемых на крыльцо у кого-то из парней, обмены и торговля игроками обеих лиг и, наконец, крик: «Кла-а-а-а-а-йв! Ужи-и-и-и-н!» — обрывающий это интереснейшее занятие. Крик всегда ожидаемый и всегда застающий врасплох, совсем как появление собственной тени, которая к трем часам дня превращается в черного двойника, бегущего рядом, а к пяти часам становится длинным и очень худым мужчиной. Теплые вечера у телевизора, под шуршание переворачиваемых страниц: его отец глотал книги одну за другой (никогда от них не уставал; слова, слова, слова, его отцу они никогда не надоедали, и Клайв однажды даже хотел спросить почему, но не собрался с духом). Его мать, время от времени поднимающаяся, чтобы пройти на кухню, сопровождаемая тревожным взглядом сестры и любопытным — его. Звяканье в очередной раз наполняемого стакана, который не пустовал с одиннадцати утра (их отец не отрывался от книги, хотя Клайв предполагал, что он все слышит и знает: Пэтти назвала его глупым лгунишкой и сильно ущипнула, когда он поделился с ней своими мыслями). Жужжание москитов за сеткой, по его разумению, прибавляющее в громкости после захода солнца. Декрет об отходе ко сну, такой несправедливый и неизбежный, отсекающий возражения до того, как они успели прозвучать. Короткий поцелуй отца, пахнущий табаком, мягкий — матери, сладкий и горьковатый, с винным запахом. Голос сестры, советующий матери лечь спать после того, как отец ушел в бар на углу, чтобы выпить пару кружек пива и посмотреть по телевизору матч по рестлингу. Голос матери, советующей Пэтти не совать нос в чужие дела. Светлячки, поблескивающие в темноте, далекий автомобильный гудок, доносящийся в тот самый момент, когда сон утягивал его в длинный, темный тоннель. А потом следующий день, вроде бы такой же, как предыдущий, но не такой. Лето. Оно не просто казалось, оно было долгим.

Дедушка пристально наблюдал за мальчиком, словно читал его мысли в карих глазах, знал все слова, которые он мог бы произнести, но не произносил, потому что его губы еще не научились озвучивать язык сердца. И тогда дедушка кивнул, словно хотел подтвердить все мысли, которые пронеслись в голове мальчика, и Клайв внезапно решил, что дедушка сейчас все испортит, сказав что-нибудь успокаивающее и бессмысленное. Не мог он не сказать: «Я все это знаю, Клайви... когда-то я тоже был мальчиком».

Но дедушка этого не сказал, и Клайв понял, что он совершенно напрасно боялся того, что скажет. Он же имел дело со своим *дедушкой*, а дедушка, в отличие от других взрослых, не жаловал бессмысленной болтовни. И говорил с жесткостью судьи, выносящего суровый приговор за совершение тяжелого преступления.

— Все это переменится.

Клайв посмотрел на дедушку. Его слова вызвали дурное предчувствие, но Клайву очень нравилось, как ветер разметал волосы старика. Он подумал, что выглядит дедушка как проповедник, знающий истину, а не только догадывающийся о ней.

— *Время* переменится? Ты уверен?

— Да. Когда ты подрастешь... лет до четырнадцати. Я думаю, происходит это в тот самый момент, когда две половины рода человеческого узнают о существовании друг друга... Тогда и начинается *истинное* настоящее время. Оно уже не кажется длинным или коротким. Оно движется в реальном ритме. И большая часть жизни проходит в *истинном* настоящем времени. Ты знаешь, о чем я, Клайви?

— Нет, сэр.

— Тогда слушай и запоминай: *истинное* настоящее время — это твой милый пони. Скажи: «Мой милый пони».

Оказавшись в дурацком положении, подозревая, что дедушка хочет по какой-то причине разыграть его («пытается оттянуться за твой счет», — как говаривал дядя Дон), Клайв подчинился. Он ожидал, что дедушка рассмеется, скажет: «На этот раз ты меня уморил, Клайви!» Но дедушка

лишь кивнул, и Клайв понял, что ни о каком розыгрыше нет и речи.

— Мой милый пони. Эти три слова ты никогда не забудешь, если тебе хватит ума. У тебя, по моему разумению, ума хватит. Мой милый пони. В этом истина времени.

Дедушка вновь достал из нагрудного кармана потрепанную пачку сигарет, долго смотрел на нее, убрал в карман.

— С четырнадцати до, скажем, шестидесяти лет человек живет во временном режиме «мой милый пони». Случается, правда, что время замедляет свой бег, снова становится долгим, да только радости это не приносит. В эти моменты ты готов отдать душу за время «моего милого пони», а то и за быстрое время. Если ты передашь бабушке то, что я собираюсь тебе сказать, Клайви, она назовет меня богохульником и неделю не будет класть мне в кровать бутылку с горячей водой. Может, и две.

Тем не менее губы дедушки изогнулись в подобие улыбки.

— Если о моих словах узнает преподобный Чэдбенд, он разразится яростной проповедью о том, что не наше дело рассуждать о замыслах Божьих, ибо неисповедимы пути Господни. Но я скажу тебе, Клайви, что я об этом думаю. Я думаю, что Бог — старый злобный сукин сын, который сделал так, что для взрослого время становится долгим, только когда он тяжело болен. Скажем, у него переломаны ребра или гниют внутренности. В сравнении с таким Богом мальчишка, получающий удовольствие, втыкая иголки в мух, выглядит святым, на плечи которого садятся птички. Я думаю о том, на сколько растягиваются недели тяжелой болезни, и задаюсь вопросом, а зачем Бог вообще создал живые, разумные существа. Если б хотел, чтобы Ему было куда помочиться, неужели он не мог ограничиться сумахом? За что Он так поступил с Джонни Бринкмайером, который в прошлом году непозволительно долго умирал он рака костей?

Клайв едва расслышал последнюю фразу, хотя потом, по дороге в город, он и вспомнил, что Джонни Бринкмайер, владелец, по словам отца и матери, продовольственного магазина, который дедушка и бабушка по-прежнему называли

«продуктовой лавкой», был единственным, к кому дедушка ездил по вечерам, и единственный, кто по вечерам приезжал к дедушке. По дороге в город Клайв вдруг понял, что Джонни Бринкмайер, с большущей бородавкой на лбу, все время почесывающийся, был единственным настоящим другом дедушки. А то, что бабушка воротила нос при упоминании имени этого человека и часто жаловалась, что от него плохо пахло, лишь подтверждало правильность его догадки.

Но в тот момент Клайв, конечно же, не мог об этом думать, поскольку с замиранием сердца ждал, что Бог прямо сейчас убьет дедушку. Не мог же Он снести такой хулы. Никто не мог безнаказанно называть Господа старым злобным сукиным сыном или предполагать, что Высшее Существо ничуть не лучше злобного третьеклассника, который получает удовольствие, втыкая иголки в мух.

Клайв даже отступил на шаг от человека в комбинезоне, которому предстояло перестать быть его дедушкой и сгореть от удара молнии. В любой момент молния эта могла слететь с синего неба, спалить дедушку и обратить в пылающие факелы яблони, дабы все знали, что душа его дедушки обречена на вечные муки. И яблоневым лепесткам, кружащим в воздухе, предстояло превратиться в золу и пепел, в которые превращались газеты в мусоросжигательной печи, стоявшей во дворе.

Ничего такого не случилось.

Клайв ждал, с замершим от ужаса сердцем, и лишь когда где-то рядом запела малиновка (словно с губ дедушки и не срывались эти ужасные слова), он понял, что молнии не будет. И в этот самый момент в жизни Клайва Бэннинга произошла маленькая, но фундаментальная перемена. Неналазанное богохульство дедушки не превратило его в преступника, или плохиша, или даже в «проблемного ребенка» (этот термин только недавно ввели в оборот. Однако устои веры в голове Клайва пошатнулись, другим стало и отношение к словам дедушки. Раньше он просто *слушал* старика. Теперь — *внимал*.

— Время, когда тебе больно, растягивается до бесконечности. Поверь мне, Клайви, в сравнении с неделей боли

самые лучшие летние каникулы, которые ты провел или проведешь школьником, — не более чем уик-энд. Да нет, субботнее утро! И когда я думаю о семи месяцах, которые пролежал Джонни... когда рак грыз его изнутри... Господи, не стоит, конечно, говорить об этом с ребенком. Твоя бабушка права. У меня цыплячьи мозги.

Дедушка какое-то время рассматривал башмаки. Наконец, поднял взгляд, весело тряхнул головой.

— Впрочем, речь сейчас о другом. Я собирался поговорить с тобой о времени, а вместо этого вою, как койот. Ты видел койотов, Клайви?

Мальчик покачал головой.

— Ну и ладно, о койотах поговорим в другой раз. — Разумеется, другого раза уже не было, потому что в другой раз Клайв увидел дедушку уже в гробу. — Старики что старые локомотивы в депо. Стрелок там так много, что в нужное место они попадают с пятого раза.

— Все нормально, дедушка.

— Я хочу сказать, что вместо того, чтобы говорить по делу, меня постоянно куда-то заносит.

— Я знаю, но тебя заносит в очень интересные места.

Дедушка улыбнулся.

— Если ты и притворяешься, Клайви, что тебе интересно, то получается у тебя очень хорошо.

Улыбнулся и Клайв, мрачные воспоминания о Джонни Бринкмайере на какое-то время покинули дедушку. Потому что заговорил он деловым тоном.

— Ладно, не будем отвлекаться. Долгое время на период болезни — прибавка, подброшенная Богом. Ты знаешь, как человек собирает купоны, чтобы потом обменять их на какой-нибудь латунный барометр или набор ножей, Клайви? — Клайв кивнул. — С временем-болью все то же самое... только приз этот скорее ложный, чем настоящий, вот что я хочу сказать. А вот когда человек стареет, истинное время, время «моего милого пони», меняется на быстрое время. Все становится, как в детстве, только наоборот.

— Время не замедляется, а ускоряется.

— Да.

Мальчик, конечно же, не мог полностью осознать, что в старости время ускоряет свой бег, но в принципе идею он понял. Он же знал, если один конец двуручной пилы идет вверх, то второй — вниз. И дедушка, собственно, говорил о том же: действие и противодействие, баланс сил. *Понятно, это точка зрения*, сказал бы отец Клайва.

Дедушка опять достал из нагрудного кармана пачку сигарет, на этот раз осторожно выудил сигарету, не последнюю в его жизни, но последнюю, которую видел мальчик в его руках. Убрал пачку в карман, закурил с той же легкостью, что и предыдущую. Он не игнорировал дующий с холмов ветер; каким-то образом он *убеждал* ветер не мешать ему прикуривать.

— Когда это происходит, дедушка?

— Точно сказать не могу, потому что происходит это не сразу. — Дедушка смочил головку спички слюной. — Быстрое время подкрадывается, как кот, охотящийся на воробья. Наконец, ты замечаешь, что оно пришло. А когда замечаешь, тебе кажется, что это несправедливо.

— А когда это происходит? Что ты замечаешь?

Дедушка сбросил пепел, не вынимая сигареты изо рта. Легким таким щелчком. Звук этот навсегда остался в памяти мальчика.

— Я думаю, каждый человек замечает что-то свое, но для меня это началось, когда мне было сорок с небольшим. Точного возраста я не скажу, зато отлично помню, где это все случилось... в аптечном магазине Дэвиса. Ты его знаешь?

Клайв кивнул. Когда они приезжали к дедушке и бабушке, отец практически всегда водил туда его и сестру, за мороженым. Заказ их всякий раз оставался неизменным: ванильное мороженое отцу, шоколадное — Пэтти, клубничное — Клайву. И его отец сидел между ними и читал, пока они уплетали холодное лакомство. Пэтти всегда говорила, что за чтением отец ничего не видит и не слышит, однако, если он откладывал книгу и оглядывался, от детей ожидалось примерное поведение, поскольку нарушителям грозили серьезные санкции.

— Так вот, — продолжил дедушка, разглядывая плывущее по небу облако, которое отдаленно напоминало солдата, дующего в горн, — я пришел в аптеку за лекарством для бабушки. Дожди шли неделю, и ее совсем замучил артрит. И сразу увидел новый стенд. Его не заметил бы только слепой, потому что стенд занял добрую часть прохода. На нем лежали маски, фигурки черных кошек, ведьм на помеле и тому подобное, а также картонные тыквы и эластичные маски. Идея заключалась в том, что ребенок мог сам раскрасить картонную тыкву и повесить ее на дверь, как украшение. А если семья по бедности не могла купить ребенку маску, родители натягивали эластик на картонную тыкву, и ребенок мог носить ее как маску. Я видел, как многие дети уходили из аптечного магазина Дэвиса с этими картонными тыквами, а на Хэллоуин надевали эти маски. И разумеется, он продавал сласти. У него всегда был прилавок со сластями, рядом со стойкой с газировкой, ты знаешь, о чем я...

Клайв улыбнулся. Конечно же, он знал.

— ...но это были другие сласти. Более дорогие. Сладкие бутылки, кукурузные початки, бочонки с пивом, кнуты из лакрицы.

И я подумал, что у старика Дэвиса, — а аптечный магазин тогда действительно принадлежал Дэвису, его отец открыл магазин где-то в 1910 году, — поехала крыша. Святой ад, сказал я себе, еще лето не закончилось, а Френк Дэвис уже готовится к Хэллоуину. Я уже направился к прилавку, за которым продавались лекарства, чтобы сказать ему об этом, но внутренний голос остановил меня: «Подожди, Джордж. *Скорее, крыша поехала у тебя*». И так оно и было, Клайви, потому что лето уже закончилось, и я это прекрасно знал. Видишь, что я от тебя хочу? Чтобы ты понял, что в глубине души я все знал.

Разве я уже не начал искать сборщиков яблок в окрестных городках? Разве я уже не подписал договор на поставку пятисот садовых ножей из Канады? Разве я уже не положил глаз на Тима Уорбуртона, который приехал из Шенектади в поисках работы? Он умел ладить с людьми, выглядел честным, и я думал, что на время сбора урожая из него получит-

ся хороший управляющий. Разве я не намеревался уже на следующий день предложить ему это место? И он знал об этом, потому что дал знать, что в определенное время будет стричься в определенном парикмахерском салоне. И я сказал себе: «Джордж, не слишком ли ты молод, чтобы впадать в старческий маразм? Да, старина Френк рановато развесил свои подарки к Хэллоуину, но ведь не летом же». Лето уже осталось в прошлом.

Я, конечно, это знал, но на секунду, Клайви, а может, и на несколько секунд, я чувствовал, что сейчас лето, должно быть лето, потому что лето никак не могло закончиться. Понимаешь, о чем я? Конечно, я достаточно быстро сообразил, что к чему, что на дворе сентябрь... но до этого, до этого я испытывал... ты понимаешь, я испытывал... — Он нахмурился, но потом все-таки произнес слово, которое не решился бы использовать в разговоре с другим фермером: его бы тут же обвинили в высокопарности. — Я испытывал смятение. Это единственное слово, которым я могу описать происходившее со мной. Я испытывал смятение. Вот так это произошло со мной в первый раз.

Он взглянул на мальчика, который смотрел на него во все глаза, даже не кивал, впитывая в себя каждое слово. Дедушка кивнул за них обоих и вновь щелчком ногтя большого пальца сбросил столбик пепла, образовавшийся на кончике сигареты. Мальчик не сомневался, что дедушка так увлекся рассказом, что большую часть сигареты выкурил за него ветер.

— Знаешь, так бывает, когда подходишь к зеркалу в ванной, чтобы побриться, и вдруг видишь у себя первый седой волос. Ты понимаешь, Клайви?

— Да.

— Хорошо. А потом то же самое случалось со всеми праздниками. Я думал, что к ним начинали слишком рано готовиться, иногда даже говорил об этом, хотя очень осторожно, с намеком на то, что торговцы руководствовались жадностью. Чтобы показать, что-то не так с ними, а не со мной. Тебе это ясно?

— Да.

— Потому что жадность торговца человек может понять, некоторые этой жадностью даже восхищаются, хотя я никогда не относился к их числу. «Такой-то всегда старается выжать из своего магазинчика максимум прибыли», — говорили они, хотя, к примеру, для мясника Рэдуика выжимание прибыли заключалось в том, что он давил большим пальцем на чашку весов, когда знал, что за ним не приглядывают. Я таких методов никогда не одобрял, хотя и мог понять этих людей. Так что я полагал, что лучше нажимать на их жадность, а не на свои ощущения, чтобы собеседник не подумал, что у меня не все в порядке с головой. Вот я и говорил что-то вроде: «Клянусь Богом, в следующем году они начнут готовиться ко Дню благодарения до завершения сенокоса». В принципе слова эти соответствовали действительности, но я-то вкладывал в них совсем другой, недоступный кому-либо смысл. И знаешь, Клайви, когда я все-таки пригляделся к этому внимательнее, оказалось, что каждый год торговцы начинают готовиться к тому или иному празднику практически в одно и то же время.

Потом со мной случилось кое-что еще. Лет через пять, а то и через семь. Думаю мне было пятьдесят, плюс-минус год или два. Короче, меня выбрали в присяжные. Суды эти — сплошная морока, но я пошел. Судебный пристав привел меня к присяге, спросил, буду ли я честно выполнять возложенные на меня обязанности, и я ответил что да. Потом он взял ручку, спросил мой адрес, и я ответил без малейшей запинки. А потом он спросил, сколько мне лет, и я уже открыл рот, чтобы сказать: «Тридцать семь».

Дедушка отбросил голову и рассмеялся, глядя на облако, напоминающее солдата. Облако это, горн у него вытянулся до размеров тромбона, пробежало уже половину пути от одного горизонта до другого.

— Почему ты хотел так ответить, дедушка? — в недоумении спросил Клайв.

— Я хотел так ответить, потому что именно это число первым пришло мне в голову! Черт! Я понял, что это ошибка, и запнулся. Не думаю, чтобы судебный пристав или кто-то из сидящих в зале это заметил, большинство спали

или дремали, но если кто и заметил, особого значения не придал. Но дело в другом. Вопрос, сколько тебе лет, — не заклинание. Я же чувствовал себя так, словно меня заколдовали. С секунду я нисколько не сомневался в том, что мне тридцать семь лет. Потом голова у меня прочистилась, и я сказал, что мне сорок восемь или пятьдесят один, точно не помню. Но забыть, сколько тебе лет, даже на секунду... это что-то!

Дедушка бросил окурок, опустил на него башмак и принялся растирать и хоронить.

— И это только начало. Клайви, сынок, — продолжил дедушка, и мальчик пожалел, что не приходится ему сыном. — Не успеваешь оглянуться, как время уже набирает ход и ты несешься, словно автомобили по скоростной автостраде, так быстро, что с деревьев срывает листья.

— О чем ты?

— Самое худшее — это смена времен года, — задумчиво говорил старик, словно и не услышал вопроса мальчика. — Разные времена года сливаются в одно. Вроде бы только что доставали шапки, шарфы, рукавицы, а уже пора выводить в поле трактор, потому что земля прогрелась и готова к севу. Только ты надел соломенную шляпу, отправляясь на первый летний концерт джаз-оркестра, как тополя уже начали демонстрировать свои chemise*.

Дедушка посмотрел на Клайва, иронически изогнув бровь, словно ожидая, что мальчик спросит, а что это такое, но Клайв лишь улыбнулся. Он знал, что такое chemise, потому что иногда мать ходила в них до пяти вечера, в те дни, когда отец уезжал в командировки, продавая бытовую технику, кухонную посуду или страховые полисы. Когда отец уезжал, мать налегала на спиртное, не одеваясь буквально до заката солнца. А потом, случалось, уходила, оставляя его на попечение Пэтти, говоря, что ей надо навестить больную подругу. Как-то он даже спросил Пэтти: «Ты не заметила, что мамины подруги болеют гораздо чаще, когда папа в отъезде»? Пэтти смеялась до слез, а потом ответила, что да, она это заметила, очень даже заметила.

* Chemise — женская короткая комбинация (*фр.*).

Но дедушка напомнил ему о том, как изменялись тополя, когда занятия в школе с каждым днем становились все ближе. Если дул ветер, нижняя поверхность их листьев становилась того же цвета, что и самая красивая мамина комбинация, и этот серебристый цвет свидетельствовал о том, что казавшееся бесконечным лето вот-вот перейдет в куда более грустную осень.

— А потом ты начинаешь терять связь с прошлым. Не так, чтобы совсем, слава Богу, я говорю не о старческом маразме, как у старика Хейдена, это просто кошмар, но терять. И дело не в забывчивости. Ты помнишь многие события, но теряешь их местонахождение во времени. К примеру, я мог бы поклясться, что сломал руку после того, как мой сын Билли в пятьдесят восьмом погиб в автоаварии. Такое горе. Единственное, которым мне пришлось поделиться с преподобным Чэдбендом. Билли, он ехал следом за грузовиком с гравием, на маленькой скорости, не больше двадцати миль в час, когда маленький камушек, не больше циферблата часов, которые я подарил тебе, вывалился из кузова грузовика, ударился об асфальт, подпрыгнул и разбил ветровое стекло нашего «форда». Осколки полетели Билли в глаза, и доктор сказал, что он бы ослеп на один, а то и на оба глаза, если б остался жив, но Билли умер. Съехал с дороги и врезался в столб. Столб переломился пополам, электропровода упали на автомобиль и поджарили Билли, как одного из убийц, которых сажают в Синг-Синге на Старую Замыкалку*. А самое серьезное совершенное им преступление состояло в том, что он сказывался больным, чтобы не окучивать фасоль на огороде.

Но я говорил о том, что сломал руку до похорон. Я в этом абсолютно не сомневался. Я же помнил, что на похоронах рука у меня была в гипсе. И Саре пришлось сначала показать мне семейную Библию, а потом полис с записью о наступлении страхового случая, прежде чем я поверил, что права она, а не я. Руку я сломал за целых два месяца до похорон, и когда мы хоронили Билли, гипс с меня уже сняли. Она

* Старая Замыкалка — так Кинг называет электрический стул (подробнее в романе «Зеленая миля»).

обозвала меня старым дураком, а мне ужасно хотелось ей врезать, так я на нее разозлился. Но потом сообразил, что злюсь я скорее на себя, чем на нее, так что оставил ее в покое. Она же обозвала меня потому, что я заставил ее вспомнить Билла. Он был ее любимчиком.

— Ну и ну! — покачал головой Клайв.

— Понимаешь, память-то остается. Чем-то это похоже на тех парней, которые сидят в Нью-Йорке на уличных углах с тремя наперстками и шариком под одним из них. Они уверяют тебя, что ты не сможешь указать, под каким наперстком шарик, ты убежден в обратном, но руки у них такие быстрые, что они всякий раз обдуривают тебя. Ты не успеваешь за ними следить. И ничего не можешь с этим поделать.

Дедушка вздохнул, огляделся, словно запоминая, где они находятся. На лице на мгновение отразилась полнейшая беспомощность, опечалившая и испугавшая мальчика. Он гнал от себя эти чувства, но безо всякого результата. Дедушка словно снял повязку, чтобы показать мальчику язву, симптом какой-то ужасной болезни. Вроде проказы.

— Мне вот кажется, что весна началась только вчера, а ведь завтра, если ветер не успокоится, облетит весь яблоневый цвет. Когда все происходит так быстро, человек не может логично мыслить. Человек не может сказать времени: «Постой минутку-другую, я соберусь с мыслями». Оно его не услышит. Все равно что едешь в автомобиле без водителя. Так что ты из этого понял, Клайви?

— Насчет одного ты прав, дедушка. Такое впечатление, что устроил все это какой-то волшебник.

Он не собирался шутить, но дедушка смеялся, пока его лицо вновь не стало лиловым, и даже положил руку на плечи мальчика, чтобы не упасть. А приступ кашля, в который перешел смех, отпустил дедушку в том самый момент, когда мальчик решил, что кожа на лице дедушки сейчас лопнет от прилива крови.

— Ну ты и шутник. — Дедушка вытер слезы. — Ой, шутник!

— Дедушка? С тобой все в порядке? Может...

— Черт, да нет же, далеко не все. За последние два года у меня было два инфаркта, и никто не удивится больше меня, если я проживу еще два года без третьего. Но для человечества смерть не в диковинку. Я же хочу сказать следующее, старый или молодой, в быстром времени или долгом, ты можешь шагать по прямой, если будешь помнить о пони. Потому что, если считать и между каждыми цифрами говорить: «Мой милый пони», — время будет не чем иным, как только временем. Если ты это делаешь, значит, пони стоит в стойле. Ты не можешь считать все время — в Божий замысел это не входит. Я скоро уйду, и этот сладкоголосый говнюк Чэдбенд произнесет над моей могилой какие-то слова, но ты должен запомнить главное: *время тебе не принадлежит*. Наоборот, *ты принадлежишь времени*. Оно бежит вне тебя; с одной и той же скоростью, каждую секунду каждого дня. Ему нет до тебя никакого дела, ему без разницы, есть ли у тебя милый пони. Но, если милый пони у тебя есть, Клайви, ты точно знаешь, какое время реальное, и плевать тебе на всех Олденов Осгудов этого мира. — Он наклонился к Клайву Бэннингу: — Ты это понимаешь?

— Нет, сэр.

— Я знаю, что нет. Ты запомнишь мои слова?

— Да, сэр.

Глаза дедушки Бэннинга так долго изучали его, что мальчику стало не по себе. Наконец, старик кивнул:

— Да, думаю, что запомнишь. Точно, запомнишь.

Мальчик молчал. А что он мог сказать?

— Инструктаж ты прошел.

— Какой же это инструктаж, если я ничего не понял! — Раздражение, выплеснувшееся в голосе мальчика, удивило старика. — *Ничего!*

— На хрен понимание, — спокойно ответил старик, опять положил руку на плечи мальчика, прижал к себе, прижал к себе в последний раз, потому что месяцем позже дедушка умер в своей постели. Бабушка проснулась утром и увидела, что дедушка лежит холодный как камень. Пони дедушки лягнул его и умчался в холмы вечности.

Злобное сердце, злобное сердце. Милый пони со злобным сердцем.

— Понимание и инструкция — близкие родственники, которые не подают друг другу руки, — сказал дедушка в тот день среди яблонь.

— Тогда что же такое инструкция?

— Запоминание, — отчеканил дедушка. — Ты сможешь запомнить все, что я говорил тебе про пони?

— Да, сэр.

— Как его зовут?

Мальчик задумался.

— Время... наверное.

— Хорошо. Какого он цвета?

Мальчик думал дольше.

— Я не знаю.

— Я тоже. — Старик убрал руку с его плеч. — Я не знаю, есть ли у него цвет, да это и не важно. А что важно, ты узнаешь?

— Да, сэр, — без запинки ответил мальчик. И глаза его блеснули.

— *Как?*

— Он будет милым, — с абсолютной уверенностью ответил мальчик.

Дедушка улыбнулся.

— Именно так! Клайви, ты прошел инструктаж и стал мудрее, а я... счастливее. Хочешь кусок персикового пирога?

— Да, сэр!

— Тогда что мы тут делаем? Пошли к бабушке.

И они пошли.

Клайв Бэннинг не забыл, как его зовут (время), какого он цвета (никакого), как выглядит (не уродливый и не красивый... просто милый). Не забыл он и характера (злобное сердце), и тех слов, которые произнес дедушка по пути домой, так тихо, что их едва не унесло ветром: «Лучше иметь пони, чтобы ездить на нем, чем не иметь его вовсе, независимо от того, какое у него сердце».

ИЗВИНИТЕ, ПРАВИЛЬНЫЙ НОМЕР

Примечание автора:

Сценарные аббревиатуры очень просты и существуют, по мнению автора, для того, чтобы те, кто пишет сценарии, чувствовали себя членами одной большой семьи. В любом случае вы должны знать, что КП означает *крупный план*, СКП — самый *крупный план*, СВП — *съемка в помещении*, СНУ — *съемка на улице*, Ф — *фон*, ССП — *съемка с позиции*. Вероятно, многие из вас это и так знали, не правда ли?

ЧАСТЬ 1

ИЗ ТЕМНОТЫ ВОЗНИКАЕТ РОТ КЭТИ УИДЕРМАН, СКП.

Она говорит по телефону. Красивый рот; через несколько секунд мы убедимся, что красиво и все остальное.

КЭТИ. Билл? Он говорит, что неважно себя чувствует, но он всегда такой, когда заканчивает одну книгу и еще не приступает к новой... не может спать, думает, что любая головная боль — симптом опухоли в мозгу... как только начинает писать, все как рукой снимает.

ЗВУК, Ф. РАБОТАЕТ ТЕЛЕВИЗОР.

© Перевод. Вебер В.А., 2000.

КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ. Кэти сидит на кухне, болтает с сестрой и одновременно пролистывает каталоги. Мы должны обратить внимание на то, что настенный телефонный аппарат не совсем обычный, с двумя каналами связи. ПОДСВЕЧЕННЫЕ КЛАВИШИ показывают, какой канал занят. На данный момент подсвечена только одна клавиша, того канала, по которому разговаривает Кэти. ОНА ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР, А КАМЕРА УХОДИТ ОТ НЕЕ, СКОЛЬЗИТ ПО КУХНЕ, и через арку-дверь приводит нас в гостиную.

КЭТИ (*голос сходит на нет*). Слушай, я видела сегодня Джейни Чарлтон... Да! Огромная, как дом...

Кэти сходит на нет. Звук телевизора становится громче. Трое детей: Джефф, восемь лет, Конни, десять, и Дэнни, тринадцать. Показывают «Колесо фортуны», но на экран дети не смотрят. Они заняты более интересной игрой: спорят о том, что смотреть потом.

ДЖЕФФ. Перестаньте! Это же его первая книга!

КОННИ. Его первая известная книга.

ДЭННИС. Мы будем смотреть «Ваше здоровье!» и «Уингс».

Тон Дэнниса не оставляет сомнений в том, что все будет, как решил он, старший брат. На его лице ясно читается предупреждение Джеффу: «Только вякни, и увидишь, что я с тобой сделаю».

ДЖЕФФ. Давайте хотя бы запишем фильм, а?

КОННИ. Мы записываем Си-эн-эн для мамика. Она сказала, что может довольно долго говорить по телефону с тетей Лоис.

ДЖЕФФ. Господи, да как можно записывать Си-эн-эн. Она работает двадцать четыре часа в сутки!

ДЭННИС. Поэтому мамику и нравится смотреть этот канал.

КОННИ. И не упоминай имя Божье всуе, Джеффи. Ты слишком мал, чтобы говорить о нем за пределами церкви.

ДЖЕФФ. Тогда не называй меня Джеффи.

КОННИ. Джеффи, Джеффи, Джеффи.

Джефф встает, подходит к окну, выглядывает в темноту. Он очень расстроен. Дэннис и Конни, как принято у старших братьев и сестер, этому только радуются.

ДЭННИС. Бедный Джеффи.

КОННИ. Я думаю, он собрался покончить с собой.

ДЖЕФФ (*поворачивается к ним*). Это его *первая* книга! Неужели вы не понимаете?

КОННИ. Если тебе так хочется посмотреть этот фильм, завтра возьми кассету в видеосалоне.

ДЖЕФФ. Маленьким детям не дают фильмы категории Эр, и вы это знаете!

КОННИ (*мечтательно*). Заткнись, это же Вэнна! Я обожаю Вэнну!

ДЖЕФФ. Дэннис...

ДЭННИС. Пойди к отцу и попроси его записать фильм на видеомагнитофон, который стоит в его кабинете, а от нас отстань. Надоел.

Джефф пересекает комнату, у двери показывает язык Вэнне Уайт. Камера следует за ним на кухню.

КЭТИ. ...когда он спросил меня о Полли, мне пришлось напомнить ему, что она учится в частной школе... Господи, Лоис, я так по ней скучаю...

Джефф проходит через кухню, направляясь к лестнице.

КЭТИ. Дети, пожалуйста, тише.

ДЖЕФФ (*мрачно*). Они уже затихли.

Он поднимается по ступеням, печальный, брошенный. Кэти смотрит вслед, с любовью и тревогой.

КЭТИ. Они опять ссорятся. Полли умела держать их в узде, но она в школе... Я не знаю... Может, мы зря отправили ее в Болтон. Иногда, когда она звонит, у нее такой несчастный голос...

СВП. БЕЛЛА ЛУГОЗИ В РОЛИ ДРАКУЛЫ, КП.

Дракула стоит у ворот трансильванского замка. С его губ слетают слова: «Вы только послушайте! Мои дети ночи! Какая прекрасная у них музыка!» Плакат висит на двери; мы видим его в тот момент, когда Джефф открывает дверь и входит в кабинет отца.

СВП. ФОТОГРАФИЯ КЭТИ, КП.

КАМЕРА ЗАМИРАЕТ, ПОТОМ МЕДЛЕННО ПЛЫВЕТ ВПРАВО. Мы видим другую фотографию, Полли, дочери, которая уехала в частную школу. Очаровательная девушка лет шестнадцати. За Полли фотографии Дэнниса... Конни... Джеффа.

КАМЕРА ВСЕ ПЛЫВЕТ И ПЛЫВЕТ, УВЕЛИЧИВАЕТСЯ УГОЛ ЗАХВАТА, и мы видим Билла Уидермана, мужчину сорока четырех лет. У него усталый вид. Он смотрит на дисплей персонального компьютера, но магический шар в его голове в этот день подернут дымкой тумана, поэтому на дисплее нет ни единого слова. На стенах мы видим суперобложки книг. На всех изображены какие-то чудища. Одна из книг называется «Поцелуй призрака».

Джефф подходит к отцу сзади. Мягкий ковер заглушает шаги. Билл вздыхает и выключает компьютер. В этот самый момент Джефф ударяет ручонками по плечам отца.

ДЖЕФФ. БУГА-БУГА!
БИЛЛ. Привет, Джефф.

Поворачивается на стуле к сыну, на лице которого написано разочарование.

ДЖЕФФ. Почему ты не испугался?

БИЛЛ. Пугать — мое ремесло. Так что я сам ничего не боюсь. Что случилось?

ДЖЕФФ. Папа, могу я посмотреть первый час «Поцелуя призрака»? А остальное запиши на магнитофон, а? Дэннис и Конни хотят записывать что-то другое.

Билл разворачивается, смотрит на суперобложку, его губы расходятся в улыбке.

БИЛЛ. Ты действительно хочешь посмотреть этот фильм? Он довольно-таки...

ДЖЕФФ. Да!

СВП. КЭТИ, ПО-ПРЕЖНЕМУ ГОВОРИТ ПО ТЕЛЕФОНУ.

В кадре мы видим ступени лестницы, ведущей на второй этаж.

КЭТИ. Я действительно думаю, что Джеффа надо вести к дантисту, но ты знаешь Билла...

Звонок по второму каналу связи. Вторая клавиша начинает мигать.

КЭТИ. Это другая линия, Билл сейчас возьмет...

Но она видит Билла и Джеффа, которые спускаются по лестнице.

БИЛЛ. Дорогая, где чистые видеокассеты? В кабинете нет ни одной.

КЭТИ (БИЛЛУ). Подожди!.. (ЛОИС.) Один момент, Ло.

Нажимает верхнюю мигающую клавишу, включая канал, по которому поступил второй звонок.

КЭТИ. Добрый вечер, резиденция мистера Уидермана.

ЗВУК: БЕЗУТЕШНЫЕ РЫДАНИЯ.

РЫДАЮЩИЙ ГОЛОС (*искаженный*). Увезите... пожалуйста, увезите...

КЭТИ. Полли? Это ты? Что случилось?

ЗВУК: РЫДАНИЯ, от которых рвется сердце.

РЫДАЮЩИЙ ГОЛОС (*искаженный*). Пожалуйста... быстрее...

ЗВУК: РЫДАНИЯ... Потом ЩЕЛЧОК! Связь обрывается.

КЭТИ. Полли, пожалуйста, успокойся. Что бы ни случилось...

СЛЫШАТСЯ ГУДКИ ОТБОЯ.

Джефф идет в гостиную, надеясь найти там чистую видеокассету.

БИЛЛ. Кто звонил?

Не глядя на него, не отвечая, Кэти нажимает нижнюю клавишу.

КЭТИ. Лоис? Слушай, я тебе перезвоню. Звонила Полли, очень расстроенная. Нет... она положила трубку. Да. Обязательно. Спасибо.

Она кладет трубку.

БИЛЛ (*озабоченно*). Звонила Полли?

КЭТИ. Она рыдала! Вроде бы пыталась сказать: «Пожалуйста, увезите меня домой»... Я знала, что эта чертова школа не принесет ей добра... И как только я согласилась отправить туда нашу девочку...

Кэти лихорадочно роется на столике под телефонным аппаратом. Каталоги летят на пол.

КЭТИ. Конни, ты взяла мою записную книжку?

КОННИ (*голос*). Нет, мамик.

Билл вытаскивает из заднего кармана джинсов свою записную книжку, листает ее.

БИЛЛ. Номер я нашел. Только...

КЭТИ. Я знаю, телефон этого чертова общежития всегда занят. Давай сюда.

БИЛЛ. Дорогая, успокойся.

КЭТИ. Я успокоюсь только после того, как поговорю с ней. Ей шестнадцать, Билл. Шестнадцатилетние девушки очень легко впадают в депрессию. Иногда даже сво... Продиктуй мне этот чертов номер.

БИЛЛ. 617–555–8641.

Пока она нажимает кнопки, камера наезжает на нее, давая КП.

КЭТИ. Ну же, ну... только бы телефон не был занят... хоть раз...

ЗВУК: ЩЕЛЧОК. Пауза. Потом... длинные гудки.

КЭТИ (*закрыв глаза*). Спасибо тебе, Господи.

ГОЛОС (*искаженный*). Хартшерн-холл, говорит Фрайда. Арни, если тебе нужна Кристина Королева Секса, то она еще в душе.

КЭТИ. Не могли бы вы позвать к телефону Полли? Полли Уидерман? Это Кейт Уидерман. Ее мать.

ГОЛОС (*искаженный*). Ой, извините! Я подумала... одну минуточку, миссис Уидерман.

ЗВУК: ТРУБКУ КЛАДУТ НА ЧТО-ТО ТВЕРДОЕ.

ГОЛОС (*искаженный и очень далекий*). Полли! Пол? Тебя к телефону! Твоя мама!

СВП. КЭТИ ПРИЖИМАЕТ ТРУБКУ К УХУ, БИЛЛ СТОИТ РЯДОМ.

БИЛЛ. Ну что?

КЭТИ. За ней пошли. Надеюсь, подзовут.

Джефф появляется с видеокассетой в руке.

ДЖЕФФ. Папа, одну я нашел. Дэннис их все спрятал. Как всегда.

БИЛЛ. Одну минуту, Джефф. Посмотри пока телевизор.

ДЖЕФФ. Но...

БИЛЛ. Я не забыл. *Пока* посмотри телевизор.

Джефф уходит.

КЭТИ. Давай же, давай, давай...

БИЛЛ. Кэти, успокойся.

КЭТИ (*резко*). Если я услышу ее, тебе не придется меня успокаивать! Она...

ПОЛЛИ (*искаженный радостный, веселый голос*). Привет, мамик!

КЭТИ. Пол? Дорогая? У тебя все в порядке?

ПОЛЛИ (*искаженный радостный, веселый голос*). Все ли у меня в порядке? Я сдала экзамен по биологии, получила Би за сочинение по французскому, и Ронни Хэнсен пригласил меня на бал. У меня полный порядок, и если в этот день меня будет ждать еще один хороший сюрприз, я просто взорвусь, как «Гинденбург».

КЭТИ. Ты только что не звонила нам, заливаясь слезами?

По выражению лица Кэти мы уже знаем ответ.

ПОЛЛИ (*искаженный голос*). Да нет же!

КЭТИ. Я рада, что ты сдала экзамен и тебя пригласили на бал, дорогая. Наверное, звонил кто-то еще. Я тебе еще перезвоню, хорошо?

ПОЛЛИ (*искаженный голос*). Хорошо. Передай привет папе!

КЭТИ. Обязательно.

СВП. ТЕ ЖЕ У ТЕЛЕФОНА.

БИЛЛ. У нее все нормально?

КЭТИ. Более чем. Я бы могла поклясться, что звонила Полли, но... она такая радостная.

БИЛЛ. Значит, звонил какой-то псих. Или кто-то от волнения неправильно набрал номер... «Сквозь пелену слез», как мы частенько пишем в книгах.

КЭТИ. Звонил не псих, и номер набрали правильный! Я уверена, что звонил кто-то из моих самых близких родственников!

БИЛЛ. Дорогая, ты этого знать не можешь.

КЭТИ. Не могу? Ты думаешь, если бы позвонил Джеффи, весь в слезах, я бы его не узнала?

БИЛЛ (*аргумент кажется ему весомым*). Да, пожалуй. Думаю, что узнала бы.

Она его не слушает, быстро нажимает на кнопки.

БИЛЛ. Кому ты звонишь?

Она не отвечает. ЗВУК: ДЛИННЫЕ ГУДКИ. Потом:

ГОЛОС ПОЖИЛОЙ ЖЕНЩИНЫ (*искаженный*). Алле?

КЭТИ. Мама? Как ты... (*пауза*). Ты не звонила мне несколько минут тому назад?

ГОЛОС (*искаженный*). Нет, дорогая... А что?

КЭТИ. Ну... ты же знаешь эти телефоны. Я разговаривала с Лоис, а по второй линии связь оборвалась.

ГОЛОС (*искаженный*). Нет, я не звонила. Кейт, сегодня я видела в «Бутике» такое красивое платье, что...

КЭТИ. Мама, поговорим об этом позже, хорошо?

ГОЛОС (*искаженный*). Кейт, у тебя все в порядке?

КЭТИ. У меня... Мама, мне кажется, у меня диарея. Должна бежать. Пока.

Она кладет трубку. Билл тут же начинает хохотать.

БИЛЛ. Это же надо... диарея... Я этим обязательно воспользуюсь, когда в очередной раз позвонит мой агент... Ну, Кэти, ты даешь...

КЭТИ (*едва не кричит*). Это *не смешно!*

Билл перестает смеяться.

СВП. ГОСТИНАЯ.

Джефф и Дэннис возятся. Перестают. Все трое детей смотрят в сторону кухни.

КЭТИ. *Говорю тебе, звонил кто-то из моих родственников, и по ее голосу...* нет, ты не понимаешь. Я *знаю* этот голос.

БИЛЛ. Но если все в порядке, и у твоей матери тоже...

КЭТИ (*уверенно*). Это Дон.

БИЛЛ. Послушай, минуту назад ты не сомневалась в том, что это Полли.

КЭТИ. Дон, больше некому. Я разговаривала по телефону с Лоис, у мамы все в норме, значит, остается только она. Она же самая молодая... Я могла принять ее за Полли... и она одна, с ребенком, в этом деревенском доме.

БИЛЛ (*удивленно*). Что значит, одна?

КЭТИ. Джерри в Бурлингтоне! Это Дон! Что-то случилось с Дон!

Конни выходит на кухню, на ее лице написана тревога.

КОННИ. Мамик? С тетей Дон все в порядке?

БИЛЛ. Насколько нам известно, да. Не волнуйся, куколка. Не нужно кликать беду.

Кэти нажимает кнопки, слушает. ЗВУК: КОРОТКИЕ ГУДКИ, линия занята. Кэти кладет трубку, вопросительно смотрит на мужа.

КЭТИ. Занято.

БИЛЛ. Кэти, ты уверена...

КЭТИ. Остается только она... больше некому. Билл, я боюсь. Ты отвезешь меня к ней?

Билл берет трубку.

БИЛЛ. Какой у нее номер?
КЭТИ. 555–6169

Билл нажимает кнопки. Линия занята. Нажимает на рычаг, потом на кнопку «0».

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). Телефонистка слушает.

БИЛЛ. Я пытаюсь дозвониться до сестры моей жены. Линия занята. Я подозреваю, что у нее что-то случилось. Вас не затруднит соединить меня с ней?

СВП. ДВЕРЬ В ГОСТИНУЮ.

В проеме трое детей, они молчат, у всех встревоженные лица.

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). Как вас зовут, сэр?

БИЛЛ. Уильям Уидерман. Мой номер...

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). Тот самый Уильям Уидерман, который написал «Ловушку паука»?

БИЛЛ. Да, это моя книга. Если...

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). Господи, как же мне нравится эта книга! Мне нравятся все ваши книги! Я...

БИЛЛ. Рад это слышать. Но сейчас моя жена очень тревожится из-за сестры. Если вас не затруднит...

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). Нет проблем. Пожалуйста, продиктуйте мне ваш номер, мистер Уидерман, для отчета (*она хихикает*). Обещаю, что никому его не дам.

БИЛЛ. 555–4408.

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). А куда вы звоните?

БИЛЛ. Э...

КЭТИ. 555–6169.

БИЛЛ. 555–6169.

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). Один момент, мистер Уидерман... Между прочим, «Ночь чудовища» тоже из ряда вон. Одну секунду.

ЗВУК: КАКИЕ-ТО ЩЕЛЧКИ И ШУМЫ.

КЭТИ. Она...
БИЛЛ. Да. Подожди...

Последний щелчок.

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос*). Извините, мистер Уидерман, но линия не занята. Трубка снята с рычага. Если я пришлю вам мой экземпляр «Ловушки паука», вас не затруднит...

Билл кладет трубку.

КЭТИ. Почему ты положил трубку?
БИЛЛ. Она не может соединить нас. Линия не занята. Трубка снята с рычага.

Они долго смотрят друг на друга.

СНУ. МИМО КАМЕРЫ ПРОНОСИТСЯ ПРИЖАВШИЙСЯ К ЗЕМЛЕ СПОРТИВНЫЙ АВТОМОБИЛЬ. НОЧЬ.

СВП. В КАБИНЕ КЭТИ И БИЛЛ.

Кэти испугана. Билл, за рулем, тоже не воплощенное спокойствие.

КЭТИ. Билл, скажи мне, что у нее все в порядке.
БИЛЛ. У нее все в порядке.
КЭТИ. А теперь скажи, что ты действительно думаешь.
БИЛЛ. Джефф подкрался ко мне сзади и попытался испугать, схватив руками за плечи. И очень удивился, когда

я не подпрыгнул на стуле. Я сказал ему, что пугать — мое ремесло, а потому я сам ничего не боюсь. (*Пауза.*) Я его обманул.

КЭТИ. Почему Джерри так часто не бывает дома? У нее же маленький ребенок. Почему?

БИЛЛ. Ш-ш-ш, Кэти. Мы почти приехали.

КЭТИ. Прибавь газу.

СНУ. АВТОМОБИЛЬ.

Билл прибавляет газу. Автомобиль несется пулей.

СВП. ГОСТИНАЯ В ДОМЕ УИДЕРМАНОВ.

Телевизор работает, дети в гостиной, но им не до возни и ссор.

КОННИ. Дэннис, ты думаешь с тетей Дон все в порядке?

ДЭННИС (*думает, что она мертва, ее расчленил маньяк*). Да. Я в этом уверен.

СВП. ТЕЛЕФОН, СЪЕМКА ВЕДЕТСЯ ИЗ ГОСТИНОЙ.

Висит на стене, клавиши не светятся, шнур напоминает змею, изготовившуюся к прыжку.

ЧАСТЬ 2

СНУ. ОДИНОКИЙ СЕЛЬСКИЙ ДОМ.

К нему ведет длинная подъездная дорожка. Свет горит только в гостиной. Фары освещают дорожку. Автомобиль Уидерманов подъезжает к гаражу и останавливается.

СВП. САЛОН АВТОМОБИЛЯ, БИЛЛ И КЭТИ.

КЭТИ. Я боюсь.

Билл наклоняется, достает из-под сиденья пистолет.

БИЛЛ (*важно*). Лучшее средство от испуга.

КЭТИ (*в полном изумлении*). И давно он у тебя?

БИЛЛ. С прошлого года. Я не хотел пугать тебя и детей. Лицензия у меня есть. Пошли.

СНУ. БИЛЛ И КЭТИ.

Они выходят из автомобиля. Кэти остается рядом, Билл идет к гаражу, заглядывает в щелочку.

БИЛЛ. Ее машина на месте.

КАМЕРА СЛЕДУЕТ ЗА НИМИ К ВХОДНОЙ ДВЕРИ. Теперь мы слышим, что в доме гремит телевизор. Билл нажимает на кнопку звонка. Из дома доносится звон. Они ждут. Кэти вновь жмет на кнопку звонка. Никакой реакции. Еще одна попытка, теперь она не убирает палец с кнопки. Билл смотрит на замок.

СНУ. ЗАМОК, СКП, ССП БИЛЛА.

На замке глубокие царапины.

СНУ. БИЛЛ И КЭТИ

БИЛЛ (*шепотом*). Замок пытались вскрыть.

Кэти смотрит, ахает. Билл толкает дверь. Она открывается. Громкость телевизора усиливается.

БИЛЛ. Держись за мной. Если что-то случится, сразу убегай. Господи, зачем только я взял тебя с собой, Кэти.

Он входит в дом, Кэти за ним, в ужасе, чуть не плача.

СВП. ГОСТИНАЯ ДОН И ДЖЕРРИ.

Мы видим только малую часть комнаты. Громко орет телевизор. Билл входит в гостиную с пистолетом наготове. Смотрит направо... и напряжение мгновенно покидает его. Он опускает пистолет.

КЭТИ (*из-за его спины*). Билл... что...

Он указывает.

СВП. ГОСТИНАЯ. ССП БИЛЛА И КЭТИ.

Впечатление, что по комнате пронесся ураган... но причина тому не ограбление или убийство, а здоровенький восемнадцатимесячный карапуз. Развороти гостиную, малыш устал, мама, видать, тоже устала, так что они вместе спят на диване. Малыш положил головку на колени Дон. На голове у нее наушники. Проводки тянутся к плейеру. На полу валяются игрушки вперемешку с книгами, которые малыш вытащил из шкафа. Одну из них даже изжевал. Билл поднимает книгу. «Поцелуй призрака».

БИЛЛ. Мне говорили, что люди проглатывают мои книги, но не в прямом же смысле.

Ему смешно. Кэти — нет. Она направляется к сестре, готовая учинить скандал... но видит, как утомлена Дон, и смягчается.

СВП. ДОН И МАЛЫШ, ССП КЭТИ

Оба крепко спят. Дыхание ровное, прямо-таки рафаэлевские Мадонна с младенцем. КАМЕРА НАЕЗЖАЕТ НА ПЛЕЙЕР, КП. Слышна музыка. «Хью Льюис и ньюс». КАМЕРА СМЕЩАЕТСЯ НА ТЕЛЕФОННЫЙ АППАРАТ. Он стоит на столике, трубка не снята с рычага, а чуть сдвинута. Ровно на столько, чтобы разорвать связь и до смерти перепугать родных.

СВП. КЭТИ.

Вздыхает, наклоняется, поправляет трубку. Потом нажимает кнопку «STOP» на плейере.

СВП. ДОН, БИЛЛ И КЭТИ.

Тишина будит Дон. Она открывает глаза, изумленно таращится на Билла и Кэти.

ДОН (*еще окончательно не проснувшись*). А... привет.

Вспоминает, что на голове наушники, и снимает их.

БИЛЛ. Привет, Дон.

ДОН (*по-прежнему сонно*). Вам бы позвонить. У меня такой бардак.

Она улыбается. Улыбка у нее замечательная.

КЭТИ. Мы пытались позвонить. Телефонистка сказала Биллу, что трубка снята с рычага. Я подумала, что-то случилось. Как ты можешь спать под гремящую музыку?

ДОН. Она успокаивает. (*Видит изжеванную книгу в руке Билла.*) О Господи, Билл, мне так жаль! У Джастина чешутся зубы, вот он...

БИЛЛ. Есть критики, которые сказали бы, что он сделал правильный выбор. Я не хочу пугать тебя, красотка, но кто-то вскрыл дверной замок отверткой или чем-то еще. Во всяком случае, он был открыт.

ДОН. Господи, да нет же! Это Джерри, на прошлой неделе. Я случайно захлопнула дверь, у него ключа не было, и запасной не лежал над дверью там, куда мы всегда его кладем. Он разозлился, потому что ему надо было пи-пи, и схватился за отвертку. Ничего у него не вышло, замок у нас крепкий. (*Пауза.*) А пока я нашла ключ, он уже сходил в кусты.

БИЛЛ. Если замок взломали, как мы могли войти?

ДОН (*виновато*). Ну... иногда я забываю запереть дверь.

КЭТИ. Ты не звонила мне сегодня, Дон?

ДОН. Господи, да нет же! Я никому не звонила! Потому что гонялась за Джастином. Он же все тянет в рот! А потом

устала, села на диван и решила послушать музыку, пока не начнется твой фильм, Билл. Но заснула...

При упоминании фильма Билл вздрагивает и смотрит на книгу. Потом на часы.

БИЛЛ. Я обещал Джеффу, что запишу фильм. Поехали, Кэти, мы как раз успеем.
КЭТИ. Одну секунду.

Она снимает трубку, набирает номер.

ДОН. Слушай, Билл, ты думаешь, Джеффи уже можно смотреть такие фильмы?
БИЛЛ. Это же телевидение. Самые кровавые сцены они вырежут.
ДОН (*в некотором недоумении*). Это хорошо.

СВП. КЭТИ, КП.

ДЭННИС (*искаженный голос*). Алле?
КЭТИ. Решила сообщить вам, что у тети Дон все в порядке.
ДЭННИС (*искаженный голос*). О! Отлично! Спасибо, мамик.

СВП. ТЕЛЕФОН НА СТЕНЕ, ДЭННИС И ОСТАЛЬНЫЕ.

У всех на лицах написано облегчение.

ДЭННИС. Тетя Дон в порядке.

СВП. САЛОН АВТОМОБИЛЯ, БИЛЛ И КЭТИ.

Какое-то время они едут молча.

КЭТИ. Ты думаешь, что я идиотка-истеричка, не так ли?
БИЛЛ (*с искренним удивлением*). Нет! Я сам испугался.
КЭТИ. Ты уверен, что не сердишься?

БИЛЛ. Наоборот, испытываю безмерное облегчение. (*Смеется.*) Она такая рассеянная, наша Дон, но я ее люблю.

КЭТИ (*наклоняется, целует его*). Я тебя люблю. Ты такой милый.

БИЛЛ. Я очень страшный.

КЭТИ. Меня ты не проведешь, дорогой.

СНУ. АВТОМОБИЛЬ.

ПРОЕЗЖАЕТ МИМО КАМЕРЫ, И МЫ ПЕРЕНОСИМСЯ В:

СВП. ДЖЕФФ, В КРОВАТИ.

В спальне темно. Одеяло натянуто до подбородка.

ДЖЕФФ. Ты обещаешь записать остальное?

КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ, МЫ ВИДИМ БИЛЛА, СИДЯЩЕГО НА КРОВАТИ.

БИЛЛ. Обещаю.

ДЖЕФФ. Мне особенно нравится то место, где мертвец отрывает голову панку-рокеру.

БИЛЛ. Ну... они вроде бы вырезали все кровавые сцены.

ДЖЕФФ. Что, папа?

БИЛЛ. Ничего. Я люблю тебя, Джефф.

ДЖЕФФ. Я тоже люблю тебя. Как и Рембо.

Джефф протягивает ему набивного дракона с очень миролюбивой мордой. Билл целует дракона, потом Джеффа.

БИЛЛ. Спокойной ночи.

ДЖЕФФ. Спокойной ночи. Я рад, что у тети Дон все в порядке.

БИЛЛ. Я тоже.

Он выходит.

СВП. ТЕЛЕВИЗОР, КП.

Человек, который выглядит так, словно погиб в автоаварии за две недели до съемок (и провел эти недели под жарким солнцем), вылезает из какой-то старой колымаги. КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ, чтобы показать Билла, отпускающего кнопку «PAUSE» на видеомагнитофоне.

КЭТИ (*голос*). Где мой страшный человек?

Билл поворачивается. КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ ДАЛЬШЕ, чтобы показать Кэти в очень сексуальной ночной рубашке.

БИЛЛ. Я пропустил первые сорок секунд после перерыва. Пришлось целовать Рембо.

КЭТИ. Ты уверен, что не злишься на меня?

Он подходит к ней, целует.

БИЛЛ. Разве можно злиться на такую женщину?

КЭТИ. Я могла поклясться, что это кто-то из моих. Ты меня понимаешь? Кто-то из моих близких.

БИЛЛ. Да.

КЭТИ. Я до сих пор слышу эти рыдания. Они просто рвут сердце...

БИЛЛ. Кейт, а тебе не случалось узнавать кого-то на улице, окликать, а когда человек оборачивался, выяснялось, что ты его в глаза не видела?

КЭТИ. Да, однажды. В Сиэтле. Я шла по торговому центру и подумала, что вижу мою соседку по студенческому общежитию. Я... да, я понимаю, о чем ты.

БИЛЛ. Само собой. Голоса тоже могут быть похожи.

КЭТИ. Но... *своих-то ты знаешь*. Раньше я в этом не сомневалась.

Она прижимается щекой к его плечу, на лице отражается тревога.

КЭТИ. Я была совершенно уверена, что это Полли...

БИЛЛ. Потому что постоянно думала о ней, волновалась, каково ей в новой школе... но, судя по тому, что она сегодня сказала, она там полностью освоилась. Теперь ты спокойна?

КЭТИ. Да... Пожалуй.

БИЛЛ. Давай об этом забудем, сладенькая.

КЭТИ (*пристально смотрит на него*). Ты выглядишь таким усталым. Тебе надо поскорее найти идею для новой книги.

БИЛЛ. Я стараюсь.

КЭТИ. Идешь спать?

БИЛЛ. Как только запишу фильм для Джеффа.

КЭТИ (*с улыбкой*). Билл, эта машина сделана японцами, которые все продумали. Она справится без твоего участия.

БИЛЛ. Да, но я давно не видел этот фильм, и...

КЭТИ. Ладно. Получи удовольствие. Думаю, я сразу не засну. (*Пауза.*) У меня тоже есть идеи.

БИЛЛ (*улыбается*). Правда?

КЭТИ. Правда.

Она уходит, демонстрируя стройность ног, у двери резко останавливается, словно вспомнив что-то очень важное.

КЭТИ. Если они покажут тот эпизод, где панку отрывают голову...

БИЛЛ (*виновато*). Я его вырежу.

КЭТИ. Спокойной ночи. И еще раз спасибо. За все.

Она уходит. Билл садится в кресло.

СВП. ТЕЛЕВИЗОР, КП.

Парочка обнимается в автомобиле. Внезапно мертвяк открывает дверь со стороны пассажирского сиденья, и тут же следует СМЕНА КАДРА:

СВП. КЭТИ, В ПОСТЕЛИ.

Темно. Она спит. Потом просыпается... почти.

КЭТИ (*сонно*). Эй, большой мальчик...

Протягивает руку, но его половина кровати пуста, покрывало не снято. Она садится. Смотрит на:

СВП. ЧАСЫ НА НОЧНОМ СТОЛИКЕ, ССП КЭТИ.

Они показывают 2:03. На наших глазах тройка сменяется четверкой.

СВП. КЭТИ.

Сон как рукой сняло. На лице тревога. Она встает, накидывает халат, выходит из спальни.

СВП. ЭКРАН ТЕЛЕВИЗОРА, КП.

Помехи.

КЭТИ (*с упреком в голосе*). Билл? Дорогой? Ты в порядке? Билл? Би...

СВП. КЭТИ, В КАБИНЕТЕ БИЛЛА.

Она застыла, как статуя, глаза широко раскрыты от ужаса.

СВП. БИЛЛ, В КРЕСЛЕ.

Полулежит, глаза закрыты, рука за пазухой. Дон спала. Билл — нет.

СНУ. ГРОБ ОПУСКАЮТ В МОГИЛУ.

СВЯЩЕННИК (*голос*). Мы предаем земле бренные останки Уильяма Уидермана, не испытывая тревоги за его душу. Спи с миром...

СНУ. У МОГИЛЫ.

Все Уидерманы. Кэти и Полли в одинаковых черных платьях и вуалях. Конни в черной юбке и белой блузе. Дэннис и Джефф в черных костюмах. Джефф плачет. Под мыш-

кой он держит дракона Рембо, который немного его успокаивает.

КАМЕРА НАЕЗЖАЕТ НА КЭТИ. Слезы медленно катятся по щекам. Она наклоняется и берет горсть земли. Бросает в могилу.

КЭТИ. Люблю тебя, большой мальчик.

СНУ. ДЖЕФФ.

Плачет.

СНУ. КАМЕРА НАД МОГИЛОЙ.

Земля на крышке гроба.
СМЕНА КАДРА:

СНУ. МОГИЛА.

МОГИЛЬЩИК УТРАМБОВЫВАЕТ ХОЛМИК.

МОГИЛЬЩИК. Моя жена говорит, что до сердечного приступа вы могли бы написать еще пару книг, мистер. (*Пауза.*) Сам-то я предпочитаю вестерны.

СМЕНА КАДРА:

СНУ. У ЦЕРКВИ.

ЗАСТАВКА: ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.

Играют СВАДЕБНЫЙ МАРШ. Полли, повзрослев, ослепительно красивая, выходит под дождь из риса. Она в свадебном платье. Рядом ее муж.

Участники праздничной церемонии, выстроившись с двух сторон, забрасывают молодоженов рисом. Следом за ними из церкви появляются близкие родственники жениха

и невесты. Среди них Кэти, Дэннис, Конни, Джефф... все на пять лет старше. С Кэти мужчина. Это Хэнк. За эти годы Кэти обзавелась новым мужем.

Полли оборачивается к матери.

ПОЛЛИ. Спасибо, мамик.

КЭТИ (*плача*). Куколка моя, мы так рады за тебя.

Они обнимаются. Полли отстраняется, смотрит на Хэнка. Короткая неловкая пауза, потом Полли обнимает и Хэнка.

ПОЛЛИ. И вам тоже спасибо, Хэнк. Вы уж меня извините, наверное, я была не права...

ХЭНК (*безмятежно*). Да ладно, Пол. У девочки может быть только один отец.

КОННИ. Бросай! Бросай!

После секундной паузы Полли бросает букет.

СНУ. БУКЕТ, ПК, ЗАМЕДЛЕННАЯ СЪЕМКА.

Вращается и вращается в воздухе.

СМЕНА КАДРА:

СВП. КАБИНЕТ, КЭТИ. ВЕЧЕР.

Фотографии на прежних местах, а вот персонального компьютера нет. Его заменила настольная лампа и стопка светокопий. На стенах вместо суперобложек фотографии зданий. Тех самых, которые вначале возникли в воображении Хэнка.

Кэти смотрит на стол, задумчивая и грустная.

ХЭНК (*голос*). Идешь спать, Кэти?

Она поворачивается, и камера показывает Хэнка. Он стоит в халате и пижаме. Она подходит к нему, обнимает, улыбается. В волосах появилась седина.

КЭТИ. Чуть позже. Не каждый день дочь выходит замуж, знаешь ли.

ХЭНК. Знаю.

Камера движется по кабинету. Ничего не изменилось. Те же кофейный столик, стереосистема, телевизор, видеомагнитофон, диван, кресло Билла. Кэти обводит все взглядом.

ХЭНК. Тебе по-прежнему его недостает, так?

КЭТИ. Иногда больше, чем обычно. Ты не знаешь, а Полли не помнит.

ХЭНК (*мягко*). Не помнит что?

КЭТИ. Полли вышла замуж в пятую годовщину смерти Билла.

ХЭНК (*обнимая Кэти*). Пойдем в постель, а?

КЭТИ. Чуть позже.

ХЭНК. Ладно. Может, я засну не сразу.

КЭТИ. Есть идеи?

ХЭНК. Возможно.

КЭТИ. Это хорошо.

Он целует ее, потом уходит, закрывая за собой дверь. Кэти садится в кресло Билла. Рядом, на кофейном столике, лежат дистанционный пульт управления телевизором и телефонный аппарат. КАМЕРА НАЕЗЖАЕТ на лицо Кэти. В уголке одного глаза поблескивает слезинка.

КЭТИ. Мне по-прежнему недостает тебя, большой мальчик. Сильно недостает. Каждый день. И знаешь что? Боль от утраты не уходит.

Слезинка скатывается по щеке. Кэти берет пульт, нажимает на кнопку.

СВП. ТЕЛЕВИЗОР. ССП КЭТИ.

Рекламный ролик «Ножей Гинсу» сменяет заставка «КИНОФИЛЬМ».

ДИКТОР (*голос*). Сегодня канал 63 показывает... «Поцелуй призрака».

Заставку сменяет человек, который выглядит так, словно погиб в автоаварии за две недели до съемок (и провел эти недели под жарким солнцем). Он вылезает из той же старой колымаги.

СВП. КЭТИ.

На лице Кэти отражается ужас. Она нажимает кнопку «Off» на пульте. Экран гаснет.

У Кэти трясутся губы. Она пытается взять себя в руки, но ничего не может с собой поделать. Похоже, этот фильм показывают, когда в ее жизни происходят самые важные события, и радостные, и печальные. Из груди вырываются рыдания. Она тянется к столику, чтобы положить на него пульт дистанционного управления, но неловким движением сбрасывает телефонный аппарат на пол.

ЗВУК: НЕПРЕРЫВНЫЙ ГУДОК СВОБОДНОЙ ЛИНИИ.

Кэти не отрываясь смотрит на телефон. Какая-то мысль зреет у нее в голове. А может, ее осенило? Трудно сказать. Да это и не важно.

СВП. ТЕЛЕФОННЫЙ АППАРАТ, ССП. КЭТИ.

КАМЕРА НАДВИГАЕТСЯ НА ТРУБКУ. СКП. ДЫРОЧКИ НАД МИКРОФОНОМ КАЖУТСЯ ПЕЩЕРАМИ.

НЕПРЕРЫВНЫЙ ГУДОК ВСЕ ГРОМЧЕ.

ТЕМНОТА... и

БИЛЛ (*голос*). Кому ты звонишь? Кому ты хочешь позвонить? Кому бы ты позвонила, если бы не было так поздно?

СВП. КЭТИ.

Ее словно загипнотизировали. Она медленно нагибается, берет телефонный аппарат, нажимает кнопки, вроде бы безо всякой системы.

ЗВУК: ДЛИННЫЕ ГУДКИ.

Лицо Кэти по-прежнему напоминает маску. До того мгновения, пока на другом конце провода не снимают трубку и... из телефона слышится ее голос.

КЭТИ (*искаженный голос*). Добрый вечер, резиденция мистера Уидермана.

Кэти... нынешняя Кэти, вновь начинает рыдать, но на ее лице внезапно отражается надежда. На каком-то уровне подсознания она понимает, что глубина ее горя позволила ей осуществить телефонное путешествие во времени. Она пытается говорить, продавить слова сквозь рыдания.

КЭТИ (*рыдая*). Отвезите... пожалуйста, отвезите...*

СВП. КЭТИ, У НАСТЕННОГО ТЕЛЕФОНА, ПОВТОР.

Пятью годами раньше. Билл стоит рядом, с озабоченным лицом. Джефф уходит в другую комнату за чистой видеокассетой.

КЭТИ. Полли? Это ты? Что случилось?

КЭТИ, В СТУДИИ.

КЭТИ (*рыдая*). Пожалуйста... быстрее...

---

* В английском языке глагол take имеет много значений, в том числе увозить и отвозить. Решив, что звонит Полли, Кэти (из прошлого) думает, что дочь умоляет родителей забрать ее из школы. Кэти из настоящего (с сединой), конечно же, просит отвезти Билла в больницу.

ЗВУК: ЩЕЛЧОК! Связь обрывается.

КЭТИ (*кричит*). Отвезите его в больницу! Если вы хотите, чтобы он жил, отвезите его в больницу! У него вот-вот будет сердечный приступ! Он...

ЗВУК: ГУДКИ ОТБОЯ.

Медленно, очень медленно Кэти кладет трубку на рычаг. Потом, минуту спустя, вновь снимает ее. Потом говорит, возможно, даже не слыша своих слов.

КЭТИ. Я набрала старый номер. Я набрала...

СМЕНА КАДРА.

СВП. БИЛЛ ДЕРЖИТ В РУКЕ ТРУБКУ. КЭТИ РЯДОМ.

Он говорит с телефонисткой.

ТЕЛЕФОНИСТКА (*искаженный голос, хихикает*). ...Обещаю, что никому его не дам.
БИЛЛ. 555 —

СМЕНА КАДРА.
СВП. КЭТИ В КРЕСЛЕ БИЛЛА, КП.

КЭТИ (*заканчивает за Билла*). — 4408.

СВП. ТЕЛЕФОННЫЙ АППАРАТ, КП.

Дрожащим пальцем Кэти набирает номер: 555—4408.

СВП. КЭТИ, В КРЕСЛЕ БИЛЛА, КП.

Она закрывает глаза, когда телефон начинает звонить. На ее лице читаются надежда и страх. Если бы только она

получила еще один шанс передать это важное сообщение, один-единственный шанс.

КЭТИ (*шепотом*). Пожалуйста... пожалуйста...

ГОЛОС АВТООТВЕТЧИКА (*искаженный*). Вы набрали неработающий номер. Пожалуйста, положите трубку и вновь наберите номер. Если вам нужна помощь...

Кэти опять кладет трубку. По щекам бегут слезы. КАМЕРА НАЕЗЖАЕТ на телефонный аппарат.

СВП. У НАСТЕННОГО ТЕЛЕФОНА КЭТИ И БИЛЛ, ПОВТОР.

БИЛЛ. Значит, звонил какой-то псих. Или кто-то от волнения неправильно набрал номер... «Сквозь пелену слез», как мы частенько пишем в книгах.

КЭТИ. Звонил не псих, и номер набрали правильный! Я уверена, что звонил кто-то из моих самых близких родственников!

СВП. КЭТИ (В НАСТОЯЩЕМ) В КАБИНЕТЕ БИЛЛА.

КЭТИ. Да. Кто-то из моих самых близких родственников. (*Пауза.*) Я.

Она швыряет телефон на пол. Вновь начинает рыдать, закрывает лицо руками. Камера на мгновение задерживается на ней, потом скользит по комнате к...

СВП. ТЕЛЕФОН.

Он лежит на ковре, совершенно безобидный и при этом зловещий. Камера наезжает на него до СКП... дырочки над микрофоном вновь превращаются в пещеры. Мы смотрим на них, потом...

ВСЕ ПОГРУЖАЕТСЯ В ТЕМНОТУ.

ПЕРЕКУРЩИКИ

1

Пирсон попытался закричать, но шок лишил его дара речи, и из горла вырвался лишь сдавленный хрип — так иной раз стонут во сне. Он набрал полную грудь воздуха, чтобы предпринять вторую попытку, но чьи-то пальцы, как железные щипцы, сжали его левую руку повыше локтя.

— Это будет ошибкой, — послышался настойчивый голос у левого уха. Не голос — шепот. — Серьезной ошибкой. Можете мне поверить.

Пирсон обернулся. Существо, которое вызвало желание, нет, потребность, закричать, уже исчезло в банке, как это ни странно, никем не замеченное, и Пирсон смог обернуться. За руку его держал симпатичный молодой негр в кремовом костюме. Пирсон не был с ним знаком, но узнал, как узнал бы и любого другого представителя странного маленького племени, которое он называл перекурщиками (все они собирались у здания банка дважды в день, в десять утра и в три часа дня)... он полагал, что остальные точно так же узнавали и его.

Симпатичный молодой негр пристально смотрел на него.

— Вы видели? — спросил Пирсон. Нервным, визгливым фальцетом, столь непохожим на его обычно размеренную речь.

© Перевод. Вебер В.А., 2000.

Симпатичный молодой негр отпустил руку Пирсона, как только убедился, что тот не собирается оглашать дикими криками площадь перед Первым торговым банком Бостона. Пирсон тут же схватил молодого негра за запястье. Будто не мог жить, не ощущая живого тепла другого человека. Симпатичный молодой негр не возражал. Разве что посмотрел на руку Пирсона, прежде чем вновь встретиться с ним взглядом.

— Вы видели? — повторил Пирсон. — Ужасно! Даже если это грим... или маска, которую кто-то нацепил ради шутки...

Но, конечно же, такое объяснение, как грим или маска, не выдерживало критики. Существо в темно-сером костюме от Андре Сира и туфлях за пятьсот долларов прошло совсем рядом, так близко, что Пирсон мог бы к нему прикоснуться (*не дай Бог*, мгновенно отреагировал его мозг, а по телу пробежала дрожь), и он знал, ни о гриме, ни о маске не могло быть и речи. Потому что кожа на громадном выступе, который, как полагал Пирсон, заменял чудовищу голову, пребывала в постоянном движении, различные части выступа двигались в разных направлениях, как кольца экзотических газов, вращающиеся вокруг гигантской планеты.

— Дружище, — начал симпатичный молодой негр в кремовом костюме, — вам надо...

— Что это было? — оборвал его Пирсон. — Я никогда не видел ничего подобного. Такое можно увидеть только... только в фильме ужасов... или... или...

Голос исходил не из привычного места в голове. Его источник теперь располагался где-то в вышине, будто он сам провалился в глубокую расселину, а голос, неприятный, пронзительный, принадлежал кому-то еще, человеку или некоему существу, расположившемуся над ним.

— Послушайте, друг мой...

Если бы все ограничилось только голосом. Несколько минут назад, когда Пирсон вышел через вращающуюся дверь с «Мальборо» в руке, он отметил, что день очень мрачный, похоже, собирается дождь. А теперь все стало не просто ярким, а суперярким. Красная юбка миловидной блондинки,

которая стояла футах в пятидесяти от двери (она курила и читала книгу), слепила глаза, как только что вымытая пожарная машина. Желтая рубашка проходящего мимо курьера превратилась во второе солнце. Лица людей обрели небывалую четкость, стали такими же, как на картинках в детских книжках, которые любила читать его ненаглядная Дженни.

И его губы... он не чувствовал губ. Они онемели, как случалось после укола новокаина.

— Глупо, конечно, — признался Пирсон симпатичному молодому негру, — но я сейчас грохнусь в обморок.

— Нет, не грохнетесь. — Безапелляционность тона заставила Пирсона в это поверить, хотя бы временно. А пальцы симпатичного молодого негра вновь ухватили его за руку, пусть и не так крепко. — Пойдемте сюда... вам надо сесть.

Широкую площадь перед банком украшали мраморные островки высотой три фута, на каждом из которых высаживали цветы. Бордюры этих клумб и облюбовали перекурщики. Кто-то читал, кто-то разговаривал, кто-то просто разглядывал бесконечный поток пешеходов на Торговой улице, но параллельно все они занимались одним делом, которое объединяло их, ради которого Пирсон спускался вниз и выходил под открытое небо. На мраморном островке, ближайшем к Пирсону и его новому знакомому, росли астры, и их пурпур буквально бил по глазам. Бордюр пустовал, возможно, потому, что часы уже показывали десять минут четвертого, и народ потянулся к рабочим местам.

— Присядьте. — Молодой негр в кремовом костюме указал на бордюр. Пирсон попытался сесть, но скорее рухнул на мрамор. То есть только что он стоял у красновато-коричневого бордюра, а потом колени у него подогнулись, и он плюхнулся задницей на холодный камень. Приложился так, что боль стрельнула в позвоночник.

— Согнитесь, — скомандовал молодой человек, устроившись рядом. Лицо его оставалось доброжелательным, а вот взгляд тревожно блуждал по площади.

— Зачем?

— Чтобы кровь прилила к голове, — ответил молодой негр. — Но сделайте вид, что сгибаетесь не для этого. Прикиньтесь, что нюхаете цветы.

— Прикидываться для кого?

— Делайте, что вам говорят. — В голосе послышались нетерпеливые нотки.

Пирсон согнулся, глубоко вдохнул. Выглядели цветы хорошо, а вот пахли, как он выяснил, не очень, собачьей мочой. Однако в голове у него начало проясняться.

— Начните перечислять штаты, — приказал молодой негр. Он положил ногу на ногу, поправил брючину, чтобы не мять стрелку, достал из внутреннего кармана пачку «Уинстона». Только тут Пирсон понял, что его сигарета куда-то подевалась. Должно быть, он выронил ее в тот самый момент, когда увидел, как чудовище в дорогом темно-сером костюме пересекало площадь.

— Штаты, — тупо повторил он.

Молодой негр кивнул, достал зажигалку, которая на первый взгляд выглядела гораздо дороже той цены, которую он за нее заплатил, закурил.

— Выберите любой и двигайтесь на запад.

— Массачусетс... Нью-Йорк... а может, Вермонт... смотря откуда смотреть... Нью-Джерси. — Он распрямился, уверенности в голосе прибавилось. — Пенсильвания, Западная Виргиния, Огайо, Иллинойс...

Молодой негр изогнул бровь:

— Значит, Западная Виргиния? Вы уверены?

Пирсону даже удалось улыбнуться.

— Да, конечно. Правда, я мог поменять местами Огайо и Иллинойс.

Негр пожал плечами, показывая, что не так это и важно, тоже улыбнулся.

— Зато вы больше не собираетесь падать в обморок, я вижу, что не собираетесь, а это главное. Хотите покурить?

— Спасибо, — с благодарностью ответил Пирсон. Он не просто хотел покурить, чувствовал, что умрет, если не покурит. — Я спустился вниз с сигаретой, но где-то потерял ее. Как вас зовут?

Негр сунул Пирсону в рот сигарету, чиркнул зажигалкой.

— Дадли Ринеманн. Можете звать меня Дьюк.

Пирсон глубоко затянулся, посмотрел на вращающуюся дверь, уводящую в глубины Первого торгового банка.

— Это не галлюцинация? Вы видели то же, что я, так?

Ринеманн кивнул.

— Вы не хотели, чтобы он понял, что я увидел его, — говорил Пирсон медленно, словно учился заново составлять из слов фразы. Но зато своим обычным голосом. Это радовало.

Ринеманн вновь кивнул.

— Но как я мог не увидеть его? И откуда он мог знать, что я его не вижу?

— А вы заметили на площади хоть одного человека, с которым, как с вами, чуть не случилась истерика? — спросил Ринеманн. — У кого-нибудь глаза лезли на лоб, как у вас? У меня, например?

Пирсон покачал головой. Он не испугался — пребывал в полном замешательстве.

— Я встал между ним и вами и не думаю, что он вас заметил, но чувствую, что успел в последнюю секунду. Выглядели вы как человек, увидевший мышь, которая выползла из его куска мясного рулета. Вы работаете в кредитном отделе, не так ли?

— О да... Брендон Пирсон. Извините.

— А я — в компьютерном обеспечении. И не волнуйтесь. Первая встреча с бэтменом — всегда потрясение.

Дьюк Ринеманн протянул руку, Пирсон ее пожал, но думал он о другом. *Первая встреча с бэтменом — всегда потрясение.* Пирсон попытался вызвать в памяти образ страшилища и понял, что название во многом ему соответствует. Открыл он для себя и еще одну истину, а может, не открыл, а просто вспомнил вновь: если дать имя, прозвище, название тому, что пугает тебя, сразу становится легче. Конечно же, полностью испуг не прошел, но уже не сводил с ума.

И теперь, возвращаясь к увиденному, он думал: *Бэтмен, то был мой первый бэтмен.*

* * *

Он выходил из вращающейся двери с одной мыслью, той самой, которая посещала его в десять утра каждый рабочий день: как же это приятно, когда первая порция никотина впрыскивается в мозг. Глоток никотина в десять утра свидетельствовал о его принадлежности к племени, как какой-нибудь амулет или татуировка на щеках.

Выйдя за дверь, Пирсон отметил, что на улице стало темнее, чем в восемь сорок пять, когда он входил в здание Первого торгового банка, и подумал: *Во второй половине дня нам всем придется попыхивать раковыми палочками под проливным дождем.* Но дождь, разумеется, не смог бы их остановить. Перекурщиков отличали воля и характер.

Он помнил, как оглядел площадь, автоматически, не задумываясь над тем, что делает. Увидел девушку в красной юбке (как всегда задался вопросом, хороши ли в постели те, кто так эффектно выглядит), молодого длинноволосого уборщика с третьего этажа, который носил бейсболку козырьком назад, когда мыл пол в туалете и баре-закусочной, пожилого мужчину с великолепной седой шевелюрой и лиловыми прожилками на щеках, молодую женщину в очках с толстыми линзами и прямыми черными волосами. Узнал и остальных, благо видел их на площади каждый день по два раза. В том числе, естественно, и симпатичного молодого негра в кремовом костюме.

Если бы Тимми Фландерс вышел на перекур, Пирсон, конечно же, подошел бы к нему, но Фландерса не было, поэтому Пирсон двинулся к центру площади, намереваясь устроиться на одном из мраморных островков (собственно, том самом, на котором он сейчас и сидел). Эта позиция позволяла всесторонне оценить и длину ног, и округлости девушки в красной юбке. Пустячок, конечно, но приятный. Он любил жену, обожал дочь, даже близко не подходил к тому, чтобы завести с кем-нибудь роман, но до сорока оставалось совсем ничего, и он начал открывать в себе много интересного. С другой стороны, он не мог понять мужчину, который смотрел на такую красную юбку и не задавался вопросом, а какого цвета под ней белье.

Но не успел сделать пары шагов, как кто-то обогнул угол здания и по плитам площади двинулся к вращающейся двери. Пирсон уловил это движение уголком глаза, и при обычных обстоятельствах на том бы и успокоился, поскольку главным образом его занимала красная юбка и та часть тела, которую она облегала. Но на этот раз он повернул голову, потому что даже боковым зрением уловил что-то необычное в лице и голове приближающейся фигуры. Повернул голову, посмотрел и лишился сна бог знает на сколько ночей.

Туфли особых эмоций не вызвали, темно-серый костюм от Андре Сира, выглядевший как добротная дверь банковского сейфа, а то и лучше, тоже. Красный галстук выглядел несколько вызывающе, но в рамках дозволенного. В общем, обычный наряд высшего банковского чиновника, следующего к своему рабочему месту в понедельник утром (а кто еще, кроме руководства банка, мог позволить себе появиться на работе в десять утра?). И лишь когда в поле зрения попала голова, Пирсон понял, что он или сошел с ума, или видит что-то такое, чего не найти на страницах «Всемирной энциклопедии».

Но почему никто не побежал? — гадал Пирсон, когда первая капля дождя упала на тыльную сторону его ладони, а вторая — на белую бумагу недокуренной сигареты. *Все должны были разбежаться с громкими криками, в фильмах ужаса пятидесятых годов люди разбегались от гигантских жуков.* Тут же пришла другая мысль: *Но тогда... я ведь тоже не побежал.*

Чистая правда, но не вся. Он не побежал, потому что остолбенел. Он *пытался* закричать, и его новый друг удержал его от крика аккурат перед тем, как он вновь обрел контроль за голосовыми связками.

Бэтмен. Мой первый бэтмен.

Над широкими плечами самого модного в этом году делового костюма и узлом красного галстука возвышалась огромная серовато-коричневая голова, не круглая, скорее, бесформенная, похожая на бейсбольный мяч, по которому целый сезон дубасили битой. Черные полоски, наверное,

вены, пульсируя, извивались под кожей. Та часть головы, которую у человека занимало лицо, таковым не было (разумеется, по человеческим меркам), — она бугрилась какими-то наростами, которые постоянно дрожали и дергались, словно жили своей, отличной от всего остального жизнью. А вот знакомые черты сгрудились и лишь отдаленно напоминали человеческие. Плоские черные глаза, идеально круглые, смотрели из самой середины, словно глаза акулы и какого-то расплющенного насекомого. Уши лишились и мочек, и раковин. Носа, как представлял себе нос Пирсон, не было вовсе, хотя имелись два бивнеобразных выступа, торчащих из поросли блестящих волос чуть пониже глаз. А большую часть лица существа занимал рот — огромный черный полумесяц, обрамленный треугольными зубами. Для существа с таким ртом, позже подумал Пирсон, прием пищи наверняка возведен в ранг священнодействия.

Это Человек-слон, такая мысль сверкнула у него в голове, когда он впервые разглядел это чудище, чудище, несущее в холеной руке дорогой кожаный брифкейс от Болли. Но теперь-то он понимал, что тварь не имела ничего общего с уродом из старого фильма, уродом, но тем не менее человеком. Дьюк Ринеманн нашел несравненно более точное сравнение: эти черные глазки, этот большущий рот, конечно же, вызывал ассоциации с волосатыми, попискивающими существами, которые ночами гонялись за мухами, а дни проводили в темных местах, повиснув вниз головой.

Но причина, побуждавшая его закричать, заключалась не в этом. Потребность эта возникла уже после того, как существо в костюме от Андре Сира прошло мимо, уставившись яркими, круглыми глазками на вращающуюся дверь. И когда оно находилось совсем рядом, на секунду-другую, Пирсон увидел, как под густыми грубыми волосами движется лицо, на котором они росли. Как такое могло быть, он не знал, но видел это своими глазами, видел, как кожа перемещается относительно щетины. А в зазоре между ними заметил какую-то розовую субстанцию, о которой не хотелось и думать... однако теперь, когда он это вспомнил, он просто не мог думать ни о чем другом.

* * *

Новые капли дождя падали на его лицо и руки. Ринеманн, сидевший рядом на мраморном бордюре, последний раз затянулся, отбросил окурок, встал.

— Пойдемте. Начинается дождь.

Пирсон глянул на него широко раскрытыми глазами, потом посмотрел на банк. Блондинка в красной юбке, с книгой под мышкой, как раз входила во вращающуюся дверь. За ней следовал (и разглядывал ее во все глаза) старичок с роскошной седой шевелюрой.

Пирсон вновь перевел взгляд на Ринеманна:

— Идти в банк? Вы серьезно? Эта *тварь* вошла туда!

— Я знаю.

— Хотите услышать полный бред? — Пирсон отбросил сигарету. Он не мог сказать, куда он сейчас пойдет, домой или куда-то еще, но точно знал одно место, куда не ступит его нога: он ни при каких обстоятельствах не собирался входить в здание Первого торгового банка Бостона.

— Конечно, — кивнул Ринеманн. — Почему нет?

— Эта тварь очень напоминала нашего уважаемого правляющего, Дугласа Кифера... если, конечно, не смотреть на голову. Те же предпочтения в костюмах и брифкейсах.

— Как вы меня удивили, — усмехнулся Дьюк Ринеманн.

Пирсон всмотрелся в молодого негра.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я думал, вы уже поняли, но, видать, шок был слишком силен, поэтому придется вам все разжевать. Это и *был* Кифер.

Пирсон неуверенно улыбнулся. Лицо Ринеманна осталось серьезным. Он встал, схватил Пирсона под локти, потянул на себя, пока их лица не разделили несколько дюймов.

— Только я спас вашу жизнь. Вы в это верите, мистер Пирсон?

Пирсон обдумал вопрос и понял, что да, верит. Перед его мысленным взором мелькнуло это жуткое лицо, действительно похожее на увеличенную мордочку летучей мыши, с черными глазками и огромной зубастой пастью.

— Да, полагаю, что да.

— Хорошо. Тогда выслушайте внимательно то, что я вам сейчас скажу. Готовы?

— Да... конечно.

— Первое: это был Дуглас Кифер, управляющий Первым торговым банком Бостона, близкий друг мэра и, так уж вышло, почетный председатель фонда, собирающего средства для Бостонской городской больницы. Второе: в банке работают по меньшей мере еще три бэтмена, один — на вашем этаже. И третье: вы должны вернуться на работу. Разумеется, если хотите жить.

Пирсон молча таращился на него. Ответить не мог, если бы попытался, с губ сорвалось бы что-то нечленораздельное.

Ринеманн взял его под руку и увлек к вращающейся двери.

— Пошли, дружище. — Голос звучал предельно доброжелательно. — Дождь-то сильный. Если останемся здесь, то привлечем к себе внимание. А мы такого себе позволить не можем.

Пирсон поначалу шел в ногу с Ринеманном, затем ему вдруг вспомнилось переплетение черных линий, которые пульсировали на голове существа, и остановился как вкопанный перед самой дверью. Гладкая поверхность площади уже достаточно намокла, чтобы превратиться в зеркало, в котором у него под ногами появился еще один Пирсон, правда, другого цвета, повисший на его каблуках, как летучая мышь.

— Я... я не смогу, — заикаясь, выдавил он из себя.

— Сможете. — Ринеманн взглянул на левую руку Пирсона. — Я вижу, вы женаты... есть дети?

— Один ребенок. Дочь. — Пирсон всматривался в холл. Тонированные стекла двери погружали его в темноту. *Как пещера*, подумал он. *Пещера, кишащая летучими мышами.*

— Вы хотите, чтобы ваши жена и дочь прочли в завтрашней газете сообщение о том, что копы выловили из Бостонской бухты их папочку с перерезанным горлом?

Пирсон опять вытаращился на Ринеманна. Капли дождя падали на его лоб, щеки.

— Они все обставляют так, будто это дело рук наркоманов. И у них получается. Всегда получается. Потому что они умны и у них много друзей во властных структурах. Черт, да они так и лезут во власть.

— Я вас не понимаю. Я вас совершенно не понимаю.

— Знаю, что не понимаете, — ответил Ринеманн. — Ваша жизнь сейчас висит на волоске, поэтому делайте то, что я вам говорю. А говорю я следующее: возвращайтесь за свой стол до того, как вас начнут разыскивать, и остаток дня проведите с улыбкой на лице. В улыбку вцепитесь намертво, не позволяйте ей сползти с лица, что бы вы ни увидели. — Помявшись, он добавил: — Если выдадите себя, вас скорее всего убьют.

Дождь уже струйками скатывался с гладкого чернокожего лица молодого человека, и тут Пирсон наконец-то узрел то, что мог заметить с самого начала, если б не шок: этот негр в ужасе, он сильно рискует, оберегая Пирсона от западни, в которую тот мог так легко угодить.

— Я не могу оставаться под дождем, — продолжил Ринеманн. — Это опасно.

— Хорошо. — Пирсон удивился, услышав свой ровный голос. — Пойдемте работать.

На лице Ринеманна отразилось облегчение.

— Молодец. И что бы вы сегодня ни увидели, *не выказывайте удивления*. Вы меня поняли?

— Да, — ответил Пирсон, хотя он ничего не понимал.

— Вы сможете уйти пораньше, часа в три?

Пирсон задумался, потом кивнул.

— Да. Думаю, что смогу.

— Хорошо. Встретимся на углу Молочной улицы.

— Договорились.

— Вы отлично держитесь, — похвалил его Ринеманн. — Все у вас будет в порядке. Увидимся в три.

Он толкнул вращающуюся дверь, последовал за ней. Пирсон вошел в следующий сегмент, с таким ощущением, что рассудок его остался на площади... за исключением одной его части, которая жаждала еще одной сигареты.

День тянулся как резина, но все в принципе шло нормально. Пока он не вернулся после ленча (и двух выкуренных сигарет) с Тимом Фландерсом. Они вышли из лифта на третьем этаже, и первым делом Пирсон увидел еще одного бэтмена, вернее, бэтменшу, в туфельках из черной кожи, черных колготках и сшитом по фигуре твидовом костюме, как предположил Пирсон, от Сэмюэля Блу. Идеальный наряд деловой женщины... да только голова над костюмом не имела ничего общего с человеческой.

— Привет, господа. — Мелодичный голос донесся из глубин дыры, которая заменяла существу рот.

Это же Сюзанн Холдинг, подумал Пирсон. *Такого просто быть не может, но это она.*

— Привет, Сюзи, дорогая, — услышал он свой голос и подумал: *Если она подойдет ближе... если коснется меня... Я закричу. Я ничего не смогу с собой поделать, что бы ни говорил мне Ринеманн.*

— С тобой все в порядке, Бренд? Что-то ты бледный.

— Наверное, простуда, которая достает сейчас всех. — Он дивился естественности своего голоса. — Я думаю, что беру над ней верх.

— Это хорошо. — Контральто Сюзанн Холдинг никак не вязалось с ее мышеподобной мордой. — Значит, пока ты не поправишься, никаких французских поцелуев. Даже не вздумай дыхнуть на меня. Я сейчас болеть не могу. В среду приезжают японцы.

Никаких проблем, дорогая, абсолютно никаких проблем, можешь мне поверить. Не дышать — так не дышать. Проживем и без поцелуев.

— Я постараюсь сдержаться.

— Спасибо. Тим, тебя не затруднит зайти ко мне в кабинет и взглянуть на финансовые сводки?

Тимми Фландерс обнял рукой талию сексуально-строгого костюма от Сэмюэля Блу и прямо на глазах Пирсона наклонился и чмокнул волосатую, бугристую морду. *Тимми-то видит гладкую щечку*, подумал Пирсон и почувствовал, что у него едет крыша. *Гладкую, надушенную щечку — вот*

что он видит, именно так, и пребывает в полной уверенности, что ее-то он и целует. Боже мой. Боже!

— Вот так, — воскликнул Тимми, галантно поклонился бэтменше. — Один поцелуй, и я — ваш покорный слуга, милостивая леди!

Он подмигнул Пирсону и увлек чудище к ее кабинету. А когда они проходили мимо фонтанчика питьевой воды, убрал руку с талии. Короткий и ничего не значащий ритуал, возникший за последние десять лет в тех местах, где боссом была женщина, а ее замом — мужчина, завершился, теперь они вновь стали коллегами, лишенными пола, и разговаривали только о сухих цифрах.

Блестящий анализ, Бренд, похвалил себя Пирсон, отворачиваясь от них. *Тебе следовало податься в социологи.*

А ведь мог податься. В колледже его вторым предметом, после банковского дела, была социология.

Входя в кабинет, он вдруг осознал, что все его тело покрывает тонкая пленка пота. Пирсон сразу забыл о социологии, сосредоточившись на том, как бы дотянуть до трех часов.

В два сорок пять он зажал волю в кулак и сунулся в кабинет Сюзанн Холдинг. Головой-астероидом она наклонилась к компьютеру, но повернулась, стоило ему сказать: «Тук-тук». Волосатый покров на ее лице-морде непрерывно шевелился, черные глазки разглядывали его с холодным любопытством акулы, изучающей ногу пловца.

— Я отдал Баззу Картейру четвертую форму по корпоративным займам. Девятую форму по индивидуальным ссудам, если не возражаешь, я возьму домой. Дискеты останутся у меня на столе.

— То есть ты хочешь сказать, что отправляешься в самоволку? — Черные вены вздулись на ее лысом черепе, бугорки на морде подрагивали, и Пирсон увидел, что из одного из них выдавливается густая розовая субстанция, похожая на окрашенный кровью крем для бритья.

Он заставил себя улыбнуться.

— Ты меня поймала.

— Ладно, оргию, назначенную на четыре часа, придется провести без тебя.

— Спасибо, Сюз. — Он повернулся.

— Бренд?

Он вновь посмотрел на нее, страх и отвращение слились в яркую вспышку паники, теперь-то он не сомневался, что черные глазки видят его насквозь и существо, маскирующееся под Сюзанн Холдинг, сейчас скажет ему: *Хватит нам играть в эти детские игры. Войди и закрой за собой дверь. И мы поглядим, каков ты на вкус.*

Ринеманн подождет-подождет и отправится по своим делам. *Возможно*, подумал Пирсон, *он и поймет, что произошло. Возможно, все это он уже видел.*

— Да? — спросил он, пытаясь изобразить улыбку.

Она молча смотрела на него, долгим оценивающим взглядом, чудовищная голова над женским телом, затянутым в сексуальный деловой костюм.

— Во второй половине дня ты выглядишь получше. — Черные глазки, такие же, как у забытой под кроватью куклы, не отрывались от него, пасть оставалась открытой, но Пирсон не сомневался в том, что все остальные видели Сюзанн Холдинг, улыбающуюся одному из своих подчиненных и всем своим видом выказывающую озабоченность его здоровьем. Не материнскую, конечно, но озабоченность.

— Это точно. — Тут он решил подлить энтузиазма. — Простуду как рукой сняло.

— Ну что ж, теперь нам осталось только отучить тебя курить.

— Я постараюсь. — Он выдавил из себя смешок. Из бугра на морде вновь поперла розовая субстанция. *Отпусти меня*, подумал он. *Отпусти меня, уродина, дай мне уйти до того, как я начну визжать, словно резаный.*

— Тогда у тебя автоматически увеличится сумма страховки, знаешь ли, — пояснило чудовище. В этот момент с едва слышным хлопком вскрылось еще одно из вздутий и начало сочиться розовой гадостью.

— Я знаю. Подумаю, Сюзанн. Честное слово.

— Обязательно подумай, — ответила бэтменша и вновь повернулась к компьютеру.

Парсон остолбенел от свалившегося на него счастья: он пережил этот разговор.

К тому времени, когда Парсон вышел из банка, дождь лил как из ведра, но перекурщики все равно высыпали на площадь и, сбившись в кучку, занимались привычным делом. Мисс Красная Юбка и уборщик, которому нравилось носить бейсболку козырьком назад, укрылись под развернутым номером «Бостон глоуб». Места не хватало, с боков их заливал дождь, но Пирсон все равно позавидовал уборщику. Маленькая мисс Красная Юбка душилась «Джорджо», он несколько раз улавливал этот аромат в кабине лифта, а при движениях так приятно шуршала колготками, если задевала одной ногой о другую.

О чем ты, черт побери, думаешь? — сурово спросил он себя и тут же ответил на этот вопрос: *Стараюсь остаться в здравом уме. Или кто против?*

Дьюк Ринеманн стоял за углом, под навесом цветочного магазина, ссутулившись, с сигаретой в уголке рта. Пирсон нырнул под навес, взглянул на часы и решил, что может еще потерпеть. Однако чуть наклонился вперед, чтобы вдохнуть дымок ринеманновской сигареты. Автоматически, даже не подумав об этом.

— Мой босс — одна из них, — сообщил он Ринеманну. — Если, конечно, Дуглас Кифер не из тех монстров, которые любят переодеваться.

Ринеманн криво усмехнулся, но промолчал.

— Вы говорили, что в банке еще три бэтмена. Кто остальные?

— Дональд Файн. Вы его, наверное, не знаете. Он из отдела ценных бумаг. И Карл Гросбек.

— Карл... Председатель совета директоров? Боже!

— Я же вам говорил. Эти ребята рвутся в коридоры власти... Эй, такси!

Он выскочил из-под навеса, замахал рукой, останавливая бордово-белый автомобиль. Водитель резко свернул к тротуару, окатив его водой. Ринеманн шустро отпрыгнул, а Пир-

сону плесканула и на туфли, и на брючины. Впрочем, он этого и не заметил, потому что занимало его совсем другое. Он открыл дверцу, Ринеманн нырнул на заднее сиденье. Пирсон последовал за ним, захлопнул за собой дверцу.

— Паб «Галлахер», — сказал Ринеманн. — Напротив...

— Я знаю, где находится паб «Галлахер», — прервал его водитель, — но мы не сдвинемся с места, пока вы не выбросите раковую палочку, друг мой. — И он постучал пальцем по табличке поверх таксометра: «В САЛОНЕ КУРЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО».

Мужчины переглянулись. Ринеманн пожал плечами, где-то с 1990 года этот знак стал ритуальным для племени перекурщиков. А затем, без единого слова, опустил стекло и выбросил выкуренную на четверть сигарету в проливной дождь.

Пирсон уже начал рассказывать Ринеманну, какой он испытал шок, когда открылись двери лифта и он вышел из кабины и нос к носу столкнулся с Сюзанн Холдинг, но Ринеманн нахмурился, мотнул головой и, не поднимая руку с колен, большим пальцем указал на водителя:

— Мы еще успеем об этом поговорить.

Пирсон замолчал, повернулся к грязному стеклу, разглядывая проплывающий мимо, залитый дождем центр Бостона. И его, надо отметить, очень заинтересовала уличная жизнь. А особенно маленькие кучки перекурщиков, которых он видел перед каждым административным зданием. Где можно, они вставали под навесы, где нет — поднимали воротники, прикрывая руками сигареты, и курили. Пирсон прикинул, что по меньшей мере в девяноста процентов этих зданий, как и в Первом торговом банке, где работали он и Ринеманн, курить не разрешалось. И тут же его осенило: перекурщики — отнюдь не новое племя, а жалкие остатки старого, ренегаты, сопротивляющиеся веяниям времени, убегающие от метлы, которая старается очистить пол американской жизни от вредной привычки. Их объединяло нежелание или неспособность отказаться от стремления сократить себе жизнь. В глазах общества они превратились

в наркоманов, разве что наркотик, к которому они пристрастились, пока еще не подпал под полный запрет. Экзотическая социальная группа, думал Пирсон, дни существования которой уже сочтены. К 2020-му, самое позднее, к 2050 году перекурщики канут в Лету.

Да нет же, глупости все это, одернул он себя. *Мы — последние несгибаемые оптимисты этого мира, вот и все, большинству из нас не приходится тревожиться из-за лишнего веса, и мы бы, пожалуй, не возражали против того, чтобы нас показывали в зоопарке, если, конечно, убрать проволочное заграждение.*

— Чему улыбаетесь, мистер Пирсон? — спросил Ринеманн, и только тут Пирсон понял, что рот у него растянут до ушей.

— Да так. Ерунда.

— Это хорошо. Главное, чтобы вы не шизонулись.

— Вы не будете считать, что я шизонулся, если я предложу перейти на ты и попрошу называть меня Брендон?

— Пожалуй, что нет. — Ринеманн вроде бы задумался над его словами. — При условии, что ты будешь называть меня Дьюк, а не Би-би.

— Я думаю, этого можно не опасаться. Знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Это был самый удивительный день в моей жизни.

Дьюк Ринеманн кивнул, но на его лице не появилось ответной улыбки.

— Он еще не закончился.

2

Пирсон подумал, что Ринеманн сознательно остановил свой выбор на «Галлахере». С первого взгляда ему стало ясно, что лучшего места для обсуждения животрепещущих вопросов, от которых зависело их психическое здоровье, двум банковским служащим не найти во всем Бостоне. Длиннющая стойка (такие Пирсон видел только в кино) тянулась

вдоль сверкающего пола танцевальной площадки, на которой под дуэт Марти Стюарта и Тревиса Тритта сонно кружились три пары.

В пабе меньших размеров у стойки бы теснился народ, вдоль этой беговой дорожки из красного дерева посетители сидели на таком большом расстоянии друг от друга, что могли беседовать без опаски. Не требовалось искать ни кабинки, ни столика в дальнем углу. Пирсона это только радовало. Он без труда мог представить себе, как в соседней кабинке устроились два бэтмена, а может, и бэтмен с бэтменшой, и внимательно слушают их разговор.

Не это ли называют манией преследования, старина, подумал Пирсон. *Если у тебя ее еще нет, то скоро она обязательно разовьется, не так ли?*

Может, и нет, ответил он сам себе, да и сейчас его это не волновало. Но, с другой стороны, приятно осознавать, что их местоположение обеспечивало круговой обзор, то есть пока они говорили, вернее, говорил Дьюк, к ним никто не мог подкрасться незамеченным.

— Стойка тебя устроит? — спросил Дьюк.

Пирсон кивнул.

Как выяснилось чуть позже, когда Пирсон, следуя за Дьюком, увидел табличку: «КУРЕНИЕ РАЗРЕШЕНО ТОЛЬКО В ЭТОМ СЕКТОРЕ», стоек было две... точно так же, как в пятидесятых любой бар или ресторан, расположенный южнее линии Мэйсона-Диксона делился на две части: для белых и для черных*. У стойки разница эта чувствовалась особенно сильно. В центре секции для некурящих стоял «Сони» с громадным экраном. Узникам никотинового гетто приходилось довольствоваться стареньким «Зенитом», подвешенным под самым потолком (табличка рядом с ним гласила: «ВЫ ИМЕЕТЕ ПРАВО ПОПРОСИТЬ КРЕДИТ, МЫ ИМЕЕМ ПРА-

* Линия Мэйсона-Диксона — южная граница Пенсильвании, проведенная в 1763–1767 гг. английскими геодезистами и астрономами Чарльзом Мэйсоном и Иеремией Диксоном. До начала Гражданской войны символизировала границу между свободными и рабовладельческими штатами. В 50-х годах XX века южнее этой линии четко следовали сегрегационным канонам.

ВО ПОСЛАТЬ ВАС НА ХРЕН»). Стойка для курильщиков не так сверкала. Поначалу Пирсон решил, что ему это кажется, но, приглядевшись, увидел, что и дерево какое-то тусклое, и разводы от стаканов, которые ставили на стойку прежние посетители. Зато тянуло застарелым запахом сигаретного дыма. Пирсон мог поклясться, что запах этот идет от стульев, точно так же, как в кинотеатрах кресла пахнут поп-корном. Ведущий программы новостей на выцветшем экране телевизора выглядел тяжело больным, отравленным цинком человеком. Тот же самый господин, знакомивший с новостями сторонников здорового образа жизни, похоже, мог хоть сейчас выйти на старт дистанции в четыреста сорок ярдов, пробежать ее, а потом еще ублажить симпатичную блондинку.

Добро пожаловать на задние сиденья автобуса, подумал Пирсон, с улыбкой глядя на своего друга-перекурщика. *Впрочем, какие тут могут быть жалобы. Еще десять лет, и таких, как мы, просто не пустят в салон.*

— Сигарету? — спросил Дьюк, демонстрируя зачатки телепатических способностей.

Пирсон взглянул на часы, взял сигарету, прикурил ее от псевдороскошной зажигалки Дьюка. Глубоко затянулся, запустив дым во все закоулки легких, не торопясь выпустил его через нос. Разумеется, это вредная привычка, возможно, даже смертельно опасная. Но зато какое удовольствие! А в мире все так устроено: кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— А ты? — спросил он Дьюка, увидев, что тот убирает сигареты в карман.

— Я могу подождать. — Дьюк улыбнулся. — Успел пару раз затянуться, прежде чем мы сели в такси. Да еще за ленчем выкурил лишнюю сигарету.

— Ограничиваешь себя?

— Да. Обычно за ленчем выкуриваю одну, а вот сегодня — две. Ты меня чертовски напугал, знаешь ли.

— Я сам напугался.

Подошел бармен, и Пирсон с интересом наблюдал, как он пытается обойти стороной струйку дыма, поднимающую-

ся от сигареты. *Наверное, он не отдает себе отчета... но, если я выпущу дым ему в лицо, готов спорить, он выпрыгнет из штанов и закатит скандал.*

— Чем могу вам помочь, господа?

Не спрашивая у Пирсона, Дьюк заказал два стакана «Сэм Адамса». Когда бармен отошел, повернулся к Пирсону:

— Залпом не пей. Напиваться нам нельзя. По-хорошему, вообще следовало обойтись без спиртного.

Пирсон кивнул, бросил на стойку пятерку, когда бармен принес пиво. Глотнул, затянулся сигаретой. Некоторые утверждали, что сигарета лучше всего идет после еды, но Пирсон не мог с ними согласиться. Он твердо верил, что змей подсунул Еве не яблоко, а стакан пива и сигарету.

— Как ты пытался бросить курить? — спросил Дьюк. — Имплантаты? Гипноз? Сила воли? Глядя на тебя, я бы поставил на имплантаты.

Если таким поворотом разговора Дьюк хотел поднять Пирсону настроение, у него ничего не вышло. В этот день Пирсон слишком много думал о курении.

— Да, имплантаты, — кивнул Пирсон. — Ходил с ними два года, после рождения дочери. Как только увидел ее в роддоме, так сразу решил, что брошу курить. Разве я мог каждый день выкуривать по сорок — пятьдесят сигарет, возложив на себя ответственность за только что родившегося человечка, которую предстояло нести восемнадцать лет.

Он мог бы добавить: *Человечка, в которого я тут же влюбился.* Но не добавил, правильно предположив, что Дьюк и так все понял.

— Не говоря уже об ответственности перед женой.

— Совершенно верно, — согласился Пирсон.

— А также перед братьями, их женами, сборщиками налогов, кредиторами и адвокатами.

Пирсон рассмеялся и кивнул.

— Да, ты все понимаешь правильно.

— Но в жизни не все так просто, да? Когда на часах только четыре утра, а ты не можешь спать, благие намерения забываются очень быстро.

Пирсон поморщился.

— Или когда ты должен идти с докладом к Гросбеку, Киферу и остальным директорам. Когда я первый раз это проделал, предварительно не выкурив сигарету... это было круто.

— То есть какое-то время ты совсем не курил?

Пирсон кивнул:

— Примерно шесть месяцев. Но в душе не переставал курить ни на день. Ты меня понимаешь?

— Естественно.

— А потом начал снова. Где-то в 1992-м, аккурат в то время, когда в прессе начали появляться статьи о том, что люди с имплантатами, вновь начавшие курить, часто сваливались с инфарктом. Помнишь эти статьи?

— Конечно. — Дьюк похлопал себя по лбу. — Вот здесь хранится весь список статей на тему курения, в алфавитном порядке. Курение и болезнь Альцгеймера, курение и гипертония, курение и катаракта... ты понимаешь.

— Вот я и сделал выбор. — Пирсон виновато улыбнулся, как человек, который знает, что поступает неправильно, но тем не менее не собирается ничего менять. — Я мог прекратить курить и мог убрать имплантат. Вот я...

— *И убрал имплантат*, — хором закончили они фразу и расхохотались, вызвав недовольный взгляд посетителя, который сидел в секции для некурящих. Впрочем, секундой позже он вновь повернулся к экрану телевизора.

— В жизни всегда есть место выбору, не так ли? — все еще смеясь, спросил Дьюк и уже полез во внутренний карман. Но остановился, увидев, что Пирсон держит в руке пачку «Мальборо» с торчащей из нее сигаретой. Они вновь переглянулись, во взгляде Дьюка читалось удивление, Пирсона — понимание, громко рассмеялись, и большому любителю телевизионных новостей опять пришлось демонстрировать свое недовольство. Но перекурщики этого не заметили. Дьюк взял предложенную сигарету, закурил. На все ушло не больше десяти секунд, но мужчины уже стали закадычными друзьями.

— Я дымил как паровоз, с пятнадцати лет и до свадьбы в девяносто первом, — рассказывал Дьюк. — Моей матери

это не нравилось, но ее радовало, что я не курю и не продаю «травку», как половина парней на нашей улице, я говорю про Роксбери, ты понимаешь, так что она меня особо не допекала.

Уэнди и я после свадьбы провели неделю на Гавайях, а по возвращении она преподнесла мне подарок. — Дьюк глубоко затянулся, выпустил через ноздри две струйки синевато-серого дыма. — Нашла его в каталоге «Шейпер имидж», а может, в каком-то другом. У этой штуковины было какое-то замысловатое название, но я его не запомнил. Потому что я называл ее «Павловскими тисками». Однако я любил ее без памяти, до сих пор люблю, можешь мне поверить, поэтому пошел у нее на поводу. Кстати, получилось лучше, чем я ожидал. Ты знаешь эту игрушку?

— Конечно, — кивнул Пирсон. — Бипер. Заставляет тебя чуть дольше ждать новую сигарету. Лизбет, моя жена, когда ходила беременной, то и дело рассказывала мне о них.

Дьюк, улыбаясь, кивнул, а когда бармен оказался неподалеку, указал на стаканы и попросил повторить.

— В общем, у меня все складывалось, как и у тебя, разве что «Павловские тиски» заменили мне имплантат. Я прошел долгий путь, уже добрался до того места, где хор и оркестр славили свободу, но потом привычка взяла свое. Оказалось, что избавиться от нее сложнее, чем убить змею с двумя сердцами. — Бармен принес два полных стакана, на этот раз расплатился Дьюк, пригубил пиво. — Мне надо позвонить. Пяти минут мне хватит.

— Хорошо, — кивнул Пирсон, огляделся. Бармен уже успел ретироваться в секцию для некурящих (*К 2005 году по требованию профсоюза здесь будут два бармена*, подумал он. *Один — для курящих, второй — для некурящих.*) Пирсон продолжил, понизив голос: — Я думал, мы собирались поговорить о бэтменах.

Темно-карие глаза Дьюка несколько мгновений изучали его.

— Собирались, друг мой. Собирались.

И прежде чем Пирсон успел открыть рот, Дьюк растворился в сумрачных и практически бездымных глубинах «Гал-

лахера», держа путь к телефонным будкам на другой стороне танцевальной площадки.

Он отсутствовал почти десять минут, и Пирсон уже стал задумываться над тем, а не пора ли идти на поиски, когда его внимание привлек телевизор. Комментатор как раз говорил о фуроре, произведенном вице-президентом Соединенных Штатов. ВП, выступая на заседании Национальной ассоциации работников образования, заявил, что программа дотирования центров продленного дня должна быть пересмотрена и, по возможности, закрыта. На экране появилась видеозапись, снятая днем раньше в одном из вашингтонских залов, предназначенных для проведения подобных мероприятий. Сначала оператор дал панораму зала, потом, крупным планом, трибуну и выступающего ВП. Пирсон схватился за стойку, да так крепко, что побелели костяшки пальцев. Ему вспомнились слова Дьюка, произнесенные этим утром: *У них много друзей во властных структурах. Черт, да они так и лезут во власть.*

— Мы не имеем ничего против работающих женщин-матерей, — чудовище с бесформенной, увеличенной во много раз морды летучей мыши стояло на трибуне, украшенной гербом вице-президента и вещало полному залу, — мы ничего не имеем против бедных. Однако мы считаем...

Рука легла на плечо Пирсона, и тому пришлось прикусить нижнюю губу, чтобы не закричать. Обернувшись, он увидел Дьюка. С молодым человеком произошли разительные перемены. Глаза его сверкали, на лбу блестели капельки пота. Почему-то Пирсон подумал, что выглядит Дьюк как победитель конкурса подметальщиков.

— Больше так не делай, — попросил Пирсон, и Дьюк, уже залезавший на высокий стул, повернулся к нему. — У меня сердце чуть не выскочило из груди.

На лице Дьюка отразилось удивление, но он взглянул на экран и все понял.

— Господи, извини, Брендон. Я все время забываю, что у тебя только сегодня открылись глаза.

— А как насчет президента? — спросил Пирсон, едва не сорвавшись на фальцет. — На этого говнюка мне наплевать, но вот президент... Он тоже...

— Нет, — ответил Дьюк. Помявшись, добавил: — Пока еще нет.

Пирсон наклонился к нему, чувствуя, что у него снова немеют губы.

— Что значит, пока еще нет? Что происходит, Дьюк? Откуда они взялись? Что делают и чего хотят?

— Я могу поделиться с тобой только тем, что знаю. Но сначала хочу спросить, не сможешь ли ты пойти со мной этим вечером на одно собрание? Часов в шесть? Что скажешь?

— Собрание связано с этим?

— Разумеется.

Пирсон раздумывал недолго.

— Согласен. Но мне надо позвонить Лизбет.

На лице Дьюка отразилась тревога.

— Только ничего не говори...

— Естественно. Я ей скажу, что моя обожаемая начальница вновь пожелала просмотреть все материалы, прежде чем показывать их японцам. Она это проглотит. Знает, что Холдинг вибрирует в ожидании наших гостей из Страны восходящего солнца. Тебя это устроит?

— Да.

— Меня в принципе тоже, хотя обманывать жену нехорошо.

— Если жена не будет ничего знать о бэтменах, что в этом плохого? Я же приглашаю тебя не в массажный салон.

— Пожалуй, что нет. Выкладывай.

— Хорошо. Но начну я с курения...

Музыкальный автомат, до того молчавший, вдруг запел голосом Билли Рэя Сайруса. Пирсон уже хотел спросить Дьюка Ринеманна, а при чем тут курение, но в последний момент решил промолчать.

— Ты бросаешь курить... потом начинаешь снова... но тебе хватает ума понять, что надо сдерживаться, а не то через месяц-другой все вернется на круги своя. Я прав?

— Да, но я не понимаю...

— Поймешь. — Ринеманн достал носовой платок, промакнул лоб. Когда Дьюк вернулся после телефонного разговора, Пирсону показалось, что он очень возбужден. Теперь он видел, что его собеседник еще и страшно напуган. — Выслушай меня, и все поймешь.

— Хорошо.

— Так или иначе, ты вырабатываешь некоторые договоренности со своей привычкой. Устанавливаешь, как его там называют, modus vivendi. Ты понимаешь, что не можешь бросить курить, но при этом тебе ясно, что это не конец света. Все-таки курильщики — не кокаинисты, которым надо все больше и больше порошка. Курение — вредная привычка, но между двумя или тремя пачками в день и полным отказом от курева есть более или менее безопасная зона.

Пирсон смотрел на него, широко раскрыв глаза. Дьюк улыбнулся.

— Я не читаю твои мысли, можешь не беспокоиться. Просто мы в этом похожи.

— Пожалуй, — задумчиво протянул Пирсон. — Я как-то забываю, что мы оба — перекурщики.

— Мы *кто?*

Тут Пирсону пришлось рассказать о племени перекурщиков и их ритуалах (недобрых взглядах на таблички «НЕ КУРИТЬ», пожатиях плеч, когда кто-либо, не облеченный властью, талдычит: «Пожалуйста, уберите вашу сигарету, сэр»), амулетах (жевательной резинке, леденцах, зубочистках и, разумеется, маленьких спреях-освежителях полости рта), заклинаниях (самым распространенным из них являлось: «В следующем году обязательно брошу».)

Дьюк слушал, как зачарованный, а когда Пирсон закончил, воскликнул:

— Святой Боже, Брендон! Ты нашел потерянное колено израилево! Тех самых бедолаг, которые ушли следом за верблюдом Джо*!

---

* Верблюд Джо изображен на сигаретах «Кэмел», на этом образе строится рекламный имидж продукции компании «Р.Дж. Рейнольдс тобакко».

Пирсон расхохотался, заработав очередной осуждающий взгляд господина, обосновавшегося в секции для некурящих.

— Сам видишь, все сходится. Позволь задать вопрос... ты куришь, когда твой ребенок находится рядом?

— Господи, нет! — воскликнул Пирсон.

— А жена?

— Нет, теперь уже нет.

— А когда ты последний раз курил в ресторане?

Пирсон задумался и вдруг понял, что не может этого вспомнить. В последнее время он садился за столик для некурящих, даже когда обедал в ресторане один, и воздерживался от курения, пока не выходил на улицу. Дни, когда он курил между блюдами, остались в далеком прошлом.

— Перекурщики. — В голосе Дьюка слышалось восхищение. — Мне нравится. Как здорово, что у нас теперь есть имя. Действительно, мы принадлежим к одному племени. Это...

Он замолчал, уставившись в окно. Бостонский коп проходил мимо, беседуя с симпатичной женщиной. Она смотрела на него снизу вверх, не видя черных, оценивающих глазок и треугольных зубов, щерящихся над самой ее головой.

— Господи, какой-то кошмар, — пробормотал Пирсон.

— Да, — кивнул Дьюк. — И они встречаются все чаще. С каждым днем их становится больше. — Он помолчал, глядя на полупустой стакан с пивом. А потом тряхнул головой, возвращаясь из грез в реальную жизнь. — Как бы то ни было, мы — единственные, кто может их видеть.

— Ты хочешь сказать, что их видят только курящие? — недоуменно переспросил Пирсон. Разумеется, он уже понимал, куда клонит Дьюк, но...

— Нет, — покачал головой Ринеманн. — *Курящие* их не видят. Некурящие — тоже. — Он встретился взглядом с Пирсоном. — Их видят только такие, как мы, Брендон. Люди, которые не бросают курить, но и не идут на поводу у своей привычки.

— То есть перекурщики.

Из «Галлахера» они ушли десять минут спустя (Пирсон позвонил жене, сказал, что Холдинг попросила его задер-

жаться на работе, и обещал быть к десяти вечера). Ливень уже перешел в легкий моросящий дождик, и Дьюк предложил пройтись. Не до Кембриджа, куда они направлялись, но достаточно далеко, чтобы он мог закончить свой рассказ. Пешеходов на улицах практически не было, так что они могли говорить, не оглядываясь по сторонам.

— Что-то в этом есть от первого оргазма, — говорил Дьюк, когда они шагали к реке Чарльз. — Как только ты его испытаешь, он становится неотъемлемой частью твоей жизни. Так и здесь. В какой-то день в твоей голове возникает необходимое сочетание химических веществ, и ты видишь своего первого бэтмена. Я вот думаю, сколько людей в этот самый момент умерли от разрыва сердца. Готов спорить, что много.

Пирсон смотрел на кровавое отражение красного сигнала светофора от мокрого асфальта Бойлстон-стрит, вспоминая, какое он испытал потрясение.

— Они же ужасные. Отвратительные. А как кожа двигается у них на голове... от этого тошнит!

Дьюк кивал.

— Они — жуткие уроды, это точно. Я сидел в «Красной стреле», возвращался домой в Милтон, когда увидел первого. Он стоял на платформе станции «Парк-стрит». Мы проехали мимо. Мне повезло, что я был в поезде, потому что я закричал.

— И что произошло потом?

Улыбка Дьюка перешла в гримасу раздражения.

— Люди посмотрели на меня, потом отвернулись. Ты знаешь, как обстоят дела в этом городе. На каждом углу какой-нибудь псих проповедует о том, что Иисус Христос без ума от «тапперуэров»*.

Пирсон кивнул. Как обстояли дела в этом городе, он знал. Или думал, что знал, до сегодняшнего утра.

— А потом высокий рыжеволосый ирландец с триллионом веснушек сел на скамью рядом со мной и схватил меня за локоть, точно так же, как этим утром я схватил тебя. Его

* «Тапперуэры» — разнообразные пластиковые контейнеры для пищевых продуктов производства фирмы «Тапперуэр хоум партиз».

зовут Робби Делрей. Он маляр. Вечером ты увидишь его в «Кэти».

— Что такое «Кэти»?

— Книжный магазин в Кембридже. Специализируется на детективах. Мы встречаемся там раз или два в неделю. Место хорошее. И люди тоже. В общем, Робби схватил меня за локоть и прошептал: «Ты не чокнулся, я тоже это видел. Это не галлюцинация, это бэтмен». Я, конечно, не знал, кто он такой, может, обкуренный наркоман, но мне как-то сразу стало легче.

— Я понимаю, — кивнул Пирсон, вспомнив утро. Они остановились на Сторроу-драйв, ожидая, пока мимо проедет бензовоз, потом торопливо пересекли мостовую. Пирсон на мгновение застыл, не сводя глаз с черного граффити на скамье: «ИНОПЛАНЕТЯНЕ УЖЕ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ. МЫ СЪЕЛИ ДВОИХ В «РЫБНОМ РЕСТОРАНЕ». — Хорошо, что утром ты оказался рядом. Мне повезло.

Дьюк кивнул.

— Будь уверен. Если бэтмены берутся за человека, они разбираются с ним по полной программе. От него остаются рожки да ножки. Ты об этом слышал?

Пирсон кивнул.

— И никто не знает, что у жертв есть одна общая особенность: все они ограничивали себя в курении, сократив дневную норму до пяти — десяти сигарет. Я думаю, что до такого не додумались бы даже в ФБР.

— Но зачем нас убивать? — спросил Пирсон. — Я хочу сказать, если кто-то начнет кричать, что его босс — марсианин, никто не будет посылать на помощь Национальную гвардию. Зато крикуна упекут в психиатрическую больницу.

— Слушай, спустись на землю. Ты же видел этих крошек.

— Они... им это нравится?

— Да, им это нравится. Но ты ставишь телегу впереди лошади. Они что волки, Брендон, невидимые волки, которые рыщут в стаде овец. А теперь скажи мне, что делают волки с овцами, помимо того, что радостно воют, убив одну из них?

— Они... что ты такое говоришь? — Пирсон вдруг перешел на шепот. — Они нас едят?

— Они едят определенные части нашего тела. В это верил Робби Делрей в тот день, когда я встретился с ним, в это верит большинство из нас.

— Ты про кого, Дьюк?

— Про людей, на встречу с которыми мы сегодня идем. Соберутся не все, но большая часть. Что-то готовится. Что-то большое.

— Что именно?

Но Дьюк лишь покачал головой и спросил:

— Ловим такси? Ты уже промок?

Пирсон промок, но в такси садиться ему не хотелось. Прогулка взбодрила его... и причина заключалась отнюдь не в свежем воздухе. Он не собирался говорить об этом Дьюку, во всяком случае, пока не собирался, но в этой истории было что-то... авантюрное. Словно он стал персонажем захватывающей детской приключенческой повести. Он чуть ли не представил себе иллюстрации к ней Н. К. Уайета*. Взглянул на фонари, выстроившиеся вдоль Сторроу-драйв, улыбнулся. *Готовится что-то большое*, подумал он. *Агент Х-9 получил хорошие новости с подпольной базы... мы создали смертельный для бэтменов яд, над которым так долго работали!*

— Поверь мне, ощущение, что это приключение, быстро пройдет, — сухо заметил Дьюк.

Пирсон, вздрогнув, повернулся к нему.

— К тому времени, как из Бостонской бухты выловят второго твоего приятеля с половиной головы, ты поймешь, что Том Свифт не придет, чтобы помочь тебе белить этот чертов забор.

— Том Сойер, — механически поправил его Пирсон и смахнул воду с глаз. Щеки его покраснели.

— Робби думает, им требуется какое-то вещество, вырабатываемое нашим мозгом. Энзим там, гормон или что-то еще. Он говорит, что, возможно, именно это вещество и по-

* Уайет Ньюэлл Конверс (1882–1945) — живописец, иллюстратор, основатель династии Уайетов. Известен как иллюстратор детских книг издательства «Чарльз Скрибнерс санс», в том числе «Том Сойер», «Остров сокровищ», «Робинзон Крузо».

зволяет нам видеть их. Он говорит, что мы для них — помидоры в огороде. Они выбирают уже созревшие. Но меня воспитали баптистом, и я не верю в этот фермерский бред. Я думаю, они выедают наши души.

— Правда? Ты действительно в это веришь или разыгрываешь меня?

Дьюк рассмеялся, но отвел глаза в сторону.

— Слушай, я не знаю. Бэтмены вошли в мою жизнь аккурат в тот момент, когда я решил, что рай — это сказка, а ад — окружающие тебя люди. Теперь такой определенностью я похвастаться не могу. Но это и не важно. Главное в другом: у них есть много причин убивать нас. Во-первых, потому, что они нас боятся, боятся того, что мы соберемся вместе, организуемся, попытаемся нанести ответный удар...

Он вдруг замолчал, задумался, покачал головой, словно продолжал разговор сам с собой, пытался ответить на вопрос, который давно уже не давал ему покоя.

— Боятся? Не знаю, так ли это. Но они принимают меры предосторожности, это точно. И еще в одном у меня нет ни малейших сомнений: им не нравится то, что некоторые из нас могут их видеть. Чертовски не нравится. Однажды мы поймали одного из них. Знаешь, у меня создалось ощущение, что мы ухватили тигра за хвост. Мы...

— Поймали?

— Да. — Дьюк невесело улыбнулся. — Взяли его на площадке отдыха автомагистрали И-95, неподалеку от Ньюберипорта. Нас было шесть человек. Руководил операцией Робби. Отвезли его на заброшенную ферму. А когда бэтмен пришел в себя после лошадиной дозы снотворного, а пришел он в себя быстро, попытались допросить его, чтобы получить ответы на вопросы, некоторые из которых ты мне уже задал. Мы заковали его в наручники и ножные кандалы. Обмотали нейлоновым шнуром так, что он напоминал мумию. И знаешь, что мне больше всего запомнилось в этой истории?

Пирсон покачал головой.

— Как он проснулся. Без всякого перехода. Только что был совсем квелым и вдруг разом встрепенулся и уставился

на нас. Глазами летучей мыши. Глаза у них есть, только многие этого не знают. А байка о том, что летучие мыши слепые, — дело рук хорошего рекламщика.

Он не стал разговаривать с нами. Не произнес ни единого слова. Я знал, что бэтмен не покинет этого амбара, но страха в его глазах не было. Только ненависть. Господи, сколько же в них было ненависти!

— И что произошло?

— Он разорвал наручники, словно они были из бумаги. С ножными кандалами сразу не справился, поэтому принялся за нейлоновый шнур... Начал его грызть. Какие у них зубы, ты видел. Мы все остолбенели. Даже Робби. Не могли поверить своим глазам. А может, он нас загипнотизировал. Я потом думал об этом и решил: почему нет? Спас нас Лестер Олсон. Мы приехали на фордовском «эколайне», который украли Робби и Мойра, Лестер решил, что его видно с автострады. Поэтому решил проверить, так ли это. А когда вернулся и увидел, что это чудище освободилось от всех веревок и его удерживают только ножные кандалы, трижды выстрелил ему в голову. Бах-бах-бах!

Дьюк тяжело вздохнул.

— Убил его? — переспросил Пирсон.

Голос вновь, как и утром на площади, отделился от его тела и доносился откуда-то сверху. А в голове сверкнула ужасная, но очень уж убедительная мысль: никаких бэтменов и бэтменш нет и в помине. Они — жертвы групповой галлюцинации. Как известно, у наркоманов это далеко не редкость. А эта галлюцинация уникальна, свойственна только перекурщикам, причина ее — в ограниченной дозе никотина, поступающей в организм. И люди, на встречу с которыми вел его Дьюк, под влиянием этой галлюцинации уже убили одного ни в чем не повинного человека и могут убить других. Не просто могут — обязательно убьют. И если он как можно быстрее не расстанется с этим молодым безумным банкиром, его тоже затянут в эту банду, секту, как ни назови. Он уже видел двух бэтменов... нет, трех, считая копа... четырех, если прибавить вице-президента. Это же надо, вбить себе в голову, что *вице-президент Соединенных Штатов*...

Бросив взгляд на лицо Дьюка, Пирсон понял, что тот опять читает его мысли, как открытую книгу.

— Ты уже начал задумываться, а не пора ли отправить нас всех в дурдом, в том числе и тебя. Я прав? — спросил Дьюк.

— Да, — излишне резко ответил Пирсон.

— Они исчезают, — пояснил Пирсон. — Я видел, как исчез тот, в амбаре.

— *Что?*

— Становятся прозрачными, превращаются в дым и исчезают. Я понимаю, поверить в это невозможно, но у меня нет других слов, чтобы объяснить, что я тогда видел и что чувствовал. Поначалу тебе кажется, что происходит это не наяву, что ты грезишь, а может, вдруг попал в фильм и видишь спецэффекты, как в «Звездных войнах». Но потом ощущаешь запах, вернее смесь запахов пыли, мочи и горячего соуса «чили». От этого запаха режет глаза, хочется блевать. Лестера вырвало, а Джанет потом целый час чихала. Сказала, что так же на нее действуют амброзия и кошачья перхоть. Потом я подошел к стулу. Веревки, наручники, кандалы, одежда — все осталось. Рубашка, застегнутая на все пуговицы, завязанный галстук. Я наклонился, расстегнул ширинку, очень осторожно, словно боялся, что из нее вывалится его «игрунчик», но увидел только трусы, оставшиеся в брюках. Обычные белые трусы. Ничего больше. И вот что я тебе скажу: жуткое это зрелище, одежда, вроде бы одетая на человека, да только человека в ней и нет.

— Превратился в дым и испарился, — повторил Пирсон. — Господи!

— Да. А в конце он выглядел вот таким. — И Дьюк указал на ореол мороси вокруг одного из фонарей.

— А что случилось... — Пирсон замолчал, не зная, как сформулировать вопрос. — Их разыскивают? Они... — Тут он наконец понял, что интересовало его больше всего. — Дьюк, а где настоящий Дуглас Кифер? Где настоящая Сюзанн Холдинг?

Дьюк покачал головой:

— Не знаю. Разве что этим утром ты видел настоящего Кифера, Брендон. И настоящую Сюзанн Холдинг. Мы думаем, что, возможно, тех голов, которые мы видим, на самом деле нет, это наш мозг так реагирует на их сердца и души, сердца и души бэтменов, и трансформирует эти ощущения в визуальный образ.

— Телепатия душ?

Дьюк улыбнулся.

— Умеешь ты придумывать термины, братец, это точно. Тебе надо обязательно поговорить с Лестером. Когда дело доходит до бэтменов, он прямо-таки становится поэтом.

Память среагировала на имя. Пирсон вдруг понял, что знает, о ком идет речь.

— Это мужчина в возрасте с роскошной седой шевелюрой? Выглядит как стареющий магнат из «мыльной оперы»?

Дьюк рассмеялся.

— Да, это Лес.

Какое-то время они шагали молча. Справа текла река, на другом берегу они видели огни Кембриджа. Пирсон подумал, что Бостон особенно красив вечером после дождя.

— Эти бэтмены... может, ими становятся, вдохнув какой-то микроб... — Пирсону хотелось докопаться до истины.

— Да, некоторые выдвигали инфекционную гипотезу, но я не отношусь к ее сторонникам. Потому что нет бэтменов-уборщиков или бэтменш-официанток. Им нравится власть, они обретаются только в коридорах власти. Ты слышал о вирусе или микробе, который поражает только богатых?

— Нет, — ответил Пирсон.

— Я тоже.

— Люди, с которыми мы собираемся встретиться... они... — К легкому удивлению Пирсона, поначалу ему не удалось произнести нужные слова: не поворачивался язык. Потому что слова эти точно сошли со страниц детских книжек: — Они — бойцы сопротивления?

Дьюк задумался, потом и кивнул, и пожал плечами, словно его тело одновременно давало два ответа, как положительный, так и отрицательный.

— Еще нет, но, возможно, после сегодняшней встречи и станут. Ими.

И прежде чем Пирсон успел спросить, что сие означает, Дьюк заметил еще одно пустое такси, движущееся по противоположной стороне Сторроу-драйв, и замахал рукой. Таксист развернулся в неположенном месте, чтобы подкатить к тротуару.

В машине они говорили о спорте: провале «Красных носков», неудачах «Патриотов», кризисе «Кельтов»*. О бэтменах словно забыли, но, когда они вышли из машины перед одиноко стоящим домиком (на вывеске рядом со словами «ДЕТЕКТИВЫ ОТ КЭТИ» красовалась черная, выгнувшая спину, шипящая кошка), Пирсон коснулся руки Дьюка.

— У меня есть несколько вопросов.

Дьюк взглянул на часы.

— Нет времени, Брендон. Наша прогулка затянулась.

— Тогда только два.

— Господи, я не уверен, что смогу на них ответить. Я знаю гораздо меньше, чем ты, похоже, думаешь.

— Когда это началось?

— Видишь? Об этом я и толкую. Не знаю, а та тварь, которую мы поймали, не собиралась нас просвещать. Мы даже не узнали, как ее зовут и чем она занимается. Робби Делрей, о котором я тебе рассказывал, заявляет, что увидел первого бэтмена пять лет тому назад, на Бостонской ярмарке. И каждый год их становится все больше. Еще не так много, как нас, но их число растет... по экспоненте? Правильно я говорю?

— Надеюсь, что нет, — ответил Пирсон. — Пугающее какое-то слово.

— Какой твой второй вопрос, Брендон? Поторопись.

— Как насчет других городов? Там тоже есть бэтмены? Тамошние жители их видят? Что ты об этом знаешь?

---

* Профессиональные команды, соответственно бейсбольная, футбольная, баскетбольная, базирующиеся в Бостоне.

— Мы не знаем. Они могут расселиться по всему миру, но мы уверены, что только в Америке наберется горстка людей, которые могут их видеть.

— Почему?

— Потому что только наша страна помешалась на вреде курения... возможно, потому, что только в Америке люди верят, что можно жить вечно и при этом сохранять сексуальную активность, если правильно питаться, принимать необходимые витамины, думать, как принято, и подтирать задницы рекомендованной специалистами туалетной бумагой. Поэтому курение вызывает активное противодействие, в результате которого и появились такие странные люди, как мы.

Пирсон улыбнулся.

— Перекурщики.

— Да, перекурщики. — Дьюк смотрел куда-то за спину Пирсона. — Мойра! Привет!

Пирсон не удивился, уловив аромат «Джорджо». Повернул голову, увидел маленькую мисс Красную Юбку.

— Мойра Ричардсон, Брендон Пирсон, — представил их Дьюк.

— Привет. — Пирсон протянул руку. — Контрольный отдел, так?

— Я скорее не контролирую, а проверяю, — мило улыбнулась Мойра. В такую улыбку не грех и влюбиться, подумал Пирсон. — Если, к примеру, вам захотелось приобрести «порше», я изучаю вашу кредитную историю, чтобы убедиться, что действительно достойны «порше»... разумеется, в финансовом смысле.

— Разумеется. — Пирсон улыбнулся в ответ.

— Кэм! — крикнула Мойра. — Подойди сюда!

Уборщик, который любил мыть туалет, повернув бейсболку козырьком на затылок, направился к ним. В уличной одежде его ай-кью сразу возрос на пятьдесят пунктов, а выглядел он вылитым Армандом Ассанте*. Пирсон почувствовал легкий укол ревности, когда Кэм обнял Мойру за талию

* Ассанте Арманд (р. 1949) — современный голливудский киноактер.

и поцеловал в уголок очаровательного ротика. А уж потом протянул руку Пирсону.

— Кэмерон Стивенс.

— Брендон Пирсон.

— Рад видеть вас здесь. Утром я уж подумал, что вы закатите концерт.

— И сколько человек наблюдали за мной? — спросил Пирсон. Попытался восстановить в памяти сцену на площади, но в голове все смешалось.

— Практически все, кто может их видеть, — ответила Мойра. — Но беспокоиться не о чем, мистер Пирсон...

— Пожалуйста, Брендон.

Она кивнула.

— Мы все постарались бы поддержать вас, Брендон. Пошли, Кэм.

Они поднялись по ступенькам крыльца и проскользнули за дверь. Пирсон успел уловить тусклый свет в холле, дверь закрылась. Он повернулся к Дьюку:

— Так они существуют?

Дьюк сочувственно смотрел на него.

— К сожалению, да. — Он помолчал, прежде чем добавить. — Но есть и хорошая новость.

— Да? Какая?

Зубы Дьюка блеснули в темноте.

— За последние пять лет ты впервые попадешь на собрание, где разрешено курить. Пошли. — И он увлек его к крыльцу.

3

Холл освещал свет из подвала, куда вела узкая крутая лестница. Оттуда же доносился глухой гул голосов. Сам магазин прятался в темноте.

— Нам туда. — Дьюк указал на лестницу. — Наше путешествие подходит к концу.

— Хотелось бы, — вздохнул Пирсон. — А Кэти тоже из перекурщиков?

— Хозяйка магазина? Нет. Я видел ее только дважды, но мне кажется, что она вообще не курит. Идея принадлежит Робби. А Кэти, насколько мне известно, пребывает в полной уверенности, что мы — «Бостонское общество любителей «крутого» детектива».

Пирсон вскинул брови.

— Кто?

— Верные поклонники Раймонда Чандлера, Дэшилла Хэмметта, Росса Макдональда и других детективистов, которые пишут в их стиле. Если ты их не читал, наверное, тебе стоит восполнить этот пробел. На всякий случай. Работа эта не такая уж тяжелая. Они действительно мастера.

Дьюк спустился первым, ширины лестницы хватало только на одного человека, через дверь вошел в ярко освещенный подвал с низким потолком, возможно, занимающий всю площадь дома. Пирсон следовал за ним. В подвале стояли штук тридцать складных стульев, перед ними — мольберт, укрытый куском синей ткани. За мольбертом — ящики с книгами, присланные от различных издательств. К своему удивлению, Пирсон увидел на левой стене портрет Дэшилла Хэмметта с подписью: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ БЕССТРАШНЫЙ ЛИДЕР».

— Дьюк, — обратилась к Ринеманну женщина, сидевшая слева. — Слава Богу.. я уж думала, что-то случилось.

Ее Пирсон тоже узнал: серьезная молодая женщина в очках с толстыми линзами и длинными черными прямыми волосами. Этим вечером она выглядела менее серьезной, в потертых джинсах и футболке Джорджтаунского университета, под которым явно не было бюстгальтера. И у Пирсона сложилось впечатление, что жена Дьюка ухватила бы его за ухо и выволокла из подвала, если б увидела, как смотрит на ее мужа эта молодая женщина. И никакие бэтмены ее бы не остановили.

— Все нормально, дорогая. Я привел в Церковь гребаного бэтмена еще одного новообращенного, ничего больше. Джанет Брайтвуд, Брендон Пирсон.

Брендон пожал ей руку, подумав: *Так это вы чихали.*

— Приятно познакомиться с вами, Брендон, — улыбнулась ему Джанет и тут же перевела взгляд на Дьюка, которого несколько смущало такое внимание. — Выпьем потом по чашечке кофе?

— Ну... посмотрим, дорогая. Хорошо?

— Хорошо, — ответила она, и по улыбке чувствовалось, что она готова ждать этой чашечки кофе еще три года, если таковым будет желание Дьюка.

Что я здесь делаю, внезапно спросил себя Пирсон. *Это же чистое безумие... прямо-таки сборище «Анонимных алкоголиков» в палате психиатрической больницы.*

А прихожане Церкви гребаного бэтмена брали пепельницы из одного из картонных ящиков из-под книг, радостно закуривали и рассаживались. Пирсон прикинул, что свободные стулья можно будет пересчитать по пальцам одной руки.

— Пришли почти все. — Дьюк повел его в последний ряд, подальше от того места, где рядом с кофеваркой сидела Джанет Брайтвуд. Пирсон не знал, сознательно он это делает или нет. — Там удобно, если тебе не будет мешать оконная стойка.

Стойка с крюком на конце, предназначавшаяся для того, чтобы открывать находящиеся под потолком окна, стояла у побеленной кирпичной стены. Усаживаясь, Пирсон случайно задел ее. Дьюк перехватил стойку до того, как она могла упасть и ударить кого-нибудь по голове, передвинул в более безопасное место, а потом прогулялся за пепельницей.

— С чтением мыслей у тебя все в порядке, — благодарно заметил Пирсон и закурил. Он уже забыл, до чего же это приятно курить в большой компании.

Дьюк последовал его примеру, указал на тощего, веснушчатого мужчину, который стоял у мольберта. Веснушчатый о чем-то увлеченно беседовал с Лестером Олсоном, тем самым, который застрелил бэтмена в амбаре под Ньюберипортом.

— Рыжеволосый — Робби Делрей, — с благоговением выдохнул Дьюк. — Его, конечно, не пригласили бы на роль

Спасителя человечества при подборе актеров для очередного сериала, не так ли? Но, возможно, именно он и окажется этим Спасителем.

Делрей кивнул Олсону, хлопнул по спине, что-то сказал. Седоволосый рассмеялся и вернулся к своему стулу, в середине первого ряда. Делрей шагнул к мольберту.

К этому времени все уже расселись, за исключением нескольких мужчин, которым не хватило стульев. Они группировались у кофеварки. Веселая болтовня не утихала ни на секунду, под потолком начал формироваться слой сизого дыма.

Господи, они же чокнутые, думал Пирсон. *Точно, чокнутые. Готов спорить, что в сороковом году, в Лондоне, во время налетов люди в бомбоубежищах вели себя точно так же.*

Он повернулся к Дьюку:

— С кем ты говорил? Кто сказал тебе, что готовится что-то большое?

— Джанет. — Дьюк даже не повернулся к нему. Во все глаза смотрел на Робби Делрея, благодаря которому не сошел с ума в «Красной стреле». Пирсон подумал, что в глазах Дьюка читается не просто восхищение: молодой негр боготворил веснушчатого ирландца.

— Дьюк? Это действительно большое собрание?

— Для нас — да. Никогда не видел столько народу.

— А тебе не боязно? Столько перекурщиков в одном месте...

— Нет, — без запинки ответил Дьюк. — Робби чует бэтменов. Он... ш-ш-ш, начинается.

Робби Делрей, улыбаясь, вскинул руки, и разговоры разом стихли. То же обожание, что у Дьюка, читалось на многих лицах. На остальных Пирсон видел уважение.

— Спасибо, что пришли, — тихим, ровным голосом заговорил Делрей. — Я думаю, нам наконец-то удалось найти то, чего некоторые из нас ждали четыре, а то и пять лет.

Ему ответил шквал аплодисментов. Несколько мгновений Делрей, сияя, вслушивался в них. Наконец, поднял руки, призывая к тишине. И когда аплодисменты стихли, Пирсон вдруг осознал, что не нравится ему друг и наставник

Дьюка. Он предположил, что главная причина тому — ревность. Как только Делрей заговорил, Дьюк Ринеманн напрочь забыл о его существовании. Но была и другая причина — самодовольство, сквозившее в поднятии рук, самолюбование мелкого политика, ни во что не ставящего свою аудиторию.

Перестань, одернул себя Пирсон. *Разве можно судить человека, которого совершенно не знаешь?*

И действительно, Пирсон попытался не прислушиваться к своей интуиции, дать Делрею шанс, хотя бы из уважения к Дьюку.

— Прежде чем мы начнем, я бы хотел представить вам нового члена нашей группы, Брендона Пирсона из далекого Медфорда. Встаньте на секунду-другую, Брендон. Позвольте новым друзьям узнать, как вы выглядите.

Пирсон в изумлении повернулся к Дьюку. Тот улыбнулся, потом пожал плечами, кивнул: «Давай, они не кусаются».

Полной уверенности в этом у Пирсона не было, но он встал, чувствуя на себе взгляды остальных. А более всего ему почему-то запомнилась улыбка Олсона. Слишком уж ослепительная, чтобы поверить, что улыбался он от души.

Перекурщики вновь захлопали, только на этот раз ему: Брендон Пирсон, банковский работник среднего звена и стойкий курильщик. Он вновь подумал, а не попал ли, часом, на собрание «Анонимных алкоголиков», на которое пускали только психов. Когда же он вновь опустился на стул, его щеки ярко горели.

— Я мог бы без этого обойтись, — шепнул он Дьюку.

— Расслабься. — Дьюк все улыбался. — Так встречают каждого. И тебе понравилось, не так ли? Это же ритуал.

— Я понимаю, что ритуал, но мне не понравилось. — Пирсон чувствовал, как бешено колотится сердце, как горят щеки. Ему даже показалось, что краски в них только прибавилось. *Что это со мной*, подумал он. *«Прилив»? Мужской климакс? Что?*

Робби Делрей наклонился, перекинулся парой слов с брюнеткой в очках, которая сидела рядом с Олсоном, посмотрел на часы, отступил на шаг к мольберту, оглядел

зал. Открытым, веснушчатым лицом он напоминал озорного мальчишку, который по воскресеньям поет в церковном хоре, зато в будни может и сунуть лягушку за шиворот девочке, и завязать узлом простыню в кровати младшего брата.

— Спасибо, друзья. Добро пожаловать в наше общество, Брендон.

Пирсон пробормотал, что рад такой компании, хотя в душе ругал себя за то, что пришел. Он уже опасался, что перекурщики на поверку окажутся какой-нибудь сектой. И что ему тогда делать?

Не накручивай себя, подумал он. *Тебе нравится Дьюк, не так ли?*

Да, ему нравился Дьюк, и он полагал, что еще больше ему понравится Мойра Ричардсон... особенно после того, как сексуальное влечение к ней перестанет доминировать и он сможет оценить, что она за человек. Он не сомневался, что ему понравятся и многие другие, в принципе, он легко находил с людьми общий язык. И он забыл, во всяком случае на какое-то время, истинную причину, которая собрала их всех в этом подвале: бэтменов. При угрозе собственной жизни он бы мог вступить куда угодно, хоть в секту, не так ли?

Скорее всего да.

Хорошо! Отлично! А теперь откинься на спинку стула, расслабься и наблюдай парад!

Он откинулся на спинку стула, а вот расслабиться не смог — во всяком случае, полностью. Частично потому, что был новичком. Частично потому, что не нравилась ему навязываемая фамильярность. Не привык он к тому, чтобы при первой встрече его сразу начинали называть по имени, не испросив согласия или разрешения. Частично...

Хватит! Или ты еще не понял? Выбора в этом вопросе у тебя нет!

Этот неприятный вывод он, к сожалению, не мог оспорить. Потому что утром пересек границу и увидел, что за существо ходит на работу в одежде Дугласа Кифера. А вечером ему стало окончательно ясно, что линия эта пересекала улицу с односторонним движением и, заступив за нее, че-

ловек лишался малейшего шанса дать задний ход, вернуться в зону безопасности.

Нет, расслабиться он не мог. Во всяком случае, пока.

— Прежде чем мы перейдем к делу, я хочу поблагодарить вас за то, что вы сразу откликнулись на просьбу собраться здесь, — продолжил Делрей. — Я знаю, что не так-то легко отменить уже назначенные встречи, не вызвав удивленных взглядов, а иногда это и очень опасно. Думаю, вы не сочтете преувеличением мои слова о том, что нам многое пришлось пережить... преодолеть немало препятствий...

По залу прошелестел одобрительный гул: Делрея не просто слушали — ему внимали.

— ...и никто не знает лучше меня, как сложно быть одним из немногих, кому открыта истина. С тех пор как я увидел своего первого бэтмена, минуло пять лет...

Пирсон уже ерзал. Он не знал, чего ждет от этого собрания, но не сомневался в том, что уж скучно ему точно не будет. И вдруг так неожиданно начавшийся день заканчивался сидением в подвале книжного магазина, среди людей, жадно ловящих каждое слово веснушчатого маляра, который произносил речь, более уместную в захудалом клубе «Ротари»*

Однако другие его мнения не разделяли. Пирсону хватило одного взгляда, чтобы убедиться в этом. Сверкающие глаза Дьюка не отрывались от Делрея. Примерно так же собака Пирсона, Бадди, смотрела на него, когда он доставал из-под шкафа его миску. Кэмерон Стивенс и Мойра Ричардсон сидели, взявшись за руки, но тоже видели и слышали одного Делрея. Так же, как и Джанет Брайтвуд. Так же, как и остальные, словно собравшиеся на представление заезжего мага.

Всем нравится, думал он, *за исключением Бренда Пирсона. Давай, сладенький, постарайся врубиться в программу.*

---

* Клуб «Ротари» — местное (городское или районное) отделение организации «Ротари интернейшнл». Члены клуба проводят еженедельные собрания, участие в которых является одним из обязательных условий членства. Местный клуб формируется из представителей разных профессий.

Да только он не мог, и у него создалось ощущение, что в этом ему составлял компанию Робби Делрей. Оглядывая зал, боковым зрением Пирсон успел заметить, как Делрей вновь бросил короткий взгляд на часы. Этот жест стал для Пирсона близким и родным с тех самых пор, когда он влился в ряды перекурщиков. Так смотрели на часы все, кто отсчитывал время до следующей сигареты.

Делрей продолжал что-то бубнить, и уже другие слушатели начали терять нить, отвлекаться. Пирсон слышал приглушенное покашливание, шарканье ног. Делрей, однако, гнул свое, казалось, не подозревая о том, что даже любимому вождю нельзя злоупотреблять долготерпением слушателей.

— ...мы делали все, что могли, и мы, как могли, крепились, когда редели наши ряды, прятали слезы, которые выступали у нас на глазах, чтобы те, с кем мы ведем борьбу в этой тайной войне, не подозревали о том, что придет день, когда мы...

Опять быстрый взгляд на часы.

— ...сможем разделить наше знание со всеми мужчинами и женщинами, которые смотрят, но не видят.

Спаситель человечества, думал Пирсон. *Господи Иисусе, пожалей нас. Этот парень больше похож на Джесси Хелмса*, устраивающего обструкцию законопроекту, который чем-то ему не приглянулся.*

Он скосил глаза на Дьюка и, к своему глубокому удовлетворению, отметил, что тот пусть и слушает, но уже шаркает ногами, показывая тем самым, что выходит из транса.

Пирсон коснулся щеки и понял, что она все еще горит. Нашел пульс — частит. Значит, причина тому — не смущение, потому что роль мисс Америки он уже давно отыграл. Перекурщики забыли о его существовании, во всяком случае, временно. Нет, дело в другом. Похоже, его не отпускало предчувствие дурного.

---

* Хелмс Джесси (1921–2008) — политический деятель, с 1973 г. — сенатор-республиканец от штата Северная Каролина, крайний консерватор.

— ...мы не отступали от своего, мы выполняли черновую работу, даже когда ситуация продолжала складываться не в нашу пользу... — все бубнил Делрей.

Наверное, дело в том, что произошло с тобой в первые минуты пребывания в подвале, сказал себе Пирсон. *Ты испугался, что оказался среди людей, которые видят одну и ту же галлюцинацию.*

— Нет, не сходится, — пробормотал он.

Дьюк посмотрел на него, вопросительно изогнул бровь, но Пирсон покачал головой. Дьюк вновь повернулся к оратору.

Он боялся, это факт, но не того, что попал в компанию, исповедующую какой-то необычный культ. Возможно, некоторые из перекурщиков погибли, возможно, тот странный случай в Ньюберипорте имел место быть, но трагедии прошлого никак не отражались на царящей в зале атмосфере, где Дэшилл Хэмметт взирал со стены на три десятка яппи. Он буквально чувствовал, как они борются с дремотой, изо всех сил стараясь не уснуть.

— Робби, ближе к делу! — наконец не выдержал кто-то из задних рядов, вызвав нервные смешки.

Робби Делрей раздраженно глянул в том направлении, откуда раздался голос, улыбнулся, опять посмотрел на часы.

— Да, да. Что-то меня понесло, признаю. Лестер, пожалуйста, помоги мне.

Лестер поднялся. Двое мужчин прошли к дальней стене. Достали из-за ящиков с книгами большой кожаный чемодан, поставили его справа от мольберта.

— Спасибо Лес, — поблагодарил седовласого Робби.

Лестер кивнул и вновь сел.

— Что в чемодане? — прошептал Пирсон на ухо Дьюку.

Дьюк покачал головой. На его лице отразились недоумение и... тревога. Хотя, возможно, причина для тревоги была иная, чем у Пирсона.

— Да, Маку нельзя отказать в логике. Наверное, меня понесло, но только потому, что это исторический день. Для всех нас.

Он выдержал театральную паузу, а потом сдернул с мольберта синюю тряпку. Слушатели, как один, наклонились вперед, ожидая сенсации, потом откинулись на спинки стульев со вздохом разочарования. На мольберте стояла черно-белая фотография заброшенного склада. Достаточно увеличенная, чтобы глаз мог разобрать валяющиеся на полу бумажные пакеты, презервативы, пустые бутылки, прочитать надписи на стенах. Самая большая гласила: «КТО СМЕЛ, ТОТ И СЪЕЛ».

В зале зашептались.

— Пять недель назад, — со значением произнес Делрей, — Лестер, Кендра и я выследили двух бэтменов, которые приехали к этому заброшенному складу неподалеку от Кларк-Бэй.

Темноволосая женщина в круглых очках без оправы, которая сидела рядом с Лестером, оглянулась на зал, но Пирсон мог поклясться, что она пусть мельком, но посмотрела на часы.

— Здесь, — он постучал на одну из погрузочных площадок, — они встретились еще с тремя бэтменами и двумя бэтменшами. И вошли на склад. С тех пор мы, сменяя друг друга, вели за складом постоянное наблюдение. Мы установили...

На лице Дьюка читалась обида. С тем же успехом он мог вытатуировать на лбу слова: «ПОЧЕМУ НЕ ВЗЯЛИ МЕНЯ?»

— ...что именно здесь находится место встреч бэтменов Бостонского региона.

«*Бостонские бэтмены*», подумал Пирсон. *Отличное название для бейсбольной команды**. И вновь вернулось сомнение. *Неужели это я сижу здесь и слушаю весь этот бред? Неужели это происходит наяву?*

И внезапно, словно это сомнение подхлестнуло память, он услышал Делрея, представляющего собравшимся в подвале Бесстрашным охотникам на бэтменов их нового собрата, Брендона Пирсона из далекого Медфорда.

---

* Английское слово bat имеет несколько значений, в том числе: летучая мышь и бейсбольная бита.

Он повернулся к Дьюку, прошептал на ухо:

— Когда ты разговаривал с Джанет по телефону, из «Галлахера», ты сказал, что приведешь меня, так?

Дьюк нервно повел плечами, как бы говоря: разве ты не видишь, что я слушаю, потом ответил:

— Конечно.

— Ты сказал ей, что я из Медфорда?

— Нет. Откуда я мог это знать? Дай мне послушать, Бренд! — И вновь повернулся к Делрею.

— Мы записали номера тридцати пяти автомобилей, роскошных автомобилей и лимузинов, которые подкатывали к этому заброшенному складу. — Делрей помолчал, дабы слушатели получше усвоили его слова, вновь посмотрел на часы и продолжил: — Некоторые приезжали по десять — двенадцать раз. Бэтмены специально выбрали для своих неформальных встреч столь неприметное место, чтобы им никто не мог помешать, но я думаю, скоро они выяснят, что тем самым они загнали себя в угол. Потому что... одну секунду, друзья...

Он наклонился к Лестеру, о чем-то заговорил с ним, очень тихо. Сидевшая рядом Кендра переводила взгляд с одного на другого, словно следила за игроками в пинг-понг. Остальные недоуменно поглядывали на перешептывающуюся троицу.

Пирсон прекрасно знал, какие их сейчас обуревали чувства. *Готовится что-то большое*, пообещал Дьюк, и по напряженной атмосфере подвала он понял, что и остальные пришли на собрание с тем же предчувствием. А «что-то большое» обернулось черно-белой фотографией заброшенного склада, усыпанного мусором и использованными презервативами. Что же тут не так?

Должно быть, что-то большое связано с чемоданом, подумал Пирсон. *И как этот веснушчатый узнал, что я из Медфорда? Что ж, когда после речи наступит время вопросов и ответов, я обязательно спрошу его об этом.*

Но тревога, из-за которой пылало лицо, учащался пульс и, главное, ужасно хотелось курить, только усиливалась.

Грозила перейти в паническую атаку, вроде тех, которые он испытывал в колледже перед ответственными экзаменами. В чем дело? Если это не страх, то что?

Да нет, конечно же, страх. Но боялся я не того, что попал в компанию психов. Я знал, что бэтмены существовали. Я не чокнулся, точно так же, как оставались в здравом уме Дьюк, Мойра, Кэм Стивенс или Джанет Брайтвуд. И все-таки что-то не складывалось... совсем не складывалось. И выпадал из общей картины Робби Делрей, маляр и Спаситель человечества. Он знал, откуда я. Брайтвуд позвонила ему, сказала, что Дьюк приведет с собой новенького, звать его Брендон Пирсон и работает он в Первом торговом, вот Робби и навел справки. Почему он это сделал? И как?

Память услужливо подсказала слова Дьюка Ринеманна: «*...они умны, и у них много друзей во властных структурах. Черт, да они так и лезут во власть*».

Если у тебя есть друзья во властных структурах, ты можешь очень быстро получить досье интересующего тебя человека, не так ли? Да. Обитатели коридоров власти имеют доступ к паролям компьютеров, ко всей закрытой для посторонних информации...

Пирсон дернулся, словно человек, пробуждающийся от кошмара. Непроизвольно вытянул ногу, ударил по основанию стойки. Она начала падать. Тем временем шепот в первом ряду сменился кивками.

— Лес? — спросил Делрей. — Помоги мне, пожалуйста. И ты, Кендра, тоже.

Пирсон потянулся, чтобы перехватить стойку до того, как она упадет и стукнет кого-нибудь по голове, а может, даже скальпирует, все-таки на конце крепился металлический крюк. Стойку Пирсон поймал, уже приставлял ее к стене, когда увидел гоблина, всматривающегося в окно. Маленькие черные глазки, как у забытой под кроватью куклы, смотрели в широко раскрытые синие глаза Пирсона. Шевелящаяся плоть напоминали газовые кольца, вращающиеся вокруг гигантской планеты. Вздувшиеся черные вены пульсировали на голом черепе.

— Помоги мне открыть защелки, — говорил Делрей на другом конце галактики. Добродушно хохотнул. — Больно они тугие.

А для Брендона Пирсона время словно отыграло назад: как и утром, он попытался закричать, но шок лишил его дара речи, и из горла вырвался лишь сдавленный хрип, так иной раз мужчины стонут во сне.

Бестолковая речь.

Бессмысленная фотография.

Поглядывание на часы.

А тебе не боязно? Столько перекурщиков в одном месте? Этот вопрос он задал Дьюку и тот с улыбкой ответил: *Нет, Робби чует бэтменов.*

На этот раз никто не остановил его, на этот раз вторая попытка Пирсона закричать увенчалась полным успехом.

— *ЭТО ЗАПАДНЯ!* — Он вскочил. — *ЭТО ЗАПАДНЯ! МЫ ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО УХОДИТЬ!*

Удивленные лица повернулись к нему. Лишь три человека не отреагировали на его слова: Делрей, Олсон и черноволосая Кендра. Они наконец справились с замками и отбросили крышку. На их лицах читались шок, чувство вины... но не удивление. Удивление отсутствовало напрочь.

— Сядь, парень! — прошипел Дьюк. — Или у тебя едет к...

Наверху с треском вылетела дверь. Гулкие шаги направились к лестнице.

— Что происходит? — спросила Джанет Брайтвуд. Обращалась она к Дьюку. В ее широко раскрытых глазах застыл испуг. — *О чем он говорит?*

— *НАДО ВЫБИРАТЬСЯ ОТСЮДА!* — кричал Пирсон. — *ВЫБИРАТЬСЯ К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ! ОН ВСЕ ПОСТАВИЛ С НОГ НА ГОЛОВУ! В ЗАПАДНЕ МЫ, А НЕ ОНИ!*

Дверь над узкой лестницей, ведущей в подвал, с грохотом распахнулась, и сверху послышались жуткие звуки: Пирсон словно слышал урчание своры питбулей, пожирающих брошенного им человеческого младенца.

— *Кто там?* — взвизгнула Джанет. — *Кто там наверху?* — Но на ее лице не читалось вопроса. Ее лицо прекрасно знало, кто находится наверху. Что находится наверху.

— *Успокойтесь!* — крикнул Робби Делрей сбитым с толку, ничего не понимающим людям, многие из которых по-прежнему сидели на стульях. — *Они обещали нас простить! Вы меня слышите? Вы понимаете, что я говорю? Они дали мне слово, что...*

В этот самый момент подвальное окно, расположенное левее от того, в котором Пирсон увидел бэтмена, вывалилось внутрь, осыпая осколками сидящих под ним людей. Рука, в рукаве от Армани, потянулась вниз, ухватила Мойру Ричардсон за волосы. Она кричала и билась, пытаясь вырваться из цепких пальцев... да только это была не рука — птичья лапа с длинными когтями.

Автоматически, не думая, что делает, Пирсон схватил стойку, прыгнул вперед и вонзил крюк в чудовищную морду, торчавшую в окне. Крюк угодил прямо в глаз твари. Густая, темная жидкость полилась на поднятые руки Пирсона. Бэтмен издал какой-то звук, Пирсон очень надеялся, что крик боли, и подался назад, вырвав стойку из рук Пирсона. Но прежде чем бэтмен скрылся из виду, Пирсон успел заметить, как из его морды поплыли струйки белесого тумана, и запахло

(*пылью мочой горячим соусом «чили»*)

чем-то неприятным.

Кэм Стивенс сжал Мойру в объятиях, тупо уставился на Пирсона. Так же таращились на него и остальные мужчины и женщины, напоминая стадо лосей, внезапно попавших под свет фар выскочившего из-за поворота грузовика.

Совсем они не похожи на бойцов сопротивления, подумал Пирсон. *Скорее на овец, которых вот-вот погонят на бойню, да еще этот иуда-баран, который стоит посреди подвала бок о бок со своими пособниками.*

Шаги по лестнице приближались, но не так быстро, как ожидал Пирсон. Потом он вспомнил, что лестница-то очень узкая, двоим не разойтись, и возблагодарил за это Бога. Схватил Дьюка за галстук, рывком поставил на ноги.

— Пошли. Сматываемся отсюда. Есть тут черный ход?

— Я... не знаю. — Дьюк медленно тер один висок, словно у него вдруг разболелась голова. — Это сделал Робби?

Робби? Этого не может быть... или может? — Он всматривался в Пирсона.

— Боюсь, что может, Дьюк. Пошли.

Сделал два шага к центральному проходу, все еще держа Дьюка за галстук, остановился. Делрей, Олсон и Кендра выхватили из чемодана автоматы размером чуть побольше пистолета с нелепыми тонкими откидными прикладами. Пирсон видел «узи» только в кино или на экране телевизора, но как-то сразу понял, что у них в руках. «Узи» или их близкие родственники. Впрочем, значения это не имело, не так ли? Главное заключалось в том, что это было оружие.

— Стоять. — Делрей, похоже, обращался к Дьюку и Пирсону. Попытался улыбнуться, но лицо исказилось гримасой заключенного-смертника, которому только что объявили дату казни. — Не двигаться.

Но Дьюк продолжал двигаться. Уже вышел в проход, Пирсон держался рядом. Начали подниматься и остальные, тоже подались к мольберту, нервно оглядываясь на доносящийся с лестницы шум. Их взгляды говорили о том, что оружие в руках Делрея, Олсона и Кендры им не нравится, но еще больше им не нравились звуки, раздававшиеся наверху.

— Почему? — спросил Дьюк, и Пирсон увидел, что он едва не плачет. Он поднял руки ладонями вверх. — Почему ты нас предал?

— Остановись, Дьюк, я тебя предупреждаю. — Лестер Олсон чуть тянул слова, словно успел приложиться к бутылке.

— И вы тоже стойте! — крикнула Кендра остальным. Ее голос звучал четко. А глаза бегали из стороны в сторону: она опасалась, как бы их не обошли с флангов.

— У нас не было ни единого шанса, — объяснил Дьюку Делрей, в голосе слышалась мольба. — Они следили за нами, могли схватить нас в любой момент, но они предложили мне сделку. Ты понимаешь? Я вас не предал. Я вас не предавал. Они пришли ко мне, — говорил он страстно, но загнанный взгляд свидетельствовал совсем о другом. Он сообщал всем, кто хотел это увидеть, о существовании другого Робби Дел-

рея, лучшего Робби Делрея, который изо всех сил пытался отмежеваться от этого чудовищного предательства.

— ТЫ ГРЕБАНЫЙ ЛЖЕЦ! — взревел Дьюк Ринеманн, который наконец-то понял, что Спаситель на поверку оказался Иудой. Прыгнул на человека, который спас его психику, а может, и жизнь в поезде «Красная стрела»... и разверзся ад.

Всего Пирсон видеть не мог, но отдельные моменты навсегда впечатались в его память. Он увидел, как Робби Делрей, после секундной заминки, отвел автомат в сторону, словно решил оглушить Дьюка, используя ствол вместо дубинки. Он увидел, как Лестер Олсон, который застрелил бэтмена в амбаре неподалеку от Ньюберипорта, до того, как струсил и решил пойти на сделку с бэтменами, уперся откидным прикладом в пряжку ремня и нажал на спусковой крючок. Он увидел, как синие искорки появились в вентиляционных отверстиях на стволе, услышал грубое: «Хэк-хэк-хэк-хэк!» Предположил, что так звучат выстрелы в реальном мире. Что-то невидимое пронеслось в дюйме от его лица. А потом он увидел, как Дьюка отбросило назад и из груди фонтаном забила кровь, окрашивая белую рубашку и кремовый костюм. Увидел, как мужчина, стоявший за Дьюком, рухнул на колени, прижав руки к глазам, а между пальцами уже сочилась ярко-алая кровь.

Кто-то, возможно, Джанет Брайтвуд, закрыл дверь из подвала на лестницу еще до начала собрания. Теперь эта дверь распахнулась, и в подвал ввалились два бэтмена в форме бостонской полиции. Огромные, бесформенные головы, глазки яростно вперились в перекурщиков.

— *Прощение!* — кричал Робби Делрей. Веснушки прибавили яркости. Должно быть, потому, что кожа между ними цветом не отличалась от мела. — *Прощение! Мне обещали, что всех простят, если вы не двинетесь с места и поднимете руки!*

Несколько человек, в основном те, кто кучковался у кофеварки, действительно подняли руки, но продолжали пятиться от одетых в полицейскую форму бэтменов. Один из

них рванулся вперед, что-то буркнул, схватил какого-то мужчину за рубашку, подтащил к себе. А мгновением позже, до того, как Пирсон понял, что происходит, вырвал у него глаза. Посмотрел на желеобразную массу, лежащую на ладони, и отправил в рот.

Когда еще двое бэтменов ворвались в подвал, оглядывая его черными глазками, второй псевдокоп выхватил служебный револьвер и трижды, не целясь, выстрелил в толпу.

— *Нет!* — услышал Пирсон крик Делрея. — *Нет, вы обещали!*

Джанет Брайтвуд обеими руками взялась за кофеварку, подняла над головой, швырнула в одного из пришельцев. Послышался металлический удар, бэтмена окатило раскаленным кофе. На этот раз у Пирсона сомнений не возникло: в крике слышалась боль. Один из копов-бэтменов попытался схватить Джанет. Она увернулась, попыталась убежать, споткнулась и исчезла в массе тел, отпрянувших в глубь подвала.

Окна разбивались одно за другим, Пирсон слышал нарастающий вой сирен. Он увидел, что бэтмены разбились на две группы и пытаются загнать объятых паникой перекурщиков в подсобку в дальней части подвала, за уже перевернутым кем-то мольбертом, где, должно быть, была дверь черного хода.

Олсон бросил автомат, схватил Кендру за руку, увлекая ее к дальней стене. Рука бэтмена появилась в одном из окон, когти вцепились в роскошную седую шевелюру и потащили его вверх. Появилась вторая рука, и коготь длиной в добрых три дюйма вспорол Олсону шею: кровь хлынула рекой.

Тебе больше не придется отстреливать бэтменов в амбарах, друг мой, подумал Пирсон. Повернулся к Делрею. Тот стоял между чемоданом с откинутой крышкой и перевернутым мольбертом, автомат смотрел в пол, глаза шокировали пустым взглядом. Когда Пирсон потянул на себя автомат, пальцы Делрея, сжимавшие откидной приклад, безвольно разжались.

— Они пообещали простить нас, — доверительно сообщил он Пирсону. — Они *пообещали*.

— Неужели ты действительно думал, что таким тварям можно верить? — спросил Пирсон, прежде чем со всей силы двинуть тыльной частью приклада в лицо Делрея. Что-то хрустнуло, наверное, нос, и варвар, проснувшийся в душе банкира, взвыл от восторга.

Он двинулся дальше, следом за остальными, лавируя между коробками с книгами, остановился, услышав доносящуюся с улицы стрельбу. Стрельбу... крики... восторженный рев.

Пирсон развернулся на сто восемьдесят градусов и увидел Кэма Стивенса и Мойру Ричардсон, стоявших в проходе между стульями. Они держались за руки, от ужаса их лица превратились в застывшие маски. Пирсон успел подумать: «Вот так, наверное, выглядели Ганс и Гретель после того, как вышли из домика, построенного из имбирных пряников». Потом наклонился, поднял с пола автоматы Кендры и Олсона, протянул им.

Еще два бэтмена вошли в дверь. Они, похоже, никуда не спешили, словно все шло по плану... и Пирсон предположил, что так оно и было. Все действие разворачивалось за домом, где находилась дверь черного хода. Там, должно быть, находился загон — не здесь, и бэтмены не просто убивали добычу.

— Пошли, — бросил он Кэму и Мойре. — Разберемся с этими говнюками.

Бэтмены слишком поздно поняли, что некоторые из «овец» не пожелали идти на бойню. Один из них развернулся, чтобы броситься на лестницу, поскользнулся на луже кофе, врезался в третьего бэтмена, входившего в дверь. Оба упали. Пирсон открыл огонь по тому, который остался на ногах. «Хэк-хэк-хэк!» — гаркнул автомат, бэтмена отбросило назад, чудовищная голова развалилась надвое, выпустив облако тумана... *Кто-то еще скажет, что это призраки*, подумал Пирсон.

Кэм и Мойра сообразили, что к чему, и открыли огонь по двум поднимающимся с пола бэтменам, превратив и их в груду одежды и облачко тумана, который пах примерно

так же, как астры на мраморном островке у Первого торгового банка.

— Пошли. — Пирсон двинулся к двери. — Если уйдем сейчас, возможно, сумеем выбраться.

— Но... — начал Кэмерон, оглянулся, начиная выходить из ступора.

Это хорошо, подумал Пирсон. Почему-то ему казалось, что вырваться из западни им удастся, только сжав волю в кулак и мобилизовав все внутренние резервы.

— Не важно, Кэм, — подала голос Мойра, оглянулась, отметила, что в подвале не осталось ни людей, ни бэтменов. — Пошли. Я тоже думаю, что наш единственный шанс — дверь, через которую мы сюда попали.

— Да, — кивнул Пирсон. — И только в том случае, если мы поторопимся. — Он бросил последний взгляд на Дьюка, на лице которого так и застыло крайнее изумление. Пожалел о том, что нет времени закрыть ему глаза. — Пошли.

И они двинулись к лестнице.

Когда они добрались до двери, выходящей на крыльцо и Кембридж-авеню, стрельба за домом начала стихать. «*Скольких убили?*» — сверкнул в голове вопрос, и ответ, ужасный, но единственно правильный, не заставил себя долго ждать: «*Всех!*» Он предположил, что один или два человека все-таки сумели ускользнуть, но не больше. Бэтмены успели подготовиться к охоте, пока Робби Делрей нес всякую чушь, тянул время и поглядывал на часы... возможно, ожидая сигнала, которого Пирсон не заметил.

Если бы я очнулся чуть раньше, Дьюк был бы жив, с горечью думал он. Наверное, был бы, но, будь желания лошадьми, нищие бы ездили на лошадях. Но времени корить себя у него не было.

Еще один коп-бэтмен стоял на крыльце, но смотрел на улицу, возможно, охранял магазин от зевак, которых мог привлечь шум. Пирсон всунулся в дверь.

— Эй, страшилище, дай прикурить.

Бэтмен обернулся.

И Пирсон очередью снес ему голову.

4

Во втором часу ночи три человека, двое мужчин и женщина в порванных колготках и грязной красной юбке, бежали вдоль товарного поезда, отходящего от Саут-стейшн. Мужчина, тот, что помоложе, легко запрыгнул в зев пустого вагона, повернулся, протянул руки женщине.

Она споткнулась, вскрикнула, один из низких каблуков сломался. Пирсон обнял ее за талию (уловил аромат «Джорджо», едва пробивающийся сквозь запахи пота и страха), не давая остановиться. «Прыгай!» — крикнул он. Женщина прыгнула, он подхватил ее за бедра и бросил в протянутые к ней руки Кэмерона Стивенса. Их руки встретились, и Пирсон резким толчком помог Стивенсу втянуть Мойру в вагон.

Сам же сбавил ход и впереди, не так уж и далеко, увидел забор, за которым заканчивалась территория станции. Товарняк уползал в ворота, практически полностью заполняя их проем: в узкий зазор Пирсон протиснуться бы не смог.

Кэм выглянул из вагона, оценил расстояние до забора, вновь вытянул руки.

— *Давай!* — крикнул он. — *Ты успеешь!*

Пирсон, конечно же, не смог бы успеть, в прошлой жизни, когда выкуривал по две с половиной пачки в день. Но он стал перекурщиком, а потому нашел дополнительные запасы энергии и для легких, и для ног. Ускорился, вновь стал обгонять поезд. Поднял руки, пытаясь дотянуться до ждущих рук Стивенса. Но приближался и забор, увитый колючей проволокой.

И вдруг, как наяву, увидел свою жену. Она сидела в гостиной, заплаканная, с покрасневшими глазами. И рассказывала двум копам об исчезновении ее мужа. Он видел стопку книг Дженни, лежащих на маленьком столике. Неужели так будет? Да, конечно, возможно, он ошибался в деталях, но не в главном. И Лизбет, которая за всю жизнь не выкурила ни одной сигареты, не разглядела бы черные глазки и зубастые пасти под молодыми лицами полицейских, которые сидели на ее диване. Не увидела бы сочащуюся из бугров розовую гадость, пульсирующие вены на голом черепе.

Не увидела бы... не могла увидеть. Откуда?

Господи, благодарю Тебя за ее слепоту, подумал Пирсон. *Да будет так до скончания ее века.*

Он устремился к черному зеву идущего на запад грузового вагона, к оранжевым искрам, которые высекло колесо из стального рельса.

— Еще немного! — взвизгнула Мойра, высовываясь из вагона. — Пожалуйста, Брендон... еще чуть-чуть!

— Скорей, скорей! — кричал Кэм. — Забор! Гребаный забор!

Не могу, подумал Пирсон. *Не могу скорей, не могу успеть до забора. Хочу лечь. Лечь и спать.*

Потом подумал о Дьюке и прибавил хода. Дьюк по молодости не знал, что иногда люди ломаются и предают, иногда даже те, кого ты боготворишь, но ему хватило мудрости, чтобы схватить Бренда Пирсона за руку и спасти от смерти. Дьюк бы не хотел, чтобы он остался за этим гребаным забором.

Последний рывок Пирсону удался. Он схватился за руки Стивенса, когда забор уже наезжал на него. Прыгнул, почувствовал, как пальцы Мойры ухватили его за потные подмышки, и втянул в вагон правую ногу за секунду до того, как забор оторвал бы ее вместе с туфлей.

— «Приключения в поезде», — выдохнул он. — Иллюстрации Н. К. Уайета!

— Что? — переспросила Мойра. — Что ты сказал?

Он повернулся, посмотрел на них сквозь завесу упавших на глаза волос, стоя на четвереньках, тяжело дыша.

— Не важно. У кого есть сигареты? Ужасно хочется курить.

Несколько секунд они таращились на него, потом переглянулись и одновременно расхохотались. Пирсон догадался: сие означало, что они влюблены.

Они катались по полу товарного вагона, корчась от смеха, а Пирсон уже сел и начал ощупывать карманы грязного, порванного пиджака.

— Ага. — Его рука обнаружила знакомый прямоугольник. Он вытащил мятую пачку, протянул им. — Так за победу!

* * *

Товарняк медленно полз на запад, в темноте вагона краснели три крошечных уголька. Через неделю они были в Омахе. По утрам, часиков в десять, прогуливались по центру, приглядывались к людям, выискивая перекурщиков, членов Потерянного Колена, которые ушли за верблюдом Джо.

К ноябрю двадцать человек регулярно встречались в подсобке бывшего магазина скобяных товаров в Ла Висте.

Свой первый рейд они провели в начале следующего года, нагрянули в Консил-Блафф, на другом берегу Миссури, и перебили тридцать бэтменов, прячущихся под личиной преуспевающих банкиров и менеджеров Среднего Запада. Не много, конечно, но Брендон Пирсон уяснил для себя, что в убийстве бэтменов и в сокращении числа выкуриваемых за день сигарет есть один общий момент: главное — начать.

КРАУЧ-ЭНД

В третьем часу ночи женщина наконец ушла. Вернее, почти в половине третьего. Темная сонная улица Тоттенхэм-лейн за окнами полицейского участка в предместье Крауч-Энд напоминала мелкую пересохшую речку. Лондон спал... но Лондон всегда спит чутко, и снятся ему беспокойные сны.

Констебль Веттер закрыл блокнот, исписанный почти весь вслед за странным, безумным рассказом американки. С тоской взглянул на пишущую машинку и кипу бланков на полочке рядом.

— Здесь работы почти до утра, — сказал он.

Констебль Фарнхэм сосредоточенно пил кока-колу. Он долго молчал.

— Она ведь американка, правильно? — сказал он наконец, как будто этим все объяснялось.

— Пойдет в нераскрытое. — Веттер огляделся в поисках сигарет. — Но интересно...

Фарнхэм расхохотался.

— Только не говори мне, что ты ей поверил! Это же полный бред!

— А я разве что-то такое сказал? Вовсе нет. Но ты тут еще новичок.

Фарнхэм выпрямился. Ему двадцать семь, и он *не просил*, чтобы его переводили сюда из Масвелл-Хилл, и, уж конечно, он не виноват, что Веттер, который годится ему в папа-

© Перевод. Покидаева Т. Ю., 2000.

ши, провел всю свою «выслугу лет» — наверняка не богатую на события — в тихом лондонском пригороде под названием Крауч-Энд.

— Может быть, — сказал он. — Но при всем уважении к вашим сединам, прошу заметить, что я все-таки не идиот и могу отличить полный бред, когда я что-то такое вижу... или слышу.

— Ладно, приятель, не заводись. Лучше дай закурить, — попросил Веттер, пряча улыбку. — Вот спасибо! Хороший ты парень. — Он прикурил от спички из большой красной коробки, потом задул спичку и рассеянно бросил ее в пепельницу Фарнхэма. Пристально посмотрел на парня, щурясь сквозь облачко сизого дыма. Сам он давно не молод и явно пообтрепался с годами: все лицо избороздили морщины, а на носу проступили багровые узелки, как у старого пьяницы. За вечер старина Веттер запросто добивает свою упаковочку крепкого пива, такие вот дела. — Ты, может быть, думаешь, Крауч-Энд — это такое спокойное, тихое, скучное место?

Фарнхэм пожал плечами. По правде сказать, он считал Крауч-Энд этакой «задницей мира», как любил выражаться его младший брат.

— Да, — продолжал Веттер. — Именно так ты и думаешь. И ты прав. Спокойное, тихое, скучное место, где в одиннадцать вечера все уже дрыхнут. Только я тут навидался *такого*... И если ты здесь продержишься хотя бы половину моего срока, и на твою долю тоже достанется странностей. В этом тихом и скучном предместье на шесть — восемь кварталов творится такая петрушка, что все остальные районы просто отдыхают... я понимаю, звучит слишком уж монументально, но это так. И меня это пугает. И почему я накачиваюсь пивком — чтобы было не так страшно. Ты хоть раз задавался вопросом, почему сержант Гордон совсем седой, хотя ему только сорок? Или возьмем вот беднягу Петти... ты вот взгляни на него... то есть это я так выражаюсь: «взгляни на него»... теперь на него уже можно глянуть. Он покончил с собой летом семьдесят шестого. В то горячее лето. Это было... — Веттер умолк на мгновение, подбирая слова. —

В общем, поганое было лето. Очень поганое, да. Многие наши боялись, что их затянет туда.

— Чего боялись? Куда затянет? — Фарнхэм презрительно усмехнулся краешком рта. Он понимал, что это невежливо, но просто не мог удержаться. По его скромному мнению, Веттер несет полный бред. Как и та сумасшедшая американка. Он всегда был слегка не в себе. От пьянства, наверное. А потом он заметил, что Веттер глядит на него.

— Думаешь, старый хрыч головой повернулся? — спросил он с улыбкой.

— Да нет, вовсе нет, — горячо возразил Фарнхэм, тяжко вздохнув про себя.

— Ты славный парень, — сказал Веттер. — В моем возрасте ты не будешь сидеть за столом в такой вот дыре на окраине города. Тебя ждет хорошее будущее, если, конечно, ты не уйдешь из полиции. А ты не уйдешь, как мне кажется. Правильно?

— Да.

Фарнхэм действительно не собирался уходить из полиции. Он намеревался остаться, пусть даже Шейла нудит, что ему нужно найти себе что-нибудь побезопаснее, чтобы она не тряслась за него каждый день. Например, устроиться на конвейер к Форду. Вот только Фарнхэма начинало подташнивать при одной только мысли о том, чтобы всю жизнь проторчать на конвейере.

— Так я и думал. — Веттер выпустил дым и затушил сигарету в пепельнице. — Это уже в крови, правильно? Я всегда говорил: полицейским надо родиться. Как мне кажется, ты далеко пойдешь и закончишь свою карьеру уж никак не в таком скучном, унылом месте, как наш Крауч-Энд. Но все равно ты еще многого не знаешь. Крауч-Энд — непростое местечко. Как-нибудь будет время — загляни в нераскрытые, Фарнхэм. У нас здесь полно нераскрытых дел. Ну... в основном это, конечно, обычная мутота... мальчики-девочки убегают из дома в хиппи или в панки, или как там они сейчас обзываются, я не знаю... пропадают мужья (а как глянешь на женушек, сразу становится ясно, с чего бы им вдруг пропадать)... поджоги... сумочку вырвали... все такое. Но среди

этого хлама попадается и *такое*, что кровь стынет в жилах. А иной раз и тянет блевать.

— Серьезно?

Веттер кивнул.

— И там есть очень похожие на тот случай, о котором нам только что рассказала эта американочка. Бедная девочка... она больше уже никогда не увидит мужа, помяни мое слово. — Он взглянул на Фарнхэма и пожал плечами. — Хочешь верь, хочешь нет. Я все равно знаю, о чем говорю. Папки с нераскрытыми в том шкафу. Мы их называем «открытыми». Звучит не так эпохально, как «нераскрытые». И мягче, чем «полный абзац, поцелуй меня в задницу». Ты почитай их, Фарнхэм. Почитай.

Фарнхэм промолчал, но для себя решил, что как-нибудь обязательно их почитает. Если там целый сборник историй, подобных той, что сейчас рассказала эта американка... то, наверное, оно того стоит. Хотя бы по приколу.

— Иногда, — сказал Веттер, потихонечку вынимая из пачки Фарнхэма еще одну сигарету, — я начинаю задумываться об измерениях.

— Измерениях?

— Да, сынок, измерениях. Не зря же фантасты как будто взбесились насчет измерений. Ты вообще читаешь фантастику, Фарнхэм?

— Нет, — ответил Фарнхэм.

Ему показалось, что Веттер над ним издевается.

— Лавкрафта, скажем, читал?

— Вообще о таком не слышал, — сказал Фарнхэм. Последняя книжка, которую он читал для развлечения, представляла собой стилизацию под роман викторианской эпохи и называлась «Два джентльмена в шелковых панталонах».

— Так вот, этот самый Лавкрафт очень много писал о других измерениях, — продолжал Веттер, доставая спички. — О других измерениях, которые соприкасаются с нашим. Там живут такие бессмертные чудища, которые одним своим видом могут свести человека с ума. Чушь, конечно. Но знаешь... когда к нам в участок врывается кто-то из этих людей с выпученными глазами, я начинаю задумываться... *а уж*

такая ли это чушь. И вот тогда мне приходят совсем уж странные мысли. И особенно ночью, когда за окнами темно, как сейчас. Например, что наш мир — такой уютный, нормальный, разумный мир, — похож на большой кожаный мяч, надутый воздухом. Но в каких-то местах эта кожа сильно протерлась. И барьеры там тоньше и уязвимее. Понимаешь?

— Ага, — сказал Фарнхэм и подумал: *Поцелуй меня в задницу, старый хрыч... у меня всегда возникает желание поиметь поцелуйчик в то самое место, когда меня держат за дурака.*

— И тогда я думаю: «Наш Крауч-Энд — как раз такое тонкое место». Глупо, конечно, я все понимаю. Но *иногда* я так думаю. Наверное, у меня просто больное воображение. Мама всегда говорила, что я фантазер.

— Правда?

— Ага. И знаешь, что я еще думаю?

— Нет, сэр. Понятия не имею.

— Я думаю: с Хайгейтом все в порядке. В Масвелл-Хилле и Хайгейте толщина между нами и *измерениями* как раз такая, какая надо. Но вот, скажем, Арчвей и Финсбери-Парк... они *тоже* граничат с Крауч-Эндом. У меня там приятели очень хорошие, и они в курсе, что я малость интересуюсь всякими такими вещами, которые не находят разумного объяснения. Например, сумасшедшими историями, которые нам тут иной раз рассказывают. Причем, заметь, этим людям вроде бы не за чем сочинять всякие ужасы. Они от этого ничего не выигрывают. Тебе не приходило в голову, Фарнхэм, с чего бы вдруг эта женщина рассказала нам такую историю... выдумывать ей без надобности. Значит, все это правда.

— Ну...

Веттер зажег спичку и взглянул на Фарнхэма поверх крошечного язычка пламени.

— Красивая молодая женщина двадцати шести лет, двое детишек в отеле, муж — молодой преуспевающий адвокат в Милуоки или где там еще. Что она выигрывает от того, что врывается посреди ночи в полицейский участок и рассказывает историю, больше похожую на сценарий для какого-нибудь фильма ужасов?

— Я не знаю, — натянуто проговорил Фарнхэм. — Но должно быть какое-то объясне...

— Вот я и подумал, — перебил его Веттер, — что если они существуют, эти «тонкие места», то одно из них *точно* находится где-то в Арчвее или Финсбери-Парке... то есть там оно только-только начинает себя проявлять... а самая тонкая его часть расположена здесь, в Крауч-Энде. И у меня возникает вопрос: а что, если однажды кожа между нашим миром и тем миром, который прячется изнутри, окончательно изотрется? Может быть, так все и будет... если хотя бы половина из того, что рассказала нам эта американка, правда.

Фарнхэм молчал. Про себя он решил, что констебль Веттер точно малость того. Может быть, он еще верит во френологию, хиромантию и этих... как их... розенкрейцеров.

— Почитай нераскрытые дела, — сказал Веттер, вставая. Он потянулся, схватившись руками за поясницу, и в спине у него явственно хрустнуло. — Пойду немного проветрюсь на улицу.

Он вышел. Фарнхэм проводил его взглядом, в котором асмешка мешалась с легким презрением и искренним возущением. Нет, Веттер точно немного тронутый. И вечно греляет у всех сигареты. А сигареты нынче недешевы — этом дивном новом мире всеобщего благосостояния и умеренного социализма. Он взял со стола блокнот Веттера и принялся перечитывать показания девушки.

Да, он обязательно почитает нераскрытые дела.

Смеха ради.

Девушка — или молодая женщина, как теперь принято говорить (и похоже, все американцы только так теперь и говорят; совсем уже чокнулись на своих общественно приемлемых выражениях) — влетела в участок в четверть одиннадцатого, вечером накануне. Вся такая растрепанная, со спутанными волосами и дико выпученными глазами. Сумку она волочила по полу, держа ее за ремень.

— Лонни, — заголосила она с порога. — Пожалуйста... вы должны найти Лонни.

— Ну, мы будем стараться, — отозвался невозмутимый Веттер. — Только сначала вы нам скажите, кто такой этот Лонни.

— Он умер, — выдохнула молодая женщина. — Я знаю, он умер.

Она расплакалась. Потом рассмеялась таким высоким надрывным смехом. Бросила сумку на пол. У нее началась истерика.

Как обычно, под вечер по будним дням в участке было немного народу. Сержант Реймонд выслушивал показания женщины-пакистанки, которая почти с неземным спокойствием излагала, как у нее украли сумку на Хиллфилд-авеню — какой-то сопляк весь в футбольных татуировках и с панковским гребнем синих волос подлетел к ней прямо на улице и вырвал сумку из рук. Веттер увидел, как Фарнхэм вышел из приемной, где он снимал со стены старые плакаты (НАЙДЕТСЯ ЛИ В ВАШЕМ СЕРДЦЕ МЕСТЕЧКО ДЛЯ НЕЖЕЛАННОГО РЕБЕНКА?) и развешивал новые (ШЕСТЬ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОЙ ЕЗДЫ НА МОПЕДЕ ПО НОЧНОМУ ГОРОДУ).

Веттер подозвал к себе Фарнхэма и сделал знак Реймонду — который немедленно встрепенулся, заслышав истерические вопли американки, — чтобы тот занимался своим делом. Сержант Реймонд, известный своим пристрастием ломать пальцы воришкам-карманникам (в оправдание своих незаконных действий, явно попадающих под статью о превышении служебных полномочий, он обычно говаривал: «Да ладно, так им и надо, засранцам. И потом, пятьдесят миллионов китайцев вполне бы одобрили, так что вот»), категорически не годился для общения с женщиной, у которой истерика.

— Лонни! — надрывалась она. — Пожалуйста, сделайте что-нибудь... они забрали Лонни!

Женщина-пакистанка обернулась к молодой американке, смерила ее долгим спокойным взглядом, потом опять повернулась к сержанту Реймонду и продолжила свой безмятежный рассказ о том, как у нее украли сумку.

— Мисс... — начал было констебль Фарнхэм.

— Что здесь происходит? — прошептала она. Она дышала неровно, и сбивчиво, и часто-часто. Фарнхэм заметил у нее на левой щеке небольшую царапину. А вообще она была очень даже хорошенькая. Такая ладненькая, миниатюрная... с симпатичными грудками, пусть и маленькими, но зато крепкими и упругими, и роскошной копной каштановых волос с легкой рыжинкой. Одета не то чтобы очень дорого, но стильно и со вкусом. Правда, у одной из туфель отломился каблук.

— Что здесь происходит? — повторила она. — Чудовища...

Пакистанка опять обернулась к ней... и улыбнулась, показав гнилые зубы. Но улыбка тут же пропала, словно по мановению волшебной палочки, и пакистанка вновь повернулась к сержанту Реймонду, чтобы заполнить бланк заявления об утере и краже собственности.

— Фарнхэм, голубчик, сделай нам с барышней кофе и притащи его в третью комнату, — сказал Веттер. — Вы ведь выпьете кофе, милая?

— Лонни, — прошептала она. — Я знаю, он умер.

— Давайте мы сделаем так: пойдем в другой кабинет, ядем спокойно и во всем разберемся. — Веттер помог ей стать. Пока он провожал ее в другой кабинет, по-отечески риобняв за талию, она продолжала что-то бессвязно бор отать — глухим жалобным голосом. Ее походка была неровной и шаткой из-за отломанного каблука.

Фарнхэм сделал кофе, принес его в третью комнату — небольшой кабинет с белыми стенами и безо всяких излишеств: покорябанный стол, четыре стула и маленький холодильник в углу, — и поставил большую фарфоровую кружку перед молодой женщиной.

— Вот, милая, — сказал он. — Выпейте кофе, вам станет легче. Если вам нужен сахар...

— Я не могу это пить, — сказала она. — Не могу...

Но она все-таки взяла кружку — двумя руками. Как будто у нее озябли руки и она пыталась согреться. Руки у нее дрожали так сильно, что Фарнхэм испугался, что она расплескает кофе и обожжется. Надо бы ей сказать, чтобы она поставила кружку обратно на стол — от греха подальше.

— Я не могу, — повторила она, а потом отпила большой глоток, по-прежнему держа кружку двумя руками, как это делают дети, когда пьют что-то горячее из большой чашки. А когда она подняла глаза и взглянула на полицейских, вид у нее был совсем-совсем детский — усталый, трогательный и бесхитростный... и не испуганный даже, а какой-то затравленный. Как будто то, что случилось, потрясло ее настолько, что она просто забыла о том, что она — взрослая женщина, и превратилась в растерянного ребенка в стильном взрослом костюме. Словно чья-то невидимая десница протянулась с небес и отобрала у нее последние двадцать прожитых лет.

— Лонни, — сказала она. — Чудовища. Вы должны мне помочь. Пожалуйста, помогите мне. Может быть, он не умер. Может быть... *Я гражданка Соединенных Штатов!* — вдруг закричала она, а потом разрыдалась, как будто сказала какую-то постыдную непристойность.

Веттер погладил ее по плечу.

— Не надо, милая. Успокойтесь. Мы вам, конечно, поможем. И найдем вашего Лонни. Это ваш муж?

Она кивнула, все еще заливаясь слезами.

— Данни и Норма остались в отеле... у них приходящая няня... она их должна уложить... но они не заснут... будут ждать папу... чтобы папа их поцеловал перед сном...

— Пожалуйста, успокойтесь и расскажите по порядку, что произошло...

— И где это произошло, — добавил Фарнхэм.

Веттер быстро взглянул на него и нахмурился.

— Но в этом-то все и дело! — воскликнула американка. — Я *не знаю*, где это произошло! Я даже не знаю, *что именно* произошло... Но я знаю одно. Это было уж... *ужасно*!

Веттер достал блокнот.

— Как ваше имя, милая?

— Дорис Фриман. Мой муж Леонард Фриман. Мы остановились в отеле «Интерконтиненталь». Мы из Америки, американские граждане. — Похоже, на этот раз заявление о гражданском статусе немного ее успокоило. Она отпила еще кофе и поставила кружку на стол. Фарнхэм заметил, что

у нее покраснели ладони. *Ты это почувствуешь позже, милая*, подумал он.

Веттер записывал все в свой блокнот. На мгновение он оторвался от записей, стрельнул глазами в Фарнхэма — этак мельком и ненавязчиво — и снова уткнулся в блокнот.

— Вы здесь в отпуске? — спросил он.

— Да... две недели здесь и одну в Испании. Мы собирались в Барселону... но это же не поможет найти Лонни! Зачем вы мне задаете все эти вопросы, такие дурацкие?!

— Мы просто пытаемся оценить обстановку, миссис Фриман. И набираем исходные данные, — сказал Фарнхэм. И он, и Веттер говорили тихо и с расстановкой. Оба выбрали такой тон, не особенно даже об этом задумываясь. — Мы пока больше не будем задавать никаких вопросов. Расскажите нам сами, что произошло. Только все по порядку.

— Почему у вас в Лондоне невозможно поймать такси? — вдруг спросила она.

Фарнхэм слегка растерялся, но Веттер проговорил как ни в чем не бывало, словно этот вопрос был очень даже уместен в данной ситуации:

— Сложно сказать. Наверное, из-за туристов. А что? Вас никто не хотел везти в Крауч-Энд?

— Да, — сказала она. — Мы с мужем вышли из отеля часа в три дня и сначала поехали в книжный магазин «Хэтчардс». Это где-то на Хеймаркет, правильно?

— Да, там рядом, — кивнул Веттер. — Хороший такой магазин, большой... правда?

— У отеля мы сразу же взяли такси, без проблем... они там на стоянке стояли в очереди. Но когда мы вышли из книжного, мы очень долго ловили машину. Сначала вообще никто не останавливался, а когда один все-таки *остановился*... он лишь рассмеялся и покачал головой, когда Лонни ему сказал, что нам нужно в Крауч-Энд.

— Да, когда надо ехать куда-нибудь в пригород, эти мерзавцы, прошу прощения, сразу же начинают выделываться, — сказал Фарнхэм.

— Он даже не взял фунт сверху, — проговорила она с искренним недоумением, характерным для всякого аме-

риканца, когда кто-то в его присутствии отказывается от лишних халявных денег. — Мы там простояли почти полчаса, пока наконец не нашелся таксист, который сказал, что поедет. Было уже полшестого, может быть, даже без четверти шесть. И вот тогда Лонни вдруг обнаружил, что потерял адрес...

Она снова схватилась руками за кружку.

— Вы собирались к кому-то в гости? — спросил Веттер.

— Да, к знакомому мужа. Вернее, к его коллеге. Адвокату по имени Джон Скуэльс. Лично они никогда не встречались, но их фирмы... — Она неопределенно взмахнула рукой.

— Совместно вели дела?

— Да, наверное. Когда мистер Скуэльс узнал, что мы будем в Лондоне, он пригласил нас на ужин. Они с Лонни, конечно же, переписывались, но на адрес конторы. А домашний адрес был у него на бумажке. Уже в такси Лонни вдруг обнаружил, что потерял эту бумажку. На память он ничего не помнил. Помнил только, что это где-то в Крауч-Энде.

Она взглянула на полицейских внимательно и серьезно.

— Крауч-Энд... безобразное совершенно название. Типа «ползучий квартал»... гады бывают ползучие...

— И что было потом? — спросил Веттер.

Она начала говорить, и говорила долго. К тому времени, когда она завершила рассказ, она прикончила первую кружку кофе и почти допила вторую, а констебль Веттер исписал почти весь блокнот своим крупным размашистым почерком.

Лонни Фриман был крупным мужчиной, и когда он наклонился вперед к водителю, сгорбившись на заднем сиденье такси, он сразу напомнил ей того Лонни, каким она его увидела в первый раз. Дело было на баскетбольном матче в выпускном классе школы. Он сидел на низкой скамеечке, согнув колени чуть ли не до ушей, свесив руки между расставленными ногами и упираясь в пол кулаками. Только тогда он был в длинных спортивных трусах и с полотенцем на шее, а не в костюме при галстуке, как сейчас. Его редко

когда приглашали играть в основном составе, с нежностью вспомнила Дорис. Потому что играл он плохо. И вечно терял адреса.

Таксист сочувственно выслушал трогательную историю о потерявшемся адресе. Это был пожилой мужчина в сером летнем костюме — весь подтянутый и аккуратный, не в пример вечно расхристанным нью-йоркским водилам. Только клетчатая шерстяная кепка, лихо сдвинутая на затылок, слегка выпадала из общего стиля, хотя смотрелась довольно мило: она придавала ему этакий щегольской шарм. Машины текли по улице сплошным потоком. В кинотеатре напротив шел «Призрак оперы». «Бессмертный шедевр» продолжал свое, видимо, бесконечное шествие по экранам мира.

— Знаете что, ребята. Давайте мы сделаем так, — сказал таксист. — Я вас отвезу в Крауч-Энд, там мы остановимся у первой же телефонной будки, вы позвоните своему знакомому, уточните адрес, и я вас доставлю к подъезду со всеми удобствами.

— Это так мило, — сказала Дорис. И она вовсе не издевалась. Они здесь в Лондоне уже шесть дней, и все это время она не устает поражаться, какие здесь милые, вежливые и любезные люди.

— Спасибо, — поблагодарил Лонни. Он откинулся на спинку сиденья, приобнял Дорис за плечи и улыбнулся. — Вот видишь? Теперь все в порядке.

— Но не твоими стараниями, — в шутку нахмурилась Дорис и легонько ущипнула мужа за бок.

— Ну ладно, — заключил таксист. — Вперед, в Крауч-Энд.

Был конец августа. Жаркий лондонский ветер шуршал мусором по тротуарам и задирал пиджаки мужчинам и юбки женщинам, спешащим домой с работы. Солнце садилось, и когда оно проглядывало в просветах между высокими зданиями, Дорис видела что оно уже наливается красным вечерним свечением. Таксист что-то тихонечко напевал себе под нос. Дорис расслабленно притихла в объятиях мужа — за последние шесть дней она его видела больше, чем за весь прошлый год, как ей казалось. Она подумала и решила, что

ей это нравится. И ей было приятно, что ей это нравится. Тем более что она первый раз в жизни поехала путешествовать в другие страны. Ей даже не верилось, что она выбралась из своей Америки. Она снова и снова напоминала себе, что вот сейчас она в Лондоне, а через неделю будет в *Барселоне*... как говорится, все бы так жили.

А потом солнце скрылось за глухой стеной зданий, и Дорис сразу утратила всякое ощущение направления. Она уже знала, что так всегда происходит в Лондоне, когда ты едешь в такси. Этот город напоминал ей огромный каменный муравейник, запутанный лабиринт, сотканный из беспорядочного переплетения проспектов, бульваров, улиц и переулков, — у нее в голове не укладывалось, как здесь вообще можно ездить и не теряться. На днях она поделилась своими соображениями с Лонни, и он сказал, что ездить здесь можно, но осторожно... разве она не заметила, что в каждом такси обязательно есть карта города, аккуратно сложенная на полочке под приборной доской?

В Лондоне они часто и много ездили на такси, но эта поездка была самой долгой из всех. Фешенебельные кварталы остались позади (но Дорис не покидало неприятное ощущение, что на самом деле они никуда не едут, а просто кружат на месте). Они проехали по району монументальных, если не сказать монолитных, жилых многоэтажек безо всяких признаков жизни — можно было подумать, что здесь давно уже никто не живет (хотя нет, поправилась она, когда излагала свою историю Веттеру и Фарнхэму в маленькой белой комнате в полицейском участке; она заметила одного малыша, он сидел на поребрике и жег спички). Потом они проехали по какой-то улочке с маленькими и явно дешевыми магазинчиками и овощными палатками, а потом — так что вовсе не удивительно, что у иногородних голова идет кругом от лондонской топографии, — они снова выехали в фешенебельную часть города.

— Там был даже «Макдоналдс», — сказала она Веттеру и Фарнхэму благоговейным тоном, который обычно приберегают для описания Сфинкса или Висячих садов Семирамиды.

— Да что вы говорите? — проговорил Веттер, пряча улыбку с таким же восторженным восхищением. Молодая американка, похоже, уже окончательно успокоилась и взяла себя в руки, и ему не хотелось, чтобы что-то перебило ее настрой. Во всяком случае, пока она не закончит рассказ.

Фешенебельный квартал с «Макдоналдсом» остался позади. Дома расступились, и Дорис увидела, что солнце уже превратилось в твердый оранжевый шар, зависший низко над горизонтом. По улицам струился такой странный свет, что казалось, что все пешеходы сейчас сгорят в языках яркого пламени.

— И вот тогда все начало меняться, — сказала она, почему-то понизив голос. И у нее опять задрожали руки.

Веттер весь подался вперед:

— Меняться? Как? Как все менялось, миссис Фриман?

Они проезжали мимо газетного киоска, сказала она, и ей на глаза попался большой заголовок, написанный мелом на черной доске объявлений: ПОДЗЕМНЫЙ УЖАС ПОГЛОТИЛ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК.

— Лонни, смотри!

— Что? — Он оглянулся, но они уже проехали киоск.

— Там было написано: «Подземный ужас поглотил шестьдесят человек». Кажется, они так называют метро? Подземка?

— Ага, подземка. Была авария?

— Я-то откуда знаю. — Она наклонилась вперед к водителю: — Послушайте, вы не знаете, что там случилось? Была авария в метро?

— Авария, мадам? Понятия не имею.

— У вас есть радио?

— В машине — нет.

— Лонни?

— Э?

Она увидела, что Лонни это не интересует. Он опять принялся рыться в карманах (а учитывая, что Лонни был в тройке, простор для «рытья» был немалый) в поисках затерявшегося листочка с адресом Джона Скуэльса.

Слова, написанные белым мелом на черной доске, никак не шли у нее из головы. ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ В МЕТРО, вот так надо было писать. Но... ПОДЗЕМНЫЙ УЖАС ПОГЛОТИЛ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК. Было в этом что-то такое... неприятное и тревожное. Надо же, «поглотил»... Так в старину говорили о моряках, которые утонули в море. «И морская пучина поглотила их безвозвратно».

ПОДЗЕМНЫЙ УЖАС.

Ей это очень не нравилось. В голову лезли мысли о кладбищах, канализационных шахтах и бледных и вялых тварях — мерзких и тошнотворных, — которые обитают в недрах метро, и неожиданно выпрыгивают из тоннелей, и хватают своими цепкими лапами (или, может быть, щупальцами) несчастных пассажиров на освещенной платформе, и уволакивают их в темноту...

Они повернули направо. На углу, рядом с тремя громадными мотоциклами, стояли трое парней в черной коже. Они оглянулись на проезжающее такси, и на мгновение Дорис показалось (сейчас заходящее солнце светило ей прямо в глаза), что у байкеров нечеловеческие лица. В душе шевельнулось неприятное ощущение — и не ощущение даже; *уверенность*, — что у этих ребят в черной коже не лица, а крысиные морды. Крысиные морды с черными настороженными глазами. Но потом свет немного сместился, и она поняла, что, конечно же, все было совсем не так. Это были обычные парни, которые стояли себе и курили перед кондитерской на углу.

— Ну вот, кажется, мы подъезжаем. — Лонни перестал шарить по карманам и указал пальцем в окно. Дорис взглянула туда и увидела табличку с названием улицы. «Крауч-Энд-роуд». Старые кирпичные дома обступили узенькую улицу, словно поблекшие сонные вдовы. Казалось, они провожают такси глазами — слепыми темными окнами. Движения на улице не было, только несколько ребятишек проехали навстречу и мимо на грохочущих мотоциклах. Двое мальчишек пытались проехаться на скейтборде, но без особых успехов. Их папаши сидели на лавочке, курили и наблюдали за стараниями детей — отдыхали после работы. Все казалось вполне нормальным.

Таксист остановился перед маленьким ресторанчиком унылого вида с заляпанной вывеской, выставленной в окне: ПАТЕНТ НА ПРАВО ТОРГОВЛИ СПИРТНЫМИ НАПИТКАМИ ЕСТЬ, — и плакатом побольше, который сообщал, что здесь можно взять карри навынос. На подоконнике с той стороны стекла спал большой серый кот. У входа стояла красная телефонная будка.

— Ну вот, ребята, — сказал таксист. — Сейчас вы уточните адрес вашего друга, и я вас довезу в лучшем виде.

— Ага, спасибо, — сказал Лонни и вышел из машины.

Дорис пару секунд посидела в машине, а потом тоже решила выйти — пройтись и размяться. На улице по-прежнему дул жаркий ветер. Он тут же взметнул ее юбку и прилепил к ноге обертку из-под мороженого. Дорис брезгливо тряхнула ногой. Потом подняла глаза и обнаружила, что смотрит прямо на серого кота за стеклом. Он тоже смотрел на нее совершенно непроницаемым и загадочным взглядом. У него был один глаз и всего половина морды — вторую половину напрочь выдрали когтями в какой-то давней кошачьей драке. Осталось лишь безобразное розоватое месиво, изрытое шрамами и рубцами, незрячая глазница с молочно-белесым бельмом и несколько пучков шерсти.

Котяра беззвучно мяукнул через стекло.

Дорис стало противно и страшно. Она поспешно отошла от окна, подошла к телефонной будке и заглянула внутрь сквозь заляпанное грязное стекло. Лонни подмигнул ей и поднял вверх большой и указательный пальцы, сложенные колечком. Мол, все о'кей. Потом он опустил в щель автомата десятипенсовик и заговорил в трубку. Он рассмеялся — не слышно через стекло. Как тот кот. Дорис оглянулась на окно ресторанчика, но котяра уже смылся. Внутри было сумрачно, но она все равно разглядела пустые столы, на которых стояли перевернутые вверх ногами стулья, и старика, уныло подметавшего пол. Потом она повернулась обратно к мужу и увидела, что он что-то записывает на бумажке. Наверное, адрес. Он убрал ручку в карман, крепко зажал бумажку в руке — да, это был адрес, — сказал в трубку еще пару слов, повесил ее на рычаг и вышел из будки.

С торжествующим видом он предъявил бумажку жене.

— Ну вот, все в порядке... — Он глянул вперед поверх плеча Дорис и вдруг нахмурился. — А *где* наше такси?

Она обернулась. Такси исчезло. На том месте, где стояла машина, осталась лишь пара каких-то бумажек, которые ветер лениво гнал по асфальту. На другой стороне улицы возились двое мелких ребятишек. Совсем малыши, лет пяти-шести. Мальчик и девочка с растрепанными косичками, торчащими в разные стороны. Они хватали друг друга руками и заливисто хохотали. Дорис заметила, что рука у мальчика изуродована и скрючена, как клешня. И куда только смотрит министерство здравоохранения... Ребятишки заметили, что она на них смотрит, тесно прижались друг к другу и опять рассмеялись.

— Я не знаю, — растерянно проговорила Дорис. Она себя чувствовала полной дурой. И еще ей было немного не по себе. Жара, неизменный ветер, который дул так неестественно ровно, без порывов и затуханий, странный, словно нарисованный свет...

— А в котором часу это было, примерно? — вдруг спросил Фарнхэм.

— Я не знаю, — испуганно проговорила Дорис. Неожиданный вопрос констебля перебил ее горестный речитатив, так что она даже не сразу сообразила, о чем ее спрашивают. — Часов в шесть, наверное. Может быть, в двадцать минут седьмого.

— Ясно. Продолжайте, пожалуйста, — сказал Фарнхэм, который прекрасно знал, что в конце августа закаты в Лондоне начинаются как минимум в восьмом часу. Если не позже.

— Так, это что же получается? — проговорил Лонни, оглядываясь по сторонам с таким напряженным видом, как будто хотел силой своего праведного раздражения вернуть на место исчезнувшее такси. — Он что, просто взял и уехал?

— Может быть, он подумал... ну, когда ты поднял руку. — Дорис изобразила тот знак «все о'кей», который Лонни по-

казывал ей из телефонной будки. — Может быть, он подумал, что ты его отпускаешь... вроде махнул рукой.

— Мне пришлось бы долго руками махать, чтобы он уехал с почти трояком на счетчике, — фыркнул Лонни и подошел к краю проезжей части. Двое малышей на той стороне Крауч-Энд-роуд продолжали хихикать.

— Эй, ребята! — окликнул их Лонни.

— Вы американец, сэр? — спросил мальчик с клешней вместо руки.

— Да, — сказал Лонни и улыбнулся. — Вот тут стояло такси, буквально пару минут назад. Вы не видели, куда оно уехало?

Ребятишки как будто задумались. Девочка вышла к краю тротуара, сложила ладошки рупором и, по-прежнему улыбаясь, она прокричала им через улицу — через рупор из грязных ладошек и через свою по-детски невинную улыбку:

— *Вот и угребывай в свою Америку!*

У Лонни отвисла челюсть.

— *Сэр! Сэр! Сэр!* — пронзительно завопил мальчик, бешено размахивая своей безобразной клешней. А потом они оба развернулись и бросились бежать. Буквально через пару секунд они завернули за угол и скрылись из виду, и только эхо их звонкого смеха еще задержалось на улице.

Лонни ошалело взглянул на Дорис.

— Похоже, что здесь, в Крауч-Энде, некоторые ребятишки не особенно жалуют американцев, — выдавил он.

Дорис нервно огляделась по сторонам.

Похоже, больше на улице не было никого.

Лонни приобнял ее за талию.

— Ну что, малышка. Похоже, придется нам топать пешком.

— Мне что-то не хочется топать пешком, если честно. А то вдруг эти мелкие побежали за старшими братьями. — Дорис рассмеялась, чтобы показать, что она пошутила, но смех получился каким-то натянутым. Ей очень не нравился этот вечер, навевающий странное ощущение выпадения из реальности. Лучше бы они с Лонни остались в отеле, право слово.

— Но, похоже, у нас нет выбора, — сказал он. — Что-то здесь не наблюдается свободных такси.

— Лонни, почему он нас бросил, таксист? Он казался таким *милым*.

— Понятия не имею. Но Джон очень подробно мне все объяснил. Он живет на Брасс-Энд. Это такой маленький тупичок на пять-шесть домов. И Джон говорит, его нет на схеме городских улиц. — Продолжая говорить, Лонни повел Дорис по Крауч-Энд-роуд. Прочь от телефонной будки, от ресторанчика, где продавали навынос карри и от того пяточка пустоты, где раньше стояло такси. — Нам надо будет свернуть направо на Хиллфилд-авеню, потом через полквартала свернуть налево, и первый правый поворот... или левый?.. в общем, нам надо на Петри-стрит. И там — второй поворот налево. Это и будет Брасс-Энд.

— И как ты все это запомнил?

— С трудом, — сказал он с таким потешным видом, что она поневоле рассмеялась. Лонни умел поднять ей настроение. Была у него такая замечательная способность.

На стене в коридоре висела подробная карта Крауч-Энда, где было значительно больше деталей, чем в справочнике «Как проехать по улицам Лондона». Фарнхэм встал перед ней, сунув руки в карманы, и принялся очень внимательно ее изучать. Сейчас в здании было тихо. Веттер еще не вернулся со своей прогулки, предпринятой с целью проветривания мозгов — будем надеяться, ему таки выдует из головы всю эту бредовую чертовщину, — а Реймонд, наверное, уже давно разобрался с той пакистанкой, у которой украли сумку.

Фарнхэм ткнул пальцем в то место на карте, где таксист скорее всего высадил эту американку с ее разлюбезным мужем (если, конечно, ей можно верить, в чем Фарнхэм искренне сомневался). Дорога до дома их друга казалась донельзя простой. Свернуть с Крауч-Энд-роуд на Хиллфилд-авеню, потом — налево по Виккерс-лейн и снова налево на Петри-стрит. На Брасс-Энд, крохотном ответвлении от Петри, было от силы шесть — восемь домов. Короткий такой

тупичок. Идти где-то с милю, не больше. Это кем же надо быть, чтобы там заблудиться?! Да будь ты хоть дважды американец...

— Реймонд! — окликнул он. — Ты еще здесь?

Вошел сержант Реймонд. Он собирался на патрулирование и надевал на ходу штормовку.

— Уже убегаю, моя красавица.

— Перестань, может быть, — сказал Фарнхэм, но все равно вымученно улыбнулся. Реймонда он побаивался. Стоило только взглянуть на эту мрачную гориллу со зверской рожей, как сразу же становилось ясно: он стоит слишком близко к черте, что отделяет хороших парней от мерзавцев. На лице у Реймонда красовался толстый белый шрам, вернее даже рубец, похожий на перекрученную веревку — от левого уголка рта и почти до самого кадыка. Сам сержант утверждал, что это один бесноватый карманник пытался перерезать ему горло осколком разбитой бутылки. Поэтому, мол, он и ломает им пальцы. Но Фарнхэм даже не сомневался, что это вранье. Просто Реймонду нравилось, как трещат кости, когда их ломают.

— Не угостишь сигареткой? — спросил Реймонд.

Фарнхэм со вздохом протянул ему пачку. Пока Реймонд прикуривал, он спросил:

— Слушай, а на Крауч-Энд-роуд есть магазин, где продают карри?

— Я такого не знаю, мой птенчик, — сказал Реймонд.

— Так я и думал.

— Какие проблемы, малыш?

— Никаких, — может быть, чуть резковато ответил Фарнхэм, вспомнив растрепанные волосы и остекленевшие глаза Дорис Фриман.

Дорис и Лонни Фриман дошли почти до конца Крауч-Энд-роуд и там свернули на Хиллфилд-авеню, застроенную очень стильными, даже можно сказать, впечатляющими домами, — но Дорис почему-то подумала, что это всего лишь фасады, красивые оболочки, вероятно, разрезанные

изнутри на квартиры и комнаты с холодной хирургической точностью.

— Пока все в порядке, — заметил Лонни.

— Да... — начала было Дорис и осеклась, потому что откуда-то сбоку послышался слабый стон.

Они оба встали как вкопанные. Стон доносился справа, из маленького дворика, обнесенного высокой живой изгородью. Лонни направился было в ту сторону, но Дорис схватила его за руку:

— Лонни, не надо!

— Что значит, не надо? — удивился он. — Кому-то плохо.

Она шагнула следом за ним, нервно передернув плечами. Изгородь была высокой, но не слишком густой. Лонни без труда раздвинул кусты. За ними обнаружилась небольшая квадратная лужайка в обрамлении цветочных клумб. Лужайка была очень зеленой, а в центре чернело какое-то дымящееся пятно — во всяком случае, с первого взгляда Дорис решила, что это пятно. Она еще раз глянула через плечо Лонни — ей пришлось встать на цыпочки, потому что она была маленькой, а муж был высоким, — и увидела, что это была дыра, отдаленно напоминающая силуэт распростертого человека. И она действительно дымилась.

«ПОДЗЕМНЫЙ УЖАС ПОГЛОТИЛ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК», — вдруг подумала Дорис и вздрогнула.

Стон доносился из этой дыры, и Лонни рванулся туда, продираясь сквозь кусты.

— Лонни, не надо, — сказала она. — Пожалуйста.

— Кому-то плохо, — повторил он и прорвался сквозь изгородь на ту сторону. Раздался жесткий звук рвущейся ткани. Дорис еще успела увидеть, как муж идет к черной дырке в земле, а потом кусты сомкнулись плотной зеленой стеной, и она больше не видела Лонни — лишь различала его силуэт с той стороны. Она попыталась пройти туда следом за ним, но на ней была блузка без рукавов, и она сразу же оцарапалась о короткие твердые ветки подстриженных кустов.

— Лонни! — закричала она. Ей вдруг стало страшно. — Лонни, вернись!

— Сейчас, солнышко!

Дорис казалось, что дом с той стороны колючей зеленой стены бесстрастно глядит на нее пустыми темными окнами.

Стоны по-прежнему доносились из дымящейся дыры, но теперь они стали глуше — такие гортанные хрипы, в которых звучало какое-то жуткое ликование. Неужели Лонни *не слышит*?!

— Эй, там внизу, — донесся с той стороны голос Лонни. — Тут есть кто-нибудь? Эй... *о Боже!*

А потом он закричал. Дорис в жизни не слышала, чтобы Лонни кричал, и от этого вопля у нее подкосились ноги. Она судорожно огляделась, ища глазами хотя бы какой-то проход — тропинку или просто просвет в плотных кустах, — но изгородь тянулась сплошной стеной. У нее перед глазами поплыли обрывки кошмарных видений: байкеры с крысиными мордами вместо лиц, огромный кот с розовой развороченной мордой, маленький мальчик с рукой-клешней.

Лонни! — хотела крикнуть она, но не смогла выдавить из себя ни звука.

Теперь с той стороны послышались звуки борьбы. Стоны затихли. Зато появилось какое-то влажное хлюпанье, как будто кто-то тяжелый шлепал по мокрой грязи. А потом Лонни вывалился обратно сквозь плотные кусты, как будто его сильно толкнули в спину. Правый рукав его светло-серого пиджака был разодран в клочья, и на нем чернели подтеки какой-то слизи, которая дымилась, как и дыра посреди лужайки.

— Дорис, беги!

— Лонни, что...

— *Беги!* — Его лицо было бледным, как молодой сыр.

Дорис отчаянно огляделась в поисках полицейского. *Хоть кого-нибудь.* Но Хиллфилд-авеню как будто вымерла. Пустая и мертвая улица в мертвом городе. А когда Дорис повернулась обратно к изгороди, она увидела, что за зеленой стеной в направлении улицы движется нечто кошмарное... нечто бесформенное и черное. И даже больше, чем просто черное. Сама чернота — полная противоположность света.

И оно влажно чавкало.

А потом кусты зашелестели и зашевелились. Дорис застыла, не в силах оторвать взгляд от этой дрожащей зеленой стены. Ее как будто парализовало. Она бы, наверное, так и стояла (сказала она Веттеру и Фарнхэму), если бы Лонни не схватил ее за руку и не заорал на нее... да, Лонни, который в жизни ни на кого не повысил голос, даже на детей, вдруг *заорал*... она бы стояла там до сих пор. Или...

Но они побежали.

Фарнхэм спросил куда. Но она не знала. Лонни был вообще никакой, его буквально корежило от отвращения и трясло от страха. Похоже, он был в истерике — вот *это* она еще понимала, но больше не соображала вообще ничего. Он железной хваткой вцепился в ее запястье и тащил за собой. Они бежали не разбирая дороги — прочь от мрачного дома за зеленой изгородью и от дымящейся дыры на лужайке. Вот *это* она понимала, а все остальное было лишь вереницей смутных разрозненных впечатлений.

Поначалу бежать было трудно, но потом стало легче, потому что дорога пошла под гору. Они свернули за угол, потом еще раз свернули. Тусклые серые дома с высокими каменными крылечками и закрытыми зелеными ставнями, казалось, смотрят на них слепыми глазами окон. Дорис запомнила, что в какой-то момент Лонни снял на ходу пиджак, весь заляпанный черной слизью, и швырнул его на тротуар. Наконец они выбрались на достаточно широкую улицу.

— Стой, — выдохнула она. — Я больше не могу.

Свободную руку она прижимала к боку, в который как будто вонзили добела раскаленный прут.

Лонни остановился. Они выбрались из квартала частных домов и стояли теперь на углу Крауч-лейн и Норрис-роуд. На той стороне Норрис-роуд был указатель. Одна миля до Бойни-Товен.

Не хватало им только бойни.

Может быть, Бойня-Таун? — уточнил Веттер.

Нет, сказала Дорис Фриман. Именно *Товен*.

Реймонд затушил в пепельнице сигарету, выпрошенную у Фарнхэма.

— Все, я убегаю, — объявил он, а потом повнимательнее присмотрелся к Фарнхэму. — Моей куколке надо себя беречь, хорошо кушать и больше спать. У нее под глазами большие черные круги. А шерсть на ладонях еще не растет, мой котик? — Он громко заржал.

— Знаешь такую улицу, Крауч-лейн? — спросил Фарнхэм.

— Ты имеешь в виду, Крауч-Энд-роуд.

— Нет. Я имею в виду Крауч-лейн.

— Впервые слышу.

— А Норрис-роуд?

— Есть такая. Пересекается с Хай-стрит в Бейсингстрок...

— Нет. Здесь, у нас.

— Здесь у нас такой нет, мой птенчик.

Фарнхэм и сам не знал, почему он упорствовал, ведь эта полоумная американка несла явный бред.

— А Бойня-Товен?

— Товен, ты сказал? Не Таун?

— Ага, Товен.

— Не знаю такого. Но если бы знал, обходил бы за пять кварталов.

— Почему?

— Потому что «бойня» это само по себе неприятно, а «товен» на языке древних друидов означает место ритуального жертвоприношения... они, кстати, людей приносили в жертвы. Вырезали им печень и легкие. Вот такие дела. — Реймонд застегнул штормовку и вышел в ночь.

Фарнхэм проводил его пасмурным взглядом. Ему было не по себе. *Он все это выдумал*, решил Фарнхэм. *Что такой тупой пень, как Сид Реймонд, может знать о друидах?! Все его познания уместятся на кончике иглы, и там еще будет достаточно места для «Отче наш»*.

Все правильно. Но даже если Реймонд *и вправду* знает про друидов, это ничего не меняет. Та женщина была...

— Они тут все с ума посходили, — сказал Лонни и рассмеялся нервным дрожащим смехом.

Чуть раньше, пока они еще бежали по улицам, Дорис взглянула на часы и увидела, что было уже почти восемь.

Свет опять изменился. Из яркого оранжевого сияния он превратился во мглистое, как будто сгущенное алое свечение, которое отражалось зловещими отблесками от оконных стекол и окрасило фасад церкви на той стороне Норрисроуд в цвет запекшейся крови. Солнце было как сплющенный шар у самого края горизонта.

— Что там случилось, Лонни? — спросила Дорис. — Что это было?

— И пиджак потерял. Все одно к одному.

— Ты его не потерял. Ты его сам снял и выбросил. Он был весь в...

— Не говори ерунды! — рявкнул он. Но в его глазах не было злобы или раздражения. Только блуждающий ошарашенный взгляд — растерянный и мягкий. — Я его потерял.

— Лонни, что там было, на той лужайке?

— Ничего. Давай не будем об этом. Где мы, вообще?

— Лонни...

— Я ничего не помню, — сказал он уже мягче. — Все как будто в тумане. Мы шли по улице... услышали какой-то звук... а потом мы побежали. Вот и все, что я помню. — Он помолчал и добавил по-детски жалобным голосом, от которого Дорис пробрал озноб: — Зачем бы мне было его выбрасывать, мой пиджак? Он мне нравился. Он подходил к брюкам. — Он запрокинул голову и громко расхохотался совершенно безумным смехом. Дорис опять стало страшно. Потому что она поняла: что бы Лонни там ни увидел, за изгородью, это было настолько ужасно, что он малость съехал с катушек. Она бы, наверное, тоже слегка повернулась... если бы она это видела. Но это уже не имело значения. Сейчас им надо выбираться отсюда. Возвращаться в отель, к детям.

— Давай поймаем такси. Я хочу домой.

— Но Джон... — начал было Лонни.

— *Да черт с ним, с твоим Джоном!* — закричала она. — Здесь все неправильно, все не так, *и я хочу взять такси и поехать домой!*

— Ну хорошо, хорошо. — Лонни провел дрожащей рукой по лбу. — Поедем домой. Вот только... где тут такси? Ты видишь?

Дорис огляделась. На самом деле на широкой, мощенной булыжником Норрис-роуд не было вообще никакого движения. По центру улицы тянулись ржавые трамвайные рельсы. На той стороне, напротив цветочного магазина, стояла древняя малолитражка на трех колесах. Чуть дальше, уже на их стороне улицы, виднелся припаркованный у тротуара мотоцикл «ямаха». И все. Шум машин *доносился*, но откуда-то издалека.

— Может быть, тут закрыли движение. Может быть, улицу ремонтируют, — пробормотал Лонни, а потом сделал одну очень странную вещь... во всяком случае, странную для такого спокойного и уверенного в себе человека, каким он был всегда. Он оглянулся через плечо, словно опасаясь, что за ними кто-то гонится.

— Пойдем пешком, — предложила Дорис.

— Куда?

— Куда угодно. Главное — выбраться из Крауч-Энда. А потом мы поймаем такси. Когда выберемся отсюда. — Она вдруг преисполнилась стопроцентной уверенности, что именно так все и будет. Хорошо быть хоть в *чем-то* уверенной.

— Ладно, как скажешь. — Похоже, Лонни был очень даже не против, чтобы она «приняла командование».

Они пошли вдоль по Норрис-роуд навстречу заходящему солнцу. Непрерывный гул проезжающих вдалеке машин оставался неизменным: он не отдалялся, но и не приближался. Как и ровный напор ветра. Отсутствие людей и машин начинало действовать Дорис на нервы. Ей очень не нравилось, что на улице так пустынно. У нее было стойкое ощущение, что за ними наблюдают. Она попыталась не зацикливаться на этом, но у нее ничего не вышло. Звуки их с Лонни шагов

(ПОДЗЕМНЫЙ УЖАС ПОГЛОТИЛ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК)

отдавались гулким эхом. Происшествие у живой изгороди никак не шло у Дорис из головы, и в конце концов она снова спросила:

— Лонни, что это *было?*

Он ответил просто:

— Я не помню. И *не хочу* помнить.

Они прошли мимо продуктового магазина, который уже был закрыт — за стеклом витрины лежала гора кокосовых орехов, похожих на сморщенные отрубленные головы. Мимо прачечной самообслуживания — ряды белых стиральных машин на фоне поблекших розовых стен смотрелись, как большие квадратные зубы в слабых деснах. Мимо витрины в подтеках мыльной воды, за которой висел пожелтевший плакатик: СДАЕТСЯ В АРЕНДУ. Что-то двигалось за белесыми разводами, и, присмотревшись, Дорис увидела, что это был серый кот с половиной морды. Все тот же кошмарный кот. Он тоже глядел на нее сквозь стекло.

Дорис прислушалась к своим ощущениям и поняла, что внутри медленно нарастает ужас. Она его ощущала почти физически — как будто у нее в животе все скрутилось в тугой узел, во рту появился противный привкус, как будто она отхлебнула ядреного зубного эликсира. Отблески заката лежали на булыжниках мостовой, как лужицы свежей крови.

Впереди показался подземный переход. Внизу было темно. *Я не смогу*, отрешенно и как бы вообще между прочим подумала Дорис. *Не смогу я туда спуститься. Там может быть все что угодно. Я туда не пойду, так что даже и не уговаривайте. Потому что я не смогу.*

Но другой внутренний голос спросил, а ты сможешь вернуться обратно по этой пустынной, как будто заброшенной улице, мимо закрытого магазинчика со странствующим котом внутри (как он попал сюда из ресторана? Лучше не задаваться этим вопросом. Лучше об этом вообще не думать), мимо жутковатой «зубастой» прачечной, мимо овощной лавки со сморщенными головами... нет. Не сможет. Скорее всего не сможет.

Они подошли ближе к подземному переходу. Странно раскрашенный трамвай — цвета выбеленной кости — прогрохотал по рельсам прямо над ними. Он вырвался из темноты с пугающей внезапностью, как безумная стальная невеста навстречу своему жениху. Из-под колес сыпались искры. Дорис и Лонни невольно отпрянули, а Лонни еще и вскрикнул. Она взглянула на мужа и увидела, что за по-

следний час он стал совсем другим человеком. Она никогда не видела его таким и даже не подозревала, что когда-то увидит. Ей показалось, что его волосы стали седыми, и хотя она твердо сказала себе — так твердо, как только сумела, — что это все из-за света... свет падает неудачно... но именно эта мнимая седина помогла ей принять решение. Лонни не в том состоянии, чтобы идти назад. Стало быть, в переход.

— Пойдем. — Она взяла его за руку и сжала со всей силы, чтобы он не почувствовал, как дрожит ее собственная рука. — Как говорится, раньше сядешь, раньше выйдешь.

Она шагнула вперед, и он послушно пошел за ней.

Они уже приближались к концу тоннеля — переход оказался коротким, к несказанному облегчению Дорис, — как вдруг кто-то схватил ее за руку, чуть повыше локтя.

Она не закричала. Просто не смогла закричать, потому что легкие разом сморщились, как смятые бумажные пакеты. В голове промелькнула безумная мысль: вот бы сейчас выйти из тела и просто... улететь. Она больше не чувствовала руку Лонни. Но сам он, похоже, и не заметил, что его рука выскользнула из ее руки. Он прошел вперед и поднялся по лестнице. На миг его силуэт — высокий и как бы вытянутый в длину — застыл на фоне кровавого алого света, а потом он скрылся из виду.

Рука, схватившая Дорис, была волосатой, как у обезьяны. Ее бесцеремонно развернули кругом — лицом к какой-то массивной тяжелой туше, прислонившейся к грязной бетонной стене в сумраке между двумя колоннами. Дорис различала лишь общие очертания... черный силуэт и два сверкающих зеленых глаза.

— Закурить не найдется, красавица? — раздался из темноты хриплый надтреснутый голос с тяжелым акцентом кокни. Дорис обдало запахом сырого мяса, жаренной в масле картошки и еще чего-то сладковатого и противного типа мокрого осадка на дне мусорного бака.

Зеленые сверкающие глаза. Кошачьи глаза...

Дорис вдруг преисполнилась кошмарной уверенности, что если эта массивная туша сейчас выйдет из мрака, она

увидит мутное бельмо на глазу, месиво розовых шрамов и пучки серой шерсти.

Она вырвалась, отступила назад и почувствовала, как что-то скользнуло в воздухе перед самым ее лицом. Рука? Лапа с когтями? Непонятный какой-то звук: не то шелест, не то шипение...

Над головой прогремел трамвай. С ревом и дребезжанием, от которых тряслись мозги. С потолка посыпалась сажа, как черный снег. Дорис рванулась вперед в слепой панике — уже второй раз за этот безумный вечер она бежала вперед не разбирая дороги, не зная куда... и сколько времени она бежит.

Она пришла в себя только тогда, когда сообразила, что Лонни нет рядом. Она тяжело привалилась к грязной кирпичной стене и согнулась чуть ли не пополам, пытаясь отдышаться. Кажется, это все еще была Норрис-роуд (по крайней мере она так решила тогда, сказала Дорис двоим полицейским; широкая улица, вымощенная булыжником, с трамвайными рельсами посередине), но заброшенные обветшавшие магазинчики уступили место заброшенным обветшавшим складам. На одном из них Дорис увидела выцветшую табличку, всю в саже и копоти: ДАГЛИШ И СЫНОВЬЯ. На кирпичной стене соседнего красовалась роскошная узорчатая надпись когда-то ярко-зеленой, а теперь поблекшей краской: АЛЬ-ХАЗРЕД. Явно какое-то арабское имя, тем более что под ним шли замысловатые закорючки арабской вязи.

— Лонни! — закричала она.

Несмотря на полную тишину, эха почему-то не было (нет, поправилась Дорис в разговоре с двумя полицейскими, было тихо, но где-то вдали слышался шум машин — чуть-чуть поближе на этот раз, но все-таки далеко). Имя мужа сорвалось с ее губ, но крик не разнесся в пространстве, а упал камнем к ее ногам. Полыхающая кровь заката сменилась золой серых сумерек. Только теперь, в первый раз за весь вечер, ей вдруг пришло в голову, что ночь может застать ее здесь, в Крауч-Энде — *если* это вообще был Крауч-Энд. Дорис опять стало страшно.

Она сказала Веттеру и Фарнхэму, что все это время — с того момента, как они с Лонни вышли из такси у телефонной будки, и до этого страшного откровения у стены заброшенного склада — она не очень соображала, что делает. Она не просчитывала свои действия, а действовала инстинктивно, как испуганное животное, которое спасается от опасности. Но тогда с ней был Лонни, а теперь она осталась одна. И ей хотелось, чтобы он снова был рядом. Вот *это* она еще осознавала, но все остальное было в каком-то тумане. Ей даже не пришло в голову удивиться, почему здесь совсем нет людей — в этом квартале, который располагался не далее чем в пяти милях от Кембридж-Секес.

Дорис Фриман пошла вдоль по улице, выкрикивая на ходу имя мужа. Голос не отдавался эхом, а вот шаги, кажется, отдавались. На Норрис-роуд постепенно сгущались тени. Небо над головой было уже не алым, а мутно-бордовым. Может быть, из-за искажений, которые давал тусклый свет сумерек, или из-за усталости и нервного напряжения, но Дорис казалось, что мрачные здания складов нависают над тротуаром, словно голодные чудища. Окна, покрытые коркой грязи, скопившейся за несколько десятилетий — если вообще не веков, — как будто разглядывали ее с высоты этажей. Имена на табличках становились все чуднее и превращались в совсем уже непроизносимый бред. Гласные стояли явно не на тех местах, а согласные громоздились друг на друга, образуя конструкции, от которых не то что язык завяжется... а даже глаз спотыкается. КТХУЛХУ КРИЙОН — было написано на одной из них, а снизу опять шла арабская вязь. ЙОГСОГГОТ. РЬЙЕЛЕХ. Особенно Дорис запомнилось: НРТЕСН НЬЯРЛАХЛТЕП.

— И как вы такое запомнили? — удивился Фарнхэм.

Дорис Фриман покачала головой, медленно и устало:

— Я не знаю. Правда, не знаю. Это как кошмар, который, когда просыпаешься, хочется сразу забыть. Только он не забывается, как большинство снов. Он остается с тобой, навсегда.

* * *

Норрис-роуд — вымощенная булыжником, расщепленная трамвайными рельсами — тянулась, кажется, в бесконечность. Дорис медленно шла по тротуару... она понимала, что надо бы поторопиться, но бежать не могла; и не верила, что сможет, даже если бежать придется, хотя потом очень даже смогла. Она больше не звала Лонни. Она была вся во власти леденящего страха, пробирающего до костей — страха такого громадного, что ей до сих пор было странно, как она выдержала этот ужас и не сошла с ума или не упала замертво. Она сказала, что это почти невозможно описать словами, потому что никакие слова не смогут передать ощущение той бездонной пропасти, которая открылась в ее душе и сознании. У нее было стойкое ощущение, что она уже не на Земле, а на какой-то другой планете — в месте настолько *чужом*, что человеческий разум просто не может его охватить. Все *формы* были какими-то не такими, сказала она. И *цвета* тоже были какими-то не такими. Они были... нет, в языке нет таких слов.

Она уже вообще ничего не соображала. Она тупо шла по пустынной улице под тусклым темно-фиолетовым небом, между жуткими сумрачными домами и только надеялась, что когда-нибудь это закончится.

И оно закончилось.

Дорис увидела впереди две человеческие фигуры, только какие-то маленькие. Когда она подошла поближе, она разглядела, что это те самые мальчик с девочкой, которых они с Лонни уже видели раньше. Мальчик гладил девочку по волосам — по ее тонким крысиным косичкам — своей изуродованной клешней.

— Это та американка, — сказал мальчик.

— Она заблудилась, — сказала девочка.

— Потеряла мужа.

— Сбилась в дороги.

— Нашла другую дорогу, темную.

— Дорогу, ведущую прямо в воронку.

— Потеряла надежду.

— Нашла Трубача со звезд...

— Пожирателя измерений...

— Слепого дудочника...

Они говорили все быстрее и быстрее, на едином дыхании... надрывная литания, мерцающая россыпь слов, от которых голова идет кругом. Дома как будто придвинулись ближе. На небе уже показались звезды, но это были не *ее* звезды — не те звезды, на которых она загадывала желания в детстве и под которыми гуляла с парнями в юности. Это были иные, безумные звезды безумных миров. Дорис зажала руками уши, но не смогла заглушить этот страшный головокружительный речитатив. В конце концов она не выдержала и закричала:

— *Где мой муж? Где Лонни? Что вы с ним сделали?*

Они разом умолкли. А потом девочка сказала:

— Он ушел вниз.

— Ушел к козлищу с тысячью молодых, — добавил мальчик.

Девочка улыбнулась злобной улыбкой жестокой невинности.

— Он не мог не уйти, правильно? На нем была метка, и ты тоже уйдешь.

— Лонни! *Что вы сделали с моим...*

Мальчик вскинул руку и заговорил нараспев на каком-то непонятном языке, похожем на пронзительные трели флейты. Дорис не понимала ни слова, но даже звучание этих фраз наводило на нее панический страх.

— А потом улица зашевелилась, — сказала она Веттеру и Фарнхэму. — Мостовая пошла волнами, словно какой-то ковер. Вздымалась и опадала, вздымалась и опадала. Трамвайные рельсы выскочили из канавок... или как там их закрепляют, не знаю... и взвились в воздух. Я это помню, помню, как на них отражался свет звезд... а потом и булыжники тоже стали отваливаться, сначала — по одному, потом — целыми порциями. Они отрывались от мостовой и просто улетали в темноту. Отрывались с таким странным треском... как будто что-то раскалывается или рвется. На-

верное, при землетрясении такое бывает. А потом что-то *полезло* из-под земли...

— Что? — Веттер резко подался вперед, впившись глазами в американку. — Что вы там видели? Что это было?

— Щупальца, — медленно заговорила она, запинаясь на каждой фразе. — По-моему, щупальца. Но очень толстые, стволы старых смоковниц... и такие все... скрученные. Как будто каждое толстое сплетено из тысячи тонких... и на них были такие розовые присоски... но иногда они были похожи на лица... и мне показалось, что в одном я узнала Лонни... и все они были искажены, как будто им очень больно. А под этими щупальцами, в темноте под землей — в темноте *внизу* — было что-то еще. Что-то похожее на *глаза*...

Здесь она замолчала, не в силах продолжать. И замолчала надолго. Впрочем, добавить ей было особенно нечего. Дальше она ничего не помнила. А когда наконец вырвалась из беспамятства, оказалось, что она стоит у дверей какого-то маленького магазинчика, где продавали газеты-журналы. Она сначала не поняла, где находится — в *том* или в этом мире. Но чуть дальше по улице было светлее: там горели фонари и проезжали машины. И это вселяло надежду. Мимо нее прошли двое прохожих, и Дорис отступила поглубже в тень, опасаясь двух злобных — даже зловещих — детей. Но это были не дети. Двое подростков, парень и девушка, которые шли взявшись за руки. Парень что-то говорил о новом фильме Мартина Скорсезе.

Она настороженно ступила на тротуар, готовая в любой момент юркнуть обратно в спасительный сумрак у входа в закрытый темный магазинчик, но в этом не было необходимости. Ярдах в пятидесяти впереди виднелся достаточно оживленный перекресток, где на светофоре стояли машины. На той стороне улицы, прямо через дорогу, был ювелирный магазин с большими часами, с подсветкой в витрине. Стекло было закрыто стальной решеткой, но Дорис видела время. Без пяти десять.

Она дошла до перекрестка, и хотя там горели фонари и шум машин действовал успокаивающе, она все равно то

и дело испуганно оглядывалась через плечо. У нее все болело. Она неуклюже прихрамывала из-за сломанного каблука. Но не только из-за каблука. Ноги болели страшно — и особенно правая, как будто она растянула там связку.

Добравшись до перекрестка, Дорис обнаружила, что это было пересечение Хиллфилд-авеню и Тоттенхэм-роуд. Она понятия не имела, как она сюда вышла. Под одним из фонарей стояли двое пожилых людей: крепкий старик лет шестидесяти и женщина примерно того же возраста в старом потертом платке, из-под которого выбивались длинные седые пряди. Они о чем-то тихонько беседовали, но, увидев Дорис, сразу замолчали и посмотрели на нее как-то странно — как будто она была призраком из какого-нибудь фильма ужасов.

— Полиция, — прохрипела Дорис Фриман. — Где полицейский участок? Я гражданка Соединенных Штатов... у меня пропал муж... мне нужно в полицию.

— Что случилась, моя хорошая? — спросила женщина с искренней тревогой в голосе. — У вас такой вид, словно вас через пресс пропустили, правда.

— Вы попали в аварию? — спросил старик. — Где ваша машина?

— Нет. Нет... не в аварию... Пожалуйста... здесь есть поблизости полицейский участок?

— Вон там, чуть подальше по Тоттенхэм-роуд, — сказал мужчина и достал из кармана пачку сигарет. — Закурить не хотите? По-моему, вам сейчас не помешает.

— Спасибо. — Дорис взяла сигарету, хотя бросила курить почти четыре года назад. Старик поднес ей зажженную спичку, но у нее так дрожали руки, что она никак не могла прикурить.

Он взглянул на женщину в платке.

— Пожалуй, я ее провожу до участка, Эвви, чтобы уже убедиться, что с ней все в порядке.

— Я тоже с вами пройдусь, — сказала Эвви и приобняла Дорис за плечи. — Так что с вами случилось, моя хорошая? Вас пытались ограбить?

— Нет. Просто... я... я... улица... там был серый кот, одноглазый... улица распахнулась... я это *видела*... они что-то такое сказали про Слепого Дудочника... надо найти Лонни!

Дорис понимала, что несет полную чушь — какой-то бессвязный бред, — но ничего не могла с собой поделать. И потом, сказала она Веттеру и Фарнхэму, наверное, это был *не совсем* бред, потому что мужчина и женщина вдруг напряглись и попятились прочь, как будто в ответ на вопрос «что случилось?» Дорис доверительно сообщила, что у нее бубонная чума.

Мужчина что-то буркнул себе под нос. Дорис показалось, что это было: «Опять, стало быть, грянуло».

— Участок вон там. — Женщина указала рукой вдоль по Тоттенхэм-роуд. — Там над входом такие круглые фонари. Вы увидите.

Они поспешно пошли прочь. Один раз женщина нервозно оглянулась через плечо, и Дорис Фриман увидела, как блестят ее широко распахнутые глаза. Сама не зная зачем, Дорис шагнула следом за ними.

— Не подходите! — пронзительно закричала Эвви и выставила перед собой руку с пальцами, сложенными «рожками». Знак-оберег от сглаза и вообще всякого зла. При этом она прижалась к мужчине, который обнял ее за плечи. — Не подходите, раз вы оттуда... из Товена Крауч-Энд.

С тем они и растворились во тьме.

Констебль Фарнхэм застыл в дверях между комнатой отдыха и канцелярией — хотя нераскрытые дела, о которых говорил Веттер, хранились вовсе не там. Он заварил себе свежего чаю и теперь докуривал последнюю сигарету из пачки. Пачка вылетела за вечер. Та женщина, американка, тоже неслабо у него попаслась.

Она вернулась в отель в компании медсестры-сиделки, которую вызвал Веттер, — сиделка должна была остаться с ней на ночь, а утром решить, надо ли везти «пациентку» в больницу. Наличие двоих детей осложняло дело, подумал Фарнхэм. Тем более Дорис Фриман была американкой, и та-

ким образом, первоклассный скандал был почти гарантирован. Интересно, а что она скажет детишкам, когда они завтра утром проснутся... то есть если она будет вообще в состоянии говорить. Она что, усадит их на диванчик и скажет, что большое и злое чудище из Крауч-Энд-Тауна

(Товена)

скушало папу, как великан-людоед из сказки?

Фарнхэм поморщился и поставил недопитую чашку на стол. Как говорится, это не его проблемы. К добру ли, к худу, но миссис Фриман оказалась зажатой между двумя неслабыми силами, если так можно сказать — Британской полицией и посольством США. Ему до этого дела нет. Он простой полицейский констебль, которому хочется лишь одного: поскорее забыть об этом странном деле. Рапорт пусть пишет Веттер. Веттер может себе позволить подписаться под этим собранием бредятины; он уже старый, ему скоро на пенсию. И когда ему придет время получить свои золотые часы, грамоту от начальства и муниципальную квартиру, он так и будет констеблем на должности ночного дежурного. Сам же Фарнхэм лелеял честолюбивые замыслы вскорости получить сержанта, так что ему не нужны никакие проколы.

Кстати, о Веттере. Куда он запропастился? Что-то долго он дышит воздухом.

Фарнхэм прошел через комнату отдыха и вышел на крыльцо. Постоял пару минут под двумя круглыми фонарями, глядя по сторонам. Веттера не было видно. Был уже четвертый час утра, и тишина покрывала всю улицу, точно толстое ватное одеяло. Как там было у Вордсворта? «Душа великая объята тишиной...» — что-то типа того.

Он спустился с крыльца и встал на подъездной дорожке. Ему было немного не по себе. Он, разумеется, понимал, что тревожиться глупо. И злился на себя за то, что его настолько проняли бредовые речи этой сумасшедшей американки. Может быть, крутой коп Сид Реймонд *не зря* обзывает его птичкой и котиком. Может быть, он того заслуживает.

Фарнхэм решил пройтись до угла — может быть, Веттер выйдет ему навстречу. Дальше он не пойдет; если начальство узнает, что он бросил участок пустым хотя бы на пару

минут, ему потом долго придется оправдываться. Он дошел до ближайшего перекрестка и заглянул за угол. Непонятно, но факт: там не горел ни один фонарь, и от этого улица выглядела совершенно иной. *Не такой*. Интересно, подумал Фарнхэм, об этом следует подавать рапорт? И где, вообще, Веттер?

Он решил пройти чуть вперед и посмотреть, что к чему. Но не далеко. Участок нельзя оставлять без присмотра надолго.

Только чуть-чуть вперед.

Веттер вернулся минут через пять после того, как ушел Фарнхэм. Он пришел с другой стороны, и если бы он появился минутой раньше, он бы увидел, как молодой констебль на секунду застыл в нерешительности на углу, прежде чем завернуть в темноту и исчезнуть там навсегда.

— Фарнхэм?

Тишина, только тихое гудение электронных часов на стене.

— Фарнхэм? — позвал он опять и вытер рот ладонью.

Лонни Фримана так и не нашли. Вскоре его жена (с сединой на висках) улетела обратно в Америку вместе с детьми. Они летели на «конкорде». Примерно месяц спустя она пыталась покончить с собой. Потом три месяца пролежала в психушке, пошла на поправку и выписалась домой. Иногда по ночам, когда ее мучит бессонница — чаще всего это случается в те дни, когда закатное солнце похоже на плотный оранжевый шар, — она забирается в платяной шкаф, забивается в самый угол и пишет мягким карандашом на задней стенке одну и ту же странную фразу: «Бойтесь Козлища с тысячью молодых», — много-много раз подряд. Ее это вроде бы успокаивает.

У пропавшего без вести констебля Фарнхэма остались жена и две дочки-близняшки, которым было всего по два годика. Шейла Фарнхэм отправила несколько гневных писем в парламент, в которых настаивала на том, что от нее что-то скрывают, что ее Боб погиб на каком-то опасном секретном

задании. Он был готов на все, лишь бы скорее получить сержанта, вновь и вновь повторяла она. В конце концов государственные мужи перестали отвечать на ее послания, и примерно в то же самое время, когда миссис Фриман — которая уже почти полностью поседела, — выписали из психушки, миссис Фарнхэм вернулась в Эссекс к родителям. Вскоре она вышла замуж за человека более мирной и безопасной профессии — Фрэнк Хоббс был контролером по бамперам на конвейере у Форда. Ей пришлось развестись с Бобом, но с этим проблем не возникло. Поскольку муж не явился оспорить ее запрос, ей спокойненько дали развод.

Веттер вышел на пенсию раньше срока, месяца через четыре после той знаменательной ночи, когда Дорис Фриман ворвалась к ним в участок на Тоттенхэм-лейн. Ему действительно дали квартиру — двухкомнатную, на втором этаже над небольшим магазинчиком, во Фримли. Через полгода он умер от обширного инфаркта. Его нашли с банкой пива в руке.

А в Крауч-Энде — действительно *тихом* лондонском предместье — и по сей день время от времени случаются странные вещи. Говорят, там пропадают люди. Без следа. Навсегда.

ДОМ НА КЛЕНОВОЙ УЛИЦЕ

Пятилетняя Мелисса была самой младшей в семье Брэдбери. Однако, несмотря на это, отличалась необыкновенной наблюдательностью; а потому неудивительно, что именно она первой обнаружила нечто странное в доме на Кленовой улице, появившееся после возвращения семьи Брэдбери из Англии, где они провели лето.

Она побежала и отыскала своего старшего братишку, Брайана, и сказала, что наверху, на третьем этаже, творится что-то непонятное. И обещала показать ему, но только если он поклянется, что не расскажет об этом *никому*. Брайан поклялся, зная, что Лисса боится только одного человека — их отчима. Папе Лью не нравилось, когда кто-то из ребятишек Брэдбери «занимается глупостями» — именно так он всегда выражался. И считал Мелиссу главным нарушителем спокойствия в доме и всей округе. Лисса, будучи совсем не глупой девочкой, знала об этих предрассудках Лью и относилась к отчиму с осторожностью. Вообще все дети Брэдбери немного побаивались второго мужа матери.

Возможно, это так называемое открытие Лиссы не стоило и выеденного яйца, однако Брайан был рад возможности немного поразвлечься, а заодно и потешить свою младшую сестренку, хотя был старше ее всего на два года. И он не медля и без возражений последовал за ней на третий этаж. И всего лишь один раз дернул при этом за косички. Этот жест он называл «экстренной остановкой».

© Перевод. Рейн Н. В., 2000.

Они на цыпочках прошли мимо кабинета Лью, единственной полностью обставленной комнаты наверху. Потому как сам Лью в это время находился там, распаковывал свои бумаги и книги и что-то тихо и недовольно ворчал при этом под нос. Брайан размышлял о том, что будут показывать сегодня по ТВ — он с нетерпением ожидал встречи с таким родным и любимым американским кабельным телевидением, по которому успел соскучиться за три месяца, смотря лишь занудные программы Би-би-си и Ай-ти-ви. И вот наконец они дошли до конца коридора.

Сестренка указала пальчиком, и то, что увидел Брайан Брэдбери, начисто вымело из его головы все мысли о телевизоре.

— А теперь поклянись еще раз! — прошептала Лисса. — Никому ни слова, понял? Ни папе Лью, *никому!* Чтоб мне под землю провалиться!

— Чтоб мне под землю провалиться, — покорно повторил Брайан, продолжая смотреть. И всего полчаса спустя потребовал того же от своей старшей сестренки, Лори, которая распаковывала вещи в своей комнате. Одиннадцатилетняя Лори очень трепетно относилась к собственной комнате, что свойственно девочкам ее возраста, и устроила Брайану настоящий разнос за то, что тот посмел войти к ней, не постучавшись. И это при том, что она была полностью одета.

— Извини, — сказал Брайан, — но я должен тебе что-то показать. *Очень* странное.

— Где? — Она продолжала раскладывать вещи по ящикам комода, делая вид, точно ей совершенно все равно. И этот сонный семилетний сопляк просто не может сообщить ей ничего, представляющего *хоть какой-то* интерес. Однако от внимания Брайана не укрылся блеснувший в ее глазах огонек. Он знал, чем можно заинтересовать Лори, и понял, что ему это удалось.

— Наверху. На третьем этаже. В самом конце коридора, после двери в кабинет папы Лью.

Лори сморщила носик — она делала это всегда, когда Брайан или Лисса называли так отчима. Она и Трент помни-

ли своего настоящего отца. И были вовсе не в восторге от такой замены. Между собой они называли отчима просто Лью. И Льюису Эвансу совсем это не нравилось — он даже считал это наглостью с их стороны. Но такая реакция лишь укрепляла Лори с Трентом в молчаливом, но твердом убеждении, что именно так и следует называть мужчину, с которым их мать (тьфу, даже подумать противно!) спала последнее время.

— Что-то мне неохота туда идти, — сказала Лори. — Со дня приезда он пребывает в скверном настроении. И Трент говорит, что так оно и будет, пока не начнутся занятия в школе. Только тогда он снова почувствует себя в своей тарелке.

— Дверь у него закрыта. Мы потихоньку. Я и Лисса уже поднялись туда, а он ничего и не заметил.

— Лисса и *я*.

— Ладно. Мы. Как бы там ни было, но все тихо. Дверь закрыта, а он разговаривает сам с собой. Что бывает, когда он занят каким-то делом.

— Терпеть не могу этой его манеры! — мрачно заметила Лори. — Наш настоящий отец никогда сам с собой не разговаривал. И никогда не запирался в комнате один.

— Ну я же не сказал, что он там заперся, — заметил Брайан. — Если уж ты так боишься, что он вдруг выскочит оттуда, прихвати пустой чемодан. Притворимся, будто тащим его в чулан. Туда, где они все стоят.

— И что же это за удивительная вещь такая? — спросила Лори, подбоченившись.

— Сама увидишь, — сказал Брайан. — Но только ты сперва должна поклясться, жизнью мамы, или сказать «провалиться мне сквозь землю», что никому ничего не расскажешь. — Он умолк на секунду, задумался и добавил: — Особенно Лиссе, потому что я уже ей поклялся.

Лори навострила ушки. Возможно, все это шум ни из-за чего, но ей просто надоело раскладывать вещи по ящикам комода. Просто удивительно, какое количество хлама может накопиться у человека всего за три месяца!

— Ну, ладно. Клянусь.

Они прихватили с собой целых *два* пустых чемодана, по одному на каждого, но предосторожность эта оказалась излишней — отчим так и не вышел из своего кабинета. Что было только к лучшему: судя по издаваемым им звукам, он дошел до точки кипения. Дети слышали, как он громко топал по комнате, что-то бормотал, выдвигал ящики, с грохотом задвигал их обратно. Из-под двери сочился знакомый запах. Лори говорила, что так вонять могут только давно не стиранные и отсыревшие от пота носки. Это Лью дымил своей трубкой.

Проходя на цыпочках мимо его двери, Лори высунула язык, скосила глаза и выразительно покрутила пальцем у виска.

Но секунду спустя, взглянув туда, куда указывал Брайан, она полностью позабыла о Лью, как сам Брайан совсем позабыл о всех тех чудесных вещах, которые мог бы увидеть сегодня по телевизору.

— Что это? — шепотом спросила она у Брайана. — Господи, что все это *означает?*

— Не знаю, — ответил Брайан. — Но помни, Лори, ты поклялась именем мамы.

— Да, да, но...

— Поклянись еще раз! — Брайану не понравилось выражение, промелькнувшее в глазах сестры. По нему сразу становилось ясно, что она *проболтается,* и надо было дать ей острастку.

— Да, да, клянусь именем мамы, — небрежно протараторила она. — Но Брайан, Бог ты мой...

— И еще ты забыла сказать: чтоб мне сквозь землю провалиться!

— О, Брайан, какой же ты *зануда*!

— Пусть зануда. Только скажи: чтоб мне сквозь землю провалиться!

— Чтоб мне сквозь землю провалиться, теперь доволен? — огрызнулась Лори. — Ну скажи, в кого ты такой зануда, а, Брай?

— Не знаю, — буркнул он и криво ухмыльнулся. — Она терпеть не могла этой его ухмылочки. — Такой уж получился, что теперь поделаешь.

Прямо удушить его хотелось, на месте, голыми руками. Но обещание есть обещание, особенно когда ты клянешься именем своей одной и единственной мамочки. А потому Лори продержалась, наверное, больше часа, пока не пришел Трент, и она показала ему. Она и Трента заставила поклясться, и ее уверенность в том, что Трент *сдержит* это свое обещание, была вполне оправдана. Ведь Тренту уже исполнилось четырнадцать, он был старшим из детей, а потому рассказывать ему было просто *некому*... кроме как взрослым. А поскольку мама лежала в постели с мигренью, из взрослых оставался только Лью. А это все равно что никто.

На сей раз двум старшим детям Брэдбери не пришлось нести наверх пустые чемоданы в качестве камуфляжа, поскольку их отчим находился внизу, смотрел по телевизору английский научно-популярный фильм о норманнах и саксонцах (норманны и саксонцы были его специальностью, он преподавал историю в колледже). Итак, он смотрел фильм и наслаждался своим любимым ленчем — стаканом молока и сандвичем с кетчупом.

Трент стоял в конце коридора и разглядывал то, чем уже успели полюбоваться его младшие сестры и брат. Он простоял там довольно долго.

— Что это, Трент? — спросила наконец Лори. Ей и в голову не приходило, что брат может не знать. Трент всегда знал *все*. Но тут она с изумлением увидела, как он медленно покачал головой.

— Не знаю, — ответил Трент, продолжая всматриваться в щелочку. — Вроде бы какой-то металл, так мне кажется. Жаль, что не захватил с собой фонарика. — Он сунул пальцы в щелку и тихонько постучал. Лори почему-то испугалась — не то чтобы очень, но все-таки. И испытала настоящее облегчение, увидев, что брат втянул руку обратно. — Да, это металл.

— А он что, должен там быть, да? — спросила Лори. — Я хочу сказать, он *всегда* там был? Раньше?

— Нет, — ответил Трент. — Помню, как они там штукатурили. Ну, сразу после того, как мама за *него* вышла. И ничего, кроме дранки, там не было.

— А что это такое, дранка?

— Такие тоненькие дощечки, — ответил он. — Их прокладывают между штукатуркой, отделывая внешнюю часть дома. — Трент снова сунул руку в щель и пощупал металл, отливавший мутно-белым. Щель была примерно четыре с половиной дюйма в ширину. — Они и изоляцию тогда проложили, — задумчиво добавил он и сунул руки в задние карманы побелевших от стирки джинсов. — Я помню. Такая розовая штуковина, похожая на сахарную вату.

— И где же она тогда? Что-то я не вижу никакой розовой штуковины.

— Я тоже, — кивнул Трент. — Но я точно помню, что они ее клали. *Точно* помню. — Он снова, сощурясь, заглянул в щель. — Этот металл в стене — нечто новое. Интересно, сколько его тут и как далеко он заходит. Только здесь, на третьем этаже, или же...

— Или что? — Лори смотрела на него большими круглыми глазами. Ей стало почему-то страшно.

— Или он распространился по всему дому, — все так же задумчиво протянул Трент.

На следующий день, после школы, Трент созвал на собрание всех четверых детишек Брэдбери. Правда, начало получилось немного скандальное. Лисса обвинила Брайана в том, что тот проболтался — и «это несмотря на страшную клятву». Страшно смутившийся при этом Брайан, в свою очередь, обвинил Лори в том, что она, проболтавшись Тренту, приговорила тем самым душу матери к страшным мукам. Правда, он не слишком отчетливо представлял, что такое душа (все Брэдбери были унитариями*). Однако не сомневался, что Лори приговорила их маму к аду.

— Что ж, — ответила на это Лори, — в таком случае, Брайан, ты должен взять на себя часть вины. Потому как именно ты втянул маму в эту историю. Заставил всех нас

* Приверженцы одной из сект в христианстве, не принимавшие одного из основных догматов — догмата Троицы. Отвергали также учения о грехопадении и таинстве.

клясться ее именем. Уж лучше б ты заставил меня поклясться именем Лью. Тогда бы он точно отправился в ад.

Лисса, которая была еще слишком мала и слишком добросердечна, чтоб желать хоть кому-то оказаться в аду, не выдержала и расплакалась.

— Да тихо вы все! — прикрикнул на них Трент. А потом обнял Лиссу и начал утешать и баюкать, пока она окончательно не успокоилась. — Что сделано, то сделано. А все, что ни делается, как мне кажется, только к лучшему.

— Ты и правда так считаешь? — спросил Брайан. Если Трент говорил «к лучшему», он, Брайан, был готов умереть, защищая это мнение. Оно не подлежало сомнению, но ведь Лори действительно поклялась именем *мамы*.

— Нам надо расследовать это странное явление, а мы тут сидим и только напрасно тратим время на пустые споры, кто первым нарушил клятву. Так мы ничего не успеем сделать.

Трент многозначительно покосился на настенные часы, висевшие в его комнате, где они собрались. Уже двадцать минут четвертого. Ничего больше говорить ему не пришлось, и так было ясно. Мать их встала утром, чтобы подать Лью завтрак — два яйца «в мешочек» с тостами из зерна грубого помола и мармелад, без которого он никак не мог обойтись. Но после этого сразу же легла обратно в постель, где и оставалась по сию пору. Она страдала от ужасной головной боли, приступов мигрени, которые порой длились по два-три дня и безжалостно терзали ее беззащитный (и зачастую затуманенный) мозг. А потом вдруг отпускали, и месяц или два все было нормально.

Так что она просто не сможет подняться на третий этаж и посмотреть, чем это заняты там ее дети. Но что касается Папы Лью — то была совсем иная история. Учитывая, что кабинет его располагался почти в самом конце коридора, рядом с заветной щелочкой, они могли избежать его внимания — и любопытства, — проводя исследования лишь в его отсутствие. Именно об этом и напоминал многозначительный взгляд Трента, брошенный на настенные часы.

Семья возвратилась в Штаты за добрых две недели до начала занятий у Лью, но стоило ему оказаться в десяти

милях от своего колледжа, как он почувствовал, что просто не может обойтись без него ни минуты, как рыба не может обходиться без воды. И вот каждый день он отправлялся туда примерно около полудня, с портфелем, битком набитым бумагами, которые он насобирал в различных исторических местах Англии. Он говорил, что идет разбирать и рассортировывать эти бумаги. Но Трент утверждал, что Папа Лью просто засунет их в один из ящиков письменного стола, затем запрет кабинет на ключ и прямиком отправится в университетский кафетерий на историческом факультете, где будет пить кофе и сплетничать со своими дружками. Хотя относительно недавно Трент обнаружил, что если ты являешься преподавателем колледжа и у тебя есть друзья, люди могут счесть тебя просто тупицей. Потому как никаких друзей у преподавателей колледжа быть не должно, есть только коллеги. Короче, в данный момент дома его не было, что как нельзя более кстати, однако он мог вернуться в любой момент, от четырех до пяти, и тогда все осложнится. Тем не менее *некоторым* временем они пока располагают. Но его совсем немного, а потому он, Трент, просто не намерен тратить его попусту на выяснение того, кто поклялся и чем.

— Слушайте сюда, ребята, — сказал он и тут же с радостью заметил, что все они действительно *слушают* его, забыв о разногласиях и спорах, с трепетом предвкушая *расследование*. Особенно возбуждала их мысль о том, что ему, Тренту, не удалось пока объяснить значение обнаруженного Лиссой явления. Ведь все трое до определенной степени разделяли веру Брайана в Трента. И раз Трент озадачен, раз он действительно считает, что они наткнулись на нечто странное и необычное, значит, так оно и есть.

Лори заговорила первой. От имени всех. «Ты только скажи, что нам делать, Трент. И мы сделаем».

— Ладно, — сказал Трент. — Прежде всего нам понадобятся кое-какие вещи. — И он набрал в грудь воздуха и начал перечислять.

И вот они снова собрались у щели в стене, в конце коридора на третьем этаже, и Трент, приподняв Лиссу, попро-

сил ее посветить в щель маленьким карманным фонариком — его использовала мама, обследуя глаза, уши и носы ребятишек, когда те неважно себя чувствовали. Все они снова увидели металл; он был не слишком блестящий, а потому лучи фонарика отражались от его поверхности не очень ярко. Но все равно тусклый шелковистый отлив был заметен. По мнению Трента, то была сталь. Сталь или какой-то сплав.

— А что такое сплав, Трент? — спросил Брайан.

Трент молча покачал головой. Он точно не знал. Потом обернулся к Лори и попросил дать ему дрель.

Брайан с Лиссой обменялись встревоженными взглядами, Лори протянула дрель. Взяли они ее в мастерской, в подвале — то было единственное оставшееся в доме помещение, до сих пор целиком и полностью принадлежавшее их настоящему отцу. За все время женитьбы на Кэтрин Брэдбери Папа Лью спускался туда раза два, не больше. Даже младшие дети знали это, не говоря уже о Тренте и Лори. И ничуть не боялись, что Папа Лью заметит отсутствие дрели; их беспокоило другое — дыры в стене его кабинета. Правда, ни один не высказал этой мысли вслух, но Трент прочел все по их встревоженным физиономиям.

— Вот, поглядите, — сказал он и протянул дрель так, чтобы все могли ее хорошенько рассмотреть. — Вот эта штука называется сверлом. Видите, какое оно тонюсенькое? Как кончик иголки. И поскольку дырки мы будем сверлить под картинами, никто ничего не заметит. И беспокоиться, думаю, не о чем.

На стене в коридоре висели гравюры в рамках, половина из них находилась между дверью кабинета и входом в чулан, где хранились чемоданы. По большей части то были очень старые (и малоинтересные) виды Титусвилля, где проживали Брэдбери.

— Да он и на *них-то* никогда не глядит, и уж тем более не будет заглядывать *под них,* — согласилась с ним Лори.

Брайан потрогал пальцем кончик сверла и кивнул. Лисса смотрела, потом, копируя брата, тоже потрогала пальцем кончик сверла и тоже кивнула. Раз Лори говорит, что все нормально, значит, так, наверное, и есть. Раз Трент утвер-

ждает, что все о'кей, значит, точно так оно и есть. А уж если они оба говорят одно и то же — так тем более, какие тут могут быть вопросы.

Лори сняла со стены картину, висевшую ближе других к маленькой щели в штукатурке, и протянула ее Брайану. Трент начал сверлить. Они наблюдали за ним, сбившись в тесную дружную кучку — точно игроки внутреннего поля, ободряющие своего питчера в один из самых напряженных моментов игры.

Кончик дрели входил в стену легко, как по маслу, и дырочка действительно получилась совсем крохотная. Темный прямоугольник, обнаружившийся на обоях после того, как Лори сняла гравюру с крючка, тоже служил утешительным знаком. Он свидетельствовал о том, что никто давным-давно не снимал черно-белого изображения публичной библиотеки Титусвилля со стены.

Повернув рукоятку дрели с дюжину раз, Трент остановился и вытащил сверло из образовавшейся дырочки.

— Почему перестал? — спросил его Брайан.

— Наткнулся на что-то очень твердое.

— Тоже металл? — спросила Лисса.

— Думаю, да. Но то, что не дерево, это точно. Так, давайте-ка посмотрим. — И он посветил фонариком и, склонив голову набок, какое-то время всматривался. А потом отрицательно помотал головой. — Слишком уж у меня башка большая. Давай. Лисса, попробуй ты.

Лори с Трентом приподняли Лиссу на руках, Брайан протянул ей фонарик. Лисса, сощурив глазки, всмотрелась, потом сказала:

— В точности как там, в щели.

— Хорошо, — кивнул Трент. — Теперь давайте следующую картину.

И под второй гравюрой сверло наткнулось на металл, и под третьей тоже. А под четвертой — висевшей совсем рядом с дверью в кабинет Лью — прошило всю стену насквозь прежде, чем Трент успел выдернуть дрель. Лиссу в очередной раз подняли на руки, она посмотрела и заявила, что там «что-то розовое».

— Изоляция, о которой я тебе говорил, — заметил Трент Лори. — Теперь давайте попробуем по ту сторону двери.

Им пришлось просверлить дырочки под четырьмя гравюрами в восточной части коридора, прежде чем удалось наткнуться сначала на деревянную дранку, потом — на изоляционный материал под слоем штукатурки... И они как раз вешали последнюю картинку на место, когда послышалась немелодичная воркотня мотора. Это Лью въезжал во двор на своем стареньком «порше».

Брайан, которому поручили повесить последнюю гравюру на крючок — он мог сделать это, только привстав на цыпочки, — выронил ее из рук. Лори протянула руку и успела перехватить ее за рамку прямо на лету. Спустя секунду она вдруг обнаружила, что вся дрожит — так сильно дрожит, что пришлось передать картину Тренту, иначе бы она тоже ее выронила.

— Повесь лучше ты, — сказала она, подняв испуганное личико на брата. — А то я точно ее уроню. Нет, честно.

Трент повесил на крючок гравюру — на ней изображалась карета, запряженная лошадьми, ехавшая по городскому парку. И увидел, что повесил ее криво. Протянул руку, чтобы поправить, и тут же отдернул ее, не успели пальцы коснуться рамы. Сестры и брат считали его едва ли не богом; сам Трент был достаточно умен, чтобы понимать, что он всего лишь мальчик. Но даже мальчик, наделенный хотя бы половиной присущего Тренту разума, прекрасно знал, что когда в подобных делах все вдруг начинает идти наперекосяк, лучше оставить все как есть. И если он будет возиться с этой картиной и дальше, она наверняка упадет на пол, усыплет его осколками стекла. Неким непостижимым образом Трент предвидел это.

— Бежим! — шепнул он. — Быстро, вниз! К телевизору!

Внизу хлопнула дверь, Лью вошел в дом.

— Но она висит *криво!* — возразила Лисса. — Трент, так не...

— Не важно! — сказала Лори. — Делай, что тебе говорят, ясно?

Трент и Лори испуганно переглянулись. Если Лью пошел сейчас на кухню, перекусить чего-нибудь, чтоб продержаться до ужина, тогда все в порядке. Если нет, он непременно столкнется с Лиссой и Брайаном на лестнице. Достаточно только взглянуть на них, и сразу станет ясно, что они занимались чем-то запретным. Двое младших ребятишек Брэдбери были достаточно умны, чтобы держать язык за зубами, но еще не научились контролировать выражение своих лиц.

Брайан и Лисса понеслись вниз, как ветер.

Трент и Лори последовали за ними, более медленно, осторожно и прислушиваясь. Настал момент почти невыносимого напряжения, когда единственным звуком в доме был топот маленьких ног по ступеням, затем из кухни послышался резкий окрик Лью: «НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОТИШЕ, ЭЙ, ВЫ! ВАША МАМА ЛЕГЛА ОТДОХНУТЬ. ОНА СПИТ!»

Вот дурак-то, подумала Лори. *Да он сам ее разбудит, если станет так орать!*

Позже, тем же вечером, когда Трент уже засыпал, Лори отворила дверь в его комнату, вошла и присела на краешек кровати.

— Тебе он не нравится, но дело не только в этом, — сказала она.

— Чего-чего? — сонно спросил Трент и приоткрыл один любопытный глаз.

— Лью, — тихо сказала она. — Ну, ты понимаешь, о чем я, Трент.

— А-а, — протянул он и открыл уже оба глаза. — Знаешь, ты права. Мне он действительно очень не нравится.

— И еще ты его боишься, верно?

Последовала долгая пауза. Затем Трент сознался:

— Да, пожалуй. Так, самую малость.

— Самую малость?

— Ну, может, чуть больше, чем самую малость, — ответил Трент. И подмигнул сестренке, надеясь, что она ответит улыбкой. Но Лори лишь серьезно и строго смотрела на него, и Трент сдался. Ее нельзя обманывать, по крайней мере сегодня.

— Почему? Считаешь, он может причинить нам зло?

Лью часто орал на них, но никогда не бил. Впрочем, нет, вдруг вспомнила Лори, не совсем так. Как-то раз, когда Брайан вошел к нему в кабинет не постучав, Лью его отшлепал. Причем довольно сильно. Брайан изо всех сил сдерживался, чтоб не заплакать, но в конце концов не выдержал. И мама тоже заплакала, хотя и не пыталась остановить Лью, когда тот наказывал мальчика. Но, очевидно, она все же поговорила с ним позже, и Лори не слышала, чтоб Лью при этом на нее орал. Он вообще довольно редко повышал голос на мать.

И однако то была лишь пара шлепков, и Лью вряд ли можно было обвинить в жестоком обращении с ребенком, тем более что этот самый ребенок, Брайан, *бывал* иногда таким стервецом и негодяем, что прямо руки чесались врезать ему по полной программе.

Интересно, как бы он поступил сегодня, подумала Лори. Или же Лью мог отшлепать младшего брата и заставить его плакать лишь из-за какой-то мелкой детской провинности? Она не знала, и внезапно ее посетила тревожная мысль, что Питер Пэн* был совершенно прав, не желая становиться взрослым. И еще она вдруг подумала, что вовсе не уверена, что *хочет* знать. Одно она знала твердо: кто в этом доме был *настоящим* негодяем.

Тут она очнулась и поняла, что Трент так и не ответил на ее вопрос. И шутливо ткнула его кулачком в ребра.

— Что, язык проглотил?

— Нет, просто задумался, — ответил брат. — Все как-то жутко запутано, тебе не кажется?

— Да, — с горечью ответила она. — Кажется.

Впрочем, пусть думает сам.

— И все-таки, — начал Трент и закинул руки за голову, — все же я так не думаю, Килька. — Она терпеть не могла, когда ее так называли, но сегодня решила проигнорировать это. Она не помнила, когда в последний раз Трент го-

* Герой одноименной книги английского писателя Дж. Барри, мальчик, который не захотел стать взрослым.

ворил с ней так доверительно и серьезно. — Не думаю, что *причинит*... но считаю, что вполне *может*. — Он приподнялся на локте и взглянул на нее еще более серьезно и даже мрачно. — Но мне кажется, он обижает маму, и ей от этого с каждым днем все хуже и хуже.

— Она уже жалеет о том, что вышла за него, да? — спросила Лори. И ей вдруг захотелось плакать. Почему взрослые так глупы в самых очевидных вещах, которые ясны даже детям? Прямо так и тянет всыпать им как следует! — Во-первых, ей совсем не хотелось ехать в эту Англию... и потом он иногда так на нее кричит...

— И еще не забывай, эти головные боли, — заметил Трент. — Она говорит, что сама себя до них доводит. Да, она сожалеет, это ясно.

— А как ты думаешь... она когда-нибудь с ним...

— Разведется, да?

— Да, — ответила Лори и почувствовала облегчение. Она вовсе не была уверена, что сможет произнести это слово вслух. И только теперь поняла, насколько похожа на мать в этом смысле. Она просто не решалась вымолвить это слово, хотя вывод напрашивался сам собой.

— Нет, — сказал Трент. — Кто угодно, только не мама.

— Тогда мы не в силах ей помочь, — вздохнула Лори.

В ответ на это Трент еле слышно шепнул:

— Как знать, Килька, как знать...

В течение следующей недели они, пользуясь каждым удобным моментом, просверлили множество маленьких дырочек по всему дому: под афишами в своих комнатах, за холодильником в буфетной (причем Брайану удалось заползти за него и поработать дрелью самостоятельно), в чуланах под лестницей. Трент даже просверлил одно отверстие в столовой, прямо в обоях, но высоко и в самом темном уголке, где никогда не было достаточно света. Делал он это забравшись на стремянку, а Лори страховала его.

И ни в одном из этих мест металла обнаружено не было. Одна дранка.

А потом дети на какое-то время позабыли обо всем этом.

* * *

Однажды, примерно месяц спустя, когда Лью все дни напролет был занят в колледже, Брайан зашел к Тренту в комнату и сообщил, что видел еще одну щель в штукатурке на третьем этаже и что в ней тоже поблескивал металл. Трент с Лиссой тут же помчались наверх. Лори была в школе, репетировала в оркестре.

Как и тогда, в первом случае, у мамы был приступ мигрени, и она лежала в постели. Нрав Лью значительно улучшился с момента возобновления занятий (что, собственно, и предсказывали Трент с Лори), однако не далее как накануне вечером у них с матерью разгорелся жаркий спор. Лью хотел устроить вечеринку для членов исторического факультета, а для миссис Брэдбери не было ненавистнее и страшнее занятия, чем играть роль хозяйки на подобного рода вечеринках. Но Лью очень настаивал, и в результате она была вынуждена сдаться. И вот теперь лежала у себя в спальне с зашторенными окнами, с мокрым полотенцем на лбу и пузырьком фиорината на тумбочке возле кровати. А Лью, по всей видимости, раздавал приглашения на вечеринку в университетском кафетерии и звучно шлепал при этом коллег по спине.

Новая щель находилась в западной части коридора, между дверью в кабинет отчима и лестничной площадкой.

— Ты уверен, что видел там металл? — спросил Трент. — Мы ведь эту сторону тогда *проверяли,* Брай.

— Сам посмотри, — ответил Брайан. И Трент последовал его совету. Тут даже фонарика не понадобилось: щель была широкая, и в глубине ее поблескивал металл.

Трент долго обследовал щель, затем заявил, что должен пойти в скобяную лавку, прямо сейчас.

— Зачем это? — спросила Лисса.

— Купить штукатурки, — ответил он. — Не хочу, чтоб он увидел эту дыру. — После некоторого колебания он добавил: — И уж тем более не хочу, чтоб он заметил там металл.

Лисса, недоуменно хмурясь, подняла взгляд на брата:

— Но почему, Трент?

Тот не ответил. Он и сам толком не знал. По крайней мере пока.

И они снова принялись сверлить, и на этот раз нашли металл за *всеми* стенами на третьем этаже, в том числе и в кабинете Лью. Трент пробрался туда днем, когда Лью был в колледже, а мама вышла в магазин за покупками к предстоящей вечеринке.

Все последние дни бывшая миссис Брэдбери выглядела бледной и удрученной — даже Лисса это заметила, — но когда кто-то из детей спросил, все ли в порядке, она лишь сверкнула встревоженной и фальшиво-веселой улыбкой. И сказала, что все прекрасно, лучше не бывает, просто замечательно. Тогда Лори, отличавшаяся излишней прямолинейностью, заметила, что, как ей кажется, мама сильно похудела. О нет, нет, поспешно ответила мама, Лью говорит, что в Англии я превратилась в настоящую толстушку. Наверное, виной всему эти бесконечные чаепития. Она просто пытается вернуть себе прежнюю форму, вот и все.

Лори было виднее, но даже несмотря на всю свою прямолинейность, она не осмелилась сказать матери в лицо, что та лжет. Вот если бы все они четверо, фигурально выражаясь, «навалились» на нее, тогда результат мог бы получиться другим. Но даже Тренту как-то не пришло это в голову.

В кабинете Лью висел в рамочке на стене один из его дипломов. Все остальные ребятишки столпились у двери, их едва ли не тошнило от волнения, а Трент спокойно снял рамочку с крючка, положил диплом на стол и просверлил в центре квадрата на обоях маленькую аккуратную дырочку. На глубине примерно двух дюймов сверло уперлось в металл.

Трент аккуратно повесил диплом на место — убедился, что висит он ровно, — и спокойно вышел из кабинета.

Лисса даже расплакалась от радости, что все обошлось. И к ней присоединился Брайан — он явно стыдился своей слабости, но ничего не мог с собой поделать.

Они просверлили отверстия по всей стене вдоль лестницы, до самого второго этажа и через равные интервалы,

и повсюду за обоями и штукатуркой был металл. Металл обнаружился и ниже, при переходе со второго этажа к первому, но до входной двери так и не дошел. Металл находился и за всеми четырьмя стенами в комнате Брайана, а в комнате Лори — лишь за одной стеной.

— Тут он еще не закончил расти, — сделала мрачный вывод Лори.

Трент удивленно глянул на сестру.

— В смысле?

Но не успела она ответить, как Брайана, что называется, осенило.

— Попробуй пол, Трент! — воскликнул он. — Посмотрим, может, он и там тоже.

Трент на секунду задумался, потом пожал плечами и вонзил дрель в половицу в комнате Лори. Дрель прошла насквозь, не встретив сопротивления, но когда он, откинув ковер от ножки своей кровати, попробовал сверлить там, то вскоре наткнулся на твердую сталь... или твердое непонятно что.

Тогда, по настоянию Лиссы, он встал на стул и, щуря глаза от сыпавшейся сверху белой пыли, начал сверлить потолок.

— Все, приехали, — заметил он несколько секунд спустя. — Там тоже металл. Ладно, на сегодня хватит.

Лори единственная из всех заметила, как обеспокоен брат.

В ту ночь, когда в доме погасли все огни, уже Трент зашел в комнату Лори, и та не стала притворяться, что спит. По правде сказать, все дети спали крайне плохо последние две недели.

— Что ты хотела этим сказать? — шепотом спросил Трент, присаживаясь на край кровати.

— В смысле? — спросила Лори, оперевшись на локоть.

— Ну, когда говорила, что он еще не закончил расти в твоей комнате. Что ты имела в виду?

— Перестань, Трент! Ты же не тупица какой-нибудь.

— Нет, не тупица, — согласился он. — И я догадываюсь, о чем ты. Просто хотелось услышать из уст самой Кильки.

— Если хоть еще раз обзовешь меня так, никогда не услышишь!

— Ладно. Лори, Лори, Лори!.. Ну, теперь довольна?

— Да. Просто эта штука разрастается по всему дому. — Она на секунду умолкла. — Нет, не совсем так. Она разрастается *из-под* дома.

— Тоже нет.

Лори задумалась на секунду, потом вздохнула.

— О'кей, — сказала она. — Она растет *в самом* доме. Она его *пожирает*. Вас такой вариант устраивает, мистер Умник?

— *Пожирает* дом... — тихо повторил Трент, сидя рядом с Лори на кровати, разглядывая афишу на стене с портретом Кристи Хинд и словно смакуя произнесенную сестрой фразу. Потом кивнул и сверкнул улыбкой, которую она так любила. — Да, неплохо сказано.

— Как ни называй, но ведет себя эта штука так, точно она живая.

Трент снова кивнул. Ему уже приходила в голову эта мысль. Правда, он понятия не имел, как это возможно, чтобы металл вдруг оказался *живым*, но, черт побери, другого объяснения этому явлению просто не подобрать.

— И это еще не самое худшее.

— А что самое худшее?

— Он все время *подглядывает и словно мотает на ус*. — Глаза сестры, мрачно устремленные на него, казались огромными и испуганными. — И вот это мне особенно не нравится. Не знаю, с чего это все началось и что означает. Но эта штука точно *подсматривает* за нами.

Она запустила пальчики в его густые светлые волосы и убрала их с висков и лба. Этот неосознанный жест живо напомнил Тренту об отце, волосы у которого были в точности такого же цвета.

— У меня такое ощущение, что скоро что-то должно случиться, Трент. Вот только я не знаю, что именно. Похоже на кошмарный сон, из которого нельзя найти выхода. Ты ведь тоже так иногда чувствуешь, верно?

— Ну, пожалуй. Но я *точно* знаю, что что-то должно случиться. И даже догадываюсь что.

Сестра резко села в постели и схватила его за руки.

— Ты *знаешь*? Но что? Что?

— Еще не уверен, — ответил Трент и поднялся. — Думаю, что знаю, но не готов пока поделиться с тобой своими соображениями. Придется еще немного понаблюдать.

— Если мы просверлим еще несколько дырок, весь дом может рухнуть!

— Я же не сказал, что собираюсь опять сверлить. Я сказал, *понаблюдать*.

— За чем?

— За тем, что еще не пришло, еще недостаточно разрослось. Но когда придет, это мы заметим сразу.

— *Расскажи* мне, Трент!

— Еще не время, — ответил он и легонько чмокнул сестру в щеку. — И потом помни: любопытство погубило Кильку.

— Я тебя *ненавижу!* — воскликнула Лори и откинулась на подушки, натянув простыню на голову. Но после разговора с Трентом почувствовала себя лучше и спала гораздо крепче, чем все предшествующие дни.

До назначенной Лью вечеринки оставалось два дня. Будь Трент повзрослее, он наверняка бы заметил, что мама с каждым днем выглядит все хуже — туго натянутая на скулах кожа блестела, лицо было страшно бледное и с каким-то нехорошим желтоватым оттенком. Он также заметил бы, что она часто потирает виски. Хотя и отрицает, что у нее разыгрался новый приступ мигрени — причем в голосе ее при этом звучал неподдельный испуг — и что недомогание мучает ее всю последнюю неделю.

Однако он не замечал всего этого. Он был слишком занят поисками ответа на вопрос.

Примерно за пять дней до того, как у них с Лори состоялся тот памятный ночной разговор, он уже примерно понимал, что ищет. Заглянул в каждую кладовую, каждый чулан большого дома раза по три; чердак над кабинетом Лью осматривал пять или шесть раз; облазил весь большой, захламленный старыми вещами подвал дюжину раз, не меньше.

И в конце концов нашел именно в подвале.

Нет, нельзя сказать, чтобы в других обследованных им местах он не находил самых странных и занятных предметов. Уж чего-чего, а всякого добра там было предостаточно. Так, в чулане на втором этаже торчала в потолке шарообразная ручка из нержавеющей стали. В чулане для чемоданов на третьем этаже обнаружилась выступающая из стены изогнутая металлическая арматура. Тусклая, сероватая, отполированная на вид... но так казалось до тех пор, пока он не коснулся ее рукой. Стоило ему только дотронуться до нее, как железяка приобрела мутно-розовый оттенок, и еще он услышал, как в стене что-то тихо, но вполне внятно загудело. Он тут же отдернул руку, точно арматура была горячая (и на ощупь она показалась горячей, словно он дотронулся до электроплиты, вот только никаких следов ожогов на ладони не осталось). Но затем, стоило ему убрать руку, металлическая штуковина снова стала серой. И гудение тут же прекратилось.

За день до этого на чердаке он заметил паутину из тонких переплетенных проводов, слабо поблескивающую в темном углу под карнизом. Сам Трент полз в это время на четвереньках, весь вспотев и собирая с полу грязь и пыль, и вдруг увидел это поразительное явление. Он так и застыл на месте, уставившись через свалившиеся на лоб пряди волос на провода, взявшиеся неизвестно откуда (так, во всяком случае, ему тогда показалось), спутанные и переплетенные друг с другом так плотно, что казалось, будто они были слиты в единое целое. Но по мере приближения к полу эта «лавина» становилась все более разреженной, в разные стороны торчали отдельные «щупальца» и пытались укорениться в небольших кучках опилок на полу. Казалось, они создавали нечто вроде гибкой опоры, и на вид это сооружение выглядело очень крепким, способным удержать весь дом, не дать ему разрушиться от самых сильных толчков или ударов.

Но *каких ударов?*

Каких именно толчков?..

И снова Тренту показалось, что он знает. В это было трудно поверить, но он был почти уверен, что знает.

В северной части подвала находился маленький чуланчик. Вдалеке от того места, где стояли станки и находилась печь. Их настоящий отец называл этот чуланчик «винным погребком», и хотя держал там лишь дюжины две бутылок дешевой бурды (мама почему-то всегда начинала смеяться, услышав это слово), все эти бутылки аккуратно хранились на сделанных им собственноручно стеллажах.

Лью заходил сюда еще реже, чем в мастерскую, где стояли станки, вина он не пил. И хотя с отцом мать с удовольствием выпивала иногда стаканчик-другой, пить вино она теперь тоже перестала. Трент вспомнил, какое грустное стало у нее лицо, когда Брай однажды спросил, почему она не пьет больше «бурду», сидя у камина.

«Лью не одобряет, когда люди пьют, — ответила она тогда. — Говорит, это скверная привычка».

Дверь в «погребок» запиралась на висячий замок, но висел он там скорее для проформы — просто чтобы дверца вдруг не распахнулась и вино не попортилось от жара, исходившего от печи. Ключ висел рядом на гвоздике, но Тренту он был не нужен. Во время одного из первых посещений он осмотрел замок и убедился, что в «погребок» никто давным-давно не заглядывал. Да и вообще, насколько ему было известно, в эту часть подвала никто больше не заходил.

Теперь же он приблизился к двери и не слишком удивился, уловив исходящий из «погребка» кисловатый запах пролившегося вина. Еще одно доказательство в пользу того, что уже знали они с Лори, — в доме постоянно происходят странные перемены. Он отворил дверь, и увиденное хоть и напугало его, но нельзя сказать, чтоб сильно удивило.

Металлические конструкции прорвались сквозь две стенки «погребка» и снесли стеллажи. Бутылки «Боллинджера», «Мондави» и «Баттиглиа» попадали на пол и разбились.

И здесь тоже начала образовываться паутина из тонких проводов — «разрасталась», если использовать термин Лори, — но еще не закончила свой рост. И словно ожила, когда на нее упали лучи света, и так засверкала, что у Трента заболели глаза, а к горлу подступил комок тошноты.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что никаких проводов здесь нет и изогнутых распорок тоже нет. То, что разрослось в заброшенном «винном погребке» отца, напоминало скорее корпуса каких-то приборов, кронштейны и панели управления. По мере того как он вглядывался в это смутное сплетение металлических конструкций, из него, точно головки змей, начали подниматься попавшие в фокус зрения диски, циферблаты, рычаги и счетчики. Заблестели мигающие огоньки. Нет, он был готов поклясться, некоторые из огоньков тут же начинали мигать, стоило только ему посмотреть на них.

И все это действо сопровождалось странными звуками, напоминавшими тихие вздохи.

Трент осторожно сделал еще один шаг вперед, и тут на глаза ему попалась особенно яркая красная лампочка. Или целое скопище этих лампочек. Он чихнул — все эти механизмы и кронштейны покрывал густой слой пыли.

Лампочки, привлекшие его внимание, оказались цифрами. Цифры эти были высвечены на табло. А табло это находилось под стеклом и было вмонтировано в металлическую конструкцию, закрепленную на кронштейне. Тут же на глаза попался новый предмет, некая штука, напоминающая стул, хотя сидеть на таком стуле вряд ли было удобно. Ну по крайней мере существу, наделенному *человеческими* формами, с легким содроганием подумал Трент.

И в один из подлокотников этого перекрученного стула — если то, конечно, был стул — была вмонтирована стеклянная полоска. А в ней виднелись цифры — очевидно, он заметил их только потому, что они двигались.

72:34:18
превратились в
72:34:17, ·
а затем в
72:34:16.

Трент взглянул на наручные часы с секундной стрелкой, и они только подтвердили его догадку. Этот самый стул, он, может, и не стул вовсе, но то, что в него вмонтированы электронные часы, не вызывает ни малейших сомнений. И идут

они задом наперед. То есть, говоря точнее, отсчитывают время назад. И рано или поздно на табло появятся следующие цифры:

00:00:01,

а ровно через секунду —

00:00:00.

И от этого момента их отделяет трое суток.

Теперь он уже был уверен, что знает. Да каждый американский мальчишка знал, что происходит, когда на электронных часах возникают нули, то есть кончается отсчет времени. Взрыв — вот что. Или старт космического корабля.

Следующей мыслью Трента было: уж слишком много тут всякого оборудования, разных датчиков и конструкций, чтобы это было взрывом.

Он подумал, что нечто пробралось в их дом, когда все они были на отдыхе в Англии. Возможно, какая-то спора или микроб, проникший на Землю, пролетевший за миллиард лет непостижимое разуму пространство, прежде чем опуститься здесь, на Земле, попав под ее притяжение. Порхнуть вниз по спирали, как падает пушинка от одуванчика, подхваченная легким бризом, чтобы затем прямиком угодить в каминную трубу дома, что находится в Титусвилле, штат Индиана.

В доме *Брэдбери,* в Титусвилле, штат Индиана.

Нет, безусловно, это могло быть что угодно, иметь какую угодно форму, но почему-то Трента грела идея о том, что это была именно *спора.* И хотя он был старшим из детей Брэдбери, но при этом достаточно молод, чтоб заснуть как убитый ровно в девять вечера, после съеденной на ужин огромной порции пиццы, или чтоб полностью доверять своему восприятию и интуиции. Да и какая разница в конечном-то счете? *Главное* — это *случилось!..*

И будет иметь свое *продолжение.*

На сей раз, покидая подвальное помещение, Трент не только убедился, что навесной замок как следует заперт, но и прихватил с собой ключ от него.

* * *

На вечеринке, устроенной Лью, произошло нечто ужасное. Произошло без четверти девять, то есть всего через сорок пять минут после того, как начали прибывать первые гости. И Трент с Лори позже слышали, как отчим кричал на мать и говорил, что единственный положительный момент во всем сводился к тому, что она сваляла эту глупость достаточно рано. Что было бы гораздо хуже, если б она дождалась до десяти — к этому времени по дому расхаживали бы человек пятьдесят гостей, если не больше.

— Что, черт возьми, с тобой происходит? — орал он на нее. И Трент почувствовал, как в руку ему скользнула, точно маленькая холодная мышка, ладошка Лори, и он крепко сжал ее. — Неужели не понимаешь, что теперь скажут люди? Неужели не знаешь, какие сплетни разводят люди, особенно на факультете? Нет, Кэтрин, это просто выходит за рамки моего понимания! Вздумала комедию ломать, нашла время и место! — Мать не отвечала, лишь тихо и беспомощно плакала, и на секунду Трента против воли охватил приступ неукротимой ярости. Да к чему вообще ей понадобилось выходить за него замуж?.. Сама во всем виновата, вот и наказание за глупость.

Но он тут же устыдился этой своей мысли. Отбросил ее и обернулся к Лори. И с ужасом увидел, что по щекам сестренки градом катятся слезы, а тихая печаль в ее глазах резанула по сердцу, как ножом.

— Ничего себе вечеринка, да? — прошептала она и принялась вытирать слезы тыльной стороной ладони.

— Твоя правда, Килька, — сказал он и крепко прижал сестренку к плечу, чтоб плача ее никто не услышал. — Ладно, не переживай, все скоро образуется. Очень скоро.

Похоже, что Кэтрин Эванс (которая уже горько жалела о том, что сменила фамилию) все это время лгала своим близким. Приступ чудовищной невыносимой мигрени продолжался у нее не два дня, как она уверяла, но целых две последние недели. И все это время она почти ничего не ела и потеряла в весе пятнадцать фунтов. Она как раз подавала

канапе Стивену Крачмеру, декану исторического факультета, и его супруге, когда вдруг вся кровь отхлынула у нее от лица, а перед глазами все помутилось и поплыло. Она качнулась вперед, задела и опрокинула полный поднос с китайским рулетом из свинины на новое дорогое платье миссис Крачмер, которая та приобрела у «Нормы Камали» специально к этому торжественному случаю.

Брайан и Лисса, услышав шум в гостиной, потихонечку прокрались на лестницу в пижамах — посмотреть, что там внизу происходит. Хотя всем им, всем четверым, папа Лью категорически запретил покидать свои комнаты как только начнется вечеринка. «Университетским людям ни к чему видеть детей на своих приемах, — коротко объяснил им Лью еще днем. — Они могут превратно это понять».

Но, увидев, что мать их лежит на полу и что вокруг столпились встревоженные члены факультета (миссис Крачмер среди них не было, та помчалась на кухню отмывать с платья пятна жира и соуса, пока они не въелись еще слишком глубоко), дети забыли о строгом запрете отчима и устремились вниз. Лисса рыдала, Брайан тихонько подвывал от страха. Лисса умудрилась оттеснить преподавателя с факультета Азии, бесцеремонно пнув его острым локотком в левую почку, и протиснулась вперед. Брайан, будучи двумя годами старше и весивший фунтов на тридцать больше, превзошел сестру: так сильно оттолкнул приглашенную читать лекции на осенний семестр дамочку профессора, походившую на пухлого младенца в розовом платьице и вечерних туфельках с острыми загнутыми вверх носами, что та отлетела и плюхнулась прямо в камин. Где и осталась сидеть в куче серого пепла, растерянно моргая глазами.

— Мама! Мамочка! — закричал Брайан. И затряс бывшую миссис Брэдбери. — *Мамочка!* Вставай!

Тут миссис Эванс шевельнулась и тихонько застонала.

— Ступайте наверх! — строго сказал Лью. — Вы, оба, живо!

Однако дети и не думали подчиняться. И тогда Лью положил руку Лиссе на плечо и начал сжимать пальцы, пока она не взвизгнула от боли. И смотрел при этом на нее страш-

ными глазами, и на бледных его щеках проступили, точно нанесенные помадой, два круглых красных пятнышка.

— Я сам всем займусь, — прошипел он сквозь плотно стиснутые зубы. — А ты со своим братцем ступай немедленно наверх и...

— А ну убери лапы от моей сестры, сукин ты сын! — громко заявил Трент.

Лью — а вместе с ним и все гости, прибывшие как раз вовремя, чтобы стать свидетелями столь занимательного зрелища, — обернулись к арке, отделявшей гостиную от холла. Там стояли Трент и Лори — бок о бок. Трент был бледен, как и отчим, но лицо его поражало каким-то каменным спокойствием и собранностью. На вечеринке присутствовали гости — правда, их было немного, — которые знали первого мужа Кэтрин Эванс, и позже все они сошлись во мнении, что сходство между отцом и сыном просто поразительное. Казалось, что Билл Брэдбери восстал из мертвых — дать отпор этому разнуздавшемуся типу.

— Я хочу, чтоб все вы немедленно отправились наверх, — сказал Лью. — Все четверо. Вам здесь не место. Это вообще вас не касается.

Тут в гостиную вернулась миссис Крачмер, платье от «Нормы Камали» было совершенно мокрым спереди, но пятна исчезли.

— Отпусти Лиссу, — продолжал настаивать Трент.

— И отойди от нашей мамочки, — добавила Лори.

Теперь миссис Эванс уже сидела, прижав руки к голове и растерянно озираясь. Голова казалась ей раздувшейся, точно шар, она была полностью дезориентирована в пространстве и ощущала страшную слабость, но боль, терзавшая ее на протяжении последних четырнадцати дней, отступила. Она понимала, что сотворила нечто ужасное, огорчила Лью, возможно, даже опозорила его. Но в тот момент испытывала только облегчение — боль ушла. Раскаяние и позор придут позже. Теперь же ей хотелось лишь одного — подняться наверх, очень медленно — и прилечь.

— Вы будете наказаны за это, — сказал Лью, злобно глядя на своих пасынков, слова эти раздались в полной ти-

шине, воцарившейся в гостиной. И оглядел всех четверых по очереди, словно оценивая степень вины каждого. И когда взгляд его остановился на Лиссе, девочка начала плакать. — Прошу простить за столь неподобающее поведение наших детей, — обратился он к гостям. — Боюсь, моя жена их несколько распустила. Им нужна хорошая английская нянька, которая...

— Ну и осел же вы, Лью! — сказала вдруг миссис Крачмер. Голос у нее был громкий, но не слишком мелодичный и немного напоминал крик того самого животного, о котором она только что упомянула. Брайан вскочил, обнял сестру и тоже заплакал. — Ваша жена потеряла сознание. Вполне естественно, что дети встревожились.

— Вы совершенно правы, дорогая, — заметила лекторша в розовом, с трудом выбираясь из камина. Только теперь платье ее было уже не розовым, а серым от пепла, а пухлое личико перепачкано сажей. Лишь туфельки с загнутыми вверх носками сохранили прежний вид, правда, теперь как-то не слишком сочетались со всем ее обликом. Тем не менее она сохраняла полное спокойствие, точно с ней не произошло ничего экстраординарного. — Дети *должны* заботиться о своих матерях. А мужья — о женах.

Произнося эти последние слова, она смотрела прямо на Лью, но тот, похоже ничего не заметил. Он провожал взглядом Трента и Лори, которые помогали матери подняться наверх. Лисса с Брайаном тащились следом, точно почетная свита.

Вечеринка продолжалась. Инцидент был, что называется, исчерпан. Да и вообще, университетским людям было не привыкать к разного рода инцидентам: чего только не случалось у них на вечеринках! Миссис Эванс (спавшая не больше трех часов в сутки с того момента, когда муж объявил о предстоящем приеме) уснула тотчас же, как только голова ее коснулась подушки. А дети слышали, как болтает и хохочет внизу Лью, разыгрывавший роль гостеприимного хозяина. Тренту даже подумалось, что отчим, должно быть, испытывает сейчас облегчение — ему не приходится делать на людях непрерывные замечания своей нерасторопной и робкой, как мышка, жене.

И ни разу за весь вечер он не поднялся наверх — посмотреть, все ли с ней в порядке.

Ни разу. До самого конца вечеринки.

Наконец, когда за последним гостем затворилась дверь, он, тяжело ступая, поднялся сам и велел подниматься жене. Что она и сделала, послушно и поспешно, как поступала с того самого дня, когда совершила роковую ошибку, дав в присутствии священника клятву, что будет во всем подчиняться своему мужу.

Затем Лью заглянул в спальню Трента, находившуюся рядом, и окинул детей злобным взглядом.

— Так и знал, что все вы здесь, — удовлетворенно кивнув, заметил он. — Заговорщики! Вас ждет наказание. Да, так и знайте. Завтра. А сегодня чтоб все и немедленно разошлись по своим комнатам и хорошенько обдумали позорное свое поведение. Ну, живо, все по местам! И чтобы никаких больше шастаний по дому!

Ни Лисса, ни Брайан вовсе не намеревались «шастать», они слишком устали и морально, и физически. И им хотелось только одного — улечься в свои кроватки и уснуть. Но Лори, несмотря на запрет Папы Лью, все же вернулась в комнату Трента. И оба они молча и с отвращением слушали, как отчим отчитывает мать за то, что та осмелилась упасть в обморок на *его* вечеринке... А мама только рыдала и не возразила ему ни словом.

— О, Трент! Что же нам делать? — прошептала Лори, уткнувшись носом брату в плечо.

Лицо Трента было неестественно спокойным и бледным.

— Делать? — переспросил он. — Да ровным счетом ничего, Килька.

— Но мы *должны!* Трент, мы *должны!* Так же нельзя. Надо ей помочь!

— Нет, мы ничего не должны делать, — медленно произнес Трент, и на губах его заиграла странная и немного пугающая улыбочка. — За нас все сделает дом. — Он взглянул на часы и пошевелил губами, точно отсчитывая время. — Завтра днем, примерно в три сорок, дом все сделает за нас.

* * *

Никакого наказания утром не последовало; мысли Лью были целиком заняты предстоящим семинаром, посвященным последствиям норманнского вторжения. Нельзя сказать, чтобы это очень удивило Трента или Лори, скорее — обрадовало. Лью обещал собрать их вечером у себя в кабинете, вызвать туда по одному и «воздать каждому сполна по его заслугам». И пригрозив этой цитатой, взятой непонятно откуда, он вышел из дома с высоко поднятой головой и крепко сжимая в правой руке портфель. Мама еще спала, когда со двора донеслось чихание заводимого мотора, и вот «порш» выехал за ворота.

Двое младших ребятишек стояли у окна в кухне, крепко обнявшись, смотрели на Лори и напоминали ей иллюстрацию из сказки братьев Гримм. Лисса плакала, Брайан изо всех сил сдерживался, прикусив нижнюю губу, но был бледен, и под глазами его залегли тени.

— Он нас выпорет, — сказал Брайан Тренту. — А знаешь, как он *больно* порет!

— Нет, — ответил Трент. Ребятишки воззрились на него с надеждой и недоверием. Ведь Лью *обещал* наказать и вряд ли пощадит даже Трента.

— Но Трент... — начала было Лисса.

— Слушайте сюда, — сказал Трент. Отодвинул от стола стул и уселся на него задом наперед, лицом к испуганным малышам. — Слушайте внимательно, старайтесь не пропустить ни единого слова. Это очень важно, так что мотайте на ус.

Они уставились на него большими голубовато-зелеными глазами.

— Как только занятия в школе кончатся, я хочу, чтобы вы двое немедленно пошли к дому. Но в дом не входить, остановитесь на углу Кленовой и Каштановой и там ждите. Ясно?

— Да-а, — растерянно протянула Лисса. — Но зачем это, а, Трент?

— Не важно, потом поймете, — ответил Трент. Его глаза — тоже голубовато-зеленые — возбужденно сверкали. Но

Лори показалось, она уловила в них какой-то нехороший, опасный огонек. — Просто будьте там, и все. Стойте у почтового ящика. Вы должны быть там в три, самое *позднее* — три пятнадцать. Все понятно?

— Да, — ответил Брайан за двоих. — Мы поняли.

— Мы с Лори тоже будем там. Или придем чуть попозже.

— Интересно, как это у нас получится, Трент? — спросила Лори. — Ведь раньше трех из школы нам не выйти, потом у меня практика, потом еще на автобусе надо...

— Сегодня мы с тобой в школу *не пойдем,* — сказал Трент.

— Нет? — Лори, похоже, была в полном замешательстве. Лисса же была так просто в ужасе.

— Трент! — сказала она. — Ты не можешь этого сделать! Это... это... *Прогуливать занятия?..* Но мы еще никогда...

— Давно пора начать, — мрачно заметил Трент. — Так, теперь вы двое, быстренько собирайтесь и валите в школу. Помните: в три, три пятнадцать самое позднее, на углу Кленовой и Каштановой. И что бы ни случилось, *ни в коем случае не приближаться к дому!* — Он с такой яростью и так многозначительно смотрел на Лиссу с Брайаном, что малыши еще теснее придвинулись друг к другу, а Лори даже испугалась. — Ждите нас, но *не смейте* заходить в этот дом, — сказал он. — Ни за что и никогда!

Когда младшие ребятишки ушли, Лори ухватила брата за рукав и потребовала объяснить, что происходит.

— Я знаю, это как-то связано с той штукой, что разрастается в доме. *Знаю,* и нечего морочить мне голову и делать из меня дурочку. Если хочешь, чтоб я тебе помогала, лучше скажи все, Трент Брэдбери!

— Ладно, остынь. Скажу, — ответил Трент. И осторожно высвободил рукав из цепких пальчиков сестры. — Но только давай потише. Не хочу будить маму. А то заставит нас пойти в школу, и тогда все пропало.

— Что пропало? Ну, давай же, не тяни, говори, Трент!

— Пошли вниз, — сказал Трент. — Хочу показать тебе кое-что.

И они вместе спустились в подвал, к «винному погребку».

* * *

Трент вовсе не был уверен, что Лори согласится со всеми его доводами — слишком уж страшновато все это выглядело, даже на его взгляд. Но она поняла. И если б речь шла только о порке, которую предстояло вынести от Папы Лью, она вряд ли бы согласилась с ним. Но девочку настолько потрясло вчерашнее событие, вид матери, лежавшей на полу в гостиной без чувств, и полное пренебрежение к несчастной со стороны отчима, что она целиком поддержала брата.

— Да, — робко кивнула Лори. — Думаю, мы должны поступить именно так. — Она не сводила глаз с мигающих в подлокотнике кресла цифр. Теперь они показывали:

07:49:21

«Винный погребок» уже больше не являлся таковым. Нет, там до сих пор еще попахивало прокисшим вином, и весь пол был усыпан зеленоватыми осколками стекла, а также обломками стеллажей для бутылок. Но более всего это помещение напоминало некую безумную декорацию пульта управления космическими полетами из новой версии «Звездных войн». Мерцали и вращались какие-то диски. Мигали лампочки, менялись цифры. Свет то ярко вспыхивал, то мерк снова.

— Да, — протянул Трент. — Я с тобой совершенно согласен. Вот сукин сын, да как он смел так на нее орать!

— Трент, не надо.

— Да он подлец! Ублюдок! Грязная скотина!

Трент просто подбадривал себя этой бранью — так бывает, когда, нарочито весело посвистывая, проходишь ночью через кладбище, — и оба они это понимали. И все равно при первом же взгляде на все то скопление инструментов, приборов и контрольных панелей Трента затошнило от неуверенности и беспокойства. Тут он вспомнил сказку, которую читал ему отец, когда он был еще совсем маленьким мальчиком. Историю о неком загадочном создании по имени Троллуск Пожиратель Марок. Этот злодей приклеил к конверту маленькую девочку и отправил ее почтой по следующему адресу: «Тому, Кому Это Может Понадобиться». Разве

примерно не то же самое собирался сделать он и с Лью Эвансом?

— Если мы не предпримем мер, он ее убьет, — тихо сказала Лори.

— Вот как? — Трент так резко обернулся к сестре, что заныла шея, но Лори смотрела вовсе не на него. Она смотрела на красные цифры отсчитывающего время устройства. В нем отражались ее очки, которые она носила на занятиях в школе. Смотрела, словно загипнотизированная, и, похоже, вовсе не замечала Трента или того, что он на нее смотрит.

— Не нарочно, конечно, — тихо добавила она. — Он может даже огорчиться. Переживать какое-то время. Потому что все же, мне *кажется*, он ее любит, по-своему. И она тоже его любит. Ну, не так, как папу, но все-таки... Но из-за него ей только становится все хуже и хуже. Она болеет, и настанет день, когда...

Тут Лори умолкла и взглянула на брата, и нечто в выражении ее лица испугало Трента гораздо сильнее, чем все то, что творилось в этом странном, пожираемом металлом доме.

— Расскажи мне, Трент, — взмолилась она и вцепилась ему в руку. Ее маленькая ручка показалась ледяной. — Расскажи, что мы должны сделать.

В кабинет Лью они вошли вместе. Трент приготовился обыскивать комнату вдоль и поперек, но нужды в том не было. Ключ они нашли в верхнем ящике стола, в маленьком конверте, на котором мелким и аккуратным, каким-то геморроидальным почерком Лью было выведено всего лишь одно слово: «КАБИНЕТ». Трент сунул ключ в карман. Выходя из дома, они услышали на втором этаже шум воды. Это означало, что мама проснулась и принимает душ.

Весь день они проторчали в парке. Ни один из них не произносил ни слова, но этот день показался самым длинным в их жизни. Два раза видели дежурного копа, прогуливавшегося по дорожкам, и тут же прятались в туалетные кабинки и выжидали, пока он не пройдет мимо. Им вовсе ни к чему попадаться ему на глаза. А то, чего доброго, коп

вдруг может заинтересоваться, почему они не в школе, и препроводить их туда лично.

В половине третьего Трент дал Лори четвертак и проводил ее к телефонной будке в восточной части парка.

— Я что, действительно должна?.. — жалобно спросила она. — Мне так не хочется пугать ее. Особенно после того, что случилось вчера вечером.

— Ты что же, хочешь, чтоб она находилась в доме, когда все это произойдет, да? — спросил Трент. Лори опустила четвертак в щель телефона-автомата.

Телефон все звонил и звонил, и они уже начали думать, что мама куда-то вышла. С одной стороны, хорошо. С другой — может обернуться самым скверным образом. Неизвестность хуже всего. Если она действительно вышла, то, вполне вероятно, может вернуться как раз к тому моменту, когда...

— Трент? Мне кажется, ее нет до...

— Алло? — раздался в трубке сонный голос миссис Эванс.

— Ой, привет, мам! — сказала Лори. — Я уж думала, ты куда-то вышла.

— Нет. Просто снова легла, — ответила мама с немного смущенным смешком. — Такая сонливость вдруг навалилась, просто сил никаких нет. Так бы и проспала весь день. И потом, когда спишь, уже не думаешь о том, как ужасно вела себя вчера ве...

— Ой, мам, да ничего не ужасно! Ведь человек падает в обморок вовсе не потому, что ему так хочется или...

— Откуда ты звонишь, Лори? У тебя все в порядке?

— Да, мам. Вот только...

Тут Трент ткнул Лори пальцем в ребра. Довольно чувствительно.

И Лори, которая до этого горбилась (словно для того, чтобы казаться меньше ростом), сразу выпрямилась и выпалила на одном дыхании:

— Вот только я немного ушиблась в физкультурном зале. Так... самую чуточку. Ничего страшного.

— А что случилось?.. Господи! Ты, случайно, не из больницы звонишь, нет?

— Да нет, мам, что ты! — торопливо сказала Лори. — Просто постянула связку на колене. И миссис Китт спрашивает, не могла бы ты приехать и забрать меня? Просто не уверена, что смогу ступать на эту ногу. Болит.

— Сейчас же еду. И старайся не двигаться, детка моя дорогая. А что, если ты порвала связки? Там у вас есть медсестра?

— Сейчас нет, куда-то вышла. Да ты не волнуйся так, мам. Впредь буду осторожнее.

— А ты была в медпункте?

— Да, — ответила Лори. И покраснела, как помидор.

— Хорошо. Сейчас же выезжаю.

— Спасибо, мам. Пока.

Она повесила трубку и покосилась на Трента. Задержала дыхание, а потом испустила долгий печальный вздох.

— Милый разговорчик, ничего не скажешь. — Голос у нее дрожал, в нем уже слышались слезы.

Трент крепко обнял сестру.

— Ты здорово справилась, — сказал он. — Я бы так не смог, Киль... Лори. Мне бы она точно не поверила.

— Теперь уже вряд ли когда-нибудь будет верить, — с горечью пролепетала Лори.

— Ничего. Будет, еще как будет, — уверил ее Трент. — Ладно, пошли.

Они прошли в западную часть парка, откуда было хорошо видно Каштановую улицу. Заметно похолодало, небо потемнело. Над горизонтом собирались грозовые тучи, и ветер становился все резче и холоднее. Они прождали пять минут, показавшихся им целой вечностью, и вот, наконец, по улице, в направлении средней школы Гриндаун, куда ходили Лори с Трентом, промчался старенький «субару» матери.

— Мчит сломя голову, — заметил Трент. — Остается надеяться, что не попадет в аварию.

— Об этом теперь беспокоиться поздно, — философски заметила его сестра. — Идем. — И Лори взяла Трента за руку и потащила его обратно к телефонной будке. — Теперь *твоя* очередь. Будешь звонить Лью, везунчик ты эдакий.

Трент бросил в щель очередной четвертак и набрал номер исторического факультета, сверяясь с карточкой, которую предварительно вынул из бумажника. В эту ночь он почти не сомкнул глаз, терзаясь сомнениями. Но теперь, когда пришло время действовать решительно и быстро, вдруг с удивлением обнаружил, что совершенно спокоен и холоден. Так холоден, точно превратился в холодильник, с улыбкой подумал он. И взглянул на наручные часы. Без четверти три. Осталось меньше часа. С запада донесся приглушенный рокот грома.

— Исторический факультет, — раздался в трубке женский голос.

— Добрый день. Это Трент Брэдбери. Я бы хотел поговорить со своим отчимом, Льюисом Эвансом. Если можно, пожалуйста.

— Профессор Эванс на занятиях, — ответила секретарша. — Но как только он выйдет, я...

— Я знаю, у него лекция по современной истории Великобритании, и заканчивается она в три тридцать. Но все равно очень прошу вас, позовите его. Это срочно. Это касается его жены. — Тут он выдержал многозначительную расчетливую паузу. — Моей матери.

Последовала еще более долгая пауза, и Трента охватило тревожное предчувствие. То ли она не может вызвать его, то ли просто не хочет. В любом случае это грозит провалом всему плану.

— Он в лекционном зале, рядом с нами, — ответила она наконец. — Сейчас схожу за ним. И попрошу позвонить домой сразу же, как только...

— Нет, я должен поговорить с ним сам, — продолжал настаивать Трент.

— Но...

— Пожалуйста, давайте прекратим эти пустые препирательства! И сходите за ним, если вам не трудно, будьте так любезны, — сказал он, подпустив в голос тревоги. Что, учитывая ситуацию, было совсем не трудно.

— Хорошо, — ответила секретарша. По ее голосу трудно было судить, была ли она рассержена или обеспокоена. —

Но если бы вы вкратце могли объяснить мне суть, так сказать, проблемы...

— Нет, — коротко отрезал Трент.

Она возмущенно фыркнула, и в трубке повисла тишина.

— Ну, что там? — спросила Лори. Она стояла рядом, нетерпеливо пританцовывая с ноги на ногу, точно ей нужно было в туалет.

— Жду. Они пошли за ним.

— А что, если он не подойдет?

Трент пожал плечами.

— Тогда все пропало. Но он подойдет. Подожди, сама увидишь. — Ему и самому отчаянно хотелось верить в эти свои слова. Но он сомневался. И одновременно все же *верил,* что уловка его сработает. *Должна* сработать!

— Наверное, мы позвонили слишком поздно.

Трент кивнул. Да, они действительно припозднились, и Лори прекрасно знала почему. Дверь в кабинет была сделана из толстого и крепкого дуба, и ни один из них толком не знал, как устроен замок. И Тренту хотелось, чтобы Лью возился с ним как можно меньше времени.

— А что, если он, возвращаясь домой, столкнется по дороге с Брайаном и Лиссой?

— Когда человек так взвинчен, весь на нервах, как в данном случае, полагаю, и будет, он не обратит внимания на них, даже если они станут танцевать перед ним на ходулях. Даже если они напялят на себя клоунские колпаки, — ответил Трент.

— Ну что же он не подходит к этому чертовому телефону? — воскликнула Лори, нетерпеливо поглядывая на часы.

— Подойдет, — сказал Трент. И в следующую же секунду услышал в трубке голос отчима.

— Алло?

— Это Трент, Лью. Мама у тебя в кабинете. Кажется, снова сильная мигрень, потому что она опять потеряла сознание. Я не мог ее поднять. Так что ты лучше приезжай домой, и поскорее.

Трента не слишком удивила первая реакция отчима — он ожидал ее и именно на ней базировалась часть их пла-

на, — но, услышав его слова, он чуть не задохнулся от гнева, а костяшки пальцев, сжимавшие телефонную трубку, побелели.

— В моем кабинете? *Моем* кабинете? Но что, черт возьми, она там потеряла?!

Несмотря на гнев, голос Трента звучал спокойно.

— Прибиралась, наверное. — А затем подбросил еще одну приманку человеку, которого куда больше волновала его работа, нежели здоровье жены. — Бумаги разбросаны по всему полу.

— Выезжаю немедленно, — рявкнул Лью, а потом добавил: — И если там вдруг открыты окна, ради Бога, немедленно закрой! Приближается гроза. — И с этими словами, даже не попрощавшись, Лью бросил трубку.

— Ну что? — спросила Лори Трента, когда он тоже повесил трубку.

— Едет, — коротко ответил Трент и мрачно усмехнулся. — Этот сукин сын так разволновался, что даже не спросил меня, почему я дома, а не в школе. Пошли!

И они побежали к перекрестку Кленовой и Каштановой улиц. Небо потемнело, гром гремел почти непрерывно. Добежав до синего почтового ящика, что висел на углу, они увидели, как по всей длине Кленовой улицы, уходящей вдаль, к холмам, начали загораться огни.

Лиссы с Брайаном еще не было.

— Мне очень бы хотелось пойти с тобой, Трент, — сказала Лори, но лицо выдавало ее. Оно было бледным от страха, а глаза — большие, расширенные, и в них стояли слезы.

— Это ни к чему, — ответил Трент. — Оставайся здесь, жди Лиссу с Брайаном.

Услышав эти имена, Лори обернулась и оглядела улицу. И увидела бегущих навстречу им сестру и брата с коробками для завтраков в руках. Они были еще далеко, и разглядеть их лица было невозможно, но она сразу поняла, что это Лисса с Брайаном, и сказала Тренту.

— Вот и хорошо, — заметил тот. — Теперь вы, трое, спрячетесь за живой изгородью миссис Редлэнд и ждите, пока мимо вас не проедет Лью. Потом снова можете выйти на

улицу, *но только ни в коем случае не приближайтесь к дому.* Ждите меня на улице.

— Я боюсь, Трент. — Слезы побежали по ее щекам.

— Я тоже боюсь, Килька, — сказал он и поцеловал ее в лоб. — Но все скоро кончится.

И не успела она сказать что-то еще, как Трент развернулся и побежал по направлению к дому Брэдбери, что на Кленовой улице. И на бегу взглянул на часы. Было двенадцать минут четвертого.

Воздух в доме был жаркий и спертый, и это его напугало. Ощущение было такое, словно в каждом углу насыпали кучи пороха и рядом стояли люди, готовые в любую секунду поднести к ним горящие фитили. Он представил себе часы в «винном погребке», представил, как они безжалостно отсчитывают секунды и показывают сейчас

00:19:06.

А что, если Лью опоздает?

Впрочем, теперь уже поздно беспокоиться об этом.

И Трент бросился на третий этаж, жадно ловя ртом жаркий, заряженный угрозой воздух. Ему казалось, что весь дом ожил, что он шевелится, содрогается в такт каждой отсчитываемой часами секунде. Пытался сказать себе, что все это не более чем игра воображения, но как-то не слишком получалось.

Вошел в кабинет Лью, открыл наугад два-три ящика, вывалил находившиеся там бумаги на пол. На это понадобилось всего несколько секунд, но, заканчивая разбрасывать их по полу, он услышал во дворе шуршание шин. С улицы въезжал «порш». Сегодня мотор не чихал и не кашлял, очевидно, Лью хорошенько проветрил его быстрой ездой.

Трент выскользнул из кабинета и спрятался в тени, в самом дальнем конце коридора, где они просверлили первые дырки. Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Сунул руку в карман за ключом, но не нашарил там ничего, кроме скомканного старого талона на завтрак.

Должно быть, выронил, когда бежал по улице. Выпал из кармана на бегу.

Он стоял неподвижно, чувствуя, что весь вспотел, и одновременно ощущая озноб. А «порш» тем временем притормозил у дверей и мотор заглох. Вот открылась, а потом с грохотом захлопнулась дверца. Шаги Лью, он подходил к крыльцу задней двери. Тут раздался страшный раскат грома, словно дали залп из нескольких орудий. Тьму расколола ослепительная вспышка раздвоенной, точно вилка, молнии. Где-то в глубине дома с тихим подвыванием выключился мощный мотор. Испустил низкий приглушенный звук, похожий на лай, потом загудел снова.

Господи, Боже мой милостивый, что же мне теперь делать? Что я МОГУ сделать? Он ведь больше меня, сильнее! Попробовать ударить его по голове, может, тогда он...

Трент машинально сунул руку в другой карман и — о, счастье и чудо! — пальцы наткнулись на металлические зазубрины ключа. Должно быть, коротая время в парке, он машинально переложил его из одного кармана в другой, не осознавая, что делает.

Сердце колотилось как бешеное и подкатывало к горлу, воздуха не хватало, и он ловил его ртом. Трент стал потихоньку отступать назад, к чулану для чемоданов, шагнул в него, тихонько притворил за собой дверцу.

Лью шумно поднимался по ступеням, выкрикивая имя жены. Трент глянул в щелочку и увидел его: волосы всклокочены, стоят дыбом (ведя машину, он имел манеру откидывать их со лба), галстук съехал набок, на лбу крупные капли пота (какой высокий и умный у него лоб), глаза сощурены от ярости и превратились в маленькие щелочки.

— *Кэтрин!* — заорал он что есть мочи и двинулся по коридору к двери в свой кабинет.

Не успел он проделать и половины пути, как Трент выскочил из чулана и бесшумно помчался по коридору в противоположную сторону. У него был один-единственный шанс. Если он не попадет сразу ключом в замочную скважину... если ключ не сработает при первом же повороте...

Если произойдет или то, или другое, я буду сражаться с ним не на жизнь, а на смерть, успел подумать он. *И если не*

удастся запереть его там одного, запрусь вместе с ним, и будь что будет.

Он ухватился за ручку двери и захлопнул ее с такой силой, что из щелей между петлями вылетели маленькие облачка пыли. Мельком успел увидеть изумленное лицо Лью. Затем ключ оказался в замке. Он повернул его и задвижка защелкнулась за долю секунды до того, как Лью всем телом обрушился на дверь.

— Эй! — заорал Лью. — Ты что же это делаешь, мерзавец? Где Кэтрин? Выпусти меня отсюда, немедленно!

Ключ безжалостно повернулся в замочной скважине еще два раза. Затем Трент увидел, как завертелась круглая ручка двери. Лью пытался открыть, дверь не поддавалась. Тогда он обрушил на нее целый град ударов.

Выпусти меня отсюда сию же секунду, Трент Брэдбери! Иначе получишь такую взбучку, какой в жизни своей еще не получал!

Трент медленно отступал по коридору. И лишь натолкнувшись спиной на дальнюю стенку, остановился. Он задыхался. Ключ от кабинета он чисто автоматическим жестом успел вынуть из замочной скважины. Разжал пальцы и уронил его на полинялую дорожку, устилавшую пол коридора. Теперь, когда дело было сделано, настала реакция. Перед глазами все дрожало и плыло, точно он находился под водой. И Тренту пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не потерять сознание. Лишь теперь, когда Лью был заперт в кабинете, маму обманом удалось отослать из дома, а младшие братишка и сестренки благополучно отсиживались за буйно разросшейся тисовой изгородью миссис Редлэнд, только теперь до него дошло, что план его сработал безупречно. Он сам не ожидал, что все получится так удачно. И если Папа Лью был, мягко говоря, удивлен, оказавшись запертым в комнате, то Трент Брэдбери был просто потрясен этим фактом.

Круглая дверная ручка продолжала крутиться взад и вперед.

— *ВЫПУСТИ МЕНЯ ОТСЮДА, ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ!*

— Выпущу, но только без четверти четыре, Лью, — сказал Трент дрожащим от волнения голосом. А затем не сдер-

жался и хихикнул. — Просто ты должен пробыть *здесь* ровно до без четверти четыре.

Затем вдруг снизу послышался голос:

— Трент? Трент, ты где? Ты в порядке?

Господи, Лори!..

— Эй, ты где, Трент?

И Лисса!

— Эй, Трент! Ты о'кей?

И Брайан тоже.

Трент взглянул на часы и с ужасом увидел, что они показывают 3:31... нет, уже 3:32. *А что, если его часы отстают?..*

— *Вон отсюда!* — закричал он и бросился по коридору к лестнице. — *Вон из этого дома, живо!*

Этот бег к лестнице по коридору третьего этажа показался ему бесконечным: чем быстрее он бежал, тем непреодолимее казалось оставшееся пространство. Лью молотил кулаками в дверь и чудовищно ругался, гром грохотал, а внизу, в глубине дома, все нарастал шум механизмов, пробуждающихся к жизни.

Наконец он добежал до площадки и помчался вниз, прыгая сразу через несколько ступенек и весь подавшись вперед, отчего казалось, что ноги все время отстают. На миг ухватился рукой за перила и увидел внизу, в пролете между вторым и первым этажами, брата и двух сестер, которые, задрав головы кверху, смотрели на него.

— *Вон!* — крикнул он, схватил их за шкирки и стал подталкивать к распахнутой входной двери, за которой было черно и бушевало ненастье. — *Быстро!*

— Трент! — воскликнул Брайан. — Трент, что происходит в *доме? Он весь трясется!*

И это было сущей правдой — откуда-то из самой глубины нарастала дрожь, сильнейшая вибрация, сотрясающая все вокруг, и на миг Тренту показалось, что даже глаза в глазницах у него дрожат, как желе. С потолка начала сыпаться штукатурка, припудривая его волосы.

— *Нет времени! На улицу! Быстро! Лори, да помоги же мне!*

Трент подхватил Брайана на руки. Лори схватила Лиссу под мышки и потащила ее к двери.

Гром грохотал. Молнии перечеркивали небо. Ветер, разыгравшийся не на шутку еще раньше, теперь ревел, как дракон.

Трент почувствовал, что весь дом так и заходил ходуном, точно при землетрясении. Выбегая из двери вместе с Брайаном, он увидел вспышку электрически-голубоватого света, такую яркую, что потом еще с час она так и стояла перед глазами (позже он подумал: еще слава Богу, что не ослеп). И вырвался этот свет из узких оконец подвального этажа. И лучи, отбрасываемые этим светом на лужайку, казались какими-то твердыми. Он услышал звон разбитого стекла. И еще, проскальзывая в дверь, ощутил, как весь дом *приподнимается* под его ногами.

Он кубарем скатился по ступеням крыльца и схватил Лори за руку. И они помчались по дорожке к улице, на которой с приближением грозы стало темно, как ночью.

Потом они остановились, обернулись и стали смотреть, что происходит.

Дом на Кленовой улице, казалось, силится собраться. Он уже не выглядел прямым и надежным, как прежде; он дрожал и пошатывался и походил на карикатурное изображение калеки, опирающегося на палочку. От него во все стороны разбегались огромные трещины, прорезали не только забетонированную дорожку, но и землю в саду. Лужайка раскололась пополам и походила на два огромных куска пирога, увенчанных зеленой травой. Под травой виднелись натянувшиеся, как струны, черные корни, и весь их двор точно напрягся, чтоб удержать дом на месте.

Трент бросил взгляд на третий этаж, где в окнах кабинета Лью все еще горел свет. Затем снова послышался звон разбитого стекла, именно оттуда, он был в этом уверен, и еще один тонкий пронзительный звук, хотя что можно было расслышать в царившем вокруг треске, громе и грохоте? Позже Лори уверяла его, что тоже слышала последний крик отчима.

Первым не выдержал фундамент дома. Сначала он осел. Затем треснул, потом просто взорвался, как бомба. Оттуда вырвался поток ослепительного голубого пламени. Дети

закрыли лица ладонями и отступили. Взвыли какие-то механизмы. Земля вспучилась и поднималась все выше и выше, отчаянно сопротивляясь этой неведомой неумолимой силе, толкавшей ее вверх... и вдруг не выдержала, отпустила. И весь дом вдруг оказался в воздухе, завис в футе над землей, опираясь на подушку из яркого синего пламени.

Самый настоящий, эффектнейший старт космического корабля!

А на коньке крыши продолжал бешено крутиться флюгер.

Сначала дом поднимался медленно, затем начал набирать скорость. Он опирался на рвущуюся из-под фундамента подушку голубого пламени, и распахнутая входная дверь беспомощно хлопала на ветру.

— Мои игрушки! — жалобно взвизгнул Брайан, и Трент дико расхохотался.

Дом достиг высоты тридцати футов и завис, очевидно, готовясь к новому рывку, и вдруг весь *взорвался* в низко нависших над землей черных тучах.

И исчез.

Лишь сверху спланировали вниз, как два черных больших листка, два куска кровельного гонта.

— Гляди-ка, Трент! — взвизгнула Лори секунду-другую спустя и так сильно подтолкнула брата в бок, что тот не устоял на ногах и упал. На улицу, где они находились, слетал резиновый коврик с надписью «Добро пожаловать».

Трент взглянул на Лори. Та ответила вызывающим взглядом.

— Вот шлепнулся бы он тебе на голову, и от тебя бы мокрое место осталось, — сказала она. — Так что советую тебе, Трент, не называй меня больше Килькой. Никогда!

Трент мрачно взирал на сестру несколько секунд, затем начал смеяться. К нему присоединилась Лори. Затем засмеялись и малыши. Брайан взял Трента за одну руку, Лисса — за другую. Они помогли брату подняться на ноги, а потом все четверо стояли плечом к плечу и разглядывали дымящуюся дыру на месте подвала — ровно посередине пришедшей в полную негодность лужайки. Из других домов по соседству начали выходить люди, но дети Брэдбери не обращали на

них внимания. Или, точнее говоря, просто притворялись, что вовсе не замечают их.

— Вот это да! — весело воскликнул Брайан. — Наш домик взлетел, да, Трент?

— Да, — кивнул Трент.

— Может, там, где он приземлится, найдутся люди, которым смерть до чего интересно узнать о норманнах и этих, как их, сексонцах, — заметила Лисса.

Трент с Лори, стоявшие в обнимку, так и покатились со смеху... и тут на них на всех обрушился ливень.

К ним присоединился мистер Слэттери, живущий в доме через дорогу. Волос у него на голове осталось совсем немного, но те, что остались, липли к блестящему черепу узкими мокрыми прядями.

— *Что случилось?* — заорал он, стараясь перекричать гром, который рокотал теперь почти беспрерывно. — *Что здесь такое произошло?*

Трент отпустил сестру и взглянул на мистера Слэттери.

— Настоящее космическое путешествие, — многозначительно и мрачно ответил он, и все ребятишки снова захохотали.

Мистер Слэттери подозрительно и испуганно взглянул на оставшуюся от подвала дыру в земле и, видимо, решив, что секретность в таких делах есть лучшая доблесть, торопливо отошел на противоположную сторону улицы. И хотя дождь продолжал лить как из ведра, не пригласил детишек Брэдбери к себе в дом. Но им было плевать. Они уселись у обочины — Трент и Лори посередине, Брайан с Лиссой по бокам.

Лори наклонилась к Тренту и шепнула ему на ухо:

— Мы свободны.

— Все обстоит куда лучше, — ответил Трент. — Главное, теперь *она* свободна.

А потом обнял их всех, своих родных сестренок и братишку, обнял, насколько хватило рук, и они сидели у обочины под проливным дождем и ждали, когда мама вернется домой.

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТУШКА

Я припарковал свою колымагу за углом, посидел в темноте, потом вылез из кабины. Хлопнув дверцей, услышал, как ржавчина с крыльев посыпалась на асфальт. Ничего, думал я, направляясь к дому Кинана, скоро у меня будет нормальный автомобиль.

Револьвер в наплечной кобуре прижимался к моей грудной клетке, словно кулак. Револьвер сорок пятого калибра принадлежал Барни, и меня это радовало. Вроде бы затеянное могло служить торжеству справедливости.

Дом Кинана, архитектурное чудовище, расползшееся на четверть акра, с немыслимыми башенками и изгибами крыши, окружал железный забор. Ворота, как я и рассчитывал, он оставил открытыми. Раньше я видел, как он кому-то звонил из гостиной, и интуиция подсказывала, что разговаривал он с Джеггером или Сержантом. Я бы поставил на Сержанта. Но ожидание подходило к концу.

Я ступил на подъездную дорожку, держась поближе к кустам, прислушиваясь к звукам, отличным от завывания январского ветра. Ничего постороннего не услышал. По пятницам служанка, постоянно жившая в доме, отправлялась на какую-нибудь вечеринку. Так что этот мерзавец пребывал в гордом одиночестве. Дожидался Сержанта. Дожидался, хотя и не подозревал об этом, меня.

Открытыми он оставил и ворота гаража, и я скользнул в темноту. Различил силуэт черной «импалы» Кинана. По-

© Перевод. Вебер В.А., 2000.

пробовал заднюю дверцу. Тоже не заперта. Кинан не годился на роль злодея, отметил я: слишком доверчив. Я залез в машину, устроился на заднем сиденье, затих.

Теперь сквозь ветер до меня доносилась музыка. Хороший джаз. Возможно, Майлс Дэвис. Кинан, слушающий Майлса Дэвиса со стаканом джин-тоника в холеной руке. Идиллия, да и только.

Ожидание затянулось. Стрелки часов ползли от половины девятого к девяти, потом к десяти. Да уж, времени на раздумья мне хватило. Думал я главным образом о Барни, потому что другие мысли не шли в голову. Думал о том, как он выглядел в той маленькой лодке, когда я его нашел, как он смотрел на меня, какие бессвязные звуки слетали с его губ. Двое суток его носило по морю, и цветом кожи он напоминал свежесваренного лобстера. А на животе, в том месте, куда попала пуля, запеклась черная кровь.

Он все-таки сумел добраться до коттеджа, но лишь потому, что ему повезло. Повезло в том, что добрался, повезло в том, что все-таки смог что-то сказать. Я держал наготове пригоршню таблеток снотворного, на случай, если говорить он не сможет. Я не хотел продлевать его страдания. Если бы для этого не было веской причины. Как выяснилось, причина была. Он рассказал мне очень любопытную историю, почти всю.

Когда он умер, я вернулся в лодку, нашел его револьвер сорок пятого калибра. Он держал его в маленьком рундуке, в водонепроницаемом пакете. Потом я отбуксировал лодку на глубину и затопил. Если б пришлось писать эпитафию на его надгробном камне, я бы написал о том, что простофили рождаются каждую минуту. И большинство из них — хорошие ребята... такие, как Барни. Но вместо сочинения эпитафии я начал разыскивать тех, кто замочил его. Мне потребовалось шесть месяцев, чтобы выйти на Кинана и убедиться в том, что Сержант каким-то боком тоже к этому причастен. Настырность — не самая худшая черта характера. Вот я и оказался в гараже Кинана.

В двадцать минут одиннадцатого фары осветили подъездную дорожку, и я присел на пол «импалы». Автомобиль

остановился у самых гаражных ворот. По звуку мотора я определил, что это старый «фольксваген». Потом водитель повернул ключ зажигания, открыл дверцу, что-то пробурчав, вылез из маленькой машины. Зажглась лампа на крыльце, открылась входная дверь.

— Сержант! — крикнул Кинан. — Ты припоздился. Заходи, пропустим по стаканчику.

Я еще раньше опустил стекло. А теперь высунул ствол, держа рукоятку обеими руками.

— Не шевелиться!

Сержант уже поднялся на три ступеньки. Кинан, радушный хозяин, вышел на крыльцо, чтобы встретить его и проводить в дом. Их силуэты четко прорисовывались в свете, падающем из двери. Едва ли они видели меня, а вот револьвер скорее всего видели. Револьвер крупного калибра.

— Кто ты такой, черт бы тебя побрал? — спросил Кинан.

— Джерри Тарканян, — ответил я. — Только шевельнитесь, и я проделаю в каждом по дыре, через которую можно будет смотреть телевизор.

— Шпана какая-то, — пробурчал Сержант, но не шевельнулся.

— Главное, не дергайтесь, и тогда все будет хорошо. — Я открыл дверцу «импалы», осторожно выскользнул из кабины. Сержант посмотрел на меня через плечо, я заметил злой блеск его глаз. Рука ползла к лацкану двубортного пиджака пошива 1943 года.

— Руки вверх, говнюк.

Сержант поднял руки. Кинан успел опередить его.

— А теперь спускайтесь с лестницы. Оба.

Они спустились, и в свете лампы я разглядел их лица. Кинан выглядел испуганным, а Сержант словно слушал лекцию о таинствах буддистской религии дзэн или особенностях технического осмотра мотоцикла. Возможно, именно он уложил Барни.

— Встаньте лицом к стене. Обопритесь о нее руками. Оба.

— Если тебе нужны деньги... — начал Кинан.

Я рассмеялся.

— Я-то собирался для затравки предложить тебе купить бытовую технику с приличной скидкой, а уж потом перейти к деньгам, но ты меня раскусил. Да, мне нужны деньги. Четыреста пятьдесят тысяч долларов. Закопанные на маленьком островке неподалеку от Бар-Харбор. Зовется островок Карменс-Фолли.

Кинан дернулся, словно я всадил в него пулю, а вот лицо Сержанта, словно вырубленное из скалы, даже не дрогнуло. Он повернулся и оперся руками на стену, перенеся на них вес своего тела. Кинан последовал его примеру. Первым я обыскал его и нашел револьверчик тридцать второго калибра с трехдюймовым стволом. Не оружие, а игрушка. Из него можно промахнуться, даже приставив дуло к голове. Я бросил его через плечо, услышал, как он стукнулся об один из автомобилей. Сержант приехал без оружия, и я облегченно вздохнул, отступив от него на шаг.

— Мы идем в дом. Ты первый, Кинан, потом Сержант, я — последним. И чтобы никаких фортелей, понятно?

Колонной по одному мы поднялись по ступеням, проследовали на кухню. Большую, безукоризненно чистую, сверкающую кафелем и хромом. Где-то на Среднем Западе их штамповали сотнями и тысячами. Я даже подумал, что на ней обходились без вульгарной ручной уборки. Раз в неделю Кинан просто закрывал дверь, нажимал кнопку и подаваемый из специальных форсунок раствор сам смывал всю накопившуюся грязь.

После кухни наш путь лежал в гостиную, тоже порадовавшую глаз. Декоратор, видать, так и остался большим поклонником Хемингуэя. Камин размерами мог соперничать с кабиной грузового лифта, огромный буфет из тика приковывал взгляд, бар на колесах ощетинился бутылками. Стереосистема выключилась сама.

Я указал револьвером на диван:

— По углам.

Они сели. Кинан — у правого подлокотника, Сержант — у левого. Сержант занимал чуть ли не половину дивана. Сквозь волосы проглядывал старый шрам. Весил он никак не меньше двухсот тридцати футов, и оставалось только

удивляться, что человек с внешностью и габаритами Майка Тайсона ездит на «фольксвагене».

Я пододвинул к себе стул, сел на него, положил револьвер на бедро. Кинан уставился на него, как птичка — на змею. Сержант, наоборот, смотрел на меня так, будто он — змея, а я — птичка.

— Что теперь? — спросил он.

— Поговорим о картах и деньгах.

— Я не понимаю, о чем ты толкуешь, — буркнул Сержант. — Но знаю, что маленьким мальчикам нельзя играть с оружием.

— Как нынче поживает Кэппи Макфарленд? — небрежно спросил я.

Сержант не отреагировал, а вот Кинана словно ткнули шилом.

— Он знает! Он знает! — выкрикнул он.

— Заткнись, — осадил его Сержант. — Закрой свою гребаную пасть.

Кинан аж застонал. Такого я и представить себе не мог. Так что мои губы искривились в улыбке.

— Он прав, Сержант. Я знаю. Почти все.

— Кто ты?

— Мы не знакомы. Друг Барни.

— Какого Барни? — бесстрастно спросил Сержант. — Пучеглазого Барни Гугла?

— Он не умер, Сержант. Вернее, сразу не умер.

Сержант медленно повернулся к Кинану. В его взгляде читалась смерть. Кинан задрожал, открыл рот.

— Молчи, — бросил Сержант. — Ни единого гребаного слова. Иначе я сверну тебе шею, как цыпленку.

Рот Кинана захлопнулся.

Сержант вновь посмотрел на меня.

— Что значит почти?

— Все, кроме мелких подробностей. Я знаю о бронированном грузовике. Об острове Кэппи Макфарленда. О том, как ты, Кинан и еще один мерзавец, которого зовут Джеггер, убили Барни. О карте. Это все я знаю.

— Все было не так, как он тебе рассказал, — ответил Сержант. — Он собирался нас кинуть.

— Он никого не собирался кидать. Он был обычным водилой и делал только то, что ему говорили.

Сержант пожал плечами. Их размеры внушали уважение.

— Не буду тебя переубеждать. Хочешь верить Барни — твое дело.

— Я еще в прошлом марте понял, что Барни готовится к большому делу. Только не знал к какому. А потом у него появился револьвер. Вот этот револьвер. Как ты вышел на него, Сержант?

— Через общего знакомого... который сидел с ним. Нам требовался водитель, который знал восточный Мэн и окрестности Бар-Харбора. Кинан и я приехали к нему, рассказали, что надо сделать. Ему понравилось.

— Я сидел с ним в Шэнке, — заметил я. — И он мне понравился. По-другому и быть не могло. Парень-то больно хороший, пусть и туповатый. Ему требовался не партнер, а «дядька».

— Нянька, — хмыкнул Сержант.

— Возможно, ты и прав. Мы думали о том, чтобы взять банк в Льюистоне. Но он не дождался, пока я закончу подготовку. Поэтому и лежит сейчас в земле.

— Как это грустно. — Сержант скорчил гримасу. — Я сейчас расплачусь.

Я поднял револьвер, прицелился в него, и на секунду-две он превратился в птичку, а револьвер — в змею.

— Еще раз состришь и получишь пулю в живот. Ты мне веришь?

Его язык с удивительной быстротой облизал нижнюю губу и исчез. Он кивнул. Кинан, тот просто превратился в статую. Его словно мутило, но блевануть он не решался.

— Он сказал мне, что дело будет большое. Это все, что я сумел вытащить из него. Он уехал из дома третьего апреля. А двумя днями позже четверо парней грабанули инкассаторский броневик, перевозивший деньги из Портленда в Бангор, неподалеку от Кармеля. Трое охранников погибли. Газеты писали, что грабители прорвались через два дорожных

кордона на «плимуте» выпуска 1978 года с форсированным двигателем. У Барни был «плимут» 78-го, на котором он собирался участвовать в ралли. Готов спорить, Кинан дал ему денег на модернизацию «плимута».

И я посмотрел на Кинана. Тот позеленел.

— Шестого мая я получил открытку из Бар-Харбора, но это ничего не значило: через этот город шла почта с десятков маленьких островков. Ее собирал почтовый катер. Он написал: «Мама и семья в порядке, дела в магазине идут неплохо. Увидимся в июле». И подписался своим вторым именем. Я арендовал коттедж на побережье, поэтому Барни знал, где я буду его ждать. Июль пришел и ушел, но Барни не появился.

— Ты, должно быть, извелся, парень, не так ли? — спросил Сержант. Ему, похоже, не терпелось узнать, пристрелю я его или нет.

Я мрачно посмотрел на него.

— Он появился в начале августа. Благодаря твоему приятелю Кинану, Сержант. Он забыл об автоматическом насосе, который стоял в трюме лодки. Ты думал, что эта посудина быстро пойдет ко дну, не так ли, Кинан? И ты думал, что убил его. Я каждый день расстилал желтое одеяло на Френчменс-Пойнт. Его можно было увидеть издалека. Но Барни, конечно, просто повезло.

— Очень уж повезло, — буквально выплюнул Сержант.

— Вот что мне интересно... знал он до нападения о том, что деньги новые и все номера купюр переписаны? То есть три или четыре года их нельзя никому сбыть даже на Багамах?

— Знал, — пробурчал Сержант, и, к моему удивлению, я ему поверил. — Никто и не собирался сбрасывать деньги. Он знал и об этом. Я думаю, он рассчитывал на льюистонский банк, о котором ты упомянул, а если и не рассчитывал, сказал, что все понимает и подождет. Господи, почему нет? Даже если бы нам пришлось ждать десять лет. Для такого молодого парня десять лет — пустяк. Черт, да ему исполнилось бы только тридцать пять. А мне — шестьдесят один.

— А как насчет Кэппи Макфарленда? Барни знал и о нем?

— Да. Без Кэппи мы бы на дело не пошли. Хороший человек. Профессионал. Год назад у него обнаружили рак. Неоперабельный. И за ним числился должок.

— Поэтому вы вчетвером отправились на остров Кэппи. Который называется Карменс-Фолли. Кэппи зарыл деньги и дал вам карту.

— Эта идея принадлежала Джеггеру, — уточнил Сержант. — Мы не хотели делить деньги, чтобы не подвергать себя искушению. Но и не хотели оставить их в одних руках. Так что Кэппи Макфарленд пришелся очень кстати.

— Расскажи мне о карте.

— Я знал, что мы подойдем к этому. — По лицу Сержанта промелькнула ледяная улыбка.

— Не говори ему! — заверещал Кинан.

Сержант повернулся к нему и окинул взглядом, от которого расплавилась бы сталь.

— Заткнись. Я не умею лгать и не могу молчать, спасибо тебе. Знаешь, на что я надеюсь, Кинан? Я надеюсь, что ты и не собирался дожить до следующего столетия.

— Твоя фамилия указана в письме, — взвизгнул Кинан. — Если со мной что-нибудь случится, твоя фамилия указана в письме!

— Кэппи сделал хорошую карту, — продолжил Сержант, словно Кинана и не было с нами. — В тюрьме его какое-то время учили на картографа. Он порвал ее на четвертушки. По одной для каждого из нас. Мы решили встретиться через пять лет, четвертого июля. Обговорить ситуацию. То ли ждать еще пять лет, то ли вырыть деньги. Но случилась беда.

— Да, — кивнул я. — Иначе и не скажешь.

— Если тебе от этого полегчает, скажу, что Барни — это работа Кинана. Уж не знаю, успел Барни сказать тебе об этом или нет. Когда Джеггер и я отплыли в лодке Кэппи, Барни был в порядке.

— Ты чертов лжец! — взвился Кинан.

— А у кого в стенном сейфе две четвертушки? — полюбопытствовал Сержант. — Не у тебя ли, дорогуша?

И вновь посмотрел на меня.

— Это не важно. Половины карты недостаточно для того, чтобы найти деньги. И я хочу тебе сказать, что я бы с большим удовольствием поделил деньги на четверых, чем на троих. Не думаю, что ты мне поверишь, но это так. А что произошло потом? Звонит Кинан. Говорит, что надо встретиться. Я этого ждал. Ты, видать, тоже.

Я кивнул. Кинана я нашел быстрее, чем Сержанта, потому что социальный статус у него был повыше. Наверное, в конце концов я бы выследил и Сержанта, но решил, что нужды в этом нет. Участники группового ограбления обычно поддерживают контакт.

— Естественно, он посоветовал мне не пытаться разделаться с ним. Сказал, что он застраховал свою жизнь и оставил у адвоката письмо, которое должны были вскрыть в случае его смерти. В письме указывалось, что убийца — я. Идея Кинана состояла в том, чтобы мы, имея три четверти карты, попытались найти деньги.

— И разделить пополам.

Сержант кивнул.

Лицо Кинана перекосило от ужаса.

— Где сейф? — спросил я его.

Кинан не ответил.

Я умел стрелять из револьвера сорок пятого калибра. Напрактиковался. Револьвер мне достался хороший. Мне он нравился. Так что, ухватив рукоятку двумя руками, я без труда прострелил Кинану руку, пониже локтя. Сержант не шелохнулся. А Кинан завыл, свернувшись в клубок.

— Сейф, — напомнил я.

Кинан продолжал выть.

— Теперь я прострелю тебе колено. Личного опыта у меня нет, но я слышал, что будет очень больно.

— Репродукция, — выдохнул он. — Ван Гог. Больше не стреляй в меня, а? — В голосе слышался страх.

Я нацелил револьвер на Сержанта.

— Встать лицом к стене.

Сержант поднялся, встал у стены с болтающимися как плети руками.

— Теперь ты. — Я посмотрел на Кинана: — Открывай сейф.

— Я истекаю кровью, — простонал Кинан.

Я поднял револьвер.

— Сейчас кровь у тебя течет из одного места. Ты хочешь, чтобы забил второй фонтан?

Кинан встал, поддерживая раненую руку. Здоровой рукой снял репродукцию со стены, открыв серую дверцу сейфа. Испуганно посмотрел на меня и начал крутить диск. Дважды попытка заканчивалась неудачно. Третья удалась. Дверца открылась. Внутри лежали какие-то документы и две пачки денег. Кинан пошебуршил внутри, достал два бумажных квадрата, с длиной стороны дюйма три.

Клянусь, убивать его я не собирался. Хотел только связать и оставить в доме. Вреда он причинить не мог. Служанка, вернувшись, помогла бы ему прийти в себя, может, даже вызвала бы врача, и еще неделю Кинан не рискнул бы высунуться на улицу. Но все было, как и сказал Сержант. В сейфе Кинана лежали два квадрата. Один — в пятнах крови.

Я выстрелил вновь, уже не в руку. Он рухнул и остался на полу, словно тряпичная кукла.

Сержант даже не дернулся.

— Я тебя не обманывал. Кинан замочил твоего друга. Эни оба были любителями. Любители глупы.

Я не ответил. Взглянул на бумажные квадраты, сунул в карман. Ни на одном не было креста.

— Что теперь? — спросил Сержант.

— Поедем к тебе.

— С чего ты взял, что я держу свою четвертушку дома?

— Не знаю. Может, телепатия. Кроме того, если ее там нет, потом поедем туда, где она есть. Я не тороплюсь.

— Похоже, у тебя есть ответы на все вопросы.

— Поехали.

Мы вернулись к гаражу. Я сел сзади, за пассажирским сиденьем. Как при его габаритах он умудрялся втискиваться в «фольксваген», так и осталось для меня загадкой. Двумя минутами позже мы уже катили по улице.

Пошел снег, большие хлопья прилипали к ветровому стеклу, а едва коснувшись мостовой, превращались в грязь. Дорога скользкая, но машин было немного.

Полчаса мы ехали по шоссе номер 10, свернули на двухполосную дорогу, а пятнадцать минут спустя — на проселок, петляющий между заснеженными соснами. Он-то через две мили привел нас к короткой, заваленной мусором подъездной дорожке.

В свете фар «фольксвагена» я увидел бревенчатый домик под шиферной крышей с торчащей над ней телевизионной антенной. Слева стоял припорошенный снегом старый «форд». За ним я увидел сортирную будку и груду старых покрышек.

— Добро пожаловать в Бэллис-Ист, — сказал Сержант и заглушил мотор.

— Если ты вздумал меня обмануть, получишь пулю.

Он заполнял собой три четверти переднего сиденья.

— Я знаю.

— Вылезай из машины.

Сержант первым направился к входной двери.

— Открой, — приказал я. — И замри.

Он открыл дверь и замер. Я тоже. Мы простояли три минуты, но ничего не случилось. Только толстый серый воробей залетел во двор, чтобы обругать нас на птичьем языке.

— Ладно. Заходим в дом.

Такой нищеты я не ожидал. Лампочка в шестьдесят ватт освещала только середину комнаты. Везде валялись газеты. На веревке сохло выстиранное белье. У стены стоял старенький «Зенит». У противоположной я увидел раковину и ржавую чугунную ванну на изогнутых ножках. И прислоненное к стене охотничье ружье. Пахло грязными ногами, пердой и соусом чили.

— Все лучше, чем жить под кустом, — заметил Сержант.

Я мог бы с ним поспорить, но не стал.

— Где твоя часть карты?

— В спальне.

— Пошли.

— Еще не время. — Он медленно повернулся, с закаменевшим лицом. — Ты должен дать слово, что не убьешь меня, получив мою четвертушку.

— Как ты меня заставишь сдержать его?

— Черт, не знаю. Наверное, надеюсь, что дело не в деньгах, что ты прежде всего хотел отомстить за Барни. Ты и отомстил. Кинан замочил его, Кинан мертв. Если тебе нужны деньги, нет проблем. Может, трех четвертей карты и хватит, на моей четвертушке стоит большой жирный крест. Но ты ее не получишь, если не пообещаешь, что взамен оставишь мне мою жизнь.

— Откуда я знаю, что ты не попытаешься поквитаться со мной?

— Но я попытаюсь, сынок, — без запинки ответил Сержант.

Я рассмеялся.

— Хорошо. Добавь адрес Джеггера и обещание у тебя в кармане. Я его выполню.

Сержант медленно покачал головой.

— Не следует тебе связываться с Джеггером, приятель. Джеггер съест тебя живьем.

Я было опустил пистолет, но тут вновь нацелил его на Сержанта.

— Хорошо. Он в Коулмене, штат Массачусетс. На лыжном курорте. Тебя устраивает?

— Да. Давай свою четвертушку, Сержант.

Он всмотрелся в меня, потом кивнул. Мы прошли в спальню.

Она была под стать большой комнате. Грязный матрац на полу, заваленном порнографическими журналами, стены, оклеенные фотографиями женщин, вся одежда которых состояла из тончайшего слоя масла.

Сержант взял лампу со столика, открутил основание, достал аккуратно свернутую четвертушку карты, молча протянул мне.

— Бросай.

Сержант усмехнулся.

— А ты у нас осторожный, так?

— Осторожность никому еще не мешала. Бросай, Сержант.

Он бросил.

— Как нажито, так и прожито.

— Обещание я выполню, — повторил я. — Считай, что тебе повезло. Иди в другую комнату.

Глаза Сержанта холодно блеснули.

— Что ты собираешься делать?

— Хочу позаботиться о том, чтобы ты какое-то время посидел в доме. Шевелись.

Мы вышли в большую комнату. Он — первым, я — следом. Сержант остановился прямо под потолочной лампой, поникнув плечами, предчувствуя, что скоро рукоятка револьвера крепко звезданет его по затылку. И я уже поднимал револьвер, когда погас свет.

Комната мгновенно погрузилась в темноту.

Я бросился направо, Сержант нырком ушел в сторону еще раньше. Я услышал, как под его телом зашелестели газеты. И воцарилась тишина. Мертвая тишина.

Я ждал, когда ко мне вернется ночное зрение, но когда оно вернулось, я от этого ничего не выгадал. Комната превратилась в мавзолей с тысячью надгробий. И Сержант знал каждое.

Я многое выяснил насчет Сержанта, собрать эту информацию не составило большого труда. Он служил во Вьетнаме, в «Зеленых беретах», и никто не удосуживался запомнить его имя или фамилию. Он был просто Сержантом, здоровяком-убивцем.

И где-то в темноте он крался ко мне. Естественно, комнату он знал как свои пять пальцев, потому что я не слышал ни звука. Но чувствовал, что он подбирается все ближе, то ли слева, то ли справа, а может, выбрал более рискованный вариант: идет прямо на меня.

Рукоятка револьвера стала скользкой от пота, я едва подавлял желание открыть беспорядочную стрельбу. И все время помнил о том, что в моем кармане лежат три четверти карты. О том, почему погас свет, я не думал, пока за окном не вспыхнул мощный ручной фонарь. Луч обежал пол, вы-

хватил из темноты Сержанта, изготовившегося к прыжку в семи футах слева от меня. Глаза его блеснули, зеленые, как у кошки.

В правой руке он держал лезвие бритвы, и я внезапно вспомнил, как у гаража Кинана его рука потянулась к лацкану.

— Джеггер? — спросил Сержант, щурясь от яркого луча.

Я не знаю, чья пуля первой достала его. То ли выпущенная из пистолета большого калибра, который держал во второй руке хозяин фонаря, то ли мои: я дважды нажимал на спусковой крючок. Сержанта бросило в стену с такой силой, что с одной ноги соскочил ботинок.

Фонарь погас.

Выстрелил я и в окно, но лишь разбил стекло. Лежал в темноте и думал о том, что не только я ждал, когда же жадность Кинана вырвется на поверхность. Этого ждал и Джеггер. И хотя в моей машине патронов хватало, в револьвере остался только один.

Не следует тебе связываться с Джеггером, приятель. Джеггер съест тебя живьем.

Я уже достаточно хорошо ориентировался в комнате. Приподнялся и поспешил к стене, перешагнув через тело Сержанта. Залез в ванну, выглянул через край. Ни единый звук не нарушал тишину. Я ждал.

Пять минут тянулись, как пять часов.

Вновь вспыхнул фонарь, на этот раз в окне спальни. Я наклонил голову. Какое-то время луч «гулял» по спальне, потом потух.

Опять наступила тишина. Долгая, вязкая тишина. Лежа в грязной ванне, я видел все и всех. Кинана с трясущимися губами, Барни с запекшейся раной в животе, левее пупка, Сержанта, застывшего в свете фонаря, с бритвой, зажатой между большим и указательным пальцами. Джеггера — темной тенью без лица. И себя. Пятую четвертушку.

Внезапно послышался голос. У самой двери. Вкрадчивый, мелодичный, чуть ли не женский, но отнюдь не женственный. В голосе слышался смертный приговор.

— Эй, красавчик.

Я молчал. К чему облегчать ему жизнь?

Голос раздался вновь, на этот раз от окна.

— Я собираюсь убить тебя, красавчик. Я пришел, чтобы убить их, но тебя ждет та же участь.

Вновь пауза, он выбирал новою позицию. На этот раз он заговорил, стоя у окна над ванной. Мои внутренности чуть не выплеснулись в горло. Если бы он включил фонарь...

— Пятое колесо никому не нужно. Извини.

Я гадал, где он объявится в следующий раз. Он решил вернуться к двери.

— Моя четвертушка при мне. Не хочешь выйти и взять ее?

В горле запершило, я едва подавил желание откашляться.

— Выйди и возьми ее, красавчик. — В голосе звучала насмешка. — Весь пирог будет твоим. Выйди и возьми.

Но выходить я не собирался, и он, думаю, знал это не хуже моего. Все козыри были у меня. С тремя четвертушками я мог найти деньги. А Джеггер, с одной-единственной — нет.

На этот раз тишина сильно затянулась. Прошло полчаса, час, вечность. У меня начало затекать тело. Поднялся ветер, заглушая все остальные звуки. Я замерзал. Кончики пальцев просто окоченели.

А потом, в половине первого, в темноте что-то зашуршало. Я перестал дышать. Каким-то образом Джеггер проник в дом. Находился посреди комнаты...

Потом до меня дошло. Rigor mortis*, ускоренное холодом, заставило Сержанта последний раз шевельнуться. Ничего больше. Я чуть расслабился.

Вот тут входная дверь распахнулась и Джеггер ворвался в дом, его силуэт четко обрисовался на фоне белого снега. Конечно же, я вогнал пулю ему в голову. Но даже короткой вспышки выстрела мне хватило, чтобы заметить, что стрелял я в чучело, одетое в рваные штаны и рубашку. Мешок, набитый соломой, который заменял чучелу голову, слетел на пол, а Джеггер открыл огонь.

Стрелял он из автоматического пистолета, и ванна аж загудела под ударами пуль. Эмаль отскакивала от стенок, царапая мне лицо.

---

* Трупное окоченение.

Он стремительно приближался, не прекращая стрелять, не позволяя мне поднять головы.

Спас меня Сержант. Джеггер споткнулся о его мертвую ногу, и пули вместо меня полетели в пол. Вот тут я поднялся на колени. Вообразил себя Роджером Клеменсом. И хватил его по голове большим, сорок пятого калибра, револьвером, который достался мне от Барни.

Удар не вывел Джеггера из игры. Я перевалился через край ванны, чтобы броском ноги уложить его на пол, когда раздались еще два выстрела. К счастью, точно прицелиться он не смог. Одна пуля задела мне левую руку, вторая — шею.

Джеггер, покачиваясь, отступал назад, пытаясь прийти в себя, подняв руку к уху, которое едва не оторвал удар револьвера. Вновь наткнулся на ногу Сержанта и повалился на спину. Но успел поднять пистолет и выстрелить. На этот раз пуля пробила потолок. Другого шанса я ему не дал. Ударом ноги вышиб пистолет из руки, услышал, как хрустнули ломающиеся кости. Изо всей силы ударил в пах, а потом в висок. Наверное, этого удара хватило, чтобы отправить его на тот свет, но я вновь и вновь пинал его, пока тело не превратилось в желе, а лицо — в кровавое месиво. В таком виде его не узнала бы и родная мать. Я прекратил избиение, лишь когда не осталось сил оторвать ногу от пола.

Внезапно до меня дошло, что я кричу не своим голосом, а услышать меня могут только мертвецы.

Вытер рот и наклонился над телом Джеггера.

Как выяснилось, насчет последней четвертушки он солгал. Впрочем, меня это не удивило. Совершенно не удивило.

Свою колымагу я нашел там, где и оставил ее, неподалеку от дома Кинана, на нее уже навалило снега. В город я вернулся в «фольксвагене» Сержанта, но последнюю милю прошел пешком. Оставалось только надеяться, что обогреватель работал, потому что я весь продрог. Рана на шее уже не кровоточила, а вот рука сильно болела.

Двигатель завелся, пусть и не с полоборота. Обогреватель работал, один оставшийся «дворник» очищал мою половину ветрового стекла. Джеггер солгал насчет своей четвертушки, ее не было и в «хонде сивик», возможно, украденной, на

которой он приехал. Но его адрес лежал у меня в бумажнике, и я полагал, что смогу найти эту четвертушку, если она мне понадобится. Впрочем, я склонялся к мысли, что вполне смогу без нее обойтись, поскольку крест значился на четвертушке Сержанта.

Я осторожно тронул машину с места. Я знал, что осторожность еще долго будет основой моей жизни. В одном Сержант не ошибся: Барни, конечно, был идиотом. Но он был и моим другом, и я за него рассчитался полностью.

А ради таких денег можно и поосторожничать.

ДЕЛО ВАТСОНА

Кажется, был только один случай, когда мне действительно удалось раскрыть преступление на глазах у моего почти легендарного друга, мистера Шерлока Холмса. Я говорю *кажется,* поскольку память моя изрядно поизносилась на девятом десятке. Теперь же, на подходе к столетнему юбилею, она стала совсем никудышной. Прошлое словно затянуто туманом. И *возможно,* то был совсем другой случай, но даже если и так, деталей я не помню.

Однако сомневаюсь, что когда-нибудь вообще забуду это дело, как бы ни мешались и ни путались в голове мысли и воспоминания. И считаю, что вполне способен записать все, что произошло, прежде чем Господь Бог навсегда отберет у меня ручку. История эта никоим образом не сможет унизить Шерлока Холмса, поскольку, Господь свидетель, он уже лет сорок находится в могиле. Словом, достаточно, как мне кажется, долго, и пришло время познакомить читателя с событиями тех лет. Даже Лейстрейд, время от времени использовавший Холмса, однако никогда особенно не любивший его, хранил все эти годы полное молчание и ни словом не упоминал о лорде Халле. Что, впрочем, и понятно, учитывая некоторые обстоятельства. Но даже будь эти самые обстоятельства другими, все равно сомневаюсь, чтоб он заговорил. Они с Холмсом вечно измывались друг над другом. И еще мне кажется, в сердце Холмса жила неизбыв-

© Перевод. Рейн Н. В., 2000.

ная ненависть к этому полицейскому (хотя сам он никогда бы не признался в столь низменном чувстве). Тем не менее Лейстрейд по-своему очень уважал моего друга.

День выдался страшно сырой и ветреный, и часы только что пробили половину второго. Холмс сидел у окна, держал в руках скрипку, но не играл, молча смотрел на дождь. Бывали моменты, особенно после нескольких дней, прошедших «под знаком» кокаина, когда Холмс вдруг становился страшно угрюм. А уж если небо упрямо оставалось серым на протяжении недели и даже больше, угрюмству этому, казалось, не было предела. Вот и сегодня он был явно разочарован погодой, поскольку накануне ночью поднялся сильный ветер, и он со всей уверенностью предсказывал, что небо расчистится самое позднее к десяти утра. Однако вместо этого в воздухе сгустился туман, и ко времени, когда я поднялся с постели, лил проливной дождь. И если вы думаете, что что-то могло подействовать на Холмса более угнетающе, чем такой долгий и сильный дождь, то ошибаетесь.

Внезапно он выпрямился в кресле, тронул ногтем струну и иронически улыбнулся. «Ватсон! Вот это зрелище! Самая мокрая ищейка, которую мне только доводилось видеть!»

То, разумеется, был Лейстрейд, разместившийся на заднем сиденье шарабана с открытым верхом. Струи воды сбегали со лба, заливая глубоко посаженные, хитрые и пронзительные глазки. Он выскочил, не дожидаясь пока шарабан остановится, швырнул извозчику монету и затрусил к дому под номером 221В, что по Бейкер-стрит. Он так торопился, что мне на миг показалось — этот маленький человечек пробьет нашу дверь своим телом, точно тараном.

Я слышал, как миссис Хадсон упрекала его за неподобающий вид, говорила, что с него льет ручьем, и как это может отразиться на коврах внизу и наверху тоже; и тогда Холмс подскочил к двери и крикнул вниз:

— Впустите его, миссис Х.! Я подстелю ему под ноги газету, если он надолго. Но мне почему-то кажется, да, почему-то я твердо уверен...

И Лейстрейд начал шустро подниматься по ступеням, оставив внизу брюзжащую миссис Хадсон. Лицо его раскраснелось, глаза горели, а зубы — сильно пожелтевшие от табака — скалились в волчьей улыбке.

— Инспектор Лейстрейд! — радостно воскликнул Холмс. — Что привело вас ко мне в такую...

Фраза осталась неоконченной. Задыхаясь от быстрого подъема по лестнице, Лейстрейд заявил:

— Слышал, как цыгане говорят, будто желаниями нашими управляет дьявол. И вот теперь почти убедился в этом. Идемте скорее, дело того стоит, Холмс. Труп еще совсем свеженький, и все подозреваемые налицо.

— Вы прямо-таки пугаете меня своим рвением, Лейстрейд! — воскликнул Холмс, иронически шевельнув бровями.

— Нечего изображать передо мной увядшую фиалку, любезный. Я примчался сюда предложить вам дело, раскрыть которое всегда было вашей заветной мечтой. О чем вы говорили раз сто, не меньше, если мне не изменяет память. Идеальное убийство в замкнутом пространстве!

Холмс направился было в угол комнаты, возможно, взять эту свою совершенно чудовищную трость с золотым набалдашником, по неким неведомым для меня причинам полюбившуюся ему последнее время. Но, услышав слова насквозь отсыревшего гостя, резко развернулся и уставился на него:

— Вы это серьезно, Лейстрейд?

— Ну неужели я стал бы мчаться сюда в такую погоду и в открытом экипаже, рискуя заболеть крупом? — резонно возразил ему Лейстрейд.

Тут, впервые за все время, что мы были знакомы (несмотря на то что фразу эту приписывали ему бессчетное число раз), Холмс обернулся ко мне и воскликнул:

— Живее, Ватсон! Игра начинается!

По дороге Лейстрейд не преминул кисло заметить, что Холмсу всегда *дьявольски* везло. Хотя Лейстрейд попросил возницу шарабана подождать, на улице его не оказалось. Но не успели мы выйти из двери под дождь, как послышался

стук копыт, и из-за угла выкатила какая-то древняя колымага. Уже само по себе чудо — так быстро найти свободный экипаж под проливным дождем. Мы уселись и незамедлительно тронулись в путь. Холмс сидел, как обычно, слева, глаза непрестанно обшаривали все вокруг, замечая каждую мелочь, хотя что особенного можно увидеть на улице в *такой* день... Впрочем, возможно, мне только так казалось. Не сомневаюсь, что каждый пустынный угол улицы, каждая омываемая дождем витрина могли порассказать Холмсу немало — хватило бы на целый роман.

Лейстрейд назвал вознице адрес на Сейвайл-роу, а потом спросил Холмса, знает ли тот лорда Халла.

— Слышал о нем, — ответил Холмс, — однако никогда не имел удовольствия знать лично. Теперь, очевидно, узнаю. Судовладелец, занимался торговыми перевозками?

— Именно, — кивнул Лейстрейд. — Однако удовольствия узнать его лично вам не светит. Лорд Халл был во всех отношениях и по отзывам самых близких и... гм, дорогих ему людей, человеком крайне противным. Даже грязным, как загадочная картинка в замызганной детской книжонке. Но теперь и с противностью, и грязностью покончено. Сегодня примерно в одиннадцать утра, — тут он открыл крышку карманных часов и взглянул на циферблат, — то есть ровно два часа сорок минут тому назад, кто-то воткнул ему нож в спину. Лорд Халл находился в это время в своем кабинете, сидел за письменным столом, и перед ним лежало завещание.

— Стало быть, — задумчиво начал Холмс и раскурил трубку, — кабинет этого малоприятного лорда Халла и является, по вашему мнению, тем идеально замкнутым пространством моей мечты, так? — Он выпустил из ноздрей столб голубоватого дыма, и глаза его насмешливо блеснули.

— Лично я, — тихо ответил Лейстрейд, — считаю, что так.

— Нам с Ватсоном доводилось и прежде копать такие ямы, однако воды в них никогда не обнаруживалось, — заметил Холмс и покосился на меня, а затем снова занялся изучением проносившихся мимо нас перекрестков и улиц. — Помните «Пеструю ленту», Ватсон?

Еще бы я не помнил! В том деле тоже была запертая комната, это верно, но там имелись также вентилятор, ядовитая змея и убийца — дьявольски изощренный тип, умудрившийся поместить второе в первое. То было плодом работы жестокого, но блестящего разума, но Холмс все же раскусил этот твердый орешек, и времени ему понадобилось всего ничего.

— Каковы факты, инспектор? — спросил Холмс.

Лейстрейд начал излагать ему факты сдержанным и сухим тоном профессионального полицейского. Лорд Альберт Халл слыл тираном в бизнесе и деспотом в доме. Жена не уходила от него только из страха, а если б ушла, никто не посмел осудить бедняжку за это. Тот факт, что она родила ему троих сыновей, похоже, ничуть не смягчил подхода Халла ко всем домашним делам в целом и к супруге в частности. Леди Халл неохотно говорила об этом, но ее сыновья не унаследовали сдержанности матери. Их папаша, говорили они, не упускал ни единого случая придраться к ней, обругать или раскритиковать в пух и прах. Не упускал он также и возможности выбранить ее за транжирство... Впрочем, не только ее одну, всех членов семьи, когда они собирались вместе. Оставаясь с женой наедине, он совершенно игнорировал ее. За исключением тех случаев, мрачно добавил Лейстрейд, когда вдруг ощущал потребность поколотить несчастную. Что случалось нередко.

— Уильям, старший из сыновей, сказал мне, что, выходя к завтраку с опухшим глазом или синяком на щеке, она всегда рассказывала одну и ту же историю. Будто бы забыла надеть очки и ударилась по близорукости о дверной косяк. «Она ударялась об этот самый косяк как минимум раз, а то и два на неделе, — сказал Уильям. — Вот уж не предполагал, что в нашем доме столько дверей».

— Гм-м, — буркнул Холмс. — Веселый, как я погляжу, парень! И что же, сыновья ни разу не пытались положить этому конец?

— Она бы не позволила, — ответил Лейстрейд.

— Лично я склонен называть это безумием. Мужчина, который бьет свою жену, вызывает отвращение. Женщина,

которая позволяет ему делать это, вызывает отвращение и недоумение одновременно.

— Однако в ее безумии прослеживается определенная система, — заметил Лейстрейд. — Система и то, что можно назвать «осознанным терпением». Дело в том, что она лет на двадцать моложе своего господина и повелителя. К тому же сам Халл всегда был заядлым пьяницей и обжорой. В семидесятилетнем возрасте, то есть пять лет тому назад, он впервые в жизни заболел. Подагрой и ангиной.

— Подождем, когда кончится буря и насладимся солнышком, — заметил Холмс.

— Да, — кивнул Лейстрейд. — Но уверен, эта мысль привела многих мужчин и женщин к вратам ада. Халл позаботился о том, чтобы все члены семьи были осведомлены о размерах его состояния и основных пунктах завещания. И они при его жизни немногим отличались от рабов.

— В данном случае завещание служило как бы двусторонним договором, — пробормотал Холмс.

— Именно так, старина. На момент смерти состояние Халла составило триста тысяч фунтов. Что касалось расходов по дому, то бухгалтер регулярно представлял ему все счета, наряду с балансным отчетом по грузовым перевозкам. Следует заметить, и в этом мистер Халл умел держать семью на коротком поводке.

— Дьявольщина! — воскликнул я. И подумал о жестоких мальчишках, которых иногда видишь в Истчип или на Пикадилли. Мальчишках, которые протягивают голодному псу конфетку, чтоб посмотреть, как он будет танцевать и унижаться... А потом сжирают ее сами, а голодное животное смотрит. Сравнение показалось как нельзя более уместным.

— После его смерти леди Ребекка должна была получить сто пятьдесят тысяч фунтов. Уильяму, старшему сыну, полагалось пятьдесят тысяч. Джори, среднему, сорок; и, наконец, Стивену, самому младшему, тридцать.

— Ну а остальные тридцать тысяч? — осведомился я.

— Должны были разойтись на мелкие подачки, Ватсон. Какому-то кузену в Уэльсе, тетушке в Бретани (причем, заметьте, родственникам леди Халл не перепадало при этом

ни пенса!) Пять тысяч должны были быть распределены между слугами. Ах да, как вам это понравится, Холмс? Десять тысяч фунтов должны были отойти приюту беспризорных кисок под патронажем миссис Хемфилл!..

— Шутите! — воскликнул я. И Лейстрейд, ожидавший примерно такой же реакции от Холмса, был разочарован. Холмс же лишь снова прикурил трубку и кивнул, словно ожидал чего-то в этом роде. — В Ист-Энде младенцы умирают от голода, двенадцатилетние ребятишки работают по пятнадцать часов на фабриках, а этот тип, видите ли, оставляет десять тысяч фунтов каким-то... какому-то пансиону для котов?..

— Именно! — радостно подтвердил Лейстрейд. — Я даже больше скажу. Он бы оставил этой миссис Хемфилл и в ее лице беспризорным кискам в *двадцать семь раз* больше, если б не то, что случилось сегодня утром. И не тот, кто сделал это.

Я так и замер с разинутым ртом и пытался подсчитать в уме. И когда уже начал приходить к заключению, что лорд Халл собирался лишить наследства жену и родных детей в пользу дома отдыха для кошачьих, Холмс мрачно взглянул на Лейстрейда и произнес фразу, показавшуюся мне абсолютно non sequitur*: «И я, конечно, там расчихаюсь?»

Лейстрейд улыбнулся. Улыбка его была преисполнена чрезвычайного добродушия.

— Ну, разумеется, мой дорогой Холмс! И боюсь, громко и не один раз.

Холмс вынул трубку, которую только что с таким наслаждением посасывал, изо рта, секунду-другую глядел на нее, затем подставил дождевым струям. Я, уже вконец растерявшийся, молча следил за тем, как он выбивает из нее отсыревший и дымящийся табак.

— И сколько же раз? — спросил Холмс.

— Десять, — со злорадной улыбкой ответил Лейстрейд.

— Подозреваю, что не только эта пресловутая запертая комната подвигла вас сесть в открытый экипаж в столь дождливый день, — мрачно сказал Холмс.

---

* Ни к месту, неуместной (*фр.*).

— Подозревайте что хотите, — весело ответил Лейстрейд. — Боюсь, что вынужден вас покинуть, прямо здесь. Текущие дела, знаете ли... вызовы на места преступления. Если желаете, могу высадить вас с доктором...

— Вы первый и единственный знакомый мне человек, — заметил Холмс, — чье чувство юмора просто расцветает при плохой погоде. Интересно, что это говорит о вашем характере?.. Впрочем, не важно, обсудим это как-нибудь в другой раз. Лучше скажите мне вот что, Лейстрейд. Когда лорд Халл окончательно уверился, что скоро умрет?

— *Умрет?* — изумился я. — Но мой дорогой Холмс, с чего это вы взяли, что Халл...

— Но это же очевидно, Ватсон, — ответил Холмс. — «ПИЛ», я говорил вам о них тысячи раз. «Поведенческие индексы личности». Ему нравилось держать в напряжении близких с помощью этого своего завещания... — Уголком глаза он покосился на Лейстрейда. — И никаких распоряжений касательно имущества, я так полагаю? Никаких юридических актов, закрепляющих порядок наследования земель?

Лейстрейд отрицательно помотал головой.

— Совершенно никаких.

— Странно, — заметил я.

— Ничуть не странно, Ватсон. Поведенческие индексы личности, не забывайте об этом. Халл хотел поселить в них веру, что все достанется им, когда он соизволит наконец умереть, окажет им такую любезность. Но на самом деле ничего подобного делать не намеревался. В противном случае это противоречило бы самой сути его характера. Вы согласны, Лейстрейд?

— Ну, в общем, да, — буркнул в ответ Лейстрейд.

— Тогда, получается, мы подошли к самой сути, не так ли, Ватсон? Вы все поняли? Лорд Халл понимает, что умирает. Он выжидает... хочет окончательно убедиться, что на сей раз не ошибся, чтоб не было ложной тревоги... Ну и собирает всю свою любимую семью. Когда? Сегодня утром, да, Лейстрейд?

Лейстрейд буркнул нечто нечленораздельное в знак согласия.

Холмс потер пальцами подбородок.

— Итак, он собирает их всех и объявляет, что составил новое завещание... Согласно которому все они лишаются наследства. Все, кроме слуг, нескольких дальних родственников с его стороны, ну и, разумеется, кисок.

Я собрался было что-то сказать, но почувствовал, что просто не в силах — слишком уж велико было мое возмущение. А перед глазами настырно вставало видение — злобные мальчишки заставляют умирающих от голода дворняжек Ист-Энда прыгать и унижаться ради кусочка ветчины или крошки мясного пирога. Следует признаться, мне и в голову не пришло тогда спросить, возможно ли оспорить в суде подобное завещание. Впрочем, теперь настали другие времена. Сегодня имя человека, лишившего наследства семью в пользу отеля для кошек, поливали бы грязью на каждом углу. Но тогда, в 1899-м, завещание было завещанием, и сколько бы примеров разных безумств — не эксцентричности, но именно полного *безумства* — ни являли собой некоторые из них, волю человека следовало исполнять свято, как волю Божью.

— И это новое завещание было подписано, как надлежит, в присутствии свидетелей?

— Само собой, — ответил Лейстрейд. — Не далее как вчера лорд Халл вызвал к себе своего стряпчего и одного из помощников. Их провели прямо к нему в кабинет. Там они пробыли минут пятнадцать. Стивен Халл утверждает, будто бы слышал, как стряпчий один раз повысил голос, возражал против чего-то. Но против чего именно, расслышать ему так и не удалось. К тому же Халл тут же заткнул стряпчему рот. Джори, средний сын, был наверху, занимался живописью, а леди Халл поехала навестить подругу. Но и Стивен, и Уильям Халл видели, как эти люди входили в дом, а потом, примерно через четверть часа, вышли. Уильям сказал, что выходили они с низко опущенными головами. Он даже спросил мистера Барнса, стряпчего, не плохо ли ему. Ну и заметил нечто такое на тему того, как скверно действует на людей дождливая погода. Но Барнс не ответил ни слова, а помощник Халла весь съежился, точно от страха. Эти двое вели

себя так, словно им было стыдно. Так, во всяком случае, утверждал Уильям.

А может, просто делали вид, подумал я.

— Раз уж речь зашла о сыновьях, расскажите мне о них поподробнее, — попросил Холмс.

— Пожалуйста. Само собой понятно, что их ненависть к отцу все возрастала, поскольку родитель никогда не упускал случая дать понять, насколько их презирает... Хотя как можно было презирать Стивена... впрочем, лучше я по порядку.

— Да уж, будьте любезны, — сухо вставил Холмс.

— Уильяму тридцать шесть. Если б отец давал ему карманные деньги, он бы стал завзятым гулякой, просто уверен в этом. Но поскольку лорд Халл не давал или давал очень мало, он почти все дни напролет проводил в гимнастических залах, занимался так называемой физкультурой. Он крепкий парень с отлично развитой мускулатурой. Ну а вечера просиживал в разных дешевых кафе и забегаловках. И если в карманах у него оказывалась какая-то мелочь, тут же отправлялся в ближайший игорный дом и просаживал там все до последнего пенни. Не слишком приятный человек, так мне, во всяком случае, показалось, Холмс. Человек, у которого нет ни цели, ни увлечения, ни таланта, даже амбиций и желаний нет. За исключением одного — пережить отца. И когда я его допрашивал, возникло странное ощущение, что говорю я не с человеком, а с пустой вазой. На которой сохранилась печатка производителя, пусть бледноватая и размытая. Я имею в виду лорда Халла.

— Ваза, которая хочет, чтоб ее заполнили не водой, а фунтами стерлингов, — вставил Холмс.

— Джори совсем другой, — продолжил свое повествование Лейстрейд. — Лорд Халл обрушил на него всю силу своего презрения и издевок. С раннего детства дразнил мальчика, обзывал разными обидными кличками. Ну, типа Рыбьего Рыла, Кривоножки, Толстопузика. Надо сказать, что в этих прозвищах, сколь ни прискорбно, есть доля истины. Джори Халл не выше пяти футов росту, кривоног и чрезвы-

чайно безобразен на лицо. Он, знаете ли, немного напоминает этого поэта. Ну, как его... эдакий хлыщ?..

— Оскара Уайльда? — предположил я.

Холмс окинул меня беглым насмешливым взглядом:

— Полагаю, Лейстрейд имеет в виду Алджерона Суинберна, — заметил он, — который на деле является не большим хлыщом, чем вы, мой дорогой Ватсон.

— Джори Халл родился мертвым, — сказал Лейстрейд. — Синюшным и недвижимым, и оставался таким целую минуту. Вот доктор и объявил его мертвым и накинул салфетку на его изуродованное тельце. Тут леди Халл неожиданно проявила себя с самой героической стороны. Села в постели, сорвала салфетку с младенца и окунула его ножками в горячую воду, что стояла рядом с постелью. И младенец тут же задергался и закричал.

Лейстрейд ухмыльнулся и закурил сигарилью, с самым довольным видом.

— Халл не уставал твердить, что именно из-за этого погружения в воду мальчик остался кривоногим, и просто изводил этим жену. Говорил ей, что лучше бы она оставила его под салфеткой. Лучше бы Джори умер, чем остаться навеки калекой. Обзывал его обрубком с ногами краба и рылом, как у трески.

Единственной реакцией Холмса на эту необычайную (и с моей, врачебной точки зрения, довольно подозрительную) историю, было замечание в том духе, что Лейстрейду удалось собрать невероятно много информации за столь короткий отрезок времени.

— Тем самым я лишь хотел обратить ваше внимание на один из аспектов этого весьма примечательного дела, дорогой Холмс, — сказал Лейстрейд. Тут мы с громким всплеском въехали в огромную лужу на Роттен-роуд. — Никто не принуждал их делиться этими подробностями. Напротив, этим мальчикам всю жизнь затыкали рот. Они слишком долго молчали. А тут вдруг выясняется, что новое завещание исчезло. Облегчение, как оказалось, способно развязать языки сверх всякой меры.

— *Исчезло?* — воскликнул я. Но Холмс не обратил внимания на это мое восклицание, мысли его все еще были заняты Джори, несчастным уродцем.

— Он действительно очень безобразен? — спросил он у Лейстрейда.

— Ну, красавцем его вряд ли можно назвать, но я видал и похуже, — ответил Лейстрейд. — И лично мне кажется, отец непрерывно унижал его лишь потому...

— Потому что он был в семье единственным, кто не нуждался в отцовских деньгах, чтобы обустроиться в этом мире, — закончил за него Холмс.

Лейстрейд вздрогнул.

— Черт! Как вы догадались?

— Да просто лорду Халлу не к чему было больше придраться, кроме как к физическим недостаткам Джори. Как, должно быть, бесновался этот старый дьявол, видя, что потенциальная цель его издевок так хорошо защищена во всех остальных отношениях! Высмеивать человека за внешность или походку — занятие достойное разве что школяров или каких-нибудь пьяных грубиянов. Но злодея, подобного лорду Халлу, должны были бы привлекать более изощренные издевательства. Осмелюсь даже предположить, что он побаивался своего кривоногого среднего сына. А кстати, что делал Джори наверху, на чердаке?

— Разве я не говорил вам? Он занимается живописью, — ответил Лейстрейд.

— Ага!..

Джори Халл, что позже подтвердили полотна, развешанные внизу, в доме, оказался весьма неплохим художником. Не великим, конечно, этого я не сказал бы. Но он весьма правдиво изобразил на портретах мать и братьев, так что годы спустя, впервые увидев цветные фотографии, я тут же вернулся мыслями в дождливый ноябрь 1899 года. А еще один портрет, отца, был почти на уровне гениальности. Он поражал (почти пугал) злобой и ненавистью, сочившейся с этого полотна, и ты содрогался, точно на тебя потянуло холодком кладбищенского воздуха. Возможно, Джори Халл

был действительно похож на Алджерона Суинберна, но его отец — так, как видели его глаза и рука среднего сына — напомнил мне о персонаже Оскара Уайльда, ставшем почти бессмертным, о гоше* Дориане Грее.

Создание подобных полотен — процесс медленный, долгий. Но он умел также делать быстрые наброски и по субботам возвращался из Гайд-парка с двадцатью фунтами в кармане, не меньше.

— Готов держать пари, отцу это нравилось, — заметил Холмс. И автоматически потянулся за трубкой, достал ее, потом сунул обратно в карман. — Сын пэра рисует портреты богатых американских туристов и их возлюбленных, словно принадлежит к французской богеме.

Лейстрейд от души расхохотался.

— Можно представить, как он бесновался, видя все это. Но Джори — что делает ему честь! — так и не оставлял своего маленького прилавка в Гайд-парке. По крайней мере до тех пор, пока отец не согласился выдавать ему раз в неделю по тридцать пять фунтов. И знаете, как лорд Халл назвал все это? Низким шантажом!..

— Просто сердце кровью обливается, — сказал я.

— Мое тоже, Ватсон, — подхватил Холмс. — Однако есть еще третий сын. И побыстрее, Лейстрейд. Кажется, мы уже подъезжаем к дому.

Судя по словам Лейстрейда, Стивен Халл, безусловно, имел самую вескую причину ненавидеть отца. По мере того как подагра донимала лорда Халла все сильнее, а в голове наступала все большая путаница, он все чаще обсуждал дела компании со Стивеном, которому ко времени кончины родителя исполнилось двадцать восемь. Наряду с делом, Стивен должен был унаследовать и всю ответственность, и малейшая оплошность повлекла бы за собой нешуточные последствия. Однако в случае удачного решения никакой финансовой выгоды работа ему не приносила. Стивен же продолжал стараться, и дело отца процветало.

Лорд Халл смотрел на Стивена, в целом, благосклонно, поскольку он был единственным из сыновей, проявившим

* Пройдохе (*фр.*).

интерес и способности к семейному бизнесу. Стивен был идеальным примером того, что в Библии называют «хорошим сыном». Однако вместо того чтоб выказывать любовь и благодарность, лорд Халл вознаграждал молодого человека одними лишь упреками, подозрением и ревностью. Не единожды за последние два года старик высказывал мнение, что Стивен «способен украсть монеты, прикрывающие веки покойника».

— Вот сукин сын! — воскликнул я, не в силах сдерживаться долее.

— Забудем на время о новом завещании, — сказал Холмс и снова погладил подбородок. — И вернемся к старому. Даже если бы его доля оказалась более щедрой, Стивен Халл все равно имел все основания быть недовольным. Несмотря на все его усилия, несмотря на то что он не только сберег, но и приумножил семейное состояние, его вознаграждение было наименьшим. Да, кстати, каким образом собирался распорядиться пароходной компанией мистер Халл, согласно так называемому «Кошачьему завещанию»?

Я окинул Холмса испытующим взглядом, но, как всегда, так и не понял, было ли это маленькой bon mot* с его стороны. Даже после долгих лет дружбы и всех испытаний, выпавших на нашу долю, чувство юмора, присущее Шерлоку Холмсу, так и осталось для меня сплошной terra incognita**.

— Компанию следовало передать в управление совету директоров, причем никакого специального места в этом совете для Стивена не предусматривалось, — ответил Лейстрейд и выбросил окурок из окошка. А наш наемный экипаж вкатил тем временем через ворота на мощеную дорожку, ведущую к дому, который показался мне в тот момент каким-то особенно безобразным под проливным дождем, среди коричневых размокших лужаек. — Однако после смерти отца и с учетом того факта, что новое завещание так до сих пор и не найдено, Стивен Халл получает то, что американцы называют «рычагами» управления. Его наверняка назна-

* Меткое словцо, шутка (*фр.*).

** Неизведанная территория (*лат.*).

чат директором по менеджменту. Думаю, он в любом случае получил бы рано или поздно эту должность, но теперь они будут играть по правилам Стивена Халла.

— Да, — кивнул Холмс. — «Рычаг», надо же. Хорошее слово. — Он высунулся под дождь. — Стойте, остановитесь здесь, любезный! — крикнул он вознице. — Мы еще не закончили разговор.

— Как скажете, хозяин, — буркнул возница. — Но только тут чертовская мокротища.

— Ничего. Получишь достаточно, чтоб промочить нутро, не только шкуру, — бросил ему Холмс. Похоже, это понравилось вознице, и он остановился ярдах в тридцати от парадного входа в огромный дом. Я слушал, как дождь усердно барабанит по крыше кибитки, а Холмс помолчал немного, словно обдумывая что-то, а затем сказал: — Старое завещание... документ, которым он изводил их всех, оно, надеюсь, не пропало?

— Разумеется, нет. Лежало на столе, рядом с его телом.

— Итак, у нас четверо подозреваемых. Все как на подбор, один лучше другого! Слуги не в счет... по всей видимости, у них нет причин быть недовольными. Заканчивайте побыстрее, Лейстрейд! Финальные обстоятельства, запертая комната.

Лейстрейд принялся излагать факты, время от времени сверяясь со своими записями. Примерно месяц назад лорд Халл обнаружил у себя на правой ноге, чуть ниже колена, небольшое черное пятнышко. Вызвали семейного врача. Тот поставил диагноз: гангрена. Осложнение, нельзя сказать, что нераспространенное, вызванное подагрой и плохой циркуляцией крови. Врач сказал, что ногу придется ампутировать, причем гораздо выше того места, где развился воспалительный процесс.

Лорд Халл хохотал так, что по щекам у него потекли слезы. Врач, ожидавший любой реакции, только не этой, просто потерял дар речи. «Только когда меня будут класть в гроб, — пробормотал сквозь смех и слезы Халл, — надо напомнить, чтоб не забыли положить туда и отпиленную ногу!»

Врач сказал, что страшно сочувствует лорду Халлу, целиком разделяет его желание сохранить обе ноги, но без ампутации он через полгода умрет. Причем последние два месяца жизни проведет в страшных мучениях. Лорд Халл спросил, каковы его шансы выжить, если он согласится на операцию. По словам Лейстрейда, он все еще смеялся, словно услышал не приговор, а невероятно смешную шутку. Помявшись, врач ответил, что шансы примерно равны.

— Чушь какая-то, — пробормотал я.

— Именно это и сказал доктору лорд Халл, — заметил Лейстрейд. — Только добавил при этом словцо, которое чаще употребляют в ночлежках, нежели в домах приличных людей.

Затем Халл заявил врачу, что лично расценивает свои шансы как один к пяти, не больше. «А что касается боли, — добавил он, — не думаю, что до этого дойдет. Если под рукой у меня будет настойка опия и ложечка, которой ее можно помешивать».

И буквально на следующий день после этого Халл порадовал своих близких малоприятным сюрпризом. Заявил, что он подумывает изменить завещание. А вот каким именно образом — сказал не сразу.

— Вот как?.. — заметил Холмс, окинув Лейстрейда взглядом холодных серых глаз, немало повидавших на своем веку. — И кого же из близких это особенно удивило?

— Да никого, я думаю. Но кому, как не вам, знакома человеческая натура, Холмс. Человек всегда надеется, даже когда надеяться не на что.

— А также принимает меры, чтоб надежды эти не оказались беспочвенными, — задумчиво произнес Холмс.

В это утро лорд Халл созвал свою семью в гостиную, и когда все расселись, разыграл перед ними представление, на которое способен далеко не каждый завещатель. Обычно эту роль берет на себя стряпчий, язык которого, как известно, без костей. Но он обошелся без услуг вышеуказанного лица и быстро зачитал присутствующим новое завещание, согласно которому большая часть его состояния должна была отойти бездомным кискам миссис Хемфилл.

В комнате воцарилось гнетущее молчание. Тут он поднялся (не без труда) и одарил всех зловещей улыбкой скелета. А потом, опираясь на тросточку, сделал следующее заявление, которое лично мне показалось необычайно гнусным. Лейстрейд же, сидя рядом с нами в наемном экипаже, пересказал его примерно так: «Итак, вы все слышали! Прелестно, не правда ли? Да, замечательно!.. На протяжении почти сорока лет вы служили мне верой и правдой, и ты, женщина, и вы, мальчики. Теперь же я, находясь в трезвом и ясном сознании, собираюсь покинуть вас. Но не советую преждевременно радоваться! Все может стать даже хуже, чем прежде! В древние времена фараоны, отправляясь на тот свет, забирали с собой своих любимцев — в основном то были кошки. Убивали их перед смертью с тем, чтобы животные встретили их на том свете, чтобы они могли пинать или ласкать их, следуя своей прихоти... и это длилось вечность, вечность...» Тут он расхохотался, глядя на их обескураженные лица. Стоял, опершись на трость, и скалился жуткой улыбкой мертвеца. И сжимал в костистой лапе новое завещание — должным образом заверенное и подписанное.

Тут поднялся Уильям и сказал: «Сэр, может, вы мне и отец, и именно вам я обязан своим появлением на свет божий, но вместе с тем вы — одно из самых низких и подлых созданий, которые когда-либо ползали по земле со дня искушения Евы змеем в райском саду!»

«Ничего подобного! — продолжая хохотать, ответствовал этот монстр. — Мне знакомы еще четверо тварей, куда более низменных, чем я. А теперь прошу прощения, мне надобно подписать еще несколько важных бумаг, прежде чем убрать их в сейф. Ну а остальные, бесполезные, сжечь в камине».

— Так, выходит, старое завещание было еще цело, когда он с ними говорил? — спросил Холмс. И лицо, и вся его поза, выражали неподдельный интерес.

— Да.

— Но ведь он мог бы его сжечь сразу же после того, как новое завещание было заверено и подписано, — задумчиво пробормотал Холмс. — В его распоряжении был весь предшествующий день и вечер. Однако он этого почему-то не

сделал. Интересно знать почему? Как бы вы объяснили это, а, Лейстрейд?

— Полагаю, чтоб подразнить их. Он давал им шанс. То было своего рода *искушением*. Возможно, ждал, что все они откажутся.

— Возможно, считал, что один из них все же не откажется, — заметил Холмс. — Неужели вам это в голову не приходило? — Он обернулся и окинул меня пронзительным и холодноватым взглядом. — *Ни одному* из вас? Разве не выглядит вполне вероятным, что это мерзкое создание вполне могло оставить завещание в качестве искушения? Зная, что если хотя бы один из членов семьи доберется до него, то может с тем же успехом попробовать избавить больного от страданий. Судя по тому, что вы рассказали, наиболее вероятной кандидатурой мог бы быть Стивен. И он бы непременно попался... и был бы обвинен в покушении на отцеубийство?

Я взирал на Холмса с немым ужасом.

— Ладно, не важно, — пробормотал Холмс. — Продолжайте, инспектор. Настало время узнать и о запертой комнате.

Все четверо еще долго сидели в полном молчании, слыша, как старик, постукивая тростью, долго и медленно идет к своему кабинету. Полная тишина, ничего, кроме постукивания этой трости, тяжелого и хриплого его дыхания, жалобного мяуканья кошки на кухне и мерного звука часов с маятником в прихожей. Чуть погодя они услышали скрип дверных петель — это Халл открыл дверь в свой кабинет и вошел.

— Погодите! — воскликнул вдруг Холмс и весь так и подался вперед. — Ни один из них *не видел*, как он туда входил? Я правильно понял?

— Боюсь, это не совсем так, старина, — ответил Лейстрейд. — Мистер Оливер Стэнли, лакей лорда Халла. Он слышал, как старик шагает по коридору. Сам он находился в это время наверху, в гардеробной. Вышел, глянул вниз через перила и спросил, все ли с ним в порядке. Халл поднял голову, и Стэнли видел его совершенно ясно и отчетливо,

как я вижу сейчас вас, старина. И сказал, что все совершенно в порядке, лучше просто не бывает. Потом потер затылок, вошел в кабинет и запер за собой дверь.

Ко времени, когда отец доковылял наконец до двери (коридор был длинный, и ему, сильно прихрамывающему, понадобилось минуты две, чтоб добраться до кабинета), Стивен очнулся и бросился за ним следом. Он был свидетелем разговора между отцом и его лакеем. Правда, видел он лорда Халла лишь со спины, но безошибочно узнал его голос, а также характерный жест, каким Халл привык потирать затылок.

— А не могли Стивен Халл и этот Стэнли переговорить с глазу на глаз еще до прибытия полиции? — задал я, как мне показалось, коварный вопрос.

— Конечно, могли, — устало ответил Лейстрейд. — Может, и поговорили. Но только сговора между ними не было.

— Вы уверены? — спросил Холмс. Но, как мне показалось, просто ради проформы.

— Да. Стивен Халл вполне может оказаться искусным лжецом, такое уж произвел на меня впечатление. А вот Стэнли, напротив, лгать органически не способен. Хотите — верьте мнению профессионала, хотите — нет. Вам решать, Холмс.

— Верю.

Итак, лорд Халл прошел к себе в кабинет, притворил за собой пресловутую дверь, и все слышали, как щелкнул в замке ключ, когда он запирал ее. От этого входа в sanctum sanctorum* в доме был всего лишь один ключ. Затем послышался совсем уже неожиданный звук: задвигаемого изнутри болта.

А потом — тишина.

Все четверо — леди Халл и ее сыновья — аристократы, которым в самом скором времени грозила полная нищета, — молча переглянулись. С кухни снова донеслось жалобное мяуканье кошки, и леди Халл разбитым голосом заметила, что раз экономка, по всей видимости, забыла налить живот-

* Святая святых (*лат.*).

ному молока, она пойдет и сделает это сама. И добавила, что этот звук просто сводит ее с ума и что она не в силах слышать его долее. С этими словами она вышла из гостиной. Секунду спустя все ее три сына, молча и не сговариваясь, поднялись и тоже вышли. Уильям отправился к себе наверх, Стивен прошел в музыкальную комнату, а Джори уселся на маленькую скамеечку под лестницей, где, по его признанию Лейстрейду, привык просиживать часами еще с раннего детства, когда ему бывало грустно. Или когда хотел поразмыслить над чем-то всерьез.

Минут через пять из кабинета послышался страшный крик. Стивен выбежал из музыкальной комнаты, где, тыкая в клавиши пальцем, подбирал какой-то мотив. Джори столкнулся с ним у двери в кабинет. Уильям уже сбегал вниз по лестнице, а Стэнли, лакей, вышел из гардеробной лорда Халла и, наклонившись, глянул через перила второй раз. Стэнли тоже не избежал допроса, во время которого утверждал, что видел, как Стивен Халл, взломав дверь с помощью Джори, ворвался в кабинет. Видел он и как Уильям, сбежав вниз, поскользнулся и едва не упал на мраморный пол, и как леди Халл, выйдя из столовой с кувшином молока в руках так и застыла в дверях. Через минуту-другую сбежались все слуги.

— Лорд Халл сидел, навалившись грудью на письменный стол, рядом стояли три брата. Глаза покойного были открыты, и выражение в них застыло такое... словно он удивлялся чему-то. Так мне, во всяком случае, показалось. Вы, конечно, можете не согласиться с моим мнением, но я повторю: глаза его смотрели удивленно. И еще он сжимал в руках завещание... старое завещание. А нового видно не было. Его так и не нашли. Да, и еще, из спины у него торчала рукоятка кинжала.

Тут Лейстрейд умолк и, тронув возницу за плечо, сделал ему знак ехать дальше.

Мы вошли через парадный подъезд, охраняемый двумя констеблями с каменно-непроницаемыми лицами — точь-в-точь как у стражников Букингемского дворца. От входа начинался просторный и очень длинный холл с полом, вы-

ложенным черно-белыми мраморными плитами, от чего он походил на шахматную доску. В конце виднелась распахнутая настежь дверь, ее тоже охраняли два констебля. То был вход в пресловутый кабинет. Слева находилась лестница, справа — еще две двери, в гостиную и музыкальную комнату.

— Семья собралась в гостиной, — сказал Лейстрейд.

— Вот и прекрасно, — весело заметил Холмс. — Но, может, сначала мы с Ватсоном взглянем на место преступления?

— Хотите, чтоб я сопровождал вас?

— Пожалуй, нет, — ответил Холмс. — Тело уже увезли?

— Было там, когда я поехал за вами. Но сейчас, наверное, уже увезли.

— Вот и чудесно.

И Холмс зашагал к двери в кабинет, а я поспешил за ним. Лейстрейд крикнул вдогонку:

— Холмс!

Холмс обернулся, недовольно приподняв брови.

— Никаких потайных ящичков или секретных дверей. Вы уж поверьте мне на слово!..

— Лучше подожду, пока... — Тут Холмс осекся и начал ловить ртом воздух. Полез в карман, нашарил там салфетку, по всей видимости, унесенную с какого-то званого ужина по чистой рассеянности, и оглушительно в нее чихнул. Я посмотрел вниз и увидел огромного полосатого кота. Весь ободранный, в шрамах, он выглядел здесь, в этом величественном холле, не более уместно, чем какие-нибудь два ежа, примостившиеся в гостиной у ног Холмса. Одно ухо бодро и остро торчало у него над исцарапанной мордой. Другое отсутствовало вовсе, очевидно, было потеряно в уличной схватке.

Холмс чихнул еще раз и отодвинул кота ногой. Тот безропотно отошел в сторону, не зашипев, ничем не выразив возмущения, лишь в круглых глазах светился немой упрек. Холмс поднял голову над салфеткой и взглянул на Лейстрейда, тоже с упреком. В глазах его стояли слезы. Лейстрейд, которого было трудно смутить, выдвинул вперед свою обезьянью мордочку и усмехнулся.

— Десять, Холмс, — сказал он. — Ровнехонько *десять*. В этом доме коты так и кишат. Халл очень любил их. — И с этими словами он удалился.

— И давно вы страдаете этим недомоганием, старина? — спросил я Холмса.

— Всегда страдал, — ответил тот и снова громко чихнул. Слово «аллергия» вряд ли было известно в те годы, но как болезнь ни называй, симптомы одни и те же.

— Может, хотите уйти? — спросил я. Однажды мне довелось стать свидетелем ужасного случая, человек едва не погиб от удушья. Правда, у него была аллергия на овец, но симптомы были те же.

— Ему бы очень хотелось, чтоб мы ушли, — пробормотал Холмс, и мне не пришлось объяснять, кого он имеет в виду. Затем он чихнул снова (на обычно бледном его лбу возникла красная полоска), и оба мы прошли мимо двух констеблей в кабинет. Холмс затворил за собой дверь.

Комната была узкой и длинной. Располагалась она в конце крыла здания. Окна с двух сторон, а потому в кабинете было довольно светло — даже в такой серый и дождливый день. Стены украшали разноцветные морские карты в красивых рамочках тикового дерева, а между ними были развешаны не менее красивые инструменты для определения погоды в ярко начищенных медных футлярах под стеклом. Имелся здесь анемометр, два термометра (один регистрировал температуру воздуха на улице, другой внутри помещения), а также барометр — очень похожий на тот, что не далее как сегодня утром обманул Холмса, обещав повышение давления, а следовательно, благоприятную перемену в погоде. Я заметил, как стрелка его медленно ползет вверх, и выглянул на улицу. Дождь лил еще сильнее, ему было плевать на барометр со всеми его стрелками. Мы почему-то верим, что с помощью инструментов знаем об окружающем мире и прочих вещах гораздо больше, чем прежде. Но я достаточно стар, чтоб утверждать, что не знаем мы и половины того, в чем уверены, и достаточно умудрен опытом, чтоб со всей ответственностью утверждать, что никогда так и не узнаем всего до конца.

Мы с Холмсом обернулись и взглянули на дверь. Засов был сдвинут, но находился изнутри, как ему и положено. Ключ все еще торчал в замке и исправно поворачивался.

Слезящиеся глаза Холмса оглядывали все в своей обычной, цепкой манере, не пропуская ни одной мелочи.

— Похоже, вам немного полегчало, — заметил я.

— Да, — ответил он, скомкал салфетку и небрежным жестом сунул ее в карман сюртука. — Может, он их и любил, но в кабинет к себе не впускал. А если и впускал, то нечасто. Какой из этого следует вывод, а, Ватсон?

Я, конечно, не обладал наблюдательностью Холмса, однако тоже очень внимательно оглядел комнату. Двойные окна были заперты изнутри на задвижки и маленькие медные боковые болтики. Ни одна из рам не сломана, ни одно из стекол не выбито. Большая часть карт и измерительных приборов находилась как раз между этими двумя окнами. Две другие стены были заставлены книжными шкафами. Там же находилась небольшая печурка, топившаяся углем, а вот камина не было. А потому убийца никак не мог спуститься по каминной трубе подобно Санта-Клаусу. Ну разве что только в том случае, если он отличался чрезвычайной худобой и мог протиснуться в узенькую печную трубу. Да еще был обряжен при этом в специальный асбестовый костюм, поскольку печка все еще была очень теплая.

Письменный стол размещался в самом конце этой узкой и вытянутой в длину комнаты, на противоположном ее конце уютно разместилось нечто вроде библиотеки. Книги, два кресла с высокими спинками, журнальный столик посередине. На столике были свалены горкой разномастные тома. На полу турецкий ковер. Если убийца проник в помещение через расположенную в полу потайную дверцу, как могло получиться, что ковер остался не сдвинутым? А его действительно никто и не думал сдвигать — ножки столика стояли ровно, на самом ковре ни морщинки.

— Вы-то сами верите в это, Ватсон? — спросил Холмс и, прищелкнув пальцами, вывел меня из состояния транса. Все же было нечто в этом журнальном столике... нечто такое...

— Верю во что, Холмс?

— Что все четверо за четыре минуты до убийства вышли из гостиной и просто разошлись в разные стороны?

— Не знаю, — неуверенно протянул я.

— Я тоже не поверил, ни на сек... — Тут он осекся. — Ватсон? Вы в порядке? Что с вами?

— Ничего, — еле слышно пробормотал я. И рухнул в одно из кресел. Сердце колотилось как бешеное. Мне не хватало воздуха, я ловил его разинутым ртом. В висках стучало, глаза, казалось, стали огромными и просто вылезали из орбит. И я не мог оторвать их от теней, которые отбрасывали ножки стола на ковер. — Я... вообще-то я... кажется, не совсем в порядке.

В этот момент в дверях появился Лейстрейд.

— Если вы уже все осмотрели, Холмс, — начал было он и тут же осекся. — Что это, черт побери, с Ватсоном?

— Полагаю, — ответил Холмс спокойным и размеренным голосом, — что нашему Ватсону удалось раскрыть дело. Не правда ли, Ватсон?

Я качнул головой. Ну, может, и не все дело целиком, но большую его часть. Я знал, кто и знал как.

— С вами такое тоже было, Холмс? — слабым голосом спросил я. — Когда вы, ну, сами понимаете...

— Да, — ответил он. — Только обычно мне удавалось удержаться на ногах.

— *Ватсон* раскрыл дело? — недоверчиво воскликнул Лейстрейд. — Ба! Если помните, Холмс, Ватсон предлагал тысячу версий по сотне самых разных преступлений, и ни одна из них не была правильной. Это его манера bete noire*. Да что там далеко ходить! Помню, не далее как прошлым летом...

— Я знаю Ватсона лучше, чем вы, — сказал Холмс. — И на сей раз он попал в точку. Мне знаком этот взгляд... — Тут он снова расчихался. Одноухий кот проскользнул в комнату, дверь которой Лейстрейд оставил открытой. И двинулся прямиком к Холмсу, причем обезображенная шрамами морда так и светилась обожанием.

---

* Здесь: просто невыносима (*фр.*).

— Если вы чувствуете себя от этого так же скверно, — заметил я, — то я вам не завидую, Холмс. — Сердце так стучит, того и гляди, вырвется из груди.

— Человека всему можно научить, даже проницательности, — заметил Холмс без всякого намека на иронию в голосе. — Ладно, прочь из этого дома. Или сперва нам надо собрать здесь всех подозреваемых, как это делается в последней главе детективного романа?

— Нет! — в ужасе воскликнул я. — Только не это! — Я не видел ни одного из этих людей и не испытывал ни малейшего желания. — Вот только мне кажется, я все же должен *показать,* как это произошло. Если вы с мистером Лейстрейдом будете так любезны выйти на минутку в коридор...

Кот настиг Холмса, прыгнул ему на колени и замурлыкал, словно находился на вершине блаженства.

Холмс разразился громким чиханием. Красные пятна на лице, начавшие было бледнеть, проступили снова. Он столкнул кота с колен и поднялся.

— Только давайте поскорее, Ватсон, не хочется задерживаться в этом чертовом доме, — произнес он сдавленным голосом и вышел из кабинета с опущенной головой, сгорбившись, что было совсем для него не характерно, и не оглядываясь.

Лейстрейд остался стоять, привалившись к дверному косяку. От промокшего пальто валил пар, губы расплывались в презрительной усмешке.

— Ну что, мне забрать нового обожателя Холмса, Ватсон?

— Оставьте его, — сказал я. — И закройте за собой дверь, когда будете выходить.

— Готов побиться об заклад, вы только напрасно тратите наше время, дружище, — заметил Лейстрейд, однако глаза его говорили об обратном. И я понял, что, если б действительно предложил ему пари, он бы нашел способ отвертеться.

— Закройте дверь, — повторил я. — Я вас не задержу.

Он вышел и затворил за собой дверь. И я остался в кабинете Халла один, не считая кота, разумеется, который

сидел теперь ровно посередине ковра, аккуратно обернув хвостом лапки, и не сводил с меня круглых зеленых глаз.

Я пошарил в кармане и нашел свой сувенир, унесенный с вчерашнего званого обеда. Боюсь, что все мужчины в целом — народ не слишком опрятный, но унес я кусочек хлеба вовсе не по причине неряшливости. Я почти всегда ношу с собой в кармане кусочек хлеба, люблю кормить голубей, садящихся на подоконник того самого окна, из которого сегодня Холмс заметил подъезжающего к дому Лейстрейда.

— Киса, — позвал я и положил хлеб под журнальный столик. Тот самый столик, к которому лорд Халл находился спиной, занимаясь обоими своими завещаниями — несправедливым старым и еще более ужасным новым. — Кис-кис-кис!..

Кот поднялся и неторопливо направился к столику, обследовать подачку.

Я подошел к двери и распахнул ее.

— Холмс! Лейстрейд! Сюда, быстро!

Они вошли.

— Сюда, — сказал я и подошел к журнальному столику.

Лейстрейд оглядел его, недоуменно хмурясь, он ничего особенного не замечал. Холмс, понятное дело, снова расчихался.

— Нельзя ли убрать отсюда эту гадость? — взмолился он, сморкаясь в насквозь промокшую салфетку.

— Конечно, — ответил я. — *Но только вот куда делась эта гадость, а, Холмс?*

Покрасневшие глаза моего друга выражали крайнее недоумение. Лейстрейд закрутился по комнате, подошел к письменному столу Халла, заглянул под него. Холмс понял, что аллергическая реакция не была бы столь сильной, если б животное находилось в дальнем конце комнаты. Наклонился и заглянул под журнальный столик, однако ничего там не увидел, кроме ковра и нижнего ряда книг в шкафу напротив. Если б глаза у него не слезились так сильно, он бы наверняка заметил. Ведь он находился прямо над этим ме-

стом. Возможно, он просто глазам своим не поверил, тем более что имитация была выполнена совершенно безупречно. Ибо пустое пространство под журнальным столиком лорда Халла было не чем иным, как настоящим живописным шедевром, принадлежавшим кисти Джори Халла.

— Я не... — начал Холмс, но тут кот, видимо, посчитавший моего друга более соблазнительным объектом, нежели сухая корочка хлеба, вылез из-под столика и принялся исступленно тереться о ноги Холмса. Лейстрейд обернулся, и глаза его буквально вылезли из орбит от изумления. Даже я, раскусивший трюк, изумился. Казалось, одноухий кот материализовался из воздуха: круглая голова, тело, хвост с белым кончиком.

Он усердно терся о ногу Холмса и громко мурлыкал. Холмс громко чихнул.

— Довольно, — сказал я своему полосатому помощнику. — Ты свое дело сделал, можешь уходить.

Я подхватил кота на руки и понес его к двери (заработав за свои труды длинную царапину). Бесцеремонно вытолкал его в прихожую и затворил дверь.

Холмс опустился в кресло.

— Боже, — хлюпая носом, пробормотал он. Лейстрейд вообще, похоже, лишился дара речи. Он не сводил глаз со столика и выцветшего турецкого ковра под его ножками: пустого пространства, из которого неведомо как вдруг возник кот.

— Мне следовало бы заметить раньше, — пробормотал Холмс. — Да... но вы... как вы так быстро догадались?.. — В голосе его я уловил обиду и даже нечто похожее на ревность, но тут же простил своему другу.

— Из-за *них,* — ответил я и указал на ковер.

— Ну да, конечно же! — простонал Холмс. И хлопнул ладонью по покрасневшему лбу. — Идиот! Какой же я *идиот*!

— Ерунда, — поспешил разуверить я его. — Когда в доме полно кошек, а этот кот, без долгих размышлений выбрал вас в друзья... Представляю, что было бы, если б к вам устремились все десять!

— Так что с этим ковром, я так и не понял? — нетерпеливо воскликнул Лейстрейд. — Довольно симпатичный ковер и, как мне кажется, дорогой, однако...

— Да не в ковре дело, — сказал я. — *Тени.*

— Покажите ему, Ватсон, — устало попросил Холмс и положил салфетку на колени.

Я наклонился и поднял одну из них с пола.

Лейстрейд так и рухнул во второе кресло, точно человек, которому нанесли резкий удар под дых.

— Я все смотрел на них, — принялся объяснять я немного извиняющимся тоном. Просто чувствовал себя несколько не в своей тарелке. Ведь обычно это Холмс объяснял в конце расследования, кем и каким образом было совершено то или другое преступление. Но я знал, что в данном случае говорить он не будет, хотя ему уже все стало понятно. И еще подозреваю, какая-то часть моего существа знала, что второго такого случая может и не представиться, и так и *рвалась* давать объяснения. Ну и, разумеется, последним и очень эффектным штрихом стал кот. Даже фокуснику с его кроликом в цилиндре не удалось бы столь выразительно оформить этот трюк.

— Я чувствовал, что что-то здесь не так, но понял не сразу. В комнате было довольно светло, но сегодня весь день льет дождь и небо затянуто тучами. Оглядитесь и вы увидите, что ни один из предметов в этой комнате не отбрасывает тени... *за исключением вот этих ножек от журнального столика.*

Лейстрейд тихо ахнул и чертыхнулся.

— Дождь льет вот уже целую неделю, — продолжил я, — но и барометр Холмса, и барометр покойного лорда Халла, — я указал на стену, где висели приборы, — показывают, что сегодня день должен был бы быть ясный. Вот он и добавил несколько теней, для пущего правдоподобия.

— Кто добавил?

— Джори Халл, — усталым голосом пояснил Холмс. — Кто ж еще?

Я наклонился и подсунул руку под правую сторону столика. Рука тут же исчезла — тем же таинственным образом, как совсем недавно возник из-под стола кот. Лейстрейд снова чертыхнулся. Я постучал пальцами по обратной стороне полотна, туго натянутого между передними ножками журнального столика. Книги и изображенный на нем ковер дрогнули и сместились. Иллюзии как не бывало.

Джори Халл, нарисовавший под столиком пустоту, уже прятался там, когда отец вошел в комнату, запер за собой дверь и уселся за письменный стол, на котором лежали два завещания. А потом, улучив удобный момент, выскочил из-под столика. И в руках у него было не что иное, как кинжал.

— Он был единственным, кто мог создать столь реалистическое и необычайно живописное полотно, — сказал я и провел пальцами по картине. И все мы услышали тихий шуршащий звук, напоминавший мурлыканье старого кота. — Единственный, кто мог спрятаться под этим маленьким столиком и привести в исполнение приговор. Ведь помните: Джори Халл не выше пяти футов росту, кривоножка и плечи у него узенькие.

— Холмс был совершенно прав, утверждая, что новое завещание вовсе не было для членов семьи неожиданностью. Даже если бы старик держал в тайне намерение лишить всех членов семьи наследства, чего на самом деле не было, как иначе прикажете понимать неожиданный вызов стряпчего да еще и помощника? Ведь известно, что для подписания завещания требуется два свидетеля, только в этом случае оно официально признается действительным. И Холмс совершенно справедливо заметил, что все члены семьи давно предвидели это несчастье. Ведь столь совершенное живописное полотно за одну ночь не создашь, даже за месяц не получится. Надо полагать, оно было изготовлено им загодя, просто на всякий случай. Возможно, год тому назад...

— Или пять лет, — предположил Холмс.

— Вполне возможно. Во всяком случае, уверен, что когда лорд Халл объявил, что хочет утром видеть всю семью в гостиной, Джори понял, что час настал. Полагаю, что

ночью, когда отец его крепко спал, он тихонько пробрался сюда и закрепил полотно. Думаю, что фальшивые тени он приделал той же ночью, опасаясь, как бы отцу не показалось неестественным их отсутствие днем, тем более что барометр обещал ясную погоду. Если же дверь в кабинет была заперта... что ж, полагаю, ему удалось каким-то образом выкрасть ключ из кармана у отца, а потом незаметно вернуть на место.

— Не была заперта, — лаконично объяснил Лейстрейд. — Обычно он лишь прикрывал дверь в кабинет, чтоб не пускать туда кошек. А вот на ключ запирал редко.

— Что же касается теней, то они представляют собой полоски фетра, вот, видите? И все бы обошлось, если б барометр не наврал.

— Ну, хорошо. Допустим, он знал, что утром будет светить солнце. Так на кой черт ему понадобилось приделывать эти тени? — проворчал Лейстрейд. — Солнце бы и без того отбросило бы эти тени. Или вы сами никогда не замечали этого феномена в ясную погоду, а, Ватсон?

Тут я немного растерялся. И покосился на Холмса в надежде получить подсказку. А тот, похоже, только обрадовался случаю принять участие в разговоре.

— Ну, неужели вы не понимаете? В том-то и заключается ирония судьбы! Если бы светило солнце, что и предсказывал барометр, полотно загородило бы тени. А нарисованные ножки, как известно, отбрасывать тени не способны. И Джори боялся, что если день будет солнечный, как и обещал барометр, отец непременно обратит внимание на отсутствие теней и заподозрит что-то неладное.

— И все же не понимаю, как удалось Джори незаметно от отца проскользнуть в комнату? — не унимался Лейстрейд.

— Знаете, меня это тоже несколько смущает, — признался Холмс. Добрый старина Холмс! Я сомневался, чтоб его что-либо смущало, но он сказал так, чтоб дать мне шанс проявить себя. — Ватсон?..

— Кажется, в гостиной, где собрались лорд Халл, его супруга и сыновья, есть дверь, сообщающаяся с музыкальной комнатой. Я не ошибся?

— Да, — кивнул Лейстрейд. — А в музыкальной комнате имеется, в свою очередь, дверь, открывающаяся в будуар леди Халл. Следующую по коридору комнату, если идти в глубину дома. Но из будуара, доктор Ватсон, только один выход — в холл. Если б в кабинет Халла вели *две* двери, я вряд ли бы помчался за Холмсом сломя голову.

В самом его тоне слышалось желание оправдаться.

— Да, Джори вышел обратно в холл, — сказал я. — Но отец его не видел.

— Быть того не может!

— Сейчас продемонстрирую, — сказал я и подошел к письменному столу. Возле него все еще стояла трость лорда Халла. Я взял ее в руки и обернулся к ним. — В ту же секунду, как только лорд Халл вышел из гостиной, Джори бросился бежать.

Лейстрейд вопросительно взглянул на Холмса. Холмс ответил инспектору холодным ироничным взглядом. Обмен этими взглядами ничего не говорил мне в тот момент, однако я почувствовал, что объяснения мои не слишком убедительны. Я и сам не совсем еще понимал картину случившегося. Лишь догадывался в общих чертах, основываясь на чистой интуиции.

— Он выбежал из гостиной в музыкальную комнату, пересек ее, вошел в будуар леди Халл. Подошел к двери, открывающейся в коридор, и выглянул. Поскольку подагра терзала лорда до такой степени, что умудрилась даже перейти в гангрену, вряд ли он успел пройти за это время хотя бы четверть расстояния, да и то по самым моим оптимистичным расчетам. Теперь прошу вас засечь время, инспектор Лейстрейд, и я постараюсь показать, какую цену готов заплатить человек, чтоб до конца жизни вкусно есть и сладко пить. И если вы подвергнете сомнению мои выводы, готов привести сюда дюжину страдающих подагрой, и они продемонстрируют, какие осложнения и симптомы вызывает эта болезнь. Итак, смотрите внимательно и засекайте время!..

И я медленно заковылял по комнате по направлению к ним, вцепившись обеими руками в набалдашник трости. Я высоко поднимал одну ногу, ставил ее, делал паузу, затем

подтаскивал вторую. И не поднимал при этом глаз. Смотрел лишь на пол и следил за движениями трости.

— Да, — тихо заметил Холмс. — Наш доктор абсолютно прав, инспектор Лейстрейд. Подагра, безусловно, сказывается, человек боится потерять равновесие. Ну и к тому же если он страдал этим заболеванием достаточно долго, то у него наверняка должна выработаться привычка смотреть при ходьбе себе под ноги.

— И Джори, перебегавший из комнаты в комнату, это учел, — подхватил я. — И в результате все, что произошло здесь сегодня утром, объясняется чертовски просто. Итак, Джори добрался до будуара и выглянул в коридор. Увидел, что отец изучает свои ноги и кончик трости — ну, как обычно, — и понял, что планам его ничто не помеха. Вышел из будуара — *прямо под носом у своего отца* — и прошмыгнул в кабинет. Дверь в который, как любезно сообщил нам Лейстрейд, была не заперта. Да и так ли уж сильно он рисковал? Ведь пробыл он в холле не более трех секунд, а может, даже и того меньше. — Я сделал паузу. — Кажется, пол там мраморный? Тогда он, должно быть, скинул башмаки.

— На нем были домашние тапочки, — странно спокойным тоном произнес Лейстрейд и снова встретился глазами с Холмсом.

— Ага, понимаю, — кивнул я. — Итак, наш Джори оказался в кабинете гораздо раньше отца и успел укрыться за своими декорациями. Затем приготовил кинжал и стал ждать. Вот отец дошел до конца коридора. Джори слышал, как окликнул его Стэнли, слышал, как отец ответил на его вопрос, что он в полном порядке. Затем лорд Халл вошел в свой кабинет в последний раз... закрыл за собой дверь и запер ее.

Оба они смотрели на меня страшно внимательно и напряженно, и только тут я понял, какую божественную власть, должно быть, имел Холмс над людьми в моменты, подобные этому. Когда объяснял им, недоумевающим и несведущим, как и что именно произошло. Как ни странно, но мне не слишком понравилось это ощущение. И я понял, что вряд ли захочу испытать его снова. Уверен, это чувство,

испытываемое многократно, способно разрушить души большинства людей — людей, душа которых не была наделена «стальным стрежнем», в отличие от моего друга Шерлока Холмса.

— Наш Кривоножка должен был сжаться под столом буквально в комочек, возможно, зная (или только подозревая), что отец, прежде чем запереть дверь на ключ и засов, осмотрит комнату. Может, старик и страдал подагрой и, до определенной степени — размягчением мозга, но это вовсе не означало, что он был слеп.

— Стэнли утверждает, что зрение у него было отменное, — вставил Лейстрейд. — Кстати, это первое, о чем я его спросил.

— Итак, он огляделся, — продолжил я и тут вдруг словно *увидел* всю эту сцену собственными глазами и понял, как это бывало с Холмсом. Его реконструкция событий строилась не только на фактах и дедукции, но и на *видении* того, что произошло. — Но не увидел ничего такого, что могло бы насторожить. Ничего, кроме собственного кабинета, где все стояло на своих местах. Ведь комната эта светлая и достаточно просторная. Нет ни двери в чулан, ни лишней мебели, окна по обе стороны, и никаких темных углов, где мог бы затаиться кто-то посторонний.

Довольный тем, что остался, наконец, один, он затворил дверь, повернул в замке ключ и закрыл ее еще и на засов. Джори услышал, как отец зашаркал к письменному столу. Услышал он, очевидно, и жалобное поскрипывание кресла, в которое тяжело опустился отец. И тут, должно быть, Джори рискнул выглянуть из своего убежища.

Я покосился на Холмса.

— Продолжайте, старина, — подбодрил он меня. — Пока у вас получается просто отлично. Я бы даже сказал первоклассно. — Я понял, что он ничуть не шутит. Тысячи людей называли его холодным и не слишком ошибались при этом, но уж бессердечным человеком Холмса назвать было никак нельзя. Просто Холмсу удавалось не показывать этого — лучше, чем многим другим.

— Благодарю вас. Итак, Джори увидел, как отец его отставил трость в сторону и выложил бумаги — два конверта с бумагами — на стол. Он не стал сразу убивать лорда Халла, хотя и мог бы сделать это. Вот почему дело это кажется мне особенно мрачным, вот почему я ни за что бы не вошел в гостиную, где до сих пор сидят и ждут эти люди. Не вошел бы даже за тысячу фунтов! Ну разве что только в том случае, если б меня втащили туда силой.

— А с чего это вы взяли, что он сделал это не сразу? — спросил Лейстрейд.

— Крик раздался через несколько минут после того, как в двери повернулся ключ и щелкнул засов. Вы сами это сказали, полагаю, у вас были веские основания верить, что это было именно так. К тому же от двери до стола с дюжину крупных шагов. Страдающему подагрой человеку, такому, как лорд Халл, потребовалось бы секунд тридцать, а то и сорок, чтобы дойти до стола и усесться в кресло. И еще секунд пятнадцать на то, чтобы пристроить трость там, где ее нашли. И разложить на столе бумаги.

— Что же произошло затем? Что произошло за те последние одну-две минуты? Вроде бы совсем короткий отрезок времени, но Джори Халлу он должен был показаться вечностью. Думаю, лорд Халл просто сидел за столом и разглядывал бумаги, сравнивая старое завещание с новым. Издали Джори было бы трудно различить эти два документа. Он знал, что листы пергамента были разного цвета — единственный ключ к различию.

Он знал, что отец собирается бросить старое в печь; полагаю, он дожидался именно этого момента, хотел увидеть, какая из бумаг это будет. Кроме того, существовала возможность, что старик просто жестоко подшутил над своими домочадцами. Что, возможно, он собирался сжечь новое завещание, а старое вернуть на место, в сейф. А потом выйти из комнаты и объявить семье, что новое завещание находится в сейфе. Кстати, Лейстрейд, вы знаете, где оно сейчас? В сейфе?

— Да. Вон в том шкафу, за пятью книгами. Они отодвигаются в сторону, и за ними дверца сейфа, — сказал Лейстрейд и указал на полку с книгами.

— В этом последнем случае были бы удовлетворены обе стороны — и старик, и члены семьи. Последние знали бы, что причитающаяся им доля в безопасности. А старик ушел бы в мир иной с чувством глубокого удовлетворения, считая, что его жестокая шутка удалась как нельзя более... И возможно, тогда бы он пал жертвой воли божьей, а не от руки Джори Халла.

Вот уже в третий раз я заметил, как Холмс и Лейстрейд обменялись многозначительными, насмешливыми и одновременно чуточку испуганными взглядами.

— Самому мне кажется, что старик просто наслаждался этим моментом, смаковал его, как смакуют после сытного обеда стопочку бренди или выпивают после долгого воздержания. Как бы там ни было, но прошло, наверное, больше минуты, прежде чем лорд Халл начал подниматься из кресла... И в руках его при этом находился пергамент более темного цвета, и собирался он направиться скорее к печке, нежели к сейфу. Каковы бы ни были его намерения, но Джори не сомневался, что час пробил. Вырвался из своего укрытия. За долю секунды преодолел расстояние, отделяющее журнальный столик от письменного стола, и вонзил кинжал в спину отца прежде, чем тот успел встать.

— Полагаю, вскрытие покажет, что лезвие пробило правый желудочек сердца и проникло в легкое. Этим и объясняется количество крови на столе. Я также хотел бы объяснить, почему лорд Халл успел закричать перед смертью. И какие последствия это имело для Джори Халла.

— Как прикажете это понимать? — спросил Лейстрейд.

— Запертая комната, она, знаете ли, чревата осложнениями, если только вы не хотите выдать убийство за самоубийство, — сказал я и взглянул на Холмса. Тот улыбнулся и кивнул в знак поддержки. — Последнее, чего бы хотелось Джори, так это чтоб комната выглядела недоступной вторжению извне... запертая изнутри дверь, запертые окна. И тут же человек с ножом в спине, который, как вы сами понимаете, никак не мог воткнуть этот нож сам. И мне кажется, он никак не ожидал, что отец перед смертью так страшно закричит. Ведь он планировал потихоньку убить его, сжечь

новое завещание, отпереть одно из окон и выбраться через него из комнаты. А потом войти в дом через другую дверь и усесться на свою скамеечку под лестницей. И когда тело обнаружат, настаивать на том, что это было ограбление.

— Ну, стряпчего Халла он бы не провел, — заметил Лейстрейд.

— Думаю, тот бы в любом случае молчал, — заметил Холмс. А затем, после паузы, добавил уже более весело: — Готов побиться об заклад, наш артистичный друг хотел добавить еще несколько пикантных штрихов. Опыт показывает, что убийцы самого высокого класса всегда оставляют несколько ложных следов, могущих отвести от него подозрение. — Он издал странный лающий звук, означавший, по-видимому, смешок, затем отвернулся от окна, возле которого стоял, и посмотрел на меня и Лейстрейда. — Думаю, вы согласитесь, друзья мои, что в данных обстоятельствах убийство наводит на вполне конкретные подозрения. Но даже если стряпчий и заговорит, *доказать* все равно ничего невозможно.

— Закричав, Халл испортил убийце всю игру, — сказал я, — как до этого портил ему жизнь. Все в доме встрепенулись. Джори запаниковал, он окаменел, точно олень, ослепленный ярким светом. Положение спас Стивен Халл... Эт он обеспечил алиби брату, заявив, что Джори сидел на скамеечке под лестницей, когда отец был убит. Стивен выбежал из музыкальной комнаты, ворвался в кабинет и позвал Джори к письменному столу, чтобы все выглядело так, будто они вошли в комнату вместе...

Тут я умолк, точно громом пораженный. Только сейчас начал догадываться я о значении взглядов, которыми обменивались Холмс и Лейстрейд. Кажется, они с самого начала, с того момента, как я показал тайник, устроенный Джори, поняли следующее: *совершить это одному человеку не под силу*. Убийство — да, но все остальное...

— Стивен сказал, что они с Джори встретились у двери в кабинет, — медленно начал я. — Что он, Стивен, взломал дверь, и они вошли туда вместе, и вместе обнаружили тело. Он лгал. Лгал с целью защитить своего брата, но поскольку

толком не знал, как именно все произошло, все это выглядело... выглядело...

— *Невозможным*, — подсказал Холмс, — кажется, вы имели в виду именно это, Ватсон.

— Итак, Джори со Стивеном вошли туда вместе, — медленно начал я. — Они и спланировали все вместе... и в равной степени виноваты перед законом в отцеубийстве! О Господи!

— Не только эти двое, Ватсон, — мягко поправил меня Холмс. — *Все* они.

Я так и замер с разинутым ртом.

Холмс кивнул.

— Сегодня вы продемонстрировали нам замечательную проницательность, Ватсон. Вы прямо-таки пылали дедуктивным жаром, боюсь, повторить такое не удастся. Снимаю перед вами шляпу, дорогой друг. Как снял бы перед любым человеком, способным пусть даже на короткое время преодолеть самого себя. Но в каком-то смысле вы остались все тем же милым и добрым человеком, каким были всегда. То есть я хочу сказать, вы всегда понимали, как хороши могут быть люди. Но до какой степени низости они могут опуститься — это было свыше вашего понимания.

Я молча и безропотно слушал его.

— И дело тут даже не в том, что эти люди совершили столь уж черный поступок, учитывая, что за персонаж был этот лорд Халл, — добавил Холмс. Затем поднялся из кресла и начал нервно расхаживать по кабинету. — Кто может подтвердить, что Джори был со Стивеном, когда взломали дверь? Ну, естественно, только Джори! И, само собой разумеется, Стивен. А где же были другие лица с семейного портрета? Одно принадлежит Уильяму, третьему брату. Что вы на этот счет скажете, а, Ватсон?

— Да! — подхватил Лейстрейд. — Если глядеть, что называется, в корень, Уильям тоже должен был участвовать в этом. Он сказал, что спускался по лестнице, был примерно на середине, когда увидел, как братья вошли в кабинет. Причем Джори был впереди на полшага.

— Как интересно! — воскликнул Холмс, глаза его сверкали. — Именно *Стивен* вламывается в дверь, ему сам Бог велел, как более молодому и сильному. И логично было бы предположить, что он и войдет туда первым. Однако Уильям, дошедший до середины лестницы, видит, что первым вошел *Джори*. Почему, как вы думаете, Ватсон?

Я лишь растерянно покачал головой.

— Попробуйте задать себе следующий вопрос. Чьим показаниям, *чьим свидетельствам* мы можем в данном случае доверять? Ответ напрашивается сам: тому единственному человеку, который не является членом семьи. То есть лакею лорда Халла, Оливеру Стэнли. Он подошел к перилам и увидел, как Стивен входит в кабинет. В чем, собственно, ничего удивительного нет, поскольку Стивен был один и сам взломал дверь. А Уильям сказал так просто потому, что заметил Стэнли и понял, что должен говорить. И какой же вывод напрашивается у нас, а, Ватсон? Да только один: Джори находился *внутри*, в комнате. Именно потому, что оба его брата утверждают, что видели его *снаружи*. Иначе, как сговором, это не назовешь. И, как вы совершенно верно отметили, подобное единодушие в показаниях свидетельствует о чем-то гораздо более серьезном.

— О тайном заговоре, — сказал я.

— Именно. Помните, как я спросил у вас, Ватсон, верите ли вы то, что все четверо вышли из гостиной и разошлись в разные стороны сразу после того, как услыхали, что дверь в кабинет запирается?

— Да. Теперь вспомнил.

— Подчеркиваю, все *четверо*. — Он бегло взглянул на Лейстрейда, тот кивнул, потом снова уставился на меня. — Мы уже знаем, какие действия предпринял Джори, когда старик вышел из гостиной и направился к кабинету. Он должен был попасть туда раньше отца. Однако все четверо — в том числе и леди Халл — утверждают, что находились в гостиной, когда лорд Халл запер за собой дверь. Убийство лорда Халла — дело семейное, Ватсон.

Я был слишком растерян, чтобы выдавить хоть слово. Взглянул на Лейстрейда и заметил на его лице выражение,

которого ни разу не видел прежде и никогда уже не увижу: крайней усталости и отвращения.

— И что им, по-вашему, за это светит? — добродушно осведомился Холмс.

— Джори наверняка приговорят к повешению, — ответил Лейстрейд. — Стивену грозит пожизненное. Уильяму Халлу тоже светит пожизненное, но может отделаться и двадцатью годами в Ворвуд-Скрабс, где люди сгнивают заживо.

Холмс нагнулся и погладил полотно, закрепленное между ножками журнального столика. Снова послышался странный шелестяще-мурлыкающий звук.

— Леди Халл, — продолжил Лейстрейд, — может провести следующие пять лет своей жизни в Бичвуд-Мейнор, тюрьме, обитатели которой предпочитают называть ее Покси-Плейс*. Хотя, повидав эту дамочку, я склоняюсь к мысли, что уж она-то как-нибудь выкрутится. Благо что настойка опия, принадлежащая мужу, всегда под рукой.

— А все потому, что Джори Халл имел несчастье нанести неточный удар, — заметил Холмс и вздохнул. — Если б старик умер пристойно и тихо, как и подобает в преклонном возрасте, Джори бы все сошло с рук. Джори, как и говорил Ватсон, удрал бы через окно. И, разумеется, не забыл бы прихватить с собой живописное полотно... не говоря уже об этих замечательных тенях. А вместо этого весь дом переполошился. Сбежались слуги, заахали и запричитали над старым хозяином. Семья в смятении. Нет, все же невезучие они люди, Лейстрейд! Кстати, далеко ли был констебль, когда Стэнли пошел за ним? Полагаю, что близко.

— Ближе, чем вы можете предположить, сэр, — ответил Лейстрейд. — Он уже бежал к входной двери. Просто проходил неподалеку от дома, совершал один из обычных обходов и вдруг услышал крик. Так что им действительно не повезло.

— Холмс, — спросил я, с неким даже удовольствием возвращаясь к своей обычной роли, — как вы догадались, что констебль оказался поблизости?

---

* Здесь: Домом сифилитиков (*англ.*).

— О, это очень просто, Ватсон. Если б он там не оказался, у семейки было бы время спрятать полотно и «тени».

— А также отпереть задвижку хотя бы на одном из окон, — добавил Лейстрейд каким-то несвойственным ему тихим и вежливым голосом.

— Но ведь они вполне *могли* спрятать полотно и тени, — неожиданно вырвалось у меня.

Холмс обернулся ко мне и кивнул:

— Да.

Лейстрейд удивленно вскинул брови.

— Перед ними стоял выбор, — начал объяснять я. — Времени хватало только на то, чтобы сжечь новое завещание или же избавиться от улик. И заняться этим должны были Стивен и Джори, поскольку они первыми ворвались в кабинет. И тогда они, вернее, Стивен — вы должны учитывать различия в темпераментах, — именно Стивен решил сжечь завещание. А там будь что будет. Полагаю, ему хватило времени лишь на то, чтоб сунуть бумаги в печку.

Лейстрейд обернулся, взглянул на печку, потом отвел взгляд.

— Только человек, наделенный такой дьявольской черной силой, смог закричать в этот момент, — задумчиво произнес он.

И Холмс с Лейстрейдом снова переглянулись, и снова между ними пробежало нечто. Некая тайная мысль или соображение, которое они разделяли. И постигнуть которое мне было не дано.

— Вам когда-нибудь доводилось делать это? — спросил Холмс, словно в продолжение какого-то старого разговора.

Лейстрейд покачал головой.

— Только лишь раз был совсем близок к этому, — ответил он. — В деле была замешана девушка. Впрочем, то была совсем не ее вина, не ее. Да, я был близок. Но... всего лишь однажды.

— А здесь замешаны все четверо, — заметил Холмс, очевидно, прекрасно понимая, о чем идет речь. — Целых четыре человека, совершенно несчастных, над которыми на

протяжении стольких лет издевался злодей, который бы все равно через полгода умер.

Только тут до меня дошло.

Холмс обернулся ко мне, серые его глаза смотрели спокойно и насмешливо.

— Что скажете, Лейстрейд? Все же наш Ватсон раскрыл преступление, пусть даже некоторые детали и ускользнули от его внимания. Тогда пусть Ватсон сам и решает, да?

— Ладно, — мрачно буркнул в ответ Лейстрейд. — Только желательно поживее. Хочется поскорее убраться из этой чертовой комнаты.

Вместо ответа я наклонился, поднял фетровые тени, скатал их в шарик и сунул в карман пальто. И почувствовал себя при этом довольно странно: точно меня трясло в лихорадке, от которой я однажды едва не умер в Индии.

— Капитан Ватсон, дружище! — воскликнул Холмс. — Вы раскрыли первое в своей жизни дело, вычислили убийцу, и все так быстро, даже пить чай еще не пора. А потому примите от меня сувенир, подлинник кисти самого Джори Халла. Правда, сомневаюсь, чтобы этот шедевр был подписан, но все равно надо уметь быть благодарным за то, что посылает Господь, особенно в такой дождливый день! — И с помощью перочинного ножа он принялся отдирать приклеенное к ножкам столика полотно. Действовал он умело: не прошло и минуты, как он уже сворачивал полотно в трубочку, которую затем сунул к себе в карман объемистого пальто.

— Самая грязная часть нашей работы, — заметил Лейстрейд. Однако подошел к одному из окон и после секундного колебания приподнял одну из задвижек и приотворил окно примерно на полдюйма.

— Никогда не оставляй дело неоконченным, каким бы грязным оно ни было! — с преувеличенной веселостью в голосе воскликнул Холмс. — Ну что, идем, джентльмены?

Мы подошли к двери, Лейстрейд распахнул ее. Один из констеблей осведомился, есть ли какой прогресс.

В другое время Лейстрейд наверняка бы ответил подчиненному грубостью. Но на сей раз сказал лаконично и бодро:

— Смахивает на попытку ограбления с отягчающими обстоятельствами. Я понял это сразу же, Холмс — буквально секунду спустя.

— Ужас, что делается!.. — протянул второй констебль.

— Да, — согласился с ним Лейстрейд. — Еще, слава Богу, что старик успел крикнуть. И отпугнул тем самым грабителя прежде, чем тот успел что-либо стянуть. Продолжайте охранять помещение.

Мы двинулись по коридору. Дверь в гостиную была открыта, но, проходя мимо, я нарочно опустил голову. Холмс же, разумеется, заглянул, он просто не мог поступить иначе. Так уж он был устроен. Что до меня, то я так и не увидел ни одного члена славной семейки. И ничуть не жалею об этом.

Холмс снова расчихался. Новый друг, полосатый котище, снова вился у его ног, блаженно мурлыкая.

— Пошли отсюда, — сказал он, и мы ударились в бегство.

Час спустя мы вновь оказались на Бейкер-стрит в доме под номером 221В и находились примерно в том же положении, в каком застал нас срочно примчавшийся Лейстрейд: я сидел на диване, Холмс — в кресле у окна.

— Ну-с, Ватсон, — обратился ко мне Холмс, — как вы полагаете, будете сегодня спать, а?

— Как убитый, — ответил я. — А вы?

— Наверное, тоже, — сказал он. — Рад, что удалось унести ноги от этих чертовых кошек.

— Ну а как вы думаете, будет спать Лейстрейд?

Холмс покосился на меня и улыбнулся.

— Думаю, что сегодня скверно. А может, целую неделю промучается без сна. А потом... ничего, придет в себя. Наряду с прочими талантами, Лейстрейд наделен уникальной способностью забывать неприятные моменты в своей жизни.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Вы только поглядите, Ватсон! — сказал Холмс. — Вот это зрелище! — Я встал и подошел к окну, уверенный, что увижу сейчас Лейстрейда, подъехавшего в наемном экипаже. Но вместо этого увидел пробившееся сквозь облака солнце, весь Лондон купался теперь в его ярком золотистом свете.

— Все-таки вышло, в конце концов, — заметил Холмс. — Замечательно, Ватсон! Заставляет снова почувствовать вкус к жизни! — И он взял скрипку, и начал играть, и лицо его было освещено солнцем.

Я посмотрел на барометр и увидел, что стрелка падает. И стал так громко хохотать, что не выдержал и повалился на диван. И когда Холмс — не без раздражения в голосе — спросил, в чем, собственно, дело, я лишь молча покачал головой. Честно говоря, я не был уверен, что он поймет. Просто голова у него устроена по-другому.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО АМНИ

Дожди закончились. Холмы по-прежнему зеленые, и из долины в Голливудских холмах виден снег на вершинах гор. Меховые магазины рекламируют очередную сезонную распродажу. Службы досуга со специализацией на шестнадцатилетних девственницах делают неплохой бизнес. В Беверли-Хиллз расцветают палисандровые деревья.

Реймонд Чандлер. Сестренка

I. Новости от Пеории

Это было весеннее утро типа «Лос-Анджелес идеал», когда ты невольно оглядываешься в поисках значочка торговой марки — ® — оттиснутого где-нибудь в уголочке. Выхлопы машин, проезжавших по Сансет, едва уловимо пахли олеандром, олеандр слегка отдавал выхлопными газами, и небо над головой было чистым, как совесть истового баптиста. Пеория Смит, слепой продавец газет, стоял на своем обычном месте, на углу Сансет и Лаурель, и если это не означало, что Бог пребывает на небесах и с миром все в полном порядке, то тогда я не знаю, какие еще доказательства вам нужны.

© Перевод. Покидаева Т. Ю., Аракелов А. В., 2000.

Но поскольку в то утро я встал непривычно рано — в половине восьмого, — все казалось каким-то не таким, слегка одурелым и смазанным. И только когда я затеял бриться — ну, скорее пугать бритвой свою упрямую докучливую щетину с целью призвать ее к порядку, — до меня начало доходить, что меня беспокоит. Хотя я не спал и читал до двух ночи, я не слышал, чтобы Деммики возвращались домой. Обычно они надираются по самые уши и начинают орать на весь дом, обмениваясь идиотскими шуточками, которые, видимо, и составляют основу их брака.

Бастера я тоже не слышал, что было совсем уже странно. Бастер — это пес Деммиков, уэльский корги, и лает он так визгливо, что кажется, будто тебе в мозги втыкают осколки стекла. Причем лает он постоянно. И вдобавок он еще и ревнивый, и разражается противным пронзительным лаем всякий раз, когда Джордж и Глория обнимаются; а Джордж и Глория обнимаются почти всегда, когда не подкалывают друг друга, как парочка водевильных комедиантов. Сколько раз я засыпал под их заливистое хихиканье — которое, как правило, сопровождается топотом четырех лап, пока эта псина гарцует у них под ногами и шкрябает когтями, — и каждый раз я задумывался, насколько трудно было бы задушить мускулистую, средних размеров собаку рояльной струной. Но вчера ночью в квартире у Деммиков было тихо, как в склепе. Это было довольно странно, но не то чтобы очень — Деммики и в лучшие времена не придерживались принципа «жить строго по расписанию и соблюдать режим».

Впрочем, Пеория Смит был в порядке. Как всегда, оживленный, словно бурундук. Он узнал меня по походке, хотя я подтянулся на час раньше обычного. Он был в свободной калтековской фуфайке, доходившей до бедер, и в вельветовых бриджах, из-под которых виднелись сбитые коленки. Его белая палка, которую он ненавидел всеми фибрами души, стояла небрежно прислоненной к столику, на котором лежали газеты.

— Наше вам, мистер Амни! Как оно ничего?

Темные очки Пеории сверкали на утреннем солнце, и, когда он повернулся на звук моих шагов, протягивая мне экземпляр «Лос-Анджелес таймс», у меня вдруг мелькнула неприятная мысль: мне показалось, будто кто-то просверлил две большие черные дырки у него на лице. Я невольно поежился, чувствуя, как по спине пробежали мурашки, и подумал, что надо бы меньше пить. Может быть, пришло время решительно отказаться от традиционного стаканчика ржаного виски на сон грядущий. Или, наоборот, удвоить дозу.

Как это нередко случалось в последнее время, на первой странице «Таймс» красовался Гитлер. На этот раз — что-то про Австрию. В который раз я подумал, что это бледное лицо и косая жидкая челка пришлись бы к месту на доске «Разыскивается опасный преступник».

— Мое ничего в полном порядке, Пеория, — сказал я. По правде, сияет мое ничего, как свежая краска на старом фасаде.

Я бросил десятицентовую монетку в коробку из-под «Короны», что стояла на стопке газет. «Таймс» стоит три цента — да и тех, честно сказать, не стоит, — но с тех пор, как наш мир свихнулся, я неизменно опускал в ящик Пеории из-под сигар монету именно в десять центов. Он хороший парнишка, делает успехи в школе — я сподобился уточнить это в прошлом году, когда он мне очень помог в деле Вельд. Если бы он тогда не появился на плавучем доме Харриса Бруннера, я бы, наверное, до сих пор осваивал технику плавания с ногами, зацементированными в канистре из-под керосина, где-нибудь около Малибу. Сказать, что я ему очень обязан, — это вообще ничего не сказать.

В ходе этого небольшого частного расследования (касательно Пеории Смита, а не Харриса Бруннера с Мевис Вельд) я даже выяснил настоящее имя мальчишки, но я умею хранить тайны. Как говорится, из меня вам его не вытянуть и стадом мустангов. Отец Пеории в Черную Пятницу ушел на вечный перекур из окна офиса на девятом этаже; его мать — зашуганное, бессловесное существо, — работает в этой дурацкой китайской прачечной на Ла-Пунта, един-

ственная белая женщина в окружении китаез; а сам парнишка слепой. Так что зачем миру знать, что парня назвали Фрэнсисом, когда он был еще слишком мал, чтобы суметь отбрыкаться? Как говорится, защита берет перерыв.

Если за ночь случилось что-нибудь смачное, почти всегда сообщение об этом событии появится на первой странице «Таймс», слева, сразу под сгибом. Я перевернул газету и обнаружил, что дирижер Кубинского оркестра скончался в центральной городской больнице от обширного инфаркта, который он поимел, отплясывая со своей вокалисткой в «Карусели» в Бербанке. Мне было жалко вдову маэстро, но его самого — ничуть. По моему скромному мнению, если кто ездит в Бербанк танцевать, то так ему и надо.

Я открыл спортивный раздел, чтобы глянуть, как вчера сыграли «Бруклин» с «Кардсом». У них вчера было два матча подряд.

— А ты как, Пеория? Все на местах в твоем замке? Очищен ли ров, подновлены ли зубцы на стенах?

— Ой, мистер Амни! И не говорите!

Что-то в его голосе показалось мне странным. Я опустил газету, чтобы взглянуть на него повнимательнее, и увидел то, что такой блистательный детектив, как я, обязан был замечать сразу — парнишку буквально распирало от счастья.

— Слушай, у тебя такой вид, как будто тебе только что подарили шесть билетов на первый матч мировой серии по бейсболу. Что случилось, Пеория? — спросил я.

— Мама сбила лотерею в Тихуане! Сорок штук баксов! Мы теперь богачи, дядя! Настоящие *богачи!*

Я усмехнулся — хорошо, что он этого не видел, — и взъерошил ему волосы. Его вихры встали дыбом, ну и ладно.

— Стоп, приятель, попридержи коней! Тебе сколько лет, Пеория?

— В мае двенадцать исполнилось. Вы ж знаете, мистер Амни. Вы ж мне рубашку еще подарили. Но при чем тут...

— Двенадцать — это уже достаточно, чтобы сообразить, что иногда люди выдают желаемое за действительное. Я вот что хотел сказать.

— Ну, если вы о фантазиях всяких, то это правда. Я вообще-то люблю фантазировать, — сказал Пеория, пытаясь пригладить волосы. — Но это совсем не фантазии, мистер Амни! Это все правда! Дядя Фред вчера съездил и приволок деньги. В седельной сумке привез, на своем мотоцикле! Я их нюхал! Да, черт, я в них *катался!* Их разложили по всей маминой кровати! Я в жизни богаче себя не чувствовал, говорю вам — сорок гребаных тыщ!

— Двенадцать лет, может быть, и достаточно, чтобы понять разницу между реальностью и мечтами, но уж точно маловато, чтобы так выражаться, — сказал я строго. Получилось неплохо. Уверен, что «Общество за чистоту языка и морального облика» поддержало бы меня на все двести процентов. Но я говорил уже на автопилоте, почти не слушая, что говорю. Я лихорадочно соображал, пытаясь уместить в голове то, что сказал Пеория. Я был совершенно уверен в одном: он ошибся. Он *должен был* ошибиться, потому что, если бы все это было правдой, он бы сейчас тут не стоял, на углу двух бульваров, как раз по дороге от моего дома до офиса в Фулвайдер-билдинг. И вообще, так не бывает, потому что не может быть.

Тут мои мысли вернулись к Деммикам, которые впервые в истории человечества не прослушали на сон грядущий пару-тройку своих джазовых композиций, включенных на полную громкость; к Бастеру, который впервые в истории человечества не воспривествовал щелчок ключа в замке входной двери руладой истошного лая. Неприятное ощущение, что что-то не так, вернулось; и на этот раз оно было сильнее.

А потом я заметил, что Пеория глядит на меня с выражением, которое уж никак не ожидал увидеть на его честном, открытом лице: мрачное раздражение пополам с озлобленной насмешкой. Так умный ребенок смотрит на своего болтливого дядюшку, который по три-четыре раза пересказывает одни и те же скучнейшие «занимательные» истории.

— Вы что, не ловите новость, мистер Амни? Мы теперь *богачи!* Маме больше не нужно гладить рубашки для этого

старого пердуна Ли Хо, и я больше не буду стоять на углу, и продавать газеты, и мерзнуть, и мокнуть под дождем, и выкорячиваться перед этими старыми клюшками, что работают в Билдерс. Мне больше не нужно изображать бурную радость всякий раз, когда какой-нибудь пижон оставит мне пять центов сверху.

Я немного завелся от этих слов, но потом подумал — какого черта?! Я ведь не из этих «возьми, парень, пять центов от моих щедрот». Я всегда оставлял Пеории семь центов. Ну или почти всегда. Кроме тех неудачных дней, когда у меня совсем уже не было денег. В моем деле стабильности не бывает: иногда попадается золотая жила, чаще — пласт пустой породы.

— Может, зайдем в «Блондиз», выпьем по чашке кофе и все обсудим? — предложил я.

— Не-а, облом. Там закрыто.

— «Блондиз» закрыта? Какого черта?!

Однако Пеорию не волновали такие обыденные повседневные вещи, как кофейня чуть дальше по улице.

— Вы еще не слышали самого главного, мистер Амни! Дядя Фред знает одного доктора во Фриско*, очень хорошего специалиста... и он говорит, этот доктор, что с моими глазами можно что-то такое сделать. — Он повернулся ко мне лицом. Его губы дрожали. — Говорит, у меня, может быть, не в глазных нервах дело, и если нет, то можно сделать операцию... Я не разбираюсь во всех этих тонкостях, мистер Амни, но я понял, что опять смогу видеть! — Он слепо потянулся ко мне... ну разумеется, слепо. А как еще?! — *Я опять буду видеть!*

Он потянулся ко мне, но я перехватил его руки, мягко сжал запястье и вежливо отвел в сторону. У него все пальцы были в черной краске от газет, а я сегодня был в белом костюме. С утра у меня было прекрасное настроение, и я решил выпендриться в своей новенькой шерстяной тройке. Жарковато для лета, конечно, но сейчас повсюду стоят кондиционеры, да и вообще я ужасно мерзлявый.

---

* Фриско (*разг.*) — Сан-Франциско.

Хотя сейчас мне стало жарко. Пеория незряче смотрел на меня, его тонкое, с почти идеальными чертами лицо уличного газетчика казалось каким-то встревоженным. Слабый ветерок, пахнущий олеандром и выхлопными газами, растрепал его волосы, и только тогда до меня дошло, что сегодня Пеория не надел свою обычную твидовую кепку. Без нее он выглядел как-то голо... а как же иначе? Каждый мальчишка-газетчик должен носить твидовую кепку, так же как каждый мальчишка — чистильщик обуви обязан носить берет, лихо заломленный на затылок.

— Да что с вами, мистер Амни? Я думал, вы за меня обрадуетесь. Ешкин кот, не надо мне было сегодня сюда припираться, на этот паршивый угол, но я даже раньше пришел, потому что мне вроде как показалось, что *вы* тоже раньше придете. Я думал, вы будете рады, что мама срубила денег и что мне, может быть, сделают операцию, а вы... — Теперь его голос дрожал от возмущения. — А вы...

— Да нет же, я рад. — И я *хотел* радоваться, правда хотел. Но что самое поганое — он был почти прав. Потому что теперь все переменится, понимаете, а я не хотел, чтобы что-то менялось. И ничего *не должно* меняться. Пеория Смит должен стоять здесь, на углу, год за годом, в своей этой кепке, сдвинутой на затылок в жару и натянутой на уши в дождь, так что вода капает с козырька. Он должен всегда улыбаться, и не говорить бранных слов типа «черт» и «гребаный», и — самое главное — он должен быть слепым.

— *Все вы врете!* — воскликнул Пеория и неожиданно отпихнул свой столик. Столик опрокинулся, газеты рассыпались по тротуару. Белая тросточка покатилась к канализационной решетке. Пеория это услышал и нагнулся, чтобы ее поднять. Из-под темных очков показались слезы и покатились по бледным, худым щекам. Он принялся шарить по земле в поисках палки, но она упала рядом со мной, а он искал ее в другой стороне. Мне вдруг отчаянно захотелось заехать ему ногой под зад.

Но вместо этого я нагнулся, поднял палочку и легонько дотронулся до его бедра.

Пеория развернулся — молниеносно, как змея, — и схватил ее. Краем глаза я видел портреты Гитлера и безвременно почившего кубинского дирижера, хлопавшие на ветру по всему Сансет-бульвар. Автобус на Ван-Несс проехал сквозь раскиданные газеты, оставив за собой едкий запах дизельных выхлопов. Меня бесил вид газет, шуршащих по улице тут и там. Это смотрелось неряшливо. Больше того: это смотрелось *неправильно*. Неправильно целиком и полностью. Я едва сдержался, чтобы не броситься на Пеорию с кулаками. Мне захотелось схватить его и хорошенько встряхнуть. Заставить его собирать газеты. И пусть хоть все утро тут ползает, я его не отпущу домой, пока он не соберет их все до единой.

Мне вдруг пришло в голову, что еще десять минут назад я восхищался этим чудесным утром — таким совершенным, что хоть помечай его знаком качества. И, черт подери, оно и было чудесным! Где все пошло не так? И как могло получиться, что все изменилось за какие-то паршивые десять минут?!

Ответов не было, и только какой-то отчаянно противоречивый и сильный внутренний голос подсказывал, что мать мальчика *не могла* выиграть в лотерею, и он сам *не мог* перестать продавать газеты, и — самое главное — он *не мог* видеть. Пеория Смит должен оставаться слепым до конца своих дней.

Ну... это, наверное, какая-нибудь экспериментальная операция, подумал я. *Даже если этот врач из Фриско не шарлатан, а он скорее всего шарлатан, операция будет неудачной. Она просто не может пройти удачно.*

Как ни странно, но эта мысль меня успокоила.

— Послушай, — примирительно сказал я, — сегодня мы оба встали не с той ноги. Давай все-таки сходим в «Блондиз», я угощу тебя завтраком. Что скажешь, Пеория? Поешь яичницу с беконом, а заодно и расскажешь мне вс...

— Да пошел ты на хрен! — заорал он, и я содрогнулся. — Драть тебя во все дыры, и тебя, и твою кобылу, дешевая ты калоша! Думаешь, что слепые не чувствуют, когда им вот так нагло врут?! Да пошел ты, сам знаешь куда! И больше не прикасайся ко мне никогда! Ты, наверное, пидор!

Ну все. Никто не смеет обзывать меня пидором безнаказанно, даже слепой мальчишка-газетчик. Я мигом забыл про то, что Леория спас мне жизнь во время расследования по делу Мевис Вельд, и протянул руку, чтобы вырвать у него тросточку и пару раз врезать ему по заднице. Если мальчик не знает хороших манер, его надо учить.

Но прежде чем я успел это сделать, он размахнулся и со всей силы ткнул меня кончиком палки в низ живота, то есть в *тот самый* низ. Я согнулся пополам от дикой боли, но даже сдерживая вопль, я мысленно благодарил Бога: придись удар двумя дюймами ниже, и мне можно было бы уже не корячиться в поисках средств на жизнь. Я бы устроился петь сопрано во Дворце дожей.

Я все равно рванулся к нему — просто сработал инстинкт, — и он врезал тростью мне по шее. И неслабо так врезал! Трость не сломалась, но хруст я слышал. Так что треснула точно. Ничего, сейчас я ее доломаю. Вот только схвачу его и заеду его же дурацкой палкой ему по уху. Будет знать, кто тут пидор.

Он отскочил, как будто прочел мои мысли, и швырнул палку на тротуар.

— Леория, — выдавил я. Может быть, было еще не поздно расставить все по своим местам. А то это просто безумие какое-то. Так не должно быть. — Леория, да что с тобой...

— *И не называй меня так!* — закричал он. — *Меня зовут Фрэнсис! Фрэнк! Это ты начал меня называть Леорией! Ты начал первым, а теперь все так зовут, и меня это бесит!*

От слез у меня двоилось в глазах. Я видел, как два Леории развернулись и побежали через улицу, не обращая внимания на движение (которого, к его счастью, не наблюдалось) и выставив руки перед собой. Я думал, что он споткнется о противоположный бордюр — мне даже *хотелось*, чтобы он споткнулся, — но, видимо, слепые держат в голове подборку подробных топографических карт. Он ловко, как козлик, запрыгнул на тротуар, а потом обернулся ко мне. На заплаканном лице мальчика я разглядел выражение какого-то бешеного восторга, а темные стекла очков еще больше прежнего походили на дыры. Такие здоровые дыры, как

будто ему в лицо всадили два заряда из крупнокалиберного дробовика.

— «Блондиз» закрыт, говорил же! — крикнул он. — Мама сказала, хозяин бросил все к черту и удрал с той рыжей шлюшкой, которую наняли в прошлом месяце! Тебе бы так повезло, хрен моржовый!

Он развернулся и побежал по бульвару в этой своей странной манере, вытянув руки перед собой и растопырив пальцы. Прохожие пялились на него, пялились на газеты, шелестевшие по всей улице, пялились на меня.

В основном — на меня.

Пеория — ну ладно, Фрэнсис, — добежал до самого бара Дерринджера, а потом обернулся и «добил» меня окончательно.

— Пошли вы на хрен, мистер Амни! — крикнул он на всю улицу и скрылся за углом.

II. Кашель Вернона

Я все-таки умудрился разогнуться и перейти на другую сторону улицы. Пеория, он же Фрэнсис Смит, давно убежал, но мне хотелось уйти и от этих раскиданных шелестящих газет. Их вид вызывал у меня головную боль, которая почему-то была еще хуже, чем боль в паху.

На той стороне я остановился у ближайшего магазина и минут пять пялился на витрину «Канцелярских товаров от Фелта», будто выставленная там новая паркеровская шариковая ручка была самой что ни есть замечательной вещью в мире (или это были дерматиновые органайзеры с претензией на натуральную кожу). По прошествии этих пяти минут — время, более чем достаточное, чтобы все барахло в пыльной витрине намертво врезалось в память, — я почувствовал, что теперь уже можно возобновить мой прерванный вояж по Сансет-бульвар, не держась за *то самое* место и не шатаясь при каждом шаге.

Вопросы роились у меня в голове, как москиты — вокруг головы в открытом автокинотеатре в Сан-Педро; если ты

сдуру забыл намазаться репеллентом в два слоя. От большинства этих вопросов мне удалось отмахнуться, но некоторые оказались весьма упорными. Во-первых, что за бес вселился в Пеорию? Во-вторых, что за хрень вселилась в меня? Полквартала я только и делал, что силился выбросить из головы эти тревожные вопросы, но когда я вышел на угол Сансет и Травернии, прямиком к «Блондиз» — «Кафе-закусочная. Работаем круглосуточно. Попробуйте наши рогалики, не пожалеете», — их все вымело одним махом. Сколько я себя помню, «Блондиз» всегда была на этом углу — здесь тусовались всякие мелкие жулики, шулера и шлюхи, битники и стиляги, не считая юных нимфеток, лесбиянок и педерастов. Однажды на выходе из «Блондиз» арестовали знаменитую звезду немого кино — за убийство, ни много ни мало. Да и сам я отличился тут не так давно, когда в завершение одного неприятного дела пристрелил на глазах у почтеннейшей публики того модного наркомана по фамилии Данниндж ер, который, перебрав кокаина, прикончил троих таких же торчков после очередной голливудской наркотеки. Здесь же я навсегда распрощался с очаровательной Ардис Макгилл с ее платиновыми волосами и фиолетовыми глазами. Остаток той ночи я провел, шляясь в редком для Лос-Анджелеса тумане, который застилал мне глаза... и стекал по щекам, пока я, как потерянный, бродил до самого восхода по улицам.

«Блондиз» не работает? «Блондиз» закрыт? Этого просто не может быть — скорее статуя Свободы исчезнет со своего клочка голой скалы в нью-йоркской гавани.

И тем не менее... Витрину, в которой раньше был выставлен слюногонный набор тортов и пирожных, замазали белой краской, но больше, как говорится, для вида, так что сквозь бледные полосы я разглядел опустошенный зал. Грязный потертый линолеум на полу. Потемневшие от жира лопасти вентиляторов. Они свисали с потолка, как винты сбитых самолетов. В пустом зале еще оставалось несколько столов, на них стояло шесть или семь перевернутых кверху ножками стульев — до боли знакомых стульев, обтянутых красной тканью. Но больше там не было ничего...

ну разве что несколько сахарниц, небрежно сваленных в кучу в углу.

Я стоял там, у витрины, пытаясь хоть как-то осмыслить происходящее, но это было все равно что пытаться протащить широкий диван по узкому лестничному пролету. У меня в голове не укладывалось, как такое вообще возможно... Вся эта бурная жизнь, и блеск, и полуночный сумбур, когда что ни ночь, то какой-нибудь новый сюрприз — как это может исчезнуть? Так не бывает. Это даже и не ошибка, это просто кощунство. Для меня «Блондиз» был не просто кафешкой. Он был для меня как бы средоточием всех тех блестящих и утонченных противоречий, что таились в темном и безразличном сердце Лос-Анджелеса; иногда мне казалось, что «Блондиз» *и есть* тот Лос-Анджелес, который я знал на протяжении уже пятнадцати — двадцати лет, только в миниатюре. Где еще можно встретить гангстера, который завтракает в девять вечера за одним столиком со священником, или расфуфыренную девицу, всю увешанную бриллиантами, сидящую за стойкой рядом с каким-нибудь автослесарем, который забежал после смены выпить чашечку кофе? Я вдруг поймал себя на мысли о том безвременно почившем кубинском дирижере, но на этот раз я о нем думал со значительно большим сочувствием.

Вся эта блескуче-звездная жизнь Города Потерянных Ангелов — ты понял, браток? До тебя дошло?

На двери висела табличка: ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ. СКОРО ОТКРОЕТСЯ. Но что-то слабо мне в это верилось. Пустые сахарницы, сваленные в углу, на мой скромный взгляд, не свидетельствуют о том, что ремонт идет полным ходом. Скорее уж наоборот. Пеория был прав: «Блондиз» стал достоянием истории. Я развернулся и побрел восвояси, но теперь я шел медленно, с трудом переставляя ноги и держа голову прямо только неимоверным усилием воли. Когда я почти добрался до Фулвайдер-билдинг, где снимал офис уже столько лет — даже страшно подумать сколько, — меня охватила странная уверенность, что ручки огромных двойных дверей будут обмотаны толстой буксирной цепью и заперты на амбарный замок. Стекло будет небрежно замазано белыми

полосами, и на нем будет висеть табличка: ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ. СКОРО ОТКРОЕТСЯ.

Чем ближе я подходил, тем сильнее меня заражала эта дикая мысль. Это было как наваждение; и даже то, что я видел, как в здание вошел Билл Таггл — дипломированный бухгалтер-ревизионист с четвертого этажа, а заодно и законченный алкоголик, — не сумело развеять его до конца. Но приходится верить своим глазам, и, дойдя наконец до дома 2221, я не увидел там ни цепи, ни таблички, ни краски на стекле. Передо мной был все тот же Фулвайдер-билдинг. Я вошел в вестибюль, вдохнул все тот же знакомый запах — он напоминает мне розовые «печенюшки», которые кладут сейчас в писсуары в мужских туалетах, — и взглянул на все те же знакомые пальмы, которые свешивали свои листья на все те же поблекшие красные плитки пола.

Билл уже стоял в лифте № 2 рядом с Верноном Клейном, старейшим в мире лифтером. В своем поношенном красном костюме и смешной шляпе-таблетке, Вернон был похож на помесь коридорного из «Филлип Моррис» с макакой, которую прокрутили в промышленной стиральной машине. Он посмотрел на меня своими печальными собачьими глазами, что слезились от «Кэмела», прилипшего к его нижней губе и дымившегося прямо под носом. Странно, что его гляделки за столько лет не привыкли к дыму. Сколько я себя помню, я ни разу не видел Вернона без сигареты — неизменного «Кэмела» в уголке рта.

Билл слегка отодвинулся в сторону, но этого было явно недостаточно. В лифте просто не было места для того, чтобы он отодвинулся на приемлемое расстояние. Я так думаю, что и на всем Род-Айленде вряд ли хватило бы места. Разве что на Делавэре... От него пахло, как от ошметка болонской колбасы, которую около года мариновали в дешевом бурбоне. И когда я подумал, что хуже запаха быть не может, он смачно рыгнул.

— Прошу прощения, Клайд.

— Очень любезно с твоей стороны хотя бы извиниться, — сказал я, отгоняя от себя его ароматы. Верн уже закрывал двери кабины, готовясь к запуску на Луну... или, по

крайности, на седьмой этаж. — Ты сегодня, Билл, где ночевал? В выгребной яме?

И все-таки, если по правде, в этом запахе было что-то утешительное. Наверное, прежде всего потому, что это был *знакомый* запах. Запах старого-доброго Билла Таггла, благоухающего с бодуна — старого-доброго Билла, который стоит с тобой рядом на полусогнутых, как будто ему насыпали в трусы куриного салата, а он только что это заметил. Приятного мало, я должен заметить. Тем более в тесном лифте... Но по крайней мере все это было *привычно*.

Лифт затарахтел и пополз наверх. Билл выдал страдальческую улыбку, но промолчал.

Я повернулся к Вернону. Мне не то чтобы очень хотелось с ним заговорить, но уж точно хотелось хотя бы частично спастись от ароматов измаявшегося с похмелья, перепревшего бухгалтера, но слова, которые я собирался сказать, застряли у меня в горле. Со стенки лифта исчезли картинки, которые висели там, над банкеткой Верна, испокон веков. Картинок было всего две. Открытка с Иисусом, гуляющим по Галилейскому морю под восхищенными взглядами своих неводоходящих учеников, и фотография жены Вернона в бахромистом костюме «Милашка Родео» и с прической, модной в начале века. Теперь на их месте красовалась открытка, которая, по идее, не должна бы была повергать меня в изумление — особенно если учесть возраст Верна, — но меня все равно прибило, как будто грудой кирпичей.

Да, это была всего лишь открытка — простая открытка с силуэтом рыбака в лодке на фоне закатного неба. Но меня ошарашила надпись понизу: ПЕНСИЯ — ЭТО ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ. СЧАСТЛИВО ВАМ ОТДОХНУТЬ!

Когда Пеория мне сказал, что скоро он, может быть, будет видеть, я поразился донельзя. Но сейчас меня шандарахнуло даже сильнее. Воспоминания замелькали у меня в голове, как карты в руках ловкого шулера. Однажды Верн вломился в соседний с моим офис, чтобы вызвать «скорую» той свихнувшейся бабе, Агнес Стернвуд, которая для начала выдрала из стены мой телефон вместе с розеткой,

а потом съела почти полпачки «Крота», как она клятвенно заверяла. На поверку «Крот» оказался всего лишь сахаромсырцом, а офис, куда вломился Верн, — подпольным тотализатором «для своих», где принимали ставки по-крупному. Насколько я знаю, парень, снявший эту контору для своей якобы фирмы с нейтральным названием «Маккензи импортс», до сих пор получает свой ежегодный каталог рассылки товаров по почте в сан-квентинской тюрьме. Потом был еще случай с тем бесноватым типом, которого Верн успел вырубить своей банкеткой, прежде чем тот пропорол мне живот. (Опять в связи с делом Мевис Вельд, разумеется.) И я уже не говорю про тот раз, когда он привел ко мне свою дочь — ох была девочка, это что-то! — чтобы я ей помог выпутаться из той малоприятной истории с порноснимками.

Верн уходит на пенсию?

Быть не может. Просто не может... и все!

— Вернон, что это за шутки? — спросил я.

— Никаких шуток, мистер Амни, — сказал он и уже протянул было руку к рычагу, чтобы остановить лифт на четвертом, но вдруг разразился кошмарным грудным кашлем. Такого тяжелого и надсадного кашля я у него ни разу еще не слышал. За все эти годы. Звук был похож на стук мраморных кегельбанных шаров, катящихся по каменной дорожке. Он достал изо рта сигарету, и я с ужасом увидел, что фильтр у нее розовый, но — естественно — не от губной помады. Он поморщился, глядя на сигарету, сунул ее обратно в рот и потянул раздвижную решетку лифта.

— Ваш чет-твертый, мистер Таггл.

— Спасибо, Верн, — сказал Билл.

— Не забудьте про праздник в пятницу, — добавил Вернон. Говорил он невнятно и как-то глухо. Вынув из заднего кармана платок, запачканный чем-то коричневым, старик вытер губы. Он взглянул на меня своими воспаленными слезящимися глазами, и что-то было в его взгляде такое, что напугало меня до смерти. Это что-то очень плохое поджидало Вернона Клейна за ближайшим поворотом, и, судя по взгляду, Вернон это знал. — Вы тоже, мистер Амни, прихо-

дите. Мы с вами многое пережили вместе, и я буду рад пропустить с вами стаканчик.

— Погодите минутку! — заорал я, хватая Билла за пиджак, когда он уже выходил из кабинки. — Погодите, вы оба! Какая еще вечеринка? Что, черт возьми, происходит?

— Он уходит на пенсию, — сказал Билл. — Если ты вдруг не знаешь, то поясняю: обычно это случается после того, как твои волосы все поседели. По этому поводу Вернон устраивает общий сбор в подвале. В пятницу, в полдень. Там будет все здание, и я собираюсь сварганить свой всемирно известный «динамитный пунш». Да что с тобой, Клайд? Ты же еще в прошлом месяце знал, что Верн увольняется с тридцатого мая.

Я снова взбесился — не меньше, чем утром, когда Пеория обозвал меня пидором, — схватил Билла за подбитые плечи его двубортного пиджака и хорошенько встряхнул.

— Что еще за ерунда?

Он слабо, болезненно улыбнулся.

— Это не ерунда, Клайд. Но если ты не хочешь приходить — прекрасно. На здоровье. Ты и так последние полгода ведешь себя как больной.

Я снова встряхнул его:

— Что значит больной?

— На голову больной, — пояснил он. — С дуба рухнувший, крышей поехавший, свихнувшийся, сбрендивший... намек понял? И прежде чем ты мне ответишь, хочу тебя предупредить, что если ты еще раз меня тряхнешь, пусть даже несильно, из меня все полезет наружу, и никакая химчистка не смоет это дерьмо с твоего шикарного костюма.

Он вырвался раньше, чем я успел придумать достойный ответ — трясти его мне расхотелось, — вышел из лифта и зашагал по коридору. Как всегда, зад его брюк болтался где-то в районе колен. Он обернулся, но не раньше, чем Вернон задвинул решетку обратно.

— Тебе нужно взять отпуск, Клайд. Начиная с прошлой недели.

— Да что с тобой? — крикнул я ему. — Что *с вами со всеми?!*

Но внутренняя дверь закрылась, и мы поехали дальше. Теперь — на седьмой. Мой этаж, мой личный ломтик Рая. Верн бросил окурок в ведро с песком, что стояло в углу, и немедленно вставил в рот новую сигарету. Чиркнул спичкой о ноготь большого пальца, прикурил и тут же зашелся надсадным кашлем. На этот раз я увидел крошечные капельки крови, что вырывались сквозь щель между его растрескавшимися губами, подобно красному облачку. Жуткое было зрелище, отвратительное. Глаза у Верна запали. Они глядели куда-то в пространство — невидящие, безнадежные. Благоухание немытого тела бухгалтера Билла Таггла висело в воздухе между нами, как Дух былых пьянок.

— Ладно, Верн, — сказал я примирительно. — Так что там у тебя и что ты теперь будешь делать? Куда направишь свои стопы?

Вернон понял мои вопросы буквально. Он вообще никогда не улавливал тонкостей языка, так что хоть это не изменилось. Как говорится, и на том спасибо.

— У меня рак, мистер Амни, — сказал он без затей. — В субботу у меня поезд, «Цветок пустыни». Поеду, стало быть, в Аризону к сестре. Буду жить у нее. Думаю, что не успею ей надоесть. Пару раз сменит постель, и привет. — Лифт подъехал к нужному этажу. Вернон остановил его и заскрежетал дверцей. — *Седьмой*, мистер Амни. Ваш личный ломтик Рая. — Он, как всегда, улыбнулся, но теперь эта улыбка напоминала оскал карамельных черепов, которые продают в Тихуане в День Мертвых.

Дверца лифта открылась, и я сразу почувствовал запах — настолько *чужой* в моем ломтике Рая, что я даже не сразу сообразил, что это было. Запах свежей краски. Отметив про себя этот странный феномен, я решил разобраться с ним позже. Сперва надо закончить с одним делом, а потом уже браться за следующее.

— Но это неправильно, Верн. И ты это знаешь!

Он уставился на меня своими пугающе пустыми глазами. В его зрачках притаилась смерть — черный манящий силуэт под выцветшей синевой.

— Что неправильно, мистер Амни?

— Да *все* неправильно, черт побери! Ты должен быть *здесь!* Сидеть на своей банкетке с Иисусом и портретом жены над головой. А не с *этим* вот! — Я сорвал со стены открытку с рыбаком на озере и разорвал ее пополам, потом сложил половинки вместе, разорвал и их тоже и подбросил обрывки вверх. Клочки картона разлетелись по вытертому красному полу лифта, как конфетти.

— Должен быть здесь, говорите, — повторил он, не сводя с меня глаз. От этого мертвого взгляда мне было не по себе. Двое рабочих в заляпанных краской робах обернулись в нашу сторону с того конца коридора.

— Вот именно.

— И сколько времени, мистер Амни? Если вы все у нас знаете, может, и это подскажете тоже? Сколько я еще должен гонять эту проклятую штуку вверх-вниз?

— Ну... вечно.

Это слово повисло между нами, точно еще один призрак в сигаретном дыму, заполнявшем кабину. Будь у меня возможность выбирать, я бы предпочел аромат Билла Таггла... но выбирать не приходилось. Вместо этого я повторил:

— Вечно, Верн.

Он затянулся своим «Кэмелом» и выкашлял дым и приличную струйку крови, продолжая таращиться на меня.

— Я здесь, конечно, не в том положении, чтобы советы давать арендаторам, мистер Амни, но вам я все-таки дам совет... все равно мне недолго осталось, до конца этой недели, и все. Вам бы к доктору надо сходить. К тому, что показывает пациентам чернильные кляксы и спрашивает, что они напоминают.

— Но ты не можешь уйти на пенсию, Верн. — Сердце бешено колотилось в груди, но голоса я не повысил. — Просто не можешь, и все.

— Не могу? — Он достал изо рта сигарету — свежая кровь уже пропитала весь кончик фильтра — и опять посмотрел на меня. Его улыбка была леденящей. — Сдается мне, мистер Амни, у меня просто нет выбора.

III. О малярах и песо

Запах свежей краски ударил мне в нос, забивая все остальные запахи: и сигарет Вернона, и подмышек Билла Таггла. Двое рабочих в заляпанных краской робах возились у стенки рядом с дверью в мой офис. Они закрыли пол специальной прорезиненной тканью, чтобы не закапать его краской. Инструменты их ремесла были расставлены и разложены по всей длине этого «коврика»: банки с краской, кисти, растворители и олифа. Присутствовали и две стремянки, которые обрамляли рабочее пространство по типу недоделанных книжных полок. Меня подмывало пробежаться по коридору, расшвыривая по пути все это барахло. Кто, вообще, дал им право закрашивать эти старые темные стены своим сверкающим святотатственным белым? Выкинуть их отсюда, к чертовой матери...

Но я, разумеется, ничего такого не сделал. Я лишь подошел к тому из рабочих, который по виду тянул на двухзначную цифру в коэффициенте умственного развития, и вежливо полюбопытствовал, что он тут делает со своим дружком-чайником. Он обернулся ко мне и смерил меня долгим взглядом.

— Хрен чешем, не видишь? Я меряю пальцами глубину Мисс Америки, а Чик работает над разогревом чувств Бетти Грейбл.

Ну все. Мое терпение лопнуло. Достали они меня... и маляры эти чертовы, и вообще все достало. Я просунул руку в подмышку этому умнику и надавил пальцами на скрытый там хитрый, особенно болезненный нерв. Маляр заорал благим матом и выронил кисть. Его напарник бросил на меня перепуганный взгляд и отступил назад. От греха подальше.

— Если ты только попробуешь смыться без моего разрешения, — прорычал я, — я тут найду самую длинную кисть и засуну ее тебе в задницу, причем так глубоко, что вытаскивать надо будет спиннингом. Ты мне на слово поверишь или хочешь убедиться?

Он замер на месте и принялся лихорадочно озираться в поисках помощи. Но помощи ждать было неоткуда. Разве что Кэнди выскочит в коридор — поинтересоваться, в чем дело. Но дверь моего офиса оставалась плотно закрытой. Я опять повернулся к умнику, которого держал «за живое».

— Послушай, дружище. Я тебе задал простой вопрос. Какого черта вы здесь делаете? Ты мне ответишь или хочешь еще разок всхрюкнуть?

Я легонько сжал пальцы, просто чтобы освежить ему память. Он опять заорал.

— *Коридор красим! Сам, что ли, не видишь?*

Я-то видел. Но даже будь я слепым, я бы почувствовал *запах*. А так я и видел, и обонял — и то, что я видел и обонял, меня дико бесило. Коридор *нельзя было* красить, и особенно — в этот сверкающий белый цвет. Здесь должно быть темно и тускло, и пахнуть должно пылью и воспоминаниями, а не свеженькой краской. Все началось с непривычного молчания Деммиков... я не знаю, что именно началось, но *оно* становилось все хуже и хуже. Я был зол как черт, и этому несчастному работяге пришлось испытать мою злость на себе. Вдобавок мне было еще и страшно, но я хорошо научился скрывать свой страх. Впрочем, так и должно быть, если ты зарабатываешь на хлеб умом в голове и пушкой в кобуре.

— И кто вас сюда послал, двух дубин?

— Наш *шеф!* — Он посмотрел на меня, как на трехнутого. — Мы работаем в «Челлис: маляры на заказ», что на улице Ван-Ньюи. Шефа зовут Хэп Корриган. А если тебе надо знать, кто нашу компашку нанял, то спроси Хэ...

— Владелец нанял, — тихо проговорил второй маляр. — Владелец этого здания. Сэмюэл Лэндри его зовут.

Я покопался в памяти, пытаясь связать имя Сэмюэла Лэндри с тем, что я знал про Фулвайдер-билдинг, но ничего конструктивного не надумал. Это имя вообще ни с чем не вязалось... хотя какие-то ассоциации оно у меня вызывало, но смутные и непонятные. Что-то брезжило на краешке сознания, как звон церковного колокола, разносящийся далеко в утреннем тумане.

— Все ты врешь, — сказал я, но без нажима. Просто надо было хоть что-то сказать.

— Позвоните шефу, — предложил второй маляр. Вот оно, лишнее подтверждение, что первое впечатление может быть обманчивым: парень, видимо, был посмышленее своего напарника. Он залез внутрь своего грязного, заляпанного краской комбинезона и вытащил визитную карточку.

Я отмахнулся от нее, внезапно почувствовав, как на меня навалилась усталость и какое-то опустошение.

— Ну кому, Христа ради, понадобилось здесь все перекрашивать?

Вопрос был риторическим, но маляр, предлагавший мне карточку, все равно высказался в том смысле, что теперь в коридоре будет светлее.

— Разве нет? — осторожно спросил он.

— Сынок. — Я шагнул к нему. — У твоей мамы были нормальные живые дети, или ты у нее один такой — жертва аборта?

— Эй, ладно-ладно, — пробормотал он, отступая назад. Я проследил за его испуганным взглядом и увидел свои угрожающе сжатые кулаки. Усилием воли я их разжал, но его это, кажется, не успокоило. И я его понимаю. — Вам что-то не нравится, и вы высказали свое слово, громко и внятно. Но я человек подневольный. Шеф мне приказывает — я делаю, правильно? Таков порядок, по-моему.

Он бросил быстрый взгляд на своего напарника и опять поднял глаза на меня. Но я знал этот взгляд. При моей-то работе я видел такое не раз. *Этого парня лучше не трогать*, говорил этот взгляд. *Его лучше не злить. А то он бесноватый какой-то.*

— Я вот о чем, у меня же жена и ребенок, их кормить надо, — продолжил второй. — А сейчас ведь Депрессия, сами знаете.

Я смутился. Злость мигом потухла, как костер в сильный ливень. У нас что, и вправду Депрессия? Какая еще Депрессия?

— Да, я знаю, — пробормотал я, хотя понятия не имел, о чем речь. — Ладно, ребята, проехали и забыли, ага?

— Ага, — с готовностью согласились маляры. Тот, кого я ошибочно принял за не совсем законченного идиота, ковырял левой рукой в правой подмышке, пытаясь успокоить болезненный нерв. Я мог бы ему подсказать, чтобы он зря не мучился — еще час-полтора, и само все пройдет, — но мне уже не хотелось с ними разговаривать. Вообще ни с кем разговаривать не хотелось, включая прелестницу Кэнди Кейн, чей томный взгляд с поволокой и знойные изгибы не раз повергали к ее стопам прожженных уличных забияк. Мне хотелось лишь одного: прошмыгнуть через приемную и побыстрее проникнуть к себе в кабинет. Там в нижнем левом ящике стола у меня была припасена бутылка ржаного виски, а сейчас мне бы очень не помешало выпить.

Я направился к стеклянной двери с «морозным» узором, на которой висела табличка: «КЛАЙД АМНИ. ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ», — едва сдерживая навязчивое желание все-таки наподдать ногой по банке «Устрично-белой краски Датч-Бой». Просто хотелось проверить, смогу ли я запулить ее через окно в конце коридора, так чтобы она влепилась в пожарную лестницу. Уже взявшись за дверную ручку, я, пораженный внезапной мыслью, повернулся обратно к малярам... но медленно, чтобы они не подумали, что меня обуял очередной приступ кровожадной злости. К тому же я опасался, что если я обернусь слишком быстро, то успею заметить, как они ухмыляются друг другу и крутят пальцами у виска — идиотский жест, которому мы все научились в школе.

Они не крутили пальцами, но взгляда с меня не сводили. Тот, что поумнее, старался держаться поближе к двери с надписью «ВЫХОД». Внезапно мне захотелось им объяснить, что я, в сущности, не такой уж и плохой парень и что некоторые — в том числе несколько благодарных клиентов и по крайней мере одна бывшая жена — считают меня чуть ли не героем. Но подобные вещи о себе говорить не принято, и уж тем более — в разговоре с такой вот парочкой клоунов.

— Спокойно, ребята. Я вас не съем. И даже не покусаю. Просто хочу спросить.

Они немного расслабились. Но только чуть-чуть.

— Валяй, — сказал маляр Номер Два.

— Вы когда-нибудь ставили деньги на циферки в Тихуане?

— *La loteria?* — спросил Номер Один.

— Твое знание испанского поражает своей глубиной. Да. Именно *la loteria*.

Номер Один покачал головой.

— Мексиканские розыгрыши и мексиканские бордели — это для мудаков.

«Вот поэтому я тебя и спросил», — подумал я про себя, но вслух этого не сказал.

— И потом, — продолжал он, — ну, выиграешь ты там десять или даже двадцать тысяч песо. Подумаешь, счастье. Это что, деньги?! Полста баксов? Восемьдесят, на крайняк?

Мама сбила лотерею в Тихуане, сказал Пеория, и мне сразу же показалось, что здесь что-то не то. Сорок штук баксов... *Дядя Фред вчера съездил и приволок деньги. В седельной сумке привез, на своем мотоцикле!*

— Ну да, — сказал я, — что-то в этом районе. И они всегда так выплачивают? В песо?

Он опять посмотрел на меня как на умалишенного, но потом вспомнил, что я и вправду малость того, и подправил лицо.

— Ну... да. Это же мексиканская лотерея. В долларах они не платят...

— Да, действительно, — пробормотал я, представив худое, раскрасневшееся лицо Пеории, когда он говорил: *Их разложили по всей маминой кровати! Сорок гребаных тыщ!*

Но откуда слепому мальчишке знать, сколько там было денег... и что это вообще были *деньги*?! Ответ напрашивался сам собой: неоткуда ему знать. Но даже слепой пацан должен знать, что в *la loteria* выигрыш выплачивают в песо, а не в долларах и что сорок тысяч долларов в мексиканской валюте при всем желании не впихнешь в седельную сумку мотоцикла. Чтобы вывезти всю капусту, его дяде понадобился бы как минимум мусоровоз.

В общем, путаница еще та.

— Спасибо. — Я открыл дверь и вошел в свой офис.

К вящей радости всех троих.

IV. Последний клиент Амни

— Кэнди, птичка моя, я никого не хочу видеть, никаких де...

Я умолк на полуслове. В приемной было пусто. Рабочий стол Кэнди в углу казался каким-то неестественно голым, и через пару секунд я сообразил почему: пластмассовое корытце для входящей и исходящей корреспонденции было заброшено в мусорную корзину, а неизменные фотографии Эррола Флинна и Уильяма Пауэлла исчезли. И ее «Филко»* тоже. Узкое синее креслице — очень удобное приспособление для демонстрации роскошных ножек, а уж Кэнди было что показать, — пустовало.

Я снова уставился на корытце для бумаг, которое торчало из корзины, как нос тонущего корабля, и у меня екнуло сердце. Что, если здесь кто-то был... перерыл все бумаги, похитил Кэнди... Иными словами, а вдруг это было дело?! Сейчас я бы с радостью занялся любым делом, даже если бы это подразумевало, что какой-то подонок увез Кэнди черт знает куда и в данный момент связывает мою птичку... особенно тщательно поправляя веревку на ее шикарной упругой груди. Сейчас меня привлекал любой выход из всех этих хитросплетений, которые запутывались все сильнее.

Но было одно небольшое «но»: никаких следов погрома не наблюдалось. Да, лоток для бумаг валялся в мусорной корзине, но это еще не значит, что здесь побывал злоумышленник. На самом деле это больше похоже на...

На столе лежал только один предмет — строго по центру. Белый конверт. Мне стоило только взглянуть на него, как меня охватило дурное предчувствие. Но я все равно подошел — ноги как будто сами пронесли меня через комнату — и взял его со стола. Для меня не явилось сюрпризом, когда я увидел плавные росчерки и завитки почерка Кэнди. Просто еще одна малоприятная составляющая этого долгого малоприятного утра.

---

* «Филко» — товарный знак бытовых электроприборов, а также радио- и телеаппаратуры.

Я разорвал конверт, и мне в руки выпал один листок, выдранный из блокнота.

Дорогой Клайд!

Мне надоели твои нелепые детские шуточки и издевательства надо мной, и я устала от твоих идиотских насмешек над моим именем. Жизнь коротка, и жалко тратить ее на разведенного детектива преклонного возраста с вечно не чищенными зубами. У тебя есть свои плюсы, Клайд, но их значительно меньше, чем минусов. И особенно после того, как ты запил горькую.

Сделай себе приятное и повзрослей наконец.

Всегда твоя,
Арлин Кейн.

P.S. Я еду к маме в Айдахо. И не пытайся со мной связаться.

Еще секунду-другую я подержал записку, не веря своим глазам, а потом бросил ее на стол. Пока я смотрел на листок, порхавший в мусорную корзину, у меня в голове крутилась одна фраза: *Я устала от твоих идиотских насмешек над моим именем.* А разве я знал, что ее звали Арлин, а не Кэнди Кейн? Кейн-Конфетка. Пока записка летела в корзину — а летела она, кажется, бесконечно, — я порылся в памяти и снова сказал себе честно и искренне: нет. Ее *всегда* звали Кэнди, и да — я частенько шутил по этому поводу. И если мы после этого малость дурачились в плане легкого безобидного флирта на рабочем месте, ну так и что с того? Ей это нравилось. Мне тоже...

Ей нравилось? Ты уверен? — ехидно ввернул внутренний голос. *Ей правда нравилось, или это еще одна сказка из тех, которыми ты себя тешил все эти годы?*

Я попытался заткнуть этот голос, и мне удалось — со второй или третьей попытки, — но ему на смену пришел еще менее приятный голос. Дрожащий от злости голос Пеории Смита. *И мне больше не нужно изображать бурную радость всякий раз, когда какой-нибудь пижон оставит мне пять*

центов сверху, вот что сказал этот голос. *Вы что, не ловите новость, мистер Амни?*

— Заткнись, малыш, — сказал я пустой комнате. — Ты явно не Гэбриел Хиттер. — Я отвернулся от стола Кэнди, и вдруг у меня перед глазами поплыли лица. Они растянулись длинной вереницей, как какой-то безумный оркестр, марширующий прямо из ада: Джордж и Глория Деммики, Пеория Смит, Билл Таггл, Вернон Клейн, шикарная блондинка по имени Арлин Кейн... и даже двое тупиц-маляров.

В общем, путаница еще та.

Понурив голову, я поплелся к себе в кабинет. Плотно закрыл за собой дверь и уселся за стол. Приглушенный уличный шум доносился ко мне из-за закрытых окон. Я подумал, что для любого нормального человека это утро по-прежнему остается прекрасным и идеальным — таким идеальным, что впору метить его знаком качества, — но для меня яркий свет дня померк... и внутри и снаружи. Я вспомнил про выпивку в нижнем ящике, но после всего, что случилось, мне было лень даже нагнуться, чтобы достать бутылку. Даже такая вот малость показалась мне вдруг непосильным трудом. Все равно что карабкаться на Эверест в теннисных туфлях.

Запах свежей краски проник даже в святая святых — то есть ко мне в кабинет, отделенный от коридора просторной приемной. Обычно мне нравился этот запах, но не сейчас. Сейчас это был запах всего, что пошло не так, начиная еще со вчерашнего вечера, когда Деммики не вернулись с ночной гулянки в свой «голливудский бунгало», по обыкновению перебрасываясь идиотскими шуточками, и не врубили на полную громкость музыку, и не ввергли в истерику своего бесноватого пса, который вечно визжал и лаял, когда они затевали свои разборки. Я вдруг осознал — со всей ясностью и отчетливостью, в точности так, как, по моим представлениям, приходят великие истины и откровения к тем немногим счастливцам, к кому они все же приходят, — что если бы врачам удалось вырезать опухоль, убивавшую старого лифтера из Фулвайдер-билдинг, она оказалась бы белой. *Устрично*-белой. И пахла бы как свежая краска «Датч-Бой».

Эта мысль уморила меня окончательно. Я опустил голову, до боли сжимая виски ладонями, чтобы удержать ее на месте... или чтобы она не взорвалась, испачкав все стены. И когда у меня за спиной тихо открылась дверь и кто-то вошел в кабинет, я даже не обернулся. У меня просто не было сил.

Кроме того, у меня появилось странное ощущение, что я и так *знаю*, кто это вошел. То есть имени я назвать бы не смог, но шаги этого человека были мне знакомы. Как и запах его одеколона, хотя я не вспомнил бы его название даже под дулом пистолета. И по очень простой причине: я его просто не знал. Такой запах попался мне первый раз в жизни. Но тогда возникает резонный вопрос: как я его узнал, если ни разу не нюхал раньше? На этот вопрос я, наверное, не отвечу. И тем не менее.

Но хуже всего было даже не это. Хуже всего было то, что я перепугался до полусмерти. Я повидал в жизни всякое: и заряженные пистолеты в руках взбешенных мужчин — что было, ясное дело, погано, — и кинжалы в руках разъяренных женщин, что было в тысячу раз хуже; меня привязывали к колесу «паккарда», стоявшего на пути груженого состава; меня даже вышвыривали из окна, с третьего этажа. Жизнь интересная и насыщенная, ничего не скажешь, но никогда прежде я так не боялся — ничто не пугало меня сильнее, чем этот запах одеколона и мягкие шаги.

Впечатление было такое, что голова у меня весит с полтонны, не меньше.

— Клайд.

Я знал этот голос. Никогда в жизни его не слышал и тем не менее знал, как свой собственный. Одно только слово, и вес моей головы подскочил ровно до тонны.

— Убирайся отсюда, кто бы ты ни был, — выдавил я, не поднимая глаз. — Контора закрыта. — И что-то заставило меня добавить: — На ремонт.

— Неудачный день, Клайд?

Мне показалось, или в голосе и вправду было сочувствие? Может, и было, но от этого мне почему-то стало еще хуже.

Я не знаю, кто этот урод, но я не нуждаюсь в его сочувствии. Мне что-то подсказывало, что его симпатия гораздо опаснее его ненависти.

— Нормальный день, — процедил я сквозь зубы, поддерживая руками свою больную тяжелую голову и упорно глядя на ватман, покрывавший крышку стола. В ее верхнем левом углу был телефон Мевис Вельд. Я перечитывал номер снова и снова: *Беверли 6–4214.* Мне показалось, что это удачная мысль — зацепиться взглядом за ватман. Я не знал, кто этот человек, но одно знал точно: я не хочу его видеть. В этом — если больше ни в чем — я был уверен на сто процентов.

— По-моему, ты немного... неискренен, скажем так, — произнес голос с мягким укором, и в нем действительно было сочувствие; от этих слов мой желудок скрутило. Ощущение было такое, что внутри у меня судорожно сжался кулак, пропитанный кислотой. Посетитель уселся на стул, скрипнувший под его тяжестью.

— Я не совсем понял, что вы имели в виду, но ладно, спорить не буду, — выдавил я. — А теперь, когда мы пришли к соглашению, почему бы вам, уважаемый, не подняться со стула и не дернуть отсюда сейчас же? Сегодня мне хочется взять больничный, и я могу это сделать без всяких анализов, потому что я босс. Хорошо быть боссом?

— Вполне. Посмотри на меня, Клайд.

У меня все внутри сжалось, сердце, как говорится, пропустило один удар, но головы я не поднял. Я по-прежнему сидел, тупо глядя на *Беверли 6–4214,* и даже поймал себя на интересной мысли. Я вдруг подумал, что Мевис Вельд мало и всех кругов ада. А когда я заговорил, мой голос был ровным и твердым. Я сам удивился такому спокойствию, но и преисполнился искренней благодарности.

— На самом деле я могу взять больничный на целый год. Поеду в Кармель, например. Буду сидеть на палубе с журнальчиком на коленях и смотреть, как в гавань прибывают большие корабли с Гавайев.

— Посмотри на меня.

Я нехотя поднял голову. Как будто меня что-то заставило. Он сидел прямо напротив, на том же самом стуле, где когда-то сидели и Мевис, и Ардис Макгилл, и Большой Том Хэтфилд. Даже Вернон Клейн однажды сидел тут, на этом стуле, когда принес фотографии своей дочки, одетой только в обкуренную блаженную улыбку и костюм Евы. И вот теперь там сидел и он. У него на лице все еще сохранился калифорнийский загар, и это лицо я уже видел раньше. В последний раз — меньше часа назад, когда я скреб его бритвой перед зеркалом в собственной ванной.

Выражение симпатии в его глазах — в *моих* глазах — повергло меня в состояние тихого шока. Я в жизни не видел таких страшных глаз. А когда он протянул мне руку — *мою* руку, — мне вдруг отчаянно захотелось развернуться в кресле, вскочить на ноги и бежать без оглядки прямо в окно. На седьмом этаже, между прочим. Может, я бы и поддался этому искушению, не будь я настольно растерян и потрясен. Да что потрясен?! *Раздавлен*... Я миллион раз читал это слово — любимое словечко авторов бульварного чтива, плохоньких детективов и слезливо-сопливых романов, — но что оно значит, прочувствовал только сейчас.

Внезапно в офисе потемнело. Утро было на редкость ясное, в этом я мог бы поклясться, но невесть откуда взявшееся облако заслонило солнце. Человек, сидевший напротив, был старше меня лет на десять, по меньшей мере, если и вовсе не на пятнадцать. Его волосы были совсем седыми, мои — практически черными, но это не отменяло простого факта: не важно, как он себя называет и на сколько лет выглядит, он — это я. Разве мне не показалось, что его голос звучит знакомо? Ну да, все правильно. Когда вы слушаете свой собственный голос в записи — то есть со стороны, — он тоже звучит знакомо, но все же немного не так, как у вас в голове.

Он поднял со стола мою вялую ладонь, пожал ее с живостью агента по продаже недвижимости, который почуял возможность как следует поживиться, и уронил обратно. Рука безвольно шлепнулась на картонку, накрыв телефон

Мевис Вельд. Когда я поднял пальцы, я увидел, что номер исчез. И вообще все номера, нацарапанные на бумаге более чем за год, исчезли. Подкладка была чиста, как... ну, как совесть истового баптиста.

— Боже, — выдохнул я. — Боже мой.

— Ни в коем случае, — заявила моя престарелая копия с той стороны стола. — Лэндри. Сэмюэл Д. Лэндри. К вашим услугам.

V. Интервью с Господом Богом

Хотя я был ошеломлен и растерян, мне не составило труда вспомнить это имя. Наверное, потому, что я его слышал совсем недавно. Буквально пару минут назад. Согласно Маляру Номер Два, именно из-за Сэмюэла Лэндри длинный темный коридор, ведущий в мой офис, скоро станет устрично-белым. Лэндри был хозяином Фулвайдер-билдинг.

Мне вдруг пришла в голову идиотская мысль, но ее патентованный идиотизм все-таки не затмил и проблеск внезапной надежды. Есть такая теория, что все люди на Земле имеют своих двойников. Может быть, Лэндри — как раз мой двойник? А что, если мы идентичные близнецы, разобщенные двойники, родившиеся у разных родителей с разрывом в десять — пятнадцать лет? Эта безумная мысль не объясняла всех остальных странностей сегодняшнего дня, но черт побери... мне нужно было зацепиться хотя бы за что-то.

— Вы по какому вопросу, мистер Лэндри? — Как я ни старался, у меня все равно дрожал голос. — Если насчет аренды, то дайте мне день или два, чтобы я разобрался с делами. Похоже, у моей секретарши неожиданно обнаружилось неотложное дело в родном городке под названием Глубокая Задница, штат Айдахо.

Лэндри не обратил никакого внимания на мою жалкую попытку перевести разговор на другую тему.

— Да, — сказал он задумчиво, — как я понимаю, денек у тебя сегодня был не из приятных... и это моя вина. Мне очень жаль, Клайд, правда. Личная встреча с тобой оказа-

лась... ну, не совсем такой, как я себе представлял. То есть совсем не такой. Во-первых, ты мне понравился. Я даже не думал, что ты мне настолько понравишься. Но пути назад уже нет. — Он глубоко вздохнул. И этот вздох очень мне не понравился.

— Я не понимаю, о чем вы. — Теперь мой голос дрожал еще сильнее, а лучик надежды тускнел. Мне вообще было нехорошо. Впечатление было такое, что у меня в голове вместо мозгов пустота при острой кислородной недостаточности.

Он не ответил. Он молча нагнулся и поднял тонкий кожаный портфель, который стоял на полу прислоненным к передней ножке кресла. На портфеле были оттиснуты инициалы С.Д.Л., из чего я заключил, что посетитель принес его с собой. Я вообще очень смекалистый парень, и два года подряд — в тридцать четвертом и тридцать пятом — меня признавали «лучшим сыщиком года» вовсе не за красивые глаза.

Такого портфеля я в жизни не видел — он был слишком мал и тонок для дипломата и закрывался не на ремешки или замок, а на молнию. И сама молния была странной. Я никогда раньше не видел таких тонких и мелких зубчиков. Да и на металл это было совсем не похоже.

Но это было *еще не все*. Даже если не принимать во внимание болезненное сходство Лэндри со мной, в нем было немало других непонятных странностей. Прежде всего он совершенно не походил на процветающего бизнесмена, каким можно было бы представить владельца Фулвайдер-билдинг. Понятно, что это не «Ритц», но все-таки здание в центре Лос-Анджелеса, а мой клиент (если это действительно был *клиент*) выглядел как бродяга в хороший день, когда ему посчастливилось принять душ и побриться.

На нем были какие-то непонятные штаны из синей джинсовой ткани, простая белая рубашка без воротника и спортивные тапочки... только опять же какие-то странные. Я таких в жизни не видел. Огромные такие «копыта» на толстенной подошве. Мне они напоминали ботинки Бориса Карлоффа в сцене пробуждения Франкенштейна, и если

тот материал, из которого они сделаны, был парусиной, то я готов съесть свою шляпу. Красная надпись с боков звучала как название блюда из дешевой китайской закусочной: РИБОК.

Я взглянул на картонку, покрывавшую стол — которая когда-то была вся исписана телефонными номерами, — и вдруг понял, что не могу вспомнить номер Мевис Вельд, хотя только прошлой зимой звонил ей, наверное, миллион раз. Мне стало страшно. То есть мне и до этого было страшно... но теперь стало еще страшнее.

— Послушайте, мистер, почему бы вам быстренько не изложить свое дело и не убраться отсюда? — сказал я резко. — Хотя по здравому размышлению... может быть, «изложить свое дело» мы с вами пропустим и начнем непосредственно с «поскорее убраться отсюда»?

Он улыбнулся... устало, как мне показалось. И это мне не понравилось тоже. Его лицо было страшно усталым. И страшно печальным. Это было лицо человека, который прошел через такие кошмары, которые мне и не снились. Я даже почувствовал некоторую симпатию к этому загадочному посетителю, но страх был сильнее симпании. Страх и еще — злость. Потому что это было *мое* лицо, а этот урод оизносил его в хвост и в гриву.

— Прости, Клайд, но так не пойдет.

Лэндри взялся за молнию на своем странном портфеле, и я вдруг понял, что отдал бы полжизни, лишь бы только он никогда ее не открывал. Не зная, как его остановить, я брякнул первое, что пришло в голову:

— Вы всегда посещаете арендаторов одетым как фермер, который выращивает капусту? Вы что, из этих оригиналов-миллионеров?

— Да, я и вправду большой оригинал. И у тебя не получится сделать то, что ты задумал, Клайд.

— Откуда вы знаете, что я заду...

И тогда он сказал то, чего я так боялся:

— Я знаю *все* твои мысли, Клайд. В конце концов я — это *ты*.

Последний лучик надежды угас. Я облизал вдруг пересохшие губы и заставил себя говорить. Все что угодно, лишь бы не дать ему открыть эту змейку. Все что угодно. Мой голос звучал хрипло, но все же *звучал*, что уже радовало.

— Да, я заметил сходство. Хотя я не знаю такого одеколона. Сам-то я пользуюсь «Олд Спайсом».

Его пальцы сомкнулись на замке молнии, но не потянули. Пока.

— Но тебе нравится, правда? — сказал он уверенно. — И ты стал бы им пользоваться, если бы он продавался там на углу, в парфюмерном киоске? Но только вот незадача: ты его не найдешь ни в одном парфюмерном. Одеколон называется «Aramis», и его изобретут только лет через сорок с лишним. — Он глянул на свои уродливые ботинки. — И мои кроссовки тоже.

— Что еще за чертовщина?

— Да, вполне может быть, что без черта тут не обошлось, — сказал Лэндри без тени улыбки.

— Откуда вы?

— Я думал, ты знаешь. — Лэндри расстегнул молнию, и я увидел какое-то прямоугольное устройство из мягкого пластика. Оно было точно такого же цвета, каким еще до заката станет коридор седьмого этажа. Ничего подобного я в жизни не видел. Названия на этой хреновине не было, только что-то вроде серийного номера: Т-1000. Лэндри достал его из чехла, сдвинул защелки по краям и поднял крышку — некое подобие телеэкрана из фильмов про Бака Роджерса. — Я из будущего, — сказал Лэндри. — Как в фантастическом рассказе.

— Скорее уж из психушки, — выдавил я.

— Но не совсем как в рассказе, — продолжал он, пропустив мимо ушей мое оскорбительное замечание. — Да, не совсем. — Он нажал на какую-то кнопку с левого бока пластмассовой коробки. Раздалось тихое жужжание, потом короткий писк. Хреновина у него на коленях была похожа на странную стенографическую машинку... и мне почему-то казалось, что это не так уж и далеко от истины.

Он взглянул на меня и спросил:

— Как звали твоего отца, Клайд?

Я посмотрел на него, и мне опять захотелось облизать губы. В комнате по-прежнему было темно, облака, которых не наблюдалось, когда я заходил в здание, затянули солнце. Лицо Лэндри плавало во мраке, как старый сморщенный воздушный шар.

— А как это влияет на цену на огурцы в Монровии? — съязвил я.

— Ты ведь не знаешь, правда?

— Разумеется, знаю.

И я действительно знал. Просто никак не мог вспомнить, вот и все. Имя вертелось у меня на языке, но никак не давалось. Как и телефон Мевис Вельд, кажется *БЭйшор чего-то там*.

— А мать?

— Вы что, издеваетесь?!

— А, вот еще, полегче... какую школу ты окончил? Каждый нормальный американец помнит свою школу, правильно? Или первую девушку, с которой он стал мужчиной. Или город, в котором он вырос. Вот ты, например, где вырос? Сан-Луис Обиспо?

Я открыл было рот, но ничего не сказал.

Потому что не знал, что сказать.

— Может быть, в Кармеле?

Это звучало похоже... но нет. Не то.

У меня кружилась голова.

— Или это был город Дыра Заштатная, штат Нью-Мексико?

— Прекрати! — заорал я.

— Так ты знаешь? Или нет?

— Да, знаю! Это был...

Лэндри наклонился над своей странной пишущей машинкой и застучал по клавишам.

— Сан-Диего! Родился и вырос!

Он положил машинку на стол и развернул так, чтобы я смог прочесть слова в окошке над клавиатурой.

Сан-Диего! Родился и вырос!

Мой взгляд упал на надпись, идущую по рамке вокруг экрана.

— Что такое «Тошиба»? — полюбопытствовал я. — Гарнир к китайскому блюду «Рибок»?

— Японская электронная компания.

Я сухо рассмеялся.

— Вы так шутите, мистер? Япошки даже вертушку игрушечную не сделают так, чтобы не перепутать детали.

— Уже нет. Сейчас все по-другому. Кстати, насчет *сейчас*... Какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот тридцать восьмой, — выпалил я, потом поднял затекшую руку к губам. — Нет, тридцать девятый.

— Или, может быть, сороковой, — вставил он.

Я промолчал, но почувствовал, что лицо начинает гореть.

— Не вини себя, Клайд. Ты не знаешь, потому что *я* сам не знаю. Всегда оставляю этот аспект неопределенным. Я не определяю конкретное время, я пытаюсь создать *ощущение* времени... скажем, эпоха мелочной торговли. Можно и так назвать, если угодно. Или эпоха гангстеров, веселое время. Большинство моих читателей именно так это и воспринимают. И потом, это удобно для редактирования, чтобы не мучиться и не просчитывать каждый раз, сколько времени прошло между тем или иным событием. Ты не замечал, что ты, когда говоришь о прошлом, чаще всего употребляешь неопределенные фразы: «так давно, что уже и не помню», или «в незапамятные времена», или «дольше, чем мне бы хотелось», или «когда Гектор был еще щенком»?

— Нет, вроде бы не замечал. — Но теперь, когда он мне об этом сказал, я и вправду задумался. И *заметил*. И вспомнил «Лос-Анджелес таймс». Я каждый день читал эту газету, но какие конкретно это были дни? Только теперь до меня дошло, что в шапке на первой странице никогда не было даты, а только лозунг: «Честнейшая газета Америки в честнейшем городе Америки».

— Ты так говоришь потому, что в этом мире время не движется. И в этом... — Лэндри запнулся и вдруг улыбнулся. Улыбочка, исполненная тоски и какого-то странного голод-

ного устремления, получилась настолько жуткой, что я отвернулся. — В этом часть его обаяния, — закончил он.

Я был напуган, да. Но я умел быть крутым парнем, если так было нужно. И сейчас был как раз такой случай.

— Так что, черт возьми, тут происходит? Объясни толком.

— Хорошо... Только ты сам уже начал понимать, Клайд.

— Может быть. Я не знаю имен матери и отца и имени первой девчонки, которую я уложил в постель, потому что *вы* их не знаете. Так?

Лэндри кивнул, улыбаясь мне, как учитель, чей ученик пошел по пути нелогичных решений и, вопреки ожиданиям, все-таки дал правильный ответ. Но в его глазах читалось все то же страшное сочувствие.

— И когда вы написали «Сан-Диего» на вашей машинке, эта мысль тут же передалась и мне...

Он снова кивнул, подбадривая меня.

— И вы владеете не только Фулвайдер-билдинг? — У меня в горле стоял комок. Я тяжело сглотнул, но это ни капельки не помогло. — Вы владеете всем.

Лэндри покачал головой.

— Нет, не *всем*. Только Лос-Анджелесом и его окрестностями. *Этой* версией Лос-Анджелеса с некоторыми подредактированными дополнениями.

— Хрень какая-то, — подытожил я, но едва слышным шепотом.

— Видишь картину слева от двери, Клайд?

Я глянул в ту сторону, хотя в этом не было необходимости. Я и так знал прекрасно, что на картине изображен Вашингтон на переправе через Делавэр, и висела там с... ну, с той поры, когда Гектор был еще щенком.

Лэндри снова поставил свою стенографическую машинку имени Бака Роджерса себе на колени и склонился над ней.

— Не надо! — заорал я, пытаясь дотянуться до него. Но у меня ничего не вышло. Руки мне не повиновались, как я ни старался. Меня охватила странная апатия. Я себя чувствовал обессиленным и совершенно опустошенным, как будто уже потерял пинты три крови и она все еще продолжала течь.

Он опять застучал по клавишам. Повернул свой агрегат ко мне, чтобы мне были видны слова в светящемся окне. Там было написано: *На стене, слева от двери, ведущей в «Страну сладкой Кэнди», висит наш глубоко уважаемый президент... но всегда слегка косо. Такой у меня оригинальный способ держать его в перспективе.*

Я посмотрел на картину. Джордж Вашингтон исчез, а на его месте возник Франклин Рузвельт. Ф.Д.Р. улыбался с сигаретой во рту. Его мундштук торчал вверх под углом, который его приверженцы называли щегольским и лихим, а противники — вызывающе высокомерным. Фотография висела чуть криво.

— Вообще-то мне даже не нужен лэптоп, — сказал этот странный человек. Говорил он слегка смущенно, словно я его в чем-то обвинял. — Я могу это делать и просто сосредоточившись. Ты же видел, как исчезли номера с твоей картонки. Но с лэптопом все-таки проще. Может, я просто привык все записывать. А потом редактировать. Вообще, редактирование и правка — самое увлекательное в этой работе, потому что именно на данном этапе я вношу последние штрихи — маленькие, но характерные, — и картинка обретает живую четкость.

Я долго смотрел на Лэндри, а когда наконец заговорил, мой голос был мертвым.

— Вы меня придумали, да?

Он кивнул, и вид у него был смущенным. Как будто он сделал какую-то гадость.

— Когда? — Я испустил хриплый короткий смешок. — Или это не тот вопрос?

— Я не знаю, тот или не тот, и, наверное, любой писатель сказал бы тебе то же самое. Но я знаю одно: это случилось не в раз, а в процессе. Впервые ты у меня появился еще в «Алом Городе», который я написал в семьдесят седьмом. Но ты с тех пор здорово изменился.

Тысяча девятьсот семьдесят седьмой год. Воистину, год Бака Роджерса. Я не хотел верить, что все это происходит на самом деле. Мне было удобнее думать, что это сон. Но вот что странно: мне бы, наверное, удалось убедить себя

в нереальности происходящего, но мне мешал запах его одеколона — знакомый запах, которого я никогда в жизни не нюхал. Да и как бы я его понюхал? Это же «Арамис» — марка, знакомая мне не больше, чем «Тошиба».

— Постепенно ты развивался во что-то более сложное и интересное, — продолжал Лэндри. — Но вначале был все-таки пресноват. Я бы сказал, одномерный образ.

Он умолк, чтобы откашляться, и улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Позор на мою неседую голову, — ввернул я.

Он поморщился, уловив злость в моем голосе, но заставил себя посмотреть мне в глаза и продолжить:

— Последняя книга с твоим участием называется «Вполне в духе падшего ангела». Я ее начал в девяностом, но закончил только в девяносто третьем. У меня были проблемы. Жизнь в это время вообще была... интересной. — Его улыбка вышла кривой и горькой. — А в интересные времена писатель не пишет хороших книг, Клайд. Уж поверь мне на слово.

Глядя на его дурацкую одежду, которая висела на нем как на вешалке, я решил, что тут ему можно верить.

— Может быть, вы поэтому так по-крупному и прокололись на этот раз, — сказал я. — Насчет лотереи и сорока тысяч долларов. Это же полная ерунда. Там, за границей, они платят в песо.

— Да, знаю. Я и не говорю, что у меня не бывает проколов. В этом мире я, может быть, и претендую на роль Создателя... в этом мире или *для* этого мира... но сам по себе я простой человек. Однако когда я лажаюсь, ты и другие мои персонажи об этом не знают, Клайд. Потому что все мои противоречия и накладки — это все составляющие вашей жизни. Но Деория лгал тебе. Я это знал и хотел, чтобы *ты* догадался.

— Зачем?

Он пожал плечами и снова смутился, как будто ему было стыдно.

— Наверное, чтобы немного тебя подготовить ко встрече со мной. Для этого все и делалось, начиная с Деммиков. Мне не хотелось уж слишком тебя пугать.

Любой сыщик, который не зря ест свой хлеб, всегда замечает, когда сидящий перед ним человек лжет, а когда говорит правду; а вот улавливать, когда клиент говорит правду, но при этом что-то скрывает — талант куда более редкий. И я глубоко убежден, что даже у гениев сыска подобные озарения случаются не всегда. Не знаю, может быть, сейчас у меня получилось только из-за того, что мы с Лэндри были настроены на одну мыслительную волну, но я чувствовал: он что-то недоговаривает. Вопрос был в другом: хочу ли я это знать?

Я уже было решил задать ему вопрос в лоб, но меня остановила внезапная и ужасная догадка, всплывшая ниоткуда, точно безумный призрак, просочившийся из стены проклятого дома. Я подумал о Деммиках. Вчера ночью у них было тихо. И причина тому проста: мертвые не орут и не ссорятся — это непреложный закон природы, из тех, что гласят, что вода мокрая или что камни падают вниз. Есть вещи, которые просто и есть и никогда не меняются. Никогда. Я сразу почувствовал — буквально с первого дня знакомства, — какой яростный нрав скрывается у Джорджа под корочкой «мирного человека из общества» и что за миленьким личиком и взбалмошными повадками Глории Деммик притаилась кусачая сука, готовая вцепиться вам в горло в любой момент. Они были какими-то уж слишком ненатуральными, больше похожими не на реальных людей, а на персонажей бродвейских мюзиклов Коула Портера, понимаете? И теперь я был почему-то уверен, что Джордж все же сорвался и придушил свою милую женушку... а заодно и визгливого пса. Не исключено, что в данный момент Глория подпирает стену в ванной между душем и толчком, лицо у нее почернело, глаза выпучены наподобие мутных мраморных шариков, а между синими губами торчит вывалившийся язык. Корги лежит головой у нее на коленях с проволочной вешалкой, туго обмотанной вокруг шеи. Его истошные визги и лай затихли уже навсегда. А сам Джордж? Валяется бездыханный где-нибудь на кровати с пустой упаковкой Глориного снотворного под боком. Никаких больше плясок в клубе «Аль Ариф», никаких вечеринок, никаких

громких дел об убийствах в богемных кругах Палм-Дезерт или Беверли-Глен. Сейчас они потихонечку остывают, привлекают мух и меняют цвет своего модного бронзового загара на мертвенно-синюшный.

Джордж и Глория Деммик, которые умерли в странной машинке этого человека. Которые умерли у него *в голове*.

— То есть вы не хотели меня пугать. Дерьмово у вас получилось, скажу я вам, — заметил я.

И тут же подумал: а как такое могло получиться нормально? Как можно вообще подготовить обычного смертного человека к встрече с Господом Богом? Готов спорить, что и Моисей весь вспотел под своим балахоном, увидев огненный куст. А я — всего-навсего частный сыщик, работающий на ставке сорок долларов в час плюс еще кое-что на покрытие расходов.

— «Вполне в духе падшего ангела» — это история Мевис Вельд. Само имя, Мевис Вельд, взято из романа «Сестричка» Реймонда Чандлера. — Он взглянул на меня с видом смущенной растерянности с легким налетом вины. — Это литературная реминисценция.

— Хитро. Кстати, имя этого парня мне ничего не говорит.

— Разумеется. В твоем мире, который даже не мир, а всего лишь моя версия Лос-Анджелеса, Чандлера просто не существовало. Зато в своих книгах я использовал разные имена и названия из его романов. В Фулвайдер-билдинг снимал офис Филип Марлоу, детектив из книг Чандлера. Вернон Клейн... Пеория Смит... и Клайд Амни, конечно. Так звали адвоката в «Разборе полетов».

— И это у вас называется реминисценцией?

— Да.

— Ну, как знаешь. Хотя у нас это все называется плагиат. — Мне вдруг стало смешно, что мое имя придумано человеком, о котором я никогда не слышал, — человеком из мира, о котором я знать не знал и даже не подозревал о его существовании.

Лэндри побагровел, но не отвел глаза.

— Ладно, ладно. Согласен: я *кое-что* передрал. Например, перенял стиль Чандлера, но так я же не первый. Росс

Макдональд проворачивал то же самое в пятидесятых — шестидесятых, а Роберт Паркер — в семидесятых — восьмидесятых. И критики, кстати, всячески их превозносили за это. Кроме того, Чандлер сам много взял от Хэммета и Хемингуэя, не говоря уже о писателях в жанре бульварного чтива типа...

Я поднял руку.

— Давай мы пропустим литературный обзор и перейдем к завершающему этапу. Все это слегка отдает сумасшествием, но... — Я взглянул на портрет Рузвельта, потом на непривычно пустую картонку на крышке стола, потом опять на изможденную физиономию человека по ту сторону стола. — Скажем так, я тебе поверил. Но тогда возникает такой вопрос: что ты здесь делаешь? Зачем ты сюда заявился?

Но я уже знал ответ. Я как-никак профессиональный сыщик. Только на этот раз мне подсказало разгадку сердце, а не голова.

— Я пришел *за тобой*.

— За мной.

— Прости, Клайд, но именно за тобой. Боюсь, придется тебе поменять представление о собственной жизни. Попробуй взглянуть на нее по-другому... ну, скажем... как на пару ботинок. Ты их снимаешь, я надеваю. Завязываю шнурки и ухожу.

Ну да, разумеется. Именно за этим он и пришел. И я вдруг понял, что мне надо сделать... это был мой *единственный* выход.

Мне надо избавиться от него.

Я изобразил широкую поощряющую улыбку. Улыбку типа «давай, парень, рассказывай». В то же время я подобрал ноги под кресло, готовясь мгновенно рвануться и наброситься на него. Мне уже было ясно: из этой комнаты выйдет кто-то один. Либо он, либо я. И я сделаю все, чтобы это был я.

— Серьезно? — Я сделал круглые глаза. — Как интересно. А что будет со мной, Сэмми? Что будет с сыщиком, оставшимся без ботинок? Что будет с Клайдом...

Амни. Это слово — моя фамилия — стало бы последним словом, которое этот чужак, этот бесчестный вор услышал

бы в своей жизни. Я собирался произнести его за секунду до решающего прыжка. Но похоже, что эта проклятая телепатия работала в обе стороны. Он закрыл глаза, но я успел уловить выражение тревоги в глубине его черных зрачков. Его губы сжались, лицо сделалось напряженным и сосредоточенным. На этот раз он не воспользовался своим агрегатом имени Бака Роджерса; наверное, он понимал, что на это нет времени.

Лэндри заговорил нараспев, словно не складывал фразы, а читал их с листа:

— «Его откровения подействовали на меня как какой-то наркотик. Я вдруг весь обмяк, словно из меня вытянули все силы. Ноги сделались как разваренные спагетти. Я откинулся на спинку кресла и уставился на него — ничего другого мне просто не оставалось».

Я весь обмяк, ноги стали как ватные. В общем, я откинулся на спинку кресла и уставился на Лэндри. Ничего другого мне просто не оставалось.

— Не шедевральный, конечно, абзац. — Он произнес это так, словно передо мной извинялся. — Но я не люблю сочинять на ходу. У меня это плохо выходит.

— Сволочь, урод, сукин сын. — Меня хватало только на шепот.

— Да, — безропотно согласился он. — Наверное, так и есть.

— Зачем тебе это надо? Зачем ты крадешь мою жизнь?

Его глаза засверкали злостью.

— *Твою* жизнь, говоришь? Ты сам прекрасно все знаешь, Клайд, хотя и боишься себе признаться. Это не твоя жизнь. Я придумал тебя. Как сейчас помню, когда это было. В январе семьдесят седьмого, в один унылый дождливый день. И ты жил в моем воображении и в моих книгах до теперешнего момента. Я дал тебе жизнь, и я вправе ее забрать.

— Как благородно, — усмехнулся я. — Но представь, что сейчас к нам сюда вошел бы Господь Бог и принялся бы распускать твою жизнь на нитки, как старый ненужный шарф... тогда, наверное, тебе было бы проще понять мою точку зрения.

— Не буду спорить. По-своему ты прав. Да и какой смысл спорить с самим собой? Это все равно что играть в одиночку в шахматы. Если честно играть, так и так будет ничья. Давай скажем просто: я делаю то, что я делаю, потому что могу.

Как ни странно, но я вдруг успокоился. Это мы уже проходили. Когда кто-то вроде бы взял над тобой верх, надо заставить его говорить. Причем говорить без умолку. Это сработало с Мевис Вельд, сработает и теперь. Когда они чувствуют свою силу, они говорят что-то вроде: «Теперь уж чего?! Теперь я тебе расскажу кое-что интересное напоследок...». Или: «Тебе надо знать то-то и то-то? Хорошо, я тебе расскажу, все равно это уже ничего не изменит».

Версия Мевис была малость поэлегантнее: «Я хочу, чтобы ты знал, Амни... ты хотел узнать правду, ну так забирай эту правду с собою в ад. Обсудишь ее на досуге с дьяволом за кофе с пирожными». Не важно, что они говорят. Главное, чтобы они *говорили*. Пока человек говорит, он не будет стрелять.

Поэтому надо затягивать разговор. Пусть они говорят, а ты слушай их и надейся, что откуда-нибудь да появится дружественная кавалерия, которая все-таки подоспеет тебе на подмогу.

— Но *зачем* тебе это, я никак не могу понять? Обычно все по-другому бывает. То есть, как правило, вы, писатели, не врываетесь в свои книги, а тихо-мирно получаете гонорары и пишете новые книжки... или я ошибаюсь?

— Тянешь время, Клайд? Хочешь заставить меня говорить?

Мне как будто врезали под дых. Но я собирался играть до последней карты. Так что я лишь усмехнулся и пожал плечами.

— Может быть. А может быть, и нет. Но как бы там ни было, мне действительно интересно. — Тут я не соврал.

Он неуверенно посмотрел на меня, потом склонился над своей адской пишущей машинкой — когда он застучал по клавишам, все мое тело скрутили судороги, — и снова выпрямился.

— Ладно, я тебе расскажу. Теперь-то чего?! Все равно это уже ничего не изменит.

— Угу.

— Ты умный парень, Клайд. И ты полностью прав: писатели редко вживаются в те миры, которые создают в своих книгах. А если кто-то из них по-настоящему погружается в такой вот выдуманный мир, то он в нем же и застревает. В его сознании проходит какая-то жизнь... но только в сознании, потому что его тело прозябает на уровне овоща в какой-нибудь психбольнице. Но таких очень мало. В массе своей мы — лишь туристы в стране собственного воображения. И я такой же турист. Пишу я медленно. Кажется, я уже говорил, что я постоянно мучаюсь с композицией и развитием сижета... но за десять лет я все-таки выдал пять книг о Клайде Амни, причем каждая следующая получалась успешнее предыдущей. В восемьдесят третьем я ушел с работы... кстати, я был директором регионального филиала одной очень солидной страховой компании... и сделался профессиональным писателем. У меня была жена, которую я безумно любил, и сынишка, который был для меня дороже всего на свете, и я был счастлив. По-настоящему счастлив. Мне казалось, что лучше уже не бывает.

Мой собеседник заерзал в кресле и передвинул руку. Я заметил, что на потертой ручке уже не было черной дырки, выжженной сигаретой Ардис Макгилл.

— И я оказался прав. — Он издал холодный, горький смешок. — Лучше действительно не бывает. А вот *хуже* бывает. И так оно и случилось. Месяца через три после того, как я начал «Вполне в духе падшего ангела», Дэнни — наш сын — упал в парке с качелей и сильно ударился головой. Разбил черепушку, как говорят тут у вас.

Его губы скривились в улыбке, такой же холодной и горькой, каким был его смех.

— Он потерял много крови... ты видел немало разбитых голов, так что ты знаешь, как это выглядит... Линда перепугалась до полусмерти. Но доктора оказались на высоте, и все обошлось сотрясением. Его состояние стабилизировалось, ему перелили пинту крови, чтобы восполнить потерю. Мо-

жет быть, в этом и не было необходимости — и эта мысль постоянно меня преследует, — но ему все-таки перелили кровь. Понимаешь, когда он ударился головой, это было совсем не смертельно... а вот кровь оказалась смертельной. Она была заражена СПИДом.

— Чем?

— Благодари своего Бога, что ты не знаешь. В твое время этого еще не было. Эта гадость появится только в середине семидесятых. Как одеколон «Арамис».

— А что это за СПИД?

— Это вирус. Он разрушает иммунную систему. Полностью разрушает, так что твой организм перестает сопротивляться любым болезням. И тогда всякая пакость, от рака и до ветрянки, расцветает у тебя внутри пышным цветом. И ничего нельзя сделать.

— Великий Боже!

Он опять усмехнулся, только усмешка больше напоминала судорогу.

— Пусть будет великий, как скажешь. СПИД преимущественно передается половым путем, но иногда им заражаются и через переливание крови. Можно сказать, что мой сын выиграл главный приз в самой злосчатной на свете la loteria.

— Мне очень жаль.

И мне действительно было жаль этого сухопарого человека с усталым лицом, хотя я и боялся его до смерти. Так потерять ребенка... что может быть хуже? Что-то, наверное, может — всегда находится что-то совсем уже мерзостное, — но чтобы такое придумать, придется действительно поднапрячь мозги.

— Спасибо. Спасибо, Клайд. По крайней мере мучился он недолго. Дэнни упал с качелей в мае. Первые пурпурные пятна — саркома Капоши — появились в сентябре, как раз перед его днем рождения. А умер он 18 марта 1991 года. Он, может быть, и не мучился так, как некоторые, но ему тоже досталось. Да, ему сильно досталось.

Я не имел ни малейшего представления, что такое саркома Капоши, но спрашивать не собирался. Я и так уже знал больше, чем мне бы хотелось.

— Теперь ты понимаешь, Клайд, почему я так задержался с работой над книгой?

Я молча кивнул.

— Я пытался заставить себя работать. Главным образом, потому что я верил: этот воображаемый мир вылечит мою боль. Может, мне *нужно* было в это верить. Я пытался прийти в себя и жить дальше, но все продолжало лететь в тартарары — как будто на этом романе лежало проклятие, которое превратило меня в Иова. После смерти Дэнни моя жена впала в тяжелую депрессию. Я был так озабочен ее состоянием, что не сразу заметил какие-то красные пятнышки, проступившие у меня на ногах, животе и груди. Они ужасно чесались. Я знал, что это не СПИД, и вначале не стал обращать на них слишком много внимания. Но время шло, и мое состояние ухудшалось. У тебя когда-нибудь был лишай, Клайд? Опоясывающий лишай?

Но прежде чем я покачал головой, он рассмеялся и шлепнул себя по лбу с видом «какой же я идиот».

— Конечно же, не было. У тебя вообще не было ничего хуже похмелья. Лишай, дорогой мой сыщик, — это смешное название для одного очень противного хронического недуга. В моей версии Лос-Анджелеса есть неплохие лекарства для облегчения его симптомов, но мне они помогали слабо; к концу девяносто первого я весь извелся. Отчасти мои мучения происходили из-за ужасной депрессии после смерти Дэнни, но вдобавок у меня начались страшные боли и непрекращающаяся чесотка. Неплохое название для книги об исстрадавшемся писателе, как считаешь? «Агония и чесотка, или Томас Харди вступает в зрелость». — Он издал хриплый короткий смешок.

— Как скажешь, Сэм.

— Я скажу, что это был просто ад. Сейчас уже можно шутить и смеяться, но ко Дню благодарения того злополучного года мне было совсем не до шуток: спал я максимум три часа в сутки, и нередко бывали такие дни, когда мне казалось, что у меня кожа сползает и хочет удрать, как какой-нибудь колобок. Скорее всего я поэтому и не замечал, что творилось с Линдой. А потом...

Я не знал. *Не мог* знать... но все-таки знал.

— Она покончила с собой.

Он кивнул.

— В марте девяносто второго года, в годовщину смерти Денни. Больше двух лет назад.

Одинокая слеза скатилась вниз по его морщинистой, преждевременно постаревшей щеке, и мне вдруг пришло в голову, что он старел не постепенно, а сразу. Мне было не очень приятно думать, что меня создал такой занюханный мелкий божок явно из низшей божественной лиги, но зато это многое объясняло. Мои недостатки, в первую очередь.

— Ладно, хватит. — Его голос дрожал и от слез, и от злости. — Ближе к делу, как говорят у вас. У нас говорят «кончай базар», но это одно и то же. Я закончил роман. В тот день, когда я обнаружил Линду в постели мертвой — точно так же сегодня найдут и Глорию Деммик, — у меня уже было готово сто девяносто страниц. Я как раз дошел до того момента, когда ты выудил брата Мевис из озера Тахо. Через три дня после похорон я вернулся домой, запустил компьютер и принялся за страницу под номером сто девяносто один. Тебя это шокирует?

— Нет.

Я подумал, не спросить ли его, что такое компьютер, но счел за лучшее промолчать. Эта штука у него на коленях, наверное, и есть компьютер.

— Стало быть, ты в меньшинстве. Это шокировало тех немногих друзей, которые у меня еще оставались. Причем шокировало неслабо. Родственники Линды решили, что я бесчувственный и толстокожий, как кабан-бородавочник. У меня не было сил объяснять всем и каждому, что я пытался спастись. Пошли они на хрен, как говорит наш Пеория. Я схватился за книгу, как утопающий за спасательный круг. Я схватился за *тебя*, Клайд. Лишай по-прежнему меня мучил, и это сильно тормозило работу... а иногда так вообще не давало работать, иначе я появился бы здесь раньше... в общем, болезнь меня задержала, но все же не остановила. Я стал поправляться — по крайней мере физически, — как

раз к концу работы над книгой. Но как только я завершил роман, я опять впал в депрессию. Когда я вычитывал рукопись на предмет правки, я был в каком-то тумане. Мало что соображал. Помню только пронзительное сожаление... и боль *потери*... — Он посмотрел мне в глаза и спросил: — Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Да.

Я и вправду его понимал. Пусть это звучит просто дико, но я его понимал.

— В доме оставалось еще много всяких таблеток. Мы с Линдой во многом походили на Деммиков, Клайд. Мы действительно верили в то, что химия делает нашу жизнь лучше, и пару раз я был очень близок к тому, чтобы проглотить пару горстей этой дряни. Я не думал об этом как о самоубийстве. Мне просто хотелось догнать своих. Линду и Дэнни. Догнать их, пока не поздно.

Я кивнул. Я знал, что это такое. То же самое думал и я, когда через три дня после нашего слезного расставания с Ардис Макгилл в той же «Блондиз», я нашел ее в этой душной мансарде с аккуратненькой синей дырочкой посреди лба. Только разница была в том, что на самом деле ее убил Сэм Лэндри, обставив это поганое дельце при помощи некоей умозрительной пули у себя в голове. Да, именно он, и никто другой. В моем мире Сэм Лэндри — этот усталый человек в дурацких джинсовых штанах — отвечал за *все*. Мысль, конечно, бредовая. Совершенно бредовая... но с каждой секундой она становилась все более здравой.

Я обнаружил в себе достаточно сил, чтобы развернуть вращающееся кресло и посмотреть в окно. То, что я там увидел, почему-то не слишком меня удивило: Сансет-бульвар и все вокруг замерло. Машины, автобусы, пешеходы — все остановилось. За окном был не город в движении, а фотоснимок города. А почему бы и нет? Сейчас создателю этого мира было не до того, чтобы как-то оживлять свое творение. Он все еще был в плену собственной боли и горя. Черт возьми, мне еще повезло, что я сам мог хотя бы дышать.

— Так что же случилось? — спросил я. — Как ты сюда попал, Сэм? Можно мне тебя так называть? Ты не против?

— Нет, я не против. Но я тебе ничего особенного не скажу, потому что и сам не знаю. Я знаю только, что каждый раз, думая о таблетках, я вспоминал про тебя. Если конкретно, я думал: «Клайд Амни никогда бы такого не сделал, он бы высмеял всякого, кто так поступит. Он бы назвал это путем наименьшего сопротивления. Путем для трусов».

Я поразмыслил, решил, что это похоже на правду, и кивнул. Для человека, умирающего от неизлечимой болезни — типа рака Вернона или этого мерзкого вируса, который убил сына Лэндри, — я еще сделал бы исключение. Но добровольно откинуть копыта только потому, что у тебя депрессия... нет, это действительно для слабаков.

— Потом я стал думать: «Но кто такой этот Клайд Амни? Вымышленный персонаж... герой твоих книг. Ты его сам придумал». Но так продолжалось недолго. Только непробиваемые тупицы — в основном политики и адвокаты — насмехаются над фантазией и считают, что вещь не может быть реальной, если ее нельзя выкурить, или пощупать, или погладить, или трахнуть, в конце концов. Они насмехаются потому, что у самих у них воображение напрочь отсутствует и они просто не чувствуют его силы. А я ее чувствовал. Еще бы не чувствовать — оно меня кормит и поит последние десять лет, это самое воображение. И в то же время я знал, что не смогу жить в том мире, который я называл «реальным». А под словом «реальный» мы все, кажется, подразумеваем «единственный». Мне было ясно, что есть только одно место, куда можно уйти и встретить теплый прием, и только один человек, которым я могу стать, если туда попаду. Место — вот этот самый Лос-Анджелес тридцатых годов. Человек — ты. Клайд Амни.

Я услышал слабое жужжание, исходившее из его пластиковой машинки, но не повернулся к нему.

Отчасти — потому что боялся.

Отчасти — потому что уже и не знал, смогу ли.

VI. Последнее дело Амни

На улице, семью этажами ниже, застыл мужчина, уставившись на обнаженную ногу красотки, что поднималась по ступенькам в автобус — восемьдесят пятый автобус, в сторону центра. Дальше по улице маленький мальчик со старой обшарпанной бейсбольной перчаткой пытался поймать мячик, замерший в полуметре от его головы. Рядом, в футах шести над землей — как дух, вызванный второразрядной ярмарочной прорицательницей, — зависла одна из газет со столика, перевернутого Пеорией Смитом. Невероятно, но даже с такого немалого расстояния я сумел разглядеть на ней две фотографии: Гитлера над сгибом и почившего в бозе кубинского дирижера под ним.

Голос Лэндри звучал словно откуда-то издалека:

— Вначале я думал, что все закончится очень плачевно — меня определят в психушку, где я проведу весь остаток жизни, воображая, что я — это ты. Хотя... это было бы еще терпимо. Потому что в психушке было бы заперто только мое *физическое* Я, понимаешь? Но потом, постепенно, я стал понимать, что есть другой выход... я подумал, что должен быть способ... ну... как-нибудь проскользнуть в воображаемый мир. И знаешь, кто открыл мне дорогу?

— Да, — сказал я, не оглядываясь. У меня за спиной снова раздался треск клавиш, и газета, висевшая в воздухе, мягко опустилась на тротуар. Через пару секунд на перекресток Сансет и Фернандо вылетел старый седан модели «Де Сото». Он сбил парнишку с бейсбольной перчаткой, и оба исчезли. Но мячик остался. Он упал на мостовую, подкатился к канализационной решетке и снова замер.

— Знаешь? — Теперь голос Лэндри звучал удивленно.

— Да. Пеория.

— Правильно. — Он нервно рассмеялся и откашлялся. — Я все забываю, что ты — это я.

Мне подобная роскошь была недоступна.

— Я как раз взялся за новую книгу, но работа застопорилась с самого начала. Я шесть раз переписывал первую

главу, но получалась какая-то ерунда. А потом я пришел к интересному заключению: Пеория Смит тебя не любит.

Тут я все-таки развернулся:

— Что за чушь.

— Я был уверен, что ты не поверишь. Но это правда, и я это чувствовал с самого начала. Я не хочу затевать очередной семинар по писательскому мастерству, но скажу одно, Клайд: писать книги от первого лица — занятие увлекательное и хитроумное. Тут хитрость в том, что писатель не может знать больше, чем знает главный персонаж. Автор как бы сливается со своим героем, и обычно у автора нет секретов, о которых не знает герой. Но у меня был секрет. Представь, что твой Сансет-бульвар — это как бы райский сад...

— Что угодно, но только не райский сад, — вставил я.

— ...и в нем притаился Змий, которого я увидел, а ты — нет. И имя ему — Пеория Смит.

Замороженный мир снаружи, который Лэндри назвал моим райским садом, продолжал тускнеть и сереть, хотя на небе не было ни облачка. «Красная дверь» — ночной клуб, предположительно принадлежавший Лаки Лючиано, — исчез. Пару секунд на том месте просто зияла дыра, а потом там возникло другое здание — ресторан под названием «Пети Дижоне» с огромным окном, заставленным папоротником. Я оглядел бульвар и заметил немало других изменений: на месте прежних построек бесшумно и быстро вставали новые. Я понимал, что это значит. Мое время уже истекало. И что самое страшное — это было необратимо. Когда Бог заходит к тебе в кабинет и заявляет, что Он подумал и решил, что твоя жизнь нравится Ему больше, чем Его собственная, — какой у тебя есть выбор?

— Я уничтожил все черновики романа, за который засел через два месяца после смерти жены, — продолжал Лэндри. — Мне их было не жалко. Все равно это был не роман, а какие-то мучительные потуги. В общем, я начал новую книгу и назвал ее... догадаешься, Клайд?

— Легко. — Я развернул кресло спиной к окну. Это простое движение далось мне с трудом и лишило последних сил, но у меня был хороший повод. Или «стимул», как наверня-

ка сказал бы этот дегенеративный создатель. Сансет, конечно, не Елисейские поля и не Гайд-парк, но это *мой* мир. И мне не хотелось смотреть, как Лэндри уничтожает его и перестраивает по своему вкусу. — Ты назвал эту книгу «Последнее дело Амни».

Он даже слегка удивился:

— Надо же. Правильно.

Я небрежно взмахнул рукой. Это опять же далось мне с трудом, но я все же нашел в себе силы.

— Меня, знаешь ли, не зря признавали «лучшим сыщиком года» два года подряд. В тридцать четвертом и тридцать пятом.

Он улыбнулся.

— Да. Мне всегда нравилась эта фраза.

Меня буквально перекосило от ненависти к этому человеку. Будь у меня сейчас силы, я бы метнулся через стол и ничтоже сумняшеся придушил бы его на месте. И он это понял. Его улыбка тут же погасла.

— Забудь и думать об этом, Клайд. У тебя ничего не получится.

— Убирайся отсюда! — заорал я в истерике. — Отстань от меня! Уходи!

— Не могу. Не могу, даже если бы и хотел... а я не хочу. — В его взгляде странно смешались злость и мольба. — Попытайся понять меня, Клайд...

— А у меня есть выбор? Когда-нибудь был, вообще?

Он как будто меня и не слышал.

— Это мир, в котором я больше не буду стареть. Мир, где время остановилось за полтора года до Второй мировой, где газеты всегда стоят три цента, где я могу есть бифштексы и яйца, не заботясь об уровне холестерина в крови.

— Ни хрена не понимаю. О чем ты?

— Вот именно! Не понимаешь! — Он резко подался вперед. — В этом мире я, наконец, стану тем, кем всегда мечтал стать. Частным сыщиком. Буду гонять по ночному городу в быстрых спортивных автомобилях, отстреливаться от негодяев — зная, что я обязательно в них попаду, а они в меня нет, — и просыпаться наутро в постели с шикарной

девицей под веселое пение птиц. И чтобы солнце светило в окно. Это чудесное калифорнийское солнце.

— У меня в спальне окна выходят на запад, — мрачно заметил я.

— Уже нет, — спокойно ответил он, и я почувствовал, как мои руки на подлокотниках кресла бессильно сжались в кулаки. — Ты понимаешь, как это прекрасно? Как *совершенно?* В этом мире люди не сходят с ума от унизительной глупой болезни под названием опоясывающий лишай. Здесь никто не седеет и не лысеет. Ты понимаешь?

Он посмотрел мне в глаза, и я понял, что у меня нет надежды спастись. Никакой надежды.

— В этом мире любимые сыновья не умирают от СПИДа, а любимые жены не кончают с собой, проглотив три упаковки снотворного. И потом, ты здесь чужой. И *всегда* был чужим. Ты, а не я, хотя тебе, может быть, все представляется наоборот. Это *мой* мир. Я его создал в воображении, и он существует только за счет моего труда и моего честолюбия. Я его отдал тебе на время... а теперь забираю назад, вот и все.

— Но сначала ты, может быть, мне расскажешь, как ты сюда попал? Мне действительно интересно.

— Это было несложно. Я разрушил твой мир по частям — начиная с Деммиков, которые, кстати, были всего лишь паршивым подобием Ника и Норы Чарльз, — и перестроил по собственной схеме. Сперва я убрал всех дорогих для тебя второстепенных персонажей, а сейчас изымаю детали твоего привычного окружения. Иными словами, выбиваю почву у тебя из-под ног, распускаю твой мир по ниточкам. Не скажу, что я этим горжусь. Тут гордиться особенно нечем. Но я горжусь, что мне хватает на это силы воли.

— А что случилось с тобой в твоем мире? — Я побуждал его продолжать разговор, но скорее по привычке, как старая кобыла находит дорогу в стойло.

Он пожал плечами.

— Может быть, там я умер. А может, еще живу, но сижу где-нибудь в психбольнице в глубоком ступоре. Но это уже не имеет значения. Я осознаю себя *здесь*. Здесь я по всем

ощущениям живой. Для меня этот мир стал реальным. А что там дома... не знаю. Может, я просто исчез и меня сейчас ищут... и вряд ли кто догадается, что меня надо искать в памяти моего собственного компьютера. Но мне, по правде сказать, все равно.

— А я? Что будет со мной?

— Клайд, меня это тоже не интересует...

Он снова склонился над своей машинкой.

— Не надо! — воскликнул я.

Он поднял глаза.

— Я... — У меня дрожал голос. И как я ни старался, унять дрожь я не мог. — Мистер, я боюсь. Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я знаю, что там снаружи — уже не мой мир... и здесь внутри тоже... но это единственный мир, который я знаю. Оставьте мне то, что есть. Хотя бы такую малость. Пожалуйста.

— Поздно, Клайд. — И опять в его голосе прозвучало это безжалостное сожаление. — Закрой глаза. Я постараюсь все сделать быстро.

Я попытался наброситься на него — рванулся изо всех сил. Но не смог даже пошевелиться. Оставалось только закрыть глаза и приготовиться к самому худшему. Но мне уже было незачем их закрывать. Свет внезапно померк, в офисе стало темно, как в закрытом угольном ящике в безлунную ночь.

Я почти ничего не видел, но почувствовал, как он потянулся ко мне через стол. Я попытался отпрянуть, но обнаружил, что даже на это уже не способен. Когда что-то шуршащее и сухое коснулось моей руки, я завопил благим матом.

— Спокойно, Клайд. — Его голос из тьмы. Он раздавался не только спереди, но вообще отовсюду. *Ну конечно*, подумал я. *Ведь я только плод его воображения.* — Это всего лишь чек.

— Чек?

— Да. На пять тысяч долларов. Ты продал мне свое дело. Маляры отскребут твое имя с двери и уже сегодня напишут мое, — произнес он мечтательно. — Сэмюэл Д. Лэндри. Частный детектив. Неплохо звучит, как считаешь?

Я хотел умолять его, но не мог. Даже голос меня не слушался.

— Приготовься, Клайд, — сказал он. — Я точно не знаю, что с тобой произойдет, но сейчас все начнется. Я думаю, больно тебе не будет.

А если и будет, мне наплевать. Но эту фразу он вслух не сказал.

Во тьме послышалось слабое гудение. Я почувствовал, что стул подо мной тает и я падаю вниз. Голос Лэндри падал вместе со мной, выговаривая слова в такт стуку клавиш его странной машинки из будущего, надиктовывая две последние фразы романа «Последнее дело Амни».

— «Я уехал из города навсегда. Куда я теперь направляюсь... ну, это уже мое дело, верно?»

Подо мной разлился яркий зеленый свет. Я падал прямо в него. Скоро я в нем растворюсь и не почувствую ничего, кроме облегчения.

— «КОНЕЦ». — Голос Лэндри прогремел в пространстве.

Я упал в этот зеленый свет, он сиял сквозь меня и *во мне*... и Клайда Амни не стало.

Прощай, гениальный сыщик.

VII. По ту сторону света

Все это случилось полгода назад.

Я лежал на полу в темной комнате. В ушах звенело. Я с трудом поднялся на колени, тряхнул головой, чтобы немного прийти в себя, и всмотрелся в зеленое свечение, сквозь которое я прошел, как Алиса сквозь зеркало в Зазеркалье. Это была машинка Бака Роджерса типа той, которую Лэндри принес ко мне в офис, только побольше и помассивнее. На экране горели зеленые буквы. Я поднялся на ноги и уставился на экран, безотчетно водя ногтями по рукам от локтей до запястий. Там было написано:

Я уехал из города навсегда. Куда я теперь направляюсь... ну, это уже мое дело, верно?

А ниже, по центру, заглавными буквами:

КОНЕЦ

Я еще раз перечитал фразы, горящие на экране, и рассеянно поскреб пальцами живот. У меня было странное ощущение... кожа не то чтобы болела, но как-то мешалась, если так можно сказать. Как только я это осознал, это непонятное раздражающее ощущение проявило себя везде. У меня все зудело: на шее, на бедрах, в паху.

И тут до меня вдруг дошло. *Лишай. У меня лэндриевский лишай! А это зудящее раздражение называется «чесотка», и я не понял этого сразу, потому что...*

— Потому что я никогда не чесался раньше, — сказал я вслух, и все сразу встало на свои места. Понимание пришло неожиданно и проняло меня так, что мне стало дурно. В буквальном смысле. Я медленно подошел к зеркалу на стене, стараясь не расчесывать зудящую кожу. Я уже знал, что увижу себя постаревшим на десять — пятнадцать лет, с седыми тусклыми волосами и лицом, изборожденным морщинами, похожими на глубокие русла давно пересохших рек.

Теперь я знаю, что происходит, когда писателю удается забрать себе жизнь своего героя. Это не кража.

Это скорее обмен.

Я стоял перед зеркалом и смотрел на лицо Сэмюэла Д. Лэндри — на *свое собственное* лицо, постаревшее на пятнадцать лет. Кожа чесалась невыносимо. Он же вроде сказал, что ему стало получше с его лишаем? Если *это* — «получше», то как он выдержал самый кризис?! Я бы точно сошел с ума.

Я попал домой к Лэндри, понятно — то есть теперь уже *к себе* домой, — и в ванной, примыкающей к кабинету, я нашел лекарство, которое он принимал от лишая. Первую таблетку я выпил меньше чем через час после того, как пришел в себя на полу перед рабочим столом Лэндри и гудящей машинкой на нем. У меня было странное ощущение, что я проглотил не таблетку, а всю его жизнь.

Всю его жизнь...

Теперь я могу с радостью сообщить, что от лишая я все-таки вылечился. Может быть, он прошел сам по себе, но мне приятнее думать, что это Клайд Амни поборол болезнь силой воли и крепостью духа — ведь старина Клайд вообще никогда не болел, ни разу в жизни. И хотя в этом поизносившемся теле Сэма Лэндри меня постоянно донимает насморк, черта с два я ему сдамся... в конце концов толика позитивной самоуверенности еще никогда никому не вредила, правильно?

Случались у меня и совсем уже неудачные дни. Например, второй день моего пребывания в невероятном тысяча девятьсот девяносто четвертом. Я копался в лэндриеновском холодильнике на предмет чем-нибудь подкрепиться (вечером накануне я изрядно накачался крепким темным пивом из его запасов и подумал, что мне явно не помешает чего-нибудь съесть, чтобы меня не так сильно мутило), и вдруг мне скрутило живот. Боль была адской. Я испугался, что умираю. Потом мне стало хуже, и я *понял*, что умираю. Я упал на пол, стараясь не закричать. А через пару секунд во мне что-то случилось, и боль сразу прошла.

Я частенько использовал выражение: «Мне насрать». И в тот день я впервые испытал это на практике. Я помылся и поднялся на второй этаж в спальню, заранее зная, что простыни на постели Лэндри будут влажными и холодными.

Первую неделю в мире Лэндри я провел, в основном практикуясь в сортирных науках. В моем мире, понятное дело, никто не ходит в уборную. Или к зубному, уж если на то пошло. Когда я в первый раз посетил дантиста — я нашел его адрес в записной книжке у Лэндри, — я после этого... нет, не хочу вспоминать этот ужас.

Но не все было так плохо. Иногда случались и приятные вещи. Редкие подарки судьбы. Скажем, в этом безумном и суматошном мире, в ошеломительном мире Лэндри, у меня не было необходимости бегать — искать работу; видимо, его книги продавались вполне прилично, и у меня не было ни малейших проблем с обналичкой чеков, которые мне регулярно присылали по почте. Ясно, что наши с ним подписи

были неразличимы: одна рука, все ж таки. В общем, я получал денежки по его чекам и не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу. Да и с чего бы я стал угрызаться совестью? Эти деньги платили за книги обо *мне*. Лэндри только писал романы, а я в них жил. Черт, да мне полагалось кусков пятьдесят как минимум — плюс бесплатный курс уколов от бешенства — только за то, что я подходил к Мевис Вельд на расстояние вытянутой руки.

Я опасался, что у меня могут возникнуть проблемы с приятелями и друзьями Лэндри, но такой гениальный сыщик, как я, любимый, мог бы и сразу сообразить, что человек, у которого есть настоящие друзья, вряд ли захочет уйти от них в мир, созданный силой его воображения. У Лэндри было всего два друга: жена и сын. И когда они умерли, у него не осталось вообще никого. Были, конечно, знакомые и соседи... но они не заметили разницы. Только женщина из дома напротив время от времени озадаченно посматривает на меня, а ее маленькая дочурка поднимает крик всякий раз, когда я к ней подхожу, хотя раньше я с ней иногда сидел и мы замечательно ладили (так говорит сама женщина, а чего бы ей врать?). Но это так... пустяки.

Я даже общался с литагентом Лэндри, парнем из Нью-Йорка по фамилии Веррилл. Он все допытывается, когда начну новую книгу.

Скоро, говорю я ему. Уже скоро.

В основном я сижу дома. У меня нет никакого желания исследовать мир, в который меня выпихнул Лэндри; я и так вижу больше, чем мне бы хотелось, в процессе своих еженедельных походов до банка и продуктового магазина. Эту кошмарную машину под названием телевизор я задвинул в чулан уже через два часа после того, как научился ею пользоваться. Меня вовсе не удивляет, что Лэндри стремился покинуть этот ужасный стонущий мир с его набором болезней, трагедий и бессмысленного насилия — мир, где в окнах ночных клубов танцуют голые женщины, любовь с которыми может тебя убить.

Нет, в основном я сижу дома. Мне есть чем заняться. Я прочел уже все романы Лэндри. Странное ощущение —

как будто листаешь альбом с любимыми вырезками и фотографиями. И еще я научился работать с его компьютером. Это не как телевизор. Экран похож, но на компьютере ты сам создаешь картинки — те картинки, которые *хочешь* увидеть, потому что ты сам их выдумываешь.

Мне это нравится.

Я готовлюсь. Я практикуюсь в писательском мастерстве: подбираю слова и фразы, переставляю их с места на место, как кусочки в разрезной головоломке. Сегодня утром я написал *почти* то, что надо. Хотите послушать? Вот:

Я поднял взгляд и увидел, что в дверях стоит Теория Смит. Весь поникший и очень несчастный.

— Когда мы в последний раз виделись, мистер Амни, я вам нагрубил. Я пришел извиниться.

С тех пор миновало почти полгода, но Теория совершенно не изменился. То есть ни капельки.

— Ты все еще носишь эти очки.

— Да. Мне сделали операцию, но она не помогла. — Он вздохнул, потом улыбнулся и пожал плечами. Это был тот Теория Смит, которого я знал. — Ну и ладно, мистер Амни... быть слепым — это не так уж и плохо.

Не шедевр, ясное дело. Я все-таки сыщик, а не писатель. Хотя... чего только не сделаешь, если прижмет всерьез. Тем более что по сути своей работа писателя и детектива очень похожа — и тот и другой украдкой подглядывают за людьми. Конечно, часами сидеть в засаде — это не то, что стучать по клавишам, но в итоге ты все равно наблюдаешь за частной жизнью других людей, а потом сообщаешь клиенту... или читателю, в данном случае... о том, что ты видел.

Я учусь писать книги по очень простой причине: мне не хочется здесь оставаться. Можете называть это место Лос-Анджелесом девятьсот девяносто четвертого года, я лично его называю кромешным адом. Здесь отвратительная замороженная еда, которую разогревают в пластиковой коробке под названием «микроволновка», спортивные туфли здесь выглядят как ботинки Франкенштейна, музыка здесь боль-

ше напоминает вопли вороны, которую заживо варят в скороварке...

Короче, здесь *все* не так.

Я хочу получить свою жизнь обратно, хочу вернуть все на свои места. И я, кажется, знаю, как это сделать.

Ты вор и скотина, Сэм... можно мне называть тебя запросто — Сэмом? Знаешь, мне тебя даже жалко. В сущности, ты несчастный уродец. Но ты все-таки вор. И тебе нет никаких оправданий. Я глубоко убежден, что умение создавать не дает права *красть*.

Чем ты сейчас занимаешься, вор? Вкусно обедаешь в ресторане «Пети Дижоне», который ты сам и создал? Спишь с роскошной пышногрудой красоткой, вцепившись в рукав ее шелкового пеньюара? Едешь развлечься в Малибу? Или просто сидишь, развалившись в моем старом рабочем кресле, и наслаждаешься жизнью, в которой нет боли, дерьма и вони? Что ты делаешь в эту минуту?

Я учился писать книги, *очень упорно* учился. Теперь я знаю, как мне вернуться, и не собираюсь засиживаться в этом проклятом мире. Я уже почти вижу тебя.

Завтра утром Клайд и Пеория пойдут завтракать в «Блондиз», который открылся после ремонта. На этот раз Пеория примет приглашение Клайда. Это будет второй шаг.

Да, я почти вижу тебя, Сэм, и очень скоро увижу тебя воочию. Но ты меня не увидишь. Ты меня не увидишь, пока я не выскочу из-за двери моего кабинета и не схвачу тебя за глотку.

На этот раз никто не вернется домой.

ГОЛОВУ НИЖЕ!

Примечание автора

Здесь, мой постоянный читатель, я вмешаюсь, чтобы сообщить тебе, что это не рассказ, а очерк — почти что дневник. Впервые он появился на свет в «Нью-Йоркере» весной 1990 года.

— Голову вниз! Голову держи вниз!

Это далеко не самый трудный фокус в спорте, но любой, кто пытался это сделать, согласится, что штука это достаточно хитрая: круглой битой стукнуть по круглому мячу прямо в точку. Достаточно хитрая, чтобы несколько человек, умеющих хорошо это делать, стали богатыми, знаменитыми и обожаемыми: Хосе Кансекос, Майк Гринвеллз, Кевин Митчеллз. Для тысяч мальчишек (и немалого числа девчонок) кумиры именно они, а не Эксл Роуз или Бобби Браун; постеры с их лицами гордо занимают почетные места на стенах спален и дверцах шкафов. И сегодня Рон Сент-Пьер учит кое-кого из этих мальчишек — мальчишек, которым предстоит отстаивать честь Бангор-Вест-Сайда в первенстве Малой Лиги Третьего округа — как ударять круглой битой по круглому мячу. Сейчас он работает с мальчиком по имени Фред Мур, а мой сын Оуэн стоит рядом и внимательно смотрит. Он следующий в очереди на истязание к Сент-Пьеру. Оуэн широкоплеч и креп-

© Перевод. Левин М. Б., 2000.

ко сбит, как и его старик, а Фред почти до болезненности худ в своем ярко-зеленом джерси. И контакт у него плохо получается.

— Голову ниже, Фред! — кричит ему Сент-Пьер. Он стоит на полпути между горкой и домом на одном из двух полей Малой Лиги на задворках бангорской кокакольной фабрики, а Фред почти возле бэкстопа. День выдался жаркий, но если жара и мешает Фреду или Сент-Пьеру, этого по ним не видно. Они слишком заняты тем, что делают.

— *Вниз* ее! — орет Сент-Пьер и дает тяжелую подачу.

Фред поднуривает. Резко звучит удар алюминия по воловьей шкуре — будто кто-то ударил ложкой по жестяной кружке. Мяч ударяет в бэкстоп, отскакивает и трахает Фреда по шлему сзади. Фред и Сент-Пьер смеются, потом Сент-Пьер достает еще один мяч из стоящего рядом красного пластикового ведра.

— Внимание, Фредди! — кричит он. — Голову ниже!

Третий округ штата Мэн настолько велик, что его разделили на два. Команды округа Пенобскот составляют половину дивизиона, команды из округов Арустук и Вашингтон — другую половину. Детская команда всех звезд отбирается по заслугам из всех команд Малой Лиги. Десятки команд Третьего округа играют в проходящих одновременно турнирах. В конце июля в играх плей-офф определяются две команды, лучшие две из трех, и они сражаются за звание чемпиона округа. Победившая команда представляет округ в играх чемпионата штата, и уже много времени — восемнадцать лет — прошло с тех пор, как в чемпионат вышла команда Бангора.

В этом году чемпионат штата пройдет в Олд-Тауне — это там, где строят каноэ. Четыре из пяти команд-участниц вернутся домой, а пятая будет представлять штат Мэн в восточном региональном турнире — в этом году он пройдет в Бристоле, штат Коннектикут. Кроме *этого*, конечно, есть еще и Вильямспорт в штате Пенсильвания, где будет проведен мировой чемпионат Малой Лиги. Игрокам Бангор-Веста редко приходится задумываться о таких головокружитель-

ных высотах — они будут рады даже победе над Миллинокетом, своим соперником в первом круге в округе Пенобскот. Но тренерам мечтать разрешается — им даже *вменяется в обязанность* мечтать.

На этот раз Фред, потеха всей команды, все-таки *наклоняет* голову вниз. И отбивает низко и слабо не на ту сторону линии первой базы — футов на шесть.

— Смотри, — говорит Сент-Пьер, беря второй мяч и поднимая его вверх. Мяч разлохмаченный, грязный, с зелеными следами травы. И все же это бейсбольный мяч, и Фред смотрит на него с уважением. — Я тебе покажу прием. Где мяч?

— У вас в руке, — ответил Фред.

Сент-Пьер роняет мяч в перчатку.

— А теперь?

— У вас в перчатке.

Сент отворачивается в сторону, подающая рука ползет к перчатке.

— Теперь?

— У вас в руке, я думаю.

— И ты прав. Теперь следи за рукой. Следи за моей рукой, Фред Мур, и жди, пока оттуда покажется мяч. Ты смотришь только на мяч, ни на что другое. Я тебе должен казаться размытым пятном. И вообще, чего тебе на меня смотреть? Тебе что, важно, веселый я или грустный? Нет. Тебе надо только смотреть, как я подам — сбоку, в три четверти или сверху. Ждешь? — Фред кивает. — Смотришь? — Фред снова кивает. — О'кей, — говорит Сент-Пьер и снова привычным жестом кидает тренировочный мяч бэттеру.

На этот раз Фред посылает мяч с настоящей уверенностью: сильно и точно вдоль линии.

— Вот так! — кричит Сент-Пьер. — Вот наконец-то, Фред Мур! — И он вытирает пот со лба. — Следующий бэттер!

Дейв Мэнсфилд, крупный бородатый мужчина, приходящий в парк в летных очках и рубашке с эмблемой универ-

ситетского чемпионата мира и с открытым воротом (талисман на счастье), приносит на игру Бангор-Вест — Миллинокет бумажный пакет. В пакете шестнадцать вымпелов разных цветов. На каждом написано БАНГОР, и у этого слова с одной стороны — омар, с другой — сосна. Каждый объявленный по громкоговорителям игрок Бангор-Веста берет вымпел, бежит через внутреннее поле и вручает его своему противнику с тем же номером.

Дейв — человек громогласный и подвижный; он любит бейсбол и детишек, которые в него играют. По его мнению, у команд «всех звезд» Малой Лиги две цели: развлечься и выиграть. Важны обе, как он говорит, но еще важнее — помнить их правильный порядок. Вымпелы — это не хитрый гамбит, чтобы сбить боевой дух противника, а просто чтобы было веселее. Дейв знает, что ребята обеих команд запомнят игру надолго, и хочет, чтобы у всех мальчишек Миллинокета остался сувенир на память. Все просто.

Игроков Миллинокета этот жест вроде бы удивил, и они не знают, что с этими вымпелами делать, и у кого-то плейер начинает наигрывать версию «Звездного знамени» Аниты Брайант. Кэтчер Миллинокета, почти погребенный под своим снаряжением, находит своеобразный выход: держит вымпел Бангора над сердцем.

Покончив с любезностями, Бангор-Вест устраивает оппонентам тщательную и несомненную порку: финальный счет — 17:7 в пользу Бангор-Веста. Но поражение не снижает ценности сувениров: когда команда Миллинокета отправляется в автобусе, в гостевом дагауте ничего не остается, если не считать пустых пластиковых стаканов и леденцовых оберточек. Вымпелы забраны все до единого.

— Играй на вторую! — кричит Нейл Уотермен, полевой тренер Бангор-Веста. — На вторую, на вторую!

Дело происходит на следующий день после игры с Миллинокетом. Все члены команды приходят на тренировку, но пока еще рано. Отсев тоже неизбежен — не все родители согласны пожертвовать летними планами, чтобы дети могли поиграть в Малой Лиге после окончания регулярного сезо-

на в мае-июне. А иногда и сами ребята не выдерживают постоянной мельницы тренировок. Некоторые предпочитают гонять на великах или скейтах или просто шататься около общественного бассейна и глазеть на девчонок.

— Играй на вторую! — вопит Уотермен.

Это маленький, крепко сбитый человечек в шортах цвета хаки и с подстриженными ежиком волосами, как у типичного тренера. В обычной жизни он — учитель и тренер баскетбольной команды колледжа, но этим летом он пытается втолковать ребятам, что у бейсбола больше общего с шахматами, чем они могли бы подумать. Знай свою игру, повторяет он им снова и снова. Знай, кого ты страхуешь. А самое важное — знай в любой ситуации, на кого ты должен играть. Он терпеливо внушает им истину, которая таится в самом сердце игры: она играется больше умом, чем телом.

Райан Ларробино, центральный филдер Бангор-Веста, сильно отдает Кейси Кинни на вторую базу. Кейси осаливает воображаемого раннера, резко поворачивается и так же сильно отдает в сторону дома, где Дж. Дж. Фиддлер принимает бросок и швыряет мяч обратно Уотермену.

— Дабл-плей! — кричит Уотермен и кидает мяч Мэтту Кинни (они с Кейси не родственники). Мэтт на сегодняшней тренировке играет шорт-стопа. Мяч смешно подпрыгивает и катится мимо центра слева. Мэтт сбивает его вниз, подхватывает и в ту же секунду передает Кейси; тот резко поворачивается и бросает Майку Арнольду, который находится на первой. Майк отдает мяч в дом к Джей-Джею.

— Отлично! — орет Уотермен. — Отлично сделано, Мэтт Кинни! Отлично! Один в один! Ты прикрываешь, Майк Пелки!

Два имени. Всегда эти два имени, чтобы не путать. Команда кишит Мэттами, Майками и ребятами по фамилии Кинни.

Броски выполняются безупречно. Майк Пелки, питчер номер два команды Бангор-Веста, находится именно там, где ему полагается, прикрывая первую. Это действие, о котором он не всегда помнит, но на этот раз не забыл. Сей-

час он лыбится и бежит трусцой обратно к горке, пока Нейл Уотермен готовится отрабатывать следующую комбинацию.

— Такой команды всех звезд Малой Лиги я уже сто лет не видал, — говорит Дейв Мэнсфилд через несколько дней после игры, в которой Бангор-Вест надрал Миллинокет. Он закидывает в рот горсть семечек и начинает их грызть; говорит и сплевывает. — Не думаю, что их кто-то может высадить — по крайней мере не в этом дивизионе.

Он замолкает и смотрит, как Майк Арнольд прорывается с первой к плите бэттера, хватает слабо отбитый мяч и поворачивается в сторону баз. Руку он отводит назад — и не бросает. Майк Пелки все еще у горки — на этот раз он забыл, что должен прикрывать первую, и мешок не защищен. Майк кидает на Дейва виноватый взгляд, но тут же расплывается в солнечной улыбке и готов работать. На следующий раз он сделает все правильно, но вспомнит ли он в игре, что должен делать?

— Конечно, сами себя можем выдрать, — говорит Дейв. — Так оно обычно и бывает. — И тут же ревет, возвысив голос: — *Майк Пелки, где тебя черти носят? Тебе положено первую прикрывать!*

Майк кивает и трусит к базе — лучше поздно, чем никогда.

— Брюер, — говорит Дейв и качает головой. — Брюер на своем поле. Трудно будет. С Брюером *всегда* трудно.

Бангор-Вест Брюера не разносит, но первую «проходную» игру выигрывает без напряжения. Мэтт Кинни, питчер команды номер один, в хорошей форме. Здоровяком его не назовешь, но фастбол у него коварный и непредсказуемый, а крученый бросок — скромный, но эффективный. Рон Сент-Пьер любит повторять, что каждый питчер Малой Лиги в Америке считает, будто у него убийственный крученый бросок.

— Чего они думают — так это что крученый бросок — это выигрывающий маневр. А на самом деле любой хладнокровный бэттер его отбивает намертво.

Но у Мэтта Кинни крученый бросок действительно закручивается, и сегодня он выбивает страйками восьмерых. Важнее, наверное, что он допускает только четыре прохода. Проходы — проклятие тренеров Малой Лиги.

— Они вас гробят, — говорит Нейл Уотермен. — Проходы каждый раз вас гробят. Без исключений. Шестьдесят процентов бэттеров Малой Лиги набирают очки на проходах.

Но не в этой игре: два прохода бэттеров, сделанные Кинни, форсируют раннеров на вторую, еще два раннера засыхают на базах. Из «Брюера» только Дениз Хьюз, центральный филдер, делает сингль в пятом при одном ауте, но ее форсируют на второй.

Когда игра надежно уже закончена, Мэтт Кинни, мрачноватый и почти до странности владеющий собой мальчик, улыбается Дейву (что бывает очень редко), сверкнув аккуратными скобками фиксаторов.

— Она *смогла* сделать хит! — говорит он почти благоговейно.

— Погоди, вот увидишь «Хэмпденов», — сухо отвечает Дейв. — Они *все* это могут.

Появившись семнадцатого июля на поле Бангор-Веста за кокакольной фабрикой, команда Хэмпдена быстро подтверждает, что Дейв был прав. Майк Пелки в хорошей форме и куда лучше себя контролирует, чем в игре с «Миллинокетом», но для ребят из Хэмпдена он большой загадки собой не представляет. Майк Тардиф, крепко сбитый парнишка с на удивление быстрой битой, выбивает третью подачу Пелки за левую ограду поля на двести футов, делая хоумран уже в первом иннинге. Во втором Хэмпден делает еще два рана и ведет со счетом три-ноль.

Но в третьем Бангор-Вест расковывается. Подача у Хэмпдена отличная, хиты они выполняют изумительно, но игра в поле, особенно во внутреннем поле, оставляет желать лучшего. Бангор-Вест делает три хита при пяти ошибках филдеров и двух проходах, добиваясь семи очков. Так чаще всего и играют в Малой Лиге, и семь ранов должно было бы хватить, но не хватает. Противник упрямо сопротивляется,

добиваясь двух очков в своей половине третьего иннинга и еще двух в пятом. Когда Хэмпден выходит нападать в начале шестого, он отстает всего на три очка — 10:7.

Кайл Кинг, двенадцатилетний парнишка, который начинал игру за Хэмпден и потом в пятом ушел на позицию кэтчера, выполняет двухбазовый хит. Потом Майк Пелки выбивает в аут Майка Тардифа. Майк Уэнтворт, новый питчер Хэмпдена, делает сингль глубоким отбивом на шортстопа. Кинг и Уэнтворт перемещаются на пропущенном мяче, но вынуждены остановиться, когда Джефф Карсон отдает его низом питчеру. Отбивать выходит Джош Джеймисон, один из самых опасных в смысле хоумрана игроков Хэмпдена, при двух аутах и двух раннерах на базах. Он может сравнять счет, но Майк, тоже явно усталый, собирается с силами и выбивает его тремя страйками. Игра закончена.

Ребята выстраиваются и радостно хлопают друг друга по рукам, но ясно, что не только Майк выдохся на этой игре — сутулые плечи и повешенные головы больше подошли бы побежденным. Они ведут в своем дивизионе три — ноль, но этот выигрыш был счастливым случаем, игрой из тех, которые и делают соревнования Малой Лиги таким напряженным переживанием для зрителей, тренеров и самих игроков. Обычно уверенно играющий в поле, сегодня «Бангор-Вест» сделал аж девять ошибок.

— Я всю ночь не спал, — бурчит Дейв наутро на тренировке. — Черт побери, нас же переиграли. Мы должны были слить эту игру.

Проходит еще два дня, и у него появляется новый повод для мрачности. Они с Роном Сент-Пьером едут шесть миль в Хэмпден смотреть, как Кайл Кинг и его товарищи играют с Брюером. Это не разведка, Бангор уже играл с обоими клубами, и оба тренера сделали одинаковые заметки. Что они действительно хотят увидеть, как признается Дейв, это как Брюеру повезет и он высадит Хэмпдена. Этого не случается, и им предстает зрелище скорее не игры в бейсбол, а артиллерийских учений.

Джош Джеймисон — тот самый, что проиграл Майку Пелки в критической схватке, засаживает сильнейший хоу-

мран аж на самое тренировочное поле Хэмпдена. И не один Джеймисон. Карсон делает хоумран, Уэнтворт делает хоумран, и Тардиф делает два. Счет 21:9 в пользу Хэмпдена.

На обратном пути в Бангор Дейв Мэнсфилд сгрызает кучу семечек и говорит очень мало. Только раз он пробуждается, когда заруливает свой старый «шевроле» на изрытую грунтовую стоянку возле кокакольной фабрики.

— Нам повезло во вторник, и они это знают, — говорит он. — Когда мы приедем туда в четверг, они будут готовы.

Поля, на которых разыгрываются шестиинниновые драмы Третьего округа, имеют одни и те же размеры, плюс-минус фут там или ворота внешнего поля здесь. Тренеры постоянно таскают в заднем кармане свод правил и то и дело пускают его в ход. Дейв вечно приговаривает, что лишняя проверка никогда не повредит. Внутреннее поле — шестьдесят футов по каждой стороне, квадрат, стоящий на той точке, которая есть дом. Бэкстоп, согласно своду правил, должен быть не ближе восемнадцати футов от плиты дома, чтобы и кэтчер, и раннер имели свой шанс на пропущенный мяч. Изгороди полагается быть на 200 футов от дома. На поле «Бангор-Веста» там на самом деле 210 футов, если считать точно от центра. А в Хэмпдене, на своем поле таких классных хиттеров, как Тардиф или Джеймисон, больше похоже на 180.

Самый незыблемый размер — он же и самый важный: расстояние от резиновой площадки питчера до центра плиты. Сорок шесть футов — ни больше ни меньше. И насчет этого размера никто и никогда не скажет «Ладно, сойдет». Для команд Малой Лиги вопросы жизни и смерти решаются на этих сорока шести футах.

Поле Третьего округа во многих других отношениях отклоняется от стандарта, и быстрый взгляд на него позволяет понять, как относится к игре городская общественность. Состояние поля не радует — бедный родственник, которого вечно обносят при раздаче бюджетного пирога. Грунт — чистая глина, превращающаяся в суп, когда мокро, и в бетон, когда сухо — как вот этим летом. Поливом удается сохранить

почти все внешнее поле зеленым, но внутреннее поле — безнадежно. Вдоль линий пробиваются зеленые кустики травы, но зона между питчером и домом почти полностью лысая. Бэкстоп заржавел, и пропущенные и поданные мимо мячи часто проскакивают в зияющую щель между землей и проволочной сеткой. У линии шортстопа справа и в центре проходят две холмистые дюны, которые создают определенное преимущество хозяевам поля. Игроки Бангор-Веста приноровились к отскоку от них, как левые филдеры «Ред сокс» научились использовать отскоки от Зеленого Монстра. А полевые игроки гостей часто вынуждены гнаться за своими ошибками до самой изгороди.

Поле Брюера, зажатое между местной бакалейной лавкой и магазином уцененных товаров, должно быть признано первым в Новой Англии по старости и ржавости оборудования; младшие братья и сестрицы смотрят на матчи вверх ногами с качелей, опустив головы и болтая ногами в небе.

Поле Боба Била в Мачиасе, с изрытой оспинами шкурой внутреннего поля, самое, наверное, худшее, где придется играть в этом году команде Бангор-Веста, а Хэмпден с ухоженным внешним полем и аккуратно выложенным внутренним — пожалуй, что лучшее. Поле Хэмпдена рядом с местным залом ветеранов, с зоной пикников за оградой центрального поля и с баром, где даже есть туалет, кажется полем богатых сынков. Но внешний вид бывает обманчив. Команда состоит из детей из Ньюбурга и Хэмпдена, а Ньюбург как был, так и остался городом небогатых фермеров. Многие дети прибывают на игры в старых машинах со следами первоначальной покраски вокруг фар и подвязанными проволокой глушителями, загар у этих парней от работы под солнцем, а не от шатаний без дела возле плавательных бассейнов. Городские ребята и сельские. Когда они надевают спортивную форму, не важно, кто из них кто.

Дейв прав: фэны Хэмпдена-Ньюбурга уже ждут. Бангор-Вест последний раз выигрывал первенство Третьего округа в Малой Лиге в семьдесят первом, а Хэмпден — никогда,

и местные фэны все еще надеются, что в этом году это случится, несмотря на проигрыш Бангор-Весту. Впервые команда Бангора ощущает, что играет игру на высадку — она сталкивается лицом к лицу с болельщиками приличных размеров городка.

Начинает Мэтт Кинни. Хэмпден выставляет против него Кайла Кинга, и игра быстро становится редчайшим и прекраснейшим явлением для Малой Лиги: подлинной дуэлью питчеров. К концу третьего иннинга счет по-прежнему нольноль.

Во второй половине четвертого Бангор записывает на свой счет два незаработанных очка, когда инфилдеры Хэмпдена снова лопухнулись. Оуэн Кинг, первый бейзмен Бангор-Веста, выходит отбивать при двух раннерах на базах и двух аутах. Два Кинга — Кайл из Хэмпдена и Оуэн из Бангор-Веста — не родственники. Чтобы это понять, достаточно на них посмотреть. Кайл где-то около пяти футов трех дюймов, и Оуэн Кинг со своими шестью и двумя возвышается над ним, как башня. Такая разница для Малой Лиги настолько велика, что зрителю может показаться, будто он стал жертвой галлюцинации.

Кинг из Бангора резко отбивает низкий мяч на шортстопа. Это как на заказ мяч дабл-плей, но у шортстопа Хэмпдена не получается правильно его сыграть, и Кинг, несмотря на свои двести с чем-то фунтов веса, рвет к первой на предельной скорости, опережая мяч. Майк Пелки и Майк Арнольд мчатся в дом.

Потом в первой половине пятого Мэтт Кинни, сыгравший небрежно, попадает мячом в Криса Уиткомба, восьмого в очереди Хэмпдена. Потом Бретт Джонсон, хиттер номер девять, отбивает сдуру точно на Кейси Кинни, второго бейзмена «Бангора». Это опять-таки как на заказ дабл-плей, но Кейси ошибается. Автоматически опустив руки вниз, он замирает, не донеся их четыре дюйма до земли, и отворачивает лицо от возможного отскока. Одна из самых частых ошибок для полевых игроков Малой Лиги, и одна из самых понятных — чистейший инстинкт самосохранения. Пораженный взгляд, который кидает Кейси в сторону Дейва

и Нейла, пока мяч скачет через центральное поле — завершает этот акт балета.

— Все путем, Кейси! Ничего страшного! — орет Дейв скрипучим самоуверенным голосом янки.

— Новый бэттер! — кричит Нейл, абсолютно не обращая внимания на потерянный вид Кейси. — Новый бэттер! Помни свою игру, мы все еще впереди! Сделай аут! Помни только, что нужно сделать аут!

Кейси встряхивается, возвращаясь мыслью снова к игре, и тут за оградой внешнего поля начинают трубить Клаксоны Хэмпдена. Некоторые принадлежат машинам последних моделей — «тойоты», «хонды» и «додж-кольты» с наклейками на бамперах вроде «США ВОН ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ» или «КОЛИТЕ ДРОВА, А НЕ АТОМЫ». Но основная масса Клаксонов Хэмпдена стоит на легковушках постарше и на пикапах. У многих пикапов ржавые дверцы, ЧМ-приемники под приборными досками и матерчатые навесы над кузовами. Кто же в них сидит и гудит сигналами? Кажется, никто точно не знает. Это не родители или родственники игроков Хэмпдена, те — в сопровождении приличного количества измазанных мороженым младших братьев и сестер — заполняют скамьи и стоят вдоль ограды поля со стороны третьей базы, где находится дагаут команды хозяев. Может, это местные парни, едущие с работы — остановились посмотреть перед тем, как зайти выпить пива рядом в зале ветеранов, а может, призраки игроков прошлых лет Малой Лиги из Хэмпдена, жаждущие столь долгожданного вымпела чемпиона штата. Это кажется вполне возможным — что-то слышится странное и неизбежное одновременно в песне клаксонов. Они трубят гармонично — высокие клаксоны и низкие, несколько туманных сирен, запитанных от садящихся аккумуляторов. Кое-кто из игроков Бангор-Веста тревожно оборачивается на звук.

За бэкстопом местная телевизионная группа готовится к съемке репортажа для вечернего выпуска новостей. Среди зрителей это вызывает оживление, но из играющих почти никто не замечает репортеров, кроме нескольких игроков на скамье Хэмпдена. И уж точно не Мэтт Кинни. Он видит

только следующего бэттера Хэмпдена, Мэтта Кнейда, который похлопывает алюминиевой битой по кроссовке и входит в квадрат отбивать.

Клаксоны Хэмпдена умолкают. Мэтт Кинни делает замах. Кейси Кинни становится в стойку чуть к востоку от второй базы, опустив перчатку. На его лице написана решимость не отвернуться, если мяч будет лететь прямо в глаза. Раннеры Хэмпдена застыли в ожидании на первой и на второй (в Малой Лиге не разрешается бежать при замахе питчера). Зрители на противоположных ветвях поля озабоченно ждут. Разговоры затихают. Бейсбол во всей своей красе (а игра эта очень красивая, такая, за которую не жалко денег на билет) — это такая игра, где спокойные паузы перемежаются резкими и короткими вспышками вдохновения. И болельщики чуют, что такая вот вспышка ждет их сейчас. Мэтт Кинни замахивается и подает.

Кнейд отбивает первую подачу над второй базой, делая однобазовый хит, и счет становится 2:1. Кайл Кинг, питчер Хэмпдена выходит отбивать и посылает низкий быстрый драйв точно назад к горке. Мяч ударяет Мэтта Кинни в левую голень. Мэтт делает инстинктивное движение сыграть мяч, уже запетлявший прочь в неприкрытую зону между шортстопом и третьим бейзменом, и только потом до него доходит, что ему больно, и он складывается пополам. На базах раннеры, но сейчас всем все равно, и как только судья поднимает руки, объявляя тайм-аут, все игроки «Бангор-Веста» тут же сбегаются к Мэтту Кинни. За центральным полем победно трубят Клаксоны Хэмпдена.

У Кинни от боли побелело лицо. Из аптечки ближайшего бара уже притащили пузырь со льдом, и через несколько минут Кинни встает и ковыляет с поля, обхватив руками плечи Дейва и Нейла. Зрители громко и сочувственно аплодируют.

Оуэн Кинг, бывший первый бейзмен, становится новым питчером Бангор-Веста, и первый бэттер, с которым он поведет битву — Майк Тардиф. Когда Тардиф становится в квадрат, Клаксоны Хэмпдена рявкают предвкушающее короткое приветствие. Третья подача Кинга уходит мимо, в бэк-

стоп. Бретт Джонсон направляется к дому, Кинг бросается от горки к плите, как его учили. В дагауте Бангор-Веста Нейл Уотермен, все еще поддерживающий за плечи Мэтта Кинни, заклинает: «Прикрой-прикрой-ПРИКРОЙ!»

Джо Уилкокс, начинавший игру кэтчером за Бангор, на фут короче Кинга, но очень быстр. В начале этого сезона «всех звезд» он не хотел быть кэтчером, и сейчас ему это тоже не нравится, но он притерпелся и прижился в позиции, где мало кто из малорослых игроков долго выдерживает. Даже в Малой Лиге почти все кэтчеры похожи на шкафы. В этой игре он уже успел кинжальным движением руки поймать фалбол. Сейчас он бросается к бэкстопу, сдвинув голой рукой маску и в тот же момент ловя отскочившую подачу. Повернувшись к подушке, он кидает мяч Кингу под дикий — и, как оказывается, преждевременный — победный вопль Клаксонов Хэмпдена.

Джонсон тормозит. На его лице выражение, поразительно похожее на то, что было у Кейси, когда он дал сильному низкому мячу Джонсона пролететь в дыру. Выражение крайней неловкости и тревоги, выражение лица мальчишки, который вдруг хочет оказаться где-нибудь в другом месте. Где угодно.

Джонсон обреченно начинает движение. Кинг принимает бросок Уилкокса, поворачивается с неожиданной победной грацией и запросто осаливает беднягу Джонсона. Потом идет снова к горке, стирая пот со лба, и готовится к новому противостоянию с Тардифом. За его спиной снова смолкают Клаксоны Хэмпдена.

Тардиф отбивает свечой к третьей. Кевин Рошфор, третий бейзмен Бангора, делает в ответ шаг назад. Игра простая, но на его лице страшное выражение отчаяния, и только теперь, когда Рошфор застывает, готовясь словить мяч простой, как бабочка, — только теперь видно, как сильно потрясла команду Бангора травма Мэтта. Мяч падает в перчатку Рошфора и выпадает — Рошфор не смог его схватить и удержать. Кнейд, выдвинувшийся на третью, пока Кинг и Уилкокс разбирались с Рошфором, уже бросается к плите. Рошфор мог бы сделать дабл-плей и выбить Кнейда в аут,

если бы поймал мяч, но в Малой Лиге бейсбол — все та же игра из «если» и «чуть-чуть». Рошфор упустил мяч. Теперь он сильно бросает его к первой. Там Майк Арнольд, и он один из лучших филдеров команды, но ходулей ему не выдали. Тем временем Тардиф пыхтит на вторую. Дуэль питчеров превратилась в самую обыкновенную игру Малой Лиги, и Клаксоны Хэмпдена заливаются радостной какофонией. Команда хозяев уже летит на всех парах к победе, и финальный счет — 9:2. И все же два положительных момента нашлись и для гостей: травма Мэтта Кинни оказалась не серьезной, а когда Кейси Кинни представился второй шанс в следующих иннингах, он не сдрейфил.

Когда был зафиксирован финальный аут, игроки «Бангор-Веста» побрели в свой дагаут и расселись на скамье. Первое поражение, и мало кто мог перенести его с достоинством. Кто со злостью швырнул перчатку под ноги в грязных кроссовках, кто заплакал, кто был к этому близок, и никто не говорил ни слова. Даже Фредди, главный шутник и балагур Бангора, ничего не мог сказать вечером этого черного четверга. За оградой центрального поля слышались удаляющиеся победные Клаксоны Хэмпдена.

Первый заговорил Нейл Уотермен, велев ребятам поднять головы и смотреть на него. Трое уже смотрят: Оуэн Кинг, Райан Ларробино и Мэтт Кинни. После его слов еще половина команды неохотно делает, что сказано. Но несколько человек — в том числе Джон Стивенс, который и сделал последний аут — продолжают упрямо интересоваться собственной обувью.

— А ну-ка, поднять головы! — снова говорит Уотермен, на этот раз громко, но без злости, и теперь уже все взгляды обращены к нему. — Вы отлично играли, — говорит он мягко. — Малость растерялись, и они взяли верх. Бывает. Это не значит, что они играют лучше — и мы это покажем в субботу. Вы проиграли только игру, не больше. Восход солнца на завтра не отменяется. — На скамейке наблюдается шевеление; старое поучение не утратило своей утешающей силы. — Вы сегодня выложились как надо, и это все, что от вас требуется. Я вами горжусь, и вы тоже можете

собой гордиться. Ничего такого не случилось, чтобы головы вешать.

Он делает шаг в сторону, освобождая место Дейву Мэнсфилду, который оглядывает свою команду. Когда он начинает говорить, его обычно громкий голос звучит еще тише, чем голос Уотермена.

— Мы, когда сюда ехали, знали ведь, что им надо нас победить? — спрашивает он задумчиво, будто рассуждает сам с собой. — Если бы они этого не сделали, вылетели бы. В субботу они приедут на наше поле. И тогда *нам* надо будет победить *их*. Вы хотите этого?

Все взгляды устремлены на него.

— Я хочу, чтобы вы запомнили, что говорил вам Нейл, — все так же задумчиво, совсем не так, как он ревет на тренировке, продолжает Дейв. — Вы — команда. Это значит, что вы любите друг друга. Вы любите друг друга, в победе или в поражении, потому что вы — команда.

Скажи кто-нибудь этим ребятам раньше, что они должны любить друг друга, когда находятся на поле, они бы нервно рассмеялись. Сейчас они не смеются. Выдержав вместе Клаксоны Хэмпдена, они начали понимать.

Дейв оглядывает их и кивает.

— О'кей. Собрать снаряжение.

Ребята собирают биты, шлемы, амуницию кэтчера и все прочее в холщовые чехлы. Когда все это грузится в старый зеленый пикап Дейва, кое-кто уже снова смеется.

И Дейв с ними, но по дороге домой он уже не смеется. Дорога сегодня кажется очень долгой.

— Не знаю, сможем ли мы их побить в субботу, — говорит он по пути. Говорит тем же задумчивым тоном. — Я этого хочу, и *они* хотят, но я просто не знаю. Хэмпден сейчас поймал имп.

Имп — это, конечно же, импульс — мистическая сила, которая влияет не только на игры, но и на целый сезон. Бейсболисты — народ суеверный, в какой бы лиге ни играли, и почему-то игроки Бангор-Веста выбрали своим талисманом маленькую пластиковую сандалию — остаток от пуп-

са какого-то юного фэна. И этот дурацкий талисман они назвали Имп. Его цепляют каждый раз к сетке-ограде дагаута, и часто бэттеры касаются его тайком перед тем, как выходить отбивать. Между играми Импа поручают Нику Траскосу, обычно играющему левым филдером. Сегодня он впервые забыл привезти талисман.

— Хорошо бы, чтобы Ник не забыл Импа в субботу, — мрачно говорит Дейв. — Но даже если он не забудет... — Дейв качает головой. — Не знаю. Просто не знаю.

Платы за вход на игры Малой Лиги нет — устав это недвусмысленно запрещает. Вместо этого в четвертом иннинге кто-нибудь из игроков пускает шапку по кругу, собирая пожертвования на снаряжение и уход за полем. В субботу, когда встречаются в Бангоре в финальных играх первенства Малой Лиги округа Пенобскот команды Хэмпдена и Бангора, уже по изменению сбора можно судить, насколько вырос местный интерес к судьбе команды. На матче Бангор — Миллинокет собрали 15 долларов 45 центов, когда же шапка возвращается после пятого иннинга в субботу, она набита мелочью и долларовыми купюрами. Общий сбор составляет 94 доллара 25 центов. Скамейки заполнены, вдоль изгородей стоит народ, автостоянка забита. У Малой Лиги есть одно общее почти с любым американским спортивным или зрелищным предприятием: ничто так не способствует успеху, как успех.

Поначалу дела оборачиваются для Бангора неплохо: команда ведет к концу третьего иннинга 7:3, и тут все идет насмарку. В четвертом иннинге Хэмпден записывает на свой счет шесть очков, почти все честно заработанные. Бангор-Вест не прогибается, как было в Хэмпдене после травмы Мэтта Кинни. Ребята не вешают носа, как сказал Нейл Уотермен. Но когда они выходят отбивать во второй половине шестого иннинга, противник опережает их на два очка: 14:12. Вылет из первенства кажется близким и реальным. Имп на своем обычном месте, но Бангор-Вест все еще в трех аутах от конца сезона.

* * *

Среди ребят, которым после поражения 9:2 в Хэмпдене не приходилось напоминать держать голову выше, Райан Ларробино. Он в этой игре сделал три бола при двух страйках, сыграл хорошо, и ушел с поля, *зная*, что хорошо сыграл. Парень он высокий, спокойный, широкоплечий, с копной темно-каштановых волос. Один из двух прирожденных спортсменов команды Бангор-Вест, а второй — Мэтт Кинни. Они физически почти противоположны — Кинни тощий и подчеркнуто низкорослый, а Ларробино высокий и мускулистый, но у них есть общее качество, в этом возрасте редкое: каждый из них доверяет своему телу. Остальные игроки, как угодно одаренные, относятся к своим ногам и рукам как к шпионам и потенциальным предателям.

Ларробино — из тех ребят, которые кажутся как-то более *уместны*, когда одеты для состязания. Он один из немногих игроков обеих команд, которые, когда натянут шлем бэттера, не напоминают увальней, напяливших мамину кастрюлю. Когда Мэтт Кинни стоит на горке и бросает мяч, он смотрится точно на своем месте. А когда Райан Ларробино входит в правый квадрат бэттера и на миг вытягивает конец биты в сторону питчера перед тем, как принять стойку с битой у правого плеча, он тоже кажется таким, каким и должен быть. Вид у него *правильный* еще до того, как он соберется для первой подачи: можно провести точную прямую через его плечо, бедро и лодыжку. Мэтт Кинни создан, чтобы бросать бейсбольный мяч. Райан Ларробино создан, чтобы его отбивать.

Последний звонок Бангор-Весту. Джефф Карсон, чей хоумран в четвертом иннинге переломил игру и который раньше заменил Майка Уэнтворта на горке, теперь заменен Майком Тардифом. Первым против него выходит Оуэн Кинг. Кинг делает три бола и получает два страйка (промахнувшись к ограде на подаче в землю), потом делает еще один бол, зарабатывая проход. Роджер Фишер идет за ним к плите, заменяя постоянно компанейского Фреда Мура. Роджер — небольшого роста мальчик с индейскими темными глазами и волосами. Кажется, его ничего не стоит выбить

в аут, но впечатление обманчиво: Роджер играет хорошо. Однако сегодня его противник сильнее. Его выбивают тремя страйками.

В поле игроки Хэмпдена зашевелились и стали переглядываться. Они близки к цели, и они это знают. Автостоянка слишком далеко, чтобы могли сказаться Клаксоны Хэмпдена, болельщикам приходится ограничиваться простыми криками ободрения. Две женщины в сиреневых бейсболках Хэмпдена стоят за дагаутом и радостно обнимаются. Еще несколько фэнов похожи на бегунов, ждущих выстрела стартового пистолета — ясно, что они собираются броситься на поле в тот момент, когда их мальчики выбьют Бангор-Вест ко всем чертям.

Джо Уилкокс, который кэтчером быть не хотел, но все же на эту работу попал, однобазовый сингль к середине и в поле левого центра. Кинг останавливается на второй. Выходит Артур Дорр, правый филдер Бангора, одетый в самую старую в мире пару кедов, который за весь день хита не сделал. На этот раз у него получается, но точно на шортстопа Хэмпдена, которому едва пришлось шевельнуться. Шортстоп резко кидает мяч на вторую, надеясь поймать Кинга вне мешка, но удача кончилась. Все же два аута есть.

Фэны Хэмпдена продолжают подбадривать игроков. Женщины за дагаутом подпрыгивают от радости. Где-то еще трубят Клаксоны Хэмпдена, но чуть рановато, и это ясно любому, кто посмотрит на лицо Майка Тардифа, утирающего со лба пот и заправляющего мяч в перчатку.

В правый квадрат бэттера входит Райан Ларробино. У него быстрый и почти от природы совершенный свинг, и даже Рон Сент-Пьер ему мало за него выговаривает.

Первую подачу Тардифа Райан отбивает этим свингом, самым сильным за день — и с винтовочным треском мяч влетает в перчатку Кайла Кинга. Тардиф нарочно дает подачу мимо. Кинг возвращает мяч, Тардиф задумчиво сосредоточивается и подает низко быстрый. Райан провожает мяч взглядом, и судья объявляет второй страйк. Мяч задел внешний угол? Может, и нет, но судья сказал, что так и было, а значит, вопрос закрыт.

Теперь болельщики обеих сторон затихли, да и тренеры тоже. Их просто нет. Остались только Тардиф и Ларробино, балансирующие на краю последнего страйка последнего аута последней игры двух команд. Сорок шесть футов между этими лицами. Только Ларробино смотрит не на *лицо* Тардифа. Он видит только его *перчатку*, и я будто слышу, как Сент-Пьер говорит Фреду: «Тебе надо только смотреть, как я подам — сбоку, в три четверти или сверху».

Ларробино ждет — он должен увидеть, как подаст Тардиф. Тот становится в позицию, и становится слышен далекий топоток теннисных туфель где-то на корте, но здесь — только тишина и резкие черные тени игроков на земле, как силуэты, вырезанные из черного картона, и Ларробино смотрит, как подаст Тардиф.

Тардиф подает сверху. И вдруг Ларробино весь в движении, колени и левое плечо идут чуть вниз, полосой мелькает в лучах солнца алюминий биты. Удар воловьей шкуры по алюминию — дзинь! — как ложкой по жестяной кружке, только сейчас этот звук другой. *Совсем* другой. Не «дзинь», а «хрусть», и мяч высоко в небе, уходит к левому полю — дальний отбив, уже явно уходящий высоко, широко и красиво в воздух летнего дня. Мяч потом найдут на стоянке под машиной футах в двухстах семидесяти пяти от плиты дома.

На лице двенадцатилетнего Майка Тардифа — оглушенное, громом пораженное неверие. Он заглядывает в перчатку, будто надеясь увидеть там мяч, надеясь, что выстрел Ларробино из трагического положения — два страйка при двух аутах — это просто приснившийся кошмар. Женщины за бэкстопом переглядываются в полном недоумении. И полная тишина перед тем мигом, когда орут уже все, когда игроки Бангор-Веста выбегают из дагаута к дому, поджидая бегущего Райана Ларробино, и наваливаются на него с объятиями толпой, когда он прибегает, и только двое сейчас знают, что это действительно случилось. Один из них — сам Райан. И когда он проходит первую, вскидывает руки к плечам в коротком, но выразительном жесте торжества. И когда Оуэн Кинг пересекает плиту в первом из трех ранов, заканчивающих для Хэмпдена этот сезон, понимает и Майк Тар-

диф. И в последний раз в Малой Лиге стоя на позиции питчера, он разражается рыданиями.

— Надо помнить, им только двенадцать, — говорит время от времени один из тренеров, и каждый раз слушатель понимает, что он — Мэнсфилд, Уотермен или Сент-Пьер — напоминает об этом себе самому.

— Когда вы на поле, мы вас будем любить и вы друг друга тоже, — не устает повторять ребятам Уотермен, и теперь, когда чуть не пробил двенадцатый час в игре с Хэмпденом, после победы 15:14, никто уже не смеется. Но он говорит дальше: — Но с этой минуты я буду вас гонять — и сильно. Во время игры вы от меня увидите только одну любовь, что бы ни случилось. Но дома, на тренировках, вы узнаете, как я умею орать. Кто будет партачить — сядет на скамейку. Расслабуха кончилась, парни — все на берег. Начинается работа.

Через несколько дней на тренировке Уотермен дает пушечный отбив направо. По дороге мяч чуть не отрывает нос Артуру Дорру. Артур проверял, застегнута ли у него ширинка, или шнурки на кедах рассматривал, или черт его знает, что еще там делал.

— *Артур!* — орет Нейл Уотермен, и Артур сильнее вздрагивает от его рыка, чем от близкого пролета мяча. — Быстро сюда! На скамейку! Ну!

— Да я... — начинает Артур.

— Быстро сюда! — рявкает Нейл. — Ты не играешь!

Артур хмуро трусит к скамейке, понурив голову, и на его место выходит Джей-Джей Фиддлер. Еще через несколько дней Ник Траскос упускает шанс выбить, когда ему не удается сделать слабый отбив двух подач в пяти попытках или вроде этого. И сам направляется к скамейке с пылающими щеками.

Мачиас, победитель объединенного первенства округов Арустук и Вашингтон, следующий на очереди — два выигрыша в трех играх, и победитель станет чемпионом Третьего округа. Первая игра должна быть на поле Бангора за кокакольной фабрикой, вторая — на поле Боба Била в Ма-

чиасе. Последняя игра, если в ней будет необходимость, будет играться на нейтральном поле где-нибудь между двумя городами.

Как и обещал Нейл Уотермен, как только сыграли национальный гимн и началась первая игра, тренерский состав становится весь — одно сплошное ободрение.

— Все путем, ничего страшного! — кричит Дейв Мэнсфилд, когда Артур Дорр плохо рассчитывает прием длинного удара, и мяч падает у него за спиной. — Делай аут, делай! Брюхом играй! Только давай делаем аут!

Вроде бы никто точно не знает, что значит «играть брюхом», но, раз так выигрываются игры, никто не возражает.

В третьей игре не возникает необходимости. Бангор-Вест сильно выполняет подачи рукой Мэтта Кинни в первой и выигрывает 17:5. Вторую игру оказывается несколько труднее выиграть, но только потому что погода не благоприятствует: при первой попытке разражается затопляющий летний ливень, и Бангор-Весту приходится еще раз ехать 168 миль туда и обратно в Мачиас, чтобы выиграть дивизион. Наконец игра происходит, двадцать девятого июля. Семья Майка Пелки утаскивает питчера номер два Бангор-Веста в Диснейуорлд в Орландо, и уже трех игроков не хватает в команде, но вступает Оуэн Кинг и подает пять иннингов, страйками выбивая восьмерых, пока не устает и не уступает в шестом иннинге место Майку Арнольду. Бангор-Вест выигрывает и становится чемпионом Малой Лиги по Третьему округу.

В такие минуты профессионалы уходят в раздевалки с кондиционером и поливают друг друга шампанским. А команда Бангор-Веста идет в «Хелен», лучший (если не единственный) ресторан в Мачиасе, и устраивает праздничный пир с хот-догами, гамбургерами, галлонами пепси-колы и горами картофельных чипсов. Глядя, как они хохочут, дразнятся и плюются друг в друга бумажными шариками через соломинку, невозможно не подумать, что очень скоро они откроют для себя намного более безвкусный стиль праздников.

Но пока что все о'кей — даже, можно сказать, класс. Они не ошеломлены своим достижением, но чертовски им довольны, чертовски радуются, и они совсем *здешние*. Если этим летом их и коснулось волшебство, они еще этого не знают, и не нашлось такого жестокосердного человека, который сказал бы им, что это может быть. Сейчас они радуются жарено-картошечным простым радостям «Хелен», и этих простых радостей им вполне хватает. Они выиграли дивизион, а чемпионат штата, где будут команды получше из более населенных районов — так это еще только через неделю.

Райан Ларробино переоделся обратно в свою безрукавку. У Артура Дорра на щеке размазан кетчуп. А Оуэн Кинг, вселявший страх в сердца бэттеров Мачиаса, подавая сильный боковой при счете 0:2, булькает в стакан через соломинку. Ник Траскос, умеющий выглядеть самым несчастным на земле мальчиком, когда его что-то не устраивает, сегодня доволен, как слон. А почему бы и нет? Им сегодня двенадцать, и они — победители.

Но нельзя сказать, что они сами на себя не похожи. На полпути обратно из Мачиаса — когда игру отменили из-за дождя — Джей-Джей Фиддлер начинает неспокойно ерзать на заднем сиденье.

— Выйти мне надо, — говорит он. Вцепившись руками в живот, он говорит: — Выйти надо, а то плохо будет.

— Сейчас Джей-Джей будет исполнять! — радостно кричит Джо Уилкокс. — Внимание, Джей-Джей топит автомобиль!

— Заткнулся бы ты, Джоуи, — говорит Джей-Джей и снова начинает ерзать.

Со своим заявлением он промедлил до последнего худшего момента. Восьмидесятимильный путь от Бангора до Мачиаса вообще почти всюду пуст. Даже нет приличной купы деревьев, где мог бы скрыться на время Джей-Джей. На этой прямой дороге — только мили и мили открытых лугов, среди которых петляет шоссе IA.

И когда пузырь Джей-Джея готов уже взорваться, милосердное Провидение ниспосылает бензозаправку. Помощник тренера резко туда заруливает и открывает бак, пока Джей-Джей мчится в туалет.

— Ну и ну! — говорит он, откидывая со лба волосы на пути бегом к машине. — Еще бы чуть-чуть...

— У тебя что-то на штанах, — небрежно замечает Джо Уилкокс, и все покатываются от хохота, когда Джей-Джей кидается смотреть.

На следующий день по дороге в Мачиас Мэтт Кинни открывает одну из главных приманок журнала «Пипл» для ребят возраста игроков Малой Лиги.

— Точно здесь одна есть, — говорит он, медленно перелистывая найденный на заднем сиденье номер. — Почти всегда есть.

— Чего есть? Что ты там ищешь? — спрашивает третий бейзмен Кевин Рошфор, заглядывая Мэтту через плечо, а тот перелистывает портреты знаменитостей недели, едва на них глянув.

— Реклама бюстгальтеров, — объясняет Мэтт. — Видно не все, но много. Вот! — Он триумфально поднимает журнал.

Еще четыре головы, каждая в красной бейсболке Бангор-Веста, стукаются друг о друга над журналом. По крайней мере на несколько минут бейсбол — это последнее, что их сейчас интересует.

Бейсбольный чемпионат штата Мэн Малой Лиги 1989 года начинается третьего августа, как раз через четыре недели после начала матчей команд городов. Штат поделен на пять округов, и все пять посылают команды в Олд-Таун, где будет турнир в этом году. Участвуют: Ярмут, Белфаст, Льюистон, Йорк и Бангор-Вест. Все команды, кроме Белфаста, больше, чем сборная Бангор-Веста, а у Белфаста, считается, есть секретное оружие. Их питчер номер один — вундеркинд этого года.

Называние вундеркинда турнира — это ежегодная церемония, маленький нарост, отвергающий все попытки его удалить. Мальчик, который получает титул «Мальчик-Бейсбол», хочет он этой чести или нет, после этого оказывается в свете прожектора, в центре дискуссий, предположений и — неизбежно — пари. Кроме того, он оказывается в незавидном положении — в центре всей предтурнирной шумихи.

Турнир Малой Лиги — это для любого мальчишки большая нагрузка, а если, прибыв в город, где будет турнир, ты оказываешься еще и легендой момента, это обычно слишком много.

В этом году объектом легенд и обсуждений оказался левша из Белфаста Стенли Стерджис. В своих двух выступлениях за Белфаст он записал на свой счет тридцать выбитых страйками — четырнадцать в первой игре, шестнадцать во второй. Тридцать «К» в двух играх — результат впечатляющий в любой лиге, но чтобы полностью понять результат Стерджиса, следует вспомнить, что в Малой Лиге игра состоит всего из шести иннингов. Это означает, что 83 процента аутов Белфаста записано, когда Стерджис стоял на горке и делал страйки.

Потом есть еще Йорк. Все команды, пришедшие на поле «Рыцарей Колумба» в Олд-Тауне сражаться в турнире, имеют отличную историю, но Йорк, непобедимый — он явный фаворит в битве за путевку в первенство Восточного Региона. Гигантов в команде нет, но есть ребята ростом больше пяти футов десяти дюймов, а у лучшего их питчера, Фила Тарбокса, фастбол бывает быстрее семидесяти миль в час — выдающийся результат по стандартам Малой Лиги. Как и игроки Ярмута и Белфаста, бейсболисты Йорка одеты в специальную форму сборных и беговые туфли, отчего похожи на профессионалов.

И только Бангор-Вест и Льюистон вышли кто в чем — шорты разных цветов с названиями спонсоров. Оуэн Кинг одет в оранжевые с эмблемой «Элк», Райан Ларробино и Ник Траскос — в красные «Бангор Гидро», Роджер Фишер и Фред Мур — зеленые «Лайонс», и так далее. Команда Льюистона одета похоже, но они хотя бы подобрали обувь и гетры под цвет. По сравнению с Льюистоном команда Бангор-Веста, одетая в различные мешковатые серые гетры и неописуемые кроссовки, выглядит эксцентрично. По сравнению с другими командами ребята выглядят полными оборванцами. В первой своей статье о турнире местная газета посвящает больше строк одному только Стерджису из Белфаста, чем всей команде Бангор-Веста.

Дейв, Нейл и Сент-Пьер — странный, но неожиданно действенный мозговой трест, доведший команду до этих рубежей, — смотрит, как занимает внутреннее поле и тренируется команда Белфаста, и говорят они при этом мало. Ребята из Белфаста выглядят потрясающе в новых сиреневых с белым униформах — униформах, на которых даже пятнышка земли внутреннего поля до сегодняшнего дня не было. Наконец Дейв говорит:

— Ладно, все же мы снова сюда попали. Это мы сделали, и этого у нас никто не отнимет.

Команда Бангор-Веста принадлежит к округу, в котором в этом году проводится турнир, и ей не придется играть, пока не выбудут две из пяти команд. Это называется преимуществом первого раунда, и это главное, если не единственное сейчас преимущество команды. В своем округе они смотрелись чемпионами (если не считать той ужасной игры с Хэмпденом), но Дейв, Нейл и Сент-Пьер достаточно повидали, чтобы понимать: здесь они смотрят на бейсбол совсем другого класса. И их молчание, когда они наблюдают за тренировкой Белфаста, это красноречиво подтверждает.

А Йорк, наоборот, уже заказал значки Четвертого округа. На региональных турнирах обмен значками — традиция, и тот факт, что Йорк уже ими запасся, говорит о многом. Это значит, что Йорк собирается играть с лучшими командами Восточного Побережья, в Бристоле. Это значит, что Йорк не думает, будто его может остановить Ярмут, или Белфаст со своим вундеркиндом, или Льюистон, который протиснулся к своему чемпионскому титулу Второго округа через ворота для неудачников, осилив первую игру со счетом 15:12, и уж меньше всего эти оборванцы из западной половины Бангора.

— По крайней мере у нас есть шанс поиграть, — говорит Дейв, — и мы постараемся, чтобы они запомнили, что мы здесь тоже были.

Но сначала шанс поиграть предоставляется Белфасту и Льюистону, и когда проскрипела запись национального гимна и пользующийся некоторой известностью местный

писатель бросил обязательную первую подачу (она проскакала до самого бэкстопа), игра началась.

Местные спортивные репортеры много чернил пролили насчет Стенли Стерджиса, но репортеров не пускают на поле после начала игры (некоторые из них считают, что это просто ошиблись, когда впервые записывали правила). И когда судья дает команду играть, Стерджис оказывается один. Писатели, знатоки и вся вообще общественность Белфаста осталась с той стороны изгороди.

Бейсбол — спорт командный, но в центре каждого алмаза стоит только один игрок с мячом, и только один игрок с битой в нижней точке алмаза. Человек с битой меняется, но питчер остается все тот же — пока еще может подавать, конечно. Сегодня день, когда Стену Стерджису откроется горькая истина турнира: рано или поздно каждый вундеркинд нарывается на равного соперника.

В последних двух играх Стерджис выбил тридцать человек, но это было во Втором округе. А команда, с которой играет сегодня Белфаст, крутые забияки из Лиги Эллиот Авеню Льюистона — это совсем другой компот. Они не такие здоровые, как ребята из Йорка, и не так гладко играют в поле, как команда Ярмута, но они въедливы и упорны. Первый бэттер, Карлтон Ганьон, олицетворяет собой дух команды: цепляться когтями и зубами. Он синглюет в середину, крадет вторую базу, на жертве бэттера попадает на третью и мчится в дом на пропущенном мяче.

В третьем иннинге при счете 1:0 Ганьон снова добирается до базы, на этот раз по выбору филдера. Рэнди Жерве, который за этой чумой идет по очереди, вылетает в аут, но еще до того Ганьон добирается до второй на пропущенном кэтчером мяче и крадет третью. Он записывает очко на двухбазовом хите Билла Парадиза, третьего бейзмена.

Белфаст делает ран в четвертом, но Льюистон догоняет, и Стерджис уходит навсегда, сделав два в пятом и еще четыре в шестом. Финальный счет 9:1. Стерджис выбивает одиннадцать, но дает семь хитов, а Карлтон Ганьон, питчер Льюистона, выбивает восемь и позволяет сделать только три хита. Когда в конце игры Стерджис покидает поле, у него

вид одновременно и подавленный, и освобожденный. Для него шумиха закончилась. Он может перестать быть газетным заголовком и стать снова мальчишкой. И по его лицу видно, что он видит в этом определенные преимущества.

Потом в битве гигантов фаворит турнира Йорк выдает по первое число Ярмуту. Потом все расходятся по домам (или по мотелям и принимающим семьям, если речь идет о командах гостей). Завтра, в пятницу, придет очередь играть Бангор-Весту, а Йорк будет ждать встречи с победителем.

Наступает пятница — жаркая, туманная и пасмурная. С самого рассвета собирается дождь, и где-то за час до вызова в квадрат Бангор-Веста и Льюистона он начинается. Когда такая погода случилась в Мачиасе, игру отменили сразу же. Здесь не так. Тут поле не такое — на нем вместо грязи трава, но дело не только в этом. Главный фактор — телевидение. В этом году две телестанции впервые объединили усилия и будут передавать турнир днем в субботу на весь штат. Если отложить полуфинал между Бангором и Льюистоном, начнутся хлопоты с расписанием, а даже в штате Мэн, даже в самом любительском из любительских видов спорта если с чем и нельзя баловаться, так это с расписанием телепередач.

И потому команды Бангор-Веста и Льюистона не отпускают, когда они приезжают. Вместо этого они сидят в машинах или под полосатыми холщовыми навесами центрального буфета. Они ждут перерыва дождя. Ждут. И ждут. Конечно, ими овладевает беспокойство. До конца своей спортивной карьеры многие из этих ребят будут играть и в играх позначительнее, но на сегодня это для них самая важная игра, и они напряжены по максимуму.

Наконец кого-то осеняет. Несколько кратких телефонных звонков — и два школьных автобуса Олд-Тауна, посверкивая ярко-желтым под проливным дождем, подъезжают к местному клубу «Элкс», и игроков увозят на экскурсию на фабрику каноэ Олд-Тауна и на местную бумажную фабрику компании «Джеймс Ривер» (компания «Джеймс Ривер» — главный покупатель рекламного времени в грядущих пере-

дачах чемпионата). Никто из игроков не выражает особого удовольствия, залезая в автобус, и когда они возвращаются, вид у них тоже не намного довольнее. У каждого игрока под мышкой — сувенирное весло для каноэ, подходящего размера для крупного эльфа. Что делать с этими веслами — никто из ребят себе толком не представляет, но когда я потом проверяю, ни одного уже нет — как вымпелов Бангора после игры с Миллинокетом. Бесплатные сувениры — штука неплохая.

А теперь, кажется, игра все-таки будет. В какой-то момент — может, когда игроки Малой Лиги смотрели, как мужики на фабрике превращают деревья в туалетную бумагу, — дождь перестал. Поле хорошо дренировано, горку питчера и квадраты бэттеров посыпали сушащим порошком, и теперь, уже после трех часов дня, среди облаков выглянуло слезящееся солнце.

Команда Бангор-Веста возвратилась с экскурсии никакая. Никто мяча не бросил, битой не взмахнул и к базе ни разу не пробежал, но ребята уже, кажется, выдохлись. Они идут к разминочному полю, не глядя друг на друга, перчатки болтаются на руках. Идут, как побитые, и разговаривают, как побитые.

Вместо того, чтобы их отчитывать, Дейв выстраивает их и выдает свою версию воодушевительной речи. И вскоре бейсболисты Бангора уже дразнят друг друга, вопят, выделывают цирковые трюки, стонут и огрызаются, когда Дейв ловит кого-то на ошибке и посылает в конец очереди. И как раз перед тем, как Дейв собирается объявить разминку оконченной и отправить их Нейлу и Сент-Пьеру отрабатывать отбивы, из ряда выходит Роджер Фишер и сгибается пополам, прижав перчатку к животу. Дейв тут же подскакивает, улыбку на его лице сменяет озабоченность. Он спрашивает Роджера, что с ним.

— Да ничего, — отвечает Роджер. — Я просто вот это хочу сорвать.

Он еще сгибается, внимательно глядя темными глазами, срывает что-то в траве и протягивает Дейву. Это четырехлистный клевер.

* * *

В турнирных играх Малой Лиги команда — хозяин поля всегда определяется бросанием монеты. Дейву невероятно везет в этих жребиях, но не сегодня, и Бангор-Вест становится командой гостей. Но иногда даже невезение бывает к счастью, и сегодня как раз такой случай. А причина тому — Ник Траскос.

За этот шестинедельный сезон все игроки прибавили в технике, но некоторые прибавили еще и в отношении к игре. Ник начал сезон в самом конце скамейки запасных, несмотря на свое искусство защитника и потенциал хиттера — он то боялся, то допускал грубейшие промахи и играть толком не мог. Но мало-помалу он начал доверять себе, и теперь Дейв готов его ставить на игру.

— Ник наконец понял, что ребята не будут его бить, если он упустит мяч или сам вылетит в аут, — говорит Сент-Пьер. — Для такого пацана, как Ник, — крупная перемена.

Сегодня Ник посылает третью подачу игры свечой глубоко в центральное поле. Это сильный, восходящий драйв вдоль линии, через изгородь, и он улетает раньше, чем центральный филдер успевает повернуться и проводить его взглядом, не говоря уже о том, чтобы бежать назад и поймать. Когда Ник Траскос обегает вторую и замедляет ход, переходя на ту рысцу хоумрана, которую все ребята так хорошо знают из телепередач, болельщики за бэкстопом наблюдают редчайшее зрелище: Ник улыбается. Когда он влетает на плиту дома и удивленные товарищи по команде кидаются к нему с объятиями, он начинает по-настоящему смеяться. Когда он входит в дагаут, Нейл его хлопает по спине, а Дейв Мэнсфилд коротко и сильно обнимает.

Ник уже закончил, когда Дейв начал свою воодушевляющую речь: команда проснулась и готова заняться делом. Мэтт Кинни дает сделать первый сингл Карлу Ганьону — той самой заразе, который начал процесс развенчания Стенли Стерджиса. Ганьон идет на вторую на жертве Райана Стреттона, перемещается на третью на ушедшей мимо подаче и записывает очко на еще одной. Это почти невероятное повторение его первого отбива в игре с Белфастом. Кинни

не очень хорошо сегодня собой владеет, но хоумран Ганьона — единственный, который на этой ранней стадии записывает на свой счет Льюистон. И это для них неудача, потому что Бангор начинает выбивать хиты в первой половине второго.

Оуэн Кинг начинает с глубокого сингля, Артур Дорр следует за ним с еще одним, Майк Арнольд успевает к базе, пока кэтчер Льюистона Джейсон Огер подбирает слабый отбив Арнольда и кидает в сторону первой базы. Кинг забегает в дом на ошибке филдеров, выводит Бангор-Вест снова вперед, 2:1. Джо Уилкокс, кэтчер Бангора, выцарапывает хит во внутреннее поле, занимая базы. Ник Траскос выходит в аут на своем втором отбиве, и теперь в квадрат выходит Ларробино. На первом выходе его выбили, но не на этот раз. Он превращает подачу Мэтта Нойеса в сильнейший хоумран, и после полутора иннингов счет 6:1 в пользу Бангор-Веста.

И вплоть до шестого для Бангора — настоящий день четырехлистного клевера. Когда Льюистон выходит отбивать, как думают болельщики Бангора — в последний раз, он проигрывает со счетом 9:1. Эта чума, Карлтон Ганьон, на ошибке филдера выходит на базу. Следующий бэттер, Райан Стреттон, тоже выходит к базе на ошибке. Болельщики Бангора, уже дико ликовавшие, начинают беспокоиться. Прореть, ведя на восемь очков, трудно, но не невозможно. Эти болельщики «Нью инглендер» и «Ред сокс» не раз видели, как это бывает.

Волнение усиливает Билл Парадиз, сделав резкий сингль в середину. И Ганьон, и Стреттон бегут в дом. Счет становится 9:3, раннер на первой базе, аутов нет. Болельщики Бангора ерзают и переглядываются. «Ведь не может быть, чтобы мы уже под самый конец игру проиграли?» — читается у них в глазах. Ответ простой: «Еще как может быть». В Малой Лиге может случиться что угодно, и часто случается.

Но не в этот раз. Льюистон зарабатывает еще очко, и все. Нойес, три раза промахнувшийся на подачах Стерджиса, промахивается сегодня третий раз, и это первый аут. Огер, кэтчер Льюистона, сильно отбивает первую подачу на шорт-

стопа, Роджера Фишера. Роджер пропуделял уже в этом иннинге мяч от Карла Ганьона, но этот он ловит запросто и кидает Майку Арнольду, а тот переправляет Оуэну Кингу на первую. Огер не быстр, а руки у Кинга длинные. В результате — дабл-плей: шортстоп — второй бейзмен — первый бейзмен, и игра кончается. Нечасто случается увидеть обходной дабл-плей в уменьшенном мире Малой Лиги, где путь между базами всего шестьдесят футов, но сегодня Роджер нашел четырехлистный клевер. Если вам нужно чем-то объяснить чудо, то эта причина не хуже всякой другой. На что бы ни списывать, но ребята из Бангора побеждают со счетом 9:4.

Завтра им играть с гигантами Йорка.

Наступает пятое августа 1989 года, и в штате Мэн только двадцать девять ребят играют в бейсбол в Малой Лиге: четырнадцать из Бангор-Веста, и пятнадцать — в команде Йорка. День почти полностью повторяет вчерашний: жаркий, парной и угрожающий. Игра намечена точно на 12:30, но снова разверзаются небеса, и к одиннадцати очень похоже, что игра будет — не может не быть — отменена. Дождь льет как из ведра.

Но Дейв, Нейл и Сент-Пьер не желают рисковать. Никому из них не по душе унылое настроение, в котором вернулись вчера ребята с неожиданной экскурсии, и повторять такой опыт они не намерены. Сегодня никто не рассчитывает на воодушевляющую речь или четырехлистный клевер. Если игра будет — а телевидение — это очень мощный мотив для нее, — она пойдет ва-банк. Победители поедут в Бристоль, побежденные — домой.

И потому импровизированная кавалькада пикапов и фургонов, ведомая тренерами и родителями, собирается на поле за кокакольной фабрикой, а потом команду везут за десять миль в крытый зал Университета Мэна, похожий на сарай, и там Нейл с Сент-Пьером задают ребятам разминку, от которой те покрываются потом. Дейв договорился, что команда Йорка тоже воспользуется этим залом, и команда Бангора выходит прямо навстречу вступающей в зал команде Йорка, одетой в ловко пригнанные униформы.

К трем часам дня дождь практически прекратился, и рабочие поля отчаянно трудятся, стараясь вернуть площадку в пригодное состояние. Вокруг поля соорудили пять платформ на стальных рамах — для телевидения. На автостоянке торчит большой фургон с надписью на борту: «ТЕЛЕВЕЩАНИЕ ШТАТА МЭН, ПРЯМОЙ ЭФИР». От телекамер и временной кабины диктора к этому фургону тянутся плети кабелей, перехваченные изолентой. Дверь фургона распахнута, внутри горят телемониторы.

Йорк еще не вернулся из зала. Команда Бангор-Веста начинает перебрасываться мячом с внешней стороны изгороди левого поля — просто надо чем-то заняться, чтобы приглушить мандраж; после часа, проведенного в зале, разогрев им уже не нужен. Операторы стоят на своих вышках и смотрят, как служители пытаются высушить грунт.

Внешнее поле в отличном виде, а края внутреннего поля уже разровняли граблями и посыпали сушителем. Гораздо серьезнее дело с зоной между плитой дома и горкой питчера. Этот сектор алмаза засеяли недавно, перед турниром, и не было времени, чтобы корни схватились и создали естественный дренаж. В результате получилось болото перед плитой дома — месиво, доплескивающее до линии третьей базы.

У кого-то возникает идея — как потом оказывается, настоящее вдохновение — просто убрать грунт с большого сектора пораженного поля. В процессе этой работы прибывает грузовик из Олд-Таунской школы, и оттуда выгружаются два промышленных моющих пылесоса. Еще через пять минут служители буквально отсасывают воду с внутреннего поля. И это помогает. В 15.25 они заменяют куски дерна, как будто складывают большую зеленую мозаику. В 15.35 местная учительница музыки, аккомпанируя себе на акустической гитаре, великолепно исполняет «Звездно-полосатое знамя». И в 15.37 уже разогревается Роджер Фишер из Бангор-Веста, темная лошадка, которую выбрал Дейв для старта в отсутствие Майка Пелки. Это, что ли, из-за вчерашней находки Роджера Дейв выбрал его, а не Кинга и не Арнольда? Дейв только чешет нос пальцем и загадочно улыбается.

В 15.40 на поле вступает судья.

— Мяч на разминку, кэтчер, — бросает он энергично. Джоуи выполняет. Майк Арнольд размашистым движением осаливает невидимого раннера, потом посылает мяч в быстрое путешествие вокруг внутреннего поля. Телеаудитория, растянувшаяся от Нью-Хэмпшира до провинций Маритим Канады, смотрит, как Роджер нервно одергивает рукава зеленой куртки и серой теплой рубашки для разминки. Оуэн Кинг кидает ему мяч с первой базы. Фишер принимает и держит мяч возле бедра.

— Прошу мяч на игру, — приглашает судья — такое приглашение судьи распространили на членов Малой Лиги еще пятьдесят лет назад, и Дэн Боучард, кэтчер и выводящий хиттер Йорка, становится в квадрат. Роджер выходит на позицию и готовится бросать первую подачу финальной игры чемпионата штата 1989 года.

За пять дней до того:

Мы с Дейвом везем питчеров Бангора в Олд-Таун. Дейв хочет, чтобы они почувствовали тамошнюю горку до настоящей игры. Поскольку Майка Пелки нет, группа питчеров состоит из Мэтта Кинни (до его триумфа против Льюистона еще четыре дня), Оуэна Кинга, Роджера Фишера и Майка Арнольда. Начинаем мы поздно, и пока ребята бросают по очереди, мы с Дейвом сидим в гостевом дагауте, глядя на мальчишек, а тем временем с летнего вечернего неба медленно уходит свет.

На горке Мэтт Кинни раз за разом бросает крученые Джей-Джею Фиддлеру. В дагауте хозяев еще три питчера (они закончили тренировку) сидят на скамье с несколькими товарищами по команде, приехавшими поболеть. Хотя их разговор доносится до меня только обрывками, можно разобрать, что в основном речь идет о школе — тема, все чаще возникающая в последний месяц каникул. Говорят об учителях бывших и будущих, передают рассказы, составляющие важную часть подростковой мифологии: про учительницу, которая за последний год совершенно озверела, потому что ее старший сын попал в автомобильную аварию,

про психованного физкультурника в младших классах (в рассказах он предстает смертоносной комбинацией Джейсона, Фредди и Лезерфейса), про преподавателя естествознания, который (говорят) однажды так приложил ученика головой об шкаф, что парнишка потерял сознание, про учителя на продленке, который мог дать человеку деньги на завтрак, если тот их забыл или даже если скажет, что забыл. Апокрифы средней школы — вещь серьезная, и они их с увлечением друг другу пересказывают в сгущающихся сумерках.

А между двумя дагаутами белой полосой летает снова и снова бросаемый Мэттом мяч. Ритм почти гипнотизирует: стойка, замах, бросок. Стойка, замах, бросок. Стойка, замах, бросок. При каждом приеме раздается треск ловушки Джей-Джея Фиддлера.

— Что у них останется? — спрашиваю я Дейва. — Когда все это кончится, что они возьмут с собой? Как вы думаете, что для них изменится?

Дейв удивленно задумывается. Потом поворачивается, глядит на Мэтта и улыбается.

— Они друг друга с собой возьмут, — отвечает он.

Не тот ответ, которого я ожидал, — далеко не тот. В сегодняшней газете есть статья о Малой Лиге — оазис мысли, которые иногда попадаются в захламленной рекламой пустыне между некрологами и гороскопами. В том, о котором я говорю, суммировались наблюдения социолога, который целый сезон следил за играми Малой Лиги и некоторое время потом — за судьбой игроков. Он хотел узнать, действительно ли игра дает то, что утверждают энтузиасты Малой Лиги — то есть такие старомодные американские ценности, как честная игра, усердная работа и доблесть командной игры. Автор статьи сообщал, что да, в этом роде. Но еще он говорил, что Малая Лига *каждого* игрока меняет мало. Школьные озорники остаются таковыми, когда начинаются уроки, успевающие ученики продолжают успевать, шуты класса (то есть Фред Мур), серьезно игравшие в Малой Лиге весь июнь и июль, снова становятся шутами после Дня труда. Социолог нашел и исключения: исключительная игра

порождает иногда исключительные изменения. Но в общем, считает ученый, ребята остаются такими же, как были.

Наверное, мое недоумение при ответе Дейва вызвано тем, что я его знаю: он — почти фанатический энтузиаст Малой Лиги. Я уверен, что он эту статью читал, и думал, что он, оттолкнувшись от моего вопроса как от трамплина, начнет громить социолога. А вместо этого он мне подкидывает один из самых замшелых спортивных штампов.

А на горке Мэтт все бросает мячи Джей-Джею, теперь еще сильнее. Он нашел тот таинственный режим, которые питчеры называют «колея», и хотя это всего лишь тренировка для ознакомления с полем, он не хочет прекращать.

Я прошу Дейва объяснить чуть подробнее, но делаю это очень осторожно, наполовину ожидая, что на меня опрокинется ранее мною не заподозренная бочка со штампами: ночные совы не летают днем, победители не отступают, а отступишь — не победишь, в трудностях закаляются... бр-р!

— А вы посмотрите на них, — говорит Дейв, улыбаясь по-прежнему. И что-то в его улыбке говорит, что он прочел мою мысль. — Посмотрите как следует.

Я смотрю. Их на скамейке где-то полдюжины, они все еще смеются и травят школьные байки. Кто-то отрывается от этого занятия и просит Мэтта Кинни подать крученый, и Мэтт подает — с по-настоящему непредсказуемым изменением направления. Ребята на скамейке смеются и хлопают.

— На этих двух ребят посмотрите, — говорит Дейв и показывает рукой. — Один из хорошей семьи, другой — ну, не из такой хорошей. — Закинув в рот горсть семечек, он показывает на второго. — Или вот этот. Он родился в одном из самых мерзких кварталов Бостона. Как вы думаете, он бы мог узнать таких ребят, как Мэтт Кинни или Кевин Рошфор, если бы не Малая Лига? Они в школе не будут в одном классе, не встретятся в спортивных залах, и каждый из них понятия не имел бы вообще, что другой живет на свете.

Мэтт снова кидает крученый, да такой неудобный, что Джей-Джей с ним не справляется. Он катится до самого

бэкстопа, и когда Джей-Джей подхватывается и бежит за ним, ребята снова хлопают.

— Но тут все меняется, — говорит Дейв. — Эти ребята вместе играли и вместе выиграли округ. Из них кто-то из зажиточных семей, а у других семьи беднее церковных крыс, но когда они надевают форму и переступают меловую черту, все это остается с той стороны. Между меловыми полосами тебе не помогут школьные оценки и мало пользы в том, что делают твои родители или чего они не делают. Что произойдет между полосами — дело самих ребят, и только их. И они этим делом занимаются изо всех сил. Все это, — Дейв отмахивается рукой, — остается там. И они это тоже знают. Посмотрите на них, если не верите — доказательство у вас перед глазами.

Я гляжу на ту сторону поля и вижу своего парня с одним из тех ребят, о которых говорил Дейв, и они что-то серьезно обсуждают. Потом изумленно глядят друг на друга и разражаются смехом.

— Они вместе играли, — говорит Дейв. — Вместе тренировались день за днем, а это, может, еще важнее, чем игра. Теперь они вышли в первенство штата. У них даже есть шанс его выиграть. Я не думаю, что это получится, но и не важно. Они там будут, и этого достаточно. Даже если Льюистон высадит их в первом круге, все равно. Потому что они все вместе что-то делали между меловыми полосами. И это они запомнят. Запомнят это чувство.

— Между меловыми полосами, — говорю я, и тут до меня доходит. Дейв Мэнсфилд в этот старый штамп *верит*. И не только: он может себе позволить в него верить. Для взрослых команд это может быть пустая фраза — там один или другой игрок время от времени показывает положительный допинг-тест, а единственный, кто играет бесплатно — Господь Бог, но тут не взрослые команды. Здесь Анита Брайант поет национальный гимн через разбитые динамики, прикрученные проволокой к загородке за дагаутом. Здесь ты не платишь за входной билет, а бросаешь деньги в шляпу, которая идет по кругу. Это если хочешь, конечно. Из этих ребят никто не будет вне сезона играть в непонятный

бейсбол с ожиревшими бизнесменами во Флориде или подписывать дорогие бейсбольные карточки на распродаже сувениров. Когда все бесплатно — так говорит улыбка Дейва, — приходится вернуть обратно истертые фразы и снова дать им над собой власть, честно и без дураков. Тебе снова можно верить в Реда Барбера, Джона Тьюниса и Мальчишку из Томкинсвиля. Дейв Мэнсфилд верит в свои слова, когда говорит о равенстве ребят между меловыми полосами, и имеет право верить, потому что он, и Нейл, и Сент-Пьер терпеливо вели этих ребят к точке, где те в это поверили. Они верят, и это я вижу на лицах мальчишек, сидящих на дальней стороне алмаза. Вот почему Дейв Мэнсфилд и все другие дейвы мэнсфилды по всей стране продолжают делать это год за годом. Это свободный вход — не обратно в детство, так не бывает — но обратно в мечту.

Дейв на секунду замолкает, задумавшись, подбрасывая на ладони несколько семечек.

— Дело не в победе или поражении, — говорит он наконец. — Это потом. Дело в том, как они разойдутся в этом году в коридоре, или даже на дороге в школу, переглянутся вспомнят. В каком-то смысле они еще долго будут командой, которая выиграла первенство округа в 1989 году. — Дейв смотрит в скрытый уже тенью дагаут первой базы, где сейчас смеются над чем-то Фред Мур и Майкл Арнольд. Оуэн Кинг переводит взгляд с одного на другого и ухмыляется. — Дело тут в том, чтобы ты знал, кто твои друзья по команде. Люди, от которых тебе пришлось зависеть, хотел ты этого или нет.

Он смотрит, как смеются и шутят ребята за четыре дня до начала турнира, потом возвышает голос и говорит Мэтту бросить еще четыре-пять мячей и завязывать.

Не все тренеры, выигравшие бросание монеты — как выигрывает его Дейв Мэнсфилд пятого августа, в шестой раз в девяти последних играх, — выбирают положение хозяев поля. Некоторые (например, тренер Брюера) считают, что так называемое преимущество хозяев — сплошная фикция, особенно в турнирной игре, где ни одна команда на самом деле не играет на своем поле. Рассуждение в пользу

положения гостей на финальной игре примерно такое: в начале каждой игры ребята нервничают в обеих командах. Лучший, утверждается далее, способ использовать это преимущество — выходить отбивать первыми, и пусть защищающаяся команда сделает достаточно проходов, промахов и ошибок, чтобы вы оказались на коне. Если вы выходите отбивать первыми и записываете четыре очка, говорят эти теоретики, игра у вас в кармане, едва она успеет начаться. QED.

Но Дейв Мэнсфилд под этой теорией не подписывался никогда. «Остатки сладки», — говорит он, и вопрос решен.

Только сегодня есть небольшая разница. Игра не просто турнирная, игра за звание чемпиона — да еще и с трансляцией по телевизору. И когда Роджер Фишер замахивается и дает первую подачу, у Дейва Мэнсфилда лицо человека, горячо надеющегося, что не сделал ошибку. Роджер знает, что стартовым он стал по случаю: на его месте стоял бы Майк Пелки, если бы сейчас не ошивался в компании Гуфи в Диснейуорлде, но он подавляет свой мандраж первого иннинга, насколько можно ожидать, а может, и чуть лучше. Он отступает к горке после каждого возврата от кэтчера, Джо Уилкокса, изучает бэттера, поддергивает рукава и выдерживает нужную ему паузу. Что важнее всего, он понимает, насколько необходимо держать мяч в самой нижней четверти зоны страйка. Очередь Йорка состоит из здоровых ребят сверху донизу. Если Роджер сделает ошибку и поднимет мяч на глазах у бэттера — особенно у такого, как Тарбокс, который бьет так же мощно, как бросает, — это будет верный проигрыш.

И все равно первому бэттеру Йорка он проигрывает. Бучар рысит к первой базе под истерические вопли болельщиков Йорка. Следующим бэттером выходит Филбрик, шорт-стоп. Первую подачу он отбивает обратно Фишеру. В одном из наитий, которые, бывает, решают игру, Роджер решает играть на вторую и попытаться форсировать ведущего раннера. Вообще в играх Малой Лиги идея неудачная. Либо питчер запустит мяч в центральное поле, давая ведущему раннеру продвинуться на третью, или окажется, что шорт-стоп не сдвинулся прикрыть вторую, и мешок оставлен

незащищенным. Но сегодня все удается. Сент-Пьер как следует вымуштровал этих ребят играть в защите. Мэтт Кинни, сегодняшний шорт-стоп, точно там, где он должен быть. И так же точно ложится бросок Роджера. Филбрик доходит до первой по выбору филдера, но Бучар уходит в аут. На этот раз уже фэны Бангор-Веста ревут от восторга.

Этот эпизод снимает почти весь мандраж Бангор-Веста и дает Роджеру Фишеру столь отчаянно нужную ему уверенность. Фил Тарбокс, самый мощный хиттер Йорка и он же лучший питчер, выбивает аут на подаче низкой и летящей мимо зоны страйка.

— В следующий раз ты его сделаешь, Фил! — кричит игрок Йорка со скамейки. — Ты просто не привык к такой медленной подаче!

Но главная трудность для бэттеров Йорка — не скорость Роджера, а его положение. Сент-Пьер весь сезон проповедовал им евангелие низкой подачи, и Роджер Фишер — Фиш, как его называют ребята — был тихим, но очень внимательным слушателем семинара Сент-Пьера. Решение Дейва ставить на подачу Роджера и отбивать вторыми кажется очень удачным, когда Бангор выходит отбивать во второй половине первого иннинга. Несколько ребят, входя в дагаут, касаются Импа — маленькой пластиковой сандалетки.

Уверенность — команды, болельщиков, тренеров — это качество, которое можно измерить несколькими способами, но каким ни меряй аршином, на Йорк этого аршина не хватит. Болельщики родного города на столб табло повесили знак: «ЙОРК — В БРИСТОЛЬ!» И еще эти значки Четвертого округа, уже сделанные и готовые к продаже. Но самый явный признак уверенности тренеров Йорка проявился в выборе стартового питчера. Все прочие клубы, Бангор-Вест в том числе, ставили лучшего питчера на старт первой игры, памятуя хорошее правило игр плей-офф: если не назначишь свидание, то и на помолвке танцевать не будешь. Не выиграешь предварительные — тогда не надо будет волноваться о финальных. И только тренер Йорка пошел против этой

мудрости и выставил на первую подачу первой игры против Ярмута своего питчера номер два — Райана Ферналда. И это ему сошло с рук — едва сошло, потому что его команда пересилила Ярмут со счетом 9:8. Да, чуть не сорвалось, но сегодня это должно окупиться. Он сохранил Фила Тарбокса для финала, и пусть в технике Тарбокс уступает Стенли Стерджису, есть у него качество, которого лишен Стерджис. Фил Тарбокс — *страшен*.

Нолан Райан, самый, быть может великий питчер с пушечной подачей, выходивший играть в бейсбол, любит рассказывать историю об игре в лиге Бейб-Рут, где он подавал. Ведущего бэттера противника он ударил мячом в руку и руку сломал. Второму бэттеру он попал по голове, расколов шлем и вырубив противника на несколько секунд. Пока этим вторым мальчиком занимались врачи, третий бэттер, с посеревшим лицом и дрожащими губами, подошел к тренеру и попросил, чтобы его не подставляли под удар. «И я его не осуждаю», — добавляет Райан.

Тарбокс — не Нолан Райан, но бросает он сильно и понимает, что запугивание — секретное оружие питчера. Стерджис тоже сильно бросал, но мяч он направлял вниз и наружу. Он был вежлив. Тарбокс любит работать высоко и плотно. Команда Бангор-Веста попала туда, где она сегодня находится, размахивая битой. Если Тарбокс их запугает, это значит вынуть биту у них из рук, и это будет конец Бангора.

Ник Траскос и близко сегодня не подходит к тому, чтобы повести хоумран. Тарбокс выбивает его близким фастболом, от которого Ник пригибается и оказывается вне квадрата. Ник недоверчиво оглядывается вокруг, смотрит на судью на плите дома и открывает рот возразить.

— Ни слова, Ник! — орет Дейв из дагаута. — Быстро сюда!

Ник подчиняется, но на лице его все то же недоумение. Войдя в дагаут, он с отвращением швыряет под скамейку шлем бэттера.

Тарбокс со всеми старается работать высоко и близко, но только не с Ларробино. О нем уже прошел слух, и Тар-

бокс, как бы он ни был в себе уверен (а по нему видно), не будет его провоцировать. Он работает с Райаном низко и в сторону, наконец давая ему сделать проход. И Мэтту Кинни, вышедшему за Райаном, он тоже дает проход, но снова высоко и близко. У Мэтта быстрая реакция, и она ему нужна, чтобы его не стукнули, притом сильно. Когда он добирается до первой базы, Ларробино уже на второй — спасибо неточной подаче, прошедшей в дюйме от лица Мэтта. Потом Тарбокс овладевает собой, выбивая Кевина Рошфора и Роджера Фишера к концу первого иннинга.

Роджер Фишер продолжает работать медленно и методично, оправляя рукава между подачами, оглядываясь вокруг на внутреннее поле, время от времени даже глядя в небо — НЛО, что ли, высматривает? При двух раннерах и одном ауте Эстес, попавший на базу на проходе, рвется к третьей на подаче, которая отскакивает от перчатки Джо Уилкокса и падает у его ног. Джо быстро ее подбирает и кидает Кевину Рошфору на третьей. Когда Эстес подбегает, мяч его уже ждет, и он трусит обратно в дагаут. Два аута; Ферналд ушел со второй на игре.

Уайт, хиттер Йорка номер девять, низко посылает мяч с правой стороне внутреннего поля. Дальше продвижение мяча задерживается раскисшей землей. За мячом кидается Фишер. И Кинг, первый бейзмен. Роджер хватает его, оскальзывается на мокрой траве и *ползет* к мешку с мячом в руке. Уайт его легко опережает. Ферналд на игре проходит до самого дома, записывая первое очко игры.

Если Роджер сломается, то ожидать этого можно прямо сейчас. Он оглядывает внутреннее поле, осматривает мяч. Кажется, он готов подавать, но он сходит с площадки. Кажется, рукава лежат не совсем так, как ему бы хотелось. Он с ними возится, а тем временем в квадрате бэттера Мэтт Фрэнки из Йорка доходит и скисает. Когда Роджер наконец собирается бросать, Фрэнки у него разве что не в кармане. Он отбивает легкий отскок в сторону Кевина Рошфора на третьей. Кевин бросает Мэтту Кинни, форсируя Уайта. И все же первую кровь пустил Йорк, и он ведет 1:0 после полутора иннингов.

Во втором иннинге Бангор-Вест тоже не записал на свой счет ни одного очка, но у Фила Тарбокса они все равно выиграли. В первом иннинге он уходил с горки, гордо подняв голову. Выходя подавать во втором, он идет с опущенной головой, и кое-кто из друзей по команде смотрит на него с беспокойством.

Оуэн Кинг, первый отбивающий в этом иннинге за Бангор, Тарбокса не испугался, но он мальчик крупный и куда как медленнее, чем Мэтт Кинни. Когда счет боллов и страйков выходит на предел, Тарбокс пытается вбить Кинга внутрь. Фастбол летит верхом и внутрь — слишком и того и другого. Кинга крепко ударяет под мышку. Он падает на землю, зажимая рукой больное место, слишком ошеломленный, чтобы заплакать, но ему явно больно. Наконец появляются слезы — не так чтобы много, но настоящие слезы, как бы там ни было. При своих шести футах двух дюймах и весе за двести фунтов он размером со взрослого мужчину, но все же он всего лишь двенадцатилетний мальчишка и не привык к ударам направленных внутрь фастболов — скорость мяча семьдесят миль в час. Тарбокс немедленно кидается к нему с горки, на лице — озабоченность и искреннее раскаяние. Судья, уже склонившийся над упавшим игроком, нетерпеливо отгоняет его взмахом руки. Бегущий врач на Тарбокса даже не взглянул. Но глядят болельщики. Они-то глядят во все глаза.

— Уберите его, пока он никого больше не стукнул! — кричит один.

— Уберите, пока он никого *серьезно* не стукнул! — добавляет другой, как будто удар фастбола в грудную клетку — это не серьезно.

Тарбокс кидает взгляд на болельщиков, и на миг лицо этого мальчишки, излучавшее только что лишь безмятежную уверенность, становится очень и очень неуверенным. Это на самом деле тот вид, который был у Стенли Стерджиса перед концом игры Белфаста с Льюистоном. Направляясь обратно к горке, он с досадой вбивает мяч в перчатку.

Тем временем Кингу помогли встать. Когда Нейлу Уотермену, врачу и судье становится ясно, что он хочет остаться

в игре и способен на это, он бежит трусцой к первой базе. Болельщики обеих команд дружно ему аплодируют.

Фил Тарбокс, который уж точно не хотел бить выводящего бэттера, имея преимущество всего в одно очко, немедленно проявляет свое потрясение, запулив подачу вправо посередине Артуру Дорру. Артур, второй от конца по величине в стартовом лайнапе Бангора, принимает этот неожиданный, но приветствуемый подарок, давая глубокий драйв вправо по центру.

Кинг уже стартовал при стуке биты. Он обходит третью, зная, что очко записать не может, но надеясь привлечь бросок, который придаст уверенности Артуру на второй базе, а когда он это делает, сказывается мокрое поле. Сторона алмаза у третьей базы еще сырая. Когда Кинг пытается затормозить, ноги из-под него уходят и он садится на задницу. Передача доходит до Тарбокса, и он не рискует на бросок; он бросается к Кингу, который пытается подняться на ноги. В конце концов самый крупный игрок Бангора красноречиво поднимает руки трогательным жестом: «Сдаюсь!» Из-за кользкого поля у Тарбокса сейчас раннер на второй и один ут вместо раннера на второй и на третьей без аутов. Разница существенная, и Тарбокс демонстрирует вновь обретенную уверенность, выбивая в аут Майка Арнольда.

Потом на третьей подаче Джо Уилкоксу, следующему бэттеру, он стукает его в локоть. На этот раз крики возмущения от болельщиков Бангор-Веста звучат громче и с легкой примесью угрозы. Некоторые обращают праведный гнев на судью у плиты дома, требуя, чтобы Тарбокса убрали. Судья же, полностью понимающий ситуацию, даже не удосуживается сделать Тарбоксу предупреждение. Один взгляд на его лицо, когда Уилкокс неровным шагом бежит к первой, явно говорит, что в этом нет необходимости. Но менеджер Йорка вынужден выйти и успокоить питчера, указав очевидное: «Ты сделал два аута, и первая база открыта, как бы то ни было. Все путем».

Но для Тарбокса *не все путем*. Он в этом иннинге ударил двоих ребят с такой силой, что они заплакали. Если бы для него было «все путем», его надо было бы показать психиатру.

Йорк в первой половине третьего иннинга собирает три сингля и записывает два очка, ведя со счетом 3:0. Если бы эти очки, каждое честно заработанное, были бы добыты в начале первого иннинга, Бангор был бы в серьезной опасности, но сейчас, когда игроки выходят на отбив, они горят энтузиазмом и возбуждением. У них нет чувства, что игра проиграна, даже примеси такого чувства нет.

Райан Ларробино выходит во второй половине третьего иннинга первым, и Тарбокс работает с ним внимательно — слишком внимательно. Он начал целиться, и результат отлично предсказуем. При счете 1:2 мяч звонко стукается о плечо Райана, и тот поворачивается и бьет битой по земле — трудно сказать, от боли, злости или досады. Скорее всего от всего этого вместе. Куда легче истолковать настроение публики. Болельщики Бангора подпрыгивают, гневно вопя на Тарбокса и на судью. На стороне Йорка болельщики безмолвны и растеряны — это не та игра, которой они ждали. Райан трусит к первой базе, кинув взгляд на Тарбокса. Короткий он, этот взгляд, но абсолютно понятный: «Слушай, ты, это уже третий раз. Смотри, чтобы он был последним».

Тарбокс коротко советуется со своим тренером, потом поворачивается к Мэтту Кинни. От его уверенности остались одни лохмотья, и по первой подаче Мэтту, уходящей мимо, становится ясно, что оставаться питчером в этой игре ему хочется не больше, чем кошке — купаться в джакузи. Ларробино запросто опережает бросок Дэна Бучара, йорковского кэтчера, ко второй базе. Тарбокс дает Кинни сделать проход. Следующий бэттер — Кевин Рошфор. После двух неудачных попыток слабого отбива Рош отступает и дает Филу Тарбоксу шанс углубить дыру. Тот так и делает, дав Кевину проход, сделав до этого с ним 1:1. Тарбокс уже бросил более шестидесяти подач за неполных три иннинга.

Роджер Фишер тоже делает 3:2 с Тарбоксом, который теперь надеется почти исключительно на мягкие подачи; кажется, он решил, что если уж стукнет еще одного бэттера, то несильно. Фиша поставить негде, все базы забиты. Тарбокс это знает и идет на рассчитанный риск, давая по центру очередную подачу и надеясь, что Фиш пропустит ее в наде-

жде на проход. Но Роджер вместо этого с аппетитом ее отбивает в пространство между первой и второй, делая однобазовый хит. Ларробино неспешно бежит в дом, записывая первое очко Бангору.

Следующий бэттер — Оуэн Кинг, который стоял на отбиве, когда Фил Тарбокс начал самоуничтожение. Тренер Йорка, подозревая, что его ас будет сейчас работать с Кингом еще менее успешно, считает, что пора. Мэтт Фрэнки выходит сменить Тарбокса, и Тарбокс становится кэтчером. Приседая за плитой, чтобы размять Фрэнки, он выглядит одновременно и отправленным в отставку, и отпущенным на волю. Фрэнки никого не стукает, но кровотечение уже не остановить. После трех иннингов у Бангора всего два хита, но они опережают Йорк со счетом 5:3.

Наступает пятый иннинг. В воздухе висит серая сырость, и плакат «ЙОРК — В БРИСТОЛЬ!», прицепленный к столбу табло, начинает обвисать. И болельщики Йорка тоже как-то обмякли и обеспокоились. Точно ли Йорк едет в Бристоль? «Да, мы так полагали, — говорят их лица, — но уже пятый иннинг, а они все еще на два очка впереди. Боже мой, как это так рано стало так поздно?»

Роджер Фишер выходит во второй половине пятого иннинга, и Бангор-Вест заколачивает последние гвозди в крышку гроба Йорка. Майк Арнольд начинает синглем. На жертве Джо Уилкокса пинч-раннер Фред Мур бежит на вторую, а Ларробино делает двухбазовый хит Фрэнки, давая Муру записать очко. Таким образом Мэтт Кинни попадает к плите. После того, как пропущенный мяч передвигает Райана на третью, Кинни отбивает легкий приземный мяч на шортстопа, но он выскакивает из ловушки инфилдера, и Ларробино бежит в дом.

Бангор-Вест выходит на защиту победителем, имея счет 7:3, и команде надо всего лишь сделать три аута.

Когда Джо Уилкокс выходит к горке в первой половине шестого, он уже бросил девяносто семь подач, и пацан устал. И тут же это показывает, на полном счете давая проход пинч-хиттеру Тиму Поллаку. Дейв и Нейл считают, что уже все ясно. Фишер идет на вторую базу, и на горку выходит Майк

Арнольд, разминавшийся между иннингами. Обычно он хорошо играет на замене, но день сегодня для него не лучший. Может, дело в напряжении, а может, в мокрой земле горки, изменившей его обычное движение. Он заставляет Фрэнки дать высокий мяч и уйти в аут, но потом Бучар получает проход, Филбрик делает двухбазовый хит, Поллак — раннер, подопечный Фиша, записывает очко и Бучар остается на третьей. Сам по себе пробег Поллака в дом ничего не значит, важно то, что у Йорка сейчас есть раннеры на второй и на третьей, и грозит потенциальный сравнивающий пробег к плите дома. Этот сравнивающий счет раннер — некто, лично заинтересованный в том, чтобы сделать хит, поскольку это он больше всех виноват, что Йорк в одном ауте от вылета. Этот потенциальный сравнивающий счет раннер — Фил Тарбокс.

Майк работает с ним до счета 1:1, а потом бросает фастбол прямо вниз в середину плиты. В дагауте Бангор-Веста Дейв Мэнсфилд вздрагивает и защитным жестом подносит руку ко лбу, еще когда Тарбокс только начинает замахиваться в свинге. Раздается жесткий звук — Тарбокс смог сделать самое в бейсболе трудное: круглой битой попасть по круглому мячу точно в центр.

Райан Ларробино срывается с места в самый момент удара, но очень рано ему начинает не хватать места. Мяч перелетает за изгородь на двадцать футов, отскакивает от телекамеры и прыгает обратно на поле. Райан безутешно смотрит на него, а тем временем болельщики Йорка сходят с ума, а вся команда Йорка выплескивается из дагаута навстречу Тарбоксу, который только что дал хит, приводящий в дом трех раннеров, и самым блестящим образом реабилитировался. Он не становится на плиту — он на нее *вспрыгивает*. На его лице выражение почти блаженной удовлетворенности. Его в восторге обнимают товарищи и чуть ли не несут назад по дороге к дагауту.

Болельщики Бангора лишаются дара речи при таком страшном переломе событий. Вчера, играя против Льюистона, Бангор заигрывал с катастрофой, сегодня он бросился в ее объятия. Имп снова перекинулся на другую сторону,

и болельщики боятся, что теперь уже навсегда. Майк Арнольд совещается с Дейвом и Нейлом, и они велят ему возвращаться и подавать изо всех сил, что игра только переменилась, но еще не проиграна. Да только у Майка вид удрученного и несчастного мальчишки.

Следующий бэттер, Хатчинс, отбивает легкий двухотскоковый мяч на Мэтта Кинни, но оказывается, что выбит из седла не только Арнольд. Обычно надежный Кинни ошибается, и Хатчинс на базе. Энди Эстес отбивает легкий мяч Рошфору на третьей и уходит в аут, но Хатчинс перемещается на вторую на пропущенной подаче. Кинг хватает высокий мяч с отбива Мэтта Хойта, делая третий аут, и Бангор-Вест выбрался из беды.

У команды появляется шанс исправиться во второй половине шестого иннинга, но это не происходит. Мэтт Фрэнки выбивает троих игроков подряд, и вдруг Бангор-Вест оказывается в первом дополнительном иннинге финальных игр при счете 7:7 с Йорком.

В игре с Льюистоном слякотная погода в конце концов ончилась, но сегодня не хочет. Когда Бангор-Вест занима- поле в первой половине седьмого, небо медленно, но рно мрачнеет. Время только шесть вечера, и даже в таких ловиях на поле должно быть достаточно светло, но снова наползает туман. Зритель, глядящий потом видеозапись, решит, что камера, наверное, забарахлила — все такое безразличное, унылое, с недодержкой. От фэнов в футболках на скамьях остаются только головы без тел и руки, а на внешнем поле от Траскоса, Ларробино и Артура Дорра видны только рубашки.

Перед самым первым броском Майка в седьмом иннинге Дейв толкает Нейла локтем и показывает на правое поле. Дейв тут же просит тайм-аут и бежит посмотреть, что там с Артуром Дорром — тот стоит согнувшись, голова почти между колен.

Артур глядит на приближающегося Дейва с некоторым удивлением.

— Все в порядке, — говорит он в ответ на незаданный вопрос.

— Так какого черта ты делаешь?

— Четырехлистный клевер ищу, — отвечает Артур.

Дейв слишком поражен — или восхищен, чтобы сделать мальчишке выговор как следует. Он только замечает, что более подходящее время для этого будет после игры.

Артур смотрит сначала на ползущий туман и только потом — на Дейва.

— А тогда уже будет слишком темно.

Артур приведен в чувство, и игра продолжается. Майк Арнольд делает хорошую работу — быть может, потому что против него выходят запасные игроки из нижней половины очереди Йорка. Йорк не зарабатывает ни очка, и Бангор выходит во вторую половину седьмого, получив еще один шанс на выигрыш.

И почти его реализует. При занятых базах и двух аутах Роджер Фишер дает сильный хит к линии первой базы, но там уже оказывается Мэтт Хойт и радостно вцепляется в мяч. Команды опять меняются ролями.

Филбрик отбивает мяч прямо на Ника Траскоса, открывая восьмой, и тут в дело вступает Фил Тарбокс. Он еще не кончил работать с Бангор-Вестом. К нему вернулась безмятежная уверенность, лицо его абсолютно спокойно, когда на первой подаче Майка называется страйк. Он замахивается на следующей — вполне приличный меняющий направление мяч, сильно отскакивающий от наголенного щитка Джо Уилкокса. Тарбокс выходит из квадрата, садится на корточки, зажав биту между колен, и сосредоточивается. Это практика дзен, которой обучает ребят тренер Йорка — Фрэнки несколько раз применял ее на горке в трудные моменты, а сейчас она выручает Тарбокса — с некоторой помощью Майка Арнольда.

Последняя подача Арнольда идет навесом на глазах бэттера — именно та подача, которую Дейв и Нейл так надеялись сегодня не увидеть, и Тарбокс выжимает из нее максимум. На этот раз на пути мяча нет камеры, и он улетает в кусты, и снова вскакивают на ноги болельщики Йорка, и несется скандирование «Фил, Фил, Фил!», И Тарбокс обходит тре-

тью, проходит по линии и подпрыгивает в воздух. Он не просто прыгает на плиту: он в нее *вонзается*.

И это, кажется, еще не все. Хатчинс отбивает сингль в середину и получает вторую на ошибке. Эстес вслед за этим отбивает на третью, и Рошфор неудачно бросает на вторую. К счастью, Роджера Фишера подстраховывает Артур Дорр, не допуская второго забега в дом, но сейчас у Йорка игроки на первой и второй при одном только ауте.

Дейв вызывает подавать Оуэна Кинга, и Майк Арнольд перемещается на первую. Вслед за ушедшей подачей, на которую раннеры переместились на вторую и третью, Мэтт Хойт отбивает одну на землю к Кевину Рошфору. В той игре, когда Бангор-Вест проиграл Хэмпдену, Кейси Кинни смог вернуться и отыграть после того, как сделал ошибку. Сегодня это делает Рошфор, и еще как делает! Он выходит с мячом, придерживает его секунду, удостоверяясь, что Хатчинс не собирается рваться к плите. И *тогда* он бросает через весь алмаз Майку, опережая медлительного Мэтта Хойта на три шага. Учитывая, под каким прессом сегодня ребята побывали, это невероятно искусный бейсбол. Бангор-Вест оправился, и Кинг работает с Райаном Ферналдом — тот самый, который дал трехранговый хит в игре с Ярмутом — превосходно. Он бьет по углам, используя на удивление эффективный крученый бросок в дополнение к верхним фастболам. Ферналд кое-как отбивает к первой, и иннинг окончен. К концу семи с половиной Йорк опережает Бангор со счетом 8:7. И шесть отбивов Йорка, с которых были записаны очки, принадлежат Филу Тарбоксу.

Мэтт Фрэнки, питчер Йорка, устал не меньше, чем Фишер, когда Дейв наконец решил заменить его Майком Арнольдом. Только разница в том, что у Дейва таки *был* Майк Арнольд, а за ним еще Оуэн Кинг. У тренера Йорка нет никого: Райана Ферналда он использовал против Ярмута, и теперь не имеет права его выставлять на подачу, так что остается только Фрэнки до самого конца.

Он вполне прилично начинает восьмой, выбивая Кинга в аут. Следующим выходит Артур Дорр. Фрэнки, явно из последних сил, но не менее явно исполненный решимости

закончить игру, доходит с Артуром до полного счета, а следующую подает прилично мимо. Артур идет на первую.

Выходит Майк Арнольд. На горке сегодня был не его день, но у плиты он на этот раз работает отлично, выкладывая совершенный слабый отбив. Он не собирался жертвовать; он делал слабый отбив ради базового хита, и почти добивается своего. Но мяч не застывает неподвижно на раскисшей площадке между домом и горкой питчера. Фрэнки его хватает, глядит на вторую и решает бросать к первой. Теперь положение таково: два аута и раннер на второй. Бангор-Вест в одном ауте от конца.

Выходит отбивать Джо Уилкокс, кэтчер. При счете два-один он отбивает вдоль самой линии первой базы. Мэтт Хойт ловит, но на мгновение опаздывает — мяч пойман на фут в глубине территории фола, и судья первой базы уже тут как тут и фиксирует фол. Хойт, который уже был готов броситься к горке обнимать Мэтта Фрэнки, возвращает мяч.

Теперь счет питчера и Джоуи — два-два. Фрэнки сходит с площадки, смотрит в небо и сосредоточивается. Потом становится обратно и дает подачу высоко и вне зоны страйка. Джоуи все равно на нее бросается, даже не глядя, замахиваясь в самозащите. Бита попадает по мячу — чистое везение — и тот отскакивает в фол. Фрэнки снова сосредоточивается, бросает — чуть снаружи. Мяч трётий.

И вот происходит, кажется, та подача, которая будет подачей игры. *Кажется,* что это высокий страйк, кончающий игру страйк, но судья объявляет мяч четвертый. Джо Уилкокс бежит к первой базе с выражением полного удивления на лице. И только потом, просматривая замедленную запись игры, можно заметить, как точно и как правильно было решение судьи. Джо Уилкокс, настолько озабоченный, что вертит в руках биту, как клюшку для гольфа до самой подачи, поднимается на цыпочки в приближении мяча, и вот причина, по которой мяч ему на уровне груди в момент пересечения плиты. Судья, так и не шевельнувшийся, списывает все на нервный тик Джо и объявляет как в лиге взрослых. Правила говорят, что невозможно сократить зону страйка, сгруппировавшись, но тот же пункт утверждает, что

ее невозможно расширить, вытягиваясь. Если бы Джо не встал на цыпочки, мяч шел бы ему на уровне горла, а не груди. И потому нет третьего аута и конца игры, а Джо становится еще одним раннером.

Одна из телекамер смотрела на Мэтта Фрэнки из Йорка, когда он сделал эту подачу, и схватила потрясающую картинку. Повтор показывает, как Фрэнки просиял, когда мяч ударяет вниз на миг позже чем нужно, чтобы заработать страйк. Подающая рука взлетает в победном салюте, и он поворачивается идти направо к дагауту Йорка, и тут на его пути вырастает судья. Когда снова видно его лицо (он повернулся к камере), это полное несчастье и неверие. Он не спорит с судьей — эти детки так обучены этому в сезонных играх, что никогда, никогда, никогда не сделают этого ни в какой ситуации на чемпионате, — но когда он готовится работать со следующим бэттером, кажется, на глазах у него слезы.

Бангор-Вест еще жив, и когда Ник Траскос выходит на отбив, все вскакивают на ноги и начинают орать. Ник явно надеется проехать на халяву, и так оно и выходит. Фрэнки дает ему проход за пять подач. Это одиннадцатый проход, допущенный сегодня питчерами Йорка. Ник бежит к первой, занимая базы, и выходит Райан Ларробино. Снова и снова в такой ситуации на сцене появляется Райан, и сегодня Райан выходит еще раз. Болельщики Бангор-Веста повскакали с мест и орут. Игроки забили дагаут, просунув пальцы сквозь сетку, глядя не отрываясь.

— Поверить не могу, — говорит один из телекомментаторов. — Поверить не могу в сценарий этой игры!

— Знаешь, что я тебе скажу? — говорит его коллега. — Как бы там ни было, а обе команды хотят, чтобы игра кончалась вот так.

Но пока он говорит, камера находит его словам резкий контрапункт: она выхватывает в фокус потрясенное лицо Мэтта Фрэнки. И по его лицу видно, что это как раз то, чего сильнее всего не хочет этот левша из Йорка. Зачем ему такое? Ларробино дважды делал дубль, дважды проход и еще его стукнуло подачей. Йорк ни разу его не отправил на скамью.

Фрэнк кидает высоко и наружу, потом низко. Это его сто тридцать пятая и сто тридцать шестая подача. Мальчик выдохся. Чак Биттнер, менеджер Йорка, зовет его быстренько посовещаться. Ларробино ждет конца разговора, потом снова входит в квадрат.

Мэтт Фрэнки сосредоточивается, запрокинув голову и закрыв глаза — как птенец, ждущий корма. Потом замахивается и бросает последнюю подачу этого сезона Малой Лиги.

Ларробино не видел его упражнений по концентрации. Он держит голову вниз и смотрит только, как подаст Фрэнки. Подача фастболом, низкая, к внешнему углу площадки. Райан Ларробино чуть приседает. Описывает круг головка биты. Он ловит мяч точно, действительно сбивает, и когда мяч летит из парка глубоко в правое центральное поле, руки Райана взлетают над головой, и он начинает отбивать чечетку вдоль по линии первой базы.

На горке Мэтт Фрэнки, два раза на дюйм пролетевший от того, чтобы выиграть игру, опускает голову, не желая смотреть. А когда Райан обходит вторую и направляется к дому, он, кажется, понимает наконец, что сделал, и лишь тогда рыдает.

Болельщики в истерике, комментаторы в истерике, даже Дейв и Нейл близки к истерике, когда отгораживают плиту, освобождая Райану место, чтобы он ее коснулся. Огибая третью, он минует судью, который все еще указующим перстом машет в воздухе, показывая хоумран.

За плитой снимает с себя маску Фил Тарбокс, покидая праздник. Оступается разок, и на лице его застыла страшная досада. Он уходит из камеры и из Малой Лиги — навсегда. В следующем сезоне он будет играть в лиге Бейб-Рут, и играть, наверное, будет хорошо, но таких игр, как здесь, для Тарбокса уже не будет, да и для всех этих ребят. Это, как говорят, ушло в историю.

Райан Ларробино, смеясь и плача, держа одной рукой шлем, а другой показывая прямо в небо, подпрыгивает, опускаясь на плиту дома, снова подпрыгивает и попадает в объятия друзей по команде, и они несут его на руках. Игра за-

кончена, Бангор-Вест победил 11:8. Они — чемпионы Малой Лиги штата Мэн 1989 года.

Я гляжу в сторону ограды у первой базы и вижу замечательное зрелище: лес машущих рук. У загородки столпились родители игроков и тянутся через нее к своим сыновьям. И многие из них тоже плачут. У ребят на лице одно и то же выражение счастливого неверия, и все эти руки — сотни их, кажется, — машут им, хотят коснуться, поздравить, обнять, ощутить.

Ребята их не видят. Прикосновения и объятия будут потом. Сейчас они выстраиваются и хлопаются по рукам с командой Йорка, проходя в этом ритуале над плитой дома. И многие ребята обеих команд плачут, и так сильно, что едва могут идти.

И за секунду до того, как мальчишки из Бангора пойдут к изгороди, где все еще машут все эти руки, они окружают своих тренеров и похлопывают их и друг друга — радостный триумф. Они выдержали, они выиграли чемпионат — Райан и Мэтт, Оуэн и Артур, Майк и Роджер Фишер — который нашел четырехлистный клевер. И сейчас они радуются и поздравляют друг друга, а все остальное может подождать. Потом уже они бегут к изгороди, к плачущим, радостным, смеющимся родителям, и мир снова начинает вращаться вокруг своей оси.

— И сколько нам еще играть, тренер? — спросил Нейла Уотермена Джей-Джей Фиддлер, когда Бангор вырвал первенство дивизиона у Мачиаса.

— Мы будем играть, Джей-Джей, пока нас кто-нибудь не остановит, — ответил ему Нейл.

Команда, остановившая Бангор-Вест, была из Уэстфилда, штат Массачусетс. С ними Бангор-Вест играл во втором круге чемпионата Восточного Региона Малой Лиги в Бристоле, штат Коннектикут, 15 августа 1989 года. Мэтт Кинни подавал за Бангор-Вест и это была лучшая игра в его жизни — он выбил девятерых, дал проход пятерым (одному намеренно) и дал сделать только три хита. Но Бангор-Вест сделал только один хит от питчера Уэстфилда Тима Лаури-

ты, и этот один, как и следовало ожидать, принадлежал Райану Ларробино. Игра закончилась со счетом 2:1 в пользу Уэстфилда. Единственный заводящий в дом отбив Бангора принадлежал Кингу на проходе при занятых базах. А выигрышный заводящий в дом отбив — Лаурите, тоже на проходе при занятых базах. Игра была потрясающая, игра на самого требовательного знатока, но не сравнить с матчем против Йорка.

В мире профессионалов это был неудачный для бейсбола год. Будущий экспонат Зала Славы был дисквалифицирован пожизненно; ушедший из спорта питчер застрелил свою жену и потом себя, председатель объединения профессионалов умер от сердечного приступа, первый за двадцать лет назначенный в Кэндлстик-парке чемпионат мира был отложен из-за землетрясения в Северной Калифорнии. Но профессиональный спорт — лишь малая часть смысла бейсбола. В других местах и других лигах — например, в Малой Лиге, где нет свободных агентов, нет зарплаты и нет платы за вход — год был отличным. Чемпионат Восточного Региона выиграл Трамбулл, штат Коннектикут. Двадцать шестого августа 1989 года Трамбулл победил команду Тайваня и выиграл звание чемпиона мира в Малой Лиге. Впервые с 1983 года чемпионат мира выиграла американская команда, и впервые за четырнадцать лет чемпион вышел из того же региона, где играет Бангор-Вест.

В сентябре отделение Федерации бейсбола Соединенных Штатов в штате Мэн выбрало Дейва Мэнсфилда тренером года среди любительских команд.

АВГУСТ В БРУКЛИНЕ

Посвящается Джону Бишопу

Поле стадиона «Эббетс-филд»
Давно поросло сорняками
(Здесь когда-то Элстон царил,
А теперь воцарились травы).
Когда день, издыхая, уходит в ночь,
Я вижу другую траву, чувствую острый, зеленый запах
Лужайки,
По которой недавно
Прошлись газонокосилки.
День темнеет, слабеет и гибнет,
Орошенный поливальными машинами,
Только-только зажглись фонари —
Но их
уже атакуют
батальоны кружащихся мошек,
патрули ночные жуков.
Там, внизу,
старики и отпахавшие смену таксисты
на дешевых местах по 75 центов
пьют светлое пиво «Шлиц»
из больших картонных стаканов.
Этот бруклинский Флэтбуш, — он ведь реален не меньше,
Чем томный, бархатный Гарлем

© Перевод. Сидемон-Эристави Н. И., 2015.

Образца июня 1956-го,
Гарлем, где джайв
Стонал
из каждого музыкального автомата.

По полю «Эббетс-филд» движутся
Неторопливые газонокосилки,
ряды и ряды сидений пусты.

Ходжес, как коршун, метнулся вперед, протянул перчатку,
чтобы поймать мяч, посланный Робинсоном
с третьей базы.
Зоны бэттеров будто плывут
в мерцании призрачном
летнего неба.

Пятница.
Вечер.
Народу — битком.
(Мьюсиэл сделал быстрый хоумран,
Флэтбуш на два очка отстает.)
Ньюкомб уже отправился в душ, —
В спину ему бьют
Комочки попкорна, плевки газетных рецензий.
В игру вступает Карл Эрскин, он глубоко вздыхает,
А Джонни Подрес и Клем Лебайн тем временем
разогреваются —
на случай, если начнет он сливать игру.
(С ним, знаете ли, случается.
Со всеми случается.)
Они приходят, приходят на «Эббетс-филд»
и играют там
матч бесконечный...
Тянется пятый тайм. Страшная скука.
Кто-то швырнул пивной банкой
в Сэнди Амороса на правой базе —
Молча он подбирает пустую жестянку
и протягивает служителю; тот жует табак,

а бесчисленные, безликие фанаты команд —
чума на оба их дома —
Похабно орут кричалки.
П. В. Риз преклоняет колено налево от второй базы,
Кампанелла подает знак...
Я вижу их, вижу за смеженными веками,
чувствую запах хрустящих картофельных чипсов
и пропотевших, прогретых к вечеру тел.
Да, в сумрачном полусвете я способен еще узреть
Сии всевышние тени.

Они воспаряют
над чашею стадиона, влекомые ангелами, —
а Эрскин крутится и, пригибаясь,
готовится к низкой подаче...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вскоре после публикации «Команды скелетов», моего предыдущего сборника рассказов, у меня состоялся разговор с читательницей, которая сказала мне, что сборник ей очень понравился. По ее словам, она не стала торопиться с чтением, а три недели читала по одному рассказу за вечер. «Послесловие, я, правда, читать не стала, — добавила она, при этом пристально глядя на меня (думаю, опасалась, что я наброшусь на нее за столь ужасное оскорбление). — Я отношусь к тем людям, которые не хотят знать, как фокусник проделывает свои трюки».

Я покивал и заверил ее, что она совершенно права, не имея желания затевать долгую и жаркую дискуссию, потому что хватало и других дел, но в это утро у меня дел нет, и я хочу, чтобы в двух моментах появилась полная ясность, как любил говорить один наш давний друг из Сан-Клементе. Первое: мне без разницы, прочитаете Вы это послесловие или нет. Книга Ваша, и Вы можете хоть носить ее на голове вместо шляпы на конских скачках. И второе: я *не* фокусник, и трюков у меня *нет*.

Вышесказанное не означает, что в писательстве нет магии. Я как раз верю, что есть, особенно в беллетристике. Парадокс в следующем: фокусники не имеют никакого отношения к магии, и большинство в этом охотно признаются. Но их невероятные чудеса — голуби, вылетающие из носовых платков, монеты, сыплющиеся из пустых кувшинов,

© Перевод. Вебер В. А., 2015.

шелковые шарфы, струящиеся из пустых рук — плод изнурительных репетиций, отработанных до совершенства методов отвлечения внимания и ловкости рук. Их разговоры о «древних секретах Востока» и «утерянных знаниях Атлантиды» — пустая болтовня. Я подозреваю, что, по большому счету, к выступающим на сцене фокусникам применим бородатый анекдот о том, как приехавший в Нью-Йорк турист спрашивает местного музыканта, как попасть в «Карнеги-холл», и слышит в ответ: «Практикуйся, друг, практикуйся».

Относится это и к писателям. После двадцати лет писательства, будучи, по мнению многих высокоинтеллектуальных критиков, беллетристом (по мнению интеллектуалов, беллетрист — это тот, «чьи произведения нравятся слишком многим»), я с радостью готов признать, что профессионализм играет чертовски важную роль, что часто утомительный процесс правки, правки и снова правки необходим, чтобы выдать на гора качественный продукт, и что тяжелая работа — единственный выход для тех из нас, у кого есть капля таланта, но маленькая и никак не тянущая на гениальность.

Однако магия в этой работе *есть*, и чаще всего она проявляется в тот самый момент, когда история возникает в голове писателя, обычно фрагментарно, но иногда целиком (когда такое случается, в тебя словно попадает тактическая ядерная боеголовка). Потом автор может сказать, где он находился, когда все это произошло, какие компоненты соединились, чтобы способствовать рождению замысла, но сама *идея* — нечто совершенно новое, сумма, которая больше ее составляющих, что-то, созданное из ничего. Это, перефразируя Марианну Мур, живая лягушка в воображаемом саду. И Вы не должны бояться читать послесловия потому, что я прогоню магию рассказом о том, как устроены фокусы. В настоящей магии никаких фокусов нет. Когда речь идет о настоящей магии, есть только история создания того или иного произведения.

Однако можно испортить впечатление от еще не прочитанного рассказа, и если Вы относитесь к людям (*ужасным* людям), которые испытывают неодолимое желание начинать чтение книги с конца, точно так же, как своенравный ребе-

нок стремится съесть шоколадный пудинг до того, как браться за котлету, предлагаю Вам отправиться отсюда подальше ко всем чертям, чтобы Вы не обрекли себя на самое страшное из страданий: разочарование. Для остальных предлагается быстрый экскурс в историю создания некоторых рассказов сборника «Ночные кошмары и фантастические видения».

«Кадиллак» Долана. Насколько я понимаю, цепочка умозаключений, которая ведет к этой истории, достаточно очевидна. Я медленно ехал по казавшемуся бесконечным участку дороги, где велся ремонт — вы дышите пылью, гудроном, выхлопными газами, а перед глазами у вас все тот же задний борт того же универсала с наклейкой на бампере «Я ТОРМОЖУ, ПРОПУСКАЯ ЖИВОТНЫХ»... — только передо мной в тот день ехал большой зеленый седан, «кадиллак-девилль». Мы как раз ползли мимо котлована, в который укладывали трубы огромного диаметра, я помню, как подумал: *В этой трубе хватит места даже такому большому автомобилю, как кадиллак.* Мгновением позже идея «Кадиллака» Долана» прочно укоренилась у меня в голове, полностью проработанная, и ни один элемент сюжета не изменился ни на йоту.

Но это не значит, что родилась эта история легко — как раз наоборот. Никогда раньше меня так не доставали (если на то пошло, не потрясали) технические подробности. Я поделюсь с Вами тем, что журнал «Ридерз дайджест» любит называть «взглядом изнутри»: хотя я привык считать себя Джеймсом Брауном (самопровозглашенный «величайший трудоголик в шоу-бизнесе») от литературы, на самом деле я исключительно ленив, когда дело доходит до особенностей антуража и технических подробностей, необходимых для того, чтобы написать литературное произведение. На различные промахи мне вновь и вновь указывают и читатели, и критики (наиболее точно и с юмором проделывает это Аврам Дэвидсон, который пишет для газеты «Чикаго трибьюн» и журнала «Фэнтези энд сайнс фикшн»). Работая над «Кадиллаком» Долана», я осознал, что здесь облажаться никак нельзя, потому что весь замысел построен на научных фактах, математических формулах и постулатах физики.

Если бы эта горькая истина открылась мне раньше — до того, как я уже вложил примерно пятнадцать тысяч слов в историю Долана, Элизабет и ее мужа, так похожего на героев По, — я бы, несомненно, отправил «Кадиллак» Долана» в департамент Незаконченных историй. Но понять раньше не удалось, останавливаться не хотелось, и поэтому я смог придумать только один выход: позвонить старшему брату и попросить помощи.

Дейв Кинг из тех, кого мы, уроженцы Новой Англии, называем «образцовой работой», вундеркинд с подтвержденным ай-кью выше ста пятидесяти (Вы найдете некоторые черты Дейва в гениальном брате Бау-Вау Форноя, главного героя рассказа «Конец всей этой мерзости»). Он проскочил школу со скоростью ракеты, в восемнадцать лет закончил колледж, и его сразу приняли учителем математики в среднюю школу Брансуика. Многие его ученики, отставшие по алгебре, были старше его. Дейв стал самым молодым членом городского совета во всем Мэне, а в двадцать пять его уже избрали мэром. Он в полном смысле разносторонне развитая личность: что-то знает практически обо всем.

Я объяснил брату свои проблемы по телефону. Неделей позже получил от него большой конверт из плотной бумаги. Вскрыл конверт с замиранием сердца. Я не сомневался, что он прислал мне всю требуемую информацию, но ожидал, что толку от нее не будет: брат отличался безобразным, нечитаемым почерком.

И обрадовался, обнаружив в конверте видеокассету. Вставив ее в видеомагнитофон и включив его, я увидел Дейва, сидевшего у стола, заваленного землей. Используя несколько игрушечных машинок, Дейв разъяснил все, что мне требовалось знать, включая удивительные и жуткие особенности «дуги снижения». Он также рассказал, что моему герою придется использовать оборудование для строительства автострад, чтобы закопать Доланов «кадиллак» (в первом варианте он все делал вручную), и я получил от него все сведения, необходимые для того, чтобы голыми руками завести любую из этих громадных машин, которые местный департамент дорожного строительства оставляет там, где ведутся

работы. Эти инструкции были совершенно точными... даже с лихвой. Я в них кое-что изменил, и поэтому, если кто-то попытается последовать примеру главного героя, ничего у него не получится.

И вот что еще я могу сказать об этом рассказе: поставив последнюю точку, я его возненавидел. *Абсолютно*. Не опубликовал ни в одном журнале. Он просто отправился в одну из картонных коробок с надписью «Неудавшееся старье», которые я держу в коридоре за моим кабинетом. Несколько лет спустя Херб Йеллин, возглавлявший издательство «Лорд Джон пресс», которое выпускает ограниченным тиражом великолепные книги, написал мне, попросив разрешения издать один из моих рассказов, по возможности, ранее не публиковавшийся. Я люблю его книги, изящные, прекрасно оформленные и зачастую экстравагантные, поэтому отправился в так называемый «Коридор судьбы» и принялся копаться в коробках, в надежде найти что-нибудь достойное публикации.

Наткнулся на «Кадиллак» Долана» — и опять время сделало свою работу: рассказ читался гораздо лучше, чем мне запомнилось. Я отослал его Хербу, он согласился, я вновь отредактировал рассказ, и он вышел в издательстве «Лорд Джон пресс» тиражом порядка пятисот экземпляров. Для этого сборника я сделал еще одну редактуру, и мое мнение о рассказе настолько изменилось, что я поставил его первым. Это архетипичный ужастик с безумцем-рассказчиком, повествующим о похоронах заживо в пустыне. Но на самом деле история эта вовсе не моя, потому что принадлежит Дейву Кингу и Хербу Йеллину. Спасибо, парни.

«Детки в клетке». Это рассказ того же периода, что и большинство рассказов сборника «Ночная смена», и впервые публиковался в журнале «Кавалер», как едва ли не все рассказы сборника 1978 года. Этот остался за бортом, потому что мой издатель, Билл Томпсон, чувствовал, что книга получается слишком «громоздкой»: так издатели говорят писателям, чтобы те чуть сократили объем, ибо в противном случае цена книги может оказаться чрезмерно высокой. Я хотел убрать из «Ночной смены» рассказ «Серая дрянь».

Билл настаивал на «Детках в клетке». Тогда я уступил, положившись на его опыт, и внимательно перечитал рассказ, прежде чем включить его в этот сборник. Мне он очень нравится: есть в нем что-то от рассказов Брэдбери конца сороковых — начала пятидесятых, дьявольского Брэдбери, обожавшего детей-убийц, гробовщиков-отступников и истории, которыми могут наслаждаться только кладбищенские скелеты. Другими словами, «Детки в клетке» — тошнотворная, жуткая шутка, которая не имеет никакой общественной ценности. Люблю такие рассказы.

«Летающий в Ночи». Иногда второстепенный персонаж романа захватывает внимание писателя и отказывается уходить, настаивая на том, что может сказать и сделать что-то еще. Таков и Ричард Диз, главный герой рассказа «Летающий в Ночи». Впервые он появился в романе «Мертвая зона» (1979), где предложил Джонни Смиту, обреченному герою романа, работу экстрасенса в своей паршивой газете «Взгляд изнутри». Джонни спустил его с крыльца отцовского дома, и больше он не вылезал. Но тут возник снова.

Как и большинство моих рассказов, «Летающий в Ночи» начинался с шутки: вампир с лицензией пилота-любителя, смех да и только, — но вместе с ростом Диза разрастался и рассказ. Я редко *понимаю* своих персонажей, не больше, чем понимаю намерения и устремления реальных людей, которых встречаю каждый день, но нахожу, что иногда есть возможность *планировать* их поступки, точно так же, как картограф составляет план того или иного участка. Работая над рассказом «Летающий в Ночи», я начал представлять себе человека, отгородившегося от всех и вся, человека, который словно суммирует некоторые из самых ужасных и непонятых черт нашего так называемого открытого общества последней четверти века. Диз — скептик до глубины души, и его столкновение с Летающим в Ночи в конце рассказа напоминает о строке из стихотворения Йоргоса Сефериса, которую я использовал в романе «Жребий Салема», — о колонне истины с дырой в ней. В эти последние дни двадцатого столетия особенно остро чувствуется, что так оно и есть.

А «Летающий в Ночи» рассказывает о том, как один человек обнаружил такую дыру.

«Попси». Дедушка маленького мальчика — то самое существо, которое требует, чтобы Ричард Диз открыл фотоаппарат и засветил пленку в конце рассказа «Летающий в Ночи»? Знаете, я думаю, да.

«Центр притяжения». Первоначальный вариант этого рассказа впервые был опубликован в «Болотных корнях», литературном журнале Университета Мэна, в начале семидесятых. Перечитывая его, я начал понимать, что эти старики — выжившие после катастрофы, описанной в романе «Нужные вещи». Сам роман — черная комедия о жадности и одержимости, а этот рассказ — более серьезная история о секретах и болезни. Он представляется мне достойным эпилогом романа... и так приятно еще раз — последний — взглянуть на некоторых давних друзей из моего Касл-Рока. Другими словами, я хочу, чтобы Вы немного пугались всякий раз, когда заглядываете в мою гостиную. Я хочу, чтобы Вы знать не знали, как далеко я могу зайти или что еще придумаю.

«Посвящение». Долгие годы, с тех самых пор, когда я впервые встретил ныне покойного знаменитого писателя, чье имя упоминать не буду, и пришел в ужас от его поведения, меня волновал вопрос, почему некоторые невероятно талантливые люди оказываются такими ублюдками в личном общении: лапают женщин, исповедуют расистские взгляды, высокомерно фыркают на других, любят жестокие шутки. Я не говорю, что большинство талантливых и знаменитых людей именно такие, но мне их встретилось предостаточно — включая и одного безусловно великого писателя, — чтобы задаться этим вопросом. Эта история — попытка дать достаточно убедительный для себя ответ. Она провалилась, но я, по крайней мере, смог сформулировать то, что меня беспокоило, и в данном случае этого, пожалуй, достаточно.

Этот рассказ — не из политически корректных, и я думаю, что многие читатели — те, кто хотят, чтобы их пугали давно

знакомые призраки или демоны из «Дома ужасов» — придут от него в ярость. Я надеюсь на это. Конечно, я занимаюсь этим делом достаточно долго, но хочется думать, что мне еще рановато усаживаться в кресло-качалку. Истории в сборнике «Ночные кошмары и фантастические видения», по большей части, из тех, которые критики относят (чтобы потом пренебрежительно от них отмахнуться) к категории ужастиков, а рассказу-ужастику положено быть злобной собакой со свалки, которая укусит, если подойти слишком близко. Эта история, думаю, укусит. Собираюсь ли я за это извиняться? А думаете, должен? Разве это не одна из причин — риск, что тебя покусают, — по которым Вы купили именно эту книгу? Я, во всяком случае, так считаю. И если Вы считаете меня добреньким дядей Стиви, Родом Серлингом конца двадцатого столетия, я буду стараться укусить Вас еще больнее. Другими словами, повторюсь: я хочу, чтобы Вы немного пугались всякий раз, когда заглядываете в мою гостиную.

А теперь, после вышесказанного, позвольте добавить: если бы я думал, что «Посвящение» действительно нуждается в защите, я бы никогда не предложил этот рассказ для публикации. История, которая не может защитить себя, не заслуживает опубликования. Битву выиграла Марта Роузуолл, скромная девушка, а не Питер Джеффриз, известный писатель, и это должно подсказать читателю, на чьей стороне мои симпатии.

И еще: мне кажется, что этот рассказ, впервые опубликованный в 1985 году, послужил пробным шаром для романа «Долорес Клейборн» (1992).

«Скреб-поскреб». Моя любимая разновидность рассказа, когда события происходят сами по себе. В романах и фильмах (за исключением фильмов с такими актерами, как Сильвестр Сталлоне и Арнольд Шварценеггер) положено объяснять зрителю, что происходит и почему. Позвольте мне кое-что вам сказать, друзья и соседи: я терпеть не могу таких объяснений, и мои усилия в этом направлении (скажем, модифицированный ЛСД и возникшие под его воздействием изменения в ДНК, результатом которых стали пироки-

нетические способности Чарли Макги в «Воспламеняющей») удачными не назовешь. Однако в реальной жизни крайне редко случается то, что кинопродюсеры в этом году называют «мотивационной красной нитью». Вы это заметили? Не знаю как насчет вас, но меня никто не ссудил руководством к действию. Я барахтаюсь как могу, понимая, что мне никогда не выбраться живым, но прилагаю все силы к тому, чтобы не напортачить слишком сильно.

В рассказах автору иногда еще дозволяется сказать: «Так вышло. Не спрашивайте меня почему». История бедного Говарда Милты и есть такой рассказ, и мне кажется, что его попытки разобраться с пальцем, который высовывается из сливного отверстия в ванной во время телевикторины, — идеальная метафора на тему того, как мы справляемся с неприятными сюрпризами, которые жизнь припасла для каждого из нас: опухолями, несчастными случаями, жуткими совпадениями. Это уникальная возможность для фантастического рассказа — ответить на вопрос: «Почему плохое случается с хорошими людьми?» — «Да ладно вам... и не спрашивайте». В фантастическом рассказе такой мрачный ответ, похоже, нас устраивает. В конце концов, это может быть главной положительной особенностью жанра: он открывает окно (или шторку в исповедальне) на экзистенциальные аспекты наших смертных жизней. Это не вечное движение... но тоже неплохо.

«Рок-н-ролльные Небеса». Как минимум две истории в этом сборнике происходят, как говорит главная героиня этого рассказа, «в странном городке». Один — «Рок-н-ролльные Небеса», второй — «Сезон дождя». Найдутся читатели, которые подумают, что я слишком часто наведывался в «странный городок», а некоторые, возможно, отметят сходство между этими двумя рассказами и историей, написанной мною раньше. Я говорю о «Детях кукурузы». Сходство есть, но означает ли это, что «Небеса» и «Сезон» — сползание в самоповторы? Вопрос деликатный, и каждый читатель должен ответить на него самостоятельно, но для меня ответ — нет. (Разумеется, разве я мог сказать что-то другое?)

Есть большая разница — во всяком случае, для меня — между работой в определенном жанре и самоповторами. Возьмите, к примеру, блюзы. Для блюзов есть только две последовательности аккордов, да и у них много общего. А теперь ответьте мне: раз Джон Ли Хукер играет почти все, что написал, в тональности ми или в тональности ля, означает ли это, что он летит на автопилоте, вновь и вновь повторяя одно и то же? Многие поклонники Джона Ли Хукера (не говоря уже о поклонниках Бо Диддли, Мадди Уотерса, Ферри Льюиса и прочих) скажут Вам, что это не так. Дело не в тональности, в которой играют, скажут Вам *aficionados**, а в душе, которую в нее вкладывают.

То же самое и здесь. Есть определенные архетипы ужастиков, которые возвышаются, как столовые горы в пустыне. Дом с привидениями; мертвец, поднимающийся из могилы; странный городок. Но рассказы не об этом, если Вы понимаете, о чем я. По большому счету, это литература нервных окончаний и мышечных рецепторов, то есть главное в таких рассказах — что Вы *чувствуете*. Что я чувствовал здесь — побудительный мотив для написания этой истории, — так это пробирающую до костей дрожь от осознания, что многие рокеры умирали молодыми или при скверных обстоятельствах (настоящий кошмар для экспертов страховых компаний). Многие юные поклонники музыки считают высокую смертность романтичной, но когда составляешь список от The Platters до Ice T, как это сделал я, начинаешь видеть темную сторону, сторону ползущего Змея. Именно это я и пытался выразить в рассказе, хотя думаю, что история начинает по-настоящему двигаться, и затягивать, и пугать, и вызывать дрожь только на последних шести или восьми страницах.

«Домашние роды». Это, вероятно, единственный рассказ в сборнике, который я написал по заказу. У Джона Скиппа и Крейга Спектора («Свет в конце», «Мост» плюс еще несколько добротных романов в духе сплаттерпанка) возникла идея выпустить сборник рассказов о мире, в котором власть захватили зомби Джорджа Ромеро из его трилогии

* Ревностные поклонники (*исп.*).

«Мертвецов» («Ночь...», «Рассвет...», «День...»). Идея вспыхнула в моем воображении, как «римская свеча», и результатом стал рассказ, действие которого разворачивается на островке у побережья штата Мэн.

«Мой милый пони». В середине восьмидесятых Ричард Бахман пытался написать роман под названием (само собой) «Мой милый пони». Главный герой романа — Клайв Бэннинг, убийца-одиночка, которого нанимают, чтобы собрать команду психопатов с аналогичным складом ума и убить на свадьбе нескольких влиятельных авторитетов преступного мира. Бэннинг и компания успешно выполнили заказ, превратив свадьбу в кровавую бойню, но работодатели кинули их и принялись отстреливать одного за другим. В романе рассказывается о попытках Бэннинга избежать катастрофы, которую он сам и вызвал.

Книга получилась неудачной, зачатой в несчастливое для меня время, когда многое из того, что начиналось очень даже хорошо, рушилось с диким грохотом. Ричард Бахман умер в тот самый период, оставив два произведения: практически законченный роман «Путь Машины», написанный под *его* псевдонимом Джордж Старк, и шесть глав «Моего милого пони». Будучи литературным исполнителем завещания Ричарда, я доработал «Путь Машины», переименовал его в «Темную половину» и опубликовал под своим именем (признав, разумеется, вклад Бахмана). «Мой милый пони» отправился на свалку... за исключением короткого «взгляда в прошлое»: Бэннинг, в ожидании нападения на свадьбу, вспоминает, как дедушка инструктировал его на предмет пластичности времени. Я нашел этот отрывок — практически завершенный рассказ, прямо-таки розу, выросшую на мусорной куче, и сорвал ее, преисполненный благодарности. Как потом выяснилось, рассказ занял достойное место среди нескольких хороших произведений, которые я написал в тот исключительно плохой для меня год.

Рассказ «Мой милый пони» впервые опубликовали в слишком дорогом (и слишком вычурном, на мой взгляд, разумеется) издании Музея Уитни. Позже он появился в бо-

лее доступном (но все равно, на мой взгляд, слишком дорогом и вычурном) издании Альфреда А. Нопфа. А здесь, к моему удовольствию, я вижу его чуть подправленным и более четким, каким ему и полагалось быть с самого начала, одним среди многих, получше некоторых, похуже других.

«Извините, правильный номер». Помните, как в самом начале, за миллиард страниц до этой, я рассказывал о сборниках «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!»? Так вот «Извините, правильный номер» словно сошел со страниц одного из этих сборников. Мысль «а не написать ли телепьесу» пришла ко мне как-то вечером, когда я ехал домой после покупки пары туфель. Я ее буквально увидел, вероятно, потому, что трансляция фильмов по телевидению имеет большое значение. Написал я пьесу практически в том виде, в каком она здесь представлена, в два присеста. Мой агент на Западном побережье — тот самый, что занимается продажей прав на экранизацию, — получил пьесу в конце недели. В начале следующей недели Стивен Спилберг прочитал ее, думая использовать в телесериале «Удивительные истории», который тогда снимался (но еще не вышел в эфир).

Спилберг от этого сценария отказался — по его словам, для «Удивительных историй» они подбирали что-то более оптимистичное, — и я отослал «Номер» моему хорошему другу, с которым сотрудничал много лет, Ричарду Рубинштейну. Он тогда выпускал сериал «Сказки темной стороны», выходивший на нескольких каналах. Не могу сказать, что Ричард воротил нос от счастливых концовок — думаю, хэппи-энд он любит ничуть не меньше, чем любой из нас, — но он никогда не отворачивался от чего-то депрессивного. В конце концов, именно он продюсировал «Кладбище домашних животных» (думаю, после конца семидесятых из всех голливудских фильмов смертью главного героя закончились только «Кладбище домашних животных» и «Тельма и Луиза»).

Ричард купил «Номер» в тот самый день, когда его прочитал, и запустил в производство через неделю или две. Месяцем позже, если меня не подводит память, «Номер» вышел в эфир... как премьера сезона. Насколько я знаю, он

едва ли не быстрее всех других проделал путь от написания до выхода в эфир. Этот вариант, между прочим, — самый первый, чуть длиннее и основательнее того, что пошел в работу, потому что по бюджетным причинам пришлось ограничиться только двумя декорациями. «Номер» включен сюда как пример еще одной формы изложения истории... другой, но ни в чем не уступающей всем прочим.

«Перекурщики». Летом девяносто второго года я шел по Бостону и искал нужный мне дом, который словно прятался от меня. В конце концов я его, конечно, нашел, но прежде нашел эту историю. По городу я бродил в десять утра и вскоре начал замечать людей, кучкующихся перед каждым офисным высотным зданием. Причем состав этих групп, казалось, опровергал все социологические каноны. Плотники запросто болтали с бизнесменами, уборщики — с элегантно причесанными женщинами в деловых костюмах, курьеры — с исполнительными секретарями.

После того как я с полчаса поразмышлял над этими группами — такой гранфаллон* Курту Воннегуту и не снился, — до меня дошло, что для определенной части жителей крупных американских городов вредная привычка превратила перерыв на чашечку кофе в перекур. В офисных зданиях курение нынче запрещено, поскольку американцы спокойно и уверенно проводят одну из самых удивительных революций двадцатого столетия: мы выдавливаем из себя застарелую привычку, проделываем это без шума и суеты, и в результате образуются зоны необычного социального поведения. Люди, не желающие отказываться от вредной привычки — перекурщики, отсюда и название повести, — и образуют эти зоны. Это развлекательная история, но я надеюсь, в ней можно найти что-то интересное о волне перемен, которая — по крайней мере, на время — воссоздает

* Гранфаллон — один из терминов боконизма, религии, изложенной американским писателем Куртом Воннегутом в романе «Колыбель для кошки»; обозначает кажущееся единство какой-то группы людей, бессмысленное по самой сути, с точки зрения божьего промысла.

некоторые аспекты сегрегированных-но-равных заведений сороковых и пятидесятых годов.

«Дом на Кленовой улице». Помните Ричарда Рубинштейна, моего друга-продюсера? Именно он прислал мне мой первый экземпляр книги Криса Ван Оллсбурга «Загадки Харриса Бердика». Ричард прикрепил к книге листок, на котором своим нервным почерком написал два слова: «Тебе понравится». И действительно, этого вполне хватило. Мне понравилось.

Книга состоит из рисунков, названий и подписей, выполненных упомянутым на титульном листе мистером Бердиком: сами истории отсутствуют. Каждая комбинация названия, рисунка и подписи служит некой аналогией чернильных клякс Роршаха и, возможно, проливает больше света на состояние ума читателя/зрителя, чем на намерения мистера Ван Оллсбурга. Один из моих фаворитов — мужчина со стулом в руке. Очевидно, он готов использовать стул как дубинку. Мужчина смотрит на вздутие ковра в гостиной, под которым находится что-то странное и, по всей видимости, живое. Под рисунком написано: «Прошло две недели, и это случилось вновь».

Принимая во внимание мои чувства относительно мотивации, подобные рисунки, конечно же, вызвали у меня интерес. *Что* случилось вновь через две недели? Думаю, значения это не имеет. В наших самых жутких ночных кошмарах мы обозначаем местоимениями все то, что нас преследует, что заставляет просыпаться в поту, трясущимися от ужаса и облегчения.

Моя жена, Табита, тоже вдохновилась «Загадками Харриса Бердика», и именно она предложила, чтобы каждый член нашей семьи написал рассказ на основе одной из картинок. Она написала. И наш младший сын Оуэн (тогда двенадцатилетний) тоже. Табби выбрала самую первую картинку, Оуэн — картинку из середины книги, я — самую последнюю. Плод моих трудов я включил в этот сборник, с любезного разрешения Криса Ван Оллсбурга. Добавить больше нечего, впрочем, упомяну о том, что несколько облегченный вариант этого

рассказа за последние три-четыре года я несколько раз читал ученикам четвертого и пятого классов, и им он вроде бы понравился. Я думаю, больше всего им пришлась по душе идея отправить злого отчима в Далекое далеко. И я, конечно же, их понимаю. Рассказ никогда ранее не публиковался, в основном из-за сложностей с прообразом, и я очень рад включению его в этот сборник. Сожалею, что рядом не нашлось места упомянутым выше рассказам моей жены и сына.

«Пятая четвертушка». Опять Бахман. А может, Джордж Старк.

«Последнее дело Амни». Это, несомненно, стилизация, которую можно сравнить с «Делом Ватсона», но у этого рассказа более честолюбивые устремления. Я страстно любил Реймонда Чандлера и Росса Макдоналда с тех самых пор, как открыл их для себя в колледже (хотя нахожу поучительным и немного пугающим следующее: Чандлера продолжают читать и обсуждать, тогда как удостоенные высших похвал романы с Лью Арчером теперь практически неизвестны вне узкого круга поклонников нуара), и я думаю, что язык этих романов разжег мое воображение, позволил по-новому взглянуть на окружающий мир, лег на душу и сердце одинокого молодого человека, каким я тогда был.

Присутствовал также стиль, который поразительно легко копировался, что в последние двадцать или тридцать лет открыли для себя полсотни романистов. Долгое время я держался подальше от чандлеровского голоса, потому что нигде не получалось его использовать... ничего из написанного мною не укладывалось в интонации Филипа Марлоу.

Но однажды уложилось. «Пишите о том, что знаете», — говорят мудрые Древние нам, жалким кладбищенским останкам Стерна, и Диккенса, и Дефо, и Мелвилла, а для меня это означает преподавание, сочинительство и игра на гитаре... хотя не обязательно в таком порядке. Если брать сочинительство в рамках моей писательской карьеры, то я отношу к себе фразу Чета Аткинса, услышанную однажды вечером по ходу музыкального фестиваля «В границах Остина».

Он посмотрел на зрителей после пары минут бесцельного бренчания на гитаре и сказал: «Мне потребовалось почти двадцать пять лет, чтобы понять, что в этом я не слишком хорош, но потом я стал слишком богат, чтобы завязать».

Со мной произошло то же самое. Мне, похоже, уготовлена судьба возвращаться в странный городок — называйте его Рок-н-ролльные Небеса, штат Орегон, или Гэтлин, штат Небраска, или Уиллоу, штат Мэн, — а также возвращаться к тому, чем я занимаюсь. Вопрос, который мучает меня, и донимает, и не отпускает: кто я, когда пишу? Кто *Вы*, если на то пошло? Что именно здесь происходит, и почему, и имеет ли это значение?

Вот так, памятуя об этих вопросах, я надел федору, как у Сэма Спейда, закурил «лаки» (в эти дни метафорически) и начал писать. В результате получился рассказ «Последнее дело Амни», и из всех историй этого сборника я нахожу его лучшим. Это первая публикация.

«Голову ниже!». Первые деньги за писательство я заработал на спорте (какое-то время я олицетворял собой весь спортивный отдел еженедельника «Лисбон энтерпрайз»), но это никак не облегчило мою задачу. Мою близость к команде «Звезды Западного Бангора» в тот сезон, когда она — хотя в это никто не верил — выиграла первенство штата в Малой Лиге, можно объяснить как удачей, так и судьбой, в зависимости от Вашего отношения к существованию высших сил. Я склонен думать, что они существуют, но в любом случае, я оказался рядом в то время и в том месте, потому что в команде играл мой сын. Тем не менее, я быстро осознал — думаю, быстрее Дейва Мэнсфилда, Рона Сент-Пьера или Нейла Уотермена, — что происходит или пытается произойти нечто экстраординарное. По большому счету, мне не хотелось об этом писать, но что-то твердило и твердило: *Ты должен*.

Мой метод работы, если я чувствую, что перестаю понимать, что к чему, предельно прост: я наклоняю голову и бегу вперед, насколько могу быстро и далеко. Так я поступил и на этот раз: как одержимый собирал статистические

материалы и старался не отстать от команды. Месяц или чуть больше я словно жил в одном из этих шаблонных спортивных романов, которые многие из нас украдкой читали в самые скучные часы, проведенные в классах выполнения домашних заданий. «Вперед к славе», «Неудержимая сила» и — лишь изредка — луч света в темном царстве, вроде «Паренька из Томкинсвилла» Джона Р. Тьюниса.

С трудом мне это далось или нет, но «Голову ниже!» стал для меня шансом, и еще до того как я закончил работу, Чип Макграт из «Нью-Йоркера» уговорил меня отдать ему лучшее написанное мною документальное произведение. Я ему благодарен, но прежде всего, я благодарен Оуэну и другим игрокам, которые сначала сотворили эту историю, а потом разрешили мне опубликовать мою версию.

«Август в Бруклине». Конечно, стихотворение идет в паре с очерком «Голову ниже!», но есть и более серьезная причина для публикации его в этом сборнике, почти в самом конце толстой книги: оно ускользнуло из тесных рамок сомнительной репутации своего создателя и жило спокойной жизнью совершенно от него независимо. Стихотворение несколько раз печатали в различных антологиях околобейсбольной тематики, и всякий раз его выбирали издатели, не имеющие ни малейшего представления о том, кто я такой и чем занимаюсь. И мне это нравится.

Ладно, поставьте сборник на полку и берегите себя до нашей следующей встречи. Прочитайте несколько хороших книг, и если кто-то из Ваших братьев или сестер упадет, а Вы это увидите, поставьте его или ее на ноги. В конце концов, в следующий раз поддерживающая рука может понадобиться *Вам*... или рука помощи, чтобы, к примеру, разобраться с противным пальцем, высовывающимся из сливного отверстия.

Бангор, Мэн
16 сентября 1992 г.

НИЩИЙ И АЛМАЗ

Примечание автора:

Эту маленькую историю — изначально индуистскую притчу — впервые рассказал мне мистер Сурендра Патель из Скарсдейла, штат Нью-Йорк. Я переработал ее, как счел нужным, и приношу извинения тем, кто знал ее в исходной форме, с богом Шивой и его женой Парвати в качестве главных героев.

Однажды архангел Уриил пришел к Богу как в воду опущенный.

— Что тревожит тебя? — спросил Бог.

— Моим глазам предстала великая грусть, — ответил Уриил и указал по ноги, вниз. — Там.

— На земле? — с улыбкой спросил Бог. — Что ж, вот где в печалях недостатка нет. Давай поглядим.

Они наклонились. Далеко внизу они увидели оборванного нищего, который брел по сельской дороге в окрестностях Чандрапура. Очень худого, с покрытыми язвами руками и ногами. Собаки часто с лаем бежали за ним, но он не оборачивался, чтобы их отогнать, даже когда они хватали его за пятки. Просто плелся по дороге, прихрамывая на правую ногу. В какой-то момент красивые, сытые дети со злобными усмешками на лицах высыпали из большого дома и принялись бросать камнями в оборванца, протянувшего к ним пустую миску для подаяний.

© Перевод. Вебер В. А., 2015.

— Уходи отсюда, тварь! — воскликнул один из детей. — Убирайся в поле и сдохни там!

Тут архангел Уриил разрыдался.

— Перестань, перестань. — Бог похлопал его по плечу. — Вот уж не думал, что ты такой чувствительный.

— Нет, конечно, нет. — Уриил вытер глаза. — Просто мне показалось, что этот человек олицетворяет все страдания, когда-либо выпадавшие на долю сыновей и дочерей земли.

— Разумеется, олицетворяет, — ответил Бог. — Это Раму, и такая у него работа. Когда он умирает, на его место заступает другой. Это почетное занятие.

— Возможно. — Уриил закрыл глаза, по его телу пробежала дрожь. — Но смотреть на него невыносимо. Его печаль наполняет мое сердце тьмой.

— Тьме здесь не место, — ответил Бог, — а потому я должен принять необходимые меры, чтобы изменить условия, которые повергли тебя в такое состояние. Смотри, мой добрый архангел.

Уриил посмотрел и увидел, что Бог держит алмаз размером с яйцо павлина.

— Алмаз такого размера и чистоты прокормит Раму до конца жизни и обеспечит всех его потомков до седьмого колена, — добавил Бог. — Если на то пошло, второго такого на земле нет. А теперь... давай поглядим... — Он опустился на четвереньки и бросил алмаз в просвет между двумя белоснежными облаками. Бог и Уриил наблюдали, как алмаз упал точно посередине дороги, по которой шел Раму.

Большой и тяжелый алмаз стукнулся о землю достаточно громко, и будь Раму моложе, он бы, конечно же, услышал этот стук. Но за последние годы слух у него сильно ухудшился. Начали подводить и легкие, и спина, и почки. Только зрение оставалось таким же острым, как и в двадцать один год.

С трудом поднимаясь на холм, понятия не имея об огромном алмазе, который сверкал и переливался в солнечной дымке, поджидая его по ту сторону вершины, Раму глубоко вздохнул... остановился, наклонился, опираясь на посох, потому что вздох его перешел в приступ кашля. Он держался за посох обеими руками, пытаясь совладать с приступом,

и когда кашель уже начал ослабевать, посох — старый, и сухой, и почти такой же изношенный, как сам Раму, — переломился с резким треском, бросив Раму в пыль.

Он лежал на дороге, смотрел на небо и спрашивал себя, почему Бог так жесток. *Я пережил всех, кого любил больше всего,* — думал он, — *но не тех, кого ненавижу. Я стал таким старым и страшным, что собаки лают на меня, а дети бросаются камнями. Последние три месяца мне в рот попадали только объедки, за десять лет я ни разу не вкушал достойную трапезу в кругу семьи или друзей, я вечный странник на этой земле, и нет места, которое я могу назвать домом. И сегодня я буду спать под деревом или под забором, без крыши над головой, которая укрыла бы меня от дождя. Я весь в язвах, спина болит, а справляя малую нужду, я вижу кровь там, где ее быть не должно. Сердце мое пусто, как миска для подаяний.*

Раму медленно поднялся, не подозревая о том, что менее шестидесяти футов дороги и вершина холма скрывают от его все еще острого глаза самый большой в мире алмаз, и посмотрел в подернутое дымкой синее небо.

— Господи, я такой несчастный, — пожаловался он. — У меня нет к Тебе ненависти, но, боюсь, Ты мне не друг, да и остальным людям тоже.

Он этих слов ему чуть полегчало, и он поплелся дальше, задержавшись лишь для того, чтобы поднять с земли более длинную часть посоха. И с первым же шагом принялся корить себя за чрезмерные жалобы на судьбу и несправедливую молитву.

Ибо мне есть за что благодарить Бога, — рассуждал он. — *День, к примеру, восхитительно прекрасный, и хотя здоровье уже не то, я по-прежнему отлично вижу. Какой ужасной стала бы жизнь, если бы я ослеп.*

В доказательство своих слов Раму крепко зажмурился и двинулся дальше, постукивая по земле сломанным посохом, совсем как слепой — тростью. Жуткая тьма окружила его со всех сторон, душила, сбивала с толку. Скоро он уже не имел ни малейшего понятия, движется ли в прежнем направлении или его тянет к краю дороги, и он вот-вот свалится в канаву. Мысль о том, что будет после такого падения

с его старыми, хрупкими костями, повергла Раму в ужас, но он не открыл глаз и продолжал шаркать вперед.

— Это единственное средство, которое может излечить тебя от неблагодарности, старик, — говорил он себе. — Остаток дня ты проведешь, помня о том, что ты, конечно, нищий, но хотя бы не слепой нищий, и от этого будешь счастлив!

Раму не свалился в канаву, но его все-таки повело вправо, когда он поднялся на вершину холма и начал спускаться по склону, поэтому он прошел мимо громадного алмаза, который ярко сверкал в пыли. Левая нога Раму разминулась с ним менее чем на два дюйма.

В тридцати ярдах от алмаза Раму открыл глаза. Яркий свет заполнил их, казалось, потоком хлынул в разум. С огромной радостью смотрел он на подернутое дымкой синее небо, на пыльные желтые поля, на серебристую ленту дороги, по которой шел. Он рассмеялся, увидев птичку, перелетевшую с дерева на дерево, и хотя не оглянулся и не заметил огромного алмаза, который лежал на дороге так близко от него, язвы и боль в спине на какое-то время забылись.

— Спасибо, Господи, за зрение! — воскликнул он. — Спасибо, Господи, хотя бы за это! Возможно, я увижу что-нибудь ценное на дороге — старую бутылку, за которую дадут денег на базаре, или даже монетку, — но даже если и не увижу, с меня довольно. Спасибо, Господи, за зрение! Спасибо, Господи, что Ты есть.

И, всем довольный, он двинулся дальше, оставив алмаз на дороге. Бог протянул руку, подобрал алмаз и вернул на то место под африканской горой, откуда взял его. Потом, словно что-то вспомнив (как будто Бог может что-то забыть), сломал в вельде ветку железного дерева и бросил на дорогу в окрестностях Чандрапура, как раньше бросил алмаз.

— Разница в том, — сказал Бог Уриилу, — что ветку наш друг Раму подберет, и она прослужит ему посохом до конца его дней.

Уриил смущенно посмотрел на Бога (насколько любой — даже архангел — может смотреть на ослепляющее лицо).

— Вы преподали мне урок, Всемогущий?

— Не знаю, — мягко ответил Бог. — По-твоему, преподал?

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Мифы, убеждения, вера и «Хотите — верьте, хотите — нет!». *Перевод В.А. Вебера*. 7
«Кадиллак» Долана. *Перевод Т.Ю. Покидаевой, А.В. Аракелова* 16
Конец всей этой мерзости. *Перевод В.А. Вебера* 75
Детки в клетке. *Перевод В.А. Вебера* 105
Летающий в Ночи. *Перевод В.И. Малахова*. 119
Попси. *Перевод В.А. Вебера* 160
Центр притяжения. *Перевод В.А. Вебера* 174
Клацающие зубы. *Перевод В.А. Вебера*. 191
Посвящение. *Перевод И.Г. Гуровой*. . 225
Скреб-поскреб. *Перевод В.А. Вебера*. 272
Кроссовки. *Перевод В.А. Вебера* . 309
Рок-н-ролльные Небеса. *Перевод В.А. Вебера* . 338
Домашние роды. *Перевод В.А. Вебера* . 384
Сезон дождя. *Перевод В.А. Вебера* . 415
Мой милый пони. *Перевод В.А. Вебера* . 438
Извините, правильный номер. *Перевод В.А. Вебера*. . 464
Перекурщики. *Перевод В.А. Вебера*. . 492
Крауч-Энд. *Перевод Т.Ю. Покидаевой*. . 549
Дом на Кленовой улице. *Перевод Н.В. Рейн* . 587
Пятая четвертушка. *Перевод В.А. Вебера* . 631
Дело Ватсона. *Перевод Н.В. Рейн*. . 648
Последнее дело Амни. *Перевод Т.Ю. Покидаевой, А.В. Аракелова* . 691
Голову ниже! *Перевод М.Б. Левина*. 751
Август в Бруклине. *Перевод Н.И. Сидемон-Эристави* . 806
Послесловие. *Перевод В.А. Вебера* . 809
Нищий и алмаз. *Перевод В.А. Вебера*. 826

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ И ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ

Сборник

Ответственный редактор *А. Батурина*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 27.12.2017. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$ Усл. печ. л. 43,68.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 86.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, ком. 39

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

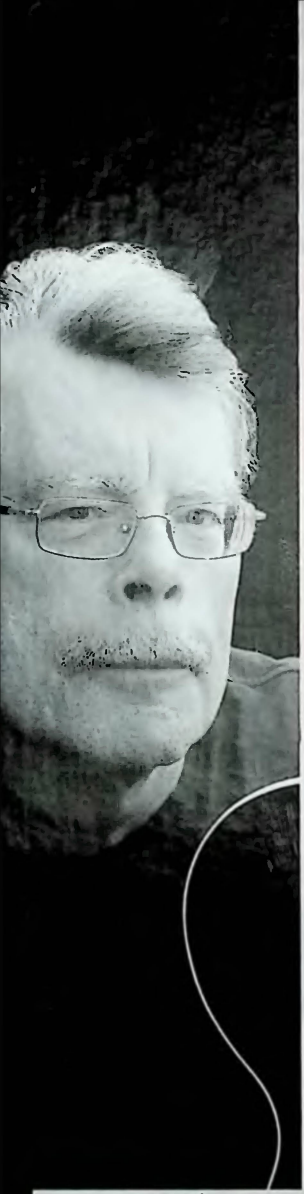
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-104472-5

16+



Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Неверный поворот на дороге приводит супружескую пару в городок под названием Рок-н-ролльные Небеса — и внезапно поездка оборачивается сущим адом...
Бывший заключенный по кусочкам собирает карту местонахождения зарытого клада — но за сокровища ему придется заплатить слишком высокую цену...
Писатель меняется местами со своим персонажем — и оказывается заточен в прошлом...
Стивен Кинг возьмет вас в путешествие в свой мир — мир, где ночные кошмары становятся реальностью и так легко утратить спокойный сон...

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-104472-5